Академия наук Чеченской Республики

Институт гуманитарных исследований

ИСТОРИЯ ЧЕЧНИ

с древнейших времен до наших дней
в четырех томах

Том II

ИСТОРИЯ ЧЕЧНИ. XVI–XVIII вв.

Грозный
2016

УДК 9С (Чеч)
ББК 63.3(2Рос-Чеч)52

Печатается по Постановлению
Президиума Академии наук Чеченской Республики

Редакционная коллегия издания:
Гапуров Ш.А. – д.и.н., профессор, академик АН ЧР,
Президент Академии наук Чеченской Республики
(руководитель – главный редактор)
Магамадов С.С. – к.и.н., профессор, директор Института гуманитарных исследований АН ЧР (заместитель руководителя – главного редактора)
Ахмадов Ш.Б. – д.и.н., профессор, академик АН ЧР
Ахмадов Я.З. – д.и.н., профессор, академик АН ЧР
Багаев М.Х. – д.и.н., профессор
Ибрагимов Муса М. – д.и.н., профессор, член-корреспондент АН ЧР
Мамаев Х.М. – к.и.н., доцент, заместитель директора Института гуманитарных исследований АН ЧР

Редакционная коллегия II тома:
Ахмадов Я.З. (ответственный редактор),
Гапуров Ш.А., Магамадов С.С., Мамаев Х.М.

Руководители II тома:
Я.З. Ахмадов, С.С. Магамадов

Ответственный редактор II тома
Ахмадов Явус Зайндиевич – доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Чеченской Республики

Рецензенты:
Кидирниязов Д.С. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
Сень Д.В. – доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т.
Т. II: История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2016. – с.

Второй том «Истории Чечни», подготовленный Институтом гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, охватывает XVI–XVIII вв. В этот важнейший период произошло складывание единого чеченского народа с общенациональной идеологией (ислам) и системообразующим хозяйственно-национальным центром на Чеченской равнине.

В издании раскрыты вопросы исторической географии, административно-политического устройства, хозяйства и социально-общественного строя страны. Исследуются вопросы политической истории, взаимоотношения с народами Кавказа, Россией, Ираном и Османской империей, складывание терско-гребенского казачества и других групп населения, роль русских городов-крепостей на Тереке.

Отдельной темой настоящего тома является народно-освободительное движение горцев Чечни и Северного Кавказа в 1785–1791 гг. под руководством имама Мансура.

Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой коренных российских народов.

УДК 9С (Чеч)
ББК 63.3(2Рос-Чеч)52

ISBN

© Академия наук ЧР, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7

Раздел первый

Становление единой Чечни, хозяйственное и этнополитическое развитие чеченского народа

Глава I. Географическое и демографическое положение Чечни в XVI–XVIII вв. 11
§1. Территория и природно-климатические условия страны 11
§2. Чечня на этнополитической карте Северо-Кавказского региона 17
§3. Границы Чечни. Расселение и численность чеченцев 23

Глава II. Экономическое развитие Чечни в XVI–XVIII вв. Образование внутреннего торгово-хозяйственного поля 37
§1. Земледелие. Равнинная Чечня как новый зерновой центр Северного Кавказа 37
§2. Скотоводство горной и равнинной зон страны 49
§3. Кустарные промыслы и ремесла 54
§4. Торговые центры и пути сообщения. Внутренняя и внешняя торговля Чечни в XVI–XVIII вв. 66

Глава III. Административно-политическое устройство горной Чечни. Историческая география края 88
§1. Высокогорная часть края: от Малхисты до Кенхи 88
§2. Среднегорная зона Чечни: от Цечоя до Нижала, от Галашек до Ичкерии 112
§3. Общества горной Чечни низкогорного ландшафта 127

Глава IV. Складывание плоскостной Чечни в XVI–XVIII вв.: расселение, освоение, становление 165
§1. Плоскостная Чечня: от Курпа до Ярык-Су, от Карабулака до Ауха. Феодальные владения 165
§2. Династия Турловых и феодальное устроение Чеченского княжества-владения 184
§3. Становление Надтеречной Чечни и Терско-Гребенского казачьего войска 192

Глава V. Исламизация «вольных» обществ Чечни в XVI–XVIII вв. как фактор этнической консолидации чеченцев 211
§ 1. Распространение и утверждение ислама на территории края 211

§2.Традиционная система управления Чечни в XVIII в. и возрастание роли мусульманского духовенства 219
§3. Рост национального и религиозного самосознания в чеченском обществе в конце XVIII в. Шейх Мансур 228

Глава VI. Борьба трех империй за Кавказ. Политическое положение Чечни в XVI–XVII вв. 239
§1. Международные отношения на Северном Кавказе в XVI в. Ших-мурза Окуцкий и установление вассально-союзнических связей с Московским государством 239
§2. Османо-иранские войны и Северный Кавказ. Чечено-русские взаимоотношения в конце XVI – первой половине XVII в. 255
§3. Чеченское княжество и вольные общества Чечни в международных отношениях на Кавказе второй половины XVII в. 264
§4. Участие терско-гребенских казаков и горцев в российских протестных народных движениях 273

Глава VII. Взаимоотношения Чечни с Россией, восточными государствами и кавказскими соседями в XVIII в. 290
§1. Чечня и Северный Кавказ в борьбе с экспансией России, Ирана и Крымского ханства в первой половине XVIII в.: от противоборства с Россией к складыванию системных связей 290
§2. Чечня и кавказские народы в политике России и Османской империи во второй половине XVIII в. Укрепление российской внешнеполитической ориентации 310

Раздел второй

Общественное состояние Чечни и народные движения в XVIII в. Освободительная борьба под руководством имама Мансура

Глава VIII. Основные черты общественно-социального строя Чечни к концу XVIII в. 340
§1. Итоги поступательного хозяйственного развития Чечни 340
§2. Особенности социальной стратификации чеченского общества в XVIII столетии 359
§3. Административно-политическое устройство «вольных» обществ и феодальных владений Чечни накануне движения имама Мансура 368
§4. Органы управления в чеченских обществах в XVIII в. и «Мехк-кхел». Адаты и шариат 381

Глава IX. Начало народно-освободительного движения в Чечне. Шейх и имам Мансур 400
§1. Складывание предпосылок национально-освободительного движения горских народов. Повстанческие движения в Чечне в XVIII в. 400

§2. Начало политической деятельности шейха и имама Мансура 412
§3. Разгром Алдынской экспедиции царских войск 421

Глава X. Развертывание народно-освободительного движения под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. на Северном Кавказе 431
§1. Укрепление авторитета имама Мансура на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Первая Кизлярская кампания 431
§2. Второй поход восставших горцев на крепость Кизляр и сражения в Малой Кабарде. Уроки поражения 441
§3. Мансур – вождь черкесов и ногайцев Северо-Западного Кавказа. Завершающий этап движения 454
§4. Особенности выстраивания российско-чеченских связей на рубеже XVIII–XIX вв. Воздействие движения имама Мансура 468

Глава XI. Этнокультурные связи Чечни с народами Кавказа и России в XVI–XVIII вв. 487
§1. Переселение на Терек русских, ногайцев, армян, грузин и других народов 487
§2. Чеченцы в русских поселениях и крепостях в XVI–XVIII вв. 493
§3. Политические и этнокультурные взаимоотношения чеченцев с народами Северного Кавказа 497

Глава XII. Традиционная материальная и духовная культура Чечни (по источникам XVI–XVIII вв.) 507
§1. Материальная культура чеченцев 507
§2. Традиционные общественные ценности и духовная культура чеченцев 519
§3. Российская академическая наука о Чечне и чеченцах 531

Заключение 543
Указатель источников иллюстраций 547
Список сокращений 551
Хронология истории Чечни в XVI–XVIII вв. 553
Библиография 585

ВВЕДЕНИЕ

Чеченская Республика – равноправный субъект Российской Федерации, образованный одним из древнейших народов мира. Научное исследование ее истории и обобщение достигнутых результатов имеет важное значение. В предпринимаемом Академией наук Чеченской Республики издании «История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 4-х томах» настоящий том является вторым по счету. Здесь рассматривается история Чечни и чеченского народа в пределах XVI–XVIII вв., что в периодизации мировой истории составляет первый этап Нового времени (характерный образованием мирового рынка, развитием книгопечатания и техники, экспансией европейской цивилизации в страны Азии, Африки и Америки, ломкой феодальных отношений и становлением капиталистического уклада).

Для нашей небольшой страны данная эпоха был ознаменована, прежде всего, формированием национального единства, принятием и утверждением монотеистической религии – ислама, крупными для Чечни и чеченцев сдвигами экономического и общественно-политического характера, протекавшими на фоне «эпохального» для местной истории возвращения чеченцев на плоскость и ее освоения. В этот период шло практическое взаимодействие местного торгово-хозяйственного поля с российской экономической системой, с восточными и северокавказскими рынками.

В указанный период в Чечне широко распространилось огнестрельное оружие, появилось производство пороха, усилилась добыча нефти, свинца и серебра, развивается металлообработка, выросло шерстяное и войлочное производство, шло освоение новых зерновых и технических культур (кукуруза, рис, марена, хлопок и табак) и т.д. Все это сказывалось на социально-общественной ситуации в Чечне и развитии политических процессов, приобретавших невиданный ранее динамизм.

На современном этапе развития российской исторической науки как никогда высока потребность в обобщающих трудах по актуальным проблемам истории всех народов и субъектов, входящих в состав Российской Федерации, включая Чеченскую Республику. Это вполне объяснимо, ведь только всестороннее законченное исследование истории отдельной области, республики или региона нашей страны в формате обобщающей академической работы может послужить основой для создания единой истории такого огромного многонационального государства, как Россия.

Как известно, Чечня является частью Северного Кавказа – крупного географического региона, многочисленные этнические единицы которо-

го, наряду со своеобразием, имеют глубокую общность исторических судеб. При этом в истории региона большую роль играли и играют народы т.н. нахо-дагестанской семьи языков, занимающие территорию от бассейна р. Самур на юго-востоке до верхнего течения Терека на западе. В период XVI–XVIII вв. в основной части собственно нахской среды (в границах от рр. Акташ-Аксай, Андийского и Снегового хребта на востоке и юго-востоке до верхнего Терека на западе, от Главного Кавказского хребта на юге до Терека в нижнем течении на севере) происходило формирование чеченского народа, который в результате внутренней этнической консолидации, освоения равнин и исламизации вырастает в серьезный субъект исторического процесса на Кавказе.

Настоящий том академической «Истории Чечни. XVI–XVIII вв.» задумывался как научное исследование вопросов нациеобразования, исторической географии, этнической, общественно-политической и социально-экономической истории одного из крупнейших коренных кавказских народов, отмеченного наличием своеобразных черт «горско-кавказской цивилизации» и развивавшегося в указанный период на стыке двух глобальных цивилизационных (европейской и восточно-исламской) «плит».

Наличие разновекторных цивилизационных начал, складывавшихся вокруг Чечни на протяжении XVI–XVIII вв., наряду с собственным, весьма специфическим, общественно-экономическим типом и культурным менталитетом, определили своеобразие развития чеченской нации как исторического феномена. Вместе с тем, указанные особенности чеченского народа ни в коей мере не несли в себе конфликтного начала.

В XVI–XVIII вв. на Кавказе и вокруг него идет схватка трех империй – России, Ирана и Турции – за гегемонию в регионе. Поэтому во внешнеполитическом плане в данной работе исследуются и вопросы превращения Чечни в активный субъект политических дел на Северном Кавказе, не только расширявшего свое влияние в регионе, но и оказывавшего активное сопротивление экспансии великих империй. Потому можно еще раз подчеркнуть, что хронологические рамки настоящего труда проистекают не только из особенностей внутреннего развития чеченского народа, но и из характерных этапов политики великих держав на Кавказе, политического развития соседствующих с Чечней собственно горских и кавказских государств, феодальных владений и союзов «вольных обществ».

В целом в порядке первоочередных задач здесь подняты вопросы, связанные с исторической географией Чечни, общественно-политическим устройством страны и хозяйственными занятиями чеченцев в XVI–XVIII вв. Развитие земледелия, скотоводства и ремесел в ходе внутренней колонизации горцами равнинных земель Чечни послужило важнейшим фактором консолидации на-

ции. К основным вопросам отнесено также распространение и утверждение ислама как влиятельного фактора становления чеченской нации.

По вполне понятным причинам важное место в труде занимают вопросы чечено-российских отношений как определяющих политическое положение страны в XVI–XVIII вв. Прослеживается в основных чертах и эволюция политики России в данном регионе – от поисков союзников и подданных для царского трона в XVI–XVII вв. (например, посольство в Москву от чеченского князя Ших-мурзы Окуцкого и выдача ему царской жалованной грамоты) до попыток колониальной инкорпорации страны в XVIII в. Немалое место уделяется русскому населению края того времени – терско-гребенскому казачеству и русским городам-крепостям.

Все это тем более важно, что без разрешения проблемы взаимоотношений народов Чечни с Россией в XVI–XVIII вв. невозможно написать подлинно научную историю страны, осмыслить как ожесточенное сопротивление горцев экспансии царизма, так и совместную борьбу трудовых масс чеченцев, русских и других народов против социального и национального гнета. Весьма актуально исследование вопросов торгово-хозяйственного взаимодействия на Тереке и позитивного взаимовлияния русской и горской культур.

Общественные процессы, происходящие сейчас в России, требуют адекватных усилий представителей исторической науки по формированию объективных знаний о прошлом. Представляется, что данная работа объективно окажется полезной в деле преодоления взглядов маргинальной части современной российской историографии, имеющих тенденцию к реанимации и «творческому» развитию тезисов апологетов завоевательной политики царизма на Кавказе. Тех самых, кто представлял горцев имманентно агрессивной нападающей стороной, а их общественный строй безнадежно отсталым, едва ли не родоплеменным. Хотя при этом априори понятно, что современные авторы, исповедующие подобные взгляды, ничего общего ни с наукой, ни с господствующими взглядами в российском гражданском обществе не имеют.

Сегодня историей Чечни все чаще стали интересоваться не только иранские, турецкие и арабские ученые, но также историки Западной Европы и США. Много внимания уделяется, например, истории отношений с горцами Северного Кавказа Крымского ханства – вассала Стамбула. Причем, к примеру, западные, панисламистские и пантюркистские историки все чаще обращаются именно к периоду XVI–XVIII вв., когда шахи, султаны и ханы достигли наибольших успехов во внешних захватах, в том числе и в регионе Кавказа.

Особое место в данном томе занимает проблема массовых народных движений в Чечне и в особенности народно-освободительного движения горцев Чечни и Северного Кавказа под руководством шейха и имама Мансура

в 1785–1791 гг. Оно затронуло политические интересы двух великих держав того времени – Российской империи и Оттоманской Порты, а также определило дальнейшее развитие политического сознания практически всех народов Северного Кавказа.

Здесь также в немалой степени исследуются вопросы исторической географии нахов-чеченцев, складывания единого хозяйственного поля, образования феодальных владений-княжеств, в сочетании с освещением проблем общественного строя и управления, адатов, духовной и материальной культуры. Самостоятельное значение имеет и широкий фактологический материал, приведенный авторами, зачастую впервые вводимый в научный оборот.

Научно-практическое значение настоящей работы, на наш взгляд, проявляется и в том, что она дает систематизированное представление о важнейших сторонах истории складывания и развития чеченского народа за большой временной период на основе научно выверенных фактов, извлеченных из достоверных источников. Тем самым объективно закрывается значительный пробел в российской, кавказской и чеченской историографии[1].

Необходимо отметить, что изучение поднятых в данном исследовании вопросов наталкивалось на ряд трудностей объективного характера, вытекающих из неразработанности в исторической науке целого ряда важных аспектов прошлого чеченского народа. Авторы вполне допускают, что положения и выводы данной «Истории…» могут и должны быть дополнены и доисследованы в ходе дальнейшего развития исторической науки.

Авторский коллектив второго тома: «Введение» – Ш.А. Гапуров, «Заключение» – Я.З. Ахмадов; гл. I–IV – Я.З. Ахмадов; гл. V – Я.З. Ахмадов (§1 – в совторстве с В.Х. Акаевым), Д.Б. Абдурахманов (§3); гл. VI–VII – Я.З. Ахмадов (§1 гл. VI в соавторстве с Т.С. Магомадовой, §2 гл. VI в соавторстве с А.Д. Осмаевым, §2 гл. VII в соавторстве с Л.Ш. Саралиевой); гл. VIII–IX – Ш.Б. Ахмадов; гл. X – Ш.Б. Ахмадов (§1–3), Ш.А. Гапуров (§4); гл. XI–XII – Ш.Б. Ахмадов. «Хронология истории Чечни в XVI–XVIII вв.» составлена Я.З. Ахмадовым с частичным использованием данных Абузара Айдамирова и Дукувахи Абдурахманова.

[1] Понятно, что в исследовании прошлого Чечни и чеченского народа в XVI–XVIII вв. было сделано немало и ранее в трудах таких историков, как: Е.Н. Кушева, Н.Г. Волкова, В.Г. Гаджиев, Н.П. Гриценко, Т.А. Исаева, Ф.В. Тотоев, Ш.Б. Ахмадов, Т.Х. Муталиев, Г.А. Гантемирова, Я.З. Ахмадов, Т.С. Магомадова и др. Большое место занял исследуемый период в коллективном труде «История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 1» (Грозный,2006), вышедший под эгидой Академии наук Чеченской Республики (здесь авторами соответствующих глав выступили Ш.Б. Ахмадов и Я.З. Ахмадов) и в других работах: Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII в. Грозный, 2012; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001; Его же: Очерки исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII вв. М., 2009; и др.

Раздел первый

СТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОЙ ЧЕЧНИ, ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЧЕНСКОГО НАРОДА

Глава I. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧНИ В XVI–XVIII ВВ.

§1. Территория и природно-климатические условия страны

Складывание Чечни (Нохчийчоь, ДегIаста, Даймохк) как страны, а также формирование собственно чеченского народа на базе единого нахского этномассива носило длительный многовековой характер и закончилось в основных чертах в течение XVI–XVIII вв.

Чечня, чеченцы – это экзоним, появившийся в русских и дагестанских источниках начиная со второй половины XVII в., в основу которого легло название феодального Чеченского владения-княжества с центром в крупном плоскостном селении – Чечен-Аул (вместе с тем в индоевропейской лексике есть термин «чечен/чачан» – красивый, что придает данному экзониму куда более долгую историю). Этноним Нахчийчоь/Нохчийчоь на чеченском языке означает «жилище/страна/место обитания нахчой/нохчой». «Нахчой/нахчи/нохчи», в свою очередь, – автоэтноним (самоназвание) чеченцев, в буквальном переводе на русский язык – «люди», «наши люди». Еще в XIX в., не говоря уже о более раннем времени, чеченцы обозначали себя «нахчуо», а не «нахчи/нохчи» как сегодня. Еще один этноним «нахи/вайнахи» объединяет горцев, говорящих на нахских языках нахо-дагестанской (восточнокавказской) группы языков, в первую очередь чеченцев и ингушей.

Исторически чеченцам был знаком и термин «ДегIаста» – означает Дагестан (с иранск. яз. – «Страна гор»). Так называли, по крайней мере, с эпохи позднего средневековья, Северо-Восточный Кавказ с населяющими его многочисленными народами. В связи с увеличением населения и ростом политической значимости Чечня к началу XVIII в. определяется как самостоятельная географическая область. Есть еще одно самоназвание Чечни, кроме Нохчийчоь и ДегIаста, это Даймохк; переводится с чеченского как «земля отцов», «отчизна».

При рассмотрении вопроса о территории Чечни в XVI–XVIII вв. необходимо учитывать наличие нескольких типов границ: географические границы исторической территории, этнотерриториальная граница (ареал расселения этноса), зона политического влияния на соседние земли и, наконец, пределы освоения территории в хозяйственных целях.

Историческое ядро Чечни (протяженность страны на сегодня с севера на юг 170 км, с запада на восток более 130 км) находится в северо-восточной части Северного Кавказа (42 градуса 28 минут – 44 градуса 01 минута северной широты и 44 градуса 28 минут – 46 градусов 40 минут восточной долготы), на склонах Кавказского хребта (протянувшегося с запада на восток от Черного моря до Каспия почти на тысячу километров). Хребет разграничивает на данном участке земной суши Европу и Азию.

В физико-географическом отношении Чечня делится на несколько ландшафтных зон, вытянутых в широтном направлении с запада на восток. Так, высокогорная часть страны (от 4,5 до 3,0–2,5 тыс. м над уровнем моря) заключена в системах т.н. Бокового хребта (параллельное ответвление Главного Кавказского хребта, вершины которого покрыты вечными снегами и ледниками) и расположенным параллельно севернее от него Скалистым хребтом. С Боковым хребтом под углом сходится тянущийся с северо-востока на юг т.н. Снеговой хребет (3308 м), который, наряду с его продолжением – Андийским хребтом (2736 м), отделяет юго-восточные пределы горной Чечни от Нагорного Дагестана.

Высокогорная часть Чечни почти лишена почвы и лесной растительности, за исключением некоторых ущелий и речных участков. На чеченском языке вершины Главного и Бокового хребтов называются «башлам» (букв. «высшие» горы). В связи с эпохальным похолоданием начиная с XIV по XVII в. здесь наблюдался т.н. «малый ледниковый период», когда в горах Чечни, как и на всем Кавказе, произошло увеличение площади ледников и выросла длительность снежного периода.

Вторая ландшафтная зона – среднегорная (от 3,0–2,5 до 2,0–1,5 тыс. м над уровнем моря) вытянута зигзагообразно между Скалистым и Пастбищным хребтами также в широтном направлении, представляет собой «корт» – вершины, покрытые частично лесом, а по большей – части альпийскими лугами, с которых летом снег полностью сходит.

Наконец, самая северная полоса гор высотой от 600 до 1,5 тыс. м над уровнем моря, покрытых, как правило, густыми буково-дубовыми лесами и другой богатой растительностью, включая рощи диких плодовых деревьев, называется «арц» (Лесистый хребет, Лесные или Черные горы). Условно пространство между Пастбищным хребтом и Лесными горами можно назвать областью низкогорного ландшафта.

Таким образом, южная часть Чечни имеет 4 условно параллельных, вытянутых в зональном направлении системообразующих хребта: Черные горы, Пастбищный хребет, Скалистый и Боковой хребты, которые сформировали соответственно три горных ландшафта (высокогорный, среднегорный и низкогорный). Кстати и особенность «народной географии», как отметил следом

за чеченским этнографом У. Лаудаевым русский географ К.Ф. Ган, состояла в обыкновении делить горную часть страны на такие системы, как: «башлам», «лам» (корт) и «арс» (арц)[1].

Зона горных лесов Чечни в свою очередь условно делилась на 2 части – «пояса». Первый пояс располагается на высоте от 400 до 1200 м, а второй, верхний – от 1200–1800 м. Если нижний пояс был по составу деревьев и кустар-

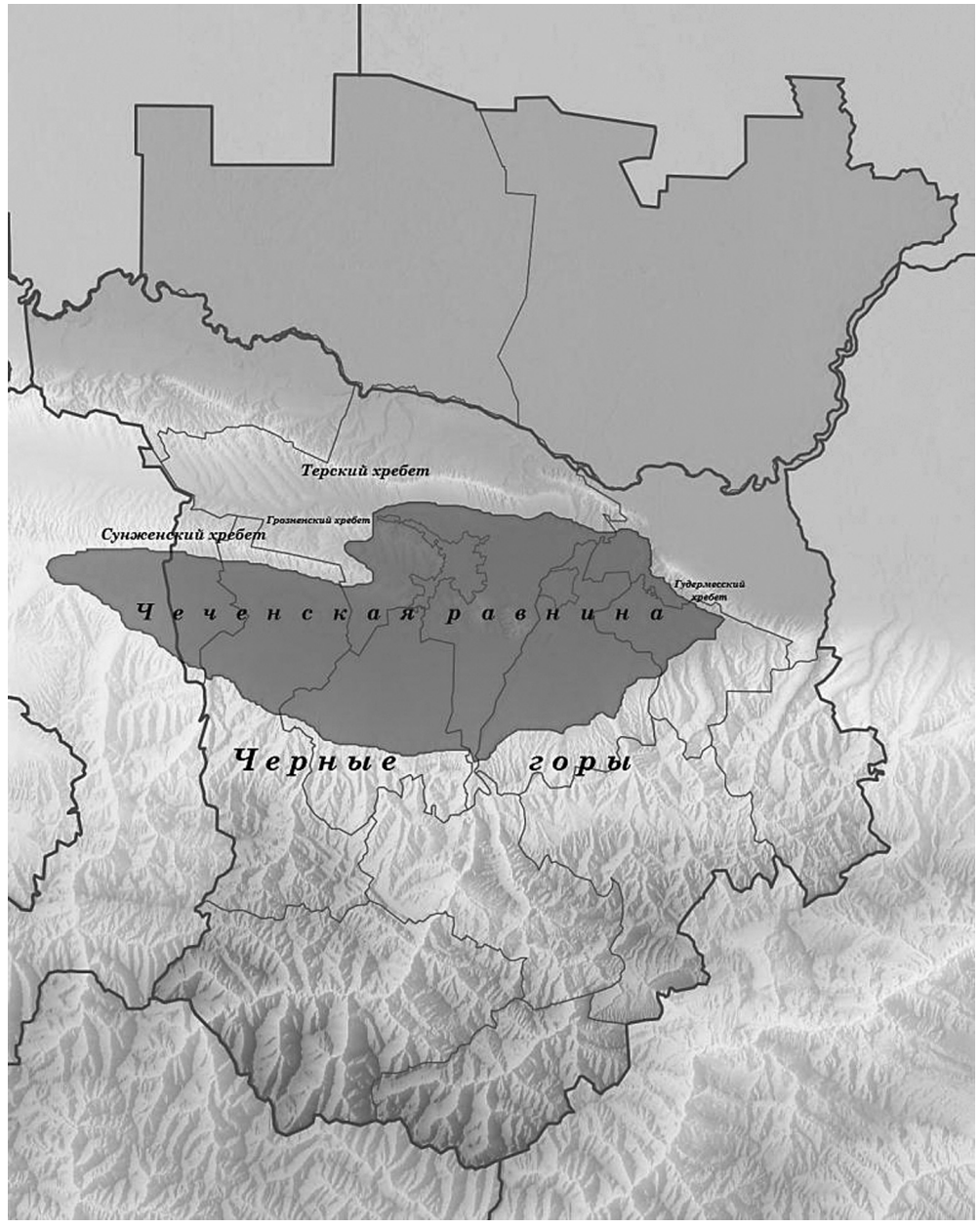

Рис. 1. Чеченская равнина (совр. карта)

ников близок к равнинным лесам, то в верхнем поясе состав пород менялся. Верхнего предела достигали последовательно клен, сосна и береза. За зоной лесов начиналась горно-луговая зона, представленная 3 поясами: субальпийским (с 1800 м), альпийским (до 2700 м) и субнавальным (3200–3800 м). Причем в последней зоне отсутствует сплошной растительный покров, а низкотравье разбросано редкими островами.

От подошвы Черных гор на юге до бассейна р. Сунжа на севере, текущей в основном своем течении с запада на восток, располагается лесистая плоскость (Чеченская равнина), замыкаемая на востоке невысоким Качкалыковским хребтом, а на западе отрогами тех же Черных гор. Ее протяженность в длину – 100–120 км, а ширина достигает 30-50 км. Густые леса Чеченской равнины разрежались обширными полянами с глубокими черноземами, орошаемых массой речек и родников.

Между Сунжей и Тереком (в среднем течении) почти параллельно с запада на восток идут два невысоких хребта («регIаш»), называющиеся соответственно Терским и Сунженским, а то и Терско-Сунженским хребтом и Терско-Сунженской возвышенностью. Между ними располагается безводная Алханчуртская долина со степной растительностью. Сравнительно неширокая, обильная травами плоская полоса между Терским хребтом и обрывистым правым берегом Терека, вытянутая в широтном направлении, носит название Надтеречной равнины.

Река Терек, пересекающая территорию Чечни в широтном направлении в своем среднем и нижнем течении, по своим берегам была покрыта густой, хотя и узкой полосой леса (главным образом, дуб и тополь).

На север от Терека на сотни километров протянулась Терско-Кумская низменность (т.н. Бурунная степь) с растительностью, характерной для зоны сухих степей и полупустынь. Бурунная степь не имела источников воды, кроме дождей, выпадавших, за исключением отдельных лет, весьма скупо. Однако в исследуемый период степь была увлажнена значительно, что позволяло вести круглогодичный выпас домашнего скота и создавало условия для размножения парнокопытных и крупнорогатых диких животных.

Гидрография Чечни в XVI–XVIII вв. была чрезвычайно богата. Кроме десятков рек и речек, здесь на каждом шагу встречались ручьи, родники и озерца. Самой крупной рекой Чечни являлся Терек (Ломе-хи, Таьрк), главным притоком которой была р. Сунжа (Соьлжа). Реки почти всей остальной Чечни составляли бассейн Сунжи. Она берет свое начало на юге с лесных отрогов (сегодня на территории Ингушетии) откуда течет на север до пологих вершин Назрани (Несар), где поворачивает к востоку и делает путь почти в сто километров до впадения в Терек (ниже Брагунского отрога Терского хребта).

По ходу своего течения Сунжа принимает с правой стороны такие речки и реки, как Яндери, Асса/Асхи/Эсхи (крупным притоком которой является

в свою очередь Фортанга), Валерик, Гехи, Мартанка, Рошни, Гойта и Аргун. Последняя – одна из самых значительных рек Чечни, берущая начало в горах Грузии и Чечни от ледников Бокового и Большого хребта. Она образуется слиянием двух рек – Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, прорезавших в горах значительные ущелья, в т.ч. и каньонного типа.

Восточнее Аргуна в Сунжу впадают 2 реки, которые берут начало из гор Андийского хребта: это Джалка (Басс), вбирающая в себя ряд других более мелких речек, и Гумс (Белка, Белая) с такими значительными притоками, как Хулхулау и Мичик.

В пологих и лесистых горах Нохч-Мохка (Восточная Чечня, Ичкерия) где выпадают обильные дожди, пополняются многими ручьями и текут к Тереку реки Аксай (Ясса), Яман-Су, Ярык (Ерк)-Су и Акташ, истоки которых имеют свое начало на юго-востоке страны с вершин водораздельного Андийского хребта[2].

Ни одна из указанных рек Чечни не являлась судоходной – даже по Тереку и Сунже можно было плавать только на лодках. Правда, они годились для сплава леса, чем чеченцы в том же XVIII в. широко пользовались, сплавляя лес на продажу в низовья Терека жителям русских крепостей и станиц.

В двух вариантах «Книги Большому Чертежу», составленных в правление Бориса Годунова (1598–1605 гг.) и дополнявшейся до 1627 г., отражены отдельные данные по гидрографии Чечни:

«А ниже Курпы реки 20 верст пал в Терек, с правые стороны, колодезь горячеи.

А ниже того колодезя, 40 верст пал в Терек другой колодезь горячеи.

А ниже колодезя горячего пала в Терек река Сунжа.

А в Сунжу реку пала река Белая да река Быстрая.

А от верху до усть реки Сунжи 200 верст, а рекою и больши.

А против устья реки Сунжи, на другой стороне Терека, острог.

А от острогу вниз по Тереку, 170 верст… потекла из реки Терека к морю протока Вспольная Быстрая…

А ниже Быстрая 20 верст протекла протокою река Тюменка…

А на усть реки Тюменки город Тюменский; а ниже Тюмени протока Терек, пала река Терек от Тюмени в море 30 верст»[3].

Наиболее крупными озерами Чечни являлись высокогорные водоемы Кезеной-Ам (длина до 3 км, ширина 750 м) и Галанчож-Ам (диаметр до 400 м).

Если природные условия горной Чечни в XIX в. отмечаются наблюдателями как весьма благоприятные: «Это пышный сад, засаженный и разукрашенный самим Богом»[4], то не совсем таковыми они являлись столетием раньше, когда в высокогорной части наблюдался своеобразный малый ледниковый период. Так, имеются реалистические предания о переселении в XV–XVII вв.

групп жителей отдельных западнонахских обществ из Галанчожского, Джейраховского и Архотского (ныне территория Республики Грузия) ущелий вследствие суровости климата в более благоприятные районы[5].

На основной же части низкогорной и равнинной территории Чечни, от Пастбищных гор на юге и до течения Сунжи на севере, где и проживала к XVIII в. основная масса населения, господствовали сравнительно мягкие зимы и наблюдался высокий уровень осадков летом. Причем дожди шли равномерно. Почвы были преимущественно черноземные, дававшие высокие урожаи и быстрый рост растениям.

Еще в XVII в. от российских посланцев, направляемых в горы Чечни, требовалось, помимо сбора политических данных, разузнавать «хлеб в их земле родитца ли, …и что в их земле родитца»[6]. Отрывочные наблюдения над климатом Чечни делались и в XVIII в., такими учеными, как Штедер, Фальк, Гильденштедт (Гюльденштедт), и различными российскими агентами. Так, некий кизлярский уздень Ашур Агаев, направленный весной 1748 г. из Кизляра на разведку в высокогорное общество ЧІеберлой отметил, что: «От стужи гористых и снежных мест всегда бывает воздух свежей, ибо и сего майя в первых числах еще в жилищах их на полях старого снегу много».

Многолетние научные наблюдения показывают, что в Чечне на высотах 2,5–3,0 тыс. м устойчивый снежный покров появляется в сентябре и держится до конца мая, на высотах 1500–1600 м средняя температура июля равнялась 15˚, в то время как на Чеченской равнине в интервале 22–24˚. Зимой здесь другая картина, средняя температура понижается по мере увеличения высоты с –4˚ на равнине, до –11˚ на высотах 3,0 тыс. м. Вместе с тем, в горах, особенно в закрытых котловинах, количество солнечных дней зимой значительно выше, чем на равнине, выше здесь и цифры осадков, доходя на Пастбищном хребте до 800–1000 мм в год, в то время как северные степные районы Чечни – Алханчуртская, Надтеречная равнины и Бурунная степь – летом страдали от засух и суховеев.

Более поздние наблюдатели поражались «растительною силою природы и гигантскими размерами деревьев» в богатых чеченских лесах на равнине, которые состояли из бука, дуба, клена, ясеня, липы, карагача, орешника, массы дикорастущих плодовых деревьев. Деревья обвивали лианы и дикорастущий виноград. Среди лесов располагались «обширные… поляны и тучные луга»[7].

В дремучих лесах равнин и гор во множестве водились олени, кабаны, волки, лисицы, шакалы зайцы, дикие козы, медведи, барсы, горные козлы и туры. Массами встречались фазаны, дикие гуси, утки, перепела и другая птица. В Тереке и низовьях Сунжи водились все рыбы Каспийского моря, в том числе и осетровые. Практически во всех реках и озерах Чечни встречалась форель, сом, усач, лосось, щука, карась и голавль[8].

Степные притеречные районы Чечни отличались богатыми пастбищами и сенокосами. В конце XVIII в. на орошаемых землях Притеречья снимали хорошие урожаи риса, кукурузы, табака и винограда.

В горной части Чечни имелись и рудные ископаемые: небольшие выходы меди, серебра, свинца, железа, угля и серы. В XVI–XVIII вв. отмечена добыча меди, свинца и серебра в верховьях Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна. Но добыча руды и выплавка металлов велась примитивными способами и в весьма незначительных масштабах[9].

В Чечне были издавна известны природные выходы нефти. Так, естественные нефтяные ключи на Терско-Сунженской возвышенности отмечены в источниках с начала XVII в., а нефтяной источник близ сел. Беной в восточной части Чечни эксплуатировался по крайней мере с середины XVII в. В XVIII в. добыча нефти в Чечне велась уже из искусственных колодцев и предназначалась на продажу, главным образом на русской Кавказской Линии[10].

Выходы минеральных и горячих вод на Терско-Сунженском хребте, таких как термальные воды близ селений Брагунов и Девлетгирей-Юрта (Старый Юрт), а также на Качкалыковском хребте близ Мелчхи (Исти-Су), использовались горцами в производстве войлоков и бурок, а также для лечения. Первые факты использования «теплых вод» на территории Чечни в лечебных целях русскими людьми относятся к середине XVII в. В 1717 г. некоторые «теплицы» на территории Чечни были обследованы доктором Шобером, а в 1772 г. академиком И.А. Гильденштедтом. В частности, Брагунские теплые воды посетил царь Петр Первый в 1722 г. (после чего они наносились на карту под именем Петровских). В середине XVIII в. российские власти пытались устроить постоянную лечебницу у одного из минеральных источников на Терско-Сунженском хребте[11].

Широкое применение находили в Чечне выходы гончарной глины и строительного камня. Но главным природным богатством оставались, конечно, богатые почвы, корень-марена, лес с его разнообразным поделочным и строевым составом, богатые степные и горные луга, дикорастущие плоды и ягоды.

Таким образом, природно-климатические особенности и природные богатства края в целом благоприятствовали успешному развитию Чечни в сложных исторических условиях исследуемого времени. Однако имеющийся «природный» потенциал не мог быть задействован в полную силу ввиду известного географического отстояния края от морских и сухопутных торговых путей мирового или континентального значения.

§2. Чечня на этнополитической карте Северо-Кавказского региона

Мир горских народов Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. складывался из представителей четырех языковых групп – абхазо-адыгской, нахо-

дагестанской, тюркской и иранской. В течение исследуемого времени Северный Кавказ представлял собой весьма сложный в национальном, политическом и религиозном отношении регион. Многочисленные народы края различались, хотя и не стадиально, в своем социально-экономическом положении и в культурно-общественном развитии.

Представители адыгских этнических групп с древности населяли Северо-Западный Кавказ и приморские районы Черного и Азовского морей до течения р. Лаба на северо-востоке. При этом преимущественно равнинная территория от верхней части бассейна рр. Кубань-Кума на западе, до левого берега р. Сунжа в верхнем течении на востоке, была освоена восточными адыгами (позднее сложившимися в кабардинский этнос) сравнительно поздно: в XV–XVII вв. Родственная адыгам абазинская народность располагалась в горных верховьях рр. Баксан, Уруп, Лаба и Зеленчук.

Примерная численность адыгских народов в XVIII в. составляла: западные адыги (абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, жанеевцы, шапсуги и др.) – в пределах 235–400 тыс. человек, кабардинцы – 200–250 тыс., абазины до 10–12 тыс.

В нагорной части Северо-Западного и Центрального Кавказа жили носители тюркского языка – близкородственные карачаевцы и балкарцы. Они занимали ущелья верховьев рек Большой и Малой Лабы, Кумы, Баксана, Чегема и Урвани. Восточнее балкарцев, начиная от течения р. Урух и до бассейна верхнего течения Терека, в ущельях гор, образованных притоками Терека – Урух, Урсдон, Ардон, Фиагдон и Гизельдон, проживали ираноязычные осетины. Часть осетин находилась на южных склонах Главного Кавказского хребта в Грузии. По разным данным число карачаевцев и балкарцев доходило до 20 тыс., а осетин до 35 тыс.[12]

От Дарьяльского ущелья на западе до Андийского хребта и бассейна рр. Аксай-Акташ на востоке, между Кавказским хребтом на юге и нижним течением Терека на севере издревле расселялись нахи. В пределах указанной территории в течение XVI–XVIII вв. из подавляющей части нахских обществ сложился чеченский этнос, а к XIX в. из нескольких западных нахских обществ (верховья Ассы, по Камбилеевке и участку Терека) и ингушская народность. Численность чеченцев по данным конца XVIII в. колебалась в пределах 150–200 тыс., а ингушей – 10–16 тыс. (встречаются и меньшие, и большие цифры)[13].

В XVIII в. из галанчожских обществ стала было выделяться еще одна нахская группа – чеченцы-арштхойцы (орстхойцы), более известные в литературе как карабулаки. Их аулы и общества располагались по рр. Асса, Фортанга и Сунжа. Численность карабулаков определялась в источниках в пределах 6–8 тыс. человек. Однако этногенез карабулаков в связи с принятием ими

ислама в конце XVIII в. – начале XIX в. оказался окончательно слит с этногенезом собственно чеченцев.

Еще одна, весьма древняя, нахская народность – бацой (туш-бацой), территориально располагалась в Закавказье на межгорье между Боковым (Тушетским) и Главным Кавказским хребтами (Тушетия) в границах Грузии. Численность бацбийцев в изучаемое время не превышала несколько тысяч человек.

Восточнее и юго-восточнее нахских земель, на пространстве от вершин Андийского и Снежного хребтов на западе до берегов Каспийского моря на востоке, от течения Сулака на севере до р. Самур на юге простирался Дагестан, где проживали по разным оценкам от 30 до 40 народов, народностей и этнических групп. Их общая численность в XVIII в. колебалась в пределах 400–500 тыс.[14] Это были, в первую очередь, народы нахо-дагестанской языковой группы, которые сегодня называются аварцы, андоцезы, даргинцы, лакцы, лезгины, табасаранцы и др. На тюркских языках здесь говорили кумыки, ногайцы и азербайджанцы, на иранском языке – горские евреи (таты).

Уже в конце XVI в. на Тереке появляются первые группы восточнославянского (русского) населения; в XVIII в. численность Терско-Гребенского казачьего войска доходила до 500 человек «служащих» и до 500 «запасных» мужчин. Тогда же на русском «фронтире» по Тереку – в станицах, крепостях и поселениях – появляются армяне, грузины, переселившиеся из Закавказья, и немалые группы горцев, бежавшие по разным причинам из своих родных аулов[15].

Политическое и общественное устройство горских народов Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. характеризовалось большим разнообразием: от независимых крестьянских «вольных» обществ – своеобразных «республик» и «федераций» до феодального типа владений, порой и раннефеодальных государств с относительно сложной социальной иерархией. Однако и для феодальных владений, и для вольных обществ Северного Кавказа базисным являлось наличие территориальной крестьянской общины (несшей черты политического образования), функционирующей на основе обычного права.

Отдельные территориальные общины, союзы обществ и их федерации в рассматриваемый период могли быть совершенно независимыми и экстерриториальными. Горские селения и их союзы имели, как правило, выборную систему управления демократического типа, но могли так же возглавляться патрицианской группой, религиозными авторитетами, либо титулованными аристократами, приглашенными на «княжение» со стороны. Они также могли входить в союз с горскими князьями, а то и в состав феодальных образований с сохранением внутренней автономии и т.д.

Территория Чечни в XVI–XVIII вв. граничила практически со всеми типами общественного и государственного устройства того времени на Кавка-

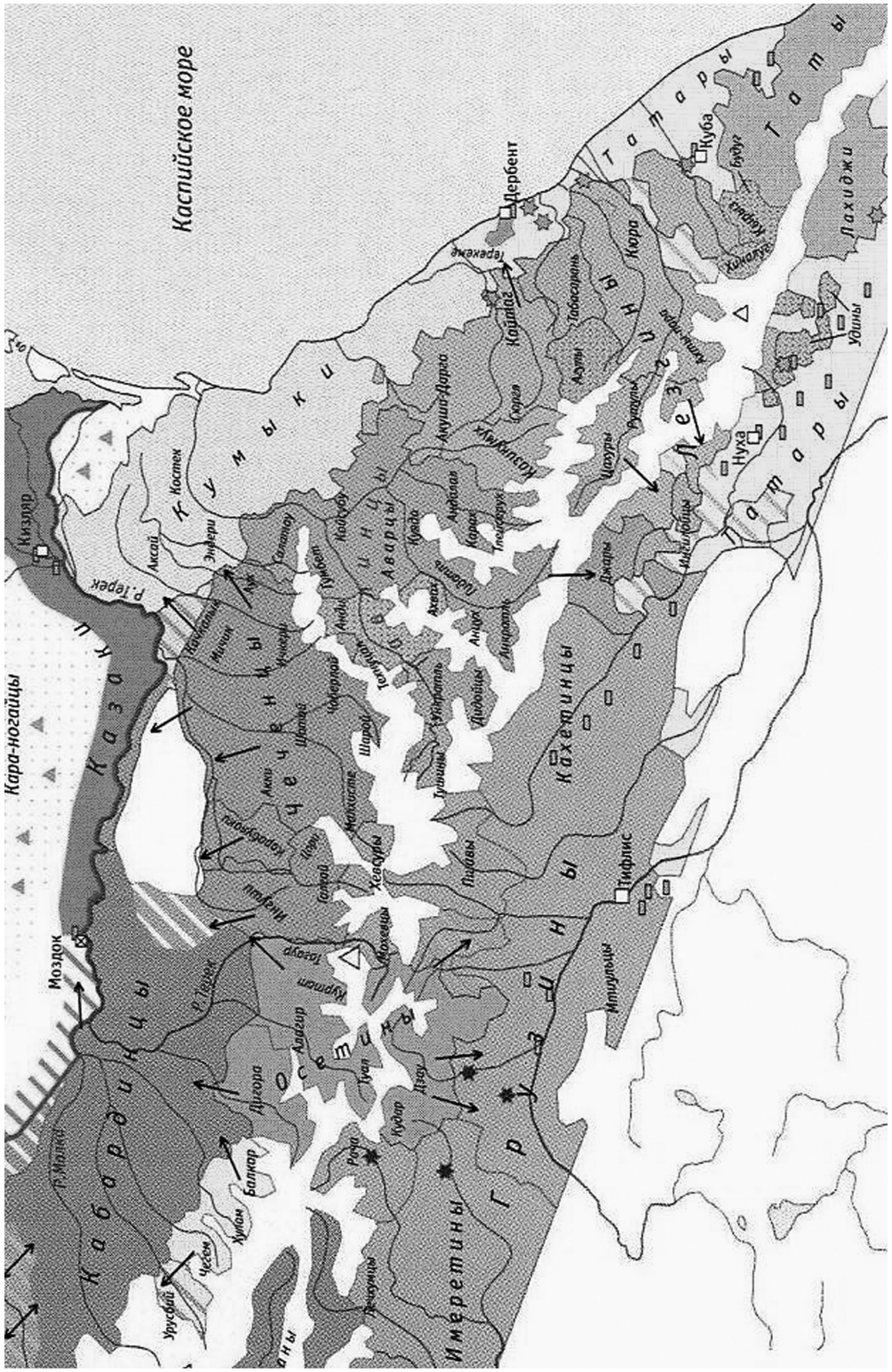

Рис. 2. Фрагмент этнолингвистической карты Большого Кавказа конца XVIII в.

зе: это грузинская монархия на юге, русский царизм и кочевые ногайские и калмыцкие улусы (с ханским правлением) на севере, феодальные владения и вольные общества Дагестана на востоке, кабардинские «классические» княжеские уделы и осетинские ущельные общества с патрицианской формой правления на западе.

Становление политико-административной системы Чечни в XVI–XVIII вв. происходило при наличии таких факторов, как: совпадение процесса становления нации с укреплением монотеистической религии, усложнение социальной структуры общества в связи с поступательным развитием страны, наличие общих особенностей и специфичных форм социально-политической организации. Особенности были вызваны историческими, географическими и природно-климатическими условиями существования тех или иных территориальных групп населения.

Лингвистическая карта нахского сегмента на Северном Кавказе в какой-то мере совпадала с территориально-политическим делением. По крайней мере, начиная с XVI в. мы имеем в Чечне устойчивые диалекты, дожившие до XX в. При рассмотрении с запада на восток они расположены в следующем порядке: после западнонахского кластера (джейрахский/фяппинский диалект – общества Джейрах, Мецхал, гIалгIайский – общества ГIалгIай, Ангушт и Цори,) идет галанчожский кластер – общества Акки, Цечой, Мержой, Галай, Нашхой, Кей, Пешхой, Ялхорой, Арштхой и Галашки. В галанчожском диалекте некоторые исследователи выделяют карабулакский (арштхойский) говор и ламаккинский говор.

Малхинский/малхистинский диалект (общество Мялхиста/Малхиста), относимый в некоторых исследованиях к говору галанчожского диалекта, так же как и майстинский диалект (общество Майсты/Митхо), был распространен в юго-западных районах горной Чечни, в верховьях р. Чанты-Аргун и его притоков.

Восточнее носителей малхинского и майстинского диалектов, в верховьях Чанты-Аргуна и его притоков, располагались многочисленные аулы носителей итумкалинского диалекта (общества Терлой, Мулкой, Чанти, Хильдехарой, Шатой и др.) с такими говорами, как: терлоевский, чантинский, хилдехароевский и основной – шатоевский.

Южнее и восточнее указанного выше района в верховьях Шаро-Аргуна и его притоков был распространен шароевский диалект (головное общество Шара и более малые объединения – Цеса, Хима, Хакмада, Кенхи и др.).

От правого берега Шаро-Аргуна до вершин Андийского хребта располагались аулы носителей чеберлоевского диалекта с наличием макажойского, нижнечеберлоевского (нижалойского) говоров, а также и дайского говора на одном участке левобережья указанной реки.

Подавляющую часть Восточной Чечни занимали носители нохчмохкоевского диалекта – их аулы располагались в бассейнах рр. Басс, Элистанжи, Харачой, Хумык, Гумс, Гансол, Мичик, Аксай (Ясса), Яман-Су, Ярык-Су (общества Мичиг, Качкалык и федерация обществ Нохч-Мохк).

На основе нохчмохкоевского диалекта начиная с середины XVII в. складывается плоскостной диалект чеченского языка, который в XVIII в. распространился на всю Чеченскую, Надтеречную и Качкалыковскую равнины. Позднее на его основе сложился чеченский литературный язык.

В верхней части Кумыкской плоскости, примыкавшей к нохчмохкоевским землям, по крайней мере, с XVI в. господствовал аккинский (ауховский) диалект с собственно аккинским и пхарчоевским говорами (на территории «Окоцкого» феодального владения, позже «вольного» общества Аух). Судя по всему, большая группа носителей аккинского говора галанчожского диалекта и, отчасти выходцев из Чеберлоя и Шароя, мигрировав в средние века на Кумыкскую плоскость из родных обществ, вобрала в себя наречия местных «коренных» нахов, говоривших на нохчмохкоевском диалекте[16].

На протяжении XVI–XVIII вв. в связи с историческими событиями и миграционными процессами, связанными главным образом с возвращением нахов на плоскость, носители самых крупных диалектов – нохчмохкоевского и итумкалинского (в лице носителей шатоевского говора) – первыми массово освоили плоскостные районы по рр. Сунжа и Терек.

Следует отметить, что все нахские диалекты были чрезвычайно близки. Выдающийся кавказовед барон П.К. Услар в середине XIX в. отметил: «Чеченский язык представляет замечательный характер единства; уроженцы двух противоположных концов Чечни без затруднения могут разговаривать друг с другом, за исключением джераховцев, которые говорят весьма измененным наречием»[17].

Некоторые исследователи полагают, что чеберлоевский диалект сохранил более древние формы чеченского языка, нежели чем другие диалекты. В этом отношении язык нахов-бацбийцев (туш-бацой), так же отличается наличием архаических форм[18]. Однако бацбийцы задолго до исследуемого периода вошли в пределы грузинской государственности и культуры, в силу возможно и своей географической отдаленности от основного нахского этномассива.

Нахские (чеченские, ингушские и бацбийские) языки и их диалекты являлись разновидностью одного и того же языка-основы, который в ходе развития во времени и пространстве в той или иной мере видоизменялся. Вместе с тем, основная лексика, названия орудий труда, мер веса, длины и производственная терминология и другие показатели во всех нахских диалектах оставались практически идентичными, что, конечно, говорит о распаде единого исходного языка (сформировавшегося, безусловно, на равнине) на диалекты и говоры в относительно недалеком историческом прошлом.

Переходя к вопросу о политическом устроении исторической Чечни в XVI–XVIII вв., мы, в связи с существующим делением Чечни и Ингушетии, опускаем описание нескольких западно-нахских обществ (вошедших позже в состав исторической Ингушетии) за одним исключением. Существует неясность относительно Ларса – феодального владения Салтан-мурзы, располагавшегося в XVI в. на левом берегу Терека в северной оконечности Дарьяльского ущелья.

Салтан-мурза, называвший себя «братом» Ших-мурзы, исчезает из сферы внимания документов еще до гибели последнего в 1596 г. Известно, что Салтан-мурза полностью разделял политические позиции Ших-мурзы: хочу «служить» русскому царю как «государю служил мой брат Ших-мурза Окутцой…» – заявлял он. Если предположить, что в данном случае речь идет не о «социальном» или несомненном этническом братстве, то легко допустить, что феодальная фамилия Ших-мурзы пыталась взять под контроль нахские территории и стратегически важные пути передвижения от Ауха и русских крепостей на Тереке до Дарьяла и Грузии путем заложения и своих селений. Существуют и некоторые этногенетические предания, которые говорят об ингушских или чеченских корнях осетинизированной к XVIII в. феодальной фамилии из Ларса – Дударовы. Согласно им «Дудар» был родом из Чечни, выходец из селения Кий/Кей или Аьккхи (из фамилии «Акиевых», рано переселившихся в Дарьяльское ущелье)[19].

§3. Границы Чечни. Расселение и численность чеченцев

Западная географическая и этнополитическая граница Чечни в XVI в. в целом была неопределенной вследствие относительного неразмежевания этномассива нахских обществ на собственно чеченские и ингушские. Область проживания западных нахов заключала верховья Ассы, верхний бассейн Терека с его правыми притоками Охкарохи и Армхи (собственно Дарьяльское ущелье) и заходила в XVI–XVII вв. в Архотское ущелье (позже заселенное хевсурами). При этом есть данные, что в некоторых нахских обществах Закавказья, составлявших остатки древнего пласта нахоязычного населения, процесс огрузинивания не был законченным даже в XVII в.[20]

К концу XVIII в. западная граница чеченского этноса определялась линией, начинающейся в южной точке – от горы Махисмагали – и спускающейся к северу по хребту Вегилам. Затем эта условная линия уходила резко на запад по северной стороне хребта Цорейлам до р. Асса. Далее граница спускалась по бассейну Ассы в том числе и по левому берегу, добираясь до правобережного истока Сунжи и далее вниз на север, включая также пространство между течением р. Яндери (приток Сунжи) и низовьем Ассы. От Сунжи и далее

по прямой граница шла почти до р. Курп, где от правобережья Курпа линия сворачивала к востоку по Тереку, к землям селения Ногаймирзан-Юрт.

В «верхней» горной части своей западной границы чеченские общества аккинцев, мержойцев, цечоев, карабулаков и предгорных галашевцев соседствовали с близкородственными нахскими обществами горных цоринцев, галгаев, низкогорных «ангуштинцев», расселившихся на Тарской возвышенности в селениях Большие и Малые Ингуши (Онгушт).

Земли за пределами данной границы нахов-чеченцев в равнинно-предгорной части на западе – Кабардинская равнина, считались принадлежащими Малой Кабарде.

В «нижней» части своей западной границы чеченцы непосредственно соседствовали с владениями т.н. Малой Кабарды, сильно сократившимися в своих размерах во второй половине XVII – начале XVIII в.[21] Если в XVII в. междуречье Терека и Сунжи именуется «Малой Кабардой» (хотя поселений здесь фактически не было), то в первой половине XVIII в. расположение малокабардинских селений наблюдается по речкам Пседах, Кескем и Курп с увеличением их селений на Кумбелее (Камбилеевка) и левобережью Сунжи в верхнем течении, что подтверждают данные, собранные Н.Г. Волковой[22]. Позднее малокабардинские селения переместились еще далее на запад и стянулись к району левобережья Курпа.

«Безымянная земля, простирается верст на 40 по правому берегу Терека от Наура до Девлетгиреевской деревни. Она принадлежала прежде князьям Малой Кабарды, которые не заводили тут постоянных селений… Усилившиеся набеги чеченцев с границы Малой Кабарды принудили их оставить им земли...» – отмечал С.М. Броневский[23].

В начале XVI в. этническая граница основной «чеченской» части нахов на севере определялась следующими географическими ориентирами: граница шла в широтном направлении по течению р. Сунжа и Сунженскому хребту (от поворота р. Сунжа с северного направления на восточное), а затем вдоль северного склона Качкалыковского хребта выходила к востоку в предгорное междуречье Аксая и Акташа, где располагался центр Окоцкого (Ауховского) феодального владения. Восточнее Окоцкого владения шли земли кумыкского Эндиреевского общества.

В XVIII в. северная граница Чечни, ввиду завершения процесса возвращения чеченцев на плоскость и усиления ее политического влияния, шла примерно от правобережья р. Курп (приток Терека) и урочища Моздок, по правому берегу Терека, до левобережья р. Аксай, за которой начинались земли кумыкского Аксайского княжества.

Идущие от верховьев Акташа и далее на юго-восток Андийский и Снеговой водораздельные хребты отделяли границы чеченского этноса от горных андоцезских народов Дагестана. На юго-востоке и юге географическая граница Чечни в XVI–XVIII вв. шла примерно по вершинам Андийского, а затем Снегового хребта от вершины Заин (Дзайн)-Корт (3308 м) до Диклос-Мта (4285 м), а затем по вершинам Бокового ответвления (Тушетский или Пирикательский хребет) Главного Кавказского хребта до горы Махисмагали (3990 м).

На последнем участке южной границы, от Махисмагали до Диклос-Мта, чеченские высокогорные общества («кистинцы» в грузинской этнонимике) граничили с тушинцами (собственно Тушетия делилась на Чагма и Цова-Тушетию, населенную нахоязычными бацбийцами) и хевсурами Кахетии (историческая область Грузии). На этом же участке южной границы возвышалась и самая высокая горная вершина Чечни Доко-Корт, более известная под названием Тебулос-Мта (4494 м). Она же и самая высокая точка Восточного Кавказа.

Таковы были примерно географические и этнополитические границы собственно Чечни в исследуемый период. В течение трех столетий в указанных пределах заканчивается процесс сложения чеченской нации – от арштинцев-карабулаков и галашевцев (левобережье Ассы – правый исток Сунжи) на западе до ауховцев на востоке, от мялхинцев и майстинцев на крайнем горном юге до теркхоевцев (притеречных чеченцев) на севере.

Собственно, географические границы Чечни совпадали с этнотерриториальными, за тремя исключениями. На юге Тушетский хребет, как уже говорилось, отделял Чечню от нахоязычных цова-тушин (туш-бацой, бацой, бацбийцы), входивших в Тушинское общество горной Грузии. Они, как и грузиноязычные чагма-тушинцы, исторически входили в состав Грузии и исповедовали языческие верования с элементами христианства.

За пределами восточных границ Чечни в кумыкских феодальных владениях проживало немалое число этнических чеченцев, как отдельными поселениями, так и кварталами в кумыкских аулах. С начала XVII в. Окоцкое владение Аух считалось в составе северодагестанского Эндерейского княжества на правах самоуправляющегося территориального общества. Только в конце XVIII в. – начале XIX в. оно вновь стало «причисляться» к Чечне.

Кроме того, ауховцы-окочане, бежавшие за Терек на рубеже XVI–XVII вв., живя в русских границах в крепости Терки, основали под ней отдельную слободу, а со второй четверти XVIII в. перешли под крепость Кизляр, также отдельным селением. В составе Окоцкой («Акоцкой») слободы к тому времени считались не только собственно окочане (ауховцы), но и выходцы из «мичкизов», «шибутов» и других чеченских обществ. Окочане являлись российскими подданными, имели во главе служилых князей в офицерских чинах, а также и своих избранных старшин – «старост»[24].

Следует отметить, что некоторые исследователи и наблюдатели конца XVIII – начала XIX в. расширяли этническую границу Чечни до левого берега Терека в верхнем течении, включая в нее и западнонахские общества – Джейрах, Мецхал, Цори, Галгай и Ангушт (жители которых с конца XVIII по XIX в. с освоением плоскости постепенно слагаются в ингушскую народность на базе двух последних крупных обществ)[25]. Это обстоятельство в какой-то степени отражало центростремительные консолидационные процессы, когда более крупный этнос вбирает в себя пограничные диалектные единицы.

Сближение ингушей с чеченцами в XVIII в. диктовалось также идеологическими (началом принятия первыми ислама) и политическими (совместным сопротивлением колониальной политике царизма) причинами. Однако данная объединительная тенденция не получила своего логического завершения вследствие целого ряда объективных причин. Было отодвинуто и принятие ислама ингушами на XIX в.

Политические границы Чечни к концу XVIII в. по сравнению с XVI–XVII вв. значительно расширились. Сложившаяся к тому времени обстановка вокруг страны – ослабление феодальных соседей, успешное сопротивление горцев натиску Российской империи, военная мощь и экономическая состоятельность – вывела Чечню в ведущую политическую силу на Северо-Восточном Кавказе. Так, российские власти именно чеченцев считали «ответственными» за участок границы по Тереку протяженностью свыше 100 верст: от Моздока до Кизляра, и именно против нее предназначался левый фланг военной Кавказской Линии, протянувшейся от Каспия до Азова.

С другой стороны, в конце XVIII в. чеченские военно-политические объединения распространяют в определенной мере свое политическое влияние на запад до Кабардинской (Осетинской) равнины, западных оконечностей Сунженского и Терского хребтов, до правобережья р. Курп (приток Терека). Так, русская крепость Владикавказ была построена в 1784 г. на «границе» поселений ингушей и осетин под формальным предлогом их защиты от «чеченских набегов», которые фактически к 1783 г. привели к захвату части Кабардинской равнины.

В развернувшейся в конце XVIII – начале XIX в. войне на Северном Кавказе, в форме горских набегов и карательных «репрессалий» царских войск, за влияние над «коридором» от Владикавказа до Моздока, российские войска ценой напряженных усилий отвоевали контроль над указанной территорией у Чечни, значительно сократив тем самым и ее общую границу с дружественной Кабардой[26].

Границы хозяйственного пользования землями Северного Кавказа жителями исторической Чечни складывались в результате многовекового хозяйственного освоения горных и равнинных земель и взаимодействия с соседями. Так, есть основания предполагать, что еще в средние века горные чеченцы пользовались пастбищами (принадлежавшими хунзахскому аристократу-нуцалу) в Андийском обществе и в других районах Дагестана, а также имели зимние кутаны в степном междуречье Терека и Сулака вплоть до Каспия[27]. Во второй половине XVII–XVIII вв. в связи с возвращением чеченцев на плоскость подобная практика в горной части края постепенно начинает сходить на нет.

На севере, за Тереком, огромные пространства Бурунной степи (входящей в границы современной Чечни) с глубокой древности находились в зоне отгонного скотоводства населения Чечни и использовались горцами в качестве зимних пастбищ. По левому берегу Терека проходил и участок важной торговой дороги, связывающей Чечню и Дагестан с Кабардой и другими народами Северного Кавказа и степными кочевниками. Однако в эпоху татаро-монгольского господства и распада Золотой Орды (XIII–XV вв.) использование левобережья, скорее всего, было спорадическим. В XVI–XVII вв. здесь кочуют ногайцы, пытаются утвердиться кабардинские князья, главным образом русской службы, и терско-гребенские казаки.

В конце XVIII в., когда Российская империя закончила строительство Кавказской военной линии между Каспийским и Азовским морями, возникшая здесь сплошная цепь крепостей, редутов, станиц и прочих укреплений (наиболее усиленных именно на «чеченском» и «кабардинском» участках границы по Тереку) жестко отсекла горцев от доступа к затеречным пастбищным землям и торговым степным путям в Кабарду, Крым, ногайские кочевья и казачьи городки и станицы, чем был нанесен серьезный удар по традиционному хозяйству горцев.

Известно, что одна из главных причин борьбы за Терек, развернувшейся в конце XVIII в. между Россией с одной стороны, Чечней и Кабардой с другой, заключалась как раз в лишении горцев возможности свободного доступа к затеречным землям. Вновь устроенная Линия настолько стеснила равнинных чеченцев и их союзников кабардинцев, что последние в 70-х гг. XVIII в. под угрозой всеобщего восстания «требовали, чтобы… (царские власти. – Я.А.) покинули вновь устроенную линию от Моздока до Ставрополя и возвратили занятые… пункты». Начавшиеся следом вооруженные схватки с царскими войсками за указанные земли привели чеченцев и кабардинцев к большим жертвам[28].

Следует отметить, что на территории Чечни, в ее современных границах, жили не только этнические чеченцы. Так, старожилами являлись русские гребенские казаки, стоявшие сначала «городками» на Терском хребте, а, по крайней мере, с XVII в. обитавшие в пяти «старых» станицах по левому берегу Терека: Червленная, Старогладовская, Новогладовская, Щадринская

и Курдюковская. Еще в 1636 г. гребенцы выставляли «на службу» около 356 человек. В XVIII в. число «служащих» возросло до 500 человек (и еще 500 «запасных»). Как известно, оседлость казаков на берегу Терека началась в первой трети XVIII в. Но ранее отдельные «сторожки» и небольшие «городки» казаков стояли одно время также на правом берегу Терека на Терском хребте в некотором соседстве с чеченскими поселениями.

В результате давнего смешения с беглыми чеченцами и другими горскими и степными соседями гребенские казаки приобрели своеобразное этнографическое лицо, превратившись по существу в отдельную субэтническую группу русского казачества. В 20-х гг. XVIII в. на левом берегу Терека насчитывалось до 4 тыс. душ русского населения обоего пола[29].

Начиная с 70-х гг. XVIII в. на левом берегу Терека в пределах от станицы Червленная до Моздока и к западу от него были поселены с Волги, Украины и Дона новые группы казаков. Они также восприняли многие черты горской культуры от своих чеченских и горских соседей.

Другой крупной этнической единицей, отмеченной на левобережье Терека в нижнем течении, по крайней мере, с XVI в. являлись ногайцы и другие тюрки-кочевники, входившие в состав Тюменского княжества. В XVIII в. они продолжали кочевать под Кизляром и западнее него, где уже имели несколько постоянных кочевий в районе Сары-Су (современный Шелковской район Чеченской Республики)[30].

В отличие от казаков и ногайцев, кумыки (выходцы из Северного Дагестана) жили непосредственно на территории исторической Чечни, где они селились отдельными кварталами в чеченских селениях по Тереку и даже создавали отдельные кумыкские села, к примеру, Бамат-Гирей-Юрт (Виноградное). Селение Брагуны, насчитывавшее к началу XVIII в. более 500 дворов, также называют кумыкским. Но оно было основано в 1651 г. близ слияния Сунжи с Тереком неким тюркским племенем, которое в XVIII в. стало считаться окумыченным, хотя и продолжало сохранять свое особое лицо. Население Брагунов было тесно перемешано с чеченцами. Само селение являлось наследственным феодальным владением княжеской фамилии Таймазовых и было вписано в политические границы Чечни[31].

Кроме того, в чеченских аулах отмечены и небольшие квартальные поселения аварцев, даргинцев, андийцев, кабардинцев, черкесов, русских, армян, горских евреев и др., не создававших, впрочем, отдельных национальных общин, а вписанных в аульную систему того или иного поселения[32]. Чеченский народ исстари являлся открытым обществом, принимавшим любых переселенцев и беглых. Переселившимся обеспечивалась защита и безопасность, что являлось показателем экстерриториальности и суверенности чеченской страны.

В результате продвижения русских крепостей, станиц и крестьянских поселений в Предкавказье и на Терек в XVI–XVIII вв. в них стали селиться выходцы из иранских торговцев (тезики), армян и грузин. Начиная с Петра I расселение армян и грузин на Тереке (включая территорию современной Чечни) приняло планомерный характер. Так, в 1785 г. в Кизляре насчитывают 1600 грузин, в т.ч. и военнослужащих. По данным 1796 г., в Кизлярском уезде насчитывалось 2800 армян. В 1789 г. половину населения Моздокского уезда составляли грузины и армяне, бежавшие из Закавказья от иранского и турецкого гнета[33].

Общую численность собственно чеченцев, в ранних документах XVI в. и нарративных источниках XVII–XVIII вв. именуемых «ококами», «шубутами», «чантинцами», «мичиговцами», «мереджинцами», «кистинцами», «мицджегами», «чеченцами», «арштхойцами» (карабулаки), «ломура» (по названиям регионов, обществ и ущелий), весьма сложно выяснить.

Для сопоставления можно привести кое-какие цифры. Так, отрывочные данные XVI в. говорят о том, что численность феодального ополчения в Окоцком владении составляла 500 человек. Это позволяет говорить об общей численности жителей не менее 3 тыс. человек (если исходить из средней численности семьи в 6 человек). По данным 1647 г., Мичкизское общество (Нохч-Мохк – Восточная Чечня) состояло из 36 аулов с числом «боевых людей» в 3000 человек, что говорит об общей численности населения до 18 тысяч.

Горные аулы центральной части горной Чечни были сравнительно небольшие, по 10–20 дворов, так в двух обществах «горских кистинчат» по Чанты-Аргуну в 1665 г. насчитывалось 200 «людей…» (видимо, мужчин). Число «ратных людей» во всей «Шибутской земле» более ранние документы 1656 и 1660 г. оценивают в 1000 человек, а число дворов «крестьянских» (по существу, башенных комплексов) в 240. В 1726 г. трое чеченских князей на плоскости имели «во владении своем около 5000 подданных» и это опять, скорее всего, численность только мужчин. По документам 70-х гг. XVIII в., одно из самых больших селений Чечни Чечен-Аул насчитывало 500 дворов. Столько же имело домов, еще несколько селений по Аргуну и Сунже. В 1758 г., по данным царских офицеров, селения «Чеченского владения» по Аргуну могли выставить до 2000 вооруженных воинов (но, возможно, в данном случае имеются в виду только конные). Примерно 1000 дворов и соответственно до 6–8 тыс. населения насчитывали горные и предгорные аулы карабулаков-арштхойцев в 60-х гг. XVIII в.[34]

Численность чеченцев, живущих в аулах по правому берегу Сунжи и ее притокам, в пределах Чеченской равнины в самом конце XVIII в., можно исчислить исходя из общей численности дворов: в 7–8 тыс., или численности ополчения в 10–15 тыс. человек. Бывший комендант Кизляра (1801–1807 гг.)

А.И. Ахвердов считал все чеченское ополчение из живущих по Сунже и ее притокам и на «Кумыкской» (в данном случае Качкалыковской) плоскости в 15000 человек[35]. Следовательно, можно полагать, что население плоскостных районов Чечни приближалось к 100 тыс.

С.М. Броневский на основе данных главным образом конца XVIII – начала XIX в. исчисляет всех горных чеченцев, горных ингушей – «кистинцев», предгорных «ингушевцев», низкогорных и предгорных карабулаков в 15 тыс. дворов, а собственно плоскостных чеченцев, «мирных и немирных» по его терминологии, в 20 тыс. дворов (итого в среднем получается 210 тыс. душ, если «двор» считать в 6 человек). Если следовать косвенным данным можно полагать по минимуму численность жителей всей Чечни ко второй половине XVIII в. между 150–160, а к концу века и до 180–200 тыс. человек[36].

Более или менее определенные данные о численности всего населения собственно Чечни (горной и равнинной) мы можем получить где-то за 20–40-е гг. XIX в. Это примерно 210–240 тыс. чеченцев и 15–20 тыс. ингушей. Приводимые ранее в литературе расчеты численности ингушей в 70-х гг. XVIII в. согласно данным И. Гильденштедта (повторенным С. Броневским) в 5 тыс. дворов (соответственно 30 тыс. чел.) оказались недостоверными. Оказалось, что цифра И. Гильденштедта относится ко всем «кистинцам» – жителям верховий Фортанги, Ассы, Аргуна и Армхи, т.е. горных язычников – «ломур». Данные конца XVIII – начала XIX в. говорят о числе дворов на территории собственно исторической Ингушетии от 1155 до 2000 (соответственно население по максимуму 10-16 тыс. человек)[37]. Численность ингушей резко стала расти после их переселения на равнину к Назрани в 1810 г.

К концу XVIII в. заканчивается процесс внутренней колонизации чеченских земель. Тем не менее, миграционные процессы проявляют себя и в начале XIX в. главным образом за счет продолжающегося роста числа поселений чеченцев в западных (рост галашкинских и карабулакских аулов по берегам Ассы и Сунжи), северо-западных и северных, преимущественно предгорных и равнинных районах края (Пседах, Магомед-юрт, Али-юрт, Нагаймирзин-юрт, Чулик-юрт, Кень-юрт и т.д.).

Основные, ведущие общества Чечни занимали территорию Чеченской равнины (ландшафтная зона между передовой цепью Черных (Лесных) гор и течением р. Сунжа). Здесь располагались такие большие аульные объединения Большой и Малой Чечни, как: Шали, Герменчик, Большие Атаги, Чечен-Аул, Алды, Гехи и Нижний Карабулак (Арштхой). Следует отметить, что часть плоскостных аульных обществ на протяжении XVII–XVIII вв. входила в состав феодальных владений края.

Наиболее консервативной в отношении миграционных процессов оставалась горная часть края (центральные, южные и западные части Чечни), где

населенные пункты и общества существовали порой тысячелетиями в определенных естественно-географических границах.

Самую высокогорную, южную часть края в направлении с запада на восток в бассейне верховьев р. Чанты-Аргуна занимали такие союзы аулов (общества), как МIайста, Малхиста, Кей, Хилдехьарой, Хьачарой, ТIерлой, ЧIанта, Дишни-Мохк, ЧIиннаха, Зумсой и др. В бассейне р. Шаро-Аргун и его притоков, с запада на восток, гнездились башенные аулы обществ Кесала, Шикъара, ЦIеса, Шара, Хьакъмада, ХIима, Кири, Бути, Кенхи и др.

Ниже, на отрогах Скалистых гор и Пастбищного хребта, также в зональном направлении с запада на восток располагались аулы обществ Мержоя-Цечоя, Аьккха, Галая, Нашхоя Пешхоя, Мулкъа, ЧIуо (ЧIохой, Чухой), Гучан-Кхелла, Нихала, Шуьйта и др.

Последнюю линию горных обществ низкогорной зоны составляли группы аулов таких обществ, Галашки, Арштхой и Нохч-Мохк. Поселения обществ Галашки и Арштхой (Верхний Карабулак) находились на невысоких предгорьях, в низкогорной зоне и были населены выходцами из Галайн-Чожа, Мержоя, Цечоя, Нашхоя и Аьккха. Отдельной группой можно считать здесь «Ахкиюртовские хутора» – на границе низкогорья и Кабардинской равнины. Основавшие их арштхойцы рано смешались с выходцами из Ангушта.

Крупные аульные объединения Восточной Чечни (Нохч-Мохк, Мичиг и Качкалык) занимали пологие лесистые горы (300–1000 м), благоприятные для земледелия. Этот район по хозяйственному типу, особенностям общественного уклада и по языковому диалекту был тесно связан с плоскостью, и именно отсюда пошла своеобразная чеченская реконкиста XVI–XVII вв. на север (Притеречье), запад (Чеченская равнина) и на северо-восток (Качкалыковская и Кумыкская равнины).

Необходимо учитывать, что в русских документах XVII в. топоним «Мичиг» зачастую покрывает весь Нохч-Мохк (в XIX в. именуемом Ичкерия). Несколько раз в документах XVI и XVII вв. встречается этнотопоним «Гумик», что возможно является вторым названием того же «Мичига». Можно полагать, что к XVIII в. собственно мичиговские чеченцы, имевшие общество на р. Мичиг еще продолжали входить в общественно-политическую структуру Нохч-Мохка. Здесь, в Нохч-Мохке, в XVI–XVIII вв. располагались такие объединения, как Элистанжи, Чермой, Харочой, Эрсана, ЭгIашбета, Гуьна, БелгIата, Курчала, ЦIонтара, Теза-Кхаьлла, Ширди-Мохк, Гордала, Айт-Кхаьлла, Шона, Эна-Кхаьлла, Ялхой-Мохк, Аллара, Энгеной, Сесана, Бена, Гендаргана, Билта, Зандака и др.

Между северными границами Нохч-Мохка (Ичкерия) и течением Терека располагались общества Мичиг (территория на р. Мичиг) и Качкалык. Аулы Качкалыка числом до 6 (по другим данным до 8), тянулись по северному ска-

ту одноименного хребта от впадения в Сунжу р. Гумс (Белая) на западе до левого берега Аксая на востоке, занимая и западную часть Качкалыковской плоскости. Целый ряд данных, основанных правда исключительно на показаниях аксайских князей, говорит, что аулы Качкалыка являлись «подвластными» им в силу заселения горцами княжеских земель. Однако документальные источники XVIII в., исходящие от качкалыковцев говорят о другой природе феодальной ренты в пользу князей – плата за «управление», но не за землю. Поэтому в тех же 70-х гг. XVIII в. аксайские князья охотно признавали, что «качкакалыки… им не подвластны»[38].

На правом берегу Терека близ впадения в нее Сунжи располагалось крупное селение Брагуны, в котором правила собственная княжеская владельческая фамилия. «Брагунское владение… имеет верст с двадцать в длину по берегу Терека начиная от Девлетгиреевой деревни (Старый Юрт. – Я.А.) до устья Сунжи…», отмечал С. Броневский. Оно было вписано в политические границы Чечни, но население здесь принадлежало к самостоятельной тюркской группе, поселившейся на Сунже в 40–50-х гг. XVII в.[39]

В верхней части бассейна Аксая-Акташа и в равнинно-предгорной полосе (современный Северный Дагестан) располагалось большое Ауховское общество (одно время феодальное владение), делившееся в свою очередь на Пхьарчхой-Аькха (или Ширча-Аькха) и ГIачалкха-Аькха. Ряд хуторов и кутанов с населением собственно ауховско-аккинского и мичиговского происхождения располагались вне пределов указанных обществ на землях кумыкских князей, спускаясь по междуречью Сулака и Терека едва ли не до берега Каспийского моря.

Масса чеченцев исторически долго жила чересполосно с кумыками во многих селах Северного Дагестана. К концу XVIII – началу XIX в. земли собственно Ауховского общества, располагавшегося в лучшей, наиболее плодородной части Кумыкской плоскости, стали причисляться к Чечне. Все остальные поселения Северного Дагестана, в т.ч. с чеченским населением причислялись по-прежнему к кумыкским княжествам[40].

К концу XVIII в. этнополитическая картина Чечни в региональном измерении несколько меняется за счет возвышения на севере страны нового региона – Притеречья (Теркъйист). Здесь самыми крупными аулами были Ногаймирзин-юрт, Верхний и Нижний Наур, Кень-юрт, Старый Юрт, (Девлетгирей-юрт) и Новый Юрт (Баматгирей-юрт) и, собственно, Брагуны. При этом Брагуны были основаны в середине XVII в., Девлетгирей-Юрт в середине XVIII в., другие «княжеские аулы (первооснователями выступали князья чеченского, кумыкского и кабардинского происхождения) возникают в последней четверти XVIII в.[41]

Необходимо также учитывать, что, по крайней мере, со второй половины XVIII в. в географической литературе и в документальных источниках по-

является, кроме ингушей-«ангуштинцев», равнинных «чеченцев» и горных «ломур», называемых в литературе XVIII–XIX вв. также «кистинцами», еще одно этническое определение «карабулаки» («арштхой/орстхой»). Так обозначали население чеченских по языку жителей обществ между Ассой и Фортангой, не подвергшихся еще исламизации. Между тем, в средние века, да и в новое время, не только на Кавказе, но зачастую «в той же Европе» религиозный фактор выступал основным нациеопределяющим элементом.

Тем не менее, по-своему правы те исследователи, которые писали, что нахский этнический массив на Северном Кавказе именно в XVIII в. имел тенденцию дробления на три группы – основную (чеченцы – нахчи) и две малые – карабулаки (арштхойцы) и ингуши (галгай). Другие авторы пишут о делении нахского этноса, кстати, совершенно единого как этнографический субъект, на еще более мелкие группы[42].

Становление этнополитических границ Чечни в XVI–XVIII вв., сопряженное с демографическим ростом и густым заселением плоскости, являлось следствием глубинных цивилизационных процессов. «Наполнение» определенного географического пространства на Северо-Восточном Кавказе чеченской этнической общностью было не механистическим явлением, а сложным интеграционным процессом рождения новой динамичной нации, решительно менявшей старую картину бытия в регионе.

---

[1] Ган К.Ф. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // Известия КОИРГО. Т. 15, № 4. Тифлис, 1902. С. 216–217.

[2] См.: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859 // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 8–12.

[3] См.: Книга Большому Чертежу / Подг. к печати К.Н. Сербиной. М.-Л., 1950. С. 90–91; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сб. док. / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 110–111.

[4] Россикова А.Е. Путешествие по центральной части горной Чечни // Записки КОИРГО. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 293.

[5] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 151–152.

[6] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 220–221; Русско-чеченские отношения… Сб. док. С. 201; Чеченцы: история и современность / Сост. Ю. Айдаев. М., 1996. С. 85–91.

[7] Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 2. СПб., 1888. С. 66.

[8] См.: Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 41, 51; Броневский С.М. Новейшия Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2-х т. Подг. к изд. И.К. Павловой. СПб., 2004. С. 14–142, 162.

[9] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. В 2-х т. Т. 1. М., 1957. С. 120; Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Тифлис, 1900. С. 43; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века. Грозный, 1961. С. 61–65; и др.

[10] Казбек Г. Военно-статистическое описание Терской области. Ч. 1. Тифлис, 1888. С. 197; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (втор. пол. XVIII в. – 40-е годы XIX в.). Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1966. С. 321.

[11] См.: Русско-чеченские отношения… С. 171; Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809. С. 291; Броневский С.М. Указ. соч. С. 142–143; Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М., 1951. С. 21.

[12] См.: Сотавов Н.А. Северный Кавказ на рубеже XVII–XVII вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: kumukia.ru/modules. С. 1; Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С. 61.

[13] См.: Волкова Н.Г. Динамика численности вайнахских народов до XX века // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 116–117, 123; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 17; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. С. 45–47. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003, С. 61.

[14] Сотавов Н.А. Указ.соч. С. 3.

[15] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 348–355; 368–370; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). СПб., 2002. С. 20–27.

[16] См.: Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941; Арсаханов И.А. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959; Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Мациев А.Г. Чеберлоевский диалект чеченского языка // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1964; Алироев И.Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968; Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания // Нохчийн филологин проблемаш. Вып. 1. Грозный, 1999; и др.

[17] Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 47.

[18] См.: Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953.

[19] См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1888. С. 16–17, 34; Русско-чеченские отношения… С. 30–31; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 24.

[20] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 146–153; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа. XVI–XIX века // Народы Кавказа. Кн. 1. М., 1993. С. 69–72.

[21] См.: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 5–12; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 85–86; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 53–54; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. С. 16; Его же: История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. С. 246–249.

[22] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 51–56; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ.соч. С. 30–31.

[23] Броневский С.М. Указ. соч. С. 162.

[24] См.: Русско-чеченские отношения… С. 54, 121; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 93.

[25] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Л. 4–4 об.; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. XXXVIII. 76 полутом. СПб., 1903. С. 785; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. 13. 25 полутом. СПб., 1894. С. 58; Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 75–77, 93; Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 1; Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. М.-Л., 1926. С. 13.

[26] См.: Акты, собранные Кавказской археографической Комиссией (АКАК). Т. 4. Тифлис, 1870. С. 894, 895–898, 902, 944; АКАК. Т. 4. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 500; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 2–63, 161–162, 225–226; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 2. СПб., 1869. С. 165; Потто В.Л. Два века терского казачества. Т. 2. Владикавказ, 1912. С. 200; Буцковский А.М. Выдержка из описания Кавказской губернии и соседних горских народов // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 239; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 226; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея (ЧИРКМ). Вып. XI. Грозный, 1975. С. 13; и др.

[27] См.: Бутков П.Г. Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ: сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 10; Гордин Я. Ермолов // Россия в Кавказской войне. Исторические чтения (Вып. 3). СПб., 2000. С. 87.

[28] См.: Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. С. 81–83; Его же: История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. С. 246–249; Записки Густава фон Штрандмана // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы / Сост. Я.А. Гордин и Б.П. Миловидов. СПб., 2002. С. 274–275.

[29] Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 47.

[30] Волкова Н.Г. Указ.соч. С. 88, 91; Материалы полевой экспедиции Я.З. Ахмадова за 1983 г.

[31] См.: Ахмадов Я.З., Оразаев Г.Р.-М. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII вв. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – нач. XX вв.). Грозный, 1983; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 80–93, 193–211.

[32] Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 91.

[33] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 374–375; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 198–202; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 90; Барред М. Томас. Линия неопределенности: северокавказский «фронтир» России // Интернет. С. 182; Суздальцева И.А. Грузинская диаспора низовьев Терека в XVIII – первой половине XIX в. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http:nikc.itech.ru/modules/books/big.

[34] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 158; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 5 об.; Русско-чеченские отношения… Сб. док. С. 165, 183, 186, 203, 206; АКАК. Т. 1. Тифлис, 1869. С. 716; Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С. 144, 149; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 98–102; Волкова Н.Г. Динамика численности вайнахских народов до XX века. С. 116–118, 123; Ее же: Этнический состав населения в XVIII – начале XX веков. С. 171–172, 179; История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный, 2006. С. 376; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. С. 66; и др.

[35] См.: Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 227; Броневский С.М. Указ. соч. С. 45; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 17.

[36] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 9–12; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е годы XIX века. Сб. док. Махачкала, 1958. С. 124–125; Волкова Н.Г. Динамика численности вайнахских народов до XX века. С. 116–118; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 66; и др.

[37] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771. Кн. 2. Л. 59–59 об.; Архив Сев. Осет. НИИИЯЛ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 168. Л. 183 (Копия); Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 240–242; Броневский С.М. Указ. соч. С.181; Гаджиев В.Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XX в.). Грозный, 1986. С. 29; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. С. 45–47; Емельянова Н.М. Указ. соч. С. 61.

[38] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 654. Л. 69; Анчабадзе Д.Ю., Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 137.

[39] См.: Броневский С.М. Указ. соч. С. 162; Ахмадов Я.З. Указ.соч. С. 39.

[40] См.: Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. С. 11–18; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах... С. 62–63; Его же: История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 246–249, 306–307; Исаева Т.А., Исаев С.-А.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVII вв.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX вв.). Грозный, 1982. С. 45–52; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 264–268; и др.

[41] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. СПб., 1868. С. 22–23, 62, 112; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. С. 184–185; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 78, 138–139.

[42] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. 142, 162; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия ЧИРКМ. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 66–67; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. С. 16; и др.

Глава II. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЧНИ В XVI–XVIII ВВ. ОБРАЗОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО ТОРГОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОЛЯ

§1. Земледелие. Равнинная Чечня как новый зерновой центр Северного Кавказа

Чечня, как и весь Кавказ, принадлежит к древнейшей земледельческой зоне обитаемого мира, где исторически была развита т.н. «аграрная цивилизация», основанная на выработанной на протяжении веков и тысячелетий технологии сберегающего земледелия. В Чечне исследуемого времени наблюдалось гармоничное сочетание видов и сортов злаков, типов орудий труда, приемов обработки почвы с неукоснительным следованием природно-климатическим циклам.

Ввиду того, что предки чеченцев практически с эпохи ранней бронзы не знали массовых переселений и тысячелетиями развивались в ареале, заключенном в одних и тех же географических границах, они нашли и закрепили в своей агрокультуре типы хозяйствования, районированные в ландшафтах «равнина», «предгорья», «горы». Более того, особенности земледелия проецировались на конкретные почвенные данные той или иной «горы», ущелья, равнины, земель того или иного аула и т.д.

В связи с этим следует остановиться на особенностях развития земледелия Чечни в XVI – первой половине XVII в., прежде всего в горной зоне. Конкретные документальные и иные данные здесь весьма скупы, вследствие того, что в этот период русские и европейские наблюдатели редко и на короткий срок проникали в горы Чечни. Однако система земледелия (равно как и характер землепользования в горной части Чечни) была настолько устойчива и консервативна, что практически без каких-либо изменений дошла до начала XX в., благодаря чему и была легко реконструирована в трудах этнографов. Комплекс орудий труда, связанного с земледельческим циклом – пахотой, уходом за растениями и уборкой урожая, включая его последующую обработку, выявляется как в полевых материалах этнографов, так и в изысканиях археологов[1].

Согласно данным этнографа начала XX в. Н.С. Иваненкова, обстоятельно рассмотренных в наше время профессором Ш.Б. Ахмадовым, в горной Чечне все земли традиционно делились на общественные и частные. К общественным относили: 1) горные пастбища; 2) аульные выгоны; 3) сенокосы; 4) пашни (под которыми подразумевались крайне незначительные по площади распашки для общественных нужд)[2].

Горные альпийские пастбища, расположенные от 1500 м над уровнем моря и выше, могли принадлежать целому обществу, нескольким обществам,

или считаться общенародным достоянием; аульные выгоны обслуживали надомный скот отдельных селений, непосредственно примыкая к ним. Сенокосы на горных склонах близ аулов по традиции делились по жребию на «купы» (кварталы), жители которых, в свою очередь, делили паи между собой.

Вследствие особых условий в горах, особенно в высокогорной части Чечни, практически все пахотные участки существовали в форме естественных и искусственных террас – созданных на склонах гор площадок с нанесенной землей и навозом. Естественно, террасы находились исключительно в частной собственности отдельных семей, реже в собственности «фамилий» (группы кровнородственных семей).

В «низкогорных» районах пологих гор (Восточная Чечня) и в ущельях передовых к равнине лесных гор, кроме сугубо частной («долахь мохк»), существовала еще и т.н. занятая земля («дIалаьцна мохк»), которая представляла собой расчищенные от леса участки земли, или облагороженные поляны в пределах земельных границ аула со статусом временного пользования. Со временем, освященные традицией, они могли превратиться в «долахь мохк», которые можно было продать, купить, подарить, но по общему правилу только внутри общества. В этой части Чечни существовала, также пока неясная для нас, система пользования землей через закладывание садов – «беш» и определения границ пользования медоносными участками лесов.

Исторически сложившаяся частная собственность на пахотные земли в горной зоне Чечни в условиях относительного, а где и абсолютного земельного голода, приводила к невиданной в той же России и Европе интенсификации земледелия и агротехнического искусства полеводства. Следует отметить, что указанная интенсификация была вызвана не столько товарным характером земледелия, сколько скудостью природных ресурсов.

Средствами народной агротехники в горной зоне были: искусственное террасирование, интенсивное удобрение, искусственное орошение и севооборот. Из пахотных орудий труда использовались, главным образом, легкий горный плуг («нох»), несколько типов заступов из дерева («бел»), специальный кол («хьокха») для посадки, разные типы мотыгообразного орудия для прополки («метиг», «гам», «цел») и железный серп для жатвы («марс»). Для обработки пашни применялись бороны двух типов – волокуша на полозной станине и «кIомсаран мекха» – рамная деревянная борона с железными зубьями[3].

Большинство террас, находившихся в окружении горных аулов, являлись искусственными и назывались просто пашни – «охана», «терхи» (букв. «полка»), «шу/шунаш» (букв. «на склоне») и т.д.[4] Они создавались на склонах гор путем укрепления насаждением у края деревьев или кустарников, укреплением подпорной стенкой из камней и дерна, выдалбливанием скальной основы

Рис. 3. Следы земледельческих террас в горах Чечни (совр. фото)

с последующим нанесением в «корыто» искусственной почвы. Землю приходилось брать из глубоких долин и ущелий и поднимать во вьюках по тропинкам (и так порой каждый год).

Пределом землепашества в Чечне является высота 2000–2100 м над уровнем моря. В XVI–XVII вв. этот уровень был скорее ниже в связи с эпохальным похолоданием XV–XVII вв. на Кавказе и в Европе. Согласно ряду данных, в высокогорных обществах с экстремальными условиями земледелия практиковались смешанные посевы ячменя и овса, ржи и яровой пшеницы, яровой пшеницы и горного гороха и т.д.[5] Именно ячмень и горные сорта пшеницы, в т.ч. местные, являлись для населения горной Чечни основными хлебными злаками.

Урожайность зерновых на террасных полях зависела от ряда факторов – удачен ли был год дождями, не было ли града, заморозков или урагана. Немалое значение имели высотность участка и его местонахождение – на южной или северной стороне. Порой, вследствие короткого лета или ранних заморозков урожай мог и не успеть вызреть.

Единственные на сегодня данные об урожайности горных террас мы имеем от уроженца высокогорного осетинского аула великого поэта Косты Хетагурова. Удачный урожай, свидетельствует он, «редко превышает сам – четыре» (т.е. вчетверо больше объема семян потраченных на сев)[6].

Необходимо отметить, что в некоторых участках горных ущелий Чечни аридного типа (например, в Чанты-Аргунском и Шаро-Аргунском бассейнах) применялось искусственное орошение террас через сложную систему ирригационных канав и составных желобов («апари») из стволов деревьев или коры липы длиной порой до нескольких верст с преодолением впадин и оврагов с помощью примитивных деревянных и каменных акведуков[7].

Полеводство, безусловно, играло в хозяйстве горных нахов-чеченцев важную роль, но могло обеспечить потребности в хлебе средней семьи в условиях горного ландшафта не более чем на 3–4 месяца. Поэтому горные районы Чечни заключенные между верхних бассейнов рек Ассы на западе и Шаро-Аргуна на востоке, а это в первую очередь общества Шарой, Хуландой, Хилдехарой, Кей, Нашаха, Галанчож, Акки, Мержой, Майста, Малхиста и т.д., остро нуждались в товарообмене с равнинным хозяйственным ареалом. Вместе с тем, и в указанном регионе встречались небольшие горные котловины с более или менее пологими горными склонами и естественными речными террасами (Шатой, Ялхарой, Цечой, Пешхой, Чебарлой), удовлетворявшими в благоприятные годы за счет интенсивного полеводства годовую потребность в хлебе своих обитателей[8].

Несколько по иному характеризовалось традиционное полеводство в восточной части горной Чечни между бассейном Шаро-Аргуна на западе и бассейном рек Аксай-Ярык-Су – на востоке, имевшей пологие горы, покрытые густыми лесами (федерация обществ Нохч-Мохк). Здесь господствовала система подсечного земледелия – «ирзу», хорошо изученная этнографами XX в. С.-М.А. Хасиевым и Б.А. Калоевым.

В указанной зоне земледелие играло более значительную роль, нежели в высокогорной полосе чеченских гор. Согласно традиции селения в Восточной Чечне (называвшейся в XVI–XVII вв. соседями Мичкизской землей, а в XVIII в. Ичкерией) имели такую планировку, когда при каждом доме наличествовал дворовый участок, отведенный под сад и огород. Пашенные участки каждая семья, а также группа кровнородственных семей осваивала в окружающих лесах в форме окультуренных полян – «ирзу». Такие участки земли со временем переходили в потомственное владение, и их размер ограничивался трудовыми возможностями крестьянских семей.

Согласно традиционной технологии закладка «ирзу» происходила в холодные дни зимы, когда на намеченном участке вырубались самые большие деревья, или же подрубали кору вокруг ствола. Сваленный лес либо сжигался на месте, либо вывозился на топливо. Согласно другой методике лес валили на участке ранней весной, затем подсушивали и сжигали, получая, таким образом, обильно удобренный золой участок. Единственное исключение в ходе сплошной вырубки делалось для лесных плодовых деревьев, на их вырубку

накладывался запрет. Подготовка подобного участка в лесу была трудоемким процессом: на подготовку одной десятины затрачивалось до 50–70 трудодней[9].

Согласно этнографическим данным, в первый год расчищенный и удобренный золой участок засевался с помощью деревянного кола под фасоль, тыкву, огурцы. Осенью поднявшийся подлесок подрубался и сжигался. Далее несколько лет участок продолжали очищать от корней и в зависимости от размера обрабатывали либо заступами, либо горским легким плугом засевая зерном вразброс. В зоне Нохч-Мохка высевали ячмень, пшеницу (включая озимые виды) и более теплолюбивое просо. Позже, со второй половины XVII в., распространение получает более урожайная кукуруза.

В целом, в отличие от высокогорной зоны, здесь могли забрасывать использованный в течение ряда лет участок и осваивать новый. Но, в целом, для основной части горной Чечни было характерно непрерывное использование пашни. Недостаток земли не позволял использовать известную в Европе систему переложно-залежного трехполья. Чеченцы использовали обильное удобрение пашен навозом и золой, и плодосменную систему (когда чередовались зерновые злаки с фасолью и горохом), особые сберегающие приемы обработки пашенной земли, изредка использовали пар и т.д.[10]

Следует быть отмеченным то обстоятельство, что исторически присущие горной Чечне виды злаковых – ячмень («мукх»), овес («кена»), пшеница («кIа»), включая ее древнюю разновидность – полбу («божа»), рожь («сула»), просо («борц») являлись если и не эндемичными сортами, то исключительно приспособленными к условиям горного полеводства видами злаков[11].

Из других огородно-посевных культур в Чечне того времени были известны фасоль, тыква, арбуз, дыня, огурцы, лук, чеснок, а на рубеже XVII–XVIII вв. кукуруза и табак (еще позже хлопок).

Несколько особое место в описании земледельческого хозяйства чеченцев в XVI–XVIII вв. занимает исторический район Аух, известный в тот период в русских документах под именем «Окохи» и «Окоцкая земля». Кроме того, сюда примыкает и нахская колония в низовьях Терека – Окоцкая слобода (под Терской крепостью) активно и масштабно занимавшаяся пашенным земледелием.

Окоцкая земля – Аух, располагавшаяся в предгорно-плоскостной полосе Кумыкской равнины, обильно орошенная рр. Аксай, Ярык-Су и Акташ, к 80-м гг. XVI в. имела, по крайней мере, 500 крестьянских хозяйств. После строительства русской крепости на северной протоке Терека (в 30 верстах от впадения в Каспий) в 1588–1589 гг. сюда в результате распрей феодалов Северного Дагестана бегут семьями и поодиночке десятки и сотни окочан. К ним позже присоединяются выходцы из «Шибутской» и «Мичкизской

землиц» горной Чечни. К 1614 г. здесь насчитывается выходцев из «Акоз и Мичкиз» 160 «человек» (имеются в виду взрослые мужчины). К 1636 г. численность горцев-окочан (включая черкесов и татар) под Терской крепостью достигла 1 тыс. человек мужского пола[12].

Окочане жившие, непосредственно в крепости и находившиеся в слободе в «ведомстве» служилых горских князей (Сунчалей, Шолох, Муцал и Каспулат Черкасские), и окочане – жители Ауха, все без исключения, занимались земледелием и, судя по всему, в значительных масштабах. Так, тот же правитель ОкохаШих-мурза Ишеримов возил своим союзникам русским воеводам в 1588 г. не только мед, овец и кур, но и ячмень. Документы говорят, что после бегства Батая Шихмурзина из Терков воеводы поделили между «служивыми» оставшиеся запасы «проса», «животины» и «рухлядь». В 1614 г. служилые окочане утверждали, что основной источник их существования – пашенное земледелие[13].

Документ лета 1640 г. – роспись населению терских слобод – показывает, что практически все служилые и слободские окочане (главы семейств) находились в момент проведения опроса «на пашне». В то время как те же служилые татары находились либо «на рыбной ловле», либо «в атарех» (на отаре)[14].

На территории собственно Ауха, богатом водными ресурсами, и в Окоцкой слободе на Тереке, было развито поливное земледелие. Так, были прорыты крупные отводы от рр. Аксай и Акташ. Около селений Ширча-Юрт, Мажгар и Кешен создавались также запасы воды на летний период в виде небольших искусственных озер[15].

В первой четверти XVII в. в Окоцкой слободе в условиях продолжавшейся ряд лет засухи и нашествий саранчи были неурожаи: «судом Божьим река засохла (имеется в виду протока Терека, из которой орошались пашни. – Я.А.) и воды нет… а у которого… пшеница или проса на собанех и взойдет от дожжей и тот, государь, хлеб поедает саранча 8-й год. И мы… стали безхлебны… помираем з женишка и з детишка голодное смертью»[16].

К концу XVII – началу XVIII в. чеченцы-аккинцы, как и все население Кумыкской плоскости Северного Дагестана, увеличивают выход товарного хлеба, который поступает в горы в обмен на продукцию животноводства, лес и металлические изделия. В целом аккинское население Ауха и нахское население Окоцкой слободы в Терках выходит на тот уровень земледелия, на который в той же равнинной части Чечни и в других районах Центрального и Северо-Западного Кавказа выходят только во второй половине XVIII – начале XIX в.

Население Кумыкской плоскости делило обрабатываемую землю на три части: две подвергались обработке, третья оставалась под паром. Через год паровой участок засевался осенью озимой пшеницей или ячменем. Обработка земли производилась плугами, тягловой силой служили волы. После ручного посева «вразброс» поле бороновали и производили первый полив с целью сохранения семян от грызунов. В засушливой части Кумыкии широко использовались ирригационные системы, позволявшие забирать воду в «нагорных» речках и сооружением плотин разводить ее канавами – «татаулами» по многочисленным полям, получая жарким летом особенно высокие урожаи. Сеяли более всего пшеницу, ячмень, овес, а к началу XVIII в. также хлопчатник и рис. Последние культуры высевались исключительно на обильно орошаемых участках.

Уборка производилась серпами, реже косой; хлеб молотили тяжелыми досками, а зерно мололи на водяных мельницах, которых было множество. Хлеб из кумыкских и чеченских аулов Северного Дагестана продавался в русских крепостях и станицах, на хлебных рынках Тарков и Эндерея[17].

Собственно XVIII столетие в истории земледелия как в «Ококах» на Кумыкской плоскости, так и в Чечне отмечено победным шествием кукурузы. Новая зерновая культура требовала иной технологии полеводства, больших затрат труда, но превышала урожайность лучших сортов пшеницы в несколько раз.

Окружающая среда оставалась в доиндустриальной стадии развития человечества наиболее важным фактором, определяющим жизнь, тем более в горах. Так, уровень земледелия и его продуктивность на Северо-Восточном Кавказе определялась ярко выраженной зональностью: плоскость и невысокие лесные хребты передовой части горной системы Чечни относились к плодородным черноземным землям, выше чернозем исчезал, уступая место менее плодородным почвам горно-лесного типа, а еще выше бедным подзолистым, а то и наносному грунту[18].

На равнинах Чечни, в отличие от гор, наличие свободных земель и их плодородие привели к относительно опережающему развитию земледелия как хозяйственного уклада. Речь идет о ситуации на Чеченской и Кумыкской равнинах в XVI–XVIII вв., а позже и в притеречных районах.

Так, Чеченская равнина заключалась между передовой цепью Черных гор (Лесной хребет) на юге до Сунженского хребта на севере, вдоль подошвы которого шло течение р. Сунжа, впадающей в Терек ниже Брагунского хребта. Равнина была вытянута с запада на восток до 100–120 км и с юга на север до 30-50 км. Западная часть Кумыкской плоскости, называемая Качкалыковской, заключалась в границах образованных с запада течением Сунжи, с севера руслом Терека, с юга Качкалыковским хребтом и с востока левым берегом Аксая.

Таким образом, западная часть Кумыкской плоскости до р. Аксай и часть бассейна Аксая-Акташа были заселены чеченцами, а восточная часть равни-

ны вплоть до Каспийского моря (между протоками Терека и Сулаком и горами Дагестана) считалась в тот период кумыкской и ногайской[19].

Площадь равнинных земель, занимаемых к концу XVIII – начале XIX в. чеченцами (главным образом «сунженскими») и «качкалыками» исчислялась русскими наблюдателями «около 3000 квадратных верст»[20].

Самая северная заселенная часть равнинной Чечни – Надтеречная равнина – тянулась между правым берегом Терека и левым склоном Терского хребта узкой полосой с запада на восток от урочища Галюгай до Брагунского владения на востоке (при впадении Сунжи в Терек) примерно на 80–100 км.

В целом на Тереке и прилегающих равнинах горцы и терско-гребенские казаки культивировали самые разнообразные злаковые, огородные и садовые культуры. В частности, путешествовавший в 1770–1773 гг. по различным районам Кавказа естествоиспытатель академик И. Гильденштедт оставил развернутые описания огородных растений на Тереке, к каковым он отнес дыни, арбузы, разнообразные сорта тыквы, огурцы, морковь, красную свеклу, черную редьку, капусту, лук, бобы, горох, земляную грушу (топинамбур), а также хрен, кориандр, мяту, укроп, мак, петрушку и василек. Из возделываемых полевых культур Гильдентшедт назвал также маис (кукуруза), сарачинское пшено (рис), хлопок и коноплю.

Из важнейших садовых плодов академик наблюдал на Тереке айву, различные сорта груш и яблок, сливы, абрикосы, персики, миндаль, каштаны, гранаты, мушмула, грецкие орехи, фиги (инжир), белая и черная шелковица (тутовник) и, конечно, различные сорта винограда: винные и кишмиш (ягоды без косточек).

За исключением граната, миндаля и инжира, вызревавших только в Южном Дагестане, практически все остальные виды садовых и огородных культур были представлены в Чечне, причем в отдельных районах (Восточная Чечня) садоводство было процветающим и доходным, за счет вывоза фруктов в свежем и сушеном виде в Кизляр. Отсюда горские фрукты вывозились в свою очередь в Астрахань, из которой волжским путем попадали в Центральную Россию. Отмечено культивирование в Чечне в XVIII в. и табака, который шел и на продажу. Он отличался высоким качеством и потому «чеченский» табак стоил в том же Кизляре дороже, чем другие сорта[21].

Побывавший на Тереке несколько позже И. Гильденштедта академик Фальк отмечал, что чеченцы сеют много чечевицы, кроме того «горские татары» (скорее всего, кумыки) и чеченцы «заводят рисовые поля», выращивают на продажу просо и хлопчатник. В тех же Брагунах он наблюдал «хорошие» сады, богатые огороды и виноградники[22]. В ходе возвращения чеченцев на плоскость и массового заселения ими равнин здесь по большей части вступали в действие те же традиционные системы землепользования, что и в горах. Во-первых, действовала система «первой заимки» – когда более сильные се-

мьи создавали большие хуторские хозяйства, а подселившихся позднее обязывали за право использования пахотных участков и пастбищ к услугам в свою пользу[23].

Есть также данные, что на плоскости, как и в горах, господствовала частная собственность на все пахотные земли, сенокосы, часть пастбищ и даже лесов. Общими и «запасными» считались аульные пастбища, неудобья, леса и прочие неиспользуемые обществом земли.

Есть и другие свидетельства, правда, более поздние, чем первые, которые говорят о наличии в Чечне в прошлом общинной собственности на обрабатываемые земли, о передельной системе, когда участки делились между фамилиями и семьями до начала каждой посевной. Однако, как правило, они недостоверны, т.к. основаны на умозрительных построениях авторов описания «гражданского быта» чеченцев и кумыков, составленного Голенищевым-Кутузовым и Лобановым-Ростовским в 1843 г.[24]

Исследователь Ш.Б. Ахмадов следом за И. Саидовым и С.-М. Хасиевым приходит к выводу, что земли равнинных обществ Чечни в XVIII в. делились на общинно-нераздельные – земли находившиеся в общинной собственности, но используемые по переделу между «купами» (квартал, фамилия), частные – по праву первого завладения или приобретенные покупкой и «собственные» – приобретенные через очистку лесов («ирзу») в границах общества. Кроме того, для XVII–XVIII вв. стала привычной в Чечне такая форма собственности как вакуф – мечетские земли, предназначенные для обеспечения муллы, строительства общественных зданий и исполнения религиозных треб[25].

Как известно, возникновение крупных поселений на территории Чеченской равнины относится к середине – второй половине XVII в. В следующем столетии здесь наблюдаются многочисленные крупные аулы, населенные потомками выходцев из самых различных горских обществ и аулов: «Они селятся в аулах по несколько фамилий вместе, а не по одной как было прежде в горах», писал первый чеченский этнограф Умалат Лаудаев[26].

В середине XVII в. на территории плоскостной Чечни появляется еще один тип землевладения – княжеский (владельческий). Он имел место, как явление, по течению Аргуна (Чеченское владение), в Брагунском владении в низовьях Сунжи и, возможно, на склонах Качкалыковского хребта (Кумыкская плоскость). Со второй половины XVIII в. начинает складываться княжеское землевладение в Надтеречье. В определенной степени имелись попытки навязать выплату феодальной ренты за пользование землями по Сунже в районе впадения речки Яндери и низовьях Ассы со стороны князей Малой Кабарды[27].

Собственно чеченские и брагунские князья в том же XVIII в. имели вне аульных (общинных) земель собственные земли, которыми могли распоря-

жаться по своему усмотрению. Надтеречные князья – выходцы из чеченских, кумыкских и кабардинских феодальных фамилий – по праву первой заимки заняли тысячи десятин земли, которую заселяли крестьянами по собственному усмотрению, требуя податей и ряда работ в свою пользу (например, «на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокошению»). Часть качкалыковских, «чеченских», карабулакских и ауховских аулов связывали с князьями только отношения, возникающие с выполнением последними управленческих и представительских функций[28].

Именно со второй половины XVII–XVIII вв. в Чечне появляются условия для масштабного развития земледелия не связанного с удовлетворением чисто внутренних потребностей, а наоборот, позволяющего производить товарный хлеб. Мы имеем здесь не крошечные террасные участки, а от 20–30 до 100 десятин земли на саклю обрабатываемых большим количеством трудоспособных крестьян, обладающих высокой аграрной культурой. Показателем степени развития земледелия в равнинной Чечне является фиксируемое документально применение крепостнического труда: так, у чеченских узденей и князей отмечено наличие крепостных – от нескольких дворов до нескольких десятков семей[29].

Плодородные почвы равнинной части Чечни в сочетании с благоприятными природно-климатическими условиями позволяли выращивать разнообразные зерновые культуры. В северной (притеречной) зоне культивировали пшеницу, ячмень, просо и рис. Земли, прилегающие к течению Сунжи, служили для обширных посевов пшеницы и проса. В сведениях о земледельческом хозяйстве горцев, собранных в Кизляре в 1765 г., говорится: «в Чеченском владении… кроме фруктов всего довольно ж, и сверх того пшеница есть. В кумыцких: Брагунской, Аксайской, Андреевской, Костюковской и принадлежащих к их владельцам (чеченских. – Я.А.) деревнях по сю сторону реки Койсы… Кошкелду, Ясысу, Буртана, Янгы юрт… (есть) пшеница, ячмень, пшено сорочинское, просо, овощь… в Ауках и Карабулаках мед, воск и все, что выше писано есть…». Говоря об урожайности, можно сослаться на данные упомянутого нами выше академика Фалька: «Неурожаев почти не бывает. Обыкновенная жатва вознаграждает в 10 и 15 раз»[30].

Как видно из конкретных данных европейских ученых, не позже второй половины XVIII в. в Чечне отмечены посевы риса, из технических культур культивируются лен, конопля, табак и хлопок. Появление важной зерновой культуры – кукурузы (чеч. «хьаьжкIа», букв. «зерно хаджи») – традиция связывает с паломничеством в Мекку, входившую в состав Османской империи, где маис культивировался уже в XVII в. Во второй половине XVIII – начале XIX в. кукуруза распространяется не только на равнине, но и в горах Чечни, где поднялась до 1500 м над уровнем моря[31].

Судя по прямым и косвенным данным, чеченцы в условиях равнинного земледелия пришли к залежно-переложной системе и к широкому использованию возможностей орошения и обязательного удобрения земли (навоз, зола). Произошло и районирование пахотных орудий труда: здесь стал использоваться довольно сложный передковый, или «тяжелый» плуг, в который запрягали 6–8 волов и обслуживали 4–5 человек. Но внутри этого чеченского «типа» равнинного земледелия было несколько вариантов ориентированных на почвы сухой степи и влажные черноземные. В той же северной степной зоне чеченцы для посева зерновых под озимые (по стерне убранных яровых) использовали оригинальное орудие «кIомсар», представлявшее собой тяжелое бревно с 10–15 толстыми зубьями из твердого дерева. В подобные «грабли» с ручками запрягали волов[32].

Уборка зерновых в Чечне осуществлялась серпами и косами, молотьба шла на подготовленных площадках специализированными орудиями труда. Мололи зерно на водяных мельницах. Так, в 1745 г. отмечено, что помол зерна производится успешно в Чечен-Ауле и близлежащих «деревнях» по Аргуну, куда приезжают с зерном и брагунские жители[33].

Следует отметить, что множество маленьких водяных мельниц наблюдалось и в горах. Вот ее классическое описание: «Эти мельницы состоят из жернова, приводящего в движение ось маленького горизонтального колеса, на которое падает под косым углом вода из деревянного желобка или оросительной канавки. Воронкообразный бункер для зерна из коры дерева висит на четырех веревках, он постоянно раскачивается от толчков палки, которую приподнимает мельничный жернов. Заостренный камень, вставленный в отверстие другого камня, прижимает пробку катушки (шкива) и вилкообразную балку под осью, приподнимая и останавливая мельничный камень посредством камня, помещенного ниже. В этом механизме нет металлических деталей»[34].

О выработке товарного зерна сверх необходимого в крестьянском хозяйстве на той же Чеченской и Кумыкской равнинах свидетельствуют данные о крупных и средних водных каналах, соединявших пространство междуречья рр. Аксай и Акташ, Джалка и Гумс, Хулхулау и Аргун, Гехи и Валерик. Так, к первой трети XIX в. в некоторых частях Чеченской равнины система орошения складывается как сплошная[35].

На рубеже XVIII–XIX вв. С.М. Броневский (его работа была завершена в 1810 г.) писал: «Мирные чеченцы вообще живут на Сунже и Тереке имея в своем владении плодороднейшие земли пахотные и сенокосные, при изобилии вод и лесов, упражняются с успехом в земледелии и скотоводстве, имеют виноградные сады, сеют пшеницу, ячмень, кукурузу и всякие огородные овощи… Избытки сих произведений продают в Кизляре или ссужают оными

своих единоплеменников, которые привыкли находить тут свои хлебные запасы; да и земли остающиеся в излишестве отдают в распашку неприязненным (имеются в виду горным. – Я.А.) чеченцам…»[36].

Возможно, что С.М. Броневский воспользовался данными полковника А.И. Ахвердова, по 1803 г. служившего на Кавказе. Последний указывал: «Чеченцы имея от самой речки Сунжи к Тереку отменные… и в великом количестве, как для пахоты, так и для покосов, земли, уделяют непримиримых к нам чеченцам заставляя их… обще с ними сеять хлеб, жать, молоть, также косить сено и все то убирать… а чрез то весь вообще народ чеченский, … пользуется безнужным хлебом и сенами, а иногда и продают»[37].

Таким образом, А.И. Ахвердов и С.М. Броневский отметили великий в масштабах Чечни хозяйственный переворот, приведший страну от сугубо натурального типа хозяйства и ограниченного воспроизводства демографического потенциала к настоящей продовольственной революции, к полному обеспечению дешевым хлебом населения (и в связи с этим к быстрому росту его численности). Вместе с тем, появление «дешевого кумыкского и чеченского хлеба» на местном хозяйственном рынке Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. ведет к падению роли террасного земледелия не только в Нагорном Дагестане, но и в горной Чечне, и соответственно к усилению производства продукции кустарных промыслов населения горных обществ, шедшей в обмен на хлеб.

Успешное развитие земледелия на равнинной части Чечни в XVIII в. привело к ускоренному росту производительных сил в целом всей страны, к развитию новых форм социально-общественных отношений, ориентации чеченских владений и обществ на развитие торгово-экономических связей с Россией и народами Кавказа[38].

В целом чеченский хлеб дал толчок многим процессам социально-политического характера не только в Чечне, но и на всем Северо-Восточном Кавказе. На сцену политической жизни региона впервые выходит рядовой чеченский крестьянин-уздень, труженик, основной производитель материальных благ, который держал в своих руках основные средства производства, главным образом землю. Это приводит к возрастанию его социальной, общественной и политической роли. Тем более что теперь крестьянская семья могла вооружиться не хуже профессионального воина-дворянина (уздень).

Известный русский историк М. Покровский отметил процесс постепенного смещения «социальной тяжести с непроизводительного военного класса горцев (аристократии. – Я.А.)… на производительный – на крестьянство»[39]. Указанный процесс, который завершился в равнинно-предгорных районах, главным образом Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа, до конца XVIII в. был обусловлен, прежде всего, увеличением удельного веса земледелия.

Таким образом, на протяжении XVI–XVIII вв. в развитии земледелия в Чечне произошли серьезные структурные и иные сдвиги, вызванные в первую очередь возвращением чеченцев на плоскость. Так, если в XVI – первой половине XVII в. мы наблюдаем процесс «освоения» сунженско-терской плоскости с использованием ее в интересах, прежде всего скотоводства, охоты и рыболовства, то примерно с середины XVII в. начинается прямое и массовое земледельческое освоение предгорных равнин. Это было явление реконкисты (возвращения) этноса в пределы исторического проживания. Этот же процесс можно назвать и внутренней земледельческой колонизацией края. Все это влекло за собой неизбежное изменение не только собственно чеченской агрокультуры, приспособленной к условиям гор, но и характера традиционного землепользования и землевладения. В течение XVIII в. равнинные районы Чечни уверенно лидируют в экономике края, а продукция земледелия начинает занимать некоторое место и на зерновом рынке всего Северо-Восточного Кавказа.

В исторической науке вместе с тем не отмечена еще одна важная сторона земледельческой «революции» в Чечне: она способствовала складыванию единого хозяйственного пространства в XVIII в. в стране и прилегающих к ней районах. Данное обстоятельство не могло не вести и к организации некоего «национального пространства» нахоязычных обществ и аулов, к усилению процесса нациообразования.

В сферу торгово-зернового рынка, сложившегося на территории предгорно-равнинной части Чечни к концу XVIII в., прочно «втягиваются» вся горная Чечня, андоцезские и авароязычные общества Дагестана, Малая и Большая Кабарда, отчасти Кумыкия, ингушские общества и станицы гребенских казаков. Именно поэтому с первых лет XIX в. царское командование ставит своей главной задачей разорение плоскостной Чечни по линии р. Сунжа и оттеснение населения в горы как непременного условия покорения всего Северо-Восточного Кавказа.

§2. Скотоводство горной и равнинной зон страны

В развитии данной отрасли хозяйства на территории Чечни в XVI–XVIII вв. были свои этапы и особенности, связанные как с географическими и природно-климатическими условиями местоположения тех или иных обществ в горах, так и с массовым выходом чеченцев на плоскость, повлекшим освоение обширных степных пастбищ и потребность изменения традиционного скотоводческого цикла.

В XVI – первой половине XVII в. основная часть населения Чечни непосредственно сосредотачивалась в горах. Плоскостные районы страны являлись на то время зоной хозяйственного пользования, главным образом в

интересах скотоводства. Данная хозяйственная отрасль горной зоны Чечни, насчитывавшая к XVI в. уже несколько тысячелетий своей истории, была гармонично приспособлена к сложным природным условиям. Породы скота, приемы и методы выпаса, орудия труда, технология обработки продукции скотоводства в своем неизменном виде дожили в Чечне до начала XX в. и вполне поддаются изучению благодаря материалам наблюдателей и этнографов XIX–XX вв.[40]

Документальные источники XVI – начала XVII в. (ограниченные русскими официальными документами) свидетельствуют о разведении ауховцами-окочанами овец, крупнорогатого скота (быки, коровы) и лошадей. Причем скот, судя по отрывочным данным, разводился не только в интересах домашнего хозяйства и натурального потребления, но и шел на продажу.

В 1609 г., когда служилый нахский феодал Батай-мурза Ишеримов бежал из Терской крепости в «Окохи» то воеводы конфисковали его стада, состоявшие из быков, коров и овец и раздали в качестве «государева жалованья» нескольким стрелецким сотням. В 1614 г. рядовые служилые окочане Терской крепости, выходцы из «Окох», жалуются, что служилый князь Сунчалей отнял своей властью у 3-х рядовых окочан собственность в 50 голов крупного рогатого скота. Здесь же упоминаются в их хозяйстве и табуны лошадей[41].

Еще один выходец из «Окох» служилый мурза Чепан Кохостров, приехав из Терков в Москву на прием к царю Михаилу в качестве подарка представил 2-х породистых аргамаков. Первый конь был оценен казной в 25 рублей, а второй в 20 рублей (это при том, что годовое жалованье рядового окочанина в Терках составляло 3–5 рублей). Надо отметить, что коней, безусловно, имели все служилые окочане, так как они несли верховую службу, связанную с участием в дальних поездках и в боевых действиях. Кроме того, они были обязаны по статусу «службы» давать подводы для «государевых посылок» с быками и лошадьми с необходимым кормом, обеспечивать мясное питание царских посланцев, поставляя овец[42].

Следует особо отметить, что зона Терско-Сулакского междуречья вплоть до Каспия, включая земли в бассейне рр. Аксай, Ярык-Су, Яман-Су, Акташ, оставались в XVI–XVII вв. основной кормовой базой не только местного кумыкского и ауховского населения, но и горцев Чечни и Дагестана. Дело в том, что здесь: «скот, как зимою, так и летом ходил на пастбища», т.е. имелись зимние выпасы. Одной из главных причин переселения жителей из горной Акки задолго до XVI в. на восток в местность Аух некоторые авторы считают раннее наступление весны в этом регионе и наличие подножного корма зимой. Согласно данным историка А.А. Адилсултанова, на летних пастбищах ауховских селений скот выпасался в пределах аульных границ, а с наступлением зимы стада овец и коз перегоняли ближе к притеречным и прикаспийским пастбищам, где их размещали по зимним кутанам и хуторам[43].

При этом остается неясным характер пользования зимними пастбищами в кумыкских княжествах «неподданными» горцами, скажем, теми же «мичкизянами» (восточными чеченцами), – аренда зимних кутанов или плата князьям за охрану. Известно, что на протяжении XVII в. между кумыкскими, аварскими феодалами и мичкизскими старшинами существовали союзнические политические связи, основанные в том числе и на взаимохозяйственной зависимости. Горные жители имели острую «необходимость во время зимнее в пастбищных местах кумыкам принадлежащих, для прокормления стад своих и особенно овец…». В связи с этим можно привести свидетельство 1746 г., когда чеченские князья, пытаясь восстановить контроль над своим родовым владением – дагестанским обществом Гумбет (в Салатавии), старались организовать захват скота горцев (до 15 тыс. овец) находившихся на зимних степных пастбищах Северного Дагестана[44].

Если Восточная Чечня, Аух и, в частности, несколько горных союзов обществ Чечни имели более или менее устоявшуюся хозяйственную скотоводческую систему, с наличием горных, предгорных и степных (равнинных) пастбищ, что позволяло им обеспечивать собственные нужды и иметь некоторые товарные излишки, то куда более сложнее была ситуация для горцев отдаленных аулов центральных, южных и западных районов горной Чечни, несколько зависящих от внешних пастбищ. Согласно археологическим данным XVI–XVII вв. здесь наличествовали такие отрасли скотоводства, как овцеводство, разведение крупного рогатого скота и отчасти свиноводство. Даже в середине XVII в., согласно русским документам, в «Шибуцкой землице» в верховьях Аргуна имелась немусульманизированная часть жителей, которая употребляла в пищу свинину[45].

Альпийские луга в чеченских горах давали хорошие возможности для развития скотоводства, но только в летнее время и в основном в верховьях бассейна Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна. В зимнее время альпийские пастбища были засыпаны снегом, запасы заготовленного сена расходовались главным образом на стойловое содержание крупного рогатого скота. Овцеводам, к каковым относились все горцы без исключения, надо было искать выход в Грузию или в более солнечный Дагестан, либо в притеречные и присулакские степи. Трудные и долгие дороги, войны и набеги создавали на этих направлениях отгонного скотоводства много затруднений.

Можно полагать, что в XVI–XVII вв. целый ряд горных селений, имевших пути сообщения с Дагестаном пользовались пастбищами, находившимися под контролем дагестанских обществ и аварского хана, выплачивая за их аренду овцами. По крайней мере, известия XVIII в. указывают, что в горной Чечне практиковалось эпизодическое направление сезонного перегона скота в Нагорный Дагестан: «Овец для пастьбы отгоняют большею частью в земли аварского хана и андийцев (с заплатою владельцам земли…)»[46].

Другие аульные общества практиковали перегон стад в Тушетию и далее в Алазанскую долину Грузии, что давало возможность тем же тушинцам в середине XVII в. уверенно заявлять, что они с шибутян «емлют з деревни по десяти баранов»[47].

Этнографические и иные материалы по собственно горной Чечне говорят, что здесь пастбища традиционно делились на «ближние» (аульные), «дальние» (альпийские) и «степные» (внешние, равнинные). При этом соблюдался строгий порядок выпаса скота в зависимости от вида, возраста и сортности трав на тех или иных пастбищах: первым выпускался на пастбища крупнорогатый скот, поделенный соответственно на три группы – молочный, нателы и молодняк. Затем выпускались следом овцы. Все это происходило либо под строгим контролем общины, если речь шла об аульных, ближних пастбищах, либо с общего согласия (договора) жителей разных обществ на «дальних» и «горных» пастбищах. Кроме того, в отдельных горных обществах пастбища, в т.ч. «ближние», могли делиться на «летние» и «зимние». В связи с этим важно наблюдение дагестанских этнографов, что на некоторой части вершин пастбищных гор Нагорного Дагестана, открытых солнцу трава держалась и в зимнее время. Выпас животных на «зимних пригревах» в летнее время настрого запрещался. Их использование сельские общины разрешали только со второй половины зимы[48].

Альпийские луга высокогорной зоны Чечни (где люди не селились), как правило, считались общим достоянием страны.

Пастбища, принадлежащие одной крестьянской общине или союзу обществ, представляли собой в горах склоны близлежащей горы, которые и получали соответствующее название по названию общины (Чермой-лам, Беной-лам и т.д.). В некоторых обществах часть пастбищ в силу сложного географического рельефа или малоплодородности могли быть поделены на отдельные участки, находившиеся в использовании отдельных семей или фамилий[49].

С началом массового возвращения чеченцев с гор на плоскость (по крайней мере, с середины XVII в.) и с завершением этого процесса в течение XVIII столетия в традиционном хозяйстве населения Чечни происходят серьезные изменения. Это было неизбежно, так как изменения природно-климатической среды обитания основной части населения влекли изменение всего комплекса, обеспечивающего жизненное существование крестьянина.

Удельный вес скотоводства в хозяйстве населения равнинной зоны Чечни в XVIII в. начинает уступать земледелию, хотя в количественном исчислении овец и коров становится значительно больше ввиду наличия широкой кормовой базы. Так, наблюдатели XVIII – начала XIX в. определяют поголовье скота одних только у надтеречных чеченцев в 200 тыс. овец. Появляются указания на массовое разведение не только овец и коров, но и лошадей. То же овцеводство носит теперь экстенсивный, отгонный характер[50].

По мере повышения летних температур равнинные чеченцы старались перегонять скот в горы. Согласно данным 1757 г., «скот их (чеченцев. – Я.А.) в жаркое время содержат в горах, в крепких местах». Согласно более поздним данным, равнинные чеченцы, то ли за пользование горными пастбищами, то ли и за прогон скота по землям местных коллективных владельцев, платили т.н. «ламараялъ» (налог гор)[51].

Для содержания скота в зимнее время чеченцы проводили масштабные заготовки сена. При этом, как отмечают этнографы, заготавливаемый корм различали по питательности и степени сохранности. Так сено, скошенное с менее влажных солнечных склонов, скармливали в последнюю очередь, в предвесеннее время. Следует сказать, что заготовка трав представляла собой в чеченских обществах большую хозяйственную систему, сложившуюся в течение веков. Также из поколения в поколение складывалось и частное право на окультуренные покосы («цана») отдельных семей и фамилий[52].

По-видимому, в высокогорье и среднегорье чеченцы разводили традиционные породы мелкорогатого и крупнорогатого скота, которые называют «горскими», а в предгорно-плоскостной зоне также тушинские, карачаевские и степные (ногайские) породы овец. При этом распространенные в Чечне породы домашних животных отличались хорошими бонитетными данными и были приспособлены к местным природным условиям. Так, в 1718 г. европейский ученый на русской службе Готлиб Шобер, побывавший на территории современной Чечни, писал: «овец на сей земле зело тучны бывают, только что едва ли в англицком государстве таковые обрящутся. К тому же вкусом добрым и шерсть такова мягка, что с шпанскою шерстию в равности будет»[53].

Удельный вес скотоводства в горной зоне Чечни и в XVIII в. оставался традиционно высоким. Русские документы того времени отмечают, что горцы «овцами, коровами… богаты», что их основное «богатство и промышленность… состоит в скотоводстве»[54]. Тенденция хозяйственного развития во всех горных районах Северо-Восточного Кавказа, в связи с усилением хлебопроизводства в равнинной Чечне и Кумыкии, заключалась теперь в выгодном обмене продукции животноводства и изделий из животноводческого сырья на дешевый равнинный хлеб.

Скот, в особенности овцы, служили в Чечне по традиции мерилом стоимости и главной платежной единицей наравне с звонкой монетой при торговых сделках, выплате штрафов не только в XVI–XVII вв., но и в XVIII столетии. Быки использовались как тягловая сила при перевозке грузов на арбах и в сельскохозяйственных работах. Потребность в тягловой силе росла на равнинной части Чечни с увеличением посевных площадей. Основную долю

молока, масла и сыра в хозяйстве горцев давали коровы и в меньшей мере буйволы. Кроме того, шерсть, овчины, кожи, кость, столь остро необходимые в полунатуральном хозяйстве горцев, также давали домашние животные[55].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о коневодстве. Еще данные начала XVII в. говорят о наличии данной отрасли в хозяйстве окочан-ауховцев и служилых терских окочан – они не только имели конские табуны, но и выращивали породистых лошадей (аргамаки), достойных для дара московским царям. Для остальной части чеченских обществ развернутых данных нет.

Наличие верховых лошадей в основной части Чечни XVI–XVIII вв. несомненно, но коневодства как отрасли здесь не наблюдается. Формирование пород местных лошадей в горной зоне Северного Кавказа было связано с доставкой грузов и всадников по тяжелым горным тропам, дальними переходами в условиях резких перепадов температур. В целом, во всем регионе сложилась т.н. «горская» порода лошадей, известная в специальной литературе и как «карачаевская» или «карачаево-балкарская» порода. В аулах равнинной части Чечни в XVIII в. господствуют породистые лошади из Кабарды и Адыгеи. Известны, например, разовые поступления в Чечню табунов до 300 голов из «Бесленеи» (Северо-Западный Кавказ)[56].

Источники отмечают, что в горных условиях определенное место занимали более неприхотливые, по сравнению с лошадьми, ослы и мулы, использовавшиеся в качестве вьючных животных и тягловой силы, но никак не для езды[57].

В целом скотоводство играло важную роль в хозяйственной жизни населения Чечни, где-то превалируя над земледелием, а где-то дополняя его. Такое сочетание давало определенную устойчивость типичному горскому крестьянскому хозяйству и служило основой большой сопротивляемости нации природным и военным катаклизмам.

Следует также отметить, что с быстрым ростом населения в плоскостной Чечне в XVIII в. и возрастанием количества аулов кормовая база для безудержного роста поголовья скота суживалась. Между «вольными» аулами и феодальными владельцами все чаще возникают конфликты из-за покосов и пастбищ переходящие порой и в вооруженные стычки.

Необходимость регулирования направлений сезонных перегонов скота в пределах страны и за пределы Чечни порождали те или иные политические союзы или, наоборот, противоречия, влиявшие и на общую обстановку на Северо-Восточном Кавказе.

§3. Кустарные промыслы и ремесла

Уровень развития земледелия и скотоводства в Чечне в XVI–XVIII вв. определял и степень развития крестьянских кустарных промыслов и ремесел, основанных на переработке продукции земледелия, скотоводства, а также природных ископаемых и даров природы. Ремесленное производство – занятие, требующее профессионального мастерства и отрыва производителя от традиционного сельскохозяйственного труда, изначально существовало в Чечне в области каменного строительства, кузнечного, оружейного, гончарного, бурочного производства и отчасти деревообработки.

Состояние кустарных промыслов и ремесел на территории Чечни в XVI–XVIII вв. устанавливается в основном по археологическим, этнографическим данным[58] и некоторым документальным источникам, ранние из которых относятся к чеченскому (ауховскому) и кумыкскому населению Северного Дагестана и в немалой степени к нахской общине русского пограничного Терского города. В XVIII в. появляются документальные сведения о ремесленных занятиях чеченцев, проживающих и на собственно основной территории Чечни.

Следует отметить, что в условиях господствующего натурального уклада в хозяйстве чеченцев, особенно в высокогорной зоне, те же кустарные промыслы представляются относительно развитыми. Они не только органично дополняют нужды типичного крестьянского хозяйства, но и дают некоторые излишки. Возникает первоначальное разделение труда по ущельям и общинам, вызванное естественно-природными факторами. В записках автора XIX в. Н. Воронова «Из путешествия по Дагестану» мы находим описание хозяйственной жизни типичного горского общества, данное самими его жителями: «У нас нет особого какого-либо ремесла, которым бы мы славились на весь Дагестан… а у нас всего понемножку: найдется свой кузнец, свой скорняк, свой серебряк, свои плотники и каменщики; есть и свои торговцы, которые ходят в соседние места на покупку товаров, а потом продают их у себя в ауле… и на зиму редко кто отправляется со стадами…

Пониже, где теплее, сеем пшеницу, а повыше – рожь и ячмень; кто-то сеет еще и коноплю – на мешки. Домашние одежды приготовляют наши жены; сукна наши не славятся, а про свой обиход годятся»[59].

Настоящее описание можно дополнить столь же емкой этнографической зарисовкой из жизни населения равнинной Чечни начала XIX в.: «Жены чеченцев – вечные труженицы и работницы… есть и между чеченцами люди трудящиеся: оружейники, серебряники, седельники, плотники, портные, черевичники и другие мастеровые. Клинки чеченских кинжалов славятся у всех горцев. Трубки, выделываемые из твердого дерева и довольно искусно оправляемые серебром, продаются в значительном количестве кизлярским армянам. Жены чеченцев приготовляют грубое сукно и искусно ткут серебряные позументы для украшения мужских и женских платьев»[60].

В горском обществе издревле существовало разделение труда между полами. Так, женщины, помимо домашнего труда, занимались шерстяным де-

лом: они готовили войлоки, паласы, хурджины, бурки, носки, сукна. На их плечах лежала выделка полотна из конопли или льна, шелковых и хлопчатобумажных ниток, плетение, золотое и серебряное шитье. Изготовление одежды, легкой кожаной и шерстяной обуви также было женским делом. Женским делом считалось и гончарное производство.

Мужчины занимались зерновым и скотоводческим хозяйством, строительством, обработкой камня, дерева, кости, выделкой кож, изготовлением хозяйственных ремней и кожаного инвентаря, работой по металлу и т.д.[61]

В Чечне можно также проследить определенное зональное распределение кустарных промыслов и ремесел по линии горы-плоскость, или Восточная Чечня, Южная (высокогорная) и Западная Чечня. Особыми районами в XVI–XVIII вв. можно считать общества Аух и Качкалык, тесно связанные с ремесленными центрами кумыкской части Дагестана. Но при всем при этом на всей территории Чечни, а также Ингушетии и Ауха, отмечалась терминологическая идентичность в названиях орудий труда, инструментов, производственных характеристик, мер веса и объема, системы измерений и т.д.[62], что говорит о давней хозяйственной взаимосвязанности и взаимодействии в географических рамках расселения всего нахского этноса.

Строительная специализация традиционно всегда была сильна в южной и западной части горной Чечни, где, по крайней мере, с эпохи раннего средневековья создавались самые различные монументальные памятники зодчества: боевые и жилые башни, замковые комплексы, храмы, склепы, мавзолеи и святилища. При этом традиция масштабного каменного строительства сохранялась в Чечне вплоть до середины XVII в., а в западнонахских обществах (Ингушетия) и в XVIII в. С распространением пороха и выселением горцев на плоскость чеченские оборонительные комплексы теряют свое значение. Так, боевые башни перестают строить где-то с XVII в. (в XIX в. их даже разбирают). С уменьшением удельного веса больших «многоколенных» семей в чеченском обществе прекращается строительство с конца XVIII в. и жилых башен.

Согласно этнографическим данным, чеченские зодчие-строители имели широкую и узкую специализацию: мастера высшей квалификации строили исключительно боевые башни классического типа, другие сооружали жилые башни и хозяйственные постройки, третьи могли специализироваться на сооружении надземных склепов и святилищ[63].

В XVII–XVIII вв. в Чечне становится актуальной задача повсеместного строительства мечетей. Небезынтересно отметить, что в горной зоне при возведении мусульманских молитвенных сооружений строители использовали традиционные навыки – здание мечети воздвигалось в форме жилой башни, а минарет в виде боевой башни.

Жилая башня «гІала» характеризовалась двух-трехэтажной однокамерной постройкой, имеющей в основании прямоугольник от 6х7 до 8х12 м, а то и квадрат. Такие сооружения были представлены практически во всех горных аулах Чечни западнее Шаро-Аргуна. Восточнее указанной реки боевые и жилые башни представлены главным образом в аулах общества ЧІеберлой. За строительство жилой башни мастер со своей бригадой получал от 10 до 25 коров, но могли расплатиться землей, оружием, рабами[64].

Боевые пирамидальные башни Чечни представляли собой узковытянутое вверх каменное прямоугольное сооружение (в основании от 4х4 до 7х7 м) высотой от 15 до 25 м с углом сужения стен 4–10 градусов. Число этажей достигало пяти, а вход-лаз располагался на высоте 3–4 м. Поздние типы боевых башен имели со всех сторон бойницы, а в верхней части башни снабжались машикулями. Подобное сложное сооружение обходилось владельцу (и только в качестве платы строителю) в 50–80 коров (соответственно 800 овец или иной эквивалент стоимости)[65].

Прекрасными образцами народного зодчества являются поздние боевые башни в селениях ЧІаьнти, Шатоя, Хайбаха, Майста, Малхиста, Мержоя, Терлоя, и т.д. К основным районам каменного строительства в Чечне относились окрестности озера Кезеной-Ам, ущелья Шаро-Аргуна, Чанты-Аргуна и Ассы, верховья Гехи, Фортанги, и т.д.

Как правило, секреты строительного мастерства передавались из поколения в поколение, поэтому строительные приемы и навыки являлись делом семейным. Обычно работал глава семьи и один из его сыновей, но иногда ремеслом занималась вся семья, а то и фамилия. При этом строители никогда не вели сбор и ломку камня, этим занимались люди со стороны – наемные рабочие. Отдельной специализацией являлась добыча, и обжиг весьма ценной извести, использовавшейся в строительстве как основа скрепляющего раствора. Согласно фольклорным данным, постройка должна была выдержать без трещин не менее семи лет, в противном случае мастер нес полную ответственность[66].

Добыча и обработка камня в XVII–XVIII вв. получили развитие и на плоскости, где камень шел главным образом на строительство мечетей, фундаментов домов и для сооружения погребальных памятников. Каменные выходы поделочного камня-песчаника, известные во всей Чечне, находились в районе сел. Чурт-ТогІи (Чертугай), Исти-Су, Акташ-Аух и в других местах по Терско-Сунженскому хребту. Согласно сообщениям этнографов, карьеры принадлежали, как правило, местным сельским общинам, которые заключали соглашение с камнерезами об объемах добычи камня и платы за него. Здесь так же существовала определенная специализация – одни ломали камень, другие на месте изготавливали строительные блоки, третьи увозили матери-

ал в свои надомные мастерские, где изготавливали декоративно украшенные надмогильные памятники – «чурты»[67].

К XVIII в. основным типом жилища населения горной Чечни являлись открытые со стороны фасада, дома из дикого камня (связанные известью или глиной) с плоской земляной (или из сланцевого шифера) крышей – «цIа», известное в литературе как «горская сакля». Жилища жителей равнин представляли собой турлучные (плетенные из веток стены с глиняной обмазкой) или из сырого кирпича дома, вытянутые в длину в несколько комнат (крыша была плоской земляной, либо камышовой). Из того же материала или дерева строились также хозяйственные постройки и отдельные кунацкие – гостевые «дома»[68].

Рис. 4. Сложный кольчато-пластинчатый доспех с железной маской чеченского воина (XVI–XVIII вв.), найденный в с. Тусхарой Чеченская Республика (фото)

Подобные сооружения уже не требовали особого мастерства и выполнялись отдельными семьями с помощью односельчан. Тем не менее, мы можем говорить о наличии в Чечне в XVI–XVIII вв. категории профессиональных ремесленников-строителей, отделенных от сельскохозяйственного производства. Чеченские каменщики имели известность и за пределами страны, так майстинские мастера приглашались для строительства оборонительных башен в Хевсуретию и Тушетию (Грузия). Большую известность в стране имели и строители из Терлоя[69].

Относительно высокоразвитым и специализированным являлось в Чечне оружейное ремесленное производство. Основные виды защитного и боевого наступательного оружия производились во многих горных и равнинных районах Чечни. Здесь наличествовали как сугубо специфические приемы обработки металлов и «марки» оружия, так и образцы, характерные для всего Северного Кавказа.

Из защитного оружия в Чечне с древности были известны кольчуги, шлемы, налокотники, кольчужные рукавицы, щиты и кожаные нижние одежды специальной выделки, защищавшие от пуль и стрел. Наступательный арсенал чеченцев насчитывал кинжалы, шашки, копья, боевые топоры, чеканы, булавы, луки и стрелы, ружья и пистолеты[70].

Вследствие военизированного быта горцев все элементы данного вооружения или часть их наличествовала в каждой семье. Каждый взрослый мужчина в Чечне являлся воином и должен был по первому призыву вступить в ряды ополчения. Поэтому объем производства горского оружия возрастал по мере роста коренного населения Чечни, а также численности терско-гребенского казачества, вооружавшегося по кавказскому образцу и, главным образом, чеченским оружием.

Рис. 5. Образцы горского огнестрельного и холодного оружия (фото)

Как правило, профессиональные оружейники работали на заказ. В производстве сложносоставных луков и стрел (этот тип оружия использовался в Чечне на протяжении всего XVIII в.) отличались мастера из горных обществ Чечни: Майсты, Нашаха, Никарой, Хой и Ялхорой. Имелось также небольшое селение, специализировавшееся на изготовлении стрел – «пха». Оно так и называлось Пхарчхой. Не только в Чечне, но и в пограничных районах Грузии славились т.н. «кистинские» (аргунские) кольчуги[71], сделанные по восточным образцам, и стальные наголовники с кольчужной сеткой – «мисюрки». Весьма дорогими и редкими были образцы чеченских шашек, выделывавшихся по особой технологии – «волчок» (терсмаймал-тур), «гурда», «калдым» и др. Центрами производства качественного холодного и огнестрельного оружия являлись в XVIII–XIX вв. такие чеченские села, как Старые Атаги, Аух, Белгатой, Дарго, Дойкар-Аул, Джугурта и др.[72]

Необходимо отметить, что проникновение огнестрельного оружия в Чечню произошло не позже XVI в. Знакомство с «огненным боем» происходило благодаря турецким, крымским, иранским и русским образцам фитильных, а затем и замковых кремневых ружей. По крайней мере, с XVIII в. завоевывает все большую популярность собственно чеченское ружье – «нохчи топ». Оно рано получило нарезы и являлось по существу винтовкой дульного заряжа-

ния. Ружья производились в целом ряде равнинных и горных селений; своим искусством выделялись отдельные мастера и фамилии, например, из того же Ауха[73].

Холодное оружие, ружья и пистолеты украшались богатой серебряной и золотой насечкой по металлу, покрывались серебряными листами накладок с чернью. Так, в документе 1751 г. упоминается, что в багаже чеченского князя было ружье в серебряной оправе, сабли и пояса также в серебряной оправе[74].

В середине XVIII в. в Чечню переходит некий черкесский аул, который, находясь под покровительством чеченского князя Расланбека Айдемирова и имея «кузнечного мастерства служителей», занимался производством на продажу топоров, кос, сабель и ружей[75]. Возможно, здесь имел случай аульной ремесленной специализации, приведшей не только к разрыву с традиционным земледелием и скотоводством, но и к своеобразной «откочевке» горского ремесленного «цеха» в более привлекательные районы, в данном случае из северо-западной части Кавказа в Чечню.

Распространение огнестрельного оружия привело к зарождению производства местного пороха и увеличению добычи свинца. Черный порох изготовлялся из селитры, древесного угля и серы, и его качество зависело от чистоты ингредиентов. Так, натуральная селитра (в виде натека на скалах) и природная сера добывались близ сел. БІавлой, Шатой, Шарой и Мартан-Чу. Кроме того, селитру повсеместно получали выщелачиванием подстилки в загонах для скота, обработкой высушенной крапивы и конопли. Серу извлекали и из природных минеральных источников, в частности «около Брагунских теплых вод».

Свинец добывался в Мулкое, Майсте, Шарое, Кей и Хакмадое. Документ 1629 г. сообщает о поездке русских стрельцов с Терека в, возможно, нахские горные общества «Мылкынец» (Мулкой) и «Колканех» (колканцы - галгай или горные грузины?) для покупки именно свинца[76].

С оружейным производством тесно было связано собственно кузнечное ремесло. Чеченские кузнецы («аьчкан пхьар») производили металлические элементы пахотных орудий, косы, подковы, топоры, простые, т.н. «черные» (рабочие) кинжалы, ножи, серпы, гвозди и цепи. В частности, орудия труда на продажу изготовляли в Брагунах, Девлет-Гирей-юрте и Дарго (Ичкерия)[77].

Традиционно кузнецы в чеченских аулах находились на особом положении, заключавшемся в почитании огня, металла и магии мастерства. Отдельные из них работали на заказ, как правило, в крупных селениях, а большая часть нанималась той или иной общиной на определенное время для обслуживания нужд всех общинников. Кузнец не только занимался ремонтом, но и изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, подковывал лошадей,

делал простейшие кинжалы и ножи. Он же владел нехитрым слесарным мастерством.

Согласно этнографическим данным, кузница в равнинной Чечне представляла собой четырехугольное или овальной формы строение с турлучными стенами и земляной крышей. По наблюдениям этнографов общинные кузнецы получали участок земли, который обрабатывался для него коллективно, им предоставлялось право неограниченного выпаса скота, а также выплачивали с каждой семьи условленную меру зерна и других продуктов. Горские кузнецы пользовались популярностью и в казачьих гребенских станицах. Как сообщает документ: «татара к ним приходя, исправляют кузнечную работу… делают к ружьям замки и ложи, а стволы покупают в Москве»[78].

Отдельной специализацией в хозяйстве Чечни являлось производство медно-бронзовых изделий. Мастера этого промысла назывались «цІестан пхьар» (медных дел мастер) и они ориентировались на выпуске тазов, котлов, совков для муки, мерных кружек, кумганов («гІумгІа») и больших высокогорлых кувшинов для воды с большой ручкой – «кІудал». Вся посуда подобного рода украшалась пунсонным и иным сложным орнаментом, зачастую лудилась оловом или серебрилась, и пользовалась большим спросом как в Чечне, так и за ее пределами[79].

Гончарное дело в Чечне, как уже указывалось выше, являлось уделом женского труда. Гончарный круг был известен в Чечне с древних времен, запасы гончарной глины и лес для обжига имелись повсеместно. Из сохранившихся артефактов известно, что в Чечне изготавливали разнообразные виды глиняной посуды, удовлетворявшие все бытовые и хозяйственные нужды – от больших сосудов вместимостью 100–200 литров для хранения зерна («гиба»), до столовых кувшинов с ручками, чашек, тарелок и кружек. В рассматриваемое время обжиг отличался темно-коричневым и красным цветом, использовалась повсеместно «поливная» техника, сосуды украшались лепным узором и орнаментом из природных красок. По более поздним данным известно, что в среднем семья гончара, работающего профессионально, могла изготовить до 2–2,5 тыс. изделий в год[80].

Образцы ювелирных изделий в Чечне XVI–XVII вв. представлены в виде разнообразных археологических артефактов, найденных в результате раскопок и обследования склепов и могильников в горной зоне: Шарое, Никарое, Ялхарое, Цече-Ахк и т.д. Мастера использовали для изготовления украшений такие металлы, как золото, серебро, бронзу, медь, железо, полудрагоценные камни и цветное стекло, специальную пасту для чернения и т.д.

В число ювелирных украшений входят разнотипные подвески, кольца и браслеты, перстни и брошки, газыри и застежки, и т.д. Мастера ювелиры, называемые в Чечне «дашо пхьар» (золотых дел мастер), а также «серебряки»,

помимо украшений, обрабатывали и конскую сбрую, мужские и женские пояса, клинковое и огнестрельное оружие. В работе горских мастеров использовались раздельно и в сочетании такие приемы обработки металлов как ковка, литье, выбивание по матрице, чернение, золочение, зернь и т.д.[81]

В позднем средневековье на территории Чечни получает распространение деревообделочное ремесло и расширяется ассортимент изделий из дерева. Данное обстоятельство было связано с появлением такого мощного для своего времени производственного механизма, как токарный станок – «чарх». Мастера производили работу либо ножной тягой, либо с использованием водяного колеса. На токарном станке изготовляли миски, чашки, бокалы, кружки, трости и т.д. Ковши, половники, ложки и ряд других предметов изготовляли вручную. Местные изделия из дерева украшались, как правило, геометрическим или растительным орнаментом. При этом для различных изделий использовали специальные типы древесины – бук, ясень, липа и т.д.[82]

В горной Чечне с незапамятных времен для перевозки тяжелых грузов употребляли деревянные сани, запрягаемые быками. Они делались из толстых дубовых брусьев, выдерживавших самые сложные усыпанные камнями тропы. С выходом чеченцев на равнину получило дополнительный импульс изготовление арб и сложных аробных высоких колес со спицами. В XVIII в. чеченские мастера не только закрывали внутренние потребности страны, но и вывозили те же колеса за Терек, к терско-гребенским казакам. В 1771 г. казаки просили Сенат Российской империи освободить ввоз аробных и тележных колес из Чечни от таможенных пошлин. В данном столетии отмечен также широкий вывоз в Кизляр и в казачьи станицы строительного леса, таркалов для виноградников и бочарных досок[83].

Немаловажной отраслью в традиционном хозяйстве Чечни являлась обработка шерсти. Из нее изготовляли на простейшем деревянном станке т.н. «чеченское» сукно, которое шло на черкески, накидки, мешки и паласы. Традиционной отраслью чеченцев было и производство бурок, войлоков, ковров, хурджинов и различных вязаных изделий. Об этом в своих записках пишет служивший в 1791–1803 гг. на Кавказе П.Г. Бутков: «Из рукоделий главное у них (чеченцев. – Я.А.) ткание сукон и валение войлоков на домашние употребления»[84].

Работа с шерстью являлась прерогативой женщин. Следует отметить, что шерстяное производство было довольно затратным и трудоемким процессом: очистка шерсти, мытье, сушка, разрыхление, теребение, расчесывание, прядение требовали зачастую коллективных усилий. Так, женщина могла промыть в день 2 пуда шерсти, расчесать до 2 кг, на изготовление пастушьей бурки ей требовалось 8-10 дней, а на изготовление белой т.н. «княжеской» бурки – до 30 дней. Уже в XVIII в. бурки, войлоки и сукна из Чечни распространялись

не только у горских соседей, но и в казачьих станицах и в Грузии. Вывоз горских бурок и сукна в значительных количествах чеченцами-окочанами в Астрахань зафиксирован уже в первой четверти XVIII в. Весьма облегчало обработку шерсти в аулах плоскостной Чечни наличие здесь горячих и сернощелочных источников, а также высокое качество шерсти[85].

Соответственно с наличием собственной сырьевой базы развивались в Чечне и иные промыслы. Так, весьма качественной считалась на Тереке обработка кож и шкур в Чечне, повсеместно было развито портняжное и скорняжное дело, по крайней мере, с начала XVIII в. распространяется шелкопроизводство. Следует отметить, что в XVI–XVIII вв. в женской и мужской одежде чеченцев произошли известные изменения, приведшие к усложнению элементов одежды, покроя, использованию разнообразных типов тканей, что было связано как с модой, так и распространением ислама и социализации общества. В целом самые характерные традиционные народные производства чеченцев благополучно перешли во вторую половину XIX в.[86]

Вместе с тем, необходимо отметить, что итогом развития ремесел и кустарных промыслов Чечни в исследуемый период так и не стало зарождение промышленного производства, которое в той же Европе началось в позднем средневековье с разделения труда и создания мануфактур. И в целом, и в частности производящее хозяйство Чечни обслуживало потребности местных обществ и аульных общин с определенным выходом излишков на внешние рынки, иногда и вследствие вынужденного обмена (из-за отсутствия звонкой монеты) своих изделий на металл, соль, фабричные и заводские изделия, пряности и краски.

Весьма примитивными способами и средствами осуществлялась в Чечне и разработка полезных ископаемых. Здесь была известна, например, добыча соли через выпаривание воды из соленых источников близ селения Датых и озера Турали в шамхальстве Тарковском. Использовались естественные выходы селитры и природной серы на всей территории страны и естественные выходы нефти, как в Беное (Восточная Чечня), так и на Терско-Сунженском хребте. Есть некоторые полевые этнографические данные и археологические подтверждения о производстве железа из т.н. «болотной» руды. Имеются документальные и полевые материалы о выплавке в чеченских аулах в небольших количествах меди, свинца и серебра, о добыче пескового золота в некоторых горных речках, например, в верховьях Чанты-Аргуна у сел. Кирд-Баьвниш. Сохранился также краткий отчет от 1789 г. неких горских рудознателей хунзахскому хану о поисках, правда безуспешных, золотых и серебряных руд в землях общества Химой (верховья Шаро-Аргуна).

Известно, что чеченский князь Казбулат имел доход от нефтяных колодцев, продавая сырую нефть в бочках на русской казачьей линии за Тереком.

Более поздние данные говорят, что жители нескольких горных мержойских селений (71 двор) покупали хлеб «посредством распродажи соли», выпариваемой из соленых колодцев в горах.

Согласно данным авторов XVIII в., собранных профессором Ш.Б. Ахмадовым, природная нефть давно использовалась горцами и казаками в хозяйственных целях – смазка, освещение, лечение, в т.ч. и скота. Свидетельства также говорят об использовании теплых минеральных источников равнинной Чечни в лечебных целях, в т.ч. и русским населением Терека (еще в XVII в.). Царская администрация вела разведки рудных богатств Чечни, предполагая их эксплуатацию в интересах «доходов государственных»[87].

В целом кустарные промыслы и ремесла в Чечне соответствовали уровню своего времени и обеспечивали основные потребности населения. Недостающее, а это главным образом были фабрично-заводские изделия, хлопчатобумажные и шелковые ткани, предметы роскоши, зеркала, проволока, красители, бумага, стекло и металлы, через покупку или обмен приобретали у торгующих купцов и на близлежащих русских и горских посреднических рынках.

К крестьянским промыслам относят «добычу» дикорастущей марены, охоту, рыболовство и пчеловодство (бортничество), в основе которых лежит использование природных даров. Указанные направления имели для своего развития в Чечне благоприятные условия: густые леса и разнотравье, богатые зверем, плодами и ягодами; равнинные реки были богаты красной «царской» рыбой и удобны для организации промысловой ловли сетями и бреднями и т.д.

Согласно данным путешественника 70-х гг. XVIII в. Иоганна Гильденштедта, на р. Терек встречались практически все виды каспийских рыб: белуга, осетр, севрюга, стерлядь, лосось, кизлярская сельдь и т.д. Кроме того, здесь и на ее притоках водились пресноводные виды рыб – щука, сом, усач, окунь, чебак и лещ. Добыча рыбы составляла важную статью в хозяйстве и питании горцев. Добытая рыба распластывалась во всю длину, солилась и высушивалась на воздухе. «В устье Сунжи, – отмечает С.М. Броневский, – ловят тамошние жители несколько рыбы для собственного своего продовольствия». Есть так же данные XVIII в. о претензиях червленских казаков на «рыбные ловли» на правом берегу Терека и на Сунже, где они сталкивались с чеченцами и брагунцами. Немалый интерес представляют также известия о рыболовном промысле чеченцев (включая ауховцев) в районе острова Чечень на Каспии[88].

Известным промыслом в Чечне XVI–XVIII вв. являлась и охота. Здесь добывался благородный кавказский олень, горный тур и горные козы, медведи, кабаны, лисицы, зайцы и куницы. Возможно, что еще в XVII в. в затереч-

ных степях водились дикие крупнорогатые животные («телки» -восточноевропейский тур?). Из птиц добывались фазаны, куропатки, перепелки, утки, гуси и т.д. Есть данные о наличии в водах Терека выдр, а в р. Сунжа бобров и выдр. В том же XVIII в. часть добытых шкур и пушнина диких животных вывозились в Кизляр и казачьи станицы[89].

В числе немаловажных промыслов Чечни XVI–XVIII вв. можно указать на бортничество и пчеловодство. Есть немало документальных, нарративных и этнографических данных начиная с XVI в., которые говорят о повсеместном распространении в стране «медвяного промысла» ввиду обилия лугов, лесов, садов, с одной стороны, и наличии заинтересованного населения – с другой стороны. Мед и воск добывались в таком объеме, что шли на русские рынки по Тереку. Домашние пчелы чеченцев содержались в специальных плетеных ульях «на подставках», которые по мере смены сезона трав и цветов перевозились с места на место. Менее значительную роль играло бортничество – охота за медом и воском диких пчел, откладываемых в дупла лесных деревьев. Следует отметить, что адаты горцев весьма строго преследовали кражу и разорение ульев[90].

Немалая заслуга в распространении в Чечне начиная с XVI в. маренного промысла сыграли чеченцы-окочане, жившие в Терском городе и рано познакомившиеся благодаря русским и персидским купцам с ценностью этого дикорастущего корня. Данное многолетнее дикорастущее растение давало природный краситель всех видов и оттенков для тканей и ковровой пряжи, не выцветавший ни при каких условиях. Как популярный краситель марена использовалась по всей Азии и Европе. Маренным промыслом в осеннее время занимались жители всех притеречных чеченских и кумыкских селений. Следует отметить, что марена в основном шла на продажу. Ее скупкой занимались на местах и в Кизляре горские, русские, армянские, персидские и индийские купцы. Так, документ 1631 г. свидетельствует, что некий иранец Талибечко подрядил в Терском городе местных русских людей, «черкас и окочан и юртовских татар копать травное коренье марену и отпустил тое марены в Кизылбаши… 4 бусы (корабля. – Я.А.)».

В 1757 г. московские купцы строят первый в России завод по переработке корней терской марены. Ее стоимость настолько возросла, что марену стали выращивать на Тереке и Сулаке на искусственных грядках, добиваясь высоких урожаев[91].

Таким образом, следует считать установленным, что в указанный период в Чечне существовали многие промыслы и ремесла, необходимые для удовлетворения личных и хозяйственных потребностей горцев. Вместе с тем, все они носят вспомогательный характер, за некоторым исключением: такие отрасли, как оружейное, суконно-войлочное, деревообделочное, ювелирное,

приобретали определенные товарные черты. Это обстоятельство играло весьма важную роль не только в хозяйственном, но и в социально-экономическом и политическом развитии края. Складывается социальная категория ремесленников, нуждавшихся в рынках сбыта своей продукции и за пределами края, а также в приобретении качественных железных и стальных «полос», заводских ружейных стволов, драгоценных металлов, некоторых химических соединений и т.д.

Широкое развитие того же оружейного дела в Чечне повышало потенциал местных воинов и качество вооружения народного ополчения в целом. Страна не испытывала недостатка в холодном, огнестрельном оружии и защитных доспехах, благодаря в т.ч. и ремесленным центрам Дагестана.

Поэтому периодически объявляемый запрет на русской границе по Тереку на вывоз металлов, не говоря уже об оружии, не сказывался на оружейном рынке Чечни. Ружье, кинжал и шашка становятся в XVIII в. достоянием практически каждого горского мужчины, из которых богатые приобретали еще кольчуги, шлемы и налокотники.

§4. Торговые центры и пути сообщения. Внутренняя и внешняя торговля Чечни в XVI–XVIII вв.

Характер развития торговли в чеченском обществе XVI–XVIII вв. определялся, прежде всего, уровнем развития производительных сил, наличием хозяйственной специализации тех или иных районов края (обусловленной естественно-природными факторами), наличием путей сообщения, близостью к значительным торговым путям, торгово-ремесленным центрам и городам регионального и общекавказского значения. Следует также учитывать характер и степень вовлеченности Чечни в ту или иную крупную региональную или международную экономическую систему того времени.

В рассматриваемый период для Чечни было характерно взаимодействие с региональной экономической системой Дагестана (главным образом через Кумыкию и Андию), иранской (и азербайджанской) субконтинентальной системой (через многочисленных иранских, азербайджанских и армянских торговцев на Северном Кавказе), османской континентальной экономической сферой влияния через торговые пути, ведущие от Каспия и Дагестана через Чечню к Черному, Азовскому морям и Крымскому полуострову. Весьма активно наш край в XVI–XVIII вв. втягивался в торгово-экономическую систему и русского государства (через русскую пограничную линию на Тереке), представлявшего собой региональную восточноевропейскую державу, а начиная с Петра Первого евроазиатскую континентальную Российскую империю, ставшую на путь «догоняющей» промышленной модернизации.

Впоследствии распада в конце XV в. некогда единой Грузии на отдельные царства и княжества и раздела ее территории на сферы влияния между шахским Ираном и султанской Грузией традиционные торговые связи обществ горной Чечни с грузинскими землями сократились. Они сохранялись на уровне контактов пограничных обществ и селений, расположенных по обе стороны Кавказского хребта.

Основные меры веса, объема, длины, используемые в Чечне в торговле, а также названия денежных единиц и монет были либо местными, либо заимствованы чеченцами из русских, иранских, турецких и грузинских систем, что говорит об их влиянии на более молодые горские торгово-ремесленные центры, выходившие на рынки с сырьевым товаром и ремесленными изделиями штучного производства.

В XVIII в. и сама Чечня в свою очередь становится притягательной экономической зоной для народов Нагорного Дагестана, а также Кумыкии и Салатавии, Кабарды, Терско-Гребенского казачьего войска и терских нагайцев.

Типологически Чечня относилась к локальной цивилизации традиционалистского типа – т.н. «горская цивилизация». Она характеризовалась преобладанием в хозяйстве аграрного начала и крестьянского парцеллярного хозяйства, в котором органично сочеталось земледелие, скотоводство и кустарные промыслы.

Необходимо при всем этом учитывать, что уже с конца XV – начала XVI в. западноевропейская цивилизация вступила на путь торгово-промышленной модернизации, связанной с переходом к буржуазному обществу. Российская «цивилизация» византийско-восточноевропейского типа начала свою «догоняющую» модернизацию в начале XVIII в. В то время как Иран и Турция, две великие страны, относящиеся к «восточной цивилизации», при всех своих спорадических хозяйственных достижениях (основанных зачастую на использовании внеэкономического принуждения) так и не встали на путь перехода от традиционного общества к буржуазному.

Территорию Чечни в исследуемое время пронизывали десятки дорог и сотни горных троп, связывавших все ее ущелья, равнины, горы, речные долины, населенные пункты: от мержойцев, галашевцев и арштхойцев на западе (расселенных в бассейне рр. Асса, Сунжа и Фортанга) до ЧIеберлоя и ауховцев-окочан на востоке (бассейн рр. Аксай-Акташ), от снеговых вершин Главного Кавказского хребта на юге и до берегов Терека на севере. Вместе с тем, часть дорог и перевалов страны, главным образом высокогорной зоны, являлись сезонными – доступными только в летнее время.

В то же время исключительно малая часть дорог горной зоны страны являлись аробными и санными. Это были конные, вьючные, а то и пешеходные тропы над крутыми склонами и пропастями. На равнине ситуация была дру-

гой: большеколесные арбы, запряженные упряжкой быков, легко преодолевали здесь подъемы, ухабы и речные броды.

Классическое описание основных внутренних дорог Чечни, насчитывавших века и тысячелетия, было дано русским исследователем А.П. Берже в работе «Чечня и чеченцы», выпущенной в 1859 г. Приводим типичную характеристику одной из дорог: «От аула Нуй в аул Шекаро пролегает тропа, трудная для сообщения. Сначала она идет по северному скату Даргендукского хребта через аулы Ляшкерой и Багачирой (Чебирлоевского общества) лесистою и изрытою местностью и, переправившись через речку Мужи-акх, текущую в крутых берегах, она следует трудным подъемом до соединения с вьючной дорогой, идущей из укр. Шатоевского в общ. Технуцал и Андию, после чего идет вдоль просеки до м. Ленешки 6 верст. От Ленешки опять отделяется тропа и следуя густым, крупным лесом мимо аула Бусуа, круто спускается к реке Шаро-Аргуну и в версте от аула Дай переходит ее в брод. Далее река следует вдоль Шаро-Аргуна и оставя аул Шаро вправо, через 7 верст поворачивает к аулу Шекаро, где по показанию жителей есть серебряные руды»[92].

Одно из первых сообщений о дорогах Чечни сохранилось в русских документах XVI в. Речь идет об изыскании в 1589 г. маршрута для русского посольства в Грузию из Терской крепости через горную Чечню: «идти послом безстрашно на Метцкие гребни, на Шихово племя, на Бурнашову да на Амалееву землю да на Батцкие гребни…». Однако, в конечном счете, был избран другой маршрут: от Терской крепости по левому берегу Терека до впадения в нее Сунжи (в границах современной Чечни), после переправы через Терек вдоль левого берега Сунжи на «Горячий колодезь», затем с остановкой на «Холопенском городище», посольский кортеж дошел до «речки Быстрой», а еще через два дня вошел в горы (в районе нынешнего Владикавказа) и поднялся в «Ларсов кабак Салтан-мурзы», далее началось движение посольства по грузинской территории подконтрольной кахетинскому царю.

Первый вариант дороги в Грузию через Чеченскую равнину, далее в горы по Аргунскому ущелью на «Шибуты», затем на «Метцкие гребни» (Митхо или Маьлхи) и на Тушетию, подконтрольную восточногрузинским царям, более активно использовался грузинскими и русскими служилыми людьми, грузинскими царевичами и церковными деятелями в середине и второй половине XVII в.[93]

Широкую известность в XVI–XVII вв. имели такие пути сообщения общесеверокавказского значения (пролегающие и по равнинной части Чечни), как: «Мичкизская дорога», «Османовская дорога», а также «Османовский перевоз» (брод), имевший важное стратегическое значение. Мичкизская дорога начиналась от впадения р. Белая (Гумс) в Сунжу и шла на восток по речке Мичиг параллельно южному скату Качкалыковского хребта к р. Аксай,

выходя в Аух (в свою очередь по территории Ауха шли караванные дороги к внутренним дорогам Дагестана и Чечни) и в кумыкские земли. Она имела ответвления, выводившие на все аулы Мичкизской земли (Ичкерия), на Дагестан через перевалы Андийского хребта и на Дербентскую дорогу через Кумыкскую плоскость[94].

Параллельно Мичкизской дороге по северному скату Качкалыковского хребта проходил отрезок Османовской дороги (называемой еще Дербентской), соединявшей благодаря многим ответвлениям такие торговые центры, как Шемаха, Деребент, Тарки, Эндери с турецкими городами на Азовском и Черном морях. Маршрут этот шел от указанного хребта на запад через Сунженский перевоз и далее: либо по Степной дороге по левому берегу Терека, либо по Алхан-Чуртской долине между Терским и Сунженским хребтом, а далее через Кабарду, Черкесию к рынкам Таманского полуострова, Анапе и Суджуку (совр. Новороссийск. – Я.А.). По этой дороге шли торговые караваны «ис Кумык в Кабарду и ис Кабарды в Кумыки и Шахову землю (Иран. – Я.А.)». Иногда эту дорогу называли и Кабардинской. Известный торговый путь связывал приморский юг Дагестана с ее внутренними районами и с Чечней: он шел по долине р. Самур, через Курах с выходом на Хосрех, далее к Кумуху, затем к северо-западу на Чох, Гидатль и через селения Андийского Койсу на Чечню[95].

Рис. 6. ***Астрахань (гравюра конца XVII – начала XVIII в.)***

Необходимо отметить, что регион Северного Кавказа, заключенный между двумя морями, напрямую не был вовлечен в морскую торговлю. Основной объем каспийской торговли приходился на русско-иранскую (азербайджанскую, армянскую) морскую торговлю, осуществлявшуюся напрямую между Астраханью-Дербентом, Баку и иранскими городами. В устье одного из протоков Терека, впадающего в Каспий, появилась в конце XVI в. русская пристань, обслуживающая Терскую крепость, находившуюся в 20–30 верстах выше по реке. Но к пристани могли подплывать только мелкосидящие суда, с которых грузы, в свою очередь, переправлялись вверх по Тереку до крепости на речных лодках. Из-за опасности штормов и отсутствия удобных бухт в данном районе Каспия сообщение Терской крепости (русского анклава на Северном Кавказе) с Астраханью осуществлялось главным образом сухопутным путем, по т.н. Астраханской дороге.

В период Персидского похода войск Петра Первого в 1722–1723 гг. была начато и к 1725 г. закончено строительство мощной крепости Святого Креста на р. Сулак в Дагестане в 20 верстах от впадения реки в Каспий. При этом река близ крепости была «запружена» и вся вода текла теперь через проток Сулака-Аграхань, впадавшей в одноименный морской залив. Благодаря этому, среднего размера морские суда смогли теперь подниматься из Каспия вверх по узкому заливу и одноименному протоку Аграхань до крепости.

Хуже обстояли дела с морской пристанью у города Тарки – столицы Тарковского шамхальства Дагестана. Во-первых, место было неглубокое, во-вторых, морской грунт не держал якоря, вследствие чего сильный ветер выбрасывал суда на берег[96].

От Тарков до Дербента не имелось ни одной удобной бухты для организации пристани. Поэтому Дербент, как более или менее пригодный порт для стоянок судов, на протяжении XVI–XVIII вв. оставался по существу главным торговым городом на Каспии, важной перевалочной базой многочисленных горских народов Северо-Восточного Кавказа. Известно, что Каспий служил нуждам не только русско-иранской торговли, здесь имели сбыт большие объемы товаров из Турции и Индии. Более того, в 30–40-х гг. XVIII в. английские купцы, жившие в Санкт-Петербурге, завели в 1738 г. торговую факторию в иранском Реште.

К концу XVIII в. по сведениям астраханской таможни привоз и отвоз товаров из Астрахани (включая и горские товары) доходил до 1,5 млн. рублей, привоз морем из Астрахани, Баку в основной иранский порт «Зинзили» (Энзели) составлял 660 000 рублей. Выделить здесь процент горских товаров сложно, можно с уверенностью указать только на марену (она шла исключительно из районов Терека) на ежегодную сумму в 30 000 рублей[97].

Как известно, территориальное расширение Османского государства в XV–XVII вв. превратило Черное море во внутренний водоем империи. На

северокавказском и крымском побережье Черного моря турки к концу XV в. уничтожили последние укрепления и города генуэзцев, опустошили прибрежные районы Черкесии. Однако экономические и политические обстоятельства потребовали от турок укрепления берегов и налаживания мирных связей с горским населением. Так, на Таманском полуострове османы укрепились в крепостях Темрюк, Кызыл-Таш и Тамань. Последняя к XVIII в. превратилась в торговый город с населением в 6 тыс. человек. Здесь было до 100 лавок.

В начале 20-х гг. XVIII в. султан Махмуд II приказал построить два укрепления на черноморском побережье Северного Кавказа: Суджук-Кале (Цемесская бухта) и Геленджик. В 1781 г. была отстроена заново Анапа, ставшая столицей турецких владений в этом регионе. В 1791 г. здесь, судя по некоторым данным, было несколько тысяч человек гражданского населения и богатые торговые предприятия. Кстати, из-за сложного рельефа гор близ морского побережья, Анапа являлась единственным портом, куда по суше подходила колесная дорога из Кабарды[98].

Самой важной турецкой крепостью в Восточной Европе с конца XV по конец XVII в. являлся Азов на Дону, где также осуществлялась широкая торговля. Следует учитывать, что собственно горские товары с Северного Кавказа шли не только в турецкие крепости, но и на полуостров Крым, на богатейшие рынки Крымского ханства.

По данным французского наблюдателя М. Пейсонеля (50-е гг. XVIII в.), горцы Северного Кавказа, в первую очередь черкесы, завозили на побережье для турецких купцов огромное количество готовых ремесленных изделий, продукцию кустарных промыслов, а также икру, мед, воск, шерсть, шкуры домашних и диких животных. Судя по всему, значительного объема достигала и работорговля. Главным торговым местом на Таманском полуострове М. Пейсонель считал г. Копыл в «2 лье от реки Кубани», где насчитывалось 4000 жителей, 2 мечети, 5 караван-сараев и 500 лавок. Сюда турки привозили товары для распространения на всем Северном Кавказе[99]. Для горцев Чечни, да и всего Северо-Восточного Кавказа, черноморские пристани, турецкие и крымские города являлись вполне доступными. В 1792 г. чеченец Гасан-Хаджи показал, что он кроме дагестанских и чеченских селений «бывал также на Таманском острове, для торгового промысла»[100].

Некоторое значение для горных чеченцев продолжали сохранять торговые центры в Закавказье – грузинские города Телави (с XVI по XVIII в. был столицей Кахетинского царства) и Тбилиси (столица Картлии и Картло-Кахетинского царства). Город Тбилиси в XVIII в. возродился как торговый и ремесленный центр Закавказья и, более того, здесь к 70-х гг. XVIII в. возникают первые на Кавказе крупные производственные предприятия мануфактурного типа.

К 1769 г. в рамках оказания помощи Картло-Кахетинскому царству, выступившему на стороне России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., русские военные специалисты, используя труд грузинских горцев, ингушей и осетин, проложили по существу новую дорогу чрез Дарьяльское ущелье, по которой мог передвигаться, хотя и с большим трудом, колесный транспорт. По этой дороге в Грузию были переброшены русские батальоны. Вместе с тем, одновременно началось движение товаров и купцов из Закавказья на Северный Кавказ и обратно. Грузинское правительство установило льготные пошлины на товары, ввозимые этим путем с севера.

Грузинские, и в особенности армянские купцы, жившие в Грузии, Армении и Иране, активно проникают на рынки Северного Кавказа, торгуя в Кизляре, Моздоке, в казачьих станицах и горских аулах. Здесь же на Тереке оседают все новые группы армянских и грузинских переселенцев[101].

Российские торговые центры на Северном Кавказе стали по существу складываться с конца XVI в. Значение Терского города, как крупнейшего политического центра и торгового рынка, сохранялось на протяжении всего XVII в., а к концу первой четверти XVIII в. данная роль переходит к крепости Святого Креста на Сулаке. Наконец, в 1735 г. учреждается на одном из протоков Терека новая крепость Кизляр, быстро превратившаяся в важный торговый и винодельческий центр не только Северного Кавказа, но и всего Юга России, привлекавший, кстати, тысячи северокавказских горцев на сезонные работы. В 1762 г. строится крепость Моздок, в 70-х гг. XVIII в. еще целый ряд укрепленных пунктов на всем протяжении пограничной линии от Каспия до Азова и Черного моря. В 1784 г. русские укрепления шагнули вглубь горских земель – у начала Военно-Грузинской дороги сооружается крепость с символическим названием Владикавказ[102].

Учреждение в XVI в. Терского города, наряду с ростом торгового значения Астрахани, имело значение не только в плане развития русско-кавказских связей, но и всего Волжско-Каспийского торгового пути, что не осталось не отмеченным не только московским, но и европейским купечеством. Через Астрахань и Терский город в Персию устремляются сухопутным и морским путем посольства и купцы европейских стран. Во второй половине XVII в. остро встала проблема транзита иранского шелка в Западную Европу через Северный Кавказ и Россию: она была решена на основе соглашений Ирана и восточных купеческих компаний с русским царем Алексеем Михайловичем[103].

Указанному соглашению от 1667 г. предшествовала «торговая» война между Ираном и Россией, перешедшая в серьезные боевые действия на Тереке и Сунже. Так сложилось, что в 40–50-х гг. XVII в. большие объемы иранского шелка потекли в Европу сухопутным путем через Дагестан, Чечню,

Кабарду и Черкесию по северокавказской торговой дороге к Черному морю, что лишало возможности Россию получать пошлины, да и участвовать в шелковой торговле непосредственно. С целью воспрепятствовать транзиту иранского шелка через горские земли, царские власти восстановили в июне 1651 г. Сунженский острог на важнейшем «перевозе» через Сунжу, позволявшем контролировать и терские броды. Еще ранее терско-гребенские казаки открыли массированные грабежи торговых караванов, что вызвало серьезные протесты дагестанских феодалов и иранских властей, получавших большие доходы за счет охраны караванов с шелком.

Боевые действия с привлечением тысяч «ратных» людей из североиранских (азербайджанских) ханств, Тарковского шамхальства, Эндерейского владения и из чеченских «землиц» (Мичкизы и Шибуты) прошли в 1651–1653 гг. и закончились своеобразным компромиссом: торговая дорога была открыта, казаки «воздержаны» от набегов, а Сунженский острог срыт. Но, вместе с тем, подданные иранского шаха – армянские купцы Джульфинской торговой компании – открыли в Москве переговоры о направлении шелкового транзита в Европу через Россию по Волжско-Каспийскому пути[104].

Торговые и ремесленные центры собственно Чечни в XVII–XVIII вв. не столь известны в источниках, поскольку они не играли региональной роли. На роль региональных торговых центров рано стали претендовать такие крупные селения Северного Дагестана, как Эндирей, Аксай и Тарки. Последний в ряде материалов определяется как город. Роль северокавказских региональных торговых центров брали на себя и русские города-крепости на Сунже, Тереке и Сулаке: Сунженский острог (1567, 1651 гг.), Терская крепость (Терки, Тюменский городок, 1589 г.), крепость Святого Креста (1723 г.), Кизляр (1735 г.), Моздок (1762 г.) и др. На ярмарки и постоянные базары в указанных крепостях съезжались русские, горские, иранские, армянские, индийские и среднеазиатские купцы. Довольно рано, с XVI в., важную торгово-посредническую роль во взаимоотношениях русского государства с Кавказом стала играть и собственно Астрахань[105].

Вместе с тем, целый ряд аулов Чечни, особенно предгорной и равнинной зоны, брали на себя роль торговых и посреднических центров районного масштаба. Если в XVI в. документы дают нам известные данные об «Окоцой землице», являвшейся феодальным владением, – «юртом» мурз Ишеримовых, с главным селением «Старый Окох» (Ширч-аух), то в XVII в. можно судить о таких ведущих «землицах» Чечни, как и «Мичкизская земля», «Шубуты» и «Мереджинцы». К середине – второй половине XVII в. на Чеченской равнине быстро растут хлебопроизводящие аулы и общества: Чечен-Аул, Брагуны, Атаги, и Гехи, служившие средоточием товарообмена между горами и плоскостью, между Чечней и Дагестаном, между русской пограничной линией и

всей остальной Чечней. В XVIII в. на территории Чечни, согласно документам, известными аулами, где проходили базары и осуществлялся широкий товарообмен, были: Чечен-Аул, Брагуны, Старый Юрт (Девлет-Гирей-аул), Гудермес, Дарго, Шатой, Даттых и др. Так, в 70-х гг. XVIII в. о Брагунах были собраны данные о том, что «поселяне суть хорошие сельские хозяева», имеющие племенных лошадей, богатые сады и виноградные плантации, а также здесь «по причине торга» постоянно проживают 10–12 армянских торговцев[106].

Материалы конца XVIII – начала XIX в. говорят и о вовлечении в торговлю и самых западных нахов-чеченцев. Так, карабулаки «изобиловали» продукцией скотоводства, земледелия и пчеловодства настолько, что имели «в том свою промышленность, продавая хлеб, мед, скот и масло в довольном количестве…»[107].

Отдельно следует остановиться на вопросе торгово-экономического значения для Чечни ремесленных и торговых центров Терско-Сулакского междуречья и Прикаспия – кумыкских поселений Тарки, Аксай и Эндерей (два последних имели кстати и известную долю чеченского населения).

Тарки в XVI – XVIII вв. получал товары через купцов из Ирана, России и Закавказья морским и сухопутным путем. Сюда идут с запада сухопутным путем товары из Турции, Крыма, Черкессии и из ногайских улусов, расположенных за Тереком. Став в XVI – 40-х гг. XVII в. столицей Кази-Кумухского (Тарковского) шамхальства селение Тарки постепенно превращается в средневековый восточный город с цитаделью и ремесленно-торговым посадом. Вскоре сюда начинают поступать из Астрахани, помимо русских, также и европейские товары, например английские и немецкие сукна. Население Тарков, по мнению отдельных авторов, выросло к XVIII в. до 8 тыс. человек и здесь насчитывалось до 1500 домов[108].

Ближе к собственно горскому хозяйственному миру стоял знаменитый Эндирей – торговый центр не только Кумыкии, но и всей предгорно-равнинной части Северо-Восточного Кавказа. Здесь происходили еженедельные пятничные базары, куда поступали товары из Нагорного Дагестана, Чечни, Кабарды, казачьих станиц и царских крепостей. Сюда гнали лошадей из дальних черкесских и ногайских аулов, ехали купцы из Стамбула и Крыма. Восточные купцы приезжали сюда зачастую за живым товаром; на местном работорговом рынке – «Ясыр-базар» – продавали пленников из Закавказья, Средней Азии и Персии. Скрытно продавали и похищенных детей из горских аулов[109].

В XVIII в. растет ремесленное значение Эндирея, здесь складываются некие цеховые начала и, как во всем Дагестане, зарождается примитивная форма мануфактуры – «рассеянная», когда скажем, производство того же кинжала распадается на ряд операций – один мастер выковывает клинок, второй делает ножны, третий работает по серебряному прибору кинжала и т.д. Отметим, что, по свидетельству очевидца, в первой четверти XIX в. в Эндирее проживало около «двадцати тысяч мусульман и евреев» усердно трудившихся в своих «мастерских». Более ранние данные говорят, что в Эндирее насчитывается до 3000 домов, а по другим источникам – всего 1500[110].

«Деревня сия (Эндирей. – Я.А.) есть всему кавказскому народу воротами, ведущими на плоскость», – утверждал комендант Кизляра конца XVIII в. А.И. Ахвердов, упоминая в числе этих кавказских народов и чеченцев[111]. Данная характеристика была относима и к другому кумыкскому селению – Аксай, стоявшему на границе кумыкских и чеченских земель.

Селение Аксай, к началу XVIII в. ставшее главным населенным пунктом Аксайского княжества, устраивало еженедельные базары, на которых происходил широкий товарообмен горскими товарами. В отличие от Эндирея здесь существовал и большой конный рынок. В Аксае также встречались купцы из разных стран. Как к ближайшему торговому центру на горской земле в Аксай приезжали для покупки съестных запасов жители русских Терков, а позже и Кизляра. По данным начала XIX в., численность домов доходила до 800.

Русские наблюдатели отмечают, что: «Производимый в оном торг привлекает туда много соседственных чеченцов…». В 1818 г. генерал А.П. Ермолов подытожил значение Аксая и Эндирея в региональной хозяйственной системе, отметив, что эндереевцы и аксаевцы «удерживают с чеченцами связи для выгод торговли»[112].

Посредническая роль кумыкских центров в экономической системе местного горского мира в XVIII в. усиливалась их связями с как близким Кизляром, так и с далеко отстоящим от Терека и Сулака приморским городом Дербентом. Пользуясь, как иранский порт, свободным поступлением разнообразных персидских товаров и производя шелковые и хлопчатобумажные ткани «на своих фабриках», Дербент вел торговлю не только с Астраханью и Кизляром, но и, что важно, «с пограничными кумыцкими деревнями: Андреевскою, Аксаевскою, Костековскою…». Более того, дербентское купечество держало в своих руках торговлю таким важным товаром как марена, приобретаемой на Тереке и Сулаке, часть ее продавали и в Астрахани[113].

Во второй половине XVIII в. русские власти освободили от таможенных пошлин на «непеределанную» продукцию подданных кабардинских и кумыкских князей, сохранив в то же время пошлины как инструмент давления в отношении жителей чеченских селений. Это обстоятельство еще раз усилило посредническую роль таких селений, как Эндерей, Аксай, Тарки и Брагуны, в торговле с Чечней и вызвало миграционную подвижку чеченцев на Кумыкскую плоскость. Так, в том же Аксае жители Чечни меняли свои товары: сыромятные кожи, меха, воск, мед, скот, войлоки на порох, свинец,

огнестрельное оружие, чугунные котлы, холст и фабричные ткани, вывоз которых в Чечню без пошлин в Кизляре был невозможен[114].

Таковы были основные торговые центры и пути сообщения на Северном Кавказе в XVI–XVIII вв., которые оказывали самое непосредственное воздействие на развитие торговли собственно в Чечне. Но двигателем внутренней торговли зачастую является внешняя торговля, которая в нашем крае рано стала ориентироваться на Россию.

Первые данные о торговых связях населения чеченских обществ и владений с Россией относятся к 1605 г. и связаны с закупкой панцирных доспехов в Москве посольством Ших-мурзы Окуцкого во главе с его племянником мурзой Батаем Шихмурзиным: «Вели, государь, мне, холопу своему купити про свой обиход панцырей, и шеломов, и шапок железных и наручей на себя и свои люди на пятнадцать человек…». Эти и другие ранние данные о русско-чеченских торговых контактах были проанализированы Т.С. Магомадовой[115].

Те же служилые ауховцы-окочане (жившие в Терской крепости с 1596 г.) и гребенские казаки часто ездили по поручениям терских царских воевод в различные нахские общества (преследуя при этом и торговые цели): «и в Окоцкую, и в Мичкискую, и в Шибутцкую, и в Мерезинскую, и в Отчанскую,

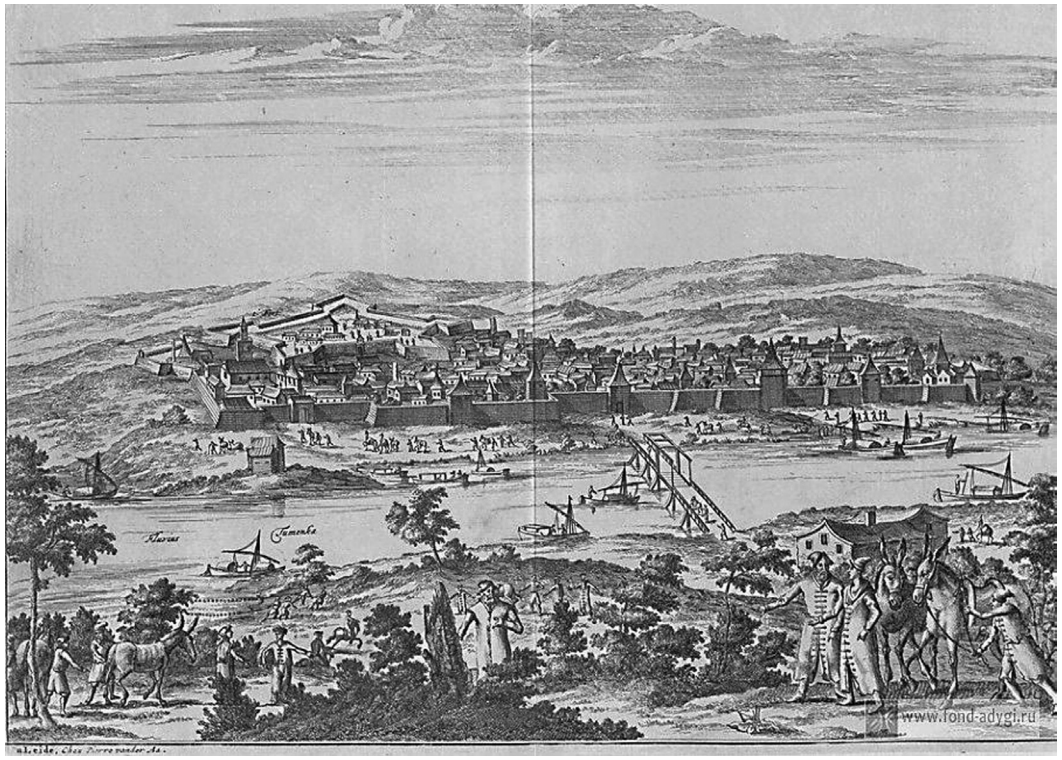

Рис. 7. Крепость Терки – Терский город (гравюра II половины XVII в.)

и в Колканскую, и в Мулкинскую… землю». Так, в 1629 г. терский конный стрелец Девятко Савельев рассказал: «Езживал он де с Терка… в горы и в горах… в Колканех да в Мылкыцех свинец покупывал и на Терек приваживал…».

Однако наиболее полные и развернутые данные о роли и месте чеченцев-окочан в развитии русско-горской торговли дают документальные данные XVII в., выявленные в свое время Т.А. Исаевой. В ее статье на эту тему соответствующие документы были развернуто проанализированы. Историк Ш.Б. Ахмадов в свою очередь выявил новые материалы Астраханской таможни о торговле окочан-чеченцев в первой четверти XVIII в.[116]

Выявляется, что чеченцы, жившие как в Терском городе, так и в Окочанской слободе под Терками, занимались торговой деятельностью, вывозя местные горские товары в Астрахань (и даже в Москву), а из Астрахани ввозя на Терек русские изделия для продажи. Так, в 1672 г. из Астрахани был отпущен в Терки морем терский окочанин Яктуначку Кумыков с тремя работными людьми и с товаром – мука ржаная, котлы медные, сукно и «коробки» (скорее всего, сундучки). В 1673 г. зафиксирован приезд в Астрахань из Дербента окочанина Ялбечка с восточными тканями и сафьяном. В 1675 г. служилый окочанин Конейко Аллабердеев вывез морем из Астрахани в Терки – 50 коробок «красных», 10 ларцев, 4 медных котла, 20 чашек, 8 зеркал, 5 мешков проса и т.д.; в 1676 г. несколько окочан вывозят из Астрахани в Терки 400 пудов соли, а окочанин Энбулатка Эльмурзин «в своем стружку с товаром» везет из Астрахани муку, коробки, ларцы, зеркала, 2 тыс. иголок, 60 ножниц, 2 пуда котловой меди, ткани и т.д.[117]

Естественно, что такие партии товаров служилые окочане, пользовавшиеся как русские подданные значительными льготами в торговле, ввозили на Терек отнюдь не для личного пользования. Более того, известно, что в терских слободах для приезжих «из-за границы» горцев служилыми окочанами устраивались «самочинные торги», где эти и подобные товары реализовывались без уплаты вывозных пошлин. В начале XVIII в. «окочанская торговля» товарами русского производства продолжает развиваться. Но при этом присутствует и вывоз в Астрахань товаров восточного (главным образом ткани) и местного производства: меха, бурки, шкуры, пряжа и др. Терские окочане ездят и в горские аулы, чаще на базары Аксая «для покупки припасов», но при этом им приходится при возвращении платить пошлины. Ездили они и в чеченские аулы, в частности в 1708 г. отмечен некий уздень Лаузан с «двумя товарищами-окочанами», находившихся в Чечен-Ауле для продажи рыбы[118].

В 1718 г. окочанин Кирей Соломонов привозит в Терки морем 800 аршин простого холста и 300 аршин «холста ровного», меха заячьи, зеркала, удила, ножницы и т.д. И наоборот: приехавший из Терков в Астрахань окочанин Бо-

гамет Алеев «явил товара 120 бурок черкасских (горских. – Я.А.)», другой окочанин в том же году привез в Астрахань «45 сукон черкасских плохих, 20 бурок черкасских»[119].

Торгово-посредническая роль терских (впоследствии кизлярских) окочан-чеченцев в развитии внешней торговли Чечни и в целом в развитии русско-чеченской торговли была значительной. Надо отметить, что данная высокая роль проявилась и в установлении в 1747–1748 гг. правления сына генерал-майора русской службы Эльмурзы Бековича-Черкасского – ротмистра Девлет-Гирея – в чеченских селениях Герменчик и Шали. Это было не случайно. Дело в том, что начиная с первой трети XVII в. окочане выступали аталыками (воспитателями) наследников служилых кабардинских князей, возглавлявших иррегулярные военные силы России на Тереке[120]. Такие воспитанники перенимали язык и культуру своих приемных родителей, в данном случае чеченцев.

Герменчиковцы и шалинцы, следом «чебутлинцы» мотивировали свое намерение быть в «ведомстве» Девлет-Гирея желанием «дабы им с купечеством в город Кизляр, в казацкие гребенские городки тако в Андреевскую, Аксайскую и протчие деревни ездить под защищением было свободно». В свою очередь, в октябре 1747 г. властям Кизляра предписывалось допустить свободный пропуск по требованию Девлет-Гирея «быков, коров и рыбы» для его «подвластных» через заставы[121].

В 1751–1754 гг. князь Девлет-Гирей, из-за недовольства «подвластных» оставив Герменчик, переселился под покровительство русских властей на северный склон Терского хребта напротив Червленской станицы. Сюда подселились кроме его крепостных, уздени из числа окочан и герменчиковцев, а позже ремесленники-армяне и др. Новый аул Девлет-Гирей-аул (Старый Юрт) быстро занял важное место в русско-горской торговле и в ремесленном производстве (к примеру, в производстве бурок)[122].

Довольно рано девлетгиреевцы включились в посреднические торговые операции на Северном Кавказе. В марте 1763 г. в донесении ротмистра Ступишина отмечалось, что они перегнали за Терек 1,5 тыс. лошадей для продажи в Персию: «только свои ль или в препровождении» о том осталось для властей неизвестным[123].

Развитие русско-чеченской торговли в XVIII в. еще недостаточно исследовано в исторической науке. Неизвестны, к примеру, масштабы прямой горско-казачьей торговли, характеризуемой царскими властями «контрабандной». Между тем, в 1753 г. группа чеченских старшин написала в адрес кизлярского коменданта, запрещавшего поездки чеченцев в казачьи селения: «[мы] всегда ездили в казачьи городки для торгу, и во оных казачьих городках мы покупали рыбу и тем детей своих кормили». В 1765 г. один из чеченских

князей (Алисултан Казбулатов) просит разрешения «подвластных своих до 100 ароб отправить в казачьи городки… (для приобретения. – Я.А.) рыбы, и соли и протчие», под собственным сопровождением[124].

Несмотря на заставы и форпосты, горцы и казаки продолжали беспошлинную торговлю. Так, в 1760 г. гребенской атаман И. Иванов жаловался начальству, что некий поручик «Новоглатковского форпоста» разрешает казакам и торгующим «из азиатского народа» свободный обмен лошадей, скота и прочего за взятки. Нужда гребенских казаков в торговле с чеченцами была большой, так в документах 70-х гг. XVIII в. отмечено: «с татарами торг имеют не на деньги но меною, берут у них кафтаны, шапки, колеса…»[125].

Терско-гребенские казаки добивались устранения запретов и пошлин на их торговлю с горцами и официальным путем: в 1771 г. казачье войско подало прошение Российскому Сенату о снятии пошлин на аробные колеса, ввозимые из Чечни. Ходатайство было Сенатом отклонено, чтобы не «подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»[126].

Следует отметить, что торговые пошлины взимали и горские князья: как за провоз товаров через их владения, так и за сопровождение купеческих караванов и конских табунов к торговым центрам. Традиционная пошлина в XVIII в. составляла (на примере доходов шамхала) по 2 руб. 50 коп. русской монетой с каждой повозки нагруженной товарами, а с пеших и конных робейников по 1 руб. Плата шла с каждой головы лошади, определенного количества голов скота или штук вяленой рыбы. В документах XVIII в. есть свидетельства выполнения охранных функций на торговых путях чеченскими и брагунскими князьями[127].

Системный анализ материалов XVI–XVIII вв. о торговле в Чечне, да и на всем Северном Кавказе, показывает, что основными «стратегическими» видами товаров, входящих в перечень «жизненных», для горцев являлись: хлеб, соль, ткани, металлы, оружие, порох, лошади, домашний скот, марена[128], рыба (вяленая), рабы. Но работорговля была неким экзотическим видом торговли в горской среде, наиболее привлекающей внимание наблюдателей, но менее всего значащей. Так, достаточно развернутые документы XVIII в. по Чечне дают буквально несколько десятков данных о фактах работорговли, причем часть ее относится к промежуточной – провоз рабов или перепродажа их в Чечне. Даже похищения людей с целью продажи, случавшиеся в горских районах с княжеским правлением, относились, как правило, к семьям крепостных и тех же рабов.

Вопреки общераспространенному мнению, одним из главных рынков сбыта рабов (большей частью выходцы из Грузии, Ирана, Средней Азии и в меньшей части из горской среды) в XVII–XVIII вв. являлась Россия. В конце XVII в. царское правительство стало запрещать терским воеводам покуп-

ку «ясырей», а также посылку гонцов за Терек и к ногайцам для покупки пленных. Видимо, это явление приобрело вызывающий характер. Как бы то ни было, в XVIII в. вновь широко практикуется работорговля в русских крепостях и городах. Так, знаменитый эндиреевский «Ясыр-базар» (Северный Дагестан) по большей части сбывал рабов покупателям из русского города Кизляра, где их труд использовался на виноградных плантациях. Как отмечал в своей записке бывший комендант Кизлярской крепости А.И. Ахвердов, андреевцы «продают (рабов. – Я.А.) в Кизляр с хорошими выгодами для употребления в садах виноградных». Только часть пленных «самых лучших обоего пола» продавалась приезжим «туркам и жидам». Но «настоящая же прибыль» тех же андреевцев состояла не в работорговле, а в «хлебопашестве, скотоводстве и в воске, на продажу в Кизляр дров, кольев для садов виноградных, строевого лесу»[129].

Весьма важно отметить распространение в Чечне начиная с XVI в. товаров так называемого престижного потребления: это златотканые шубы и шапки из ценных мехов, золотые и серебряные кубки, дорогие ткани и красители, предметы обихода (зеркала, ларцы), высококачественные кожи и т.д. В XVIII в. возрастают объемы потребления бумаги в связи с развитием грамотности.

Как заметил С.М. Броневский, горские народы «имеют также свою роскошь и свои прихоти. Не только разборчивы в доброте оружия, но и в щегольстве онаго; для одежды жен своих покупают европейское сукно, шелковые и бумажныя материи, сафьян, сученое серебро и золото»[130].

Другим важным явлением развития торговли в Чечне являлось складывание торгового сословия купцов – «совдегар», существовавшего за счет доходов от разнообразной торговли – как сырьем, так и готовой продукцией. Появление в Чечне своего рода «промышленников», живших «торговыми оборотами», приводило и к выработке определенных соглашений с соседями: так, в конце XVIII в. между кизлярским комендантом и чеченцами «для производства их купечеством торга зделаны были… условия»[131].

Политическим следствием развития внутренней и внешней торговли в Чечне (ориентированной с XVIII в. главным образом на Россию, где начиная с Петра I развивалась фабрично-заводская промышленность) являлось несомненное развитие внутреннего хозяйственного пространства и складывание пророссийской внешнеполитической ориентации.

Другим следствием развития торговли на территории Чечни с учетом наличия зернового хозяйства и ремесел (некоторые виды которых приобретали товарные черты) следует считать то обстоятельство, что наш край, в той или иной форме, стал выступать притягательным торгово-хозяйственным рынком для своих непосредственных соседей. «Выгоды торговли» связывают в XVIII в. с Чечней Нагорный Дагестан, Кумыкию, Кабарду, Терско-Гребенское казачье

войско и ногайцев. Это обстоятельство еще раз служило диверсификационным фактором развития единого хозяйственного пространства в географических пределах предгорно-плоскостной Чечни, выступавшей в качестве своеобразного системообразующего центра на Северо-Восточном Кавказе.

---

[1] См.: Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910; Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни. XIII–XVIII вв. Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1970; Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX веках // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Вып. 1. Грозный, 1964; Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX–нач. XX вв. Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1973; Его же: Орудия труда в полеводстве вайнахов (XIX – начало XX в.) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.

[2] См.: Иваненков Н.С. Указ. соч. С. 57–61; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII–начале XX века. Грозный, 2002. С. 83–84; и др.

[3] См.: Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. С. 21–22; Ахмадов Ш.Б. Указ соч. С. 65–67; Хасиев С.-М.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начала XX в. Ч. 1. Нальчик, 2004. С. 52–53, 58–59, 67–68; и др.

[4] Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Тбилиси, 1986. С. 47.

[5] См.: Иваненков Н.С. Указ. соч. С. 26; Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 18–21.

[6] Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000. С. 127.

[7] См.: Саидов И.М. Указ. соч. С. 165; Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 30–33.

[8] Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 40–41.

[9] См.: Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 24–25; Кантария М.В. Указ. соч. С. 49.

[10] Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 25–28, 35–37.

[11] См.: Берг В.Р. Полеводство и посевные культуры Горной Чечни // Посевные культуры северных склонов Кавказа. Ч. 2. Ростов н/Д, 1930; Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 38–39, 41–46.

[12] См.: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сб. док. / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 54, 110, 121.

[13] Русско-чеченские отношения... С. 18, 55–56, 65.

[14] Там же. С. 130–135.

[15] Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 23–24.

[16] Русско-чеченские отношения... С. 97.

[17] См.: Акбиев Арсен. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. Махачкала, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kuimikia.ru/books. Раздел «Земледелие и животноводство».

[18] Гутнов Ф.Х. Факторы социальной эволюции средневековых обществ Северного Кавказа // Кавказский сборник / Под ред. Н.Ю. Силаева. М., 2004. Т. 1(33). С. 13–15; Блиев М.М. Горцы Большого Кавказа. М., 2003. С. 45–46.

[19] См.: Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах Северного Дагестана // Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея (ЧИРКМ). Вып. XI. Грозный, 1972. С. 59, 64; и др.

[20] Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. // Звезда, № 10. 2006. С. 147.

[21] См.: Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2003. С. 60–63; История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный, 2006. С. 195–196; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 28–29.

[22] [Фальк]. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. СПб., 1824. С. 63, 70.

[23] Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.). Рук. дисс. канд. истор. наук. М., 1966. С. 233, 276.

[24] См.: Максимов Евг. Чеченцы. // Терский сборник. Вып. 3. Владикавказ, 1893; Исаев С.А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне в 50–60-е гг. XIX в. // Известия ЧИ-НИИИЯЛ. Т. IX. Ч. 3. Грозный, 1974; Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. б/м и г/и. С. 56–57; Вып. 2. Одесса, 1883. С. 79–80.

[25] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159–160; Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. С. 56–57; Вып. 2. С. 79–80. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 84–89.

[26] Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 84–85.

[27] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2901. Ч. 1. Л. 46 об.; Там же: Д. 2992. Ч. 1. Л. 1 об; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1 СПб., 1869. С. 261; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 239, 243; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 179–180, 183–184.

[28] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 265–268.

[29] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. Грозный, 1991. С. 23; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 196, 199–201; и др.

[30] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2687. Ч. 2. Л. 68 об.; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. М., 1957. С. 239–240; Записки путешествия академика Фалька. С. 70; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 164.

[31] См.: Лаудаев У. Указ. соч. С. 83, 98; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 164; Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 48.

[32] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 69; Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 58–67; Кантария М.В. Указ. соч. С. 63–65; и др.

[33] О прорытии татаула (канала) из р. Сунжи к Тереку // Ставропольские губернские ведомости. № 43. Ставрополь, 1857.

[34] Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись // Ингушетия и ингуши. Т. I. Назрань-М., 1999. С. 124.

[35] См.: Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 23–24; Хасиев С.-М.А. Указ. соч. С. 29–34.

[36] Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2-х т. Т. 1, 2. / Изд. И.К. Павловой. СПб., 2004. С. 184.

[37] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 227.

[38] Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 22; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 64–65; История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2006. С. 186.

[39] Покровский Михаил. Завоевание Кавказа // Россия и Кавказ. СПб., 1995. С. 19–20.

[40] См.: Калоев Б.А. Развитие скотоводства на Северном Кавказе. М., 1983; Мадаева З.А. Обычаи и обряды вайнахов, связанные с животноводческим бытом (XIX – начало XX в.) //

Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Сб. научн. трудов. Грозный, 1984.

[41] См.: Белокуров С.А. Отношения России с Кавказом. 1578–1613 гг. М., 1889. С. 526, 560; Русско-чеченские отношения… С. 65, 75.

[42] Русско-чеченские отношения… С. 55–56, 61–62, 118, 151, 154.

[43] См.: Арсаханов А.Б. Аккинский диалект в системе чеченского языка. Грозный, 1958. С.6. Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 24–26; Акбиев А. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kuimikia.ru/books. Раздел «Земледелие и животноводство».

[44] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 113. Л. 41–42 об.; Розен Ф.В. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана. М., 1958. С. 289; Акбиев А. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kuimikia.ru/books.

[45] Русско-чеченские отношения… С. 202.

[46] Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре» // Россия и Кавказ: сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 10.

[47] Русско-чеченские отношения… С. 203.

[48] См.: Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Грозный, 1990. С. 24–25; Бобровников, Рощин М. Адатное землепользование в Нагорном Дагестане // Отечественные записки. № 2 (17) 2004.

[49] Саидов И.М. Указ. соч. С. 164; Гамрекелидзе Б.В. Из истории скотоводства в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. Тбилиси, 1968. С. 244–246;. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 77.

[50] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 166; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 100; Гордин Я. Ермолов // Россия в Кавказской войне. Исторические чтения. (Вып. 3). СПб., 2000. С. 87.

[51] См.: Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 97; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. С. 18.

[52] См.: Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 25–26; Русин В.Ф. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Изд. 2-е. Нальчик, 2008. С. 144; и др.

[53] См.: Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 133–134; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 18.

[54] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 220; Там же. Ф. ВУА. Д. 18507. Л. 24; Д. 18508. Л. 111.

[55] См.: Адаты кавказских горцев… Вып. 2. Одесса, 1883. С. 78–147; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 25; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века… С. 252–253.

[56] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3303. Ч. 2. Л. 121; Будаев Н. Коневодство на Северном Кавказе: о происхождении горных пород лошадей. Нальчик, 2006. С. 1–6.

[57] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 103.

[58] См.: Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983; Чахкиев Д.Ю. Огнестрельное оружие позднесредневековых вайнахов // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989; и др.

[59] Казиев Ш.М., Карлеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа XIX века. М., 2003. Гл. XVII. Ремесла.

[60] Сахно-Устимович П.М. Указ. соч. С. 149.

[61] Казиев Ш.М., Карлеев И.В. Указ. соч. Гл. XVII. Ремесла.

[62] Хасиев С.-М.А. Из истории развития кустарных промыслов у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 17.

[63] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 31.

[64] См.: Калдани А.М. К вопросу о классификации башенной культуры Чечни // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Тбилиси, 1986; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 274; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 32; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 413.

[65] См.: Марковин И.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 274–275; Великая Н.Н. и др. С. 30; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 414.

[66] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 33.

[67] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 32–33.

[68] См.: Розен Ф.В. Указ. соч. С. 282; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 276; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 419.

[69] См.: Марковин В.И. Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994. С. 140; Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004. С. 63; и др.

[70] См.: Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (Оружие кавказских горцев) // Сабли рая. Горское оружие в Кавказской войне. Грозный, 1992. С. 3–4; Чахкиев Ю.Д. Оружие вайнахов. С. 15–22.

[71] Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 29.

[72] См.: Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 352; Асхабов И.А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни. История и современные проблемы. Изд. 2-е. М., 2006. С. 127–139.

[73] См.: Буцковский А.М. Указ. соч. С. 243; Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. М., 2006. С. 238.

[74] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 135–136.

[75] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2635. Ч. 2. Л. 52–52 об.

[76] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957, С. 120; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 10; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 27–28; Чахкиев Ю.Д. О производстве пороха горцами Чечни и Ингушетии в позднем средневековье // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений, 1993. СПб., 1994. С. 30–31.

[77] См.: Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 61–62; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 19; Великая и др. Указ. соч. С. 29.

[78] См.: АВПРИ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 521; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 28; Хасбулатова З. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX века // Вестник Лам. № 3. 2002. С. 36; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С. 240; и др.

[79] Хасбулатова З.И. Указ. соч. С. 38.

[80] Хасбулатова З.И. Указ. соч. С. 36; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С. 241.

[81] См.: Народы Кавказа. С. 352; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 29–30; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 136–137; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 19.

[82] См.: Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 33; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С. 240.

[83] См.: Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛЭ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 27; Великая Н.Н. и др. Указ. соч. С. 33; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 20; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С. 241.

[84] Бутков П.Г. Указ. соч. С. 10.

[85] См.: ГААО. Ф. 681. Оп. 6. Д. 26. Л. 14, 18. Документы выявлены Ш.Б. Ахмадовым; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 133–134; Хасбулатова З. Указ. соч. С. 32–33; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С. 235–236; и др.

[86] См.: Хасбулатова З.И. Указ. соч. С. 33; Абдулвахабова Б.Б.-А., Мадаева З.А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии в XVII–XVIII вв. // Традиционная материальная культура

Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989. С. 103–110; Абдулвахабова Б.Б.-А. Традиционная женская одежда чеченцев в XVI – начале XX вв. // «Вестник Лам». № 1. 2003. С. 34–35; Ибрагимова З.Х. Указ. соч. С. 237–238.

[87] См.: АКАК. Т. IV. Тифлис, 1870. С. 917; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. 1. Махачкала, 1940. С. 305; Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 49, 50, 66; Броневский С.М. Указ. соч. С. 182; Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 215; Буцковский А.М. Указ. соч. С. 244; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 10; Казбек Г. Военно-статистическое описание Терской области. Ч. 1.Тифлис, 1888. С 197; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 30; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 20; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 109–112; Магомедов М.Р. История Дагестана. Учеб. пособие. Изд. 2-е. Махачкала, 1998. С. 170; и др.

[88] См.: Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 41, 51; Броневский С.М. Указ. соч. С. 162; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 58; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 30; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 108; Акбиев Арсен. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kuimikia.ru/books. Глава I. Экономическое развитие кумыкских земель.

[89] См.: Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 52; Броневский С.М. Указ. соч. С. 162; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 30, 31; и др.

[90] См.: Русско-чеченские отношения… С. 112, Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 31; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 107–108.

[91] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 139; Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и кавказской губернии. СПб., 1809. С. 116; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 32–33; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 21; Алиев Алав. Забытый промысел // Газ. «Елдаш/ Времена». Махачкала. 2 ноября 2007; и др.

[92] См.: Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 35–36.

[93] См.: Русско-чеченские отношения… С. 25–26, 27–34, 181–183, 193–194, 205–208, 220–221, 273–274; Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения чеченцев и ингушей с Россией и народами Кавказа в XVI – нач. XX в. Грозный, 1981.

[94] Розен Р.Ф. Указ. соч. С. 292.

[95] См. Кабардино-русские отношения в XVII–XVIII вв. Т. 1. С. 89, 92, 161, 302–303; Русско-чеченские отношения… С. 66; 342; Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география, и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 135–136; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 45–46; Акбиев Арсен. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kuimikia.ru/books. Глава I. Экономическое развитие кумыкских земель». Раздел «Развитие торговли; История Дагестана с древнейших времен до XX века». Т. 1. М., 2004. С. 335; и др.

[96] См.: Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958 С. 44; Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 64.

[97] Броневский С.М. Указ. соч. С. 88–89, 95.

[98] См.: Чеучева А.К. Османская империя и Северо-Западный Кавказ в XVIII столетии. Депонированная статья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: CyberLeninka.ru› Научные статьи›…-severo-zapadnyy-kavkaz… С. 2, 6; Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные им самим // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 66; Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная// Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 187.

[99] Пейсонель М. Материалы для истории черкесского народа, в изложении Е. Д. Фелицына. М.Ц.Т.К. «Возрождение». 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:zitria.narod.ru/paisonel.

[100] Саламов А.А. Указ. соч. С. 27–28.

[101] См.: Вачнадзе Мераб, Гурули Вахтанг, Бахтадзе Михаил. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). [Электронный ресурс]. – Режим доступ: www.nplg.gov.ge/ic/DGL/WORK/HistoryofGeorgia. С. 3; Суздальцева И.А. Грузинская диаспора низовьев Терека в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004; и др.

[102] Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов н/Д, 1984; и др.

[103] См.: Ахмадов Я.З. The expot of the Iranian silk to Western Europe from the 16th to the beginning of the 17th century (the place of Russian and North Caucasian transit) // The Annual of the society for the study of Caucasia. Chicago, 1997. Vol. 6–7; Чарунова И.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. Махачкала, 2007. С. 26–27; и др.

[104] См.: РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. 1648 г. Д. 1. Л. 16; Там же: Ф. 121. Оп. 1. 1652 г. Д. 1. Л. 16–17, 19; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 256–257, 304–306, 313–317; История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980. С. 164; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. С. 47–48.

[105] См.: Гриценко Н.П. Города Северо-восточного Кавказа. Ростов н/Д, 1984; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967; Гашимов Д. Сунженский перевоз. Торгово-экономические связи Дагестана и Северного Кавказа в XVI–XVIII веках // Советский Дагестан. №1. 1969; и др.

[106] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3384. Ч. 2. Л. 43; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18507. Л. 18; [Фальк]. Записки путешествия академика Фалька. С. 63; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века. С. 70; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 21; и др.

[107] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 10 (Копия).

[108] См.: Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2 // Земли Северного Кавказа, Поволжья и Дона. М., 1969; Лавров Л.И. Тарки до XVIII века // Ученые записки Института ИЯЛ Дагест. филиала АН СССР. Т. 4. Махачкала, 1958; Гаджиев В.Г. Сочинения И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой, находящихся как исторический источник по истории народов Кавказа». М., 1979.

[109] Акбиев Арсен. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kuimikia.ru/books. Глава 1. Экономическое развитие кумыкских земель.

[110] См.: Буцковский А.М. Указ. соч. С. 241; Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002. С. 359–360; Оразаев Г.Р.-М. Исследование «Тарихи-Эндирей» (История Эндирея). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: www.kumukia.ru›?id=865.

[111] Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 213.

[112] См.: Буцковский А.М. Указ. соч. С. 242; Гордин Я. Указ. соч. С. 87. Акбиев Арсен. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.kuimikia.ru/books. Глава I. Экономическое развитие кумыкских земель. Раздел «Развитие торговли».

[113] См.: Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 219. Буцковский А.М. Указ. соч. С. 242; Гордин Я. Указ. соч. С. 87.

[114] См.: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа. С. 87–88; Гарунова Н.Н. Кизляр как центр дагестано-чеченской торговой экономической интеграции XVIII–XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006. С. 232–234.

[115] См.: Русско-чеченские отношения… С. 50–51; Магомадова Т.С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 11. Грозный, 1977.

[116] См.: Русско-чеченские отношения... С. 97 (Документ 1621 г.); Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974; Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – нач. XX в. Грозный, 1981.

[117] Русско-чеченские отношения… С. 213, 215–216, 224, 229–230; и др.

[118] См.: Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 42–43; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 150–151, 153.

[119] ГААО. Ф. 681. Оп. 6. Д. 26. Л. 14, 18; Там же: Д. 29. Л. 27. Документы выявлены Ш.Б. Ахмадовым.

[120] Так, окоцкий уздень Бикша Алеев был аталыком двух князей – Шолоха и Муцала Сунчалеевичей Черкасских. См.: Русско-чеченские отношения… С. 351.

[121] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3378. Ч. 4. Л. 46–46 об; Ф. 379. Д. 157. Л. 45; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в. – 40-е гг. XIX в.) // Известия СОНИИ. История. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966. С. 157–158.

[122] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 19, 21, 65, 91; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 123.

[123] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 546. Л. 82.

[124] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 542. Л. 108; Там же. Оп. 1. Д. 596. Л. 19.

[125] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 86. Л. 50–50 об; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 521.

[126] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 155.

[127] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 419. Л. 109; Д. 524. Л. 39об. – 40; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 220–221; Тихонов Д.И. Указ. соч. С. 135; Буцковский А.М. Указ. соч. С. 240.

[128] Так, в конце XVIII в. горцы ежегодно продавали на Тереке 20 тыс. пудов корня марены. См.: Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 91.

[129] См.: Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 213–215; Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nikc.itech.ru/modules/books/big.

[130] Броневский С.М. Указ. соч. С. 44.

[131] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2412. Л. 3; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. III. Ч. I. С. 283.

Глава III. АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ГОРНОЙ ЧЕЧНИ. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КРАЯ

§ 1. Высокогорная часть края: от Малхисты до Кенхи

Высокогорная ландшафтная полоса горной Чечни была заключена между Боковым хребтом (ответвление Главного Кавказского хребта) и каменными вершинами (до 2,5–3 тыс. м) Скалистого хребта (он отдельными отрезками идет от Таргимской котловины в верховьях Ассы до селения Итум-Кале на Чанты-Аргуне и далее). Ему-то и параллелен протяженный севернее с запада на восток Пастбищный хребет (2,0–1,5 тыс. м. над уровнем моря).

В данной части горной Чечни в бассейне двух крупных рек Чанты-Аргун и Шаро-Аргун не позже эпохи бронзы в результате расселения нахских племен по ущельям, притокам рек, горным плато и котловинам возникло множе-

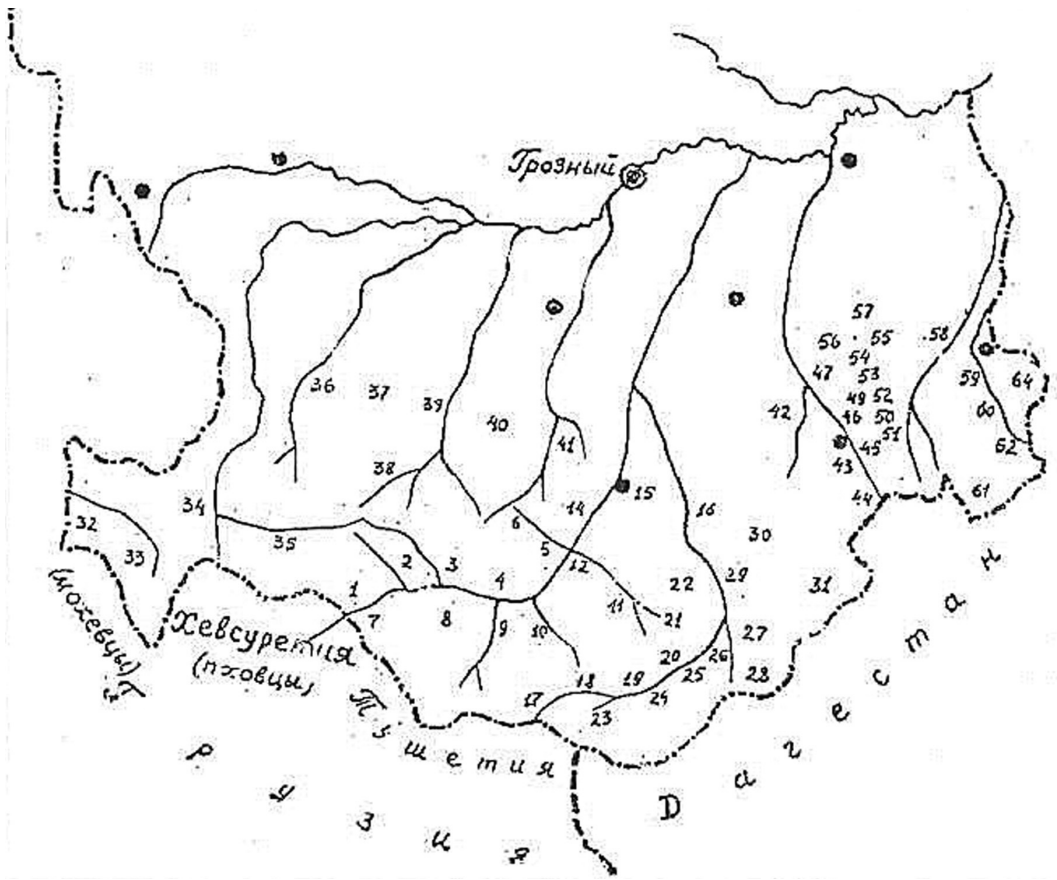

Рис. 8. Этнографическая карта основных нахских обществ Горной Чечни XVI–XVIII вв. (с указанием пограничных обществ Грузии и Ингушетии). Составлена выдающимся чеченским ученым Ахмадом Сулеймановым

1 – Маьлхиста (маьлхий), 2 – Кейн-Мохк (кей), 3 – ТIерла (тIерлой), 4 – Дишнийн-Мохк (дишний), 5 – ЧIуо (чIуохой, гухой), 6 – Мулкъа (мулкъой), 7 – МIайста (мIайстой), 8 – Хилдехьа (хилдехьарой), 9 – Хьачара (хьачарой), 10 – ЧIанта (чIантий), 11 – Зумса (зумсой), 12 – ЧIиннах (чIиннахой), 13 – Гучан-Кхелли (гучангий), 14 – Нихала (нихалой), 15 – Шуьта (шотой), тумсой, вашандарой, хьаккой, варандой, келой, маьршалой, саьттой, гIаьттий, пхьамтой, 16 – Саьрбала (саьрбалой, лаьшкарой), 17 – Сандаха (сандахой), 18 – КIесала (кIесалой), 19 – Шикъара (шикъарой), 20 – Шора (шарой, жогIал-дой), 21 – ЦIеса (цIесий), 22 – ДIай (дIай), 23 – Хуланда (хуландой), 24 – Хьакъмада (хьакъмадой), 25 – ХIима (хIимой), 26 – Кири (кири), 27 – Бути (бути), 28 – Чайра (чайрой), 29 – Нохч-Кела (нохчкелой), 30 – Нижала (нижалой, нижа), 31 – ЧIебирла (чIебирлой), 32 – Жайрах шахьар (жейрахой), 33 – Мецхал шахьар (мецхалой, фаьппий), 34 – Кхекхаьлла (кхекхаьллой, гIалгай), 35 – Цхьорой шахьар (цхьорой), 36 – Арстах (орстхой, арстхой, аргI-стой), 37 – Ялхара (ялхарой), 38 – Аьккха (аьккхий), 39 – Галайн-ЧIож (галай), 40 – Нахша/Нашха (нашхой), 41 – Пешха (пешхой), 42 – Элистанжи (элистанжой), 43 – Чермойн лам (чермой), 44 – Хорочо (хорочой), 45 – Эрсана (эрсаной), 46 – ЭгIашбета (эгIашбатой), 47 – Гуьна (гуной), 48 – БелгIата (белгатой), 49 – Курчала (курчалой), 50 – ЦIонтара (цIонтарой), 51 – Теза-Кхаьлла (тезакхаллой), 52 – Ширди-Мохк (ширди), 53 – ГIоьрдала (гIоьрдалой), 54 – Айт-Кхаьлла (айткхаллой), 55 – Шоьна (шоной), 56 – Эна-Кхаьлла (энакхаллой), 57 – Ялхойн-Мохк (ялхой), 58 – Iаллара (Iалларой), 59 – Энгана (энганой), 60 – Сесана (сесаной), 61 – Бена (беной), 62 – Гендаргана (гендарганой), 63 – Билта (билтой), 64 – Зандакъа (зандакъой), 65 – Бацай (бацай, дух-бацай, кIах-бацай, цIой-бацой, туш-бацай [Тушетия]), 66 – Пхьейн-Мохк (пхьей, шедалой, ардалой, хехойн-буной [Хевсуретия])

ство поселений: аулов, хуторов-усадеб и каменных однодворных башенных комплексов, которые существовали и в исследуемое время.

Общей особенностью для горных поселений Чечни являлось то обстоятельство, что каждое горное общество занимало в своем ущелье – «чIож», три геоморфологические ниши – узкая речная долина, окружающая котловина и нагорные плато, предполагавшие хозяйственную специализацию в рамках горного полеводства и скотоводства (реже садоводства). Другая особенность состоит в том, что в ущельных ареалах складываются изолированные и самодостаточные аграрные хозяйственные комплексы.

Первое аульное объединение – т.н. «вольное» общество (в чеч. «мохк» – земля, территория), с которого мы начинаем рассмотрение темы, – это Малхиста, расположенное на самой крайней юго-западной оконечности горной Чечни.

Остались неохваченными такие горные нахские общества: Галай - на левобережье Ассы (было образовано выходцами из Галанчожского ущелья в XVIII в.), Карабулакское общество между Яндери, Сунжей, Ассой и Фортангой (сложилось на границе гор и равнины в XVII–XVIII вв.), Ангушт – (нача-

ло общества не позже первой трети XVIII в.) в верховьях Камбилеевки и ниже (ныне в границах Северной Осетии), Ишхой – на р. Аксай в Нахч-Мохке, Кенхи (населенное носителями шароевского диалекта) – на речке Кенхи у юго-восточной границы с Дагестаном.

Малхиста/Малхйисте. В буквальном переводе «Малхйисте» означает «Солнечная сторона». Общество занимало горную котловину на левом берегу Шаро-Аргуна (Малхистинское ущелье) в его верхнем течении и на западе (через хребет Веги-Лам) граничило с нахским обществом Цори, на юге с Хевсуретией (общество Шатили), на севере через водораздельный хребет Басты-Лам с обществом Кейн-мохк, на северо-западе с Терла; в восточном направлении от Малхисты, на южной стороне Аргуна находилось общество Майсты.

В Малхисте насчитывалось, вместе с хуторами, более 20 населенных пунктов, располагавшихся в бассейне притока Аргуна Меши-хи и отчасти Басты-хи: Амие, Банах, Баста, Басти Хьевхи, Бенйиста, Доьхалашхе, Жаре, Икалчу, Къомалха, Коратах, Кешнах, Мешиех, Нохараста, Оьла-каг, Сахана, Терте, Пуганча, Туданда, Ценчу-мехка и др. Единственно одно селение Дуоза (Дози) располагалось на правом берегу Чанты-Аргуна (где располагались общественные пастбища и покосы). Это были башенные селения, самые крупные из которых насчитывали несколько десятков дворов, а рядовые – по 5–10 дворов усадебного типа. Здесь же располагался обширный склеповый могильник с несколькими языческими святилищами – Цой (Цайн)-Пхьеда[1]. Свидетельством достижения обществом определенной степени социально-общественного развития являлись замковые комплексы.

Фамильный состав населения Малхисты был более коротким, чем список населенных мест: тертхой, бастий, камалхой, кхоратхой, жархой, саханхой, кеганхой, банастхой и меши, что говорит о расселении увеличившихся фамильных подразделений на новые места с созданием аулов. В свою очередь фамилии («гара», «некъе») состояли из домов – «цIа» (по существу нескольких реально родственных семей по отцу, деду, прадеду) и отдельных семей – «доьзал». О численности малхинских фамилий мы можем судить только по отрывочным данным начала XIX в. Так, в «Джарего» указано наличие 11 дворов и 59 жителей, в «Бонисти» 16 дворов и 76 душ, в «Камалаго» 8 дворов и 27 душ[2].

Хотя в Малхисте и существовало несколько фамилий, считавшихся «пришлыми», здесь сложилось обычное горно-кавказское общество, представлявшее собой равноправный союз или федерацию всех аулов и фамилий ущелья с союзным собранием, военным ополчением и советом старших (старейшин фамилий).

Постоянные встречи «старших» людей аула для обмена мнениями происходили в селах Малхисты на специальных площадках – «пхьоьгIа», которые

вымащивались здесь плитами, а с покатой стороны склона строились каменные стенки для сидения. Некоторые косвенные данные говорят о наличии в Малхисте в XVI–XVIII вв. жреческой прослойки. Ислам здесь победил сравнительно поздно, в конце XVIII – начале XIX в.[3]

Известная самодостаточность хотя и скудного горского хозяйства, наличие собственного культурного мира, замкнутого границами ущелья и расстояниями, обеспечивали обществу и политическую автаркию. В политическом плане общество Малхиста было вполне самостоятельным и в силу своей отдаленности и труднодоступности от других чеченских обществ и равнины ориентировалось в своем миграционном движении вовне на близлежащие районы Грузии – в частности Хевсуретию и Тушетию.

В течение XVI–XVII вв. грузинские цари, ведшие борьбу с иранским и турецким засильем с опорой на горские силы, неизбежно обращались к содействию пограничных «кистинских» обществ, таких как Малхиста. В свою очередь жителям подобных обществ издревле была предоставлена возможность беспошлинной торговли в городах Грузии и право выпаса скота в Алазанской долине. В русских документах Малхиста упоминается при описании пути в Грузию с низовий Терека через Аргунское ущелье в 1591 г.: «идти… безстрашно на Метцкие гребни (Митхо – грузинское название Малхисты. – Я.А.), на Шихово племя (аккинцы или хевсуры?), на Бурнашову да на Амалееву землю, да Батцкие гребни (бацой – нахи-тушинцы. – Я.А.)[4].

Майста. Столь же изолированным природой от основного массива нахских обществ являлось и высокогорное Майстинское общество, расположенное в небольшом ущелье на речке Майстон-эрк (правобережный приток Чанты-Аргуна), берущей начало с вечных ледников горных вершин Бокового хребта высотой до 4,5 км. На западе и северо-западе Майсты граничило (через хребты) с территорией Малхисты, на севере через русло Аргуна с Кейн-Мохком, на востоке с чеченским обществом Хилдехарой, на юге (через перевалы Бокового хребта) с хевсурами, тушинами. Майста имела выход на запад и восток по руслу Аргуна к другим чеченским обществам. Дороги к югу в Хевсуретию и Тушетию для майстинцев пролегали через перевальные тропы, ведшие из Хилдехароя и Малхисты.

Вероятно, что свое название общество получило от гидронима Майстойн-эрк, но возможно и от «маIа» – в значении «верхний, возвышенный»[5].

В Майста насчитывалось четыре древних башенных аула: Васар-кхелл (Фарас-кхелл), Туга, Пуога и Цекхелли. Судя по косвенным данным, Майста как общество представляло собой союз 4-х поселений и на карте страны существовало как самостоятельная политическая единица. Правили здесь традиционно старшие семейств и старейшины фамилий.

Так же, как и в Малхисте, здесь сложился большой некрополь каменных склепов и наблюдались культовые капища языческих богов нахского пантеона.

Рис. 9. Селение Це-Кале (Цекхаьлла), общества Майсты (совр. фото)

Несмотря на малочисленное население (источник начала XIX в. насчитывает в Майсты 33 двора с населением в 142 человека)и отсутствие удобных путей сообщения, данное общество, согласно устной традиции, имело несколько общезначимых культовых мест и, самое главное, считалось центром знания обычного права в Чечне. «Майстон-кхелл» («Суд майстинцев») традиционно во всей Чечне являлся последней инстанцией, куда обращались тяжбущие по адату в случае чрезвычайно запутанных дел, оставшихся неразрешенными местными судами. Также здесь искусно лечили резаные и огнестрельные раны, тщательно соблюдая древние приемы и рецепты врачевания[6].

Из-за отсутствия пахотных участков и дефицита пастбищ жители занимались разведением, главным образом, крупнорогатого скота. Для масштабного разведения овец были необходимы зимние пастбища, недостижимые для майстинцев в Аргунском ущелье. Поэтому майстинцы были экономически заинтересованы во взаимосвязях с хевсурами, тушинцами и с Грузией в целом. Шла также постоянная миграция «излишков» населения на юг, где майстинцы расселялись в Тушетии и Панкисском ущелье.

Вероятно, что майстинцы отмечены в русских документах 1603 г., где речь идет о приезде на Терек по торговым делам «крестьянина» Хармурза Абдалина из селения Того, присоединившегося к грузинскому посольству царя Александра в Москву, избравшего «аргунский» маршрут вместо «дарьяльского». Позже, во второй половине XVIII в., горное «кистинское» общество «Меести» (Майсты) упоминается И. Гильденштедтом[7].

Относительно Майсты сведений о распространении ислама в период XVI–XVШ вв. не имеется.

Кей/Кейн-мохк/Кийста. Высокогорное общество в бассейне левобережного притока Чанты-Аргуна р. Геши-чу (Кейн-эрк) граничило на западе с обществом Малхиста, на северо-западе с Цори, на севере и северо-востоке с землями среднегорных обществ Галая и Аьккхи, на востоке с Терлоем, на юге по руслу Чанты-Аргуна с Майсты.

Этимология топонима неясна, возможно от «кей/ков» – «ворота». Как бы то ни было в XVI–XVIII вв. в грузинской и русской историографии «кистами» и «кистинцами» именовали горцев-нахов верховьев Чанты-Аргуна, верхних притоков Терека – Охкарохи, Армхи и верхней Ассы. Возможно, что этноним «кисты», имеющий грузинское происхождение, возник еще в раннем средневековье в результате знакомства с пограничным районом Кей/Кий/Кийста. Но, вместе с тем, надо отметить, что в западной части горной Чечни и горной части Ингушетии встречаются и другие топонимы с частичкой «кей/кий»[8].

Башенные аулы и отдельные хутора-усадьбы Кейн-мохка тянулись по течению Кей-эрка, по обоим берегам, начиная с верховьев и до впадения речки в Чанты-Аргун. Здесь имелись поселения: Кей-мохк, Авлахчу, МагIал-Кей (Верхний Кей) и Игал-Кей (Нижний Кей), Гимрой, Маштерой, Келжи, Боьрти, Меши, Шунды, Беки, Босхой и др.

Главным сборным местом общества являлись два обширных башенных поселка – Верхний и Нижний Кей, расположенные в 2–3 км друг от друга и состоящих из огромных 3–4-этажных жилых башен. В Нижнем Кее стояли и две боевые башни с купольным и пирамидальным покрытием[9].

Ограниченные возможности занимаемого ущельного пространства для террасного земледелия отчасти компенсировались прекрасными альпийскими пастбищами. Тем не менее, наблюдается раннее движение кейцев/кистин в Закавказье в тушинские, хевсурские и пшавские селения Грузии и в Панкисское ущелье. Эти переселения осуществлялись не только из-за демографического давления и нехватки земель, но и вследствие кровной мести. Следует отметить, что переселение на юг, в Грузию, шло и из других нахских обществ высокогорной зоны Чечни. А вот северный маршрут миграции горцев открывается только с освоением Чеченской равнины в XVII–XVIII вв. Например, довольно рано представители фамилий кейцев появились в притеречном селении Девлет-Гирей-юрт, основанном в середине XVIII в.[10]

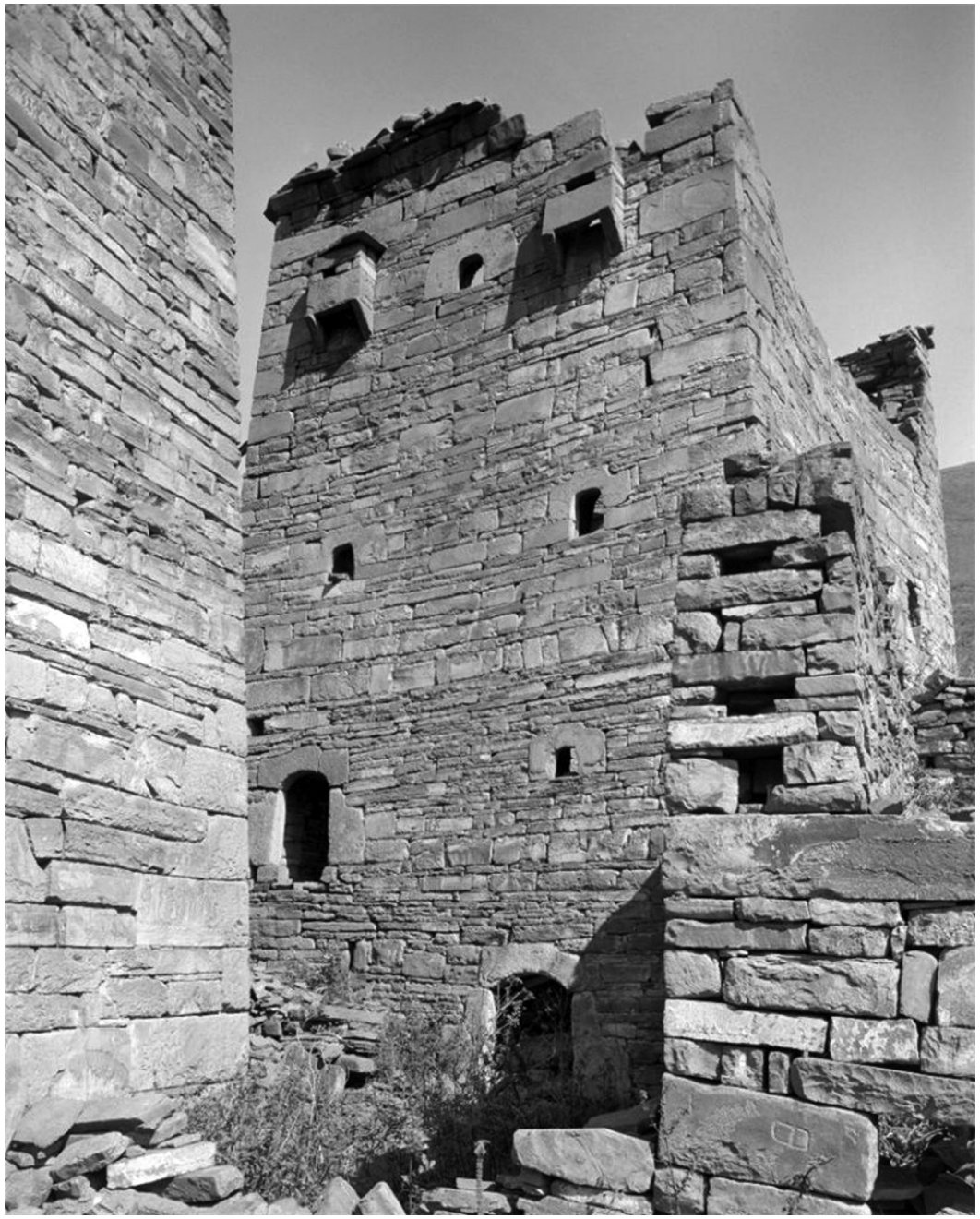

Рис. 10. Башни селения Кий – Кей-мохк (фото 70-х гг. XX в.)

В религиозном отношении кейцы относились к тому кругу горногрузинских, западнонахских и верхнеаргунских обществ, в духовных представлениях которых сочетались элементы языческих верований (Воккха Дела – Верховный бог, Тушоли – богиня земли, плодородия, Сели – бог грома и молнии, Елта – бог охоты, плодородия и урожая) с элементами христианства (с почитанием креста – «жIар», развалин древних церквей и соблюдением поста). Следует отметить, что в XVI и в XVII вв. грузинские цари (Леван, Теймураз) предпринимали усилия по утверждению христианства в пограничных «кистинских» обществах в своих политических целях[11]. Знакомство с исламом здесь начинается не раньше конца ХУШ в.

Система управления в Кей-мохке складывалась из института старейшин, аульных сходов, общеаульных народных собраний и регионального Мехккхела – совета общества, собиравшегося время от времени. В политическом плане кейцы находились в дружеских отношениях не столько с непосредственными соседями, сколько с расположенными южнее обществами «бальсунской» конфедерации среднегорной зоны, особенно с Аьккхи и Нашаха, с населением которых они считались в родстве.

Хилдехьа/Хилдехьара. Общество располагалось по правому притоку Чанты-Аргуна – Цийлахойн-эрк (Кериго), образуемого слиянием нескольких речек (Хьеран-эрк, Тюалой, Босташ-ин и др.), стекающих с вершинных ледников Бокового хребта.

На западе оно граничило с Майста (отделяясь от него Тебулосским хребтом), на востоке с обществом Хьачара, на севере по руслу Аргуна с Дишнимохк и Терлоем, на юге через вершины Бокового хребта с Тушетией.

Этимология названия данного высокогорного района довольно прозрачна: «хилдехьа» – «заречное (место)», «хилдехьарой» – «живущие за рекой» (имеется в виду р. Чанты-Аргун, ограничивающая северные пределы общества).

В указанном обществе имелись следующие селения и отселки, в т.ч. и башенные: Бовхо, Горст, Гуйвийнача, Дуьрчани, Керисге, Корхой, Кирбасой, Люнки, Мецехчу, Пужах, Пужапхьаро, Саканахо, Тюйли, Хангиха, Чамги и Цийлахо. Фамильный состав общества отчасти совпадал с аульным, здесь жили: кюристахой, люнгихой, саканхой, цийлахой и хангихой. Данные «старые» фамилии и образовывали новые селения и хутора в границах общества путем окультуривания новых пастбищ и создания земледельческих террас.

Окруженные с трех сторон мощными снеговыми хребтами жители общества имели вместе с тем неплохие условия для развития овцеводства и в определенной степени земледелия. Судя по отрывочным данным, здесь была выведена местная порода овец – курдючная, с черной и темно-серой шерстью. Их сообщение с соседними обществами Чечни могло происходить по тропам Аргунского ущелья; с Тушетией и Грузией общество связывала одна тропа через крутой перевал по склону горы Нархех-корт, которой пользовались и западные соседи майстинцы[12].

Согласно преданиям, Хилдехьа представляло собой общество с демократическим типом управления и не входило в какие-либо крупные объединения или в союз с феодальным владением, существуя замкнуто. Здесь располагались почитаемые культовые святилища и капища, включая священные рощи. По-видимому, в связи с наличием развитого языческого пантеона и уединенным географическим положением общество поздно приняло ислам – не ранее второй половины XVIII в.

ТIерла/ТIерлой. На левобережных притоках Чанты-Аргуна – Никархойн-эрк, Бархайн-эрк и Бавлойн-эрк – располагались земли большого союза сельских обществ – федерация ТIерла/ТIерлой. Союз обществ граничил на западе через вершины водораздельного хребта с обществом Кей (Кейн-мохк), на севере через вершины Скалистого хребта с Нашха, на востоке с Дишни-мохк, на юге, по руслу Чанты-Аргуна, с Майста и отчасти Хилдехьароем. Этимология названия «ТIерла» является производной от «тIера» – «верхнее/верхний».

Башенные постройки ТIерлоя, образующие порой мощные замковые и крепостные комплексы сосредотачивались в аулах Барха (Новый и Старый), Уйта, Ушна (Оьшни), Гуро, Боьшна, Элда-Пхьа, Сени, Моцарой, Никарой, Бавлой, Кхенах и Арстах, не считая многочисленных хуторов и отселков. Есть основания считать, что собственно под ТIерла подразумевался союз 3 самостоятельных аульных обществ, сосредоточенных в ущельях речек Никаройн-эрк, Бархайн-эрк и Бавлойн-эрк. Вместе с тем, до принятия ислама (примерно во второй половине XVII–XVIII вв.) здесь существовали общие для указанных обществ мощные языческие культы с храмами и святилищами, более того, наблюдался культ местного верховного бога – ТIерлой Дели (бог тIерлоевцев). Здесь же наблюдался и храмовый культ «Меркан Нана» (матери земли, страны)[13].

Наличие богатых пастбищ и плодородных террасных участков позволило тIерлоевцам создать самодостаточную хозяйственную систему. Вместе с тем горцы вели активное каменное строительство: не позже XVI–XVII вв. в ущельях ТIерлоя были воздвигнуты совершенные жилые, боевые башни и замковые комплексы. Своеобразную архитектуру имело селение Никарой, воздвигнутое на скалистом мысе при слиянии двух речек столь тесно, что дворы домов располагались на плоских крышах второго яруса жилищ[14].

Фамильный состав ТIерлоя частично совпадал с аульным: бавлой, бешхой, боьшни, гемерой, гизхой, гилшхой, жерахой, кхенарой, мацархой, никарой, оьшний, санахой, шуьнди, элтпхьархой и др.

Отрывочные фольклорные данные говорят о «демократическом» типе управления внутри общества, структурированном в трех-четырех ущельных союзах, но объединяемых общенародными собраниями и культами. Вместе с тем, наблюдались и попытки централизации власти аристократическими

Рис. 11. Никаройский замок в Терлоевском обществе Горной Чечни (фото 70-х гг. XX в.)

элементами. Здесь предания называют имена Бийриг Биччу и Элди Талата, влиятельных владельцев башен, вступавших даже во взаимные войны[15].

Следует отметить, что тIерлойцы контролировали важную часть участка дороги, ведшей с Терека по ущелью Аргуна в Грузию. «Тарлов кабак (поселение. – Я.А.)» фигурирует уже в русских документах 1601 г.: «в Грузи с Терки (послам. – Я.А.) идти… на Мичкисские кабаки … а от Мичкисского от Кудашева кабака на Пешинский кабак, а от Пешинского кабака на Тарлав, на Бердеков кабак, а ход со вьюками»[16].

В целом общество ТIерлой входило в систему сообществ чантыаргунских «землиц», в т.ч. согласно преданиям и в единый оборонительный комплекс горной Чечни от Шатоя до Малхисты.

Дишни. Ниже Терлойского общества по левобережью течения Чанты-Аргуна располагался небольшой аульный союз Дишни («Дишни-мохк» – земля дишнийцев), который граничил на западе с Терлоем, на востоке с Чаьнти, на севере с Чоьхоевским обществом, на юге – по руслу Аргуна – с Хачароем (правобережье).

Полевые материалы говорят, что общество некогда владело землями не только по левому, но и по правому берегу Чанты-Аргуна. Правобережные земли были утрачены в результате выхода из союза родственных по женской линии фамилий. Расположено общество в стратегически важном месте, там, где Аргун, текущий из Закавказья с запада на восток, делает поворот на север, а рельеф окружающих гор исключает обходные пути.

Этимология топонима неясна, возможно исходит из характера местности, или из скотоводческой номенклатуры[17]. Главным хозяйственным занятием дишнийцев являлось скотоводство.

На территории общества существовали следующие селения, отселки, хутора и жилые башни усадебного типа: Тусхара, Амкхелла, Барснаха, Цацах, Бечига, Юрдахо, Утан-кхелла, Тержил-гIала, Чоьнк-пхьеда, Авст-кхелла, Кхалтъа, Гучча-кхелла, Курш-пхати и др.[18]

Дишни-мохк практически не упоминается в документах XVI–XVIII вв. и скорее всего потому, что данная территория в источниках покрывается топонимом Чаьнта («Чантинская землица»), что свидетельствует о возможном вхождении данного общества в более крупную политическую и территориальную единицу, каковым был Чантинский союз, либо об их постоянном и тесном взаимодействии.

Хачарой. Общество располагалось на правом притоке р. Чанты-Аргун – речке Хьачарой-ахк, берущей начало с вершин Бокового (Тушетского) хребта. Оно граничило на западе (через хребет Данедук) с Хилдехароем, на севере с Дишни-мохк и на северо-востоке по водораздельному хребту с Чаьнти, на юге мощные горные системы Бокового хребта и хребта Кобулам отделяли ее от Тушетии, куда из Хачароя вела пешеходная тропа по перевалам высотой до 4 тыс. м.

Этимология названия общества прозрачна: «хьач» – алыча (дикая слива), «аре» – поляна, пространство. Отсюда Хьачара – «Алычевая поляна»[19].

По данным топонимии, здесь располагались следующие поселения, в том числе и башенного типа: Шок-кхелла, Ведача, Сиелита, Мазлатане, Калхьада, Гамха, Пхьалгашка, Вазашка, Хьавхара, Пхьакоча, Аттин-бовта и др. Обилие названий, связанных с пашнями, огородами, пастбищами, стоянками скота и водяными мельницами, говорит об успешных занятиях местных горцев земледелием и скотоводством. Топонимические данные о специальных местах заседаний старейшин общества – «Исс хийшанча» («Девять собиралось где») – подтверждают фольклорные предания о Совете старейшин Хилдехьароя как представительном органе, решавшем вопросы войны и мира и общественные проблемы[20].

В пользу экстерриториальности Хачаройского общества говорит ряд свидетельств; связи Хачароя «вовне» могли ориентироваться только в сторону севера и северо-востока горной Чечни (за отдаленностью общества от границ Грузии). Несомненно, имелся тесный союз с соседним Чантинским обществом.

Наличие системы собственных культовых мест языческого пантеона в Хачарое способствовало духовной автономии общества. Надо полагать, что ислам в Хачарое утвердился не позже XVIII в.

В известных на сегодня исторических документах XVI–XVIII вв. Хачарой не упоминается, что возможно объясняется своеобразной «заслоненностью» более крупной «Чантинской землицей».

ЧIаьнта/ЧIанта. Данный крупный союз аульных обществ граничил на западе с Хачароем, на севере с Дишни (по руслу Аргуна), на северо-востоке с Дзумсоем, на юге и юго-востоке (через перевалы) с Шикароем и Цеси.

Общество-федерация располагалось вытянуто с юга на северо-запад по речке Доьрахойн-эрк (правый приток Аргуна). Имело множество селений, отселков и хуторов, главными из которых были многобашенный Итон-кхелл, расположенный на берегу Чанты-Аргуна[21], Доьра, Бобаш-гута, Хаз-кхелла, Хиерах, Тас-гута, Кхокхада (Верхний и Нижний), Хьелди, Пхьакога, Пхьатта, Дан-кхелла, Ахин-гута, Сиелиета, Кахи-аул, Борзхьалха, Итт-куллиш, Цамада (Цамдой), Гаг-кхелла, Цуника, База-кхелла, Гул-кхелла, Иэт-кхелла, Чагие, Марашка, Загал-аул и др.[22] Фамильный состав ограничивался указанием на общий «тайп» чIаьнти, делившийся в свою очередь на многочисленные ветви: гары и некъе. В этом состоит известное своеобразие данного большого сообщества.

Общество контролировало дорогу по Чанты-Аргуну с юга на север, из Грузии к Тереку и обратно, и путь из верхних чанты-аргунских и шароаргунских сел на равнины Чечни. Здесь было достаточно террасных и приречных

пашенных участков, покосов и пастбищ для ведения относительно полноценного сельского хозяйства. Благоприятный микроклимат позволял разводить сады и зерновые культуры, характерные для равнин. Вместе с тем, на территории общества встречалось несколько участков аридного характера. Судя по всему, наличие таких мест с скудной растительностью степного типа – «чIана» – и дало название всему району – «ЧIана – ЧIаьнта».

Согласно полевым материалам, ЧIаьнтинский союз сельских обществ имел типичную для горной Чечни систему общественного управления: здесь были и места для сбора народных собраний – «Оховчу гута» («холм [где садятся для] собрания») и заседаний Совета мудрецов, разбиравших наиболее запутанные дела; было, к примеру, и особое место совещания старейшин – «Исхой» – буквально «девять где совещаются»[23].

Рис. 12. Развалины одного из замковых комплексов общества ЧIантий – селение Хаскали. Не позже XVI в. (совр. фото)

Вместе с тем, в союзе ЧIаьнта, основанного на преобладании аульного общества Итон-кхелла, вырастали и новые центры влияния. В частности, возвысилась группа селений к юго-востоку от головного аула, объединившаяся вокруг аула Доьра[24]. Порой и все общество-федерация в целом получало доминирование в аргунском регионе, что позволяло причислять к чантинцам и соседних дзумсоевцев, хачароевцев и хилдехароевцев.

Существование Чантинского общества отмечено в русских документах, начиная, по крайней мере, с 1619 г. в связи с грузинскими и русскими посольствами, проходившими по Аргунскому ущелью. Указание, что «горские кистинчата» берут плату за обеспечение безопасности послов и гонцов все чаще встречаются в источниках второй половины XVII в. Так, между Тушетией и «Шибутцкою землею» (Шатой) кортеж грузинского царевича Николая в 1665 г. столкнулся с руководителями («владельцы») «Теремской (скорее всего, ТIерлой. – Я.А.), да Чантинской, да Чинахской» земель, потребовавших выкуп. Видимо, в обществе должен был существовать и какой-то механизм распределения полученных средств[25].

Название общества в форме «Дганти», «Дшианти» было известно и русским наблюдателям XVIII в. Однако размещали его то «рядом с округом Туши», то почему-то на верхней Сунже[26].

Принятие ислама, согласно полевым данным, происходило здесь в течение XVII–XVIII вв. Проникновение новой религии, что интересно, шло как с равнины и нижележащего Шатоя, так и из вышележащих обществ верховьев Шаро-Аргуна, прилегавших к исламизированному Дагестану.

Дзумс/Дзумсой/Зумса. Общество рассматриваемого времени граничило на западе с Чиннаха, на юго-западе с Чаьнти, на востоке с Дай и юго-востоке с Цеси. Многочисленные аулы и жилые башни-хутора общества располагались в среднем и верхнем бассейне речки Дзумсойн-эрк – правого притока Чанты-Аргуна (в нижней части указанного притока располагалось общество Чиннах).

Согласно полевым материалам, жилища Дзумсоя группировались в «старых» аулах Бугурой, Асткой, Каьшт-кхелл, Мужиара, Кхумарт-кхелл, Санкхелл, Чита-кхелл, Мехьт-кхелл, Алдам-кхелл, Хулдихи, Чудерхой и др. В свою очередь ведущие фамильные наименования были следующие: каьштой, мехьткхаьллой, энакхаьллой, харкуной, сесаной, чалхой, доркъулхой, гожахьехой, самголой, онгучой, амбасой, селетой, чайнарой, хьаркуной, олгузой, гургой, селгуной, муьжеарой и др.[27]

Этимология происхождения названия общества неясна. Согласно полевым данным, в Дзумсое общественное управление осуществлялось старейшинами, а с середины XVIII в. и представителями мусульманского духовенства.

Чухой/(Чуо). В хребтовом межпространстве водораздельного Скалистого хребта в бассейне Чанты-Аргуна по его левому притоку располагалось общество Чухой. На западе оно граничило с обществом Мулкой, на востоке по руслу Аргуна с Чиннах, на юге с Дишни и ЧIаьнти, на севере с землями Борзойского аульного общества, входившего в союз Шатой/Шубут.

В основании этимологии названия общества лежит либо «Чоь» – «внутреннее место», либо «ЧагIо» – «укрепленное место». Но здесь же мы имеем гидроним Чухи-ахк.

Поселения, хутора и башни-усадьбы небольшого общества группировались вокруг Чухой, Гута, Гухой, Чевхьара, Узмат-кхелл, Биссахьа, Гуьркет баса, Яр-кхелл, Герачу, Повшкогу, Тимарш-кхелл, ЧIаюххе, Цанашка, Уакх-кхелл, Касс-кхелл, Бовхой и др. Фамильный список жителей состоял из 4-х позиций: чуохой, гухой, узмат-кхаллой, чевхарой. Главенствующим считалось селение Гута[28].

Население общества занималось земледелием и скотоводством. В документальных источниках XVI–XVIII вв. общество Чухой не отмечено, но оно могло покрываться именем соседних – более крупных известных союзов каковыми в Чанты-Аргунском ущелье являлись, к примеру, Шатой и ЧIаьнти.

Мулкой/Мулкъа. Общество Мулкой располагалось в бассейне левых притоков Чанты-Аргуна – Мулкой-Эрк и Гухойн-эрк между горными вершинами Конжухой (2231 м) на юге и хребтом Гумуртаир-корт (2074 м) на севере.

На западе оно граничило с обществом Пешхой, на востоке и юго-востоке с Чухой, на юге с Терлой и на севере за хребтом Гумуртаир-корт с обществом Харсеной (возможно, что оно сложилось поздно, в XVIII–XIX вв.) Этимология названия общества связана, скорее всего, с гидронимом Мулкой-эрк.

В исследуемое время здесь имелись следующие аулы, отселки и жилые башни-усадьбы: Чезир (Хазар-кхелл), Бассаха (Мулкойн Бассаха), Бова, Меда/Медырхой, Бенгара, Хьюрика, Кейшта, Кота, Ирзехой, Шайне/Джайне, Хьархичу, Хазин-бов, Тевсин-гала, Кхакхадой/Хахадой и др.[29]

Население Мулкоя занималось скотоводством и земледелием, в т.ч. и террасного типа. При этом здесь документально отмечена добыча свинца и серебра. Если в русских документах «мулкинские… земли» впервые названы в 1619 г., то через десять лет, в 1629 г., конный стрелец Терской крепости Девятко Савельев указал, что он «в Колканех (галгай или горные грузины – калканцы. – Я.А.) да в Мылкыцех (возможно, Мулкой. – Я.А.) свинец покупывал и на Терек приваживал…». Известно, что в конце XVIII – начале XIX в. именно в аргунском Мулкое добывали, помимо свинца, в незначительном количестве и серебро[30]. Мулкойцы, как и их аргунские соседи, имевшие богатый языческий пантеон, приняли ислам не позже XVIII в.

Чиннах/Чиннахой. Гучан-кхелл. Общество располагалось в нижней части правого притока Чанты-Аргуна р. Зумсойн-эрк и граничило: на западе по руслу Аргуна с Чуохой, на востоке с Дзумсой, на юге с ЧIаьнти, на севере с Гучум-кхелл и шатоевскими землями. Согласно преданиям, чинхойцы и соседствующие им ниже по Чанты-Аргуну небольшие общества гучумкаллинцев, башенкаллинцев и нихалойцев являются родственными. Вероятно, что они входили в некий общий союз. Вместе с тем, те же нихалойцы территориально были расположены ближе к Шатоевскому союзу и тяготели к нему.

Согласно предположениям современных этнографов, этимология Чиннах исходит из «Чанах» (то же, что чана, чанти) – сухое, малоплодородное место. Дело в том, что на протяжении верхней части бассейна Чанты-Аргуна, несмотря на общую увлажненность, встречаются, как включения, аридные участки, свойственные сухой, степной зоне.

В Чиннахе насчитывались такие аулы, отселки и башенные хутора, как: Уьш-кхелл, Бугара/Бухара, Бавгете, Жел-кхелл, Сан-кхелли, Цеда-бов, Хьохьа, Бавхойн-мерка, Басхуо, Дукъарой, Аьста, Совн-кхелл, Зоьрт-кхелл, Оьзна, Хуртан-кхелл, Цорул-кхелл, Хьушха, Инна йисте, Базанти, Дон-кхелл, Пхьоггу, Вотта-кхелл, Бавте, Дан-кхелл, Циехьа, Конжак/Конжухой (на левом берегу Чанты-Аргуна), Баьвнан дук, Туьта мерка и др.[31]

Северо-восточнее Чиннаха на правом берегу Чанты-Аргуна на последнем отроге Скалистого хребта, снижающегося в этом месте до высоты 1935 м, располагалось небольшое общество, входящее по существу в союз Чиннаха – Гучум-кхелл (возможно, переводится как «видимое укрепление»). Головными его поселениями являются Гучан/Гучум-кхелл и Башан-кхелл с несколькими отселками: Гонат-гала, Мюст-кхелли, Саьтти-Тевзина и Бовга-гала. Селения обществ Чиннаха и Гучун-кхелл были башенные, с числом дворов от 5 до 26[32].

Главным занятием жителей являлось скотоводство и отчасти земледелие при явно ограниченных земельных площадях. Поэтому чинхойцы рано начали выселение на равнину с одновременным принятием ислама (не позже XVII в.).

В документальных источниках топоним встречается в 1665 г. в челобитной грузинского царевича Николая Давыдовича в Москву, где он жалуется, что «тех земель владельцы – Теремской, да Чантинской, да Чинахской» не пропускали его кортеж «через владенья свои»[33].

Еще одно упоминание встречается в 1781 г., когда некий Рамазан Алиев, приехавший в Кизляр «для обучения татарской грамоте и… прокормения… работою», показал, что он «родиною горской тавлинской деревни Чинах» откуда его родители переселились в Гехи, а затем в «Девлетгиреевскую»[34].

Общественное устройство Чиннаха было сходно со всеми горными обществами Чечни исследуемого времени: народные сходы аульных общин и «общенародные» собрания союза обществ, советы старейшин и советы «мудрецов», священные места и языческие празднества (сменившиеся затем мечетями и исламскими обрядами).

Чеберлой/Чебарла, Чарбила. Данное общество-федерация по строгому счету не входит в высокогорную ландшафтную зону между Боковым и Скалистым хребтами. Но этот своеобразный горный район-плато со средними высотами не менее 2 тыс. м, образованный последними восточными остров-

ными массивами Скалистого хребта и западными отрогами Андийского хребта, вполне заслуживает считаться высокогорным. В исследуемое время здесь располагались поселения одного из самых крупных союзов обществ высокогорной части Чечни, самодостаточного в хозяйственном, культурном и политическом отношениях. В XVI–XVIII вв. оно равномерно взаимодействовало как с остальной территорией Чечни, так и с западной частью Нагорного Дагестана.

Чеберлой граничил на западе с Нохч-Кела, на северо-западе с Нижала, на востоке и юго-востоке с андоцезскими народами Дагестана (общества Чамалал, Годобери, Ботлих), на севере с чеченскими обществами Нохч-Мохка, на юге граница шла через водораздельный хребет Хиндой-лам с обществами Кири и Кенхи. По мнению А. Сулейманова, этимология названия общества связана с понятием «чIаба/чIеба» – «плоскогорье».

В состав Чебарлоя включались следующие селения региона – Макажа, Алдам-Гези-ков (укрепление), Тунжанн-аул, Садой[35], Ховрин-аул, Лакха Орсой и Лаха Орсой, Гонат-аул, Ихарой, Пхакоче, Исуган-аул, Тундакхой, Ариеаул, Махкаче, Герги-аул, Хьаркаро, Цекара, Пхьа-дук, Бассахо, Буни, Бунахо, Пхьен даккашка, Хой, Хинда, Къоьзуной, Рига/Ригахой, Пхьати, Ананчи, Кхийкхан-аул и др.[36] Возможно, что в течение XVI–XVIII вв. территория Чебарлоя могла увеличиваться или сужаться. Так, согласно полевой информации, в состав Чеберлоя в разное время входили тот же Нижалой, Дай, Нохч-Кела и др. Случалось, что из состава Чеберлоя в ходе тех или иных социальных и общественных конфликтов выходили общества Садой, Макажой и др.

Судя по полевым материалам, в т.ч. и данным А.Сулейманова, Чебарлой представлял собой федерацию вольных обществ – групп аулов, отселков и хуторов, группировавшихся вокруг головных селений – Буни, Макажа, Садой, Орсой, Хьаркаро, Хиндой, Хой и Ригахой. Указанные головные селения имели мощные оборонительные системы, состоящие из каменных боевых и жилых башен, замков и крепостей.

Следует отметить, что географически данная федерация обществ была расположена на плоскогорье, образованном юго-восточными отрогами Андийского хребта, где сток воды обращался в р. Ансалта (которая собирает притоки практически со всего Чеберлоя), текущей на юго-восток по протяженному ущелью. В свою очередь Ансалта, в качестве левобережного притока, впадала в Андийское Койсу. Единственно только стоки с северного склона хребта Хиндой-лам на земле Чеберлоя давали начало р. Келой-ахк, текущей на северо-запад с впадением в Шаро-Аргун.

На территории Чебарлоя на высоте 1869 м располагалось и самое крупное горное озеро Северо-Восточного Кавказа – Кезеной-Ам.

В основе политического строя данного союза аулов и обществ лежал демократический принцип правления (народные собрания и советы старейшин).

Но при этом необходимо отметить, что в разное время здесь шла борьба за политическое, а следовательно, и за хозяйственное лидерство между Садой и Макажоем, впоследствии между Буни и Макажоем. Так, предметом спора между последними аулами было право на проведение регулярных базаров на своей территории[37].

Правителем и Макажоя и всего Чебарлоя пытались утвердиться в исследуемое время отдельные аристократические фамилии, к примеру, Алдамовичи, воздвигшие мощные каменные укрепления. В середине – начале 2-й половины XVII в. между чеберлоевскими Алдамовичами и боковой ветвью хунзахских (аварских) ханов Турловыми, правившими в Гумбете (общество в бассейне Андийского Койсу), было заключено соглашение, подразумевавшее взаимное обязательство оказания военной помощи. Причем свидетелями данного договора выступил имам мечети и «главари» селений, т.е. старейшины. В 1649 г. русские воеводы получили информацию, что в горах есть «особая земля «Чебурды», в которой 40 поселений, а владельцами «той земли» названы «Алдымовы дети»[38].

Рис. 13. Развалины крепости феодальной фамилии Алдам-Гези (не позже сер. XVII в.) в Чебарлое (совр. фото)

Данное обстоятельство подтверждает, что аулы Чеберлоя относительно рано приняли ислам, скорее всего не позже середины XVII в. Еще один арабоязычный документ из Дагестана, датируемый концом XVII в., говорит о соглашении, заключенном между кумыкскими князьями и Чеберлоем, и на этот раз, стороной договора выступают не аристократы, а «старые и молодые», т.е. равноправные члены общества[39].

Русский документ 1748 г. указывает, что «чабурлинских деревней 18 усадеб, дворов по 10, по 18, и по 30 и по 40, а всего с 400 или с 500 дворов». Правление здесь было старшинское: «управляют расправу старшины 5 человек…». Но есть данные 1758 г., что якобы у чеберлоевцев «при каждой деревне из Аварского и Чеченского владения имеются чанки, которой ими каждый при своей деревне и управляется»40. Однако данная информация о правлении младших или второстепенных линий (чанки) феодальных фамилий не подтверждается более ни одним сообщением (скорее всего, произошла путаница с каким-либо из дагестанских обществ).

По всей видимости, Чеберлой, преодолев аристократическое засилье Алдамовичей еще до конца XVII в. предстает в XVIII столетии своеобразной крестьянской «республикой», жившей по законам адата и шариата. Однако необходимость налаживания связей с русскими крепостями и городами на Тереке, организации сезонного выпаса скота приводили чеберлоевцев к обращениям к князьям чеченского, кабардинского, кумыкского и аварского происхождения. Центробежные тенденции в Чеберлое не направлены к выселению на равнину, однако их связи с окружающим миром не уже, чем у других соседних обществ высокогорной зоны.

Сандаха. Географически весьма замкнутыми от окружающего мира, нежели даже чем общества верховьев р. Чанты-Аргун, были районы верховьев р. Шаро-Аргун, где по обоим берегам реки находился ряд небольших изолированных природой обществ, история которых уходила в древность. В направлении с запада на восток на берегах верховьев Шаро-Аргуна (до его поворота на север) и его притоках располагались селения маленьких обществ Сандаха, Качехой, Кебасой, Кесала и Хуландой.

Небольшое высокогорное общество Сандаха находилось на самых истоках крупной горной реки Чечни – Шаро-Аргун, под вечными ледниками.Его границами были почти 4-километровые вершины Бокового (Тушетского) хребта на юг и юго-востоке, с севера левобережный (по Шаро-Аргуну) хребет Кобулам (3283 м) отделял Сандухой от Хачароя. Единственно на востоке ущелье Шаро-Аргуна давало сообщение с аулами общества Кесалой (сообщавшегося в свою очередь шедшими на север тропами с Чаьнти). Другое сообщение, в виде узкой тропы, вело на юг к Тушетии, через перевал по склону горы и одноименного ледника Качо (Качу) и было доступно только в летние месяцы.

Этимология топонима Сандуха не ясна (возможно, от «сана/сона» – угол, тупик).

Помимо собственно селения Сандухой в обществе существовало еще одно поселение Пхиеди и несколько башенных хуторов: Ехаран-бавнаш, Кочи, Цхьогалан-гала, Гезилайн куллаш, Бевнах корта[41].

Кесалой. Небольшое селение-общество располагалось по течению Шаро-Аргуна, на левом берегу реки, между территорией Сандухоя на западе, Щикара на востоке и Хуланда на юге[42]. На севере гора Гархынуш-корт и перевал Джеинджаре отделяли Кесалой от аулов ЧІаьнти. Туда вела перевальная дорога, доступная и зимой. Другая санно-конная тропа вела вниз по Шаро-Аргуну, соединяя Кесалой с целым рядом обществ. Западнее Кесалоя, между ним и Сандухоем находились аулы Качехой и Кебасой, относительно статуса которых сведений нет. Возможно, что в состав Кесалоя входили поселения на речке Данейлам-хи (аул Мозухи), впадавшей слева в Шаро-Аргун напротив Кесалоя.

Некоторые поздние полевые данные позволяют предполагать, что Кесалой и Качехой и, в какой-то мере, Сандухой входили в более мощную систему Шаройского объединения-федерации аулов, рано принявшей ислам благодаря широким связям с Дагестаном.

Согласно топонимическим данным и памятникам материальной культуры население Кесалоя занималось овцеводством и террасным земледелием.

Хуландой. Поселения общества располагались на правом притоке Шаро-Аргуна – р. Хуландой-ахк, спускавшейся двумя руслами с ледников горы Диклос-мта (4285 м) Бокового хребта.

На западе и северо-западе оно граничило с территорией Кесалоя, на севере с Щикара, на востоке с Хакмада, на юге перевальный путь через Снеговой хребет вел в андоцезские общества Дагестана.

Помимо собственно аула Хуландой, здесь фиксируются поселения Тепхов, Галандуо и Бургал-гала[43].

Население данного общества, группировавшееся главным образом в одноименном ауле, занималось скотоводством и находилось в сфере влияния Шаройского союза-федерации.

Щикарой. Несколько ниже впадения Хуландой-ахка в Шаро-Аргун (с правой стороны) на левой стороне реки впадает ручей Шаро-ахк, на котором располагались каменные аулы Щикароя. На западе общество граничило с Кесалоем, на востоке с Шароем, на севере через перевал Джеинджаре дорога выводила к землям Чаьнта и Дзумсоя, на юге, по руслу Шаро-Аргуна, граничило с Хуландоем.

Центром общества был башенный аул Щикарой, имевший два отселка: Байде и Пхьиди. Кроме того, здесь были небольшие поселения и башенные

Рис. 14. Селение Щикарой (совр. фото)

усадьбы: Дехачу-агане, Уоратл-дукъа, Икарой, Ами-гала, Пирсунтехе, Гуртоги, Пха-халхи[44].

Согласно топонимическим данным и памятникам материальной культуры, щикароевцы занимались скотоводством и отчасти террасным земледелием. Ислам был принят не позже XVII в. через жителей Шароя и соответственно дагестанских проповедников. Щикарой являлся типичной горской общиной, входившей, в свою очередь, в систему общеущельного объединения с центром в Шарое.

Шарой (Шуарой). Одно из крупнейших обществ (скорее федерация обществ) высокогорной Чечни, занимавшее в ее политическом устроении важное ключевое место на южных границах. Название производно от «шара/шера» – ровное [место] или «шуора» – широкое [место], что в принципе соответствует рельефу горной котловины на левом берегу р. Шаро-Аргун, где расположен головной аул. Оно граничило на западе с Щикара, на востоке с Хима, на юге с землями аула Хашелдой и Хакмада, на севере с землями Дзумса и на северо-востоке с Дай. Санно-вьючные тропы и дороги соединяли Шарой с ближними и дальними чеченскими обществами, Дагестаном и Тушетией (Грузией). Кроме крупного башенного аула Шарой, напоминавшего своим типом дагестанские «ступенчатые» селения, здесь находились и другие аулы, отселки и башни-усадьбы (входившие в границы общества): Хиндой, Махдан-аул, Битин-аул, Гедакха, Матаройн-аул, Пъан-корта, Циегухишка, Къуби-аул, Цикха-аул, Дюша-аул, Экхараш-аул, Хьеша-аул, Бов-коьрта и др.[45]

Неполный список сугубо шаройских фамилий, установленных по полевым данным, выглядит следующим образом: собственно шарой, жогалдой, сергихой, хашалхой, хиндухой. К общешаройским (ущельным) относят и фамилии, названные по именам своих аулов и обществ – бути, дунархой, икарой, щекарой, качехой, кевасхой, кенхой, кири, мазухой, химой, хуландой, хьакмадой, чайрой и цеси.

Относительно рано начавшаяся миграция шароевцев на плоскость привела к появлению их представителей в равнинных аулах Чечни и в Аухе (предгорный участок бассейна рр. Аксай-Акташ), где возник аул Шарой-Мохк[46].

Аул Шарой и другие населенные пункты общества имели многочисленные террасы для посевов зерновых и относительно благоприятные условия для скотоводства. Ранние контакты с исламскими центрами позволили им одними из первых в горной Чечне принять ислам (по крайней мере, в начале XVII в.).

Согласно полевым материалам, общество Шарой управлялось посредством народных собраний и Совета старейшин. При этом наблюдались элементы градостроительных решений: так, улицы в том же Шарое мостились, родники одевались в камень, строились большие общественные здания – мечети и минареты в виде боевых башен.

Первое упоминание Шароя в документальных источниках относится к XVIII в.

Цеса/Цесой. Небольшое общество располагалось северо-восточнее Шароя и граничило на западе с Чаьнта и Дзумса, на севере с Дай, на востоке (по течению Шаро-Аргуна) с Химоем и Кири. Название общества («красное»), скорее всего, идет от речки Цесин-эрк – левого притока Шаро-Аргуна (по другим данным – Цай-эхк). Здесь же имеется гора Циен-Корта.

На территории общества располагались селения Цеси, Курбанан-дукъ, Сисилда, Хюйре, Ига-аул, Цацакхи, Хасанан-гала и др.[47]

Общество поддерживало тесные отношения с Шароем, Дзумсоем и Дай, используя для проведения общих собраний вершину Циен-Корта. Цесинцы, согласно полевым данным, выделялись искусством разведения скота и обработки молочной продукции. Террасных участков было мало.

Хакмадой/Хьакмадой. Общество располагалось на правом берегу Шаро-Аргуна, гранича на западе с землями Хуландоя, на северо-западе по течению реки с Шароем, на севере и северо-востоке с Химоем. На юге Снежный хребет отделял общество от территории Дагестана.

Кроме головного селения Хакмадой, здесь имелись башенные поселения Эсилда, Эсира, Хиндуштаро, Бушо, Гоних, Хиндугуча, Гай-аул, Малчу хита, Шоршунон бассо, Гоьрги бассо, Хиндуга, Дука техие, Гулунд бассо, Торхата, Хуйнара, Жаайн ара и др.[48] Есть предположение, что аул Хашельдой (на речке Хашельда-ахк, левый приток Шаро-Аргуна), расположенный юго-западнее Хакмадоя, также входил в состав общества. По течению Хашельда-ахка вела скотоперегонная и караванная дорога на Дагестан через перевал Ягодак (2952 м).

Общество, являвшееся типичным горским объединением крестьянских дворов-хуторов и селений, обладало террасными полями и условиями для развития скотоводства. Входило в Шаройскую федерацию.

Хима/Химой. Оно находилось так же по правому берегу Шаро-Аргуна, северо-восточнее Хакмадоя, гранича на западе через русло реки с Цеси, на северо-востоке с Чайра и Кири, на юге соответственно с Хакмадоем.

Здесь располагались такие башенные аулы и хутора, как: Химой, Басхойн-аул, Зун-юххи, Баьан-гу, Гурчу-ирзо, Хьуна-юккъе, Алти-аул, Циелара, Елиза, Сай бийначу кхиере, Албаган-аул, Пъачин-аул, Мишал-гала, Хохадичу, Биегаран дукъа, Шарипан-аул и Кхоранчу[49].

Являясь головным селением одноименного общества Химой выполнял роль и ущельного культового центра. Согласно полевым данным, здесь в домусульманский период были сооружены каменные солнечные часы, представлявшие своеобразную обсерваторию для наблюдения за солнечным круговоротом. Наблюдается и обилие петроглифов на каменных постройках, в т.ч. и солярного типа[50].

Жители общества занимались скотоводством и земледелием, для которых здесь, несмотря на короткое лето, были благоприятные условия. Ислам в Химое, как и в Шарое, был принят не позже первой половины XVII в.

Кири. Располагалось на правом берегу Шаро-Аргуна; граничило на западе с Химоем, на востоке с Бути, на севере с землями Нохч-Кела, на юге с Кенхи. Этимология Кири связана, скорее всего, с добычей здесь известки и гипса – «кира», а также с наличием белых меловых выходов. Есть также гора напротив аула на левом берегу Шаро-Аргуна, называемая Кири-лам.

На территории общества известны, кроме Кири, поселения Пхята, Дехаул и несколько хуторов[51]. Жители маленькой общины-общества занимались в основном скотоводством и, согласно полевым данным, выжиганием извести. Кири входило в Шаройскую федерацию и поддерживало тесные связи с обществом Кенхи, контролировавшем дорогу на Дагестан.

Бути. Располагалось на ручье, впадающем в речку Кенхи (правый приток Шаро-Аргуна), имея на западе Кири, на востоке вершины Снежного хребта (и Дагестан), на севере хребет Хиндой-лам (и общество Буни), на юге общество Кенхи.

Одноименный аул имел два отселка – Исал-аул, Мунгара-аул и несколько хуторов[52]. Крошечное общество, согласно полевым данным, занималось овцеводством и политически тяготело к группе кенхийских селений.

Чайра. Маленькое общество располагалось на ручье Келакхойн-ин, впадающем в правый приток приток р. Кенхи – р. Чадыри. Граничило на западе с землями Хакмадоя и Химоя, на востоке и юге с землями дагестанских обществ, на севере с Кенхи. Этимология названия происходит от «ча» – медведь и «ара» – поляна. Топонимические материалы указывают на наличие ряда небольших поселений – Шаматура-аул, Кагаттой-аул, Горагорийн-аул, Кордилая-аул, Кхиларо и Чечбетла[53].

Население занималось скотоводством и террасным земледелием. Имелись и небольшие соляные выходы. Политически общество тяготело к союзу с Кенхи.

Кенхи. Обширное чеченское общество имело территорию, граничившую на западе и юго-западе с Химоем и Чайра, на востоке и юге с андоцезскими обществами Годобери и Чамалал Дагестана, на севере с Бути и Кири. Кенхийские аулы и хутора спускались от Снегового хребта по многочисленным ручьям, сливавшимся в речку Кенхи (правый приток Шаро-Аргуна) с обеих сторон на пути ее течения с востока на северо-запад. Попытка этимологии гидронима «Кенхи», давшего название обществу, была сделана известным российским и европейским исследователем И.А. Гильденштедтом во второй половине XVIII в.: «Каенхи (Белая вода)»[54].

Общество имело относительно удобные пути сообщения с шаро-аргунскими и чанты-аргунскими обществами, с Чеберлоем и Нохч-Мохком, а также с аулами дагестанского общества Чамалал – своеобразной крестьянской республикой, лежавшей за перевалом Кенхи (2280 м).

По утверждению профессора Р. Магомедова Кенхинское общество уже в XVI в. вошло в союз сельских обществ Чамалал. Помимо Кенхи, в него входили Годоберинское, Гакваринское, Цумадинское и Гигатлинское общества[55]. В этих аульных союзах жили представители народности, принадлежащей к языковой подгруппе андоцезской группы народов Дагестана.

Известно, что политический строй дагестанских союзов сельских обществ «джамаатов» мало чем отличался от чеченских. Здесь правом голоса на народных собраниях пользовались совершеннолетние (достигшие 15 лет) мужчины, они же избирали в своих «фамилиях» старейшин, которые совместно с кадием или муллой решали текущие вопросы. В случае необходимости собиралось народное ополчение из аульных или «фамильных» (тукхумных) отрядов[56].

Участие чеченского общества Кенхи в дагестанском союзе сельских обществ – случай исключительный, но в то же время показательный. Высокогорные пограничные общества Чечни могли вовлекаться в той или иной

степени, экономически и политически, в «системы» пограничных районов Дагестана или Грузии и наоборот.

Известно, что проникновение ислама из Дагестана (по крайней мере, с XVI в., когда его приняли андийские народности, расположенные по левобережью Андийского Койсу) в Чечню сопровождалась и некоторой инфильтрацией дагестанцев в Шаройское ущелье, вовлеченностью пограничных чеченских аулов в политическую жизнь Дагестана, и т.д.

В 1789 г. некие посланцы т.н. «аварского хана» (хунзахский военачальник-нуцал) докладывали о поисках золотых и серебряных руд в землях Химоя[57]. Такие разведки были бы невозможны без благожелательного отношения местного джамаата.

Таким образом, в рассматриваемое нами время союзы аульных обществ высокогорного ландшафта горной Чечни характеризовались, за редким исключением, относительной политической и культурно-хозяйственной самостоятельностью и замкнутостью, по линии границы – некоторой ориентированностью на закавказские и дагестанские регионы, относительно скромным участием в политической жизни всей Чечни.

Вместе с тем, можно говорить о постепенном повороте в XVI–XVIII вв. вектора развития высокогорных обществ Чечни к ориентации на север, на плоскость, где складывался подлинный экономический и национальный стемообразующий центр страны.

§2. Среднегорная зона Чечни: от Цечоя до Нижала, от Галашек до Ичкерии

Среднегорное ландшафтное пространство, заключенное между вершинами Скалистого хребта (от 2,5 до 3,0 тыс. м) пунктирно протянувшегося по территории нахов с запада на восток, от верховьев Терека до Шаро-Аргуна, от г. Столовая (2993 м) до г. Кири-лам (2803 м) и параллельно вытянутыми южными отрогами Пастбищного хребта (от 1,5 до 2,2 тыс. м), было занято в изучаемое время поселениями и обществами, чье население использовало говоры галанчожского, итумкалинского и отчасти чеберлоевского диалектов чеченского языка.

Среднегорная зона Чечни шириной от 4–5 до 20–30 км и протяженностью до 80 км имела сложное строение. Она пересекалась разветвлением продольных и поперечных хребтов, которые в свою очередь рассекались горными реками, текущими с юга на север и берущими свое начало с Главного Кавказского хребта: Асса (Ас-хи/Ясса), Чанты-Аргун (Чаьнт-Орга) и Шаро-Аргун (Шара-Орга). С вершин гор Скалистого хребта брали начало другие горные речки Чечни, являвшиеся либо притоками указанных выше рек, либо впадавших в р. Сунжа в нижнем (равнинном) течении. Это Фортанга (Фарта) – приток Ассы; Мереджа – приток Фортанги; Осухи – приток Гехи; Роьшни, Мартан (Марта) – притоки Сунжи и ряд других малых речек и ручьев.

На берегах указанных рек и их притоков, от левобережья Ассы до правобережья Шаро-Аргуна на высоте примерно от 1400 до 2000 м над уровнем моря в исследуемое время располагались аулы, отселки, хутора и башенные усадьбы следующих аульных обществ, образовавшихся в ходе естественно-исторического объединения задолго до XVI в.: ЦIеча (Цечой), Мержа/Мереджа, Аьккха, Галай, Нашха, Ялхара, Пешха, Варанда, Нихала, Шуота (Шатой), Сана/Сонай, Саьрбала и Нижала. Несколько затемнен вопрос с такими обществами, как Дай и Нохч-Кела, оказавшимися где-то на границе двух ланшафтных зон.

Следует отметить, что общества ЦIеча, Мержа, Аьккха, Галай, Нашха и Ялхара входили в зону распространения галанчожского диалекта чеченского языка; общества Шатой (Шуота), Варанда, Нихала, Сана, Нохч-Кела и Саьрбала в зону шатоевского говора итумкалинского диалекта, Нижалой, находившийся на самой восточной окраине среднегорной зоны, относился к зоне чеберлоевского диалекта.

ЦIеча/Цечой и Мержа/Мереджа/Мержой. Бывшие еще в XVI в. самостоятельными обществами эти два объединения образуют к началу XVII в. некий союз, известный в документах под общим названием «Мереджинцы»/«Мереджинская земля». Этимология «ЦIеча» довольно прозрачна – «красный», «красная (местность)» – возможно, из-за железистых источников или окрашиваемых утренним солнцем в красный цвет известняковых скал, характерных для данной местности. Этимология «Мержа» может проистекать из своеобразия растительного покрова территории – когда пологие склоны гор покрыты островками кустарников и небольшими рощами, именуемых «маьржа/маьрша», или же из гидронима правого притока Фортанги р. Мереджа[58].

Рассматриваемое общество на западе граничило с нахским обществом Ангушт/Онгушт (образовалось в начале XVIII в. с выходом горцев из западнонахских обществ Галгай и Джайрах на р. Камбилеевка), на северо-западе с Галашками (общество сложилось во второй половине XVIII в.), на юге граница шла по хребту Цорей-лам, за которым находилось общество Цори, на востоке и юго-востоке соседствовало с обществами Галай, Ялхара и Аьккха, на севере (по крайней мере, с XVII в.) с обществом Арштхой (Верхние Карабулаки).

Территория союза аульных обществ Цечой и Мержой находилась в благоприятных климатических условиях, в горных долинах, освещаемых солнцем и защищенных горами от ветров. Он включал в себя следующие аулы, отсел-

Рис. 15. Часть схематической карты исторической Чечни, где располагались общества Цечой, Мержой, Галай, Ялхарой, Нашха, Кей, Маьлхи, Галашки и Верхний Арштхой (Карабулак)

ки, хутора и башни-усадьбы: Мержа (состоял из группы поселений Дак-бух, Далг-бух, Чуркх-бух), Муьжган (Мужичи), Цечу-аьхке, Базанти, Биерашка, Цечу Алкун (Верхний и Нижний), АгIиен-бассе, Верхний Даттых, Издиг, Хьуттунчу, Акоти, Мергйисте, Пхьумата, Самйогача, Гяриета, Джалч, Къулие, Хьевха (Хайхарой?), Гандал-босс, ГIорда-гIала, Бей-гIала, Цейште, Цорхие, Щикар-гIала и др.[59] Следует отметить, что отдельные указанные средневековые селения (Мужичи, Гандал-босс, Хьуттунчу и др.) располагались на северных склонах Пастбищного хребта, т.е. в низкогорной зоне, но политически они входили в Мержойский союз.

Аульный состав союзного общества не совпадал с фамильным перечнем, который сводился к следующим именам, образованным от топонимов: собственно, цечой, мержой, мужахой, мужганой, белхарой, хьавхарой/хьевхарой. Кроме того, наличествовали патронимические фамилии, происходящие от реальных первопредков – Буока-некъе, Булгуча-некъе, Орьга-некъе, Ферг-некъе, Алха-некъе, Кори-некъе и др. Некий «обновленный» список «орстхоевских» (а по существу цечоевских, мержоевских и арштхоевских кланов) дается и в новейшее время: алхой, андалой, белхарой, бокой, булгучхой, велахой, галай, гандалой, мержой, мужахой, мужгахой, оьргхой, фергхой, хьайхарой и цечой[60].

На территории указанных выше селений отмечены масштабные каменные сооружения – склепы, башни (жилые и боевые), языческие храмы, святилища, священные вершины и рощи, как местного, так и регионального масштаба. Проходы с равнины, ведущие по ущелью р. Асса в указанный союз, были (неясно в какое время) укреплены в районе Алкуна башенными строениями, а в самом узком месте (на левом берегу Ассы выше с. Верхний Алкун) была воздвигнута заградительная стена высотой до 2,60 м и шириной 0,50–0,60 м[61].

Хозяйство горцев в аулах Цечоя и Мержоя в эпоху позднего средневековья основывалось на овцеводстве и разведении крупнорогатого скота. Природные условия благоприятствовали и развитию горного земледелия. Так, рельеф местности позволял использовать естественные пахотные участки, не прибегая к трудоемкому террасированию. Тем не менее, в тех же селениях «Мереджи и Мереджой-Берем», согласно поздним данным, предпочитали не заниматься «посевом хлебов», а получать в обмен на соль, выпариваемую из принадлежащих аульным обществам соляных колодцев[62].

Общественно-политический строй данного среднегорного общества имел типичную для Чечни структуру – старшины (старейшины), аульные сходы и региональные народные собрания. При этом большую роль не только для Мержоя, но и для других обществ и народов – мялхинцев, галгаевцев, хевсур и тушинцев, играли собрания на горе Муйты-корт (получившей свое название от имени авторитетного мудреца Муйты)[63].

В XVI–XVIII вв. из Мержоя-Цечоя идет миграционное движение на север в плодородные районы Сунжи, Ассы, Фортанги и по их притокам. Здесь они сталкиваются с давлением кабардинских князей, чьи аулы располагались на левобережье Сунжи от впадения в нее р. Яндери и выше, а также с соседством равнинных чеченцев, требовавших принятия ислама.

В известных на сегодня русских источниках этнотопоним «Мержой» впервые упоминается в 1614 и 1616 гг., когда служилые терские окочане (аккинцы из Ауха) указали в числе своих «служб» поездки «в Мерези» для «государевых дел… для вестей…». В 1619 г. «мерезинские… люди» отмечены в донесении терского воеводы в Москву, в числе горцев, готовых выступить «заодин» против враждебных степняков. В числе племен и населенных пунктов Восточного Кавказа «Мереджи» упоминает голландский географ Н. Витсен в 1705 г. «Мереджи» называются и в работе путешественника начала 70-х гг. XVIII в. И. Гильденштедта (в немецкоязычном варианте труда обозначенный как «дистрикт», т.е. район, округ)[64].

В первой трети XVIII в. грузинским географом и историком Вахушти Багратиони были описаны районы р. Фортанга (названной «Бальсу») как ущелья «со строениями и селениями», которых он насчитывал до «100 деревень». Известный этнограф Н.Г. Волкова подтверждает наличие многих поселений «по притокам р. Фортанга (Фортан) в местности ЦIече-ахк, по склонам левобережья Ассы и в местности ЦIеште, в районе Даттыха» и т.д.

По свидетельству офицера русской службы Штедера от 1781 г., горные «фамильные» селения равнинных «карабулаков» располагались в верхней части Фортанги в селениях по 40–70 жителей, которые жили в башнях, занимались скотоводством и земледелием, разводя коноплю, кукурузу и табак. В общественном отношении горцы «управлялись» старейшинами[65].

Попытки установления ислама в верховьях Фортанги и бассейне Ассы предпринимались уже в XVII – начале XVIII в., но встретили сопротивление. Есть дагестанский арабоязычный источник, который упоминает о факте гибели неких «мусульман», пытавшихся в 1709/10 г. распространить единобожие в «Арштах» (вероятно, Верхние Карабулаки). Более определенны русские официальные документы 1733 г. о скоплении под Чечен-Аулом некоей «горской» партии во главе с религиозным авторитетом «Аджи» для похода на «Балсу» для обращения «неверных»[66]. Исламизация всех арштхойцев-карабулаков была завершена только к концу XVIII – началу XIX в.

В целом Мержойский союз играл значительную роль в истории не только среднегорной, но и всей западной части горной Чечни, а в последующем, с образованием родственных предгорно-плоскостных обществ Арштхой и Галашки получил вес в политической жизни не только равнинной Чечни, но и Ингушетии.

Аькkха/Акка. Древнее нахское (чеченское общество, которое в рассматриваемое время граничило на западе с Мержоем, на севере с Ялхароем, на востоке с Галай и на юге с Кей-Мохк. Не позднее XVI в. часть аккинцев переселилась далеко на восток, где на границе Дагестана и Чечни влились в нахское общество Аух, дав ему второе название «Арара Аькkхи» (равнинная Акка). С того времени в Аухе господствовал т.н. «аккинский (ауховский) диалект»[67], представляющий собой говор галанчожского диалекта чеченского языка. Отсюда сложились два этнотопонима – «лам аькkхий» (горные аккинцы) и «арара аькkхий» (равнинные аккинцы).

Этимология Аькkха/Акка на сегодня неясна. Возможно, что в основу названия лег гидроним – по территории данного общества протекает небольшая речка Ак-хи, являющаяся одним из притоков р. Гехи (наряду с другими речками Осу-хи и Хилахой-ахк, протекающей в северо-восточном конце котловины Аькkхи).

Населенные пункты общества были расположены главным образом на верхних притоках р. Гехи (Осу-хи и Ак-хи): это собственно Аькkха (Воуга) – центр общества, Хьакилга, Кеж вийнача, Кей-махка, Зингала, Бици (Бойци), Тишли, Итыр-кхелла, Дийхьа-юрт, Хягие, Орзуме-кхелл, Кереты, Музур-кхелл, Велах, Гозанна, Йордечу (Ердечи) и т.д.

Из собственно аккинских фамилий с той или иной долей условности можно назвать: бецахой, чIож-некъе, хьажи-некъе, бIоби-некъе, итар-кхелой, дуьрди-некъе и др. О численности горных аккинцев можно говорить только в сравнительном плане по данным 1851 г. – 10 аулов и 270 дворов[68].

Основными хозяйственными занятиями горных аккинцев являлись скотоводство и земледелие. Их каменные жилые и боевые башни, склепы и святилища отличались массивностью и прочностью. Здесь к XVI в. в строительстве использовался связующий раствор, а не только сухая кладка.

Еще Умалат Лаудаев отмечал, что равнинные чеченцы в XIX в. называли горных аккинцев «керестан аккий» (аккинцы-христиане, язычники) в отличие от равнинных аккинцев-ауховцев. Это говорит о длительном (ислам был принят не позднее XVIII – начала XIX в.) сохранении пережитков языческих верований в обществе. Главным религиозным центром аккинцев, как и всех жителей Галанчожского района, было святилище Мизр, близ так же священного озера Галай-ам, построенное в незапамятные времена якобы пришлыми христианами-европейцами («фиренги»)[69].

Управление аккинцев сосредотачивалось в руках старших представителей основных фамилий, а также военных предводителей. Таковыми средневековые предания называют вожаков Вокхал, Сюьйре, Лорса, которые предводительствовали отрядами не только из Акки, но и соседних обществ в походах на кабардинских феодалов и их союзников. В документах 1762 г. называются

и инициаторы движения горцев галанчожских обществ к поселению на плоскости старшины «Аокаевой фамилии» – Казбулат и Зургох. При этом в полной мере сохранялся авторитет народных собраний. Местом общенародного сбора служил, судя по всему, один из склонов горы Муйты-корт[70].

Галай. Общество граничило на западе с Аьккхи и Ялхароем, на севере и северо-востоке с Нашха, на юге с высокогорными обществами Кей-Мохк (Кей) и Терлой. Аулы Галая располагались вокруг озера Галай-ам по притокам рр. Гехи и Осу-хи и находились в тесной связи с остальными обществами Галанчожского региона.

Основным обществообразующим и духовным центром Галайского союза являлось селение Ак-бас, составленное башенными комплексами и отселками Устархан-гІала, Гонин-гІала и др. В союз входили также селения Эйсалашка (Эселат), Кхоьрга, Кербита, Кербича, Амие, Мочча, Очакх (Ачахки) ЧІуши и Бурги-гІаланаш. Почти все указанные селения омывались р. Осу-хи (приток Гехи). Указанные селения и окрестности озера Галай-ам (диаметром до 400 м) были насыщены языческими памятниками[71].

Население Галая традиционно занималось скотоводством и земледелием. В число построек входило немалое число зданий хозяйственного назначения.

Тесно взаимодействуя с соседними обществами среднегорной зоны Галай, вместе с тем, по непонятным сегодня причинам не был вовлечен в процесс формирования равнинного Арштхойского союза. Галайцы избирают свое собственное направление освоения предгорий и плоскости на северо-запад, через земли Мержоя и Цечоя, по левому берегу Ассы. Они фиксируются здесь не позже 1768 г., а в 1771 г. кизлярский офицер Батыров указал в своем «доезде», что «галашевцев с 13 деревень живут около сих же мест (западнее карабулаков. – Я.А.) по реке (Асса. – Я.А.) сие в горах и всего дворов считается с 200…». Таким образом, здесь складывается новое низкогорное Галашевское общество, значительно возросшее в численности к началу XIX в.[72]

Горный Галай в конце XVIII – начале XIX в. по существу сливается с Аккинским обществом. Поэтому в более поздних сообщениях оно практически не обозначается отдельно. Система управления в Галае была «патриархально-демократической», при известном значении не только старшинской, но и жреческой верхушки.

Ялхара/Ялхарой. Общество локализовывалось в среднегорной зоне Чечни на площади, ограниченной соседством с запада Мержойского союза, с севера вершинами водораздельного Пастбищного хребта, с востока землями общества Нашаха, на юге и юго-западе горным Галаем и Аьккхи.

Топоним «Ялхара/Ялахара/Алара» имеет близость с распространенным в Чечне лексическим определением открытого солнцу в зимнее время склона

пастбищной горы или просто зимовья или летовки для выпаса скота – «яйла/Іайла», «алара», «алахара/ялахара» и т.д.[73]

Селения ялхаройцев располагались в бассейне маленькой речки Осу-хи и на других притоках Гехи в верхней части течения. Это были Басарача-Ялхара, Хьевхарача-Ялхара, Игара-юрт, Терхе, Амке, Жаьнче, Ламие, Гурче, Боьнча, Белахой, Кэгана-юх, Йокха Аьрбала, Жома Аьрбала, Гиелечу, Талы и др.[74]

В главном селении общества Басарача-Ялхарой (Ялхара) жили представители двух групп – тугаз-некъе и ялхарой-цечой, при этом первые считались выходцами из Аьккхи, а вторые из Цечоя[75]. Представители других населенных пунктов рекомендовали себя фамилиями, более относящимися к топонимическим названиям, нежели к реальным фамильно-родовым подразделениям.

В 70-х гг. XVIII в. общество Ялхарой указывается в труде И.А. Гильденштедта в форме «Иалхар/Иалхгор»[76]. При этом необходимо отметить, что если в XVII в. русские источники покрывают всю территорию Галанчожа этнотопонимом «Мержой/Мереджинцы», то в последней трети XVIII в. начитает господствовать термин «горные карабулаки». Так, в числе старшин «карабулатцев» в 1762 г. названы «Элхургарлиевой (Ялхароевой. – Я.А.) фамилии – Белекай, Тунжахан…»[77].

В рассматриваемое время жители Ялхароя, занимавшие весьма удобные пологие склоны среднегорья, успешно занимались разведением крупнорогатого скота и отчасти земледелием и овцеводством. Более поздние данные говорят о «богатых травянистых горах» Ялхароя и наличии соленого озера близ головного селения, что имело немаловажное значение в скотоводческом хозяйстве[78].

Общественный строй Ялхароя не отличался от своих соседей, а религиозные верования в XVI–XVIII вв. включали в себя развитый языческий пантеон.

Нашха/Нашаха. Одно из самых известных исторических обществ горной Чечни граничило на западе с Ялхароем, на юго-западе с Галаем, на севере граница шла по последним отрогам Пастбищного хребта, на востоке с Пешхоем и на юге с Терлой.

Вытянутое с юга (от склонов Скалистого хребта) на север Нашхоевское общество занимало плоскогорное пространство между верхним правобережьем р. Гехи и левобережными притоками р. Мартан (Хийлахой-ахк и Хайбахой-ахк). По данным А. Сулейманова, общество делилось условно на две части: «Сехьа Нашха» (по эту сторону Нашха) и «Техьа Нашха» (за Нашхой). Этимология названия неясна – возможно, от имени первопредка Нашхо (А. Сулейманов), термина «нàша» (благодатное место – по сведениям этнографа Т. Шавлаевой), либо древнего этнотопонима нашха/начха/нахчой (лингвист К. Чокаев и др.).

Здесь располагались следующие аулы и хутора: Моцарха, Чармаха (Чермхой), ТIиста, Тестерхой, Хийла, Хьижакха (ЦIой), Хьайбах; Мушечу, Могасте, Къайчаюххе, Саканжеле, Хотташкоча, Хылахой, Зерха, Сиха-Могусти, Мушечи, Гелахбаса, Ажгечу и т.д. Следует отметить, что большая часть названных хуторов и селений складывались из множества башенных усадеб. Все они омывались речкой Гехинка, которая брала начало из родника южнее хутора Хылахой[79].

Густонаселенная и весьма благоприятная в природно-климатическом отношении земля Нашахи возможно играла в далеком прошлом роль этнокультурного центра не только западной части горной Чечни, но и всей страны. Большая часть населения горной Чечни и практически всей Восточной Чечни называет в своих этногенетических преданиях прародиной именно Нашаху. Причем предания, записанные главным образом во второй половине XIX–XX вв., относят исход из Нашахи примерно к XV–XVII вв. («400–500 лет назад»)[80]. Документальный и археологический материал не подтверждает указанных преданий, за исключением двух моментов:

1) до конца XVI в. далеко на восток, в район Кумыкской плоскости, переселились выходцы из верховий Ассы, Фортанги, Гехи и Мартана, взявшие самоназвание «арара аькхий» (равнинные аккинцы) и «ауховцы»;

2) на стыке плоскости и гор у современных селений Бамут, Закан-Юрт и Шаами-Юрт отмечены средневековые погребальные комплексы, аналогичные погребениям аулов Галанчожского ущелья XV–XVII вв., что говорит о ранних попытках выселения на плоскость[81].

В традиционном общественном сознании долго существовали представления о Нашахе как о единой прародительнице адатных норм классической «горской демократии». Возможно, что здесь собирались народные собрания (Мехк-кхел) всей горной Чечни. По одним данным духовным центром Нашахи считался аул Моцарха, где якобы хранился и огромный медный котел с выбитыми на металле именами коренных чеченских тайпов, по другим – Чармахой или ХIайбах. В самом Моцархе как на священное место указывали на местечко Пхьерате («место мастеров»)[82]. Все это, конечно, являлось свидетельством формирования в XVI–XVIII вв. в чеченской среде общенационального самосознания на основе мифов и преданий о расселении нахских обществ от бассейна Ассы до бассейна Аксая-Акташа из единого центра.

Принятие ислама в Нашахе произошло не позже XVIII в. благодаря ко всему и тесным хозяйственным связям с равниной, где уже в XVII в. на берегах рр. Гехи и Мартан появилось равнинное исламизированное население. В том же XVIII в. «дистрикт (общество)… Нашах» упоминается в записях И. Гильденштедта, собиравшего сведения о горной Чечне. В конце XVIII –

начале XIX в. население Нашахи сокращается в результате миграции на плоскость и к 30-м гг. XIX в. здесь насчитывалось 200 дворов в селениях по 13–15 семей и до 1 тыс. жителей[83].

Пешха/Пешхой. В горной котловине, расположенной в самой верхней части бассейна р. Мартан, между вершинами Скалистого и Пастбищного хребтов, сблизившихся в этом районе до 10–12 км друг от друга, располагался аул Пешхой и земли одноименного общества с хуторами Саканжели, Хоч-Ког, Кейгучи, Килобасе, Катме-юрт и др. На западе общество граничило с Нашаха, на севере земли общества переваливали через водораздельный Пастбищный хребет, на востоке с Мулкоем, на юге с ТIерлоем[84].

Этимология названия общества неясна; возможно, имеет отношение к древнему пласту хозяйственной или географической терминологии чеченцев, т.к. топоним «Пешха» встречается и в других районах Чечни. Единственное на сегодня упоминание общества в русских источниках XVI–XVIII вв. относится к 1601 г., когда «Пешинский кабак» был рекомендован в качестве одного из ориентиров маршрута русских послов на Грузию[85].

Аул Пешха/Пешхой состоял главным образом из массивных жилых башен-усадеб (гIала). Жители его обладали не только стадами, но и пашнями, покосами и водяными горскими мельницами, обеспечивавшими ведение безбедного хозяйства в замкнутом ареале. Здесь же отмечены культовые места языческого времени с элементами христианской атрибутики (кресты)[86].

***Рис. 16**. Фрагмент немецкой карты Кавказа 1780 г. (с добавлениями от 1784 г.) с первым обозначением чеченских горных обществ*

Судя по отрывочным данным, ислам в Пешхой проник не позже XVIII в. в связи с ранним установлением связей с плоскостью, в частности с Гехинским обществом (исламизированным еще в XVII в.).

Пешхой был самой восточной точкой распространения галанчожского диалекта, хотя практически и не взаимодействовал с обществами древнего «балойского союза» – Мержой, Цечой, Галай, Аьккхи, Ялхарой, не считая Нашхоя. В поздних источниках аул Пешхой указывается в составе общества Нашхой (представители указанных обществ выступали порой в XVIII в. и под общим именем «балсурцы/бальсунцы» как осваивающие низовья Ассы и Фортанги)[87].

Миграция пешхойцев на плоскость, на север, шла в отличие от «балсурцев» не по Ассе и Фортанге, а по течению рр. Гехи и Мартан, в известном отрыве от западных и восточных соседей. Поэтому Пешхой оказался связанным в хозяйственном и политическом отношении с плоскостным Гехинским обществом.

Шатой/Шуьйта/Шубут. Одно из крупнейших обществ (точнее федерация вольных обществ) горной Чечни занимало на карте страны ключевое место между берегами рек Чанты-Аргун и Шаро-Аргун в среднегорной и частично низкогорной зоне.

На западе Шатойский союз граничил с землями Пешха, на севере шатойское влияние сказывалось вплоть до линии Черных гор, на востоке река Шаро-Аргун отделяла Шатой от обществ Саьрбалой и Нижалой, на юго-востоке граница шла по внешней линии небольшого общества-селения Санной/Соной, на юге Шатой граничил с Дзумсой, Гучум-кхелл, Чиннаха, Нихала[88] и Мулкой.

Горы Шатоя составляли своеобразно «гнездовое» разветвление (с высотами от 1,1 до 1,8 тыс. м) Пастбищного хребта со своим микроклиматом с наличием плоскогорных участков – «шу» по Чанты-Аргуну и впадающим в него крупным притокам (имеющим довольно обширный бассейн) – это рр. Верд-эрк, Сюжи, Сунхой-ахк, Варанды, Вашендара и др. Этимология топонима «Шуйта/Шуота» и происходит, скорее всего, от «шу» – ровное возвышение, плоскогорье.

Географические границы Шатоя являлись и границами шатоевского говора итумкалинского диалекта чеченского языка, выделяемого отдельными специалистами как самостоятельный диалект. Интересно отметить, что один из наблюдателей середины XVIII в. писал: «живущие в той деревне (Шатой. – Я.А.) люди говорят таким же языком, как гребенчиковцы (Герменчик, плоскостное общество. – Я.А.) и чеченцы (в данном случае жители плоскостного Чеченского владения по Аргуну. – Я.А.)»[89].

Согласно данным этнографа А. Сулейманова, Шатойский союз-федерация объединял такие общества и отдельные аулы, как: Хьаккой, ГIатти, Вашандарой, Пхьамтой, Маьршлой, Саттой, Тумсой, Борзхой, Келой, Варандой и Саной[90]. Некоторые данные говорят о близости к союзу Нихалоя и Саьрбала (находившегося) на правом берегу Шаро-Аргуна. Другие выделяют порой Варандой в отдельное от Шатойского союза общество.

В указанных объединениях по неполным данным имелись следующие селения: на левом берегу Чанты-Аргуна – Большие Варанды, Суьжа, Суората, Горгачи, Рядухой, Вашандарой, Чаймохк, Борзой, Тумсой; на правом берегу Чанты-Аргуна (главным образом по притоку Верди-эрк и в его бассейне) – Цогуной, Ваьрди, ГIушт-корт, Гаттин-кхалл, Саьтта, Ург-юххе, Пхамтой, Нихалой, Бекум-кхелл, Мусс(Мусин)-кхелл, Беной, Мусолт(Мусул)-аул, Ватан-корт, Дехесте, Мужачу, Маршин-кхелл, Саной и др.

Фамильно-клановый состав Шатоевского союза был значительно уже аульного списка, вследствие того, что некоторые кланы расселялись из старых «гнезд», создавая по несколько новых сел, не считая множества хуторов. Как правило, названия «фамилий» производны от древнейших топонимов и гидронимов: варандой, вашендарой, гIаттой, горгачхой, келой, нихалой, мускулхой, маьршлой, пхьамтой, рядухой, саной, саттой, тумсой, хьаккой, хьалкелой (келой)[91] и некоторые другие.

Шатоевская федерация обществ, занимавшая стратегически важное место на путях, связывающих большую часть горных нахских обществ с равниной, а также во взаимосвязях высокогорной зоны с среднегорной как в меридиональном, так и в зональном направлении, рано попала в поле внимания наблюдателей XVI–XVIII вв. Здесь надо учесть и то обстоятельство, что через шатоевские земли лежали пути сообщения с Терека на Грузию и обратно.

Первые упоминания «Шибуты» мы встречаем в статейном списке 1587 г. русских послов в Кахетию (Грузию). В русском документе за 1647 г. упоминаются уже селения «Баранцовым …Тумцоювым, …Шандоровым, да с Уйшевым.» В 1657 г. из «Шибутского джамаата» следует обращение к русскому царю Алексею Михайловичу с просьбой о подданстве от селений «Варанты, Чечани (Чечати), Тонса»[92].

Есть в документах и данные о численности Шатойского района. Так, в 1657 г. грузинские посланцы в Москве показали, что «живут де блиско их земли Шибутская земля, а ратных людей с 1000 человек». Документ 1747 г. сообщает, что собственно в «деревне Шуты… находится 500 дворов»[93].

Несмотря на относительно раннее принятие ислама в Шатое, здесь еще к середине XVII в. наличествовал религиозный политеизм. В то время как «иные де шибутцы живут и по бусурмански» и представители «Шибута» приносят клятву «на Куране» здесь живут и т.н. «христиане» (по существу язычники), употреблявшие свинину. К середине XVIII в. «чабутлинцы» исламизированы поголовно, а «суд и расправу чинят чрез своего кадия»[94].

Система управления в «Шибутской земле» зиждилась на высоком авторитете выборных старшин и духовенства. В документах упоминаются такие старшины, как «Арасланко и Декитко…» (1628 г.), «Алги, да Анак, да Ильдей с товарыщи…» (1647 г.), «Алихан, Сусла, Алгян…» (1657 г.), «шубанский владелец Казий и сын ево Маджи…» (1762 г.). Вместе с тем сохранялся и высокий авторитет народных собраний. Так, региональный Мехк-кхел собирался в центре Шатойской федерации на поляне Трех груш[95].

Высок был авторитет объединения Шатой в жизни населения всей горной Чечни уже в силу того, что «будучи как повелители ущелья Аргунского... от устья коего они первыя…»[96] занимали стратегическое положение на путях в равнинную Чечню.

Уровень развития традиционных отраслей хозяйства в Шатойском союзе был высок, но перенаселение сводило на нет усилия по увеличению пахотных земель за счет террасирования и роста поголовья скота за счет отгона в менее населенные районы горного края. Поэтому предания говорят о ранней миграции тех же саттоевцев и келоевцев на правобережье Шаро-Аргуна, вашендароевцев в район Улус-Керта и Дачу-Борзоя (по линии Черных гор), тех же саттоевцев, варандинцев, келоевцев и пхьаметоевцев на север, по Аргуну на границу гор и плоскости и далее на равнину.

Уже в 1628 г. казачьи городки в междуречье Терека и Сунжи испытывают нападения «шибутцких людей», которые казаков «побивают» и «всякую животину» отгоняют. В 1647 г. «учинилось, что блиско Терских гребеней сидят кабаками… шибуцкие люди» и казакам «чинят тесноту»[97]. Данные документов подтверждают и предания: не позже середины XVII в. предводитель (тхьамда) Бахмад-Али, выйдя с родственниками из шатойских селений Саттой и Урд-юххой, основал на Аргуне у выхода из гор селение Атаги (Чахкар-Атаги)[98]. Позже вниз по течению Аргуна возникли т.н. Большие Атаги, Малые Атаги и Чечен-Аул.

Таким образом, шатоевские выходцы отдельными отрядами и большими родственными группами приняли активное участие в процессе возвращения горцев на плоскость в XVII–XVIII вв. и ее освоении вплоть до Сунжи и Терека.

Саьрбала (Лаьшкарой) – небольшое общество на правом берегу Шаро-Аргуна, тяготевшее к Шатойскому союзу. Оно заселялось, как в рассматриваемое время, так и позже, переселенцами из кланов келой, саттой и пхьамтой, чей язык относился к шатоевскому говору итумкалинского диалекта. Общество граничило на западе (по руслу Шаро-Аргуна) с Хьал-Кела, на востоке – за горой Леникорт (2010 м) с Чеберлоем, на юге с Нохч-Кела, на севере с Нижалоем.

Мнению о позднем складывании данного общества (едва ли не в середине XIX в.) противоречит наличие здесь средневековых башенных поселений.

В связи с переходом роли головного аула от Саьрбала к Лаьшкара менялось и название этого общества. Этимология и первого, и второго этнотопонима проистекает из военных терминов, что говорит о первоначальном военном характере поселения. Здесь были как незащищенные горные поселения: Саьрбала, Лаьшкара, Нуй (Нуйхой), Буккузе, так и укрепленные поселения: Арсан-кхелл, Омечу и Мирза-гІала. Число дворов-усадеб в селах колебалось от 9 до 15[99].

Для успешного занятия скотоводством здесь имелись покосы и пастбищные горы – Нуйхой-лам и Пешхой-лам, а также пахотные участки.

Дай/ДІай. Общество располагалось на левом берегу Шаро-Аргуна, оно граничило на северо-западе с землями общества Соной/Саной (Шатойский союз), с севера (по руслу Шаро-Аргуна) с землями Нижалоя, с востока с обществом Нохч-Кела, с юга и юго-запада с обществом Цеси.

Возможно, название общества связано с гидронимом Дай-ахк (левый приток Шаро-Аргуна). Есть так же горная вершина Дай-лам. Вместе с тем по показаниям информаторов – выходцев из Дая – его основателем являлся переселенец из Нашахи по имени Дай, с момента поселения которого на Шаро-Аргуне сменилось 17–18 поколений[100].

В состав небольшого общества, оказавшегося, как и соседний Нохч-Келой на стыке двух ландшафтных зон (высокогорной и среднегорной), входили следующие аулы и хутора: Дай, Бесты-ирзо, Урзунак техьа, Буоси, Бултазане, Босо-кІотар, Да-кхелле и Чишон-кІотар. Предполагается, что селение Шаро-Аргун, расположенное северо-западнее Дая на правом берегу р. Шаро-Аргун, было основано выходцами из Дая. Некоторые данные говорят о переселении сюда и ряда фамилий из верхних аулов Шаройского общества и основании аула не ранее XIX в.[101]

Некоторые исследователи полагают, что язык, на котором говорят в Дае, относится к чеберлоевскому диалекту, представляя т.н. «дайский» говор. Другие говорят о влиянии шароевского диалекта.

По своему географическому положению Дай как бы соединял аулы крупного общества Шарой с северными «нижними» аулами Шатоевского общества и соседствовал с восточными аулами Нижалойского и Нохчкелоевского обществ. Население занималось скотоводством и земледелием, имея относительно удобные пахотные участки. Местоположение Дая позволяло играть и определенную роль в торгово-посреднических операциях населения горных районов.

Исламизацию Дая можно отнести к XVII в.

Нохч-Кела. Общество располагалось на правом берегу Шаро-Аргуна в бассейне притока Келой-ахк берущего начало с хребта Хиндойлам (2471 м). Оно граничило на западе с обществом Дай (по руслу Шаро-Аргуна), на вос-

токе с Чебарлоем, на юге с Кири, на севере с Саьрбала и Нижала. Этимология неясна – на карте горной Чечни мы имеем еще несколько сел с приставкой Кела: Юкъар(Среднее)-Кела и ХIал (Переднее)-Кела.

Кроме головного селения Нохч-Кела, здесь имелись населенные пункты Инкота, Битара-аул, Хьала-аул, Хинз-аул, Итон-аул, Сарукха, Чубахкинача, Дургхи, Циндой, Гарода, Монахой и отселки в черте старых селений: Циндотехаройн-аул, Зархачейн-аул, Чарадойн-аул, Кейкосройн-аул, Элайн-аул и Гунойн-аул.

Общество располагало относительно благоприятными для горной Чечни условиями не только для скотоводства, но и для земледелия, что подтверждается и наличием большого числа водяных мельниц на мелких притоках[102].

Нижала/Нижалой. Общество располагалось в бассейне правого притока Шаро-Аргуна речки Нижалой-ахк и граничило на западе (по руслу Шаро-Аргуна) с Даем, юго-востоке с Чебарлоем, на юге с Нохч-Кела, на севере с Саьрбала и на северо-востоке с обществами большого Нохчмохкоевского союза (в XVI–XVIII вв. известного в русских документах как Мичкизская земля и Ичкерия).

По данным А. Сулейманова, в данном обществе под одним и тем же названием «Нижала» было известно 3 аула: первый на восток от Оскар-аула (Аскарой), второй также на восток от Гази-аула, а третий между Жубиган-аулом и Гази-аулом. Этимология Нижала неясна. Кроме перечисленных аулов мы имеем здесь еще поселения Гонта (Гойты-Дул), Дургойн-аул, Гадана, Цинтиг-аул, Патан-аул и Богучарой[103]. Возможно, что «тайповый» состав общества заключался всего в двух основных фамилиях: нижалой, богучарой и в их ответвлениях.

Население общества Нижала говорило на нижнечеберлоевском говоре чеберлоевского диалекта чеченского языка. Поэтому зачастую Нижалой объединяют с Чеберлоем, хотя более явственны были его связи с Шатоем и Нохч-Мохком. Ислам здесь был принят, согласно полевым данным, не позже второй половины XVII в. Жители общества управлялись «собственными старшинами» и народными собраниями.

Следует отметить, что среднегорная зона Чечни занимала не просто географически промежуточное положение между высокогорной и низкогорной зонами страны. Ее растущее население, испытывая в XVI–XVIII вв. (несмотря на относительно благоприятные условия для традиционных хозяйственных занятий) высокую потребность в сбыте своей обильной скотоводческой продукции и в приобретении тканей, металлов и соли, стремилось к непосредственному выходу на плоскость ранее считавшейся не более чем зоной хозяйственного пользования.

При этом многочисленные башенные поселения среднегорной зоны от Ассы до Шаро-Аргуна, от Цечоя до Нижала находились примерно на одной

стадии общественно-экономического развития, характерной чертами средневекового традиционного общества. Все они обладали суверенными правами, ограниченными требованиями общей обороны.

Комплекс экономических, социально-общественных и климатических причин (XVII в. в истории Европы и Кавказа это период серьезного падения среднегодовых температур в пользу холодных, а следовательно, неурожайных лет), наряду с демографическим перенаселением, толкает горцев к движению на плоскость, к физическому ее заселению.

Основным направлением движения избыточного населения среднегорной зоны на север стали бассейн среднего и нижнего течения Ассы и Фортанги на западе края и нижний бассейн Аргуна в центральной части страны. В масштабах Чечни это переселение представляло собой эпохальное явление.

§3. Общества горной Чечни низкогорного ландшафта

Северную (переднюю) полосу горной Чечни образуют складчатые горы т.н. Лесного хребта (Черные горы), которые тянутся с запада (от междуречья Сунжи и Ассы) в зональном направлении на восток до междуречья Аксай-Ярык-Су в верхнем течении. При этом Лесной хребет значительно расширяется по пересечению Аргуна на множество складок, образуя на юго-востоке горной Чечни между высокогорным Андийским хребтом на востоке и Снеговым хребтом на юге целую страну – густонаселенную федерацию обществ Нохч-Мохк/Нахч-Мохк (Ичкерия), со средней высотой лесистых пологих гор от 0,6 до 1,1 тыс. м.

В границах низкогорного ландшафта между Пастбищным и Лесным хребтами в XVI–XVIII вв. в направлении с запада на восток (от р. Яндери до р. Басс, за которой начинается Нохч-Мохк) на протяжении 60–70 км можно назвать только следующие общества – Галаш (Галашки) и Арштхой (Верхние Карабулаки). Причиной столь скромной заселенности системы Лесных гор до Ичкерии было не только отсутствие плоскогорий, неблагоприятные глинистые почвы, густые малопроходимые леса и высокая увлажненность, но и то обстоятельство, что вся эта полоса была как бы «нарезана» между лежащими выше среднегорными обществами вплоть до начала плоскости.

Все реки и речки, текущие из высокогорья и среднегорья Чечни, а также берущие начало с снежных вершин Андийского и Снегового хребтов, пересекают Лесные горы в строго меридиональном направлении с юга на север и впадают соответственно в Сунжу и Терек. Обильные дожди и снежные осадки, значительное число горных ключей порождают многочисленные мелкие притоки к основным руслам рек, увеличивая их водный сток.

Галаш/Галашки. Общество сложилось по обоим берегам Ассы в части среднего и отчасти нижнего течения, не позже 60-х гг. XVIII в. за счет пере-

селенцев из преимущественно горного Галая, а также Мержоя, Цечоя и Ялхароя. Следовательно, его население говорило на галанчожском диалекте чеченского языка.

На западе граница Галашек условно шла по водораздельному хребту между течением Ассы и Сунжи (за которым располагалось Ангуштинское общество), на севере по речке Яндери доходила до северной линии Лесных гор, на востоке галаевцы вышли в соседство с близкородственным Арштхойским (Карабулакским) обществом (располагавшимся к востоку от Ассы). На юге новое общество, вытянутое по Ассе, граничило с землями селения Мужичи, входившего в Мержойский союз.

Образование нового Галаевского общества в низкогорье по Ассе было связано не только с целенаправленной миграцией избыточного горского населения на более удобные и еще незаселенные земли, но и в целом с изменением политической ситуации на плоскости. Здесь селения и владения нахов-чеченцев все усиливаются, а кабардинские князья, еще державшиеся за земли по Сунже, наоборот, слабеют.

Согласно данным Н.Г. Волковой, окончательный уход кабардинцев с Сунжи, чьи селения располагались в районе впадения в нее рр. Назрань и Яндери (Эндерипс), имел место в 40–70-х гг. XVIII в. На карте второй половины XVIII в. от правого берега Сунжи на юг к горам Н.Г. Волкова отмечает наличие «Галачи деревни» (галашевцы). Восточнее «р. Эндерсу… указаны карабулакские селения». По сообщению И. Гильденштедта (не позже 1772 г.), «округ Галашки» находится по Ассе ниже «округа Мереджи»[104].

Согласно документальным источникам – галашевцев, живущих близ карабулаков, «по реке (Асса. – Я.А.) сие в горах» считалось 200 дворов и «с 13 деревень». Как и соседние арштхойцы, галашевцы занимались скотоводством, выращиванием кукурузы, конопли и табака, пчеловодством. Но «рогатого скота и лошадей [имели] весьма мало». Соль получали из карабулакского аула «Датыха».

Об общественном управлении галашевцев данных мало, документы сообщают, что живущие по Ассе галашевцы равны между собой «хотя и имеют старших», обладающих правом собственностью на землю[105].

Мало что известно и об исламизации последних в XVIII в. Они были исламизированы в начале XIX в., хотя еще в 20-х гг. указанного века галашевские селения не имели мечетей и постоянных мулл (их брали у карабулаков)[106]. Более того, в районе селения Галашки вплоть до 30-х гг. XIX в. отмечался врытый в землю почитаемый большой каменный крест византийского типа – с широким основанием и расширяющимися концами.

Арштхой/Орстхой (Верхние Карабулаки). По своему географическому положению общество Арштхой находилось между средним течением Ассы

на западе и бассейном рр. Фортанга и Шалажинка на востоке, на северных и южных склонах Амитинского хребта (0,69–0,89 тыс. м над уровнем моря), соединявшего берега указанных рек.

Верхнему обществу Арштхой, согласно источникам, было положено начало, по крайней мере, не позже конца XVII в. Наличие здесь фортификационных сооружений – боевых и жилых башен – может свидетельствовать и о большей древности общества. В течение указанного века в процессе реконкисты арштхойцы-карабулаки закрепляются также и в плоскостных районах на пространстве примерно от района впадения р. Яндери в Сунжу на западе и до владения р. Шалажи в устье Фортанги на востоке, образуя аульное многофамильное общество, которое можно определить, как Нижние Карабулаки. Вместе с тем с 80–90-х гг. XVIII в. можно говорить и о союзе этих двух карабулакских обществ.

Первоначально селения верхнего общества карабулаков складываются вдоль указанного хребта на речке Футон, текущей в зональном направлении между Ассой и Фортангой и впадающей в последнюю и, на речке Аршты (Арашан – с древнеиранского означает «вкусная, чистая вода»), которая вместе с 6 меньшими притоками имела и второе (тюркское) название – Бальсу (медовая вода). Цвет речек, ключей и прочих источников широко орошенного района дал ему так же название Карабулак (с тюрк. черная вода, черный родник). Отсюда поселившихся здесь галанчожских горцев называли и арштойцами, и бальсунцами, и карабулаками[107].

Основание обществу положили выходцы из объединений, некогда входивших в древний Балойский союз (г. Балой-лам – прародина галанчожских фамилий) – Цечой, Мержой, Галай, Аьккха, Нашаха и Ялхарой. Тот же А. Сулейманов включает в состав карабулаков-орстхоевцев следующие фамилии: «ЦIечой, Мержой, Хьавхарой, Ферг-некъе, Велха-некъе, Гандалой, Мужганой, Галай». Позднейший список называет «фамилии» арштхойцев-карабулаков (горных и равнинных) в следующем составе: Iалхой, Iандалой, белхарой, бокой, булгучхой, виелхой, гIарчой, галай, гIандалой, мержой, мужахой, мужгахой, оргхой, фергхой, хьевхарой, цечой и др.[108]

Основу хозяйства арштхойцев-карабулаков в XVIII в. составляло земледелие и скотоводство, которые «изобиловали» продовольствием, часть которого «в довольном количестве» продавали. Было развито пчеловодство и производство воска. Важной статьей хозяйства являлась соледобыча близ карабулакского с. Даттых: ее покупали чеченцы, ингуши и горные нахи-«кисты»[109].

Численность дворов Верхних Карабулаков в документе 1762 г. – до 500, и вряд ли это является преувеличением, учитывая, что в их число могли включаться и некоторые среднегорные аулы Галанчожского ущелья. Из того же документа становится ясным, что власть в Верхних Карабулаках (как и в

Нижних) принадлежала старшинам фамилий, совместно выступавших в отношениях с соседями и русскими властями[110].

Интересен вопрос о религиозной ситуации в Арштхое. В 1709/10 г. сюда был совершен «исламский набег» против неверных, а в 1732 г. под Чечен-Аулом собирается огромное ополчение из Дагестана и Чечни во главе с неким «Аджи», который собирался в поход против «бальсунцев» и жителей Малой Кабарды. Наконец, в 1762 г. равнинные карабулаки приняли решение принять ислам, а верхние их соплеменники разорили неведомо кем построенную «на р. Бальсу» христианскую церковь и подворье. Тем не менее, еще в 70-х гг. XVIII в. «группа (тайфат) их [карабулаков] «оставалась «без амана», т.е. без пощады от мусульман. Видимо речь шла о «верхних» карабулаках. И только в XVIII – к началу XIX в. все карабулаки «без изъятия исповедовали магометанскую веру»[111].

Начиная, по крайней мере, с 80-х гг. XVIII в. Карабулаки (Верхние и Нижние) позиционируют себя как союзные общества, осваивая обширную территорию на правом и левом берегу Сунжи (примерно от современного села Плиева до Серноводска и Ассиновской).

Нохч/Нахч-Мохк (Мичкизская земля, Ичкерия). По свидетельству автора второй половины XIX в. И.М. Попова, написавшего своеобразный этнографический очерк Ичкеринского округа, площадь региона составляла до 1 тыс. кв. верст[112]. Географические границы самой крупной в Чечне нохчмохкойской федерации обществ заключались: на западе и юго-западе водораздельный хребет (который можно назвать и продолжением Пастбищного хребта с высотами от 2,8 до 1,35 тыс. м) отделял Нохч-Мохк от бассейна Шаро-Аргуна и таких обществ, как Саьрбалой, Нижалой и Чебарлой; на северо-западе граница региона проходила по передовой цепи Лесных гор, после которой начиналась Чеченская плоскость и земли обществ и селений Шали, Герменчик, Гелдаген, Майртуп, Бачи-Юрт. На севере границей Нохч-Мохка служили р. Мичиг (на которой в конце XVIII в. возникло новое Мичиговское общество) и Качкалыковский хребет (где располагалось Качкалыковское общество-федерация), на востоке граница Ичкерии идет по бассейну рр. Ярык(Йарк)-Су-Акташ, где Нохч-Мохк соседствовал с кумыкскими владениями, с нахо-чеченским обществом Аух и аулами Салатавии (Северный Дагестан). Южную и частично юго-восточную границу Нохч-Мохка формировал Андийский хребет (от 2,7 до 2,2 тыс. м), отроги которого отделяли регион от ближайших обществ Дагестана (Анди, Гумбет-Мехельта) и частично от высокогорного нахского общества Чеберлой.

В другой интерпретации Нохч-Мохк к XVIII в. делился на горную часть – собственно Нохч-Мохк (Ичкерия) и «Мичик» – земли по р. Мичиг и Качкалыку (Качкалыковский хребет), стоящие несколько особняком и заселенные

в ходе реконкисты на протяжении XVIII в. (хотя собственно общества Мичиг и Качкалык в плане географического рельефа относятся скорее к равнине нежели к низкогорной зоне). Следует отметить, что тот же А.-К. Бакиханов, автор XIX в., хорошо знакомый с местной исторической традицией Северо-Восточного Кавказа, утверждал, что «Мичикич» (Восточная Чечня) разделяется на три части: «Тау-Мичик-Ичь» (горную), «Агач-Мичик-Ичь» (лесную) и «Тюз-Мичик-Ичь» (ровную)[113].

Наиболее распространенным названием Нохч-Мохка в рассматриваемый период являлся обобщающий топоним Мичиг/Мичик и этноним мычигич/мичиговцы, производный от названия правого притока Гумса речки Мичиг. Дело в том, что если с севера в Нохч-Мохк вела с плоскости одна дорога по р. Аксай, то вторая удобная дорога шла с запада по берегу р. Мичиг-хи. В сообщении западноевропейского автора Н. Витзена конца XVII в. известны названия «Mitsckis» и «Guna» – Мичкиз и Гуна[114].

Рис. 17. Нохч-Мохк – Ичкерия (совр. фото)

Другой топоним – Ичкерия («ичи ери» с тюркского – «внутренняя земля») возник, по мнению лингвиста А. Вагапова, «в тюркско-монгольской среде, возможно, в период татаро-монгольского нашествия». Им пользовались наравне с первым этнонимом по большей части в тюркской и русской среде Северного Кавказа. Следует считаться с тем, что в нохчмохкоевском обществе

издавна бытовало чеченско-тюркское двуязычие, которое носило, безусловно, не только экономические и географические предпосылки, но и политические факторы – некогда близость к Хазарии, а затем и к огромной Золотой Орде в которой как известно господствовали не монгольские, а тюркские языки. В последующем, в XVI–XVIII вв., для чеченцев в целом сохранялась необходимость коммуникации с народами северокавказской плоскости, где общераспространенными являлись тюркские языки (татарский, ногайский, кумыкский). Есть, конечно, и другие объяснения[115].

Нохч-Мохк, чье название с чеченского переводится как «земля нахчойцев/нохчи» (где «нах» – это люди, а «чоь» – обитаемое людьми место), именуется в народе еще и Чоьхар-Мохк (Внутренняя земля). Есть также мнение, что «внутренняя форма чеченского названия Ичкерии *Нахчмохка*… [означает] “прекрасная, живописная страна”…»[116].

В XVI–XVIII вв. Нохч-Мохк представлял собой самую густонаселенную часть Чечни и самую крупную политическую единицу страны – своеобразную крестьянскую республику-федерацию из более чем 20 обществ. Население региона говорило на едином нохчмохкоевском диалекте (имеет два говора: веденский и ножай-юртовский), который собственно и лег в основу общенационального плоскостного диалекта всей Чечни, а позже и литературного языка[117].

Край был покрыт пологими горами (до 0,7–1,1 тыс. м над уровнем моря), сложенными из сыпучего сланца, песчаника и глины, покрытыми густыми смешанными лесами. С юга на север Нохч-Мохк пересекали такие реки и речки, как: Басс (в нижнем течении носившая название Джалка), Хулхулау и Гумс (с известными притоками Мичиг и Гансол), которая в нижнем течении (после слияния Гумса и Хулхулау) называлась также Гумс-хи (Белка, Белая). Все они впадали в Сунжу.

В восточной части края, в северо-восточном направлении, текли на Кумыкскую плоскость такие речки, как: Ясса (Ясса/Асса – вероятно, «быстрая»)[118], обозначаемая на картах тюркским гидронимом Аксай («Аксу» – белая вода), в верхней части ее основным притоком была р. Бено-Ясси; следующая Яман-Су (с тюркского – «плохая, негодная вода») и Йарксу (Ярык-Су) с многочисленными притоками. Йарк/йерк/эрк в различных чеченских диалектах горных районов означало просто «вода, речка»[119]. В данном случае произошло соединение чеченского гидронима с тюркским «су», который также означает «вода, река».

Названные реки Ичкерии – это неглубокие и неширокие горные речки (на любом участке течения преодолеваемые вброд), испытывавшие сезонные колебания водостока. Все они, выйдя на равнину и проделав путь по Кумыкской плоскости, сливались – Яман-Су с Аксаем, а Ярык-Су с Акташем (в новое и новейшее время последние не доходили до протоков Терека).

В исследуемое время в Нохч-Мохке насчитывались следующие древние аульные поселения (их история начиналась в эпоху бронзы), представлявшие собой своеобразные административно-политические единицы – самоуправляющиеся общества-«республики»: Айт-Кхаьлла, Аллара, БелгIата, Бена, Билта, Гендаргена, ГIордала, Гуна, Дишни (Дишни-Ведана), Зандак, Ишхой, Курчала, Сесанха, Чермой, Харача, ЦIонтара, Ширди-Мохк, Шуона, ЭгIашбета, Эна-Кхаьлла, Энгана, Элистанжи, Эрсана, Ялхой-Мохк.

В свою очередь тайповый список «фамилий» (по большей части совпадавший с топонимическим списком селений) Нохч-Мохка состоял из: айткхаллой, алларой/Iаллерой, белгатой, беной, бийтарой, билтой, гендаргеной, гордалой, гуной, дишний (веденские дишнинцы), зандакой, ишхой, курчалой, сесанхой, харачой, цонтарой, чермой, ширди, шуоной, эгIашбатой/эхишбатой, элистанжхой, энакхаллой, энгеной, эрсаной, ялхой, и др.[120]

Указанные тайпы-«фамилии» не являлись «родоплеменными объединениями», а складывались в границах определенных территорий и состояли из реальных родственных групп (как правило, до 7 колена), которые назывались «некъе» (направление) и «гары» (ветви). Никакой общей хозяйственной деятельности подобные объединения не вели, речь шла о своеобразной социализации в формате существующего общественного уклада и в рамках некоей географической среды. Помимо указанных обществ и тайпов, в регионе существовали и исторически поздно сложившиеся селения-общества, заложенные в различное время (но до конца XVIII в.) в ходе расселения представителей крупных тайпов, как, к примеру: Агишты (Эгишты), Байтарки, Балансу/Булан-су, Галайты, Гилны/Гиляны, Махкеты, Мескеты, Симсим, Тевзана, Хатуни/Хотни и др.

В исследуемое время (XVI–XVIII вв.) в самой западной части Нохч-Мохка между руслами рр. Басс-Хулхулау-Гумс с юга на север размещались земли обществ: Харачой, Чермой и Элистанжи.

Харачо/Харачой. Древнее нохчмохкоевское общество (здесь находятся многочисленные памятники каякентско-харачоевской культуры эпохи средней бронзы) располагалось на берегах верховьев Хулхулау (в частности, центральное село располагалось на левом притоке Харачу-хи) близко к границе Нагорного Дагестана.

На западе общество соседствовало с Чермой, на севере с Дишни, на востоке с Белгата, Бена, на юге с Чеберлоем и (через обширный Андийский хребет) с андоцезским обществом Анди. Из плоскостной Чечни по ущелью Хулхулау через занимающий стратегическое место аул Харачой и далее по перевалу (Харами, 2393 м) вела важная караванная дорога в Нагорный Дагестан и далее до Дербента.

Значение гидронима Харачу-хи и горы Харачой-лам, возможно, говорит о природной особенности данного района – наличии здесь пещер и гротов,

также природной котловины, в которой расположено само село (хара – с чеченского: дупло, выемка, котловина). Отсюда образовано «селение в ложбине (во впадине)»; при помощи суффикса *-уо*, вероятно, получено «*харачуо*» – «житель селения Харачу»[121].

Предания же собственно харачоевцев, зафиксированные в середине XIX в., рассказывают о некоем первопоселенце Бики – выходце из Нашахи, который освоил Харачоевскую котловину и построил здесь каменную башню. Он же вступил в конфликт с андийцами за право пользования пастбищной горой джайского (хунзахского) хана на Андийском хребте и выиграл его. Однако между Харачоем и Анди была по решению народного собрания оставлена нейтральная полоса – Харами, на которую запрещалось выгонять скот (с арабского «хIарам» – запрет). Все это, конечно, показывает на важность скотоводческой отрасли для харачоевцев в связи с неблагоприятными условиями их «мохка» (земли, страны) для земледелия.

Безусловно, Харачой играл важную посредническую роль в XVI–XVIII вв.в стихийно сложившемся разделении труда между Чечней и Нагорным Дагестаном, когда из Чечни на юг через аул Харачой и перевал Харами шли хлеб, шерсть, нефть, лес в обмен на ремесленные изделия из Дагестана (в частности оружие, украшения и посуда) и ткани из Дербента.

Места, связанные с функционированием неких языческих культов, обнаруживаются здесь на горе Туьйрие-лам на северо-востоке Харачоя, угадываются в названии покосов «Гоьрган цана» (святого Георгия покос), пахотного участка «Кхиелан кхе» (Совета старейшин пашня) и т.д. Время утверждения здесь ислама в соответствии с последними археологическими находками в Харачое (средневековый могильник с материальным инвентарем) можно допустить в пределах не позже XVI–XVII вв. Так, ислам в соседнем Нагорном Дагестане окончательно победил в XVI – началу XVII в.[122] Принятие ислама Харачоем (вероятно, не позже начала-середины XVII в.) привело к складыванию здесь по примеру Дагестана общины джамаатского типа, в которой главную роль играли религиозные авторитеты. Ранее повседневными делами общества управляли старейшины фамилий-гаров и народные собрания. Но их авторитет сохранялся и в период победы ислама.

Крупный харачоевский тайп, делившийся на «ветви» (Айдай-некъе, Байкаш-некъе, Супур-некъе, Гезало-некъе, Маснай-некъе, Чагай-некъе, Умар-некъе, Юнус-некъе, Кудай-некъе, и др.) рано начал освоение как нохчмохкоевских, так и равнинных земель. Так, харачоевцы основали по ущелью Хулхулау селение Ца-Ведено, стали одними из первопоселенцев аулов Цоцин-Юрт, Бачи-Юрт, Гелдаган конца XVIII – начала XIX в. и т.д.; харачоевцы расселились также в Шали, Автуры, Сержень-Юрте, Алды и т.д. Например, в 1784 г. в числе жителей равнинного общества Гехи названа семья Киахаевых «Харачуковой фамилии»[123].

Чермой. Общество располагалось на левом берегу р. Хулхулау и граничило: на западе по водораздельному хребту с Нижалоем и Нохч-Келоем, на юго-западе с обществами федерации Чеберлой, на севере с обществом Элистанжи, на северо-востоке (через реку) с Эгашбета и Эрсана (частично с Дишна); на востоке и юго-востоке граница шла с землями общества Харачой. Некоторые современные исследователи полагают, что субэтноним чермой (с чеченского – черма «бочка») обитатели общества получили не от названия горы, а «по характерному роду своей деятельности, а именно по изготовлению бочек. Иными словами, *чермой* – это *бондари».* В то же время в индоевропейских языках (древнерусский) слово «черма» («чорма») означает «возвышенное, холмистое место»; также «черма» – красный, багряный, красивый[124].

Обществообразующим географическим компонентом Чермоя с древности являлась огромная пастбищная гора – Чермой-лам (2361 м), с могильниками, поселениями и языческими священными местами, к примеру, урочище ТишолитIе (богиня плодородия Тушоли). Причем урочище в домусульманскую эпоху привлекало в дни языческих празднеств людей из многих нохчмохкоевских обществ. По ряду данных на склонах горы, по крайней мере, до конца позднего средневековья находились селения Тюнкахана, Чуьралам, Гарчхана-кIотар и др. Остались также известия и о двух каменных башнях (большая редкость для Нохч-Мохка) – Хутай-гIала и МитIи-бIов.

В исследуемое время известен головной аул общества, стоявший на одном из склонов горы, который назывался Чермой-Аул по имени легендарного эпонима Черма (выходец якобы из Майсты или Нашахи). Это селение было переселено в период имамата Шамиля в новый аул Махкеты, с целью использования пастбищной горы для выпаса лошадей армейской кавалерии. Кроме того, в новое время существовал еще один чермоевский аул – Зазарган. Скорее всего, указанные поселения располагались на небольших верхних притоках Элистанжи-ахка – Кокичу-ахк и др.

Чермоевцы делятся на 9 «ветвей», согласно именам родоначальников фамилий: Галай-некъе, Биги-некъе, ТIебло-некъе, КIорни-некъе, КIези-некъе, Песи-некъе, Гуржи-некъе, Тинки-некъе, Амай-некъе. Общинники занимались скотоводством и земледелием с преимуществом первой отрасли.

Выселение чермоевцев на плоскость началось не позже первой половины XVIII в. с ориентацией главным образом на притеречные районы (кроме того, чермойцы выселялись и в аулы Качкалыковского общества). Так, согласно документам и рассказу первого чеченского этнографа ротмистра Умалата Лаудаева, богатый скотом чермоевец Ногай-Мирза вышел из гор и не позже 1800 г. основал селение Ногай-Мирза-Юрт (Ломаз-Юрт) в самой западной части чеченского Притеречья. При этом свой фамильный надел в Чермой-мохке он сдавал сородичам за плату[125].

Элистанжи. Общество располагалось в междуречье рр. Басса и Хулхулау, а главное село между левыми притоками р. Хулхулау (Хулхул) – одноименная речка Элистанжи-ахк и Аржи-ахк (Черная речка). На западе водораздельный хребет отделял элистанжинцев от Саьрбала и Нижалоя, на севере отстояло общество Эгишбатой, на востоке граница шла с обществом Дишни-Ведено, а южную границу замыкали земли общества Чермой.

Основателем Элистанжи легенды называют некоего Эльсана – выходца из Нашахи, по другим данным, возможно, происхождение села и общества по названию речки в монгольских языках: «элэсун» – песок, песчаный. На древность возникновения Элистанжи указывает и гора, находящаяся значительно восточнее селения – Элистанжи-лам (гора элистанжинцев).

Элистанжинцы занимались земледелием, скотоводством и ремеслами. Земли общества, как и во всем Нохч-Мохке, делились на общественные (включая леса, пастбища, мечетские земли – вакуф) и частные, как правило, пахотные. Рост населения приводил к постоянным вырубкам лесных полян под зерновые – «ирзу» и зачастую к закладке хуторов, а то и новых селений. Данное явление было характерно для всех обществ Ичкерии.

Элистанжинцы рано начинают освоение плоскости вплоть до Терека. Так, они указываются в числе основателей ближних к себе селений Тевзана, Хатуни, Агишты, Шали на р. Басс и ее притоков, и дальних – Алды (БугIан-Юрт) на Сунже и множества притеречных.

Не удается твердо датировать те или иные события, связанные с данным обществом, легендарные предания говорят о борьбе элистанжинцев и их соседей дишнинцев против каких-то степных тюрков или калмыков, претендовавших на земли Нохч-Мохка, которые были изгнаны за Терек после разгрома в урочище Меъни-чу в окрестностях Дишни-Ведено в ходе «лучного боя»[126].

Выходцем из Элистанжи во втором или третьем поколении был алдинский уроженец великий шейх и имам Мансур (Ушурма, сын Шабаза), возглавивший в 1785–1791 гг. восстание народов Чечни и Северного Кавказа против наступления Российской империи[127].

Самая густонаселенная часть Нохч-Мохка рассматриваемого времени располагалась в географических пределах между правобережьем течения р. Хулхулау и левобережьем течения р. Ясса (Аксай), направленным примерно с юга на север и имеющим истоки с Андийского хребта. **Здесь в междуречье Хулхулау и Яссы на многочисленных мелких притоках находились такие исторические общества как: Айт-Кхаьлла, Аллара, БелгIата, ГIордала, Гуна, Дишни (Дишни-Ведана), Ишха (Ишхой-Мохк), Курчала, ЦIонтара, Ширди-Мохк, Шоьна, ЭгIашбета, Эна-Кхаьлла, Эрсана, Ялхой-Мохк.** Они рассматриваются в пределах указанного междуречья по мере направления от склонов Андийского хребта на север к плоскости.

Белгатой (БелгIата). Крупное общество, располагавшееся между истоками Гумса и левым берегом Яссы, граничило на западе и северо-западе с селением цонтароевского тайпа Теза-Кхаьлла и собственно с Цонтароем, на протяжении своей восточной границы с Беноем, на юге его земли достигали вершин Андийского хребта. Общество считало своим эпонимом некоего Персыка – жителя Нашахи, чей внук Хоур/Хавр (или правнук Хасай) совершил переселение в район Белгатоя.

Название общества традиционно связывают с трудовой терминологией «болх/белха» – работа, но высказывается мнение в пользу арабоязычного термина «**балагIат** – *быть красноречивым*; *красноречие».* Этимология данного топонима с точки зрения чеченского языка носит прозрачный характер – «Белга-тIе (та)» имеет значение движения «к Белга». Первоначальное название селения или местности, на наш взгляд, было Белга/БелгIа (близко к нахскому «билгало» или тюркскому «белге» – отличительный знак, отметка, памятник)[128].

Значительные размеры общественных земель позволили белгатоевцам широко расселиться хуторами, вместе с тем согласно преданиям, в середине XVIII в. здесь случилась эпидемия, после которой новое начало обществу дали всего 5 мужчин и 7 женщин.

Ввиду того, что глинистые земли не позволяли развивать зерновое земледелие, белгатоевцы рано стали осваивать ремесленные занятия и к концу XVIII – началу XIX в. прославились не только как изготовители высококлассных шашек и ружей, но и как мастера по водяным мельницам, изготовлению телег, кузнечному делу и др. Более того, они стали основателями целых ремесленных поселков – ДаьргIа (Дарго-Ведено) и др.

Согласно аульным преданиям, первая мечеть в обществе была построена из глины и дерева в конце XVII или в начале XVIII в., а в 1770 г. была сооружена каменная мечеть (сохранилась до наших дней). Видимо, при мечети выросла высококлассная мусульманская школа, потому что именно красноречивым муллам, выходцам из Белгатоя, достались десятки мечетских приходов в равнинных аулах.

Как и все нохчмохкоевские общества, представители белгатоевцев не позже XVIII в. выселились во множестве на равнину, основав, к примеру, такие крупные селения, как Белгатой (нижний), Устаргордой-Аул. Многочисленно было их присутствие в Ойсонгуре, Илисхан-Юрте, Курчалое (равнинный), Шали и т.д.[129]

Дишни (Дишни-Ведено). Помимо Дишнинского общества в Чанты-Аргунском ущелье столь же издавна существовало одноименное общество на плоскостном участке низкогорного Нохч-Мохка – Дишни-Ведено («веда/вэдана» – плоское место). Оно располагалось на правом берегу р. Хулхулау, в

соседстве находились с запада Элистанжи, с севера Эгишбатой и Эрсеной, с востока Белгатой и с юга Харачой.

Эпоним Дишни наряду с Эльсаном (основателем Элистанжи) считается первым поселенцем Нохч-Мохка, пришедшим, согласно легенде, из Нашахи. Видимо, объяснение топониму надо искать в производственной (животноводческой) терминологии – «диш/дайш» (дойный скот?), по тому типу как возникло название одного из нохчмохкоевских сел – Жани-Ведено (где «жа/жан» – овечья отара). По мнению некоторых лингвистов, «дийша» называлось любое место, где коровы ложились в полдень на водопое. В любом случае сомнительно связывать веденских дишнинцев с аргунскими как то ведется в народной этимологии. Тем более что веденские дишнинцы имеют вовсе отличные от аргунских фамильные «подразделения»: Уци-некъе, Хьуна-некъе, Чиркх-некъе, Ялакл-некъе, Гелмакх-некъе и др. – числом до 20.

Принятие ислама дишнинцами относится к эпохе деятельности шейха Берсана, а выселение на плоскость шло преимущественно в конце XVIII – начале XIX в. когда дишнинцы появляются в Алдах, Алхан-Юрте, Новых (Малых) Атагах, Шали, Бачи-Юрте, Верхнем Науре и т.д. В документах 1784 г., к примеру, упоминается: «деревни Алдинской Дишниевой фамилии уздень Ума Тункуев…»[130].

Эрсеной (Эрсана). Общество Эрсеной располагалось на правобережье Хулхулау на притоках р. Гумс и граничило на западе и северо-западе с ЭгIишбатой, на севере и северо-востоке с Курчалоем, Цонтароем и Белгатоем. На юго-западе и юге граница общества ограничивалась землями Дишни-Ведено и Тезен-Кхаьлла (селение, входившее в общество Цонтарой).

Согласно А. Сулейманову, название общества и тайпа происходило от «арса/эрсанаш» – «священный кустарник» (можжевельник). Одноименный головной аул в затрагиваемый период располагался на «Эрсеноевской горе» и его основателем считался некий Мулк из Нашахи.

По некоторым данным, фамилия эрсеноевцев распадалась на ряд «ветвей»: Бедин-некъе, Ибайн-некъе, Чалайн-некъе, МIачин-некъе, Боьрзаган-некъе, Къарлойн-некъе, Зауран-некъе, ГIойлин-некъе, МицIалган-некъе, Илесан-некъе, Жамалг-некъе и др.

По крайней мере, в XVI в. здесь еще было представлено язычество, о чем говорит название «Тишоли корта» в топонимике села, что означает «возвышенность (принадлежащая) богине плодородия Тишоли/Тушоли». Известны в топонимике общества и элементы христианства. В 60-х гг. XIX в. И.М. Поповым здесь был найден обработанный камень с выбитым крестом. Изображение представляет собой достаточно редкую форму т.н. греческого креста на «Голгофе», с каплевидными расширениями на концах. Принятие ислама в Эрсеное связывается с деятельностью шейха Берсана (первая половина XVII в.).

В силу перенаселенности общества эрсеноевцы рано начали выход на плоскость, где они называются в числе первооснователей аулов, возникших не позже первой трети XVIII в., таких как Шали (сохранились имена двух братьев-первопроходцев – Идарз и Окша), Мескер-Юрт, Сержень-Юрт (основатель Сержи Эрсеновский) и др. В принципе эрсеноевцы были хорошо представлены во всех равнинных аулах сунженской и притеречной зон[131].

Эгишбатой (ЭгIашбета/Эхишбатой). Общество находилось в районе водораздела между Хулхулау и левобережьем Гумса, гранича с обществами: на западе по течению Хулхулау с Элистанжи, на севере с Гуни, на востоке по Гумсу с Курчали, на юге с Эрсеноем.

Происхождение легендарных эпонимов Эхиша и Бета, согласно преданиям, идет из Нашахи, или с равным успехом из горного общества Цеси (Шароаргунское ущелье), куда они в свою очередь переселились из Нашахи. По рассказам старожилов, далекие предки эгашбатойцев пришли из Шема (Сирия) в Нашаха, а оттуда распространились дальше – в ЦIеса, из ЦIеса – в ЭгIашбета. Причем братом Эхиша был Галгаш, который ушел в Ингушетию (общество Галгай – ?).

Другие легенды, записанные в XIX в., говорят, что эгишбатоевцы считали себя европейского (фиренги, франки) происхождения и признавались в плоскостной Чечне (где они на правах первопоселенцев заняли много земель) аристократической фамилией. Они обладали большими стадами и пахотными участками, которые сдавались и в аренду.

Многочисленная фамилия в рассматриваемое время широко распространилась по плоскостной Чечне, основав в частности ЭгIашбатой-Юрт (в границах центра современного города Грозного), под Гудермесом (ЭгIашбатой-кIотар), на р. Гойтинка – ЭгIашбатой-Гойта и др. Также много жило эгашбатойцев в Шали, Цоцин-юрте, Чечен-Ауле, Старые Атаги и др. Так, в русском документе под 1784 г. упоминается «Атагинской деревни Ашпатлиевой фамилии уздень Бертслан Махаметов» (причем жена его относится к «Цонтарлиевой фамилии»)[132].

ЦIонтарой/Цонтарой. Одно из ведущих обществ Нохч-Мохка располагалось в широком междуречье Хулхулау и Яссы в окружении столь же древних самоуправляющихся обществ, как: с запада Эрсеной, с северо-запада Курчалой, с севера Энгеной и Гордали, с востока Беной, с юга Белгатой.

Селение несколько раз меняло свое местоположение вследствие эпидемий или оползней. По крайней мере, с XVIII в. известен единый ЦIоьнтара с населением не менее тысячи дворов.

Первоначально селение состояло из Иэжи-некъе, Тези-некъе и Iалбиг-некъе, которые со временем разрослись и стали называться: Иэжа-эвлахой, Теза-кхаллой и Iаьлбиг-эвлахой, в составе которых возникли новые гары (некъе).

В настоящее время в Иэжа-эвла проживают роды: КIорни-некъе, Оки-некъе, Байди-некъе, Бярча-эвлахой (IонтIи-некъе, Хьади-некъе, Аькхди-некъе, Бури-некъе), Эциг-некъе, БуьцIи-некъе.

В Iаьлбиг-эвла проживают: БитIар-некъе, Iемирхан-некъе, Идарза-некъе, ГIардайн-некъе.

В селе Теза-кхалла проживают: Товсолтан-некъе, Чалин-некъе, Iавдалан-некъе, СугIин-некъе, СултIанан-некъе, Жанин-некъе, ЦIордойн-некъе, Аькхийн-некъе, ЧIебарлойн-некъе, Имханан-некъе.

Основателем общества согласно цонтароевскому преданию считался именитый Сунтар (Соьнтар, Синтар) – выходец из Нашахи. Называют даже дату основания села – более 700 лет назад. Большое и сильное общество ЦIонтарой рано стало системообразующим центром Нохч-Мохка, здесь же сложилась традиция региональных народных собраний – Мехк-кхел, сохранявшаяся вплоть до эпохи имама Шамиля. На возвышенности (холм) Кхеташон-корт («Собрания возвышенность») собирались порой на несколько месяцев самые уважаемые члены Нохчмохкоевской федерации обществ. Из истории известно, что центр политической и общественной деятельности обычно являлся и религиозным центром. Поэтому, возможно, здесь некогда находилось известное языческое святилище божества ЦIу, вокруг которого сложилось данное одноименное селение (ЦIуонтара) и общество. Однако следует отметить: никаких материальных следов нахождения здесь этого святилища не обнаружено. Не зафиксирован подобный факт и в преданиях цIонтароевцев и соседних сел и обществ.

В легендах сохранилось имя цIонтароевского военачальника и законотворца домусульманской эпохи Тинин Виса. Утверждают, что он был «инициатором созыва Совета страны (Мехк-кхел)… Нохч-Мохка. Он же был избран его первым главой… Мехк-кхел (Совет Страны) провозгласил его Мехкда (глава страны) и Туьран да, т.е. главнокомандующим вооруженными силами страны».

Вместе с тем, многочисленные находки следов выплавки кричного железа на территории общества в эпоху средневековья заставляют предполагать и хозяйственно-экономическую подоплеку влияния Цонтароя в Нохч-Мохке.

Мы можем только предполагать, что окончательное принятие ислама в Цонтароевском обществе с сильными традициями язычества произошло не ранее начала XVII в. Так, в ходе раскопок древнего цонтароевского кладбища (на месте первоначального нахождения села), проведенных археологом С.Ц. Умаровым, были обнаружены турецкие монеты «ахче» начала XVII в.

Выселение на плоскость из Цонтароя в рассматриваемый период шло не только на чеченскую равнину и Притеречье, но и Качкалыковскую плоскость, в Аух и в собственно кумыкские княжеские аулы, где они образовывали целые селения и «фамильные» кварталы.

По преданию цонтароевцев, предок великого шейха Ташу-Хаджи из кумыкского села Эндери был их однотайповцем из цIонтароевцев. Это предание подтверждается свидетельством Великого шейха Баматгири-Хаджи (Iовда), записанным его современником, алимом из села Курчалой Арс-Iела, а также материалами, собранными чеченским поэтом Абдул-Хамидом Хатуевым из села Мескер-Юрт[133].

Курчала (Куршалой/Курш-Эвла). Древнее общество, составленное из трех одноименных аулов (Верхний, Средний и Нижний Курчалой), географически располагалось на правобережных притоках р. Гумс (один из которых имел название Кайчи-хи – «Белая вода»). Оно граничило на западе с Эгишбатоем, на севере с Гуьна и Ширди-мохк, на востоке с Цонтара, на юге с Эрсеноем.

Происхождение названия общества связано по одним данным с эпонимами Кушул и Курчал-хан (отец и сын) – выходцами из Нашахи, либо от «кырджа» («небольшая равнина» – на турецком языке), возможно и от одного из местных гидронимов. Интересно отметить, что основание села связывают с именем легендарного правителя Нохч-Мохка «Висы Тенаева» (Тинин Виса), как бы назначившего новым жителям место поселения «лет 600 назад» (сама запись сделана в 60-х гг. XIX в.). На деле же встречающиеся на землях Курчалоя находки артефактов эпохи бронзы свидетельствует о весьма древней истории общества.

Курчалой вошел в историю Нохч-Мохка и всего чеченского народа в связи с деятельностью проповедника ислама шейха Берсана. Его отца звали Тимарбулат, а деда Темболт, мать была из Гуноя. В Нижнем Курчалое находится и его высокочтимая могила («Берс-шайхан зийярат»). А. Сулейманов называл в связи с шейхом Берсаном дату 1561 г., но реально его деятельность в Нохч-Мохке по утверждению ислама проходила не позже середины XVII в.

Курчалоевцами был основан одноименный аул Курчалой на плоскости, они же расселились по многим аулам терской зоны и Качкалыка[134].

Гордалой (ГIордало). Одно из центральных обществ междуречья Хулхулау и Яссы (обжитое, по крайней мере, в эпоху бронзы) располагалось в пределах прямой видимости ближайших обществ (например, Цонтарой) на левом притоке Яссы (Аксай) и граничило: на западе с Ширди-мохк и Курчалоем, на севере с землями Шуона, на востоке Ясса отделяла Гордали от Энгеноя, на юге соседствовал Цонтарой.

Относительно этимологии топонима существуют разные высказывания – возможно, от «гIурда/гурда» (тип горской шашки, ведущей начало от европейских клинков средневековья), от горнодагестанского «гIердила» – прясть/прясти; однако название головного аула звучит как ЦIа(ЦIе/ЦIу)-ГIоьрдалла, что ведет нас к пониманию наличия в основе топонима некоего языческого

святилища. Присутствует и типичная версия происхождения фамилии от эпонима Гордал – выходца из Нашахи.

Гордалинская фамилия насчитывала 21 ветвь и до 1000 хозяйствующих дворов; известно, что в XVI–XVIII вв. гордалинцы образовывали все новые хутора, селения и кварталы на территории общества (общая площадь до 45 кв. км): например, Бас-Гордали (на одноименном притоке Гумса – Гордолойхи), старейший Хашти-мохк (Алычовое), Маси-кIотар и ряд других, а также уходили за его пределы – на плоскость Чечни и Северного Дагестана (Кумыкия). Много гордалинцев до конца XVIII в. поселилось в Умахан-юрте, Устаргордое, Мельч-хи (Исти-су) и во всех надтеречных аулах вплоть до Кабарды.

Гордалинская община представляла собой типичную горскую крестьянскую «республику» с советом старейшин, народным собранием и ополчением, сопряженную с реалиями господствующего ислама (муллы, имамы, судьи по шариату – кади). Она входила в состав 4–5 селений-обществ Нохч-Мохка, которые выставляли на поле боя до 1 тыс. всадников, что допускало объективное преобладание их в политической жизни региона[135].

Ширди/Шерди-Мохк. Небольшое одноаульное общество располагалось на истоке Гумса между такими обществами, как: с запада и северо-запада земли Гуни, с севера Эна-Кхалли, с северо-востока и востока Гордалой, с юга Курчалой. Оно было представлено единственным селом, выросшим из хутора и согласно легенде основанным выходцем из Нашахи – Ширда. Однако с большей вероятностью можно считать, что в основу названия легли термины: «ширдолг» – боевая праща (отсюда ширди/ширдой – пращники), «ширди» (стеганый войлок – на тюрк. и калм.) либо «шира» (старый, древний) – отсюда Ширдай-Мохк (земля предков).

Тайп ширдой делился на ряд некъе: Туки-некъи, Оби-некъи, Таз-некъи, Иди-некъи, Хамад-некъи и др.

Выходцы из Ширди-мохка в исследуемое время направлялись в села, возникшие в XVII–XVIII вв. вниз по р. Мичиг и на Качкалыковском хребте, в общество Аух, селения Гелдыген, Герменчук (два брата из Ширди-мохка Оби и Тязни считаются его основателями), а к началу XIX в. они достигли селений на западе равнинной Чечни по рекам Мартан и Шалажи[136].

Гуна (Гуьни). Одно из крупнейших нохчмохкоевских обществ располагалось в междуречье Хулхулау и Гумса, в благоприятных природно-географических условиях. Оно соседствовало на западе с землями Элистанжи, на севере с Чеченской равниной, на северо-западе с Эни-Кхаьлла, на востоке с Ширди-мохк и на юге с Эгишбатоем и Курчалоем.

Основателем аула традиционно считается выходец из Нашахи некий Гундал. По другой легенде тот же Гундал с братьями Нижал и Гундарген были сыновьями сирийского царя, бежавшими на Кавказ.

В начале исследуемого времени Гуна занимало важное место в языческом пантеоне Нохч-Мохка, имевшем наслоения элементов христианства. Так, в границах общества к северо-западу от головного селения находилась священная гора Эртин-корта (1162 м), с вариантами йерда, эрта/ерда (с чеч. «святилище, место бога»). Подобные названия встречаются по всей горной Чечне и Ингушетии[137]. А. Сулейманов считал также, что на территории общества в местечке Элгазан Бассо функционировал христианский храм, являвшийся культовым местом для целого ряда соседних обществ Нохч-Мохка.

Народные предания утверждают, что гунойцы приняли ислам последними в Нохч-Мохке, хотя шейх Берсан являлся сыном гунойки и требовал от своих родственников повиновения. Как бы то ни было какая-то небольшая часть гунойцев, не принимая ислам, ушла из общества и переселившись за Терек, поселилась совместно с русскими казаками в Оьрза-гIала (Червленная). С тех пор «казаки эти не лишены родственных чувств к гуноевцам, что выражается перепискою между ними и предложением со стороны казаков материальных пособий, в случаях крайности их собратьев» –отмечал один из русских авторов XIX в. И.М. Попов.

Представители общества Гуной благодаря обширным землям и близости к равнине рано начали расселение. Они основали и заселили такие горные и предгорные аулы и хутора, как: Эвтара (Автуры), ЦIе-Ведана, Хьажи-кIотар, Марзойн-мохк, Месадойн-кIотар и др. Кроме того, гунойцы уже в XVIII в. были широко представлены практически во всех чеченских аулах т.н. Большой Чечни (от Качкалыковского хребта на востоке, до р. Аргун на западе, включая Чечен-Аул), Притеречье и на Качкалыковской плоскости[138].

Эна-Кхаьлла (Энакхаллой). Небольшое нохчмохкоевское общество располагалось на правом берегу Гумса на небольшом притоке Гордолой-хи в окружении таких обществ, как: с запада Гуни, с севера Ялхой-мохк **(**между Эна-Кхаьлла и Ялхой-Мохк протекает небольшой пограничный ручей Булкх), с востока Шоьна, с юга Шерди-мохк и Айт-Кхаьлла.

Есть мнение, что «Энакхаьлла» образовано на базе чеченского эна «средний, центральный» и кхаьлла - «укрепленное селение, усадьба». Согласно традиционным преданиям общество основал эпоним Эно – выходец из Нашахи где-то в XIII в.

Жители головного селения расселялись по хуторам и основывали новые селения в границах общества. К концу исследуемого периода энакхаллойцы также расселились и по многим плоскостным аулам Чечни.

Из топонимов общества Эна-Кхаьлла привлекает внимание урочище

«Къаной хийшина меттиг» (Старейшины где заседали место), что указывает на типичную картину самоуправления в обществе через Совет старейшин[139].

Айт-Кхаьлла (Айткхаллой). Общество располагалось между на р. Гумс между Гуьна и Эна-Кхаьлла с запада и северо-запада, с севера располагались Ялхой-Мохк, с востока Шоьна и с юга Ширди-Мохк. Предания утверждают: самое старое поселение общества находилось вначале в урочище ЖагI-ин (Гравийное), а затем было перенесено в местность Айт-Кхаьлла.

Предание формально говорит о происхождении общества и тайпа от некоего Эйты/Айты, вышедшего из Нашахи. Этимология неясна – имя собственное Айт/Айти/Эйти с арабского означает «религиозное праздненство». Причем это селение, видимо, переходило с места на место не раз. Так, в качестве первого селения указывают Айты, как расположенное на левом берегу р. Яман-Су, примерно в 3-х км к западу от современного селения Ножай-Юрт. Затем якобы идет переселение в ЖагI-ин, затем собственно в Айт-Кхаьлла. Следом община переселяется в Керла (Новый) Айт-Кхаьлла в местность ГIалин-басе, откуда, оставив здесь кладбище, вновь вернулись в Айт-Кхаьлла на старое место. Кроме того, выходцами из 7 разветвлений (гар) айткалинского тайпа в затрагиваемое время там же в Нохч-Мохке были основаны селения Ачарашки, Никин-хита и РегIате, лежавшие к северу от головного села[140].

Расположенное близко к плоскости общество, представлявшее небольшую крестьянскую «республику», славилось ремесленниками, особенно оружейниками, которые расселялись в целях заработка и в плоскостные аулы, в особенности по Качкалыковскому хребту (Кошкельды, Ойсунгур и др.)[141].

Шоьна/Шоуной. На западе и северо-западе от Шоьна (располагавшегося на правобережье р. Ясса, по хребту Кежалк-дук) находились Эна-Кхаьлла и Ялхой-Мохк, на северо-востоке Аллерой, на востоке (через Яссу) Сесана, на юге Гордала.

Возможно, этимология названия аула и общества связана с «шен/шоьнарг» – самка тура, или туренок. Понятно, что народное предание говорит об эпониме Шоьна, вышедшего из Нашахи и основавшего общество 500 лет тому назад (фактически начало обществу было положено не позже эпохи бронзы).

Шоуной в пределах своей общины несколько раз меняли его местоположение и заводили новые хутора («Терча Шоьна» – Верхнее Шоьна, «Жима Шоьна» – Малые Шоьна, «Жена-юрт» – Новое поселение). Также рано начавшееся выселение представителей тайпа Шоьной на плоскость привело к появлению их в составе аулов Чеченской равнины по рр. Басс, Хулхулау, Аргун и во всех надтеречных селениях[142].

Аллерой/Iалларой. Одно из крупных нохчмохкоевских обществ как по территории, так и по численности располагалось на левобережье р. Ясса и граничило на западе с Ялхой-Мохк, на севере с Ишхой-Мохком, на востоке с Билтой, на юге с Шона и Сесана. Этимологию «Iаллара» производят от ченского «зимовье» (или летовка), в целом, место долгого пребывания скота («Iайла» близко к тюркскому «яйла/джайла» в том же значении). Легенды говорят о появлении здесь эпонима Аллериша (в другой версии Iалла) из Нашахи «лет 600 тому назад».

Помимо головного селения, общество включало в себя аулы, основанные аллеройцами (к которым подселялись выходцы и из других ближних обществ) не позже конца XVIII в.: Мескеты (традиция говорит о заложении села в XVII, а то и в XVI в.), Соганты (Сугунта), Гансолчу, Исай-юрт и др.

Согласно А. Сулейманову в позднем средневековье, до принятия ислама, близ аула Алларой, возможно, находилась некая христианская церковь или часовня. Однако с учетом близости общества к рано исламизированной плоскости и деятельности шейха Берсана значимые в Нохч-Мохке аллеройцы рано приняли ислам и в свою очередь распространяли его дальше.

Самоуправление осуществлялось советом старейшин и народными собраниями. Вместе с тем отдельные крупные села общества (например, Мескеты, где каменная мечеть появилась в XVIII в.) с складыванием джамаатов могли достигнуть статуса самостоятельного общества.

Аллеройцы приняли самое широкое участие в освоении плоскости, где создали несколько одноименных аулов по рр. Басс и Мичиг, а также расселились кварталами в Шали, Курчалое (равнинный), Бачи-Юрт, Цоцин-Юрт, Гелдаган, Майртуп, Верхний Наур, Мекен-Юрт и т.д. Осваивалось ими северо-западное (Надтеречье) и северо-восточное направление – Качкалык, Аух и кумыкские аулы[143].

Ялхой-Мохк (Ялхой). Значительное нохчмохкоевское общество, расположенное на левобережье р. Гумс, было ограничено границами общества Гуни на западе, передовой цепью Лесных (Черных) гор на севере, владениями Аллероя на востоке и обществами Эни-Кхаьлла и Шоной на юге.

Согласно этнографу А. Сулейманову, данное общество делилось на два крупных подразделения: ялхой и бийтарой[144]. Название общества ученый производит от «яла» – дань и «ялхо» – зависимый, данник. Но дело в том, что сам статус независимого общества каким был Ялхой-Мохк в исследуемый период исключал какую-либо форму зависимости от кого-либо. Местная традиция ведет происхождение топонима к числу шесть – «ялх» (легенды о шести братьях, шести дозорных и далее) и честь основания аула отдает выходцам из Нашахи. Действительно, на первый взгляд, «ялх» – это шесть, «-х(ой)» – это суффикс множественного числа.

Как известно, общество с однотипным названием существовало и далеко на западе Чечни – Ялхарой в Галанчоже. Скорее всего, топоним «Ялха/Ялхара», как и Iалларой, в том же Нохч-Мохке имеет близость с распространенным в Чечне лексическим определением открытого солнцу склона, вершины

пастбищной горы, удобных для зимовья и долгого содержания скота – «Iайла/яйла», «айлара/яйлара» и т.п. По крайней мере, есть устоявшийся термин (трактуемый как тюркский) – яйла/джайла, понимаемый как «относительно горизонтальный участок горной местности (вершинное плато), имеющий достаточное количество плодородной почвы и влаги в летнее время для выпаса скота…».

В исследуемое время жители селения и общества занимались не только скотоводством и земледелием. Так, ниже Ялхой-Мохка в приречной долине Гумса благодаря ялхойцам сложился многотайповый ремесленный поселок Жугурта/ДжугIарта («Гравийная поляна на» – от «жагIа аре та»), прославившийся выделкой особо гибких шашечных и кинжальных клинков. Известно, например, что основатель известной династии оружейников Рашидовых жил здесь с XVII в.

Расселение представителей тайпа ялхой в плоскостные аулы Чечни шло в то же время, что и остальных нохчмохкоевцев, приведя к появлению данной фамилии в самых дальних аулах Надтеречья, Качкалыка и Ауха[145].

Ишхой (Ишхой-Мохк). На левом берегу Яссы (Аксай) на самой границе лесных гор Ичкерии и плоскости располагалось общество Ишхой (Ишхой-Мохк) с центром в Ишхой-Юрте, относительно которого порой возникают споры: входило ли оно в состав средневековой «федерации» Нохч-Мохк, либо представляло собой территориально самостоятельное общество.

Ишхой обозначало свою границу на западе по р. Мичиг, на севере с качкалыковским обществом Герзель-Аул, на востоке она шла по течению Аксая (на правом берегу которого начиналось Ауховское общество), а на юге земли Ишхоя граничили с аллероевскими аулами.

Возможно, топоним Ишхой восходит к тюркскому форманту «ишха» – внутренний. Легенды же говорят об эпониме Ишха, являвшемся братом Айти (основатель Айт-Кхаьлла). На южной границе Нохч-Мохка возвышается короткий хребет Ишхой-лам (ответвление Андийского хребта), есть также в горах Ичкерии расположенные значительно выше и южнее Ишхой-Юрта поселения – Ишхой-кIотар и Бетти-Мохк. Есть также непроверенные данные и о селении Балч-Эвла («балу» – воск, медовые соты) в границах родового селения.

Жители Ишхой-Мохка в рассматриваемое время преимущественно занимались земледелием, скотоводством и торговлей – через аул проходила вглубь Нохч-Мохка дорога-отвлетвление с т.н. Османовской дороги (соединяла Дагестан с Черкесией и Крымом), шедшей на данном участке по скату Качкалыковского хребта. Соответственно общество рано приняло ислам через дагестанских (кумыкских) миссионеров. Также близость к плоскости и важным торговым центрам Кумыкии – аулы Аксай и Эндирей – предоставляли ишхойцам в том же XVIII в. важные торгово-хозяйственные преимущества[146].

Между течением Яссы (Аксай) на западе, Ишхоем и пограничными аулами Ауха на севере, бассейном р. Йарксу (Ярык-Су) на востоке и Андийским хребтом на юго-востоке и юге располагались с юга на север общества: Бена, Зандак, Гендаргеной, Энгеной, Сесана и Билтой.

Бена (Беной). Самое крупное по территории общество Нохч-Мохка Бена располагалось в верхней (южной части) региона в бассейне широко разветвленного притока Яссы – р. Бена-Ясса. Оно граничило на западе с обществами Харачой, Белгатой и Цонтарой, на севере с Энгеной и Гендаргеной, на востоке с Зандака. На юге граница шла по Андийскому хребту, за которым располагались аулы Андийского общества Нагорного Дагестана.

Как известно, аналогичные топонимы Бена/Биен встречаются в том же Нохч-Мохке (Кюйр-Бена), по течению Чанты-Аргуна (Беной) и в обществе Нашаха (Бена-кха) и далее, а всего их в Чечне насчитывается до 20. Этнограф А. Сулейманов полагал, что данное название не связано с «бен» – гнездо. К. Чокаев считает, что этимология «Бена» восходит к языческому божеству Бейна. А. Вагапов выводит данный этнотопоним из древних индоевропейских значений «белый, красивый» или из арабского «баян» – красноречивый. Историк Д. Хожаев выводил предков беноевцев из Сирии. Народные предания говрят о происхождении беноевцев от выходца из Нашахи переселившегося сюда лет 800 назад. Скорее всего, значение данного названия общества надо искать в древнем пласте восточнокавказских (например, урартских и нахо-дагестанских языков). Так, мы знаем, что «Бийани(-ли)» являлось самоназванием центральной области горного царства Урарту и дореволюционный лингвист М.К. Туманов связывал с урартским этнотопонимом именно чеченский тайп Беной.

Как бы то ни было территория общества была заселена не позже эпохи ранней бронзы и, к исследуемому периоду здесь находилось центральное поселение Беной и более десятка аулов и хуторов, входящих в данное общество: Оси-Юрт, Ожа-Юрт, Кюрен-Бена, Гуржийн-Мохк, Пхачу, Ола-Мохк, Денги-Юрт, Ломк-Арц, Стерчийн-Керташка, Булгат-Ирзу, Чилла-Кажа и др. Поселение Пхьачу («пхьа» – древнейший термин поселения в чеченском языке), расположенное в 2-х км к северу от аула Бена, представляет особый интерес, т.к. его считают своим «родовым» не только бенойцы, но и соседние общества Гендарген и Энгеной.

Вследствие своей многочисленности фамилия Беной делилась на ряд крупных подразделений – «гар», носивших имена своих эпонимов: Онжби-некъе, Ати-некъе, Гуьржмахкахой, Доьвши-некъе, Жоби-некъе, Очи-некъе, Iасти-некъе, Чопал-некъе и Эди-некъе. В свою очередь, все они дробились на более мелкие направления, к примеру, Жоби-некъе делилось на Жапар-некъе, Джонха-некъе, Iиски-некъе, Шаци-некъе и ЛитIи-некъе.

По преданиям, общество Беной приняло ислам весьма рано – еще при жизни шейха Берсана, который был женат на представительнице общества Беной. Хотя отдельные семьи общества (например, некий Хурсул) были мусульманами уже в середине XVI в. В свою очередь, беноевцы активно участвовали в укреплении ислама во всем Нохч-Мохке. Потому бенойцам была свойственна высокая религиозность и здесь рано произошел переход от самоуправления посредством совета старейшин и народного собрания к джамаату (мечетским собраниям), возглавляемым религиозными авторитетами.

Рис. 18. Беной-мохк Восточной Чечни (совр. фото)

В обществе издревле и с равным успехом занимались земледелием и скотоводством, весьма рано беноевцы освоили нефтедобычу из естественных нефтяных выходов, имевшихся на их территории (здесь сохранился топоним «Мяхкдяттанан ин» – ущелье, где есть нефть). Аул «Баян, где находится нефтяной колодец» упоминался в арабоязычных источниках не позже XVII в. Более того, беноевская нефть распространялась как торговый продукт не только в Нохч-Мохке, но и в соседнем Дагестане. Так, видный исламский ученый Дагестана первой половины XIX в. Абдурахман Казикумухский писал, что дома андийцев традиционно освещаются сырой нефтью. А получать ее они могли только у ближайших соседей беноевцев.

Несмотря на относительное обилие земель, беноевцы испытывали перенаселение и мигрировали на равнину, главным образом в аулы по Сунже и ее

притокам. В частности, беноевцы не позже первой половины XVIII в. основали на правом берегу Аргуна большое селение Малые Атаги (имело второе название Беной-Юрт), немало переселилось их в Надтеречье, Качкалык и даже в кумыкские аулы. В целом эта огромная община в XVI–XVIII вв. сыграла серьезную нациеобразующую роль в становлении и развитии собственно Нохч-Мохка, а позже и всей равнинной Чечни[147].

Зандак (Зандакъа). Нохчмохкоевское общество, мало уступающее по размерам территории соседнему Беною, располагалось на отрогах гор региона в верхнем бассейне р. Йарк-су, занимая, как и соседний Аух, самые восточные пределы распространения чеченского этноса и собственно страны Чечни в целом.

Общество Зандак на западе граничило с Беной и Гендаргеной, на северо-западе и севере с Билтой, на северо-востоке и востоке с Аухом, на юге его отделяли от дагестанского общества Гумбет (Мехельта), высокие отроги Андийского хребта.

По одним данным название общества произошло от собственного имени Зана и слова «дакъа» (участок), то есть Зандакъа – «участок земли Зана». Эпоним тайпа Зана в свою очередь пришел сюда 800 лет назад из верхнеаргунского общества Майсты. На деле же эти земли были густо населены, по крайней мере, в эпоху ранней бронзы, а характерные памятники древности позволили ученым выделить Зандак как центр Зандакской культуры поздней бронзы и раннего железа. Кроме того, в чеченском языке есть термин «зана» – вид пшеницы, а в персидском «Сандаха или Зандаха… – *отборные* (*воины*), *испытанные* (*воины*)».

В составе общества находились головное селение Зандак, а также Байтарки, Гилян (Гилны), Даттах, Зандак-Ара (поляна), Кешана, Мажгара, Симсир, Татай-Хутор, Чеччел-Юх (Чечель-Хи), Чурч-Ирзу и многие хутора. В свою очередь некоторые крупные селения Зандака в исследуемый период, возможно, находились на стадии превращения в самостоятельные общества, как, к примеру, Байтарки, Гилны и Даттах. Самыми крупными подразделениями большой зандаковской фамилии являлись ЗагIаш-некъе (Аьрзин-некъе), ГIовтакъин-некъе (ГIойткъа-некъе), ГIадалан-некъе (ГIурма некъе), Бе-некъе (Баци-некъе), Ле-некъе (Гюрже-некъе), Ментиг-некъе.

Занимая весьма выгодное географическое положение, зандаковцы рано оказались на перекрестке внутригорских торговых путей, а также соединенными через дружественный Аух с торговыми центрами Кумыкии (Аксай, Эндирей и др.). Помимо продукции земледелия, скотоводства и садоводства Зандак поставлял на рынки и ремесленную продукцию.

Выселение на плоскость многочисленные зандаковцы начали в числе первых – они были первопоселенцами большей части надтеречных аулов

XVIII в., основывали аулы на плоскости по рр. Джалка, Мичиг, Мартан и Фортанга, далее до Ингушетии. Начиная с XVI в. они целыми кварталами заселили аулы Ауха и Кумыкской плоскости. Поэтому проникновение ислама в данное общество началось ранее XVII в., возможно до начала миссии шейха Берсана.

Будучи широко представлены на Чеченской плоскости, зандаковцы сыграли свою значимую роль в истории Чечни[148].

Гендаргеной. Данное общество, небольшое по территории, располагалось на левом берегу Яман-Су в окружении земель Энгеноя с запада, Билтоя с севера и востока и Беноя с юга. По одним преданиям основателями общества считаются два брата – Гендар и Гуно и сестра Курчала. Впоследствии Гуно и Курчала отселились на запад Ичкерии. Рассказывают и о некоем выходце из Сирии по имени Гундерген. По другим легендам Гендар имел одного брата Бено, который и основал одноименное родственное общество.

Орошенная притоками р. Гендаргенхи (впадает в Яман-Су) земля аула и общества Гендаргеноя благоприятствовала развитию зернового хозяйства; в пределах общественной территории находился и природный соляной источник, где выпаривалась поваренная соль – «Биераме». В плане общественного самоуправления Гендаргеной было самостоятельным, но в политическом отношении находилось в тесном союзе с Беноем и Энгиноем.

Выселение на плоскость резко выросших в числе к концу XVIII в. гендаргенойцев шло в союзе с бенойцами, но несколько позже и главным образом на запад Чеченской равнины[149].

Энгеной/Энганой. Небольшое нохчмохкоевское общество располагалось на правобережных притоках р. Яссы (Аксай) на склоне хребта Тергандукъ, гранича на западе с Гордалой, на севере с Сесана, на востоке с Билтой и Гендаргеной, на юге с Беноем.

Согласно преданиям энгеноевцы имели древнее родство по происхождению с беноецами, гордалоевцами и гендаргеноецами, а также поддерживали связи с общинами селений Чеччалхи и Даттах, принадлежащих к Зандакскому союзу. Тайп Энгеной делится на 8 «ветвей»: Беси-некъе, Лежиг-некъе, Жаммарза-некъе, Баций-некъе, Ябалкх-некъе, Илес-Хаджи-некъе, Паншанекъе и Денгиз-некъе.

Процессы исламизации и миграции на плоскость в среде энгеноевцев происходили в те же хронологические рамки, как и у соседних обществ Нохч-Мохка. Следует отметить, что энгеноевскую общину отличала высокая религиозность, из их среды впоследствии вышли несколько выдающихся шейхов Чечни[150].

Сесана (Саясан). Общество располагалось в сузившемся междуречье Яссы и Яман-Су в окружении обществ: Гордалой и Шоной на западе, Аллерой на севере, Билтой на востоке и юго-востоке и Энгеной на юге.

Относительно названия общества и одноименного аула определенных данных нет, единственно лингвисты полагают, что название местности «Сесана» объясняется через «тюрко-монгольское *сайсан//сайхан* ‘красивый, прекрасный’ (ср. узбек. *сайхон* ‘местность с чистым воздухом’, халха-монг. *сайхан* ‘красивый, прекрасный’). В то же время «сасан/саса» с монголобурятского означает «урочище».

Жители довольно древнего поселения предположительно считали себя в родстве с такими чеченским фамилиями, как: белгатой, билтой, садой и чунгрой, а политически они были связаны с ближайшими обществами Билтой и Аллерой, через земли которых в XVI–XVIII вв. осуществлялись их связи с плоскостью. Делилась фамилия сесанхой на 5 подразделений – Тунжхан-некъе, Оьспан-некъе, Селимхан-некъе, Арби-некъе и Олкъан-некъе.

Исламизация сесаной проходила в тех же хронологически рамках, что и во всем нохч-мохкоевском регионе. Выселение их на плоскость отмечено как в западном, так и в северо-восточном направлении. По некоторым данным, в некоем родстве с представителями Сесана находился великий богослов и воин Ташу-Хаджи, выходец из аула Эндирей (Кумыкия)[151].

Билта (Билтой). Общество, значительное по площади и народонаселению, располагалось в бассейне течения рек Ясса и Яман-Су. Значительно вытянутое с юга на север Билта граничило на западе с Энгана, Сесана и Аллероем, на севере с Ишхоем и с ауховским Бильта-Аулом, на востоке с Аухом и Зандаком, на юге также с Зандаком и Гендаргеноем. Следы заселения человеком в границах Билтоя наблюдаются здесь с эпохи ранней бронзы.

По мнению лингвистов, толкование Билта может быть «сближено с греч. belt- ‘хороший, отличный; доблестный, храбрый; благородный’, представленным в словах beltion ‘лучше, благороднее, доблестнее’, beltatos//beltistos ‘лучший, отличнейший’, beltiston ‘аристократия, знать’. Есть еще указание на то, что в осетинском языке (содержащем и нахские лексемы) Билта означает тип урочища с высокими обрывами и выступами[152]. Интересное толкование предложил С.Д. Гаев, который указывает на наличие в родном для него обществе Нашаха топонима БилтогIи, которое расшифровывает как «Билгал яьлла тогIи (выявленная, [определенная] приречная поляна)». Именно отсюда как бы билтоевцы и переселились в Нохч-Мохк.

Билтой включал в себя, кроме головного аула Билта (имевшего свое древнее святое место – Ерди тIе), селения Хьочен-ара, РогIа-кIажа, Айтин-Мохк, Чурча-ирзе, Була/Булан-хитIа/Балансу («Зубра или оленя источник»?), Ишхой котар, Мехкаш-тIехьа, Замай-Юрт и множество мелких хуторов. Некоторые из указанных селений к XVIII в. имели вполне самостоятельные общины. Так, древнее селение Балансу построило первую каменную мечеть в 1723 г. Соответственно здесь существовал ответственный джамаат; сюда подселялись представители других тайпов и даже других народов (кумыки и андийцы).

По преданиям билтоевцы были в родственных связях с Белгатоем, Ишхоем и другими нохчмохкоевскими фамилиями. В политическом плане они были наиболее близки с Аухом и Аллероем, Беноем и Зандаком.

Довольно рано пройдя этап исламизации, билтоевцы еще в XVII в. начали процесс выселения как на Чеченскую, так и на Качкалыковскую и Кумыкскую плоскости, где основывали однофамильные селения или создавали «фамильные» кварталы («куп» и «юкъ»). К началу XIX в. билтоевцев наблюдают и в Малой Кабарде.

В русских документах Нохч-Мохк под именем «Мичкизы/Минкизы» упоминается, по крайней мере, с 1587 г. В числе «новоприбылых земель» этот район назывался Москвой в 1594, 1614 и в других годах. «Мичкизы» рано появляются и в числе жителей Терского города, по крайней мере, в 1614–1615 гг.

В 1647 г. русские и горские служилые люди были в «Мичкизах» и привезли следующие данные: «А начальных де у них людей над ними в Мичкизской земле нет, владеет всяк сам с собою и всего их владенья тридцать шесть кабаков и из тех кабаков сядет их на конь три тысячи человек боевых людей… мичкизские люди прислали в Терской город людей своих выборных лутчих… Муралея с товарищи четырех человек»[153].

Если в 1647 г. мы имеем в Нохч-Мохке 36 селений с 3000 дворов по минимуму (исходя из расчета, что 1 воин выставлялся от 1 двора). Однако с учетом того обстоятельства, что речь идет о «конных», то 1 всадник мог быть выставлен, скорее всего, от нескольких дворов (во времена имамата Шамиля конный воин выставлялся даже от 10 дворов). Предполагается, что природно-физические возможности Нохч-Мохка (общая площадь довольно пологих хорошо орошенных пространств до 1 тыс. кв. км) в XVI–XVIII вв. позволяли прокормить минимум 40–50 тыс. человек. Но к концу XVIII в. население региона резко уменьшилось. Русский автор 1804 г. прямо говорит, что в Ичкерии «малых деревень до 50», а «число вооруженных простирается до 2000 человек». Но это уменьшение абсолютно объяснимо: по меткому замечанию Р.Ф. Розена (первая треть XIX в.) «ичкеринцы дали начало всем чеченцам, поселенным по Сунже и другим рекам на равнинах», причем первоначально именно через прямое переселение.

Имевшая высокую цифру осадков и относительно благоприятный для земледелия и садоводства почвенный состав Ичкерия отличалась от остальной части горной Чечни несколько большим удельным весом земледелия и садоводства в традиционном хозяйстве, как и, например, широким использованием системы «ирзу» – расчисткой участков в лесу для использования под злаковые и огородные культуры. По их истощению окультуривались новые участки[154].

Кроме того, ичкеринцы славились производством холодного оружия, изделиями из дерева и практиковали добычу нефти. Арабоязычные источники

Дагестана XVII в. использованные А.-К.А. Бакихановым прямо упоминают «Мичикич» и селение «Баян (Беной. – Я.А.), где находится нефтяной колодец…»[155]. Нохчмохкоевские общества, прилегающие к крупному Андийскому обществу (населенным андийским народом), исторически долгое время предоставляли своим соседям лес, зерно и нефть в обмен на ремесленные изделия. Более того, андийцы зимой перегоняли свои стада в некоторые районы Ичкерии, арендуя годные участки (Iайла, яйла) для зимнего выпаса[156].

Особенностью Нохч-Мохка и Восточной Чечни в целом в отличие от центральной и западной части горной Чечни, надо полагать, являлось отсутствие здесь, за малым исключением, каменных жилых строений и фортификационных сооружений. Вместе с тем, отдельные топонимические данные говорят о наличии здесь в прошлом нескольких сторожевых и оборонительных башен – гIала, построенных из камня и дерева[157].

Рано познакомившись с феодальным укладом через своих дагестанских соседей, Нохч-Мохк (Страна нахчоев) сохранял, тем не менее, в исследуемое время патриархально-крестьянский общественный уклад, управляясь «сами собой» через старшин и народные собрания. Нохч-Мохк составлял своеобразную федерацию «вольных обществ», о которых было сказано выше. Скрепляющим единство края факторами было наличие единого адата - свода неписаных законов и авторитетного регионального органа – Мехк-кхел (Совет, Суд страны) периодически собиравшегося на горе Кхеташон-корт (Гора собрания) у сел. Цонтарой[158].

Ряд ссылок в литературе на легендарные предания о якобы подданнической зависимости «Мичкизской земли» от тарковского шамхала[157] и кумыкских князей либо от хунзахского (аварского) хана, о чем говорят различные фальшивые притязания вдов ханов первой трети XIX в., не находят ни документального, ни косвенного подтверждения. Единственно имеют место быть факты выпаса скота за плату на горных пастбищах Дагестана и участие на союзнической основе местного ополчения в военных мероприятиях горских князей Салтан-Магмута Эндирейского и гумбетовского Турлова-князя в первой четверти XVII в.[160]

Важной вехой в истории национальной консолидации всей Чечни, начало которой, безусловно, было положено и в Нохч-Мохке, можно считать раннее принятие ислама. Так, в непосредственном соседстве с Нохч-Мохком в предгорно-плоскостном Аухе, в с. Гачалк обнаружены мусульманские захоронения, датируемые XVI в. Уже в первой четверти XVII в. «мичкизы» участвуют в военных мероприятиях мусульманских горских князей, а в 1648 г. готовы принести терским воеводам «шерть» (клятву) на Коране[161].

Народная традиция возводит начало ислама в Нохч-Мохке к некоему проповеднику Термолла (возможно, жившему в XVI в.): «Местные предания от-

носят начало ислама в Нохч-Мохке к рубежу XV–XVI вв., когда сюда явился проповедник Термаол (Термол): «Окружив себя усердными последователями, Термаол начал смелее производить обращение (в ислам. – Я.А.) и убивал противящихся…». Его могила находится, согласно некоторым данным, в селении Эна-Кхаьлла.

Полное и бесповоротное утверждение ислама во всей Восточной Чечне, как уже указывалось, традиционно относят к деятельности шейха Берсана из общества Курчалой (не позже первой трети XVII в.). При этом есть неясность в том, была ли связана его деятельность с собственно принятием ислама или же с его утверждением в Нохч-Мохке в суфийской трактовке. По данным И.М. Попова, Берсан получил право благодати шейха из рук убитого им аварского шейха Гада, который «именем Аллаха завещал ему силу… [своего] слова…»[162].

Шейх Берсан – реальное историческое лицо, его могила пользуется почитанием и находится в Нижнем (горном) Курчалое. Арабоязычная надпись на камне относится по своему стилю к XVII в. и гласит: «Здесь [покоится] Берсан»[163].

Начиная, по крайней мере, с середины XVII в. ичкеринцы-мичкизовцы составляют основную массу, заселявшую Сунжу и низовье Аргуна, речные долины Яссы (Аксая), Яман-Су, Ярык-Су и Акташа (включая Кумыкскую плоскость). С начала XVIII в. нохчмохкоевцы от Беноя до Эгишбатоя в массовом порядке (тысячами) осваивают нижнюю часть р. Мичиг, Качкалыковский хребет и Качкалыковскую плоскость, а с конца указанного века еще и Притеречье[164]. Потому-то региональный этноним «нахчой/нохчи» и стал нарицательным, обозначая все нахское мусульманское население Чечни.

Таким образом, Нохч-Мохк (Ичкерия, Мичкизская земля), пожалуй, самая крупная самоуправляющаяся федерация обществ-«республик» Чечни, в течение XVI–XVII вв. наращивает свой политический и хозяйственный потенциал на Северо-Восточном Кавказе, а затем в течение второй половины XVII–XVIII вв. «растрачивает» демографические силы региона в процессе реконкисты. Массовое расселение ичкерийских фамилий на плоскость в западном, северном и северо-восточном направлениях (в тот же период шел выход на плоскость и горцев из аргунских и галанчожских ущелий, но в меньших масштабах) совершилось в исторически короткие сроки. Все это заложило по существу основу формирования нового облика страны и его этнического лица, придало серьезный импульс складыванию единой чеченской нации от Кабарды до Дагестана.

---

[1] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 190; Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. С. 90–98; Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V. М., 2005. С. 467–468.

[2] См.: Архив Института рукописей им. К. Кекелидзе (Республика Грузия). Ф. ROS. Д. 174. Л. 1–2; Сигаури И.М. Указ. соч. С. 468.

[3] Сигаури И.М. Указ. соч. С. 476.

[4] См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613. М., 1888. С. 128; История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1. Грозный, 2006. С. 385–386.

[5] Сулейманов А. Указ. соч. С. 141.

[6] См.: Архив Института рукописей им. К. Кекелидзе (Республика Грузия). Ф. POS. Д. 174. Л. 2; Сулейманов А. Указ. соч. С. 141–142; Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004 С. 302–306.

[7] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 190–191; Ее же: Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 141, 150; Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Перевод Т.К. Шафрановской. Ред. Ю.Ю. Карпов. СПб., 2002. С. 243.

[8] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 98; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 140–143; и др.

[9] Иванов М.А. В горах между рр. Фортангою и Аргуном // Записки КОИРГО. Т. 17. №1–4. Тифлис, 1904. С. 51–52; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963; Сулейманов А. Указ. соч. С. 98–103; Схематическая карта горной территории Чечено-Ингушской АССР (западная часть). См.: Русин В.А. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. 2-е изд. Нальчик, 2008. Фронтиспис. С. 87, 231.

[10] См.: Шавхелашвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 40; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. С. 172–178, 183; Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и начале XX в. Тбилиси, 1990. С. 13–14; и др.

[11] См.: Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640 / Сост. М. Полиевктов. Тбилиси, 1937. С. 118; Маргошвили Л.Ю. Указ. соч. С. 223–229; Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 38–47.

[12] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 148–150; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года. Раздел VIII. Владикавказ, 1885.

[13] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 103–120; Ильясов Л. Указ. соч. С. 332–333.

[14] Иванов М.А. Указ. соч. С. 54–55; На территории Терлоя было сооружено много сложных каменных строений – башни, замки и т.н. «полубоевые» жилые башни (гIала) в 5 этажей. Первая каменная мечеть была построена в XVIII в. – Данные А. Мусаева и М. Гешаева.

[15] Сулейманов А. Указ. соч. С. 104–105.

[16] Возможно, что «под именем горных кистинчит» терлоевцы проходят и позже. См.: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII вв. Сб. док. / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 42.

[17] Отметим, что на востоке Чечни в Нохч-Мохке также имеется общество Дишни никак не связанное с вернеаргунским обществом.

[18] Сулейманов А. Указ.соч. С. 120–127.

[19] Там же. С. 159.

[20] Там же. С. 159–166; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года. Раздел VIII.

[21] Согласно данным начала XX в. в Итум-кале до середины XIX в. стояло свыше 12 боевых башен. За ветхостью они были проданы на постройку расположенного за рекой царского

укрепления Евдокимовское. См.: Иваненков С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910. С. 38.

[22] Сулейманов А. Указ. соч. С. 166–169.

[23] Наличие цифры 9 старейшин было характерно для целого ряда обществ – видимо, эта цифра была сакральной.

[24] Сулейманов А. Указ. соч. С. 169.

[25] См.: Русско-чеченские отношения… С. 205–207; Анчабадзе Ю.Н., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVII. Народы Кавказа. Кн. 1. М., 1993. С. 76–77.

[26] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 243.

[27] Сулейманов А. Указ. соч. С. 183–188; По данным 1883 г. поселения Дзумса насчитывали от 4 до 26 дворов, с средним числом жителей 5–6 человек на двор. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года. Раздел VIII.

[28] Сулейманов А. Указ. соч. С. 127–136.

[29] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 136–141; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Владикавказ, 1885. Раздел VIII.

[30] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 97, 120; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 20.

[31] Сулейманов А. Указ. соч. С. 194–199.

[32] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 199–201; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[33] Русско-чеченские отношения… С. 207.

[34] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1155. Л. 62.

[35] Встречается и мнение, включающее общество Садой в состав федерации Нохч-Мохка, соседнего Чеберлою с северо-востока.

[36] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 249–261; Ильясов Л. Указ. соч. С. 340; На современной топографической карте Чеченской Республики отмечены также развалины Тарсен-аула, Пари-аула и Ихороя.

[37] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 250; Материалы форума: [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kavkazchat.com/shonpost.php? p=2560621&postcount=7.

[38] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала, 2006. С. 69–70.

[39] Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Известия арабоязычных документов XV–XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – нач. XX в.). Тем. сб. статей. Грозный, 1982. С. 66–67.

[40] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 220–220 об.; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 65–65 об.

[41] Сулейманов А. Указ. соч. С. 216–219; По данным от 1883 г., в Сандухое насчитывалось 45 дворов с 370 жителями. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[42] Селение Кесалой в 1883 г. насчитывало 37 дворов и 170 жителей. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[43] Сулейманов А. Указ. соч. С. 236–238; В 1883 г. Хуланда насчитывает 58 дворов и 250 жителей. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[44] Сулейманов А. Указ. соч. С. 221–224.

[45] Сулейманов А. Указ. соч. С. 224–228; В 1883 г. в Шарое насчитывают 153 двора и 620 жителей. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[46] Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. С. 15.

[47] Сулейманов А. Указ. соч. С. 228–230; По данным 1883 г. в Цеси насчитывалось 19 дворов и 79 жителей. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[48] Сулейманов А. Указ. соч. С. 238–240; По спискам 1883 г. аул Хакмадой насчитывал 87 дворов и 200 жителей, а Хашельдой 24 двора и 175 жителей. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[49] Сулейманов А. Указ. соч. С. 240–242; В 1883 г. в ауле Химой имелось 66 дворов с 437 жителями. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[50] Ильясов Л. Указ. соч. С. 349.

[51] Сулейманов А. Указ. соч. С. 242–243; Данные 1883 г. указывают на наличие в селении Кири 20 дворов и 125 жителей. – Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му январю 1883 года. Раздел VIII.

[52] Сулейманов А. Указ. соч. С. 244.

[53] Сулейманов А. Указ. соч. С. 244–245.

[54] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 50.

[55] Магомедов Р.М. История Дагестана. Учеб. пособие. Махачкала, 1998. С. 101–102.

[56] Там же. С. 88.

[57] Там же. С. 170.

[58] См.: Иванов М.А. Указ. соч. С. 42; Сулейманов А. Указ. соч. С. 22; Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Ростов н/Д, 2005. С. 169.

[59] См.: Иванов М.А. Указ соч. С. 45–46; Сулейманов А. Указ. соч. С. 13–27. Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. С. 168–169; Основные статистические данные и список населенных мест Чеченской автономной области на 1929–1930 год. Владикавказ, 1930. С. 81.

[60] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. С. 166; Сулейманов А. Указ. соч. С. 13.

[61] Виноградов В.Б., Марковин В.И. Указ. соч. С. 50–51.

[62] Об Ингушетии и ингушах // Газ. «Терские ведомости». 1868–1878. Вып. 2. Магас-СПб., 2003. С. 166.

[63] Иванов М.А. Указ соч. С. 45–46.

[64] См.: Руско-кабардинские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 95; Русско-чеченские отношения… С. 55; Аталиков В.Т. Вайнахи в XVIII веке по известиям европейских авторов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 120; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 242–243; и др.

[65] Русско-чеченские отношения… С. 281–282 (примеч. к док. № 22).

[66] См.: Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 45–46; Бирюков А. Дела давно минувших дней // Ж. «Дош». № 4. М., 2004. С. 2.

[67] См.: Арсаханов А.А. Аккинский диалект в системе чеченского языка. Грозный, 1958.

[68] См.: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 82; Иванов М.А. Верховья р. Гехи // Записки КОИРГО. Т. 15. Тифлис, 1902. С. 283; Основные статистические данные и список населенных мест… С. 82–83; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му

января 1883 года. Раздел VIII; Сулейманов А. Указ. соч. С. 45–56; См. также карту «Аккинское общество в 60-х годах XIX в.», составленную Н.Г. Волковой (Указ. соч. С. 191).

[69] Лаудаев У. Чеченское племя // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 58; Далгат Б.К. Указ. соч. С. 40–42.

[70] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 35 об.; Иванов М.А. В горах между рр. Фортангою и Аргуном… С. 46.

[71] См.: Иванов М.А. Верховья р. Гехи… С. 288–290; Основные статистические данные и список населенных мест… С. 83; Сулейманов А. Указ. соч. С. 56–64; Об Ингушетии и ингушах // Газ. «Терские ведомости». 1868–1878. Вып. 2. С. 165; Русин Ф.В. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. 2-е изд. Нальчик, 2008. С. 90.

[72] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771. Кн. 2. Л. 188 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 157–158.

[73] Сулейманов А. определяет топоним «Аларой» как зимовье (Указ. соч. С. 319, 321), в то же время топониму «Ялхой/Ялхара» он придает значение «данники», оставляя вопрос о значении «Ялхара» открытым (Указ. соч. С. 38).

[74] См.: Иванов М.А. Указ соч. С. 275, 277; Основные статистические данные и список населенных мест… С. 82; Сулейманов А. Указ. соч. С. 38–45.

[75] Материалы форума: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vainah.org/gorum/arhive.

[76] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 241; Анчабадзе Ю.Н., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века. С. 70.

[77] РГАДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 35 об.

[78] Берже А.П. Указ. соч. С. 82; Иванов М.А. Указ. соч. С. 278.

[79] См.: Иванов М.А. Указ. соч. С. 292; Основные статистические данные и список населенных мест… С. 82; Виноградов В.Б., Марковин В.И. Указ. соч. С. 61–64; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С. 64, 66–82; Русин В.Ф. Указ. соч. С. 90.

[80] Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Ж. «Латта». Б/н. Грозный, 2002. С. 35–36; и др.

[81] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967. С. 48; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия… С. 172; Кобычев В.И. Указ. соч. С. 36.

[82] См.: Ошаев Х.Д. В сердце Чечни // Революция и горец. № 8. Ростов н/Д, 1930. С. 4; Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 229; Сулейманов А. Указ. соч. С. 64; и др.

[83] См.: Гильденштедт И.Г. Указ. соч. С. 242; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа… С. 189, 191–192.

[84] См.: Основные статистические данные и список населенных мест… С. 115; Сулейманов А. Указ. соч. С. 82.

[85] Русско-чеченские отношения… С. 42.

[86] Сулейманов А. Указ. соч. С. 86, 89.

[87] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 163, 191; Ильясов Л. Указ. соч. С. 276; и др.

[88] По крайней мере, к концу XVIII в. общество Нихалой (по существу один аул с хуторами), находившееся в союзе с Гучум-кхелл, войдет в Шатойский союз.

[89] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 226.

[90] Сулейманов А. Указ. соч. С. 203.

[91] См.: Список населенных мест Терской области к 1-му января 1883 года. Раздел VIII; Основные статистические данные и список населенных мест… С. 104–107; Схематическая карта горной территории Чечено-Ингушской АССР (по состоянию на 1.01.1941 г.) – Русин В.Н. Указ/ соч.; Сулейманов А. Указ. соч. С. 203–213.

[92] Русско-чеченские отношения… С. 15, 166–167, 183–184.

[93] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 226; Русско-чеченские отношения… С. 183.

[94] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 65–65 об.; Русско-чеченские отношения… С. 167, 202–203.

[95] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 138 об.; Русско-чеченские отношения… С. 112–113, 184; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 27.

[96] РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 65.

[97] Русско-чеченские отношения… С. 111–112, 166.

[98] Информатор Кантаев Харон, 1910 г.р. из сел. Старые Атаги Чеченской Республики.

[99] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 214–215; Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года. Раздел VIII.

[100] Информаторы: Байдаев Ахрат и Хаджиев Саламбек, уроженцы с. Дай.

[101] Мациев Эдильбек. Шаро-Аргун – земля отцов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: watchdog.cz›edit/uploaded/docs/ChOS_10.pdf.

[102] Сулейманов А. Указ. соч. С. 245–248.

[103] См.: Основные статистические данные и список населенных мест… С. 100; Сулейманов А. Указ. соч. С. 248–249.

[104] Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 55; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 243.

[105] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 9, 12 (Копия); АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 187–188; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 158.

[106] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 10 (Копия); Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 157.

[107] См.: РГАДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 36 об.; Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: в 2-х т. Т. 1, 2. / Изд. И.К. Павловой. СПб., 2004. С. 181–182; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 163–164.

[108] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 13; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 162.

[109] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII в. Т. 2. М., 1957. С. 240; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия Чечено-Ингушского республ. краев. музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 71.

[110] РГАДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 37–37об.

[111] См.: Гантемирова Г.А. Указ. соч. С. 70; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 45–46, 51; Бирюков А. Указ. соч. С. 2, 4.

[112] Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 1.

[113] См.: Бакиханов А.К.-А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926. С. 90; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 178–184.

[114] Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 148–149.

[115] Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Грозный, 1966. С. 72–73; Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 237–238; Вагапов А.Д. Словарь географических терминов чеченского языка. Грозный, 2008. С. 89–90; и др.

[116] Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Названия тэйпов Восточной Чечни // Рефлексия. №3. Назрань, 2010. С. 36.

[117] См.: Арсаханов И.Г. Чеченская диалектология. Грозный, 1969; Алироев И.Ю. Чеченский язык. М., 1999; Грамматика чеченского языка. Т. 1 / Под ред. А.И. Халидова. Грозный,

2013; Умаров С.Ц., Бадаев С.-Э.С. Заметки по средневековой этнической истории чеченцев // Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал. №. 1 (17). Ростов н/Д, 1999. С. 64–69; и др.

[118] Вагапов А. К вопросу о происхождении этнонимов «алан» и «асс» // «Вайнах». №4. Грозный, 2010. С. 78–83.

[119] Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка / Науч. ред. М.Р. Овхадов. Чеченский государственный университет. Тбилиси: «Меридиани», 2011. С. 96–97.

[120] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 1–23; Основные статистические данные и список населенных мест… С. 91–96; Сулейманов А. Указ. соч. С. 261–345; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 164; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Названия тэйпов Восточной Чечни // Рефлексия. №3. Назрань, 2010. С. 33–37; и др.

Имеются неясности с современным тайпом чартой, корни которого по одним указаниям следует искать на территории общества Аллерой, а по другим в верховьях Шаро-Аргуна (общество Шекарой), или даже в Чартали (Грузия). Те же тезакхаьллой – подразделение цонтароецев, сегодня порой указываются как самостоятельный тайп; такой же вопрос стоит и в отношении даттахой – они подразделение беноевцев или гордалоевцев, или же самостоятельны.

Более определенная ситуация с тайпом бийтарой из аула Гилны (Гиляны), некогда входившего в общество Зандак. Сегодня бийтарой считаются самостоятельным подразделением. Вместе с тем, возможно, что образование подобных «новых» тайпов не относится к тому периоду истории Чечни, который рассматривается в настоящем томе.

[121] Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 37.

[122] См.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XVвв.). Махачкала, 1969; Курбанов Руслан. Второй этап распространения ислама в Дагестане. Джамааты и махары // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. islam.ru/pressclub/bistori… С. 2 (из 8).

[123] См.: РГАДА. Ф. Кизлярский комендант. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 6. Л. 2; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 2–6 об; Попов И.М. Указ. соч. С. 3–6; Сулейманов А. Указ. соч. С. 270–276; Твердый А.В. Топонимический словарь Кавказа. Ст. 1341, 1345 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/272071/; chechenia.8bb.ru›viewtopic.php?id=648; и др.

[124] Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 36; [Электронный ресурс]. Режим доступа: liveinternet.ru›users/5114887/post269188172/; names.neolove.ru›Значение фамилии›Ча› CHermak.html.

[125] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 15–16; Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. Сн. XIV; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 183–184; Сулейманов А. Указ. соч. С. 266; Гарсаев Л.М. История образования родового села тайпа Чермой Махкеты // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. V. Владикавказ, 2014; [Электронный ресурс]. Режим доступа:chechenia.8bb.ru/viewtopic.php? id=652; ok.ru/group/50800555524165/topic/62122585841733; и др.

[126] См.: Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк) //Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870. С. 14; Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Уд, 1969. С. 101; Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. С. 263–265; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Названия тэйпов Восточной Чечни // Рефлексия. №3. Назрань, 2010. С. 37; Гарсаев Л.М. Этническое общество Элистанжой // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. V. Владикавказ, 2014; Твердый А.В. Топонимический словарь Кавказа. Ст. 1715, 1716; [Электронный ресурс]. Режим доступа: BudetInteresno.info›.Топонимика слова Элистанжи; и др.

[127] Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур: Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. 2-е изд. Элиста, 2010.

[128] См.: Давлетшин Г**.** Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа**.** Казань, 2004. С. 268–269; Чеченско-русский словарь / Сост. З.Х. Хамидова. М., 2014. С. 101.

[129] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 19–20; Сулейманов Ахмад. Указ. соч. С. 293–294; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 33; Джамилев Т.-А. История села Белгатой // [Электронный ресурс]. Режим доступа: BankGorodov.ru›place/inform.php…; и др.

[130] См.: РГАДА, Ф. Кизлярский комендант. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 6. Л. 2; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1, Л. 2–6 об; Попов И.М. Указ. соч. С. 2. Чокаев К.З. Вайн мотт – вайн истори. Грозный, 1991. С. 69; Сулейманов А. Указ. соч. С. 276–279; [Электронный ресурс]. Режим доступа: ru.wikipedia.org›Дишний (тейп); gansdog.moy.su›publ/dishni_dyshni_dishnij/1-1-0-18; и др.

[131] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 9, 15; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 24; Сулейманов А. Указ. соч. С. 290–291; Твердый А.В. Топонимический словарь Кавказа. Ст. 1733; [Электронный ресурс]. Режим доступа: vk.com›topic-49730303_28865146; https://www.facebook.com/Ersanoy; и др.

[132] См.: РГАДА. Ф. Кизлярский комендант. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13.Ч. 6. Л. 2; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 2–6 об; Ипполитов А.П Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 4–5; Попов И.М. Указ. соч. С. 11–12; Сулейманов А. Указ. соч. С. 291–292; Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни. Вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века. Нальчик, 2009. С. 243; Твердый А.В. Топонимический словарь Кавказа. Ст. 1700 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…

[133] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 17; Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 238, 244–246; Чокаев К.З. Указ. соч. С. 70; Сулейманов А. Указ. соч. С. 300–313; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 36; Абумуслимов А.А., Абумуслимова А.С. Краткий очерк истории села Центарой (ЦIоьнтара) Ножай-Юртовского района Чечни // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. VI. Владикавказ, 2014. С. 226–244; [Электронный ресурс]. Режим доступа: ru.wikipedia.org›wiki/Цонтарой; tevzana.ru; и др.

[134] Попов И.М. Указ. соч. С. 18–19; Сулейманов А. Указ. соч. С. 298–300; Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008. С. 10–11; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 20, 35–36; Акаев В. Первый проповедник ислама из числа чеченцев (об утверждении ислама в Чечне Берса-шейхом) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: j-vaynah.ru›vahit-akaev…pervyj-propovednik-islama…; [Электронный ресурс]. Режим доступа: BudetInteresno.info›Базу по топонимике Кавказа›tverdiy/perevod_1451.html; и др.

[135] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 20; Сулейманов А. Указ. соч. С. 313–314; Чокаев К. Указ. соч. С. 69; Гарсаев Л.М. Этническое общество Гордалой (ГIордалой). Историко-этнографические заметки // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. VI. Владикавказ, 2015; История с. Гордали // [Электронный ресурс]. Режим доступа: gordali.3dn.ru›news/istorija_s_gordali/2011-09 23…; nohchalla.com/oblasti-menu/hashti-mohk.html; gordali.3dn.ru›publ/nazvanija_tehjpov_vostochnoj…; и др.

[136] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 18; Сулейманов А. Указ. соч. С. 314–315; Ширди // [Электронный ресурс]. Режим доступа: vk.com›topic-49730303_28897643; BudetInteresno.info›Топонимика слова Ширди-Мохк.

[137] Представляется, что «эрта/ерди/эрди» – одно из немногих древних воззрений, которые далекие предки чеченцев принесли на Северный Кавказ наряду с «Тушоли», «Туш-

шепа», «Ана» и др. Так, в одном из последних исследований по топонимике Урарту отмечается существование «богини Арди» и культового центра Ардини. Причем Арди, видимо, носило и нарицательное значение (божественный?) и присоединялось к именам целого ряда богов урартского пантеона. См., Арутюнян Н.В. Бийанили – Урарту. Военно-политическая история и вопросы топонимики. 2-е изд. СПБ., 2006. С. 275–276.

[138] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 12–13; Сулейманов А. Указ. соч. С. 280–289; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 35; Ибрагимов М. Что объединяет терских казаков и тейп гуно? // «Грозненский рабочий». № 34 (20816); Акаев В. Первый проповедник ислама из числа чеченцев (об утверждении ислама в Чечне Берса-шейхом) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: j-vaynah.ru›vahit-akaev…pervyj-propovednik-islama…; и др.

[139] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 18; Сулейманов А. Указ. соч. С. 318–319; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 37; [Электронный ресурс]. Режим доступа: nohchalla.com›istoriya/mikrotoponimiya-chechni/…; и др.

[140] В настоящее время Айт-Кхаьлла в результате оползней перестало существовать.

[141] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 17; Сулейманов А. Указ. соч. С. 315–317; Твердый А.В. Указ. соч. Ст. 101, 102 //[Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…; [Электронный ресурс]. Режим доступа: adamalla.com›showthread.php?t=19823; adamalla.com›showthread.php?t=19823; и др.

[142] Попов И.М. Указ. соч. С. 18; Сулейманов А. Указ. соч. С. 317–318; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 36; Твердый А.В. Указ. соч. Ст. 1649, 1650 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…; Курбанов М. Село Шуани: история и современность // [Электронный ресурс]. Режим доступа: ingushforum.ru›2012-10-20 07:10:09; и др.

[143] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 20–21; Сулейманов А. Указ. соч. С. 320–327; [Электронный ресурс]. Режим доступа: vk.com›topic-49730303_28910979; dic.academic.ru›dic.nsf/ruwiki/1317367; https://ru.wikipedia.org/wiki/Нохчмахкахойцы nojay-urt.ru›index/fotoreportazh_o_rajone/0-62; chechenia.8bb.ru›viewtopic.php?id=1012; и др.

[144] В то же время бийтарой указываются в селении Гиляны (Гилна) на р. Йарксу (Ярык-Су), которое в рассматриваемый период входило в Зандакское общество. Здесь возникают вопросы, требующие своего исследователя.

[145] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 18; Сулейманов А. Указ. соч. С. 318–320; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 152; [Электронный ресурс]. Режим доступа: ru.wikipedia.org›Яйла; ru.wikipedia.org›wiki/Джигурты; и др.

[146] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 536–538; Твердый А.В. Указ. соч. Ст. 1649, 1650 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…; BudetInteresno.info›Топонимика слова Ишхой-Юрт; и др.

[147] См.: Туманов М.К. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913. С. 27; Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1923. С. 90, 111; Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959. С. 32; Чокаев К.З. Указ. соч. С. 68; Сулейманов А. Указ. соч. С. 331–334; Хожаев Д. Роль тейпа Беной в истории чеченского народа. Грозный, 1993; Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997. С. 3; Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009. С. 22; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 34; Гарсаев Л.М. Бена и Беной // Труды КНИИ РАН. Вып. 6. Грозный, 2013. С. 330–335; Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М. Историческое общество Беной // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №3(28). 2015. С. 22–28; Твердый А.В. Указ. соч. С. 426–428 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…; www.benoytoday-chr.ru/статьи/древность-местности-бена/; и др.

[148] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 342–345; Давудов Ш.О. Северо-Восточный Кавказ на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа (Зандакская культура). Автореферат на соиск. уч. степ. докт. истор. наук. Махачкала, 2004; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 35–36; [Электронный ресурс]. Режим доступа:library.kiwix.org›wikipedia…all…2013…Зандакой.html; vk.com›topic-49730303_29389293; adamalla.com›showthread.php…; и др.

[149] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 334–335; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С.34; Твердый А.В. Указ. соч. С. 653 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…; gruzdoff.ru›wiki/Гендаргной; chechenia.8bb.ru/viewtopic.php?id=1043;идр.

[150] Сулейманов А. Указ. соч. С. 327–328; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 37; [Электронный ресурс]. Режим доступа: chechenia.8bb.ru›viewtopic.php?id=1040; gordali.wikitix.ru/; и др.

[151] Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Уде, 1969. С. 96; Сулейманов А. Указ. соч. С. 328–329: Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 36; [Электронный ресурс]. Режим доступа: **sesan**a.forum3-15.com›t4-topic; adamalla.com›showthread.php?t=93&page=19; chechenia.8bb.ru›viewtopic.php?id=1034; и др.

[152] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 335–342; Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Указ. соч. С. 34; Альбеков Н.Н. Билто – к вопросу этимологии // Lingua-universum. №1. 2014. С. 68–72; Твердый А.В. Указ. соч. С. 473 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…; Альбеков Н.Н. Краткая история села Балансу (Буланхит1а) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: uistoka.ru›149929; и др.

[153] См. о мичкизах: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сб. документов / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 15, 39, 62, 70, 91, 97, 121, 164–166.

[154] См.: Хасиев С.-М.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. Ч. 1. Нальчик, 2004. С. 24–25.

[155] Бакиханов А.-К.А. Указ. соч. С. 111.

[156] Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни / Перевод М.-С. Саидова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997. С. 3.

[157] Умаров С.Ц. Указ. соч. С. 242, 244.

[158] См.: Саидов И.М. Мехк-кхел (совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 201; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Грозный, 2002. С. 279–285; и др.

[159] Тот же Бакиханов указывал, что «нижняя часть Мичикича» входила в шамхальство и с местных аулов взимался харадж, в т.ч. «джизия в пользу Шамхала – десять кайлов [нефти] с [тамошнего] месторождения черного масла (нефти. – Я.А.). См.: Бакиханов А. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1926. С. 80; Однако реальная общественно-политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе в XVI–XVII вв. опровергает данный сюжет. Более того в союзе с Салтан-Магмумом Эндирейским мичкизы воевали с Шамхальством (см., Ахмадов Я.З. Очерк политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988).

[160] Русско-чеченские отношения… С. 70, 165.

[161] См.: Русско-чеченские отношения… С .70, 165; Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 127–128, 140–141.

[162] См.: Попов И.М. Указ. соч. С. 14–15; Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 100–101; Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008. С. 10–11; и др.

[163] Перевод надписи выполнен ученым-арабистом Т.М. Айтберовым (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН) в 1987 г.

[164] См.: Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 226; Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана. С. 284; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа… С. 178–184; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии… С. 167, 183, 184–185, 198–201; и др.

Глава IV. СКЛАДЫВАНИЕ ПЛОСКОСТНОЙ ЧЕЧНИ В XVI–XVIII ВВ.: РАССЕЛЕНИЕ, ОСВОЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ

§1. Плоскостная Чечня: от Курпа до Ярык-Су, от Карабулака до Ауха. Феодальные владения

Основной составляющей линией истории Чечни и ее народа в XVI–XVIII вв. являлась реконкиста (отвоевание) и освоение плоскостных районов края от передовой линии гор на юге (Лесной хребет, Черные горы) до берегов Терека на севере. Второй важной линией исторического процесса здесь была исламизация, послужившая духовно-идеологической основой становления нации. Эти два процесса проходили в Чечне в один хронологический период.

В плане отвоевания и освоения чеченцами плоскости – Чеченская, Качкалыковская, Надтеречная, Кумыкская (частично) и Кабардинская (частично) равнины – большое значение имеет вопрос складывания западных и северных равнинных границ Чечни в связи с формированием и развитием плоскостных обществ и владений: Нижний Карабулак (Арштхой), Гехи, Чеченское владение, Алды, Атаги, Герменчиковское владение, Шали, Мичиговское общество, Брагуны, Качкалык, Ауховское владение и общество (Окоцкая земля, Окохи), а также обществ и владений Надтеречной зоны.

Следует отметить, что территория нахской реконкисты выходила за пределы современных границ Чечни. Так, выход переселенцев из западных высокогорных и среднегорных обществ Галгай, Цори, Джейрах, Мецхал в верхнее низкогорье (1,3–0,7 тыс. м) по Камбилеевке и ее притокам (с образованием общества Ангушта на территории т.н. «Тарской долины», являющейся в реальности плоскогорьем высотой 0,9 тыс. м. над уровнем моря) состоялся, по крайней мере, в первой половине XVIII в. Во второй половине XVIII в. селения западных нахов приближаются к границе гор и плоскости по линии современных поселений Сунжа-Владикавказ. Застрельщиками миграционных процессов на Кабардинской равнине выступили выходцы из галанчожских кланов западной части Чечни (Ахки-юртовские хутора) и представители общества Онгушт/Ангушт («Онгушлерцы», «Ингуши», «Ангуштинцы»).

Становление западных границ Чечни. Проблема складывания западных границ края в предгорно-равнинных районах в XVI–XVIII вв. самым тесным образом связана с экспансией феодальной Кабарды на восток в XVI–XVII вв. и ее отступлением на запад в XVIII – начале XIX в.

Именно в XVI–XVII вв. на большом пространстве от Кабардинской равнины на западе и Кумыкской плоскости на востоке, на путях сообщения между Дербентом и Азовом, между Дагестаном и Черкессией проходивших и в т.ч. по междуречью Терека и Сунжи, через стратегически важные переправы

в районе впадения Сунжи в Терек, разворачивается борьба между двумя крупными феодальными блоками северокавказских феодалов, условно разбитых на «кабардинскую» и «дагестанскую» партии (к которой, кстати, принадлежали и «демократические» общества восточной части Чечни). В этом стратегически важном районе, позволявшем контролировать все пути-сообщения между Каспием и Причерноморьем, пытались утвердиться Турция, Иран и особенно Московская Русь, учреждая здесь крепости, остроги и казачьи городки на Терском хребте, по Сунже и Тереку.

Географические особенности равнинно-предгорной части Северо-Восточного Кавказа заключались в том, что в связи с заболоченностью Терско-Сулакского междуречья и его сложной гидрографией (огромное количество протоков и болот) все пути-дороги, ведущие из Приморского Дагестана в Терки, Астрахань и в Кабарду, неизбежно сходились как в бутылочное горлышко к району слияния Сунжи с Тереком. Аналогично пути из Кабарды и Северо-Западного Кавказа в Дагестан и Прикаспий, как проходящие по междуречью Терека и Сунжи, так и идущие степью по левому берегу Терека, должны были сойтись в указанном районе[1].

В 1567 г. на Терской косе в районе впадения Сунжи строится первая русская крепость на Кавказе, а вокруг нее возникает система сторожевых казачьих городков. Именно с этого времени в борьбу за влияние в данном районе и на северо-западных границах Чечни вступает феодальная фамилия мурз Ишеримовых (Ушаримовы), сумевшая заполучить влияние даже в Дарьяльском ущелье под боком у сильнейших кабардинских князей.

В XVII в. географическая и политическая традиция того времени относит междуречье Терека и Сунжи (в границах современной Чечни) к т.н. «Малой Кабарде». Однако никаких кабардинских поселений здесь никогда не было, и единственная попытка служилого терского князя Муцала Сунчалеевича утвердиться селениями в районе слияния двух рек под защитой Сунженского острога в середине XVII в. вызвала феодальную войну, закончившуюся победой дагестанской феодальной партии при поддержке Ирана[2].

Вместе с тем, следует учитывать, что временные поселения кабардинцев в силу полукочевого типа скотоводческого хозяйства могли распространяться далеко и от собственно Кабарды. Широко были разбросаны курганные могильники кабардинской знати (XVI–XVII вв.), на территории современной Чечни и Ингушетии они встречаются у селений Кескем, Кантышево, Назрань, Плиево, Карабулак, Бамут, Ачхой-Мартан и Нестеровская[3].

Малокабардинские аулы расселяются в районе «щелей» Дарьяльского ущелья, по направлению от Дарьяла к урочищу Мэздаку (Моздок) на Тереке, по р. Курп (впадающей в Терек выше Моздока) и у подножия Малгобекского хребта, орошаемого речкой Пседах (до 30-х гг. XVIII в.). В пределах собственно Малой Кабарды в 1744 г. насчитывалось 48 княжеских селений, из которых 12 располагались по «верхней» Сунже и в районе ее правобережных притоков Назрани и Эндерипсу (Яндери). Задолго до 1781 г., когда здесь побывал путешественник Штедер, от селений кабардинцев оставались только развалины, а стоянки князей находились намного западнее Яндери и Назрани по рр. Камбилеевка и Пседах. На картах второй половины XVIII в. в горной части течения Камбилеевки значатся ингуши, а южнее Сунжи – карабулаки и галашевцы[4].

Следует отметить, что, теряя прямое господство над землями по Сунже и Терскому хребту, кабардинские князья вступали с новыми предгорными и плоскостными селениями нахов в политические отношения, воспринимаемые первыми как «данничество», а собственно горскими аулами как взаимное соглашение, по которому княжеские дружины выполняли роль «охраны», а князья брали на себя управленческие функции и представительствовали во взаимоотношениях с соседями. В случае «неудовольствия» нахские общества меняли князей и отдавали предпочтение другим горским владетелям. Так, в середине XVIII в. подобные представительские функции в Карабулаке выполнял эндерейский князь «Аджи Муртазали», а в конце века кабардинские князья.

Документ 1757 г. подтверждает прохождение границы между Чечней и Малой Кабардой по правобережью 20-верстного притока Терека речки Курп: так чеченский князь Расланбек Айдемиров был намерен встретить в Кабарде торговый караван из Крыма и «препроводить… чрез гребню урочища Кулауса в Чечни. Оное же урочище Кулаус состоит на чеченской стороне расстоянием от р. Курпа вниз (к востоку. – Я.А.) по примеру верстах 10…». Указанный князь не только провожал караваны, но и брал пошлины с торговых людей, двигавшихся между Кабардой и Дагестаном и именно по дороге, начинающейся «от реки Курпа». Другой документ от 1764 г. утверждает, что при речке Курп «кабардинские жилища и им принадлежавшие земли оканчиваются…»[5].

В XVIII в. происходит своеобразный качественный поворот в отношениях Чечни и Кабарды, нашедший своеобразное отражение и в кабардинском песенном фольклоре: «Из Чечни приходят / И страну грабят. / Чечня издавна – / Страна враждебная…»[6]. О результатах подобной перемены написал и С.М. Броневский: «Усилившиеся набеги чеченцев с границы Малой Кабарды принудили их оставить им (присунженские и притеречные. – Я.А.) земли…»[7].

Большие (Нижние) Карабулаки. Обществу Арштхой низкогорной зоны Чечни было положено начало не позже первого десятилетия XVIII в. Возможно, что карабулаки (под именем бальсунцев) находились на границе плоско-

сти и гор и в 1732 г., когда их атаковали некие «исламские» отряды с целью утверждения ислама. В процессе реконкисты арштхойцы-карабулаки к середине XVIII в. спускаются на плоскость и в течение нескольких десятилетий осваивают территорию примерно от Ахкиюртовских хуторов (Кабардинская равнина) и района современного селения Плиево (в Ингушетии) до Серноводска (в Чечне). В документе 1762 г. было отмечено, что землями «от речки Галаша (Шалажинка. – Я.А.)… до вершин (истоки. – Я.А.) Сунжи и Ахкиюрта места… владеют… карабулатцы»[8].

Возникновение нового карабулакского общества на плоскости, которое мы условно назвали Большими или Нижними Карабулаками (в отличие от Верхних Карабулаков), было обязано выходцам из тех же кланов среднегорной зоны Чечни: цечой, галай, мержой, нашхой, аьккхой, ялхарой и др.

Так, в 1762 г. в переговорах с российскими властями из выселившихся на плоскость арштхойцев участвовали представители фамилий: «Мережиевой… Татыховой (Даттых. – Я.А.)… Чечугаевой… Мацкутаевой… Элхургалиевой (Ялхарой. – Я.А.)… Аокаевой (Аьккхи. – Я.А.)… Канбуковой». Старшины указанных «фамилий» заявили, что согласных к переселению под патронажем русских властей и кумыкского князя Муртазали-Аджи (представителя карабулаков на переговорах с царскими властями) считается 500 дворов, но есть еще 500 дворов, живущие в горах и «не согласных» к переселению на «чистые» места[9].

В других источниках численность равнинных карабулаков определяется в 200–300 дворов, а «знатнейшим» старшинским родом считается «Боко». Главным селением их называют то Боко с 40 дворами, то Фортан-аул с 80 дворами. В документах говорится также о «деревнях» Гандалоевых, Фиразовых, Бузартыевых, Кориговых и Булгучевых на рр. Аштмартан, Яндери и т.д. Есть цифра и в «100 деревень»[10], под которыми, возможно, подразумевались хутора и усадьбы.

Границы нового равнинного общества были названы в том же 1762 г. и записаны со слов их соседей гехинцев: «от Галаша (р. Шалажи – правый приток Фортанги. – Я.А.) до вершин Сунжи и до Ахкиюрта места, тако же до Малой Кабарды, под владением андреевского владельца Аджи Муртузалия состоят, которыми де владеют подвластные ево карабулатцы»[11].

Следует отметить, что и И. А. Гильденштедт (не позже 1771 г.) отмечает, что притоки Сунжи «Ашган, Валарек и Галаш» на плоскости относятся к «округу карабулаков», где они имеют «выгоны для скота», но никак не жилища. При этом надо учесть, что согласно преданиям на эту часть плоскости, в бассейне Шалажинки, претендовало и среднегорное общество Ялхарой[12].

Западная граница карабулаков по течению Сунжи ограничивалась малокабардинскими владениями, находившимися в 60–70-х гг. XVIII в. на Кабардинской равнине, и шла от Ахки-юрта на север до впадения в Сунжу рр. Назранки и Яндери. Северная граница шла вначале по правому (южному) берегу Сунжи в среднем течении, а где-то в начале XIX в. карабулаки заселяют и левый берег Сунжи. Южная граница общества проходила по подошве гор, но носила весьма условный характер, так как связь с Верхними Карабулаками была тесной.

В 1771 г. русские документы со слов очевидцев указывают, что «деревня… Большие Карабулаки» находится «на ровном месте возле гор, и в ней считаются з 200 дворов». Это селение было расположено в урочище «Карасу-Яндырь» при впадении Ассы в Сунжу – полагают современные исследователи[13].

Система управления в обществе зиждилась на власти старшин. «У них нет князей, только старшины. Они говорят на киштинском [языке] в [его] чеченском или мицшегском диалекте», – утверждал И.А. Гильденштедт. Вместе с тем, документы говорят об известной роли того же князя Муртузалия-Аджи во внешних связях карабулаков; претендовали на власть в «Карабулаках» и кабардинские князья, и некие «чеченские» (из Чеченского владения) влиятельные фамилии[14].

Видимо претензии феодальных соседей были вызваны и неопределенностью религиозного выбора карабулаков. Где-то в 70-х гг. XVIII в. один из религиозных авторитетов Северного Дагестана требовал от горских князей не нападать более на плоскостных карабулаков, так как они «стали настоящими мусульманами». Тем не менее, только к началу XIX в. карабулаки (и верхние, и нижние) «все без изъятия исповедовали магометанскую веру, имели мечети и муллов»[15]. Это обстоятельство окончательно втягивает Карабулак в этнополитическую систему Чечни.

Согласно данным, собранным исследователем Г.А. Гантемировой, традиционные отрасли хозяйства карабулаков второй половины XVIII в. находились в самом цветущем состоянии. Хлебопашество и скотоводство дополняло развитое пчеловодство[16].

Таким образом, на западной оконечности равниной Чечни сложилось динамично развивающееся объединение, поддерживающее самые тесные связи со своей горной отчизной и устанавливающее дружеские связи с равнинными соседскими общинами, исповедующими ислам.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что с выходом карабулаков на плоскость и с изобилием продуктов (связанным с усиленным занятием хозяйством), здесь происходит своеобразный демографический взрыв. К первой четверти XIX в. в «6 немирных и 19 покорных» селений чеченцев-карабулаков русские наблюдатели насчитывают 868 дворов, 8600 душ населения, 2000 пеших и 1200 конных ополченцев[17].

Гехи/Гихта – это одно из крупнейших и значительных обществ Чечни, основанное, согласно преданиям, на плоскости во второй половине XVII в. выходцами из Аргунского и Галанчожского ущелий. Этимология названия головного аула прозрачна: «Гихта/ГехитIа» («на Гехи») – селение на речке Гехи.

Границы общества заключались в следующем пространстве: на западе – между бассейном рр. Шалажи и Фортанги, на севере граница шла по течению Сунжи, на востоке – в междуречье рр. Мартан, Гойта (ГIой), на юге – по линии передовых Лесных гор.

К XVIII в., кроме Карабулака на западе, сел. Гехи граничило с Чеченским владением и Алдинским обществом на востоке, с среднегорными чеченскими обществами в верховьях Гехи и Мартана на юге, а на севере гехинцы пытались осваивать междуречье Сунжи и Терека в секторе от впадения Ассы в Сунжу до впадения Гехинки в ту же Сунжу и до урочища Наур на самом Тереке.

Кроме головного аула Гехи, на указанной территории находились и другие небольшие селения и хутора: Мозархойн-юрт, Хадизан-юрт, Альтмиран-аул, Довта-юрт, Гехичу, Чармахой-кIотар и др. Сюда надо добавить и указанное Гильденштедтом (1771 г.) небольшое село, относящееся «к Гехе» близ устья ручья «Кошни» (Рошни); в районе истоков Рошни (притока Мартана) находилось и «село Ариахки», а на притоке собственно Рошни «село Чижних». Офицер русской службы Штедер (1781 г.) указывает у подошвы гор, на р. Мартан поселение «Attain»[18].

Если в 1762 г. число дворов в «деревни Кыхы» определялось чеченским князем Расланбеком Айдемировым как «сот с восимь», то в сообщении от 1771 г. говорится о 200 дворах, а на карте Чечни конца XVIII – начала XIX в. относительно сел. Гехи приводится цифра 300 дворов[19]. По всей видимости, Расланбек вел речь о населении всего Гехинского общества.

Фамильный состав Гехинского общества складывался из галанчожских (к примеру, в документе 1783 г. названа «Нашахлыева фамилия») и нохчмохкоевских (в том же 1783 г. упоминается фамилия «Харачукова» – Харачой) кланов[20], которые рано освоили нижнее течение Аргуна и продвигались на запад, на свободные земли.

Управление в Гехинском обществе осуществлялось «тамошними старшинами и народом» (т.е. народными собраниями), которые считали себя «на самовольном положении, никакой державе и ни владению независимыми». Однако во взаимоотношениях с внешним миром, включая российские власти на Тереке, гехинцы прибегали к помощи инонациональных князей: чаще всего к аксайским (кумыкским) и кабардинским, а порой и к тем, и к другим. Так, когда в 1782 г. более сотни гехинских семей во главе с старшинами «Казия, Канбулата, Нулука, Буртакая, Козламата и Пуча» переселялись на левый берег Сунжи «против станицы Наурской», то аманатов (заложников) в знак соблюдения «верности к России» было решено отдать «в руки кабардинского владельца Девлет-Гирея Касаева» – подданного России, а для «наблюдения порядка» в новом поселении вызвался быть полезным представитель другого князя – «владельца Навруза сына Дохшуки»[21].

Чеченская народная историческая традиция говорит о трех первых чеченских селах на Чеченской равнине, возникших в XVII в., – это Чечен-Аул, Атаги и Гехи. На момент их основания все жители были мусульманами. Поэтому и общество Гехи в XVII–XVIII вв. было населено исключительно чеченцами-мусульманами, имевшими мечети и мулл.

Гехинцы традиционно занимались земледелием и скотоводством, имея для этого весьма благоприятные условия. Однако миграция горского населения и собственный демографический рост приводил к определенному земельному стеснению. В последней четверти XVIII в. выходцы из общества Гехи во главе со старшиной Кайтукой закладывают новый аул «Кулары» (ГIулар) при впадении Гехинки в Сунжу. С участием западных соседей – карабулакских «фамилий» – закладываются и другие гехинские колонии выше по Сунже, отмеченные путешественником Клапротом в 1807 г.: «Самашки, Каку-Юрт… и Заки-Юрт»[22].

В первой трети XIX в. складывается понятие «Гиххой-Мохк» (Страна гехинцев), которая охватывала пространство между рр. Мартан и Фортанга и играла важную роль в политической жизни всей Чечни, став системообразующим ядром еще более крупной области – Малой Чечни (от междуречья Аргуна-Гойты, до бассейна Ассы-Сунжи в верхнем течении).

Чеченское феодальное владение (общество Чечен-Мохк). Чеченское феодальное владение и собственно Чеченское общество образовались не позже середины XVII в. в центре Чеченской равнины на р. Аргун. На западе оно соседствовало с Гехинским обществом (предположительно по р. ГIой (Гойты)), на севере безлюдное пространство Терско-Сунженского междуречья считалось подконтрольным чеченским князьям, на северо-западе, на левом берегу р. Сунжа к XVIII в. располагались земли Алдинского общества. На востоке граница шла в основном по руслу Аргуна вплоть до ее впадения в Сунжу, на северо-востоке за Сунжей находилось Брагунское владение. По правобережью Аргуна чеченские земли граничили с Герменчиковским обществом, а на юге (где располагались в пойме Аргуна т.н. Большие и Малые Атаги, в т.ч. и Чахкар-Атаги, до определенного времени входившие в состав Чеченского владения) граница шла по подошве Лесных (Черных) гор.

Указанное владение и общество, давшее по существу название целому народу и стране («Чечня», «чеченцы»), занимало не только плодородный

участок Чеченской равнины, но и стратегический важный район: к северу от Чечен-Аула находится Ханкальское ущелье между двумя горами Суьйр-Корт, единственный удобный путь с Терека, ведущий во внутреннюю часть Чеченской плоскости, с юга чеченские владения закрывали выход из огромного Аргунского ущелья, дотянувшегося одной «веткой» до Грузии, а другой «веткой» до Дагестана.

Существует несколько концепций возникновения Чечен-Аула и владения: от легенды о «первой заимке» земель на Аргуне князьями Турловыми (из владения Гумбет в Дагестане) до рассказа о передаче им чеченских земель эндерейскими князьями в уплату «за кровь» (т.е. убийство одного из Турловых), от предания о некоей Чече, заложившей с сыновьями Чечен-Аул, или о приглашении Турловых на «княжение» селением Чечен-Аул, до концепции о якобы «разрастании» единого аваро-чеченского княжества-государства от Гумбета до низовий Аргуна[23].

Этнографические данные показывают, что первопоселенцами Чечен-Аула выступили представители таких обществ, как: цонтарой, гуной, эгишбатой, ялхой, бийтарой, макажой, к которым затем присоединились харачой, зандакой, алларой, гордалой, айткхаллой, чермой, аькхой и шоной. Фамильный состав собственно владения и общества был значительно шире чеченаульского списка. Так, в южной части, в селениях предгорья превалировали шатоевские кланы – саттой, келой, варандой, пхьамтой и др. В северной части были представлены, кроме вышеназванных нохчмохкоевских выходцев, еще беной, гендергеной, билтой, ширдой и др.[24]

Первые документальные известия о появлении аварских князей Турловых из Гумбета (Северный Дагестан), имевших давние союзнические связи с «мичкизами», «окочанами» и «шибутами», на сунженских землях Чечни относятся к 1648 г. Именно тогда часть гребенских казаков, живших в городках на Терском хребте, потребовала от терских воевод сноса поселения «уварских мурз», поселившихся недалеко от впадения Сунжи в Терек. В ответ воевода В. Оболенский «велел тех уварских людей городки разорить…», после чего и совершилось переселение Турловых на правый берег Сунжи, на р. Аргун на «поляну Чечен-Тала». Это событие состоялось до 1658 г., когда здесь уже «сидели» такие владельцы, как «Загастунка (Загаштук. – Я.А.), да Алибечко (Алибек. – Я.А.), да Алиханко (Алихан. – Я.А.), да племянник их Кучбарка (Хучбар. – Я.А.)[25].

Вследствие родства (довольно отдаленного) братьев Турловых с аварским ханом, грузинский царевич Николай, следовавший из Закавказья на Терек аргунским маршрутом, назвал поселения последних на Аргуне «Уварское меньшое владение», но грузинский епископ Епифаний определил того же Алихана как «кумыцкого мурзу». Наконец, по крайней мере, с 1675 г. этническое лицо Турловых уверенно определяется в документации как «чеченские мурзы»[26].

К 1720 г. в «Чеченцах» было «семь местечков и другие села и деревни», а головным селением считался аул «Буюк-Кент» (БухIан-юрт), более известный как Алды (позднее выделившееся в отдельное владение и общество). В 1726 г. численность «подданных» чеченских князей, скорее всего мужчин, исчислялась в 5 тыс. человек. В 1732 г. русский офицер Д.Ф. Еропкин центром Чеченского владения называет «деревню» Чечен и того же владения поселения: «1. Хажи Али-аул, 2. Астанкул, 3. Жатага, 4. Шихкирей, 5. Сурь, 6. Хамбат-аул, 7. Башен-баха-аул, 8. Алда»[27]. В 1770 г. И.А. Гильденштедт установил на р. Аргун наличие больших сел «Чечен и Хаджи-аул», а также «Сире» (Суьйр-Корт), «Янгегерт» (Янги-юрт), «Шахгери» (Чахкари), «Шареин» (Шавдон – ?), «Тага» (АтагIа), «Докон Атага» (Йокха АтагIа – Большая Атага). По крайней мере, три из них – Чечен-Аул, Алды и Хаджи-аул – имели по 500 дворов, а Чахкари – 200. Встречаются в документах конца XVIII в. и куда большие цифры: «Четчен» – 1200 дворов, «Большая и Малая Атагга» – 1100 дворов, «Топли» – 200 дворов, «Шахкеринская» – 300 дворов. Это было, скорее всего, население соответствующих сельских округов. Населенность всей Чеченской плоскости на рубеже XVIII–XIX в. заключалась примерно в 8–10 тыс. дворов[28].

Жители Чеченского владения-общества, занимая центральную часть Чеченской равнины и оказавшись в соседстве с развитыми российскими, кумыкскими и кабардинскими районами, говоря словами первого чеченского этнографа Умалата Лаудаева, «сообразуясь с условиями своей земли, …обзавелись лучшим хозяйством, развели рогатый скот, лошадей, овец и пчел и устроили прекрасные сады. Они сеяли преимущественно пшеницу, просо и ячмень». Сам Чечен-Аул «преимущественно перед прочими, был обширен, лучше обустроен, имел лавки (тукен), на порогах которых виднелись армяне, евреи и кумыки». Экономическое развитие района привело к хозяйственной экспансии плоскостных чеченцев за Сунжу к Тереку, где они вступили в борьбу за пастбища и покосы с гребенскими казаками и жителями Девлет-Гирей-аула (основанного в 50-х гг. XVIII в.)[29].

В целом, в XVIII в. именно в Чеченском обществе и на всей Чеченской равнине был достигнут тот хозяйственный переворот, приведший к появлению в стране товарного хлеба и зернового рынка. В свою очередь это обстоятельство придало такую динамику развитию края, что его воздействие распространилось и за пределы Чечни.

Соответственно росту населения и числа аулов Чеченского владения и дроблению местных княжеских фамилий здесь наблюдаются центростремительные процессы. Уже в 1746 г. Чеченское владение было разделено «на трое», хотя и в рамках одного общества. С образованием новых, сугубо «княжеских» частновладельческих аулов на плоскости было произведено

территориальное размежевание: «Росланбеку Айдемирову с подвластными по Сунже реке от урочища Айдемирова броду до Мырханова (Амирханова. – Я.А.) броду, а от Айдемирова-броду по Сунже реке до Топленского броду Алисултанова земля, а от Мырхан-кечу до Кихие (Гехи. – Я.А.) топлинского народа земля»[30].

В результате социального кризиса и роста антифеодальных настроений, усиления политической и экономической состоятельности чеченского крестьянства местная титулованная знать теряет силу и фактически уходит к 90-м гг. XVIII в. со своими холопами и узденями на правый берег Терека под защиту российских властей. Следует отметить, что в любом случае система княжеского управления в Чеченском владении всегда сочеталась с общинной, «крестьянской». Здесь в полную силу действуют народные собрания и советы старейшин, которые порой самостоятельно вступают в переговоры с российскими властями на Тереке. Более того, в 60–80-х гг. XVIII в. письма из чеченских аулов кизлярским комендантам идут либо от «чеченских народов больших и малых», либо от «чеченского владельца… старшины и все народы», либо от «старшины и владельца…». Более того, царские власти начинают брать аманатов от старшин чеченских селений, а не от князей[31].

Собственно, Чеченское общество в связи со значительным ростом населения и населенных пунктов также распадается. От Нохч-Мохка и Качкалыка на востоке до границ Гехинской земли на западе складывается региональное объединение Большая Чечня. Наряду с другими сюда вошли Чеченаульское, Атагинское, Чахкеринское, Сунженское, Чертугаевское, Герменчиковское, Шалинское и другие вольные общества, насчитывавшие на рубеже XVIII–XIX вв. до «24 деревень»[32].

Заселение левого берега Сунжи. В процессе освоения Чеченской равнины, расположенной в зональном направлении (между течением р. Сунжа на севере и передовой цепью горного массива на юге) в XVII–XVIII вв. довольно рано наметилось явление «заполненности» плоскости и появилась потребность освоения новых земель, пригодных первым делом для развития пашенного земледелия, а во вторую очередь и для скотоводства. Надо отметить, что те же подвластные чеченских князей по Аргуну задолго до середины XVIII в. использовали левобережную часть Сунжи и часть Терского хребта для сенокосов и выпаса скота.

Начиная со второй половины XVIII в. чеченские князья, старшины и лично свободные крестьяне-уздени все чаще переходят на противоположный берег Сунжи. Здесь образуются такие селения, как Амирханов Брод и, возможно, Сарачан-юрт, основанный предками юнкера Ахтахана (из клана Эгишбатой) на праве личной собственности. На Сунже, «напротив» станицы Наурская на Тереке, в 80-х гг. XVIII в. поселился гехинский старшина Кайтука, в 1781 г.

чахкеринский (атагинский) владелец Алихан (Алхан) Нурмаматов информировал русские власти в Кизляре о своем переселении за Сунжу «при урочище Тегенек-Тама» (скорее всего, район современного селения Алхан-кала)[33].

Пастбища и покосы указанных и других новых селений на узкой равнине по левому берегу Сунжи немедленно выдвигались к северу на склоны Сунженского, а то и дальше к Терскому хребтам.

Согласно данным начала XIX в., левобережные земли по Сунже активно осваивали карабулаки, гехинцы, чечен-аульцы, алдынцы и другие правобережные общества. По данным 1829 г., по правому берегу Сунжи располагалось 70 чеченских селений (возникших в XVII–XVIII вв.), а по левому берегу 10 селений и 30 хуторов (образовавшихся начиная с 70–80-х гг. XVIII в. по 1829 г.)[34].

Герменчик-Шали. Первый чеченский этнограф Умалат Лаудаев, опираясь на народные предания, писал: «Затем явились и другие аулы: Герменчик, Майр-Туп, Гехи и проч.»[35]. Границы Герменчиковского общества, представлявшего собой союз двух крупных аулов (Герменчик и Шали) заключались между течением Аргуна на западе (за исключением двух-трех участков, занятых жителями Чеченского общества) и р. Хулхулау на востоке, северная граница проходила примерно по линии, соединяющей современный г. Аргун и с. Мескер-Юрт), не доходя до впадения указанных рек в Сунжу; южная граница шла по подошве передовой цепи Лесных гор. Соответственно на западе общество граничило с Чеченским владением, на севере большой протяженный массив Джалкинского леса и течение Сунжи отделяли Герменчик географически от Брагунского владения. Участок равнины на востоке за Хулхулау и до р. Мичик заселялся со второй половины XVIII в. нохчмохкоевскими выходцами. На юге, в горах располагалась федерация нохчмохкоевских вольных обществ, выходцы из которых и положили начало указанному равнинному обществу.

Этимология топонима Герменчик довольно прозрачна и имеет древнюю евроазиатскую основу – «кермен» (укрепление, крепость)[36]. Топоним Шали имеет местную основу – «шела/шала» (букв. либо «плоский», либо «раздвоенный»).

Вокруг Герменчика и Шали на р. Басс (в нижнем течении р. Джалка) и в междуречье Аргуна и Хулхулау существовал целый ряд более мелких поселков и хуторов, чьи названия имели характерную для плоскости приставку «ойл» (аул) или «юрт», что подразумевает постоянный характер поселения. Это Инин-аул, Дилмин-аул, Балой-юрт, Ганжби-аул, Шамирзин-аул, Мяхтин-аул, Уддин-аул, Сержень-юрт и др. Основателями населенных пунктов Герменчиковского общества являлись следующие фамилии из Нохч-Мохка: алларой, беной, дишний, цонтарой, чартой, эрсаной, эгишбатой, харачой,

чартой, эрсаной, ширдой (последние считались первопоселенцами), из аргунских обществ горной Чечни: чиннахой, вашендарой, а также макажой, хой (из Чеберлоя) и др. Интересно отметить наличие здесь фамилий дагестанского происхождения: таркхой, гIазгIумкий, сюлий, куьбчий[37]. В том же сел. Шали существовала и фамилия «чергзий» (черкесы, кабардинцы).

В документах царских властей на Тереке общество Герменчик начинает фигурировать с 40-х гг. XVIII в., однако косвенные данные говорят о его существовании еще в XVII в. Так, отмечалось, что в «Гребенчуках» прежде «жили» (имели присутствие) князья «Каспулат Сунчалов, Казаналп и Адилгирей Чупал Шамхаловы». Первый был служилым терским князем Каспулатом Муцаловичем Черкасским (Сунчалеев), чья политическая деятельность пришлась на конец 60-х – начало 80-х гг. XVII в. Возможно, что он и приводил новое общество на плоскости к присяге подданства России, как практиковалось в то время. Другие имена относятся к линии аксайских и эндирейских кумыкских князей, упоминаемых в первой четверти XVIII в.[38]

Герменчиковское общество управлялось собственными старшинами и народными собраниями. В 1747 г. старшинская верхушка решилась на серьезный политический шаг, их делегация просит в Кизляре «о переселении их на чистые места (видимо на Сунжу. – Я.А.) и об определении во владельцы генерал-майора князя Эльмурзы Черкасского сына, кизлярского ротмистра Девлет-Гирея Черкасского», на что было дано официальное согласие императорского двора («допустить и определить») с условием принятия горцами присяги российского подданства[39].

Благодаря приглашению Девлет-Гирея герменчиковцы получили право на свободный проезд в казачьи городки по Тереку и на вывоз товаров из Кизляра. На тех же условиях согласился войти «в зависимость… Девлет-Гирея» и аул Шали, а также жители «вновь переселившихся Кубатюбинской деревни 40 дворов…»[40].

Так сложилось на политической карте Чечни новое Герменчиковское феодальное владение. Однако просуществовало оно недолго. В 1751 г. Девлет-Гирей стал владельцем пашни на Терском хребте (в районе Теплых вод, напротив станицы Червленная), а в 1754 г. из-за «ослушания» подвластных он, оставив Герменчик, переселяется туда с холопами и узденями (вассальные дворяне). И хотя какие-то его связи с Герменчиком сохраняются (вплоть до пользования «княжеским участком» на герменчиковских землях), оно утрачивает статус владения[41].

В посткняжеский период в Герменчиковском обществе уверенно управляют старейшины-старшины, которые обращаются и в Кизляр, и к соседним князьям: «от гребенчуковских старшин Казия, Ханбия, Юсупа, Канмамета, Мирзубек-бея и Мурзахана… мы присланы от всего Гребенчуковского общества…»[42].

Развивая пашенное земледелие и скотоводство, торговлю и ремесла, прирастая за счет все возрастающего притока переселенцев из гор, Герменчиковское общество расширяется в своих географических пределах, «сползая» к северу, и наращивает экономическую самостоятельность. Происходит усиление и собственно аула Шали, которое превращается к концу XVIII – началу XIX в. в самостоятельное общество.

К первой четверти XIX в. Герменчик благодаря своей значимости превращается в своеобразную столицу Чечни: именно здесь происходят национальные собрания – Мехк-кхел, здесь на ступенях каменной мечети аула решают вопросы войны и мира с Россией[43].

Мичиговское общество. В данном случае подразумевается небольшое общество, сложившееся во второй половине XVIII в. по р. Мичиг (правый приток Гумса) и части Чеченской плоскости, заключенной в углу между правобережьем Хулхулау (в нижнем течении р. Гумс), текущей строго на север (в Сунжу) и Качкалыковским хребтом, тянущемся в северо-западном направлении к Гумсу и Сунже.

Это новое Мичкизское общество было связано с Нохч-Мохком (Мичкизская земля) собственно фамильным составом и наличием родственно-политического союза. Некий Аласхан в середине XVIII в. «управлял» большим селением по р. Мичик, откуда в 1762 г. с 97 семьями перешел на северную сторону Качкалыковского хребта. Селения по Мичику стало называться Аласхан/Илисхан-юрт. В «древних летах» на плоскость, на р. Мичик переселились и представители фамилии Харачой, о чем писал их потомок в 60-х гг. XIX в. Согласно данным этнографа Н.Г. Волковой, в XVIII в. на территории общества появились селения Курчалой и Аллерой (дублировавшие названия родовых селений), кроме того, аллероевцы основали «Довлетбий-хутор и Божелирзау»[44].

Как бы то ни было, Мичкизское плоскостное общество в XVIII в. находилось в стадии становления. То обстоятельство, что в имеющихся документах «мичкизами», «мычигищ» называют одинаково жителей как равнинного Мичкизского и Качкалыковского обществ, так и собственно Нохч-Мохка, создает трудности для исследователей.

Общество формируется рельефно в первой четверти XIX в., когда здесь вырастают такие крупные аулы, как: Гелдаген, Майртуп, Центарой-юрт, Бачиюрт и др.

Качкалыковское общество. Одно из самых ранних плоскостных обществ восточной части Чечни находилось на северной покатости невысокого Качкалыковского хребта (0,3–0,4 тыс. м над уровнем моря), вытянутого до 30 км в направлении от р. Гумс (в районе впадения в Сунжу) до левого берега р. Аксай. От подошвы хребта на север до течения Терека тянется Качкалы-

ковская плоскость (включается зачастую в Кумыкскую равнину как ее западная часть). Этимология топонима Качкалык/Гачилык, скорее всего, выводится из общетюркского лексикона – возвышенная гряда, поросшая кустарником и лесом.

В 1732 г. в русских источниках были названы такие качкалыковские «деревни», как: «1.Сику (Исти-су. – Я.А.), 2.Нуям берды (Нойбоьра/Нойберд. – Я.А.), 3. Апонгур (Ойсхар/Ойсангур. – Я.А.), 4. Кошкилды, 5. Али-аул, 6. Наурус». Комендант Кизляра А.И. Ахвердов указывал, что «по правому берегу Терека, расстоянием от реки в поле в 20-ти, 18, 15, 13 верстах (находятся. – Я.А.) выведенные с давних времен… аксаевскими владельцами и поселенные в теперешних местах [селения]… под особым названием Алты Качилык». С.М. Броневский, используя данные автора XVIII в. И.А. Гильденштедта, также назвал качкалыковские селения в направлении расположения с востока на северо-запад: «Каш гелды, Курчи аул, Науруз аул, Нуим берди, Ойсунгур, Истесу (Горячая вода) или Горячей». Их основателями являлись нохчмохкоевские кланы – алларой, айткхаллой, билтой, беной, гордалой, курчалой, сесаной, харачой, цонтарой, чартой, энгеной и шуоной[45].

Близкими к качкалыковцам, но организационно не входящими в общество, являлись и другие равнинные селения на Качкалыковской плоскости, прилегающие к левому берегу Терека: «Хасса Мекент… Балчи… Герземе… Дадаюрт… Умараджи», насчитывавшие от 45 до 87 дворов. Численность качкалыковских аулов, по данным Клапрота (1807 г.), равнялась: Кошкельды – 300 дворов, Нойбоьра – 350, Ойсунгур – 350, Исти-су – 500[46].

Традиционно считалось, что «сии качкалыки» были «выведены» аксаевскими князьями из гор и поселены на данном месте «на известных уговорах». Горцы обязывались князьям ежегодной податью по «сапе пшеницы со двора, и, кроме того, поголовным сбором выходить на один день на княжеские поля для полевых работ». Другие данные дополняют этот перечень обязанностью давать по овце со двора и выставлять по воину с семьи. Так, качкалыковские аулы выставляли половину войска Аксаевского княжества – 1500 человек. В целом князья в отношениях с горскими обществами, в т.ч. и с качкалыками, имели «очень небольшое влияние» на их внутреннее управление[47].

Согласно заявлению аксайской княжеской фамилии от 1805 г., они «лет с 6» назад (т.е. к 1799 г.) утратили контроль над Качкалыком. Между тем, еще в 70–80-х гг. XVIII в. общество Качкалык, платившее подати аксаевской владельческой фамилии в целом «за управление», а не за пользование землей, стало все чаще выражать свое недовольство. Так, в 1782 г. в Кизляр следует письмо «мичгизских» (в данном случае качкалыковских) старшин: «Актолла, Айваза, Тонгара, Биймурза» и др., которые сообщают, что они на народном собрании общества: «мы в одно место обществом собрались, советовали, что

наши владельцы с нас умеют только збирать подати, а порядочно содержать не знают» приняли решение отказаться от выплат. В конечном счете старшины и народ договорились с двумя представителями аксайской княжеской фамилии, «чтоб оне нас должны содержать так, как отцы их содержали, а мы должны им платить дань и давать коду (поземельный налог? – Я.А.) покуда [князья] будут жить порядочно»[48].

Хозяйство качкалыковцев и союзных с ними аулов по Тереку развивалось вполне стабильно, что привлекало сюда значительное число переселенцев. Пользуясь выгодами обладания обширными пахотными землями, широкими степными пастбищами и преимуществами торговли в богатых торговых центрах Кумыкии и всего Терско-Сулакского междуречья качкалыковцы выходят во второй половине XVIII в. наряду с ведущими обществами Чеченской равнины в ранг самых развитых районов Чечни.

Ауховское (Окоцкое, Аккинское) владение и общество. Самое восточное чеченское общество располагалось в «верхней» части Кумыкской равнины, занимая земли от правобережья Аксая до Акташа и гранича – на западе и юго-западе с собственно с аульными объединениями Нохч-Мохка, на востоке с Эндирейским обществом (и в целом с Эндирейским княжеством

Рис. 19. Вид ауховских земель между реками Аксай-Акташ на Кумыкской плоскости (совр. фото)

– начиная со времени его образования во второй половине XVI в.), на севере с владениями аксайских князей (со времени образования Аксайского княжества не ранее последней трети XVII в.); а на юге и частично на юго-востоке граница Ауха проходила в предгорьях и горах (Ауховские горы) с андоцезским обществом Анди и авароязычным обществом Дылым Нагорного Дагестана. Вместе с тем, отдельные небольшие селения, хутора и кутаны тех же чеченцев-окочан и нохчмохкоевских чеченцев, по крайней мере, в XVIII в. были рассыпаны по всему Терско-Сулакскому междуречью вплоть до Каспия (в т.ч. на территории кумыкских княжеств).

Образование равнинно-предгорного Ауховского общества относится ко времени, безусловно, ранее XVI в. На период XVI в. чеченцы уже имели в предгорно-плоскостной зоне феодальное Окоцкое (Аккинское) владение (позже «вольное» общество Аух) и, согласно археологическим данным, с несколькими поселениями на границе гор и плоскости[49].

Согласно преданиям ауховцев, они находились здесь еще в период «нашествия Тамерлана Хромого», а то и ранее того времени, когда на Кумыкской равнине появилось иное оседлое население. Так, на запад от Сулака на территории Кумыкской плоскости в XVI в. были известны этнотопонимы: эндирейцы, гуэны, тюменцы, салатавцы и ауховцы. Причем кумыки, гуэнцы и салатовцы считали себя родственными в т.ч. с гунойской и вашендароевской фамилиями в Чечне, а ауховцы-аккинцы не только имели свое отдельное общество, но и населяли еще отдельный квартал в крупном тюркоязычном селении-обществе Эндирей[50].

Исследователь А.А. Алисултанов определяет границы Ауховско-Аккинского общества на широком пространстве Терско-Сулакского междуречья, включая Качкалыковский хребет, правобережье Терека и далее на восток по Кумыкской равнине по Сулаку и Акташу. К XVI в., считает автор, собственно Аух (Арара Аьккхи) состоял из двух обществ – «Пхьарчошка-Аьккха и ГІачалкха-Аьккха»[51]. Все это требует своего дальнейшего исследования.

Скорее всего «первобытное» население междуречья Аксая-Акташа в предгорной полосе представляло собой продолжение нохчмохкоевского кластера-этномассива (чьи поселения известны, по крайней мере, с эпохи ранней бронзы); в частности, здесь присутствуют фамилии дишни, курчалой, гордалой, гендаргеной, беной, гуной, зандакой, билтой, эгишбатой и др. Далеко ранее XVI в. на нохчмохкоевское население Ауха пришлась крупная волна переселенцев из Галанчожского ущелья: аьккхий, цечой, мержой – носители галанчожского диалекта. Помимо галанчожских переселенцев, здесь присутствуют фамилии из западнонахского района Ваьппи/Фаьппи (Закавказье и Джейрахское ущелье), а также из высокогорной зоны Чечни из обществ Чебарлой (пхьарчхоевцы), Шарой и Чаьнти[52]. Судя по всему, здесь есть еще

часть ауховских фамилий-тайпов жевой, барчхой, зогой, образовавшихся на месте отпочкования «гаров» и «некъе» крупных кланов.

Этнограф Н.Г. Волкова отметила, что «восточные равнинные аккинцы представляют смешанную в племенном отношении группу, образовавшуюся из орстхойцев, горных чеченцев (преимущественно ичкеринцев) и менее акинцев»[53].

Этимология «Аух/Авхар/Овхой», скорее всего, производна от диалектного «охьа/оІха» – в значении «вниз к равнине», «равнинные». «Аькхи» – «арара аьккхи» производны от названия галанчожского общества Аькхи. В русских же источниках XVI–XVIII вв. мы находим написание «ококи», «Акоки», «окоцкие люди», «окочане», «ауховцы», и т.д.

Как ранние первопоселенцы Кумыкской плоскости, ауховцы занимали ее лучшую часть – полосу с богатыми черноземами, лесными участками, обильно орошенную стекающими с гор речками (Аксай, Яман-Су, Ярык-Су, Акташ). Здесь располагались т.н. «старые Окохи» – аулы Шир-Юрт (Ширч-Овх), Акташ-Аух, Кешен-Аух, Боной-Аул, ГІачалкъа (Ярык-Су-Аух), Бона-Юрт (Меши-Атага) и Минай-Тугай[54].

В другом списке, датированном 1813 г., в составе общества «Аухи» отмечены следующие селения: «Агташ» (200 дворов), «Юрт» (50 дворов), «Алмак» (80 дворов), «Яруксу или Качилук» (300 дворов), «Кешень» (200 дворов), «Гилен» (100 дворов), «Зандак» (100 дворов), «Чючели» (40 дворов), «Даттах» (30 дворов). Указание на собственно нохчмохкоевские селения: Зандак, Гиляны и Даттах в составе Ауха является ошибочным. Известно, что Кешен-Аух имел второе название Цечой-аул, Шир-юрт назывался также Юрт-Аух, Акташ-Аух имел второе название Парчхой-аул. В литературе встречаются также названия и других аулов – Кочкар-юрт, Адзарей-юрт, Алтымирза-юрт и Дзатемир-юрт[55].

Относительно численности ауховцев в том же XVI в. есть данные 1588 г. о 500 воинах, выставляемых правителем владения Ших-мурзой Окоцким. В 80–90-х гг. XVI в. «Окоцкий улус», называемый в документах и «юрт Ишеримовых» достигает благодаря энергичной деятельности феодального главы Ших-мурзы Ишеримова значительного положения на политической карте региона. Используя междоусобицу в Кази-Кумухском шамхальстве, развивая дружеские связи с «Аварским» нуцальством (ханством), с Черным князем (Гумбетовское владение) и кахетинским царем Александром, нахский правитель распространяет свое влияние на засулакскую западную часть Северного Дагестана (где сталкивается с кумыкским князем Салтан-Магмутом) и плоскостные земли Восточной Чечни. Официальное посольство Ших-мурзы в Москву в 1588–1589 гг. и ответная «жалованная грамота царя Федора Иоанновича закрепляют его высокий статус»[56].

Однако в те же годы один из наследников шамхала Чупана – Салтан-Магмут положил начало новому феодальному владению в Засулакской Кумыкии, претендуя при этом на Аух и «мичкизские» (в данном случае нохчмохкоевские земли). В 1595 г. его брат Ахмедхан нанес поражение Ших-мурзе, который был убит, а его владение, в котором теперь правили непрямые наследники, стало в начале XVII в. вассальным по отношению к Салтан-Магмуту. Примерно к 1595–1596 гг. относится бегство части «ококов» (до 160 человек) в Терскую крепость «на житье» вследствие нежелания находиться под властью новых князей[57].

«Окоцкие черкасы» Терской крепости, создавшие под ее стенами отдельную Окоцкую слободу, были переданы царем Михаилом Романовым под полную власть служилого кабардинского князя Сунчалея Янглычева в 1614 г. согласно его прошения. Между тем, часть окочан к тому времени находилась непосредственно на царской службе, а другая «слободская» часть занималась скотоводством, земледелием и торговлей. Терские окочане оказали упорное сопротивление Сунчалею и царь был вынужден ограничить его права на окочан исключительно «ведати службою», т.е. руководством горским ополчением в ходе боевой службы[58].

При сыновьях Сунчалея – Шолохе и Муцале, являвшихся воспитанниками аталыков из окочан, весьма богатых братьев Бикши и Черкеса Алеевых, положение Окоцкой слободы весьма укрепляется. В 1682 г. со смертью бездетного князя Каспулата Муцаловича (ставшего до своей смерти классическим владетельным князем), чьим аталыком был опять-таки окочанин Ибак Эльмурзин, из служилых горцев указом Петра Первого формируется некая иррегулярная воинская команда, которой командовали офицеры из числа других служилых кабардинских князей[59].

К концу XVII – началу XVIII в. пресеклись и «окочанские» аристократические фамилии мурз Кохостровых, живших в Окоцкой слободе на положении почетных служилых людей. По крайней мере, со времени основания Кизляра в 1735 г., слобода управляется собственными старостами – «окочинский голова» и старейшинами («окоченские старики»). В XVI–XVII вв. количество окочан на Тереке не опускалось ниже 200–300 человек мужчин, а к концу XVIII в. численность Окоцкой слободы в Кизляре достигла 1 тыс. человек, но сюда были включены также выходцы из «Мичкиз» и «Шибут»[60].

Согласно мнению А.А. Адилсултанова, с пресечением линии аккинских феодальных верхов в Ауховском обществе не позже середины XVII в. начинается период «самоуправления». Существуя в соседстве с Аксайским и Эндерейским кумыкскими княжествами и находясь в определенном взаимодействии с владетельными феодалами Дагестана, аккинцы-ауховцы заявляли: «мы не холопы и не уздени андреевских и аксайских владельцев» и пытались

всем обществом выстроить некую самостоятельную политику. Данная тенденция привела Аух в конце XVIII – начале XIX в. к выходу из патроната потомков Салтан-Магмута и к политической самостоятельности общества и его составляющих, которое стало «причисляться» к Чечне[61].

Возрастает роль не только местных старшин и народных собраний, но и военных предводителей. Так сохранились имена местных военных предводителей конца XVIII в. Абу-Тагира и Абду-Разака. Вместе с тем, некогда однородное «вольное» общество с ростом населения и территории расселения дробится на более мелкие самоуправляющиеся общества например: Шарой, Шебарлой и ЧIонтой, ГIочкар и Къоцой, сохранявшие при этом некое региональное единство.

Таким образом, в течение XVI–XVIII вв. район верхнего междуречья Аксая-Акташа на Кумыкской плоскости дал основание двум образованиям – Окоцкой слободе в системе царских городов-крепостей на Тереке и Ауховскому (Аккинскому) вольному обществу, богатому земледельческому району, ставшему и своеобразным мостом между Северным Дагестаном и Чечней, между Кумыкией и Нохч-Мохком.

В целом, именно на плоскостной части Чечни находились наиболее динамично развивающиеся аулы и общества страны. Тот же Аух в XVI–XVIII вв. показал высокую степень развития земледелия, в т.ч. и поливного зерноводства, овощеводства, виноградарства и садоводства. Больших успехов достигло здесь и скотоводство; находясь на равнинно-предгорной полосе между степными пастбищами на севере и горными пастбищами на юге, ауховцы разводили не только овец и коров, но и буйволов, верблюдов и породистых лошадей. Из разных видов ремесел большое развитие в Аухах получило именно оружейное производство, включая изготовление ружей[62].

В целом и в частности, именно за счет плоскостной зоны Чечни по Сунже и ее притокам, а также на части Кумыкской плоскости произошло изменение природно-географической среды обитания основной части чеченского народа, связанном с сплошным и быстрым ее культурно-хозяйственным освоением, в рамках пашенного земледелия[63].

Это обусловило и своеобразный демографический «взрыв», и превращение плоскости в ведущую часть страны, как в хозяйственном, так и в политическом отношении. Это обстоятельство стало особенно рельефным с дальнейшим продвижением плоскостных чеченцев к Тереку и попытками отбить левобережье реки у России, построившей здесь новые станицы и укрепления.

Именно равнинная территория Чечни форсирует процесс национального становления, смешивая в своих аулах и обществах представителей разных природных зон, обществ, регионов и диалектных групп страны.

§2. Династия Турловых и феодальное устроение Чеченского княжества-владения

Подобно как образование норманнских княжеств на славяно-финских землях Волхова и Ладоги на рубеже IX–X вв. привело к образованию государства Киевской Руси и способствовало складыванию русского народа, так и появление в середине XVII в. на плоскостном левобережье р. Аргун (Северо-Восточный Кавказ) Чеченского феодального княжества-владения объективно послужило делу укрепления единства Чечни и сложению чеченского этнополитического ядра.

В этом плане русские авторы XIX в., опиравшиеся в основном на местные предания, писали, что: «соединившись под властью князей (Турловых. – Я.А.) разноплеменное население Чечни составило довольно сильное общество, могущее, в случае нужды, противопоставить хорошее сопротивление враждебным соседям…

Выгодным переворотом в своей судьбе Чечня, несомненно и единственно, была обязана соединению своему под властию князей Турловых; и пока Чечня не стала сильна и могущественна, пока она нуждалась еще в одной сильной руке, …до тех пор власть князей уважалась»[64].

Один из современных исследователей – дагестанский лингвист и историк Т.М. Айтберов, который впервые ввел в научный оборот местные арабоязычные документы XVII–XVIII вв. о Турловых, – пришел к выводу, что Турловы – боковая ветвь хунзахских ханов-нуцалов, которая к концу XVI – началу XVII в. утвердилась в качестве правителей округа – вольного авароязычного общества Гумбет (включая и общество Аргвани) в северной части Нагорного Дагестана (Салатавия). Позднее к 40-м гг. XVII в. Турловы появились в средней части течения Аргуна в Чечне. Тем самым, по его мнению, образовалась некая «аваро-чеченская» феодальная федерация, которую Т.М. Айтберов определяет как «княжество-государство»[65]. Такой вывод носит естественно промежуточный характер – фактически же относительно маленькое общество горное Гумбет стало «удельной деревней» феодальной фамилии Турловых, правившей в большом равнинном Чеченском княжестве-владении.

Турловы обосновались на р. Аргун (правом притоке р. Сунжа), то ли по приглашению местного населения, как говорит о том основательная фольклорная традиция, то ли по праву первой заимки. Отметим также, что известный азербайджанский историк позапрошлого века А.-К. Бакиханов писал, что якобы плоскостная Чечня якобы принадлежала ранее эндирейским князьям и отошла к Турловым в качестве возмещения за убийство одного из представителей этой фамилии [66].

Как бы то ни было, в середине XVII в. на равнинном левобережье Аргуна существует аул Чечен («Чачан»), ставший центром Чеченского феодально-

го владения. Приведем несколько извлечений из архивных документов XVII столетия:

«И в прошлом же во 1651-м году генваря в 25 день по государеву указу про реку Сунжу на Москве допрашиван окольничей князь Венедикт Ондреевич Оболенский, а в допросе сказал: как де он князь Венедикт был на государеве службе на Терке (приблизительно между 1645–1649 гг. – Я.А.) и при нем де поселились было на Сунше реке уварские люди дале того места где поселились барагунские мурзы и он де князь Венедикт по челобитью терских и гребенских атаманов и казаков для утеснения, велел тех уварских людей городки разорить и их сбить и сена пожечь. И посли де того уварские люди на те места для селитьбы не бывали. А где де поселились барагунцы и то де место х казацким городкам ближе прежние уварских людей селитьбы»[67].

Следовательно, первоначально «уварские люди» поселились было в нижнем междуречье Терека и Сунжи (на левом берегу Сунжи), выше того места, где закрепились брагунцы, но были изгнаны царскими властями по причине их столкновений с казаками. Тогда, по-видимому, Турловы и обосновались в низовьях правобережного притока Сунжи – р. Аргун в Чечен-Ауле, откуда в 1658 г. направили в Москву устную челобитную через грузинского царя Теймураза:

«Бил челом великому государю поданной его царского величества грузинской царь Теймураз Давидович: из горские де земли били челом великому государю на ево государево имя три брата – Загастунка да Алибечко да Алиханко, да племянник их Кучбарка, аманаты де их взяты на Терек, а ныне де они живут великого государя на земле Чачане. И о той земли били челом они великому государю, чтоб тое землю ево государевы люди у них не отъимали и не обижали и рыбу б им всякую ловить. И как и иные черкасы и казаки великому государю служат, так бы им государеву службу служить». Известия ряда русских документов XVII в. «позволяют определить трех братьев-челобитчиков как аварских мурз Турловых и сообщают о «Чеченевской деревне», находившейся во второй половине XVII в. севернее Шибутской земли, т.е. об ауле Чечен на левом берегу р. Аргун в нижнем ее течении»[68].

Согласно семейному преданию Турловых, сообщенному в 1756 г., честь «открытия» поляны «Чачан-тала» (по существу центр Чеченской равнины) и первоначального ее освоения принадлежала среднему брату Алибеку: «И тогда упомянутый Алибек с подвластными ему людьми прибыл на поляну Чачан-тала и тут обосновался, сделав ее местом жительства»[69].

Фольклорная же традиция называет основателем селения Чечен и Чеченского владения исключительно Алихана Турлова («Турло Алха»). Возможно, это объясняется ранней смертью Алибека, последовавшей до сентября 1665 г., когда в очередном официальном документе он перестает упоминаться, а на-

зываются только Загаштока «с братьями своими, с Алханом да с Уцмием и с Магоматом». Последние – Уцмий и Магомет (а также Айдемир и Шавкал) – являлись на деле сыновьями Алибека, а не братьями Загаштоки и Алихана[70].

Грузинский царевич Николай Давыдович (Ираклий) определил было в 1665 г. владение Турловых на Аргуне как малое «Уварское владение», подразумевая авароязычное происхождение Турловых, являвшихся весьма дальними родственниками хунзахского хана. А вот образованный грузинский епископ Епифаний, в том же 1665 г. проследовавший было по Аргуну, писал, что «блиско де того города (городище Чечен. – Я.А.) ныне поселился деревнею кумыцкой мурза Алкан…»[71].

К 1675 г. Алихан (судя по всему, последний из трех братьев оставшийся в живых) – старший и единовластный владелец. Он пишется в документах уже как «чеченский Алхан мурза». Где-то во второй половине XVII в. один из его сыновей – Турлов («Турулав б. Али-хан») – возможно был востребован на правление в свое родовое дагестанское общество Гумбет (Баклулал): «прибыл в край баклулальцев, по их просьбе, быть для них султаном». Вскоре, однако, он был убит в войне с соседями андийским правителем Али-бегом[72].

В 1707/08 г. мы находим правителем «в Чеченцах» бея Амирамзу. Этот титул, который привел один из башкирских султанов (Мурат Кучюков), попавший в Чечню, свидетельствует, на наш взгляд, о главенствующем положении Амирамзы. Судя по количеству чеченского ополчения, указанного под 1708 г. – около 700 чел.[73], по крайней мере, в аулах Амирамзы насчитывалось не менее 700 дворов, ибо, как правило, в подобных военных сборах выставлялся один воин от двора.

Именно к 1707–1708 гг. относится первое известие о широком народном движении на Северном Кавказе, центром которого стал Чечен-Аул и соответственно Чеченское владение. Чеченцы, признав духовным «владыкою» чингизида, башкирского хана Мурата Кучюкова появившегося на Тереке в ходе своего возвращения из посольства в Стамбул, организуют совместно с ногайцами и кумыками поход за Терек на враждебных калмыков, а затем в феврале 1708 г. штурмом берут Терскую крепость. В конечном счете горцы потерпели поражение под крепостью, а Петр Первый обязал калмыцкого хана Аюку совершить поход «к Тереку на чеченцев и на Терских ногайцев… и велел их разорить». Дело в том, что именно калмыцкий хан Аюка с огромной конницей еще в конце XVII в. не раз вторгался за Терек, где громил союзных чеченцев, кумыков и ногайцев, забирая большую добычу[74].

К 1720 г. следует новое известие о «чеченцах»: оказалось, что они имеют «семь местечков и другие села и деревни, а владеет ими князь именуемой Тирлагов сын, который живет и княжует в местечке, называемом Буюк Кент…»[75]. Буюк-Кент (Большое село?), скорее всего, Бухан(БугIан)-юрт, более известный как аул Алды, назван таким образом резиденцией правящего князя, чье имя скрыто под родовой фамилией «Тирлагов (Турлов. – Я.А.) сын».

Позже И. Гербер, русский автор XVIII в., обрисовав в своей работе западное побережье Каспия как некий «Чеченский уезд», главного князя назвал «именем Казбулат». Данные И. Гербера относятся к 1728 г. Через 4–5 лет, в 1732 г., русский офицер Д.Ф. Еропкин центром Чеченского владения назвал «деревню» Чечен: «Деревня Чечен, а в ней владельцы: 1. Камбулат. 2. Амир-Гарзе. 3. Айдемир, да их владения деревни: 1. Хажиали-аул. 2. Астанкул. 3. Жатага. 4. Шихкирей. 5. Сурь. 6. Хамбат-аул. 7. Башен-баха-аул. 8. Алда». По некоторым данным в них проживало не менее 5 тыс. мужчин [76].

Со смертью старшего князя Казбулата в 1732 г., убитого, по словам И.А. Гильденштедта, восставшими подвластными: «Хасбулат убит самими чеченцами»[77], старшинство перешло к князю Айдемиру Бардыханову. Другие обстоятельства, связанные с феодальной фамилией, характеризуют также рост национального единства чеченского народа и требуют своего дальнейшего изучения. Так, из русских документов 1732 г. становится известным, что в июне-июле указанного года «под Чечен-аулом» произошло скопление от 8 до 14 тыс. горцев, в котором, помимо плоскостных чеченцев, были «тавлинцы» (жители горных районов Чечни и Дагестана), ауховцы и кумыки. При этом в роли руководителя выступал некий религиозный авторитет «Аджи (хаджи. – Я.А.)», призывавший к походу на «неверных» жителей гор и кабардинцев, с целью утверждения ислама. Царские генералы направляют в Чечню из крепости Святой Крест на Сулаке воинский отряд, который князь Казбулат сопровождал и при его разгроме под Чечен-Аулом был убит[78].

Следует отметить, что следующий старший чеченский князь Айдемир в 1733 г. собрал значительное горское ополчение в помощь 25-тысячной армии крымского царевича Фети-Гирея, двигавшейся в Иран через Северный Кавказ и Прикаспий. На переправах на р. Белая (Гумс) он разгромил с крымцами войска генерала Гессен-Гомбурского. Но в то же время два взрослых сына Казбулата – Алибек и Алисултан – были в русском лагере[79].

В 1735 г. тот же Айдемир собирает силы уже против крымского хана Каплан-Гирея, двигавшегося тем же маршрутом в Иран и имевшим неосторожность потребовать от Чечни не союза, а подданичества и «позорной дани» людьми. Предание утверждает, что на битву с ханом «Всех чеченцев, сколько было, / В Хан-Калу тогда собрали». Скорее всего, руководил сражением Айдемир, который перед этим постоянно нападал на хана, отбивая лошадей и беря пленных. Благодарные власти впоследствии назначат ему и его узденям 300 рублей жалованья в год[80].

В первой половине XVIII в. в Чеченском владении, которое можно определить и как княжество-государство, сложились три феодальные фамилии

– Турловы, Казбулатовы и Айдемировы. О том, как делилось между ними управление некогда единым княжеским владением, видно из документов середины XVIII в. Так, приехавший в Кизляр в 1746 г. чеченский владелец Чопан Турлов объявил о смерти старшего князя Айдемира Бардыханова и рассказал следующее: «после ево в Чеченском нашем владении наследниками остались мы, а именно: первое сродство я, Чопан Турлов, второе Албек и Алисултан Казбулатовы, третие после умершего владельца Айдемира осталось три сына (Арсламбек, Расламбек, Бардыхан. – Я.А.)… И у нас у трех фамилий владение Чеченское разделено на трое, а именно: Чеченскою деревнею (в данном случае имеется в виду «владение». – Я.А.) по обеим сторонам р. Сунжи владел бывший владелец Айдемир с племянниками Албеком и Алисултаном Казбулатовыми, а у меня имеется особливая удельная деревня, называемая Алда, в которой имеется 500 дворов. У нас же у трех фамилий имеетца под владением тавлинские деревни Гумпети (в Дагестане. – Я.А.), в которых с 1030 дворов…». О подчиненности аулов Гумбета и нескольких аварских селений общества Хунзах Турловым (видимо, сохранявшим какой-то старый удел в Хунзахе) писал кстати академик И.А. Гильденштедт[81].

Данные от ноября 1747 г. говорят, что Чеченское владение было окончательно поделено на три части, за счет разделения Казбулатовых и Айдемировых: «оное Чеченское владение разделяется на три равные части… одною частию владеет Турлов, второю владеет Албек и брат ево родной Али Султан Хаспулатовы, а третю частию владеет Арасламбек, Айдемиров сын, з братьями. У них же имеется в горах одна тавлинская деревня Гунпети с протчими к ней принадлежащими малыми деревнями». Старшим владельцем был избран Алибек Казбулатов[82].

Несколько загадочно, на наш взгляд, выглядит положение алдинского Турлова. Он, согласно документам, имел третью часть в «Чечнях и Гунпете», однако проживал «не в Чечнях, [а] особливым домом поблизости Чечня в называемой собственной ево деревне Алде». Здесь находилось целое семейство Турловых – некий Ахловов, его сын или брат Чопан и некий «Танчик Актолин», единственный раз упомянутый в 1759 г. Сын одного из Турловых, по свидетельству 1753 г., имел под управлением аулы «Кулай» (Кулары – ?) и «Шахгирей» (Чахкери). Под 1775 г. упоминается и некий Магомет Турлов, родственник Чопана[83].

Своеобразие положения Турловых заключалось и в их особых отношениях с фамилией Казбулатовых: «Алдинской народ напред сего (т.е. ранее 1737 г., коим датируется документ. – Я.А.) состоял подвластной предписанных владельцов Али Солтана и Алибека у отца их Казбулата, а по смерти его по старшинству достались того владельца Казбулата племяннику, а оных владельцев двоюродному брату Турлову, а после оно уже досталось владельца Албек и Али Султану». Однако алдынцы попросили Казбулатовых не объединять их под общим управлением наравне с чечен-аульцами, «ибо де у нас брата вашего Турлова сын живет Чопан, который де ваш родственник, а по нем и мы де ваши и потому желаем быть с вами в покойстве». Вероятно, поэтому в 1762 г. Алисултан Казбулатов заявлял кизлярскому коменданту, что «всеи Чеченское владение две части принадлежат мне и алдинцы, послушны для того, что владелец их мне родственник… чеченских народов половинное число принадлежат [мне]»[84].

Однако соперничество Казбулатовых с фамилией Айдемировых за преобладание в Чеченском княжестве, остро протекавшее в 40–50-х гг. XVIII в., закончилось не в пользу Казбулатовых. В 1757 г. Казбулатовы информировали об этом русские власти в Кизляре: «хотя мы все чеченцами счисляемся токмо между нами есть разность, а древней у нас порядок в том состоит, ежели когда соединимся и от которого владельца аманат содержатся будет тому все чеченцы послушны бывают и как владелец Росланбек Айдемиров аманат от себя отдал то и мы перешли на новое жилище на реку Сунжу» к Расланбеку. Таким образом, Расланбек Айдемиров стал старшим князем Чеченского владения и в этой роли просуществовал до самой смерти (1784 г.). В 1782 г. пограничные царские власти в лице генерала П.С. Потемкина последний раз подкрепили главенство Расланбека, определив его как владельца «над Чеченцами»[85].

Следует отметить, что в принципе во владениях Турловых существовала «удельно-лестничная система» наследования верховной власти, когда правление наследует не сын, а брат правителя или племянник (старший по возрасту из фамилии). В Чеченском владении, начиная с Расланбека, правил тот князь, который выдавал аманата русским властям и отвечал по обязательствам всего княжества.

В результате неясных для нас событий Казбулатовы потеряли не только главенство, но и какую-то часть владений: «оная наша старая земля (может быть, имеется доля непосредственно в Чечен-ауле или в другой части владений? – Я.А.) досталась по жеребью владельцу Расланбеку», писали они в 1758 г. К тому времени численность народного ополчения в Чеченском владении к середине XVIII в. достигала до 2000 человек[86].

Таким образом, количество дворов в аулах Чеченского владения было, по всей видимости, не менее двух тысяч. Но благодаря росту этнополитической солидарности основной части населения края в нужных случаях к Чечен-Аулу стекались отряды из Герменчика, Шали, Гехи, Нохч-Мохка, Качкалыка, Чеберлоя, Шатоя и Ауха. Кроме того, могли быть призваны на помощь воины из Дагестана: андийцы, кумыки (из Аксая и Эндерея), гумбетовцы, эрпелинцы, андалалцы и др., составлявшие внешний круг ближайших союзников[87].

Ставка Казбулатовых была вначале в селении «Яртюп», затем в мае 1758 г. они перешли в «Таплы». Алисултан скорее всего остался здесь, а Алибек Каз-

булатов «с домом своим и фамилиею перешел, по просьбе алдинцев, которые под власть ево Албека в верность пришли, в деревню Алду…»[88], где, как говорилось выше, сидели его родственники Турловы.

К концу 60-х гг. XVIII в. взаимоотношения чеченских князей несколько обострились. Клан Казбулатовых, состоявший к тому времени из Алисултана, его сыновей и племянников (детей покойного Алибека), которым подчинялось до пяти чеченских селений, вступил в соперничество с Айдемировыми. Спор шел из-за царского жалованья (Алисултан требовал себе такой же суммы, что выплачивалась старшему князю Расланбеку Айдемирову) и дележа подвластных земель. Только к 1770 г. споры, наконец, были урегулированы[89].

Документальные данные о взаимоотношениях сочленов фамилии Турловых во второй половине XVIII в. отрывочны. Тем не менее, мы можем предположить дальнейшее дробление Чеченского владения и усиление усобиц. Приведем два-три документа 80-х гг. XVIII в.: так, в своем письме от марта 1782 г. к российским властям чеченский старший владелец Расланбек Айдемиров напоминал, что в бытность на Тереке генерала де Медема (70-е гг. XVIII в.) он поделил земли на Сунже между ним и детьми Алибека (Казбулат и Алихан) и Алисултана (Татархан, Алакуат и Шашака) следующим образом: «первое мне – от Трех бугров до моей деревни (скорее всего аул Новый Чечен на Сунже. – Я.А.), а Казбулату и Татархану от нашей деревни до займищи Чиртины…». Однако далее начались княжеские ссоры: «И по сие времени Татархан с Казбулатом пребывали в согласиях, а как Татархан умре, то Алакуата и Шашакана упоминаемой Казбулат из деревни выгоняет...»[90].

Где-то в 1782 г. Алихан Алибеков, владея совместно с братом Казбулатом аулом Топли, пытался распространить свою власть над новым аулом Амирханов Брод на Сунже, утверждая: «тут де есть мое место». Однако жители аула приглашали на княжение то сына Расланбека – Мусу Расланбекова, то братьев Аллакуата и Шашакана. Племянник Расланбека Айдемирова – Алибек Батырханов оказался в то же время владельцем другого нового аула – «Сунженской деревни»[91].

Интересно отметить, что Алибек Батырханов и «Казбулат Топлинской» в 1783 г. просили у царских властей разрешения переселиться с Сунжи непосредственно на правый берег Терека, под защиту царских укреплений, где они намеревались основать новые селения. Того же добивался и чахкеринский владелец Алихан Нурмаматов, состоящий в родстве с чеченскими владельцами Али Солтаном и Расланбеком Айдемировым, и управлявший селением до 200 дворов. Алихан имел сына «Аллакувата Алханова»[92].

Стремление чеченских князей удалиться с Чеченской плоскости к русской пограничной линии объяснялось во многом активным накалом антифеодальной борьбы. Турловы стремительно теряли свое влияние. Так, к концу XVIII

в. царские власти на Северном Кавказе даже перестали брать из их семей аманатов. Заложники «прибирались» из чеченской аульной знати. Они то и обеспечивали «спокойствие» крупнейших чеченских селений во взаимоотношениях с Россией. Быстро возрастающее население Чеченской плоскости к концу XVIII в. насчитывало не менее 6–8 тыс. дворов[93].

Социальный и политический кризис в Чечне конца XVIII в. вылился в мощное народно-освободительное движение под руководством имама Мансура. Это движение протекало в 1785–1791 гг. и по существу заслонило в глазах русских военных властей на Кавказе судьбу чеченской титулованной аристократии. Она практически исчезает из поля зрения. Один из самых влиятельных чеченских князей последнего времени Расланбек Айдемиров, который пользовался влиянием в Чечен-Ауле, в Больших Атагах, Сунженской деревне, Амирханов Брод умер не позже 7 июня 1784 г.[94]

Из поля зрения совершенно исчезают многочисленные потомки Алисултана и Алибека Казбулатовых; «чеченский князь Муса Расланбеков» последний раз встречается на переправе через Терек в январе 1790 г., когда он с одним узденем направлялся в Кизляр. Единственно только одна ветвь гумбетовских выходцев, живших во второй половине XVIII в. на положении бедных родственников в селении Алды, – Турловы, сохранили фамилию, переселившись на Терек: «в 1800 г. было сих владельцев Магамет и Муса и двоюродный брат их Алибек». Они основали новые селения на праве личной собственности, превратившись из скромных «владельцев» в довольно состоятельных землевладельцев[95].

Небезынтересно отметить, что члены династии Турловых в период XVI–XVIII вв. именовались в арабоязычных документах Дагестана титулами «эмир» и «султан», в документах, написанных на тюркском языке титулом «бек» и «бей/бий» (весьма редко и «Туръхан»), а в чеченском языке существовал древний социальный термин – «эла» (князь, правитель)[96]. В русских документах члены фамилии Турловых называются «владельцами» и «князьями», но обращение к ним от комендантов Кизляра было либо безличным, либо достаточно скромным – «Ваше почтенство».

На этом по существу и прекращается история Чеченского феодального владения и чеченской правящей фамилии. Но за период второй половины XVII–XVIII вв. на протяжении всей Чеченской плоскости успело сложиться сильное национальное ядро: «пространство… обитаемое одним племенем… не имеющим никакого между собой политического разделения… везде то же самое равенство и безначалие, совершенно одни нравы, обычаи и наклонности…»[97].

Список старших князей-правителей Гумбета и Чеченского княжества-государства на сегодня выглядит следующим образом[98]:

Имя		Время правления	
		Начало	Конец
1.	Каракиши	не позднее 1604 г., а скорее – не позднее 1589 г.	не ранее 1618 г.
2.	Турурав I	не ранее 1618 г.	ранее 1645 г.
3.	Загаштук	не позднее 1645 г.	не ранее 1674 г.
4.	Алихан	не ранее 1674 г.	не ранее 1675 г.
5.	Бартихан	не позднее 1679 г.	80–90-е гг. XVIII в.
6.	Турурав II	80–90-е гг. XVII в.	80–90-е гг. XVII в.
7.	Мухаммад	90-е гг. XVII в.	90-е гг. XVII в.
8.	Амирхамза	не позднее 1708 г.	не позднее 1728 г.
9.	Хасбулат/Казбулат	не позднее 1728 г.	до 1732 г.
10.	Айдемир	с 1732 г.	до 1746 г.
11.	Алибек	с 1746 г.	до 1757 г.
12.	Арсланбек/Расланбек (первый раз)	с 1757 г.	до 1769/70 г.
13.	Ахмадхан	с 1769/70 г.	до 1770/71 г.
14.	Алисултан	с 1770/71 г	до 1774/75 г.
15.	Арсланбек/Расланбек (вторично)	с 1775 г.	до 1784 г.
16.	Кучук (в Гумбете – ?)	с 1828 г.	до 1840 г.

§3. Становление Надтеречной Чечни и Терско-Гребенского казачьего войска

Политическая история Надтеречного региона берет начало с середины XVII в., когда эта благодатная степная территория не только стала напрямую заселяться, в частности брагунским племенем и выходцами из горной Чечни, но и широко использоваться в хозяйственных целях чеченскими аулами Правобережной Сунжи. Следует также отметить, что в отдельные периоды первой половины XVII в. на восточной оконечности Терского хребта, омываемого течением Терека и Сунжи, существовало несколько казачьих сторожевых городков, переселившихся затем на левый берег Терека.

Надтеречная Чечня имела довольно четкие географические границы, определенные на севере течением Терека в зональном направлении с запада (поворот реки начинается от впадения Курпа) на восток, до слияния Сунжи с Тереком, а на юге собственно Сунженским хребтом (от 0,2 до 0,8 тыс. м над уровнем моря). Неширокая Алханчуртская долина отделяет Сунженский хребет от параллельно тянущегося Терского хребта (0,4–0,6 тыс. м над уровнем

моря), который заканчивается на востоке коротким ответвлением – Брагунским хребтом.

Между правым берегом Терека и Терским хребтом также с запада на восток, до Брагунского хребта располагается узкая полоса Надтеречной равнины. Терский и Сунженский хребты, сложенные глинами и песчаником, имеют пологие склоны и плоские вершины, благоприятные для хозяйственной деятельности, хотя и бедны водными источниками. Поэтому и заселение данного региона происходило своеобразно – постоянные поселения появлялись в первую очередь на самой восточной части, где воды Терека и Сунжи сближаются максимально, и в самой западной части региона, где густо встречаются родники, ручьи и выпадает значительное число осадков.

Брагуны/Бораган. В исследуемое время первым постоянным поселением в Притеречье, если не считать Терскую крепость 1567–1570, 1578 гг. и казачьи городки XVII в.[99], явилось селение Брагуны, основанное небольшой тюркоязычной этнической группой неясного этногенеза передвигавшейся своими кочевьями в XV–XVI вв. с запада на восток по Северному Кавказу вместе с кабардинцами. Топонимы «бораган», «боргустан» встречаются на Северо-Западном и Центральном Кавказе, на р. Сунжа (в пределах современной Ингушетии), где находится мусульманский мавзолей XV в. «Борга-каш» (могила Боргана), а также в Северном Дагестане[100].

В конце XVI – начале XVII в. брагунцы находились в Кабарде, откуда их вывел находившийся в родстве с правящей брагунской фамилией служилый кабардинский князь Муцал Черкасский и поселил «вблизи» Терского города. Во время очередной феодальной междоусобицы брагунцев силой увел горский князь Казаналп Эндерейский, который поселил их в качестве вассалов на Кумыкской плоскости. С помощью русских сил терский князь Муцал «вывел» главу брагунцев Ильдар-мурзу Куденетова с подвластными людьми в конце 40-х гг. XVII в. из-под власти Эндерея и поселил «на Сунже реке» в районе ее слияния с Тереком. На тот момент Ильдар с братьями имел подвластных «человек с 400» (мужчин боеспособного возраста). Поселение Брагуны находилось в 2 верстах выше Сунженского острога, а пашни брагунцев тянулись по р. Сунжа до 7 верст. Кстати, брагунцы помогали русским в строительстве упомянутого острога лесом и транспортом[101].

Окончательное закрепление брагунцев на Терской косе состоялось только в 1653–1654 гг. при Куденет-мурзе. Предания брагунцев утверждают, что селение здесь решил основать предводитель племени Борахан, когда при переправе каравана через Сунжу в спицы арбы втиснулся огромный осетр[102].

Выбор места поселения оказался удачным, а оседлость брагунцев прочной. Занимаясь полеводством, скотоводством, садоводством и ремеслами, промышляя «торгом леса» (который сплавлялся в русские укрепления по Те-

реку) и другими товарами, брагунцы к началу XVIII в. заняли прочное положение на стыке Чечни с затеречными степными землями, казачьими станицами на севере и с кумыкскими владениями на западе. С.М. Броневский (1823 г.), пользовавшийся в своей работе данными конца XVIII – начала XIX в. сообщает, что «брагунские жители упражняются в земледелии и скотоводстве, разводят также виноградные сады и хлопчатую бумагу, сеют сорочинское пшено, ячмень, пшеницу и торгуют произведениями с россиянами»[103].

В черте владений брагунских князей находились и «Петровские теплые целительные воды», обследованные в XVIII в. Г. Шобером и И.А. Гильденштедтом и использовавшиеся горцами и казаками в целях лечения[104].

Отдельные специалисты утверждают, что брагунцы, как и жители селения Бамат-юрт (образовавшегося во второй половине XVIII в.), говорят брагунским говором терского диалекта кумыкского языка. Однако самое серьезное влияние на лексику и особенности строя тюркского языка брагунцев оказал постоянный «подмес» чеченского языка, в т.ч. и за счет раннего (еще в XVII в.) переселения сюда чеченцев-мичкизовцев. Так, в топонимике брагунцев географические названия имеют окончания, характерные только для нахских языков[105].

Во второй половине XVIII в. Брагунское владение описывается в русских источниках как имеющее «верст двадцать в длину по берегу Терека, начиная от Девлетгиреевой деревни (основана в 1751–1754 гг. – Я.А.) до устья Сунжи». На севере оно граничило по Тереку с Кизлярским уездом (и казачьими землями), к востоку и югу за Сунжей с Качкалыковским обществом и землями Чеченского владения[106], которые заходили и на левый берег Сунжи до вершины Терского хребта; на другом склоне хребта по направлению к Тереку находились земли Девлет-Гирей-аула.

В документах и других источниках под разными годами встречаются имена брагунских князей: это «брагунский бей Салтан-бек» (под 1708 г.), Мудар (или Мурат), отмеченный попыткой прорыть канал для мельницы между Тереком и Сунжей (40-е гг. XVIII в.), княжна Кичибике, опиравшаяся в своем правлении на чеченских узденей, из которых один «мичкизянин Исуп» являлся «ближним» (1757 г.); князь Арслан-бек Мударов имел «эмчеками» (молочными братьями) чеченцев-мичкизян; в 1782 г. князь Куденет Баматов сообщает, что до 100 дворов из Чечен-Аула, Алдов и Карабулака просят его покровительства и разрешения переселиться на левый берег Сунжи[107], и т.д.

Нам ничего неизвестно относительно общинного самоуправления в Брагунском владении. Местная княжеская фамилия правила вполне самовластно, опираясь на влиятельных узденей. Единственно, в 1748 г. упоминаются некие «брагунские старики», которых владелец Мудар направил участвовать в посредническом суде для примирения чеченских князей.

В течение XVII – начале XVIII вв. Брагунское феодальное владение было прочно вписано в политическое и этнохозяйственное поле Чечни, сохраняя вместе с тем курс на мирные, доверительные отношения с российской стороной.

Девлетгиреевское владение (Девлет-Гирей-аул, Дойкар-аул). Оно возникло в 50-х гг. XVIII в. в Надтеречной Чечне усилиями «гребенчуковского владельца», сына генерал-майора русской службы Эльмурзы Бековича-Черкасского (командовал иррегулярным Терским Кизлярским войском). Владение состояло из двух аулов (не считая хуторов) – Девлет-Гирей-аул (Старый Юрт) и Бамат-юрта (Новый Юрт), которое было заложено в 1770 г. сыном Девлет-Гирея Бамат-Гирей Бековичем-Черкасским, расположенных у северного подножия Терского хребта (вершина «Араз-гора») в узкой притеречной долине.

На западе границы владения ограничивались возможностями хозяйственного использования земель, на севере река Терек отделяла владение от станицы Червленная, на востоке находились угодья Брагунского владения, а на юге граница шла по Терскому хребту по линии выходов горячих источников: «нижну сторону Горячего колодца», обращенную к Сунже, контролировали чеченские князья, а «верхну сторону колодца», обращенную к Тереку, князья Бековичи и девлетгиреевцы[108].

Согласно данным этнографа Н.Г. Волковой, в позднее время в Старом Юрте жили представители фамилий аккинцев (ауховцев), зандаковцы, кей (кейцы), чертой, чинхой, энгеной, цонтарой, курчалой, чермой, а в Новом Юрте было смешанное кумыкско-чеченское население (цонтарой, беной, ширдой, дишни, ялхой, кумыки аксайские и собственно брагунские кумыки). Информаторы утверждают, что в Старом Юрте со дня его основания жили своими кварталами горские евреи-ремесленники и «черкзи» (кабардинцы)[109].

В 1758 г. селение Девлет-Гирея на Тереке, созданное им после ухода из Герменчика (жители которого явились ему «ослушны»), было осмотрено и описано капитаном Головачевым: «Оной владелец построился близ Терка на поляне… обвалено вокруг всего жилища из валежника засека… (в центре. – Я.А.) двор помянутого князя Девлетгирея… узденские и холопьи избы, коих по щету явилось 25, а зделаны турлуковые, вымазаны глиной и крыты плетнями и камышем, а сверху землею»[110].

В связи с тем, что поселение Девлет-Гирея фактом своего возникновения нарушило границы Чеченского владения, Брагунского княжества и интересы Червленской станицы, имевшей покосы на правом берегу Терека, здесь начались серьезные трения, в которые вмешались и царские власти.

Из сугубо частновладельческого аула Девлет-Гирей-аул после смерти князя (1769 г. – Я.А.) постепенно превращается в крестьянскую аульную общину, которую возглавляет выходец из кизлярских слободских окочан уздень

«Аджи-Элбузди Менкишеев». К 1773 г. относится сообщение, что «вместо его (Девлет-Гирея. – Я.А.) малолетнего сына, управлял деревнею староста или ходжи Элбузди. Она велика, имеет много скота, но земледелием занимаются мало». Через 10 лет, в 1784 г., здесь насчитывают до 400 дворов[111].

Процесс вытеснения владетельных князей, наблюдавшийся в чеченских аулах по Сунже и Аргуну, не миновал и первые притеречные селения Чечни. Молодой князь Бамат-Гирей Бекович-Черкасский где-то в 70–80-х гг. XVIII в. основывает новое частновладельческое село Бамат-Юрт (Новый Юрт) вследствие ослабления своих позиций в Старом Юрте. Из сообщений 1800 г. становится известным, что командующий Кавказской линией разрешает «поручику Иналу Бековичу Черкасскому» (из той же фамилии) с подвластными ему людьми «селиться на правой стороне Терека, в урочище Верхне-Кожаке (в Малой Кабарде. – Я.А.)[112]. Вероятно, крестьянское общественное самоуправление сменило княжескую власть и в Новом Юрте.

Заселение Притеречья и Терско-Сунженского хребта. Следует отметить, что собственно на участки по хребту и в Надтеречной равнине претендовали и чеченские селения, располагавшиеся по правому и левому берегу Сунжи. Здесь в 80-х гг. XVIII в. в результате крестьянской и феодальной колонизации образовались такие селения, как Амирханов брод (основали алдынцы), селение гехинского старшины Кайтуки; так же за Сунжей на левом берегу «в урочище Тегенек-Тама» (район современного селения Алхан-Кала) поселился чахкеринский (атагинский) князь Алихан (Алхан) Нурмаматов[113].

Царское правительство, начиная с основания Моздока в 1762 г., рассчитывало выселить максимально большое количество горцев из горных, «крепких мест» под Моздок и по Тереку, где их можно было легко контролировать с помощью военной силы. Так, в марте 1783 г. генерал Текелли (Текели) доложил всесильному фавориту императрицы Екатерины Второй князю Г.А. Потемкину, что чеченские владельцы Казбулат Топлинской и Алибек Батырханов просят «с несколькими подвластными… переселиться… к Тереку, на плоскость… удаляясь от злодеев». При этом выяснилось, что тот же Казбулат имеет в собственности на Терском хребте нефтяной колодец и получает «со оного доход». Текелли предложил поселить указанных князей по Тереку, ниже Моздока напротив станиц «Моздоцкого казачьего полку»[114].

Процесс переселения чеченских князей на Терек усилился после 1785 г., когда в Чечне развернулось народное движение под руководством имама Мансура, имевшего и социальную направленность. Происходит настоящий исход титулованной знати из-за Сунжи на правый берег Терека.

По данному поводу известный знаток прошлого народов Кавказа П.Г. Бутков писал, опираясь на документальные источники: «Сии владельцы… основали новые селения на плоскости между Сунжи и правого берега Терека в

противоположности гребенских и моздоцких казачьих станиц, как-то девлет-гиреевцы… имели в 1784 году 400 дворов, Росламбековцы, при Росламбеке Айдемирове выгнанные… имели в двух селениях 400 дворов, Кайтуковцы, Терловы… против Наура основали два селения; казбулатовцы… основали селение около Наура близ Терловых»[115].

Официальный документ от 1841 г. подтверждает в основных чертах информацию П.Г. Буткова, что земли по правому берегу Терека «более сорока лет тому назад (т.е. в конце XVIII в. – Я.А.)… были отданы в владение предкам… лиц (Эльдаровы, Алхасовы, Турловы и др. – Я.А.) с условием водворить там аулы… владельцы привлекали к себе кумык и чеченцев… и новые поселенцы… производили у владельцев все сельские работы, платили им ясак… [Так] образовались значительные деревни, которые некоторым образом считались уже собственными»[116].

Выясняется, также, что из-за нехватки чеченских князей привлекались на Терек и близкие чеченцам кумыкские князья. Тот же представитель тарковских князей Алхасов Али, пригласив чеченцев, основал в 1798 г. напротив станицы Галюгаевская селение Али-юрт. Селения в Надтеречье основывала и нетитулованная чеченская верхушка. В 1797 г. чин прапорщика получил некий «Улумо Мудо-Рук Саидов… [который] живя с народом около реки Терека принес с ним покорность правительству». В прошении ротмистра У. Лаудаева от 1862 г. говорилось, что «его прадет Ногай-Мирза… переселился (из Нохч-Мохка. – Я.А.) на Терек где [основал] тот аул… Ногай-Мирза-Юрт»[117]. Это был, пожалуй, самый западный аул в истории расселения чеченцев в XVI–XVIII вв., если не считать Пседаха, основанного позже, в первой четверти XIX в.

В 40-х гг. XIX в. в междуречье Терека и Сунжи было, без учета Старого Юрта и Брагунов, не менее 16 селений, в которых считалось до 1900 домов и до 5,5 тыс. жителей (мужчин). Заселены были надтеречные селения, по мнению Н.Г. Волковой, главным образом нохчмохкоевскими фамилиями, а также выходцами из приаргунских и галанчожских горных обществ, из сел Кумыкии и даже Нагорного Дагестана[118].

Система управления в аулах Надтеречной Чечни, за исключением нескольких крестьянских сообществ, была «княжеской», с наличием только отдельных институтов горской сельской общины. В таких селениях, говорится в документе XVIII в., «поселяются добровольно чеченцы на праве оброка, но не дают помещикам никакой над собой воли. Они дают (князю. – Я.А.)… за землю некоторое количество в год хлеба, пашут его поле, сеют, жнут, косят траву; он же во все время этих работ сытно их кормит»[119].

Господствующим диалектом в Надтеречной Чечне стал нохчмохкоевский диалект, на основе которого, как известно, сложился плоскостной диалект Чечни.

Таким образом, процесс внутренней колонизации Чечни в конце XVIII в. охватывает и северные районы страны, т.н. Надтеречную Чечню, площадью более 2 тыс. кв. км, вводя ее в хозяйственное и этнополитическое поле всей Чечни. Следует отметить, что как бы не старались «верноподданные» России владельцы терских аулов дистанцироваться от коренной части Чечни, им это не удавалось. «Кровная» связь со «старыми» аулами упрочивалась теперь у терчан и на экономическом интересе.

Вместе с тем, необходимо учитывать то обстоятельство, что заселение Надтеречной Чечни совершалось не только с формального соизволения российских властей, но и преодолевая их сопротивление. Так, прочное и густое заселение левобережья Терека между Моздоком и Червленской станицей новыми казачьими станицами и укреплениями в 70–80-х гг. XVIII в. сделало неактуальной идею заселения правобережья лояльным горским населением. Тем более что с заселением чеченцами правобережья Терека усиливалось их стремление к открытию противоположного берега в хозяйственных целях (главным образом зимние пастбища) и для беспрепятственного сообщения со степными народами (ногайцами, калмыками), Большой Кабардой и «старыми» станицами Терско-Гребенского казачьего войска. К началу XIX в. правый берег Терека «на протяжении ста верст» (от Моздока до укрепления Амир-Аджи-юрта. – Я.А.) принадлежал Чечне[120]. Теперь чеченские аулы все активнее «заглядывали» на левый берег Терека.

Терско-Гребенское войско. Складывание казачьей линии по Тереку. Появление первых русских поселений в пределах современных границ Чечни относится к 1567 г., когда при впадении Сунжи в Терек была сооружена первая русская крепость на Кавказе. В 1571 г. после сожжения Москвы крымским ханом Девлет-Гиреем по требованию Стамбула Терская крепость была снесена, а гарнизон выведен к Астрахани[121].

В 1578 г. русская крепость в виде Сунженского острога возобновляется на Терской косе, на Сунже, однако из-за угрозы крымско-турецкой стороны вновь сносится в 1579 г., а стрельцы выводятся на Волгу. Однако казаки на этот раз продолжают нести свои службы в стратегически важном районе бродов и переправ, где скрещивались военно-торговые пути. Это были т.н. «вольные» казаки, представлявшие собою вооруженные отряды во главе с выборными атаманами, служившими за «повременную плату»[122]. «Вольными» они назывались в отличие от «служилых» и «городовых» казаков, имевших постоянное жалованье и назначенных «голов» в качестве командиров. Представляли собой казаки род легкой иррегулярной кавалерии, выполнявшей охранную, разведывательную и походную службы в мирное и военное время.

Начиная с 1578 г. и вплоть до строительства большой крепости в низовьях Терека в 1588–1589 гг., терские «вольные» казаки числом до 500 человек

находились в ведомстве чеченского (ауховского) владельца Ших-мурзы Ишеримова. Князь заявлял, что он находится в союзе с русскими людьми, начиная с основания первой русской крепости и при жизни своего отца Ушармы (Ишарим): «а мы тогда с твоими государевыми с терскими атаманы и казаки тебе, государю служили…». В челобитной терских казаков от 1588 г. указывалось, что они «промышляли всяким государевым делом заодин с Ших мирзою с Окуцким…»[123].

В этот период, когда Ших-мурза был «в головах» прорусской партии на Северо-Восточном Кавказе, казаки находились во временном лагере где-то в лесных чащах в районе терско-сунженских переправ. Это обстоятельство подтверждает великий турецкий полководец Осман-паша, который в 1583 г., возвращаясь из иранского похода, на пути в Азов подвергся на Сунже нападению «казаков», отбил их и в ходе преследования, обнаружив в лесах казачий «табор», сравнял его с землей[124].

Таким образом, указанный казачий табор – легкозащищенный временный лагерь – первое свидетельство о пребывании русских казаков на территории нашей страны.

К 1586 г. относится известие, что группа казаков расположилась у «Горячего Колодца» (район современной станицы Горячеисточненская) на Терском хребте, а на левом берегу Терека находятся две их станицы – Нижняя и Верхняя[125].

В 1588–1589 гг. в нижнем течении Терека, на самой северной протоке в 20 верстах от впадения Терека в Каспий, сооружается крупная русская крепость с артиллерией и сильным гарнизоном из стрельцов и городовых казаков. Терские же «вольные» казаки, служащие «за жалованье» – от случая к случаю, устраиваются в районе сосредоточения терско-сунженских переправ, где на Терской косе, на месте «Сунщина городища» был поставлен теперь небольшой острог. Все это входило в систему своеобразного «предполья» Терской крепости. Так, в 1589 г. терский воевода сообщал, что «вемли все перевозы занятии и укрепити… а по перевозам послали терских вольных же казаков сто человек»[126].

Казаки селились маленькими отрядами по 20–30 человек в «городках» – небольших укреплениях, огороженных рвом и валами с деревянным тыном. Причем казаки, селившиеся на Терском хребте (гребне), назывались гребенскими, а располагавшиеся по берегу Терека – терскими. В конце XVI – первой половине XVII в. казачьи городки встречались и в нижнем течении Терека по северным протокам: «на Кизляре» и «на Быстрой»; а также и выше между урочищем Моздок и Цареву Броду (до впадения Сунжи). По левому берегу Терека наблюдались отряды атаманов Досая, Парамонова, Оскина, Щевеля и др. Известны по документам Уразов городок, Верхний и Нижний Черленой,

Ищерский и Наурский. На правом, южном берегу Терека на Терском хребте и у его подножия возникали и исчезали такие городки, как:
Леонтьев, Кошлаковский, Щадрин, Сарафанников и Медвежий. На левом берегу собственно нижнего течения Сунжи напротив впадения рр. Белая (Гумс), Черная (Джалка), Быстрая (Аргун) и Гремячая также, возможно, находились временные казачьи городки[127].

Согласно данным целого ряда авторов, основная часть правобережных казачьих городков вплоть до середины XVII в. гнездилась на Терском хребте и в его восточной оконечности – Брагунском хребте, где находились и все упоминаемые в источниках «казачьи» топонимы: Павлова щель и Павлов колок, Голый гребень, урочище Голый камень, Пименов дуб, Белые реки и т.д. Привлекательность верхней части Терского хребта объяснялась тем, что отсюда обозревались оба берега Терека и «вся степь… на три стороны от Пятигорской Кумы до моря»[128].

Ввиду того, что основным средством существования вольных терско-гребенских казаков в XVI–XVII вв. были набеги и грабежи, охота и рыболовство, они «кочуют», не задерживаясь надолго на одном месте. Колебалась и их численность – от 300 до 500 человек-мужчин. В 1628 г. «многие терские казаки… збежали на Дон», в отписке 1631 г. сообщается, что терско-гребенские казаки «на государеву службу идти не хотят, а бредут розно…». Но и в местные казачьи городки и станицы бежали из Руси участники народных восстаний, беглые пленные из горских аулов и сами горцы. На судьбы казаков влияли и политические события. Так, в 1653 г. после нападения горского войска совместно с иранскими силами на Сунженский острог до 10 казачьих городков прекратили свое существование[129].

К середине XVII в., по крайней мере, часть терско-гребенских казаков предстают оседлыми и, что еще важнее, семейными. Более того, складывается единое казачье сообщество – «войско». Здесь известны такие институты, как: казачий войсковой круг (собрание казаков-воинов «всей реки»), станичный атаман – глава «станицы» – казачьего отряда и поселения, войсковой атаман – глава всего войска (таким избирался один из станичных атаманов). Первым войсковым атаманом в 30-х гг. XVII в. стал Федор Шевель. В период военных действий избирался и походный атаман (нередко тот же войсковой атаман)[130].

Со второй половины XVII в. усиливаются попытки центральных и местных, терских властей обязать вольных казаков к постоянной службе через регулярное снабжение припасами (мука, порох, свинец, оружие) и выплатой денежного жалованья. Эволюция вольного казачества в служилое завершилась в правление Петра Первого, когда, во-первых, мелкие городки в 1711–1712 гг. были сведены в 5 станиц на левом берегу Терека (Червленная, Щадринская,

Новогладовская, Старогладовская и Курдюковская), а во-вторых, когда в 1721 г. гребенцы были подчинены ведению Военной коллегии. В дальнейшем гребенских казаков частями переводили то на Сулак (1723–1725 гг.), то под Кизляр (1735 г.), то увеличивали поредевшие станицы за счет донских и волжских казаков. В 1735 г. было учреждено из остатков переселенных на Кавказ донцов еще и Терское Семейное казачье войско в трех станицах – Каргалинская, Дубовская и Бороздиновская[131].

Рис. 20. Гребенской казак и казачка (рис. 1802 г.)

Начиная с 1770 г. в пространстве между Моздоком и Червленской станицей по Тереку царские власти поселяют 850 семей донских и волжских казаков (Моздокский Казачий полк) в станицах Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская и Калиновская. Выше Моздока, напротив Кабарды, стали укрепленные станицы Екатериноградская, Павловская, Марьинская, Георгиевская, Александровская и несколько одноименных крепостей. Общее число казаков, расселенных по Тереку напротив кабардинских, чеченских и кумыкских земель, составило к 1792 г. 11241 чел. мужского пола[132].

Следует отметить, что в 1770–1774 гг. объединенными усилиями чеченских и кабардинских сил станицы Галюгаевская, Ищерская и Мекенская были сожжены, а многие казаки «убиты и увлечены в плен». С отнятием левого берега Терека от Червленной до Кабарды и степных пространств на всем протяжении Кавказской военной Линии горцы не только «лишились изобилия и богатств», но и получили резкое усиление грабежей их аулов и табунов русскими силами[133].

Следует отметить, что вследствие культурно-хозяйственной диффузии, межэтнических контактов, в т.ч. и взаимных браков, бегства горских и тюркских представителей в казачью среду здесь рано сложилась гребенская субэтническая группа русского народа.

В 1771 г. путешественник И.А. Гильденштедт так описывал гребенских казаков и их хозяйство: «казаки со Старогладкой и выше до Червленной называются гребенские. Сначала они жили на и у горного хребта (гребня) предгорий, [а потом] были переселены, причем сохранили свое название… Когда они еще жили в горах, то по большей части состояли из беглых людей, которые потом похищали себе жен у горных народов, что и сейчас видно по чертам лица у многих [из них]… Летом они переселяются чаще всего в маленькие черкесские жилища…

Они занимаются только скотоводством… и живут за счет казенного провианта. Но так как последнего не хватает для жен и детей, то они, как татары, возделывают немного пшеницы… рожь… ячмень… просо… коноплю. В их садах имеются арбузы, многочисленные дыни, тыквы, огурцы, репа, редька, хрен, капуста, лук, бутылочная тыква и во многих также виноград. Многие казачки занимаются шелководством, но почти только для домашнего пользования»[134].

Таким образом, казачья Линия, по Тереку соседствующая с Чечней, была вовлечена, в определенной степени, в этническое и хозяйственное поле страны, являясь своеобразным компонентом и участником исторического процесса в крае, наряду с ногайцами, армянами и грузинами, также активно расселявшимися по Тереку, под Кизляром и в Бурунной степи и связанных с Чечней в XVI–XVIII вв. торговыми, хозяйственными, культурными и родственными связями.

В 1785 г. Екатерина Вторая учредила Кавказское наместничество, включив в него Астраханскую и Кавказскую области. В 1786 г. были определены границы Кавказской губернии, ее округов и уездов. В частности по Тереку пролегли границы следующих уездов: «1.й Кизлярский уезд по Каспицкому по морю до устья Терека, и поооному вверх до самых границ где кончается дача Гребенского войска, от оной прямо к норду, до реки Кумы, вправо сей линии земля Кизлярской округи, влево Моздоцкой округи. 2.й Моздоцкая округа начинается от помянутых дач Гребенского войска, вверх по Тереку, до урочища Ерашты, от оной прямою линиею к норду»[135].

Следует в заключение настоящей главы отметить, что в XVI–XVIII вв. благодаря во многом бурному освоению плоскости политическое устройство Чечни, что, на первый взгляд, парадоксально, развивалось от феодального, аристократического типа к «народоправству». Очаги княжеского правления в Чечен-Ауле, Атагах, Герменчике, в пограничных аулах западной и восточной частей Чечни утрачивают «княжеско-узденскую надстройку». В какой-то мере «частнособственнические» аулы возникают в Надтеречной Чечне, но в целом политическую карту плоскостной Чечни определяют системы, которые С.М. Броневский назвал «крестьянскими республиками».

Второе частное замечание касается Терско-Гребенского казачьего войска, которое, пусть и в другой системе координат, складывалось по типу горского «вольного» общества. По крайней мере, в XVI–XVIII вв. отношения чеченцев с гребенскими казаками выстраивались на той же основе, что и с другими горскими соседями. С ними могли враждовать, но никогда не стремились их уничтожить как, например, станицы Моздоцкого казачьего полка. Гребенские казаки воспринимались в Чечне как своеобразная часть горского мира.

В-третьих, необходимо учитывать, что заселение Надтеречной равнины и в целом междуречья Терека и Сунжи от Брагунов на востоке до Кабарды на западе подчинялось известной закономерности в общем процессе реконкисты и миграции чеченцев на север от гор. Данное освоение левобережья Терека не было частным явлением, обязанным стремлению горских князей создать анклав феодального уклада. Как правильно заметил один из современных историков-этнографов (Ю.Ю. Карпов) со ссылкой на У. Лаудаева и др., что чеченцы освоили вначале долину Сунжи (Чеченская равнина) и «прошли далее к Тереку». Затем: «Старейшины чеченского народа обсуждали… вопрос о том, чтобы перекинуться на левый берег Терека и хозяйственно овладеть левобережными бурунами…» и, вероятно, распространились бы далее за оною, если бы не встретили к тому препятствия «в виде колонизации края русским населением»[136]. На деле же чеченцы столкнулись за Тереком с крепостями и с укрепленными вплоть до артиллерии станицами Моздоцкого казачьего полка, а не с русской крестьянской колонизацией.

В качестве общего вывода можно также заметить, что, несмотря на видимую раздробленность политической карты Чечни, здесь четко проявлялось действие центробежных сил, что видно на примере регионального типа больших образований, как Чебарлой, Шарой, Шатой, Карабулак, Чеченское владение, Нохч-Мохк (Ичкерия), составленных из множества вольных обществ. Весьма важным фактором, обуславливавшим единство, кроме наличия общих политических интересов всех чеченских обществ и складывания единого хозяйственного поля, было складывание единого чеченского языка и победа ислама как монотеистической религии в подавляюшей части обществ Чечни до конца XVIII в.

Чеченцы, раздробленные на множество фамилий, аулов, обществ и региональных зон, ущелий и ассоциаций, смогли в течение своей истории выработать общие адаты, научились политической и общественной дисциплине, солидарности в общенародных делах.

Политическое устройство Чечни в XVI–XVIII вв. показывает вместе с тем и тяготение в отдельные периоды некоторых нахских обществ по периметру страны на Кумыкию, Нагорный Дагестан, Грузию и Кабарду, не говоря конечно об общей ориентации чеченцев на Россию в XVIII в.

В целом генезис чеченских обществ в своих естественно-исторических округах и регионального типа ассоциациях (своеобразных протогосударств – «крестьянских республик») в течение XVI–XVIII вв. привел к появлению и соответствующих общенациональных установок, целей и задач, например, в плане освоения плоскости в западном, северном и восточном направлениях.

---

[1] См.: Гашимов И. Сунженский перевоз // Советский Дагестан. № 1. Махачкала, 1969; Его же: Дагестано-кабардинские политические отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 4. Махачкала, 1974; Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. № 11. Нальчик, 2004; и др.

[2] См.: Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVII. Народы Кавказа. Кн. 1. М., 1993. С. 32; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 116–124; и др.

[3] Багаев М.Х. Население плоскостной части Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII–XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 67.

[4] См.: Генко А.И. Из культурных прошлых ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т. 5. Л., 1930. С. 694; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 54–55; Шаова С.Д. История кабардинцев бассейна р. Сунжа в XVI – середины XIX в. и их взаимоотношения с вайнахами. Рук. дисс. канд. истор. наук. Армавир, 2002. С. 80–81, 100–103; и др.

[5] См.: РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 555. Л. 203; РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 7–7 об.; АВПРИ МИД РФ. Кабардинские дела, 1751 г. Д. 1. Л. 1–1 об.

[6] Шаова Л.С. Указ. соч. С. 123.

[7] Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2-х т. / Сост. И.К. Павлова. СПб., 2004. С. 162.

[8] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 36 об. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII в. //Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.) Тем. сб. статей. Грозный, 1980. С. 45–46; Бирюков Андрей. Дела давно минувших дней // Ж. «Дош». № 4. М., 2004 (Здесь опубликованы документы РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 36. Л. 33).

[9] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 37–37 об.

[10] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 187; Там же: Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1784–1785 гг. Оп. 111. Д. 1. Л. 3–4 об.; Броневский С.М. Указ. соч. С. 182; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 166–167; и др.

[11] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 30–41, 44–45; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. (Архивный источник о миссии представителя российских властей в Карабулаке) // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Грозный, 1989. С. 48–49.

[12] Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 243.

[13] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 187–188 об.; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 74.

[14] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 59–59 об.; АКАКА. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 949; Броневский С.М. Указ. соч. С. 182.

[15] Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея. Вып. XI. Грозный. 1975. С. 70; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Указ. соч. С. 51.

[16] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 11 (Копия); Гантемирова Г.А. Указ. соч. С. 71.

[17] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 11 (Копия).

[18] См.: Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 310; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 169; Сулейманов А. Указ. соч. С. 410–411.

[19] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 36; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 59 об.; Карта XVIII в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:akka.ru/photos/_rus/phot.big.79 (карта).

[20] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 4.

[21] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 36; Д. 1183. Л. 10; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 169.

[22] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1183. Л. 10–10 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 169.

[23] См.: Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т. 23. Кн. 9. СПб., 1856. С. 71, 75–76; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 90; Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный, 2006. С. 500; Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. Махачкала. 2006. С. 24–25.

[24] См.: Сулейманов А. Указ. соч. С. 499; Полевые материалы Я.З. Ахмадова за 1983 г. Информаторы: Таипов М., Салтамурадов Д.С. из сел. Чечен-Аул Чеченской Республики; и др.

[25] См.: Ахмадов Я.З., Оразаев Г.М.-Р. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII вв. (публикация источника) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII–XVIII). Грозный, 1983. С. 30–31; Козлов С. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Изд. 2-е. СПб., 2002. С. 23.

[26] См.: Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. Сб. док. / Сост. Е.Н. Кушева. С. 200; Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке // Вопросы истории Чечни. Т. XI. 1977. С. 89–90; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 71–72.

[27] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1720 г. Оп. 115/1. Д. 3. Л. 1; Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 123.

[28] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 31 об., 53 об., 157 об. – 158; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 50, 242, 273; Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С. 144, 149; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 171–172; и др.

[29] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3584. Ч. II. Л. 43; Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 85; Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 172; и др.

[30] РГАДА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 38 об.

[31] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 680. Л. 82–82 об., 89; Там же. Оп. 1. Д. 855. Л. 61; Там же. Оп. 1. Д. 1183. Л. 6 об.; РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 4а. Л. 242; и др.

[32] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. 1804 г. С. 226.

[33] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/94. Д. 481. Л. 82–83; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1183. Л. 10–10 об.; Государственный архив Республики Грузия. Ф. 7. Оп. 8. Д. 4. Л. 1; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 186.

[34] Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 188.

[35] Лаудаев У. Указ. соч. С. 85.

[36] Сулейманов А. Указ. соч. С. 513.

[37] Там же. С. 513.

[38] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 580. Л. 105; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док. / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988. С. 47–48; Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе русского пограничного города Терки в XVII в. // Феодализм в России. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 30 октября – 1 ноября 1985 г. М., 1985; и др.

[39] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3378. Ч. IV. Л. 46–46 об.; Там же. Д. 3812. Ч. IV. Л. 31.

[40] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3372. Л. 1–2 об.; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 269–269 об.; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб., 1859. С. 258.

[41] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1755–1757 гг. Оп. 115/1. Д. 14. Л. 1; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3378. Ч. IV. Л. 48–49; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.). Рук. дисс. канд. истор. наук. М., 1966. С. 325–327.

[42] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1170. Л. 18 об.

[43] См.: РГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 160; Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005. С. 65; и др.

[44] См.: Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 182; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 178–182.

[45] См.: Еропкин Д.Ф. Указ. соч. С. 123; Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 226; Броневский С.М. Указ. соч. С. 184; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 181; Сулейманов А. Указ. соч. С. 527, 533–535, 538.

[46] См.: Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812// История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. Махачкала, 1958. С. 245; Волкова Н.Г. Указ. соч. С.179.

[47] См.: Броневский С.М. Указ. соч. С. 184; Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kumukia.ru/modules; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского респ. краев. музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 62.

[48] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 20–20 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 179–180.

[49] Багаев М.Х. Указ. соч. С. 55, 70–71.

[50] См.: Шихалиев Д.-М.М. и его труд «Рассказ кумыка о кумыках». Ч. 2. Заселение Кумыкской плоскости; (предисловие и комментарии С.Ш. Гаджиевой). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kumukia.ru/modules; Арсаханов А.И. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959. С. 8; Саидов И.М. Землевладение и землепользование чеченцев и ингушей в XVIII–XIX веках // Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ. Т. 4. Вып. 1. Грозный, 1964. С. 163; Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992. С. 10–11.

[51] Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 13–18.

[52] См.: Арсаханов А.И. Указ. соч. С. 8–9; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 59; и др.

[53] Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 168.

[54] Арсаханов А.И. Указ. соч. С. 9.

[55] См.: Буцковский А.М. Указ. соч. С. 245; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 168.

[56] См.: Русско-чеченские отношения… С. 18; Исаева Т.А. О вхождении чечено-ингушских земель в состав Русского государства // Русское централизованное государство. Образования и эволюция. XV–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений. М., 1980; Магомедов Р.М. История Дагестана. Учеб. пособие. Махачкала, 1995. С. 109; Ахмадов Я.З., Хизриев Х.А. Аккинцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Ростов н/Д, 2005. С. 48–49.

[57] См.: Русско-чеченские отношения… С. 73–73, 140; Магомадов Р.М. Указ. соч. С. 109.

[58] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 84–85, 94–96.

[59] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 292, 296, 301, 325–326; Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе города Терки в XVII веке // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. М., 1985. С. 106–110.

[60] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 824. Л. 2; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в… С. 86, 234–235; Русско-чеченские отношения… С. 101, 121, 222; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 154–155; и др.

[61] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 681. Л. 104 об.; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 64–65; Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 102, 120–123.

[62] См.: Адилсултанов А.А. Указ. соч. С. 27–39.

[63] Карпов Ю.Ю. Краткие сведения по этносоциальной истории чеченцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kumukia.ru/modules (С. 5, 7 из 8).

[64] Самойлов К. Указ. соч. С. 75–76.

[65] Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 7–17, 24.

[66] См.: Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 90; Ахмадов Я.З., Оразаев Г.М.-Р. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII вв. (публикация источника) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII–XVIII). Грозный, 1983. С. 30–31; Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 193; и др.

[67] РГАДА. Ф. Кумыцкие и Тарковские дела. Оп. 1, 1652 г. Д. 1. Л. 7–8; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 260, 299.

[68] См.: Русско-чеченские отношения… С. 200; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 106–107.

[69] Оразаев Г.М.-Р., Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 34–35.

[70] Русско-чеченские отношения… С. 207, 220; Самойлов К. Указ. соч. С. 72–73; и др.

[71] См.: Русско-чеченские отношения… С. 205, 207. Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке… С. 90.

[72] См.: Русско-чеченские отношения… С. 218–219; Агларов М.А., Айтберов Т.М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Турулавом б. Али-ханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана XVII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981. С. 124, 126.

[73] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936. С. 240.

[74] См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб., 1830. С. 421; Материалы по истории Башкирской АССР. С. 232, 240–243; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 39–41; Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2(9). Махачкала, 2004.

[75] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1720 г. Оп. 115/1. Д. 3. Л. 1.

[76] См.: История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 70, 123; Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С. 144, 149.

[77] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 309.

[78] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 230; Ахмадов Я.З. Указ соч. С. 49; Бирюков А. Дела давно минувших дней // Ж. «Дош». № 4. М., 2004.

[79] См.: Смирнов В. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. Одесса, 1889. С. 206; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 49.

[80] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. С. 122; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 50–52; Боков Х. Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М., 2000. С. 10–12.

[81] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 113. Л. 41–42 об; Ставропольские губернские ведомости. № 9. 1858. С. 63; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 245–246.

[82] РГВИА, Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 79 сб., 94.

[83] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 94, 95; ЦГАРД. Ф. 379. Д. 3574, Ч. 4. Л. 9; Там же. Д. 3318. Д. II. Ч. 2. Л. 138; Там же. Д. 2901. Ч. 1. Л. 45.

[84] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Д. 3172. Ч. 1. Л. 49 об.; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 305.

[85] См.: АВПРИ МИД РФ. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 12 об.; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 109–110.

[86] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1757 г. Оп. 115/1. Д. 9. Л. 1; Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины (ЗТОЛКС). № 11, ноябрь, 1914. С. 93–94.; Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители… С. 22.

[87] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 134, 137, 139, 140, 142, 145, 149 об.; Там же. Ф. Осетинские дела, 1757 г. Оп. 128/1. Д. 1. Л. 25; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 66–67.

[88] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 231.

[89] Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // АЭС. Т. II. Грозный, 1968. С. 100, 102, 104.

[90] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 81–81 об.

[91] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Л. 82; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 107 об.; Там же. Д. 1171. Л. 43–43 об.; Д. 2709, Ч. III. Л. 55–55 об.

[92] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Л. 82–82 об; ЦГАРД. Ф. 379. Д. 2701. Л. 78; Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в XVШ в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Ч. 1. Вып. 1. Грозный. С. 71–72.

[93] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 3 об. – 4; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 158.

[94] См.: РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Л. 3, 161, 171; ЦГАРД. Ф. 379. Д. 2685. Ч. III. Л. 72, 93.

[95] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 2570. Л. 17; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. С. 223–224; и др.

[96] Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители… С. 22.

[97] Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. Махачкала, 1940. С. 309.

[98] См.: Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 30.

[99] Русско-чеченские отношения… С. 111–112.

[100] См.: Лавров Л.И. Надписи мавзолея Борга-каш // Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ Т. V. Вып. 1. История. Грозный, 1964; Ахмадов Я.З. Брагунцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. С. 76.

[101] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII веках. Т. 1. С. 302.

[102] См.: РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1 Л. 1–5; Русско-чеченские отношения… С. 39–88, 168–176, 276, 306; Сулейманов А. Указ. соч. С. 596; Материалы полевой экспедиции автора 1983 г. Информатор Хубиев А.А., 1934 г.р., житель с. Брагуны.

[103] Цит. по первому изданию: [Броневский С.] Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. М., 1823. С. 96–97.

[104] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 255.

[105] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 180–181; Сулейманов А. Указ. соч. С. 597; Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыки-брагунцы // «Возрождение». № 5. Махачкала, 1999. С. 30.

[106] См.: Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским… С. 162; Буцковский А.М. Указ. соч. С. 244.

[107] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2708. Ч. II; Там же: Ф. 379. Оп. 1. Д. 356. Л. 51; Д. 724. Л. 110; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 79; Ставропольские губернские ведомости. № 43, 46. Ставрополь, 1857; и др.

[108] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 7999. Л. 52.

[109] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 183; Сулейманов А. Указ. соч. С. 593; Полевые материалы автора за 1983 г.: информаторы Батукаев Э.А. и Гайлаев М., жители с. Толстой-юрт Чеченской Республики.

[110] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 425. Л. 22.

[111] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Д. 725. Л. 52. [Фальк] Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. СПб., 1824. С. 61; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 112.

[112] Любимов С.В. Указ. соч. С. 18.

[113] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1183. Л. 10–10 об.; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 186.

[114] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Л. 82–83.

[115] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 112.

[116] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века. Сб. док. М., 1959. С. 307–308; В июне 1840 г. таких аулов было: Старый Наур, Эмингуловский, Мурдарова, Ногай-Мирза-Юрт, Боян-Юрт, Кагерман-юрт, Мамакай-юрт, Гунешки, Мижи-юрт и др.

[117] См.: Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 183–184; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 302–303.

[118] Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 184–185, 188, 208–209.

[119] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159–159 об.

[120] Самойлов К. Указ. соч. С. 52.

[121] Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа, их связи с Россией. XVI – первая четверть XVII в. М., 1963. С. 243–244, 255.

[122] Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. 1578–1612 гг. М., 1888. С. XXXVII, 5; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 34–35, 36.

[123] Русско-чеченские отношения… С. 13, 18.

[124] Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism Daring the Regormation: Europe and the Caucasus. New-York-London. 1972. P. 83.

[125] Юдин П. Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. № 7. Владикавказ, 1913.

[126] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 81, 94, 119; Козлов С.А. О появлении русского казачества на Тереке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 3 (№ 16). Л., 1988. С. 90.

[127] См.: Русско-чеченские отношения… С. 111, 113, 122, 137, 172, 175, 208; Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // История и география России XVIII века. Ч. 2. М., 1981. С. 20, 28–43; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества… С. 12.

[128] См.: Ткачев Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Владикавказ, 1911. С. 170–172; Мужухоев М.Б., Плиев А.А. Об одной попытке определения места первоначального расселения гребенских казаков // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный, 1976. С. 351–358; Акиев Х.А. К вопросу о расселении гребенских казаков на Тереке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www.targim.ru; и др.

[129] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. С. 123; Гриценко Н.П. География расположения казачьих станиц по рекам Тереку и Сунже в XVI – середине XIX века // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 129; Козлов С. Указ. соч. С. 16–20; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cossackdom.com/book. (С. 17 из 27).

[130] См.: Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 229; Козлов С. Указ. соч. С. 22–25; Великая Н.Н. Указ. соч. Интернет (С. 17 из 27).

[131] См.: Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 23–25; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 194–195; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 130–131; и др.

[132] См.: Географические и исторические сведения о новой пограничной Линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем. СПб., 1790. С. 152; Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 52; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 133–134; Козлов С. Указ. соч. С. 117.

[133] АКАК. Т. V. Тифлис, 1873. С. 843; Козлов Сергей. Указ. соч. С. 155–156.

[134] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 57.

[135] ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

[136] См.: Лаудаев У. Указ. соч. С. 13. Карпов Ю.Ю. Указ. соч. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kumukia.ru/modules (С. 3, 6 из 8).

Глава V. ИСЛАМИЗАЦИЯ «ВОЛЬНЫХ» ОБЩЕСТВ ЧЕЧНИ В XVI–XVIII ВВ. КАК ФАКТОР ЭТНИЧЕСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ЧЕЧЕНЦЕВ

§ 1. Распространение и утверждение ислама на территории края

До наступления XVI столетия практически все нахское население Северо-Восточного Кавказа от р. Терек на западе до бассейна рр. Аксай-Акташ на востоке, в этнографическом плане являвшееся единообразным, придерживалось древних языческих культов, связанных с обожествлением сил природы и поклонением «сверхъестественным» силам. В общественном сознании горцев господствовала мифологическая картина мироздания.

Для язычников окружающий мир являлся сакральным: священными считались небо, горы, земля, деревья, вода, огонь и т.д. Они не разделяли духовные и материальные явления, пространство считалось строго структурированным, а время – не линейным, цикличным. Боги в язычестве антропоморфны и наделены тем же набором качеств, что и человек, только в огромных масштабах. Вместе с тем язычникам края была знакома идея высшего бога, создателя всего сущего – Дела, вокруг которого складывался пантеон богов, олицетворяющих различные силы природы.

Монотеизм – совершенно иное видение мира, делящее мир на материальную и духовную сферы, управляемые Богом-творцом, создавшим Вселенную и человека. Единая для язычества природа делится в монотеизме на материю и дух, который воплощается в Боге, давшем человечеству Божественное откровение (закон) и священную Книгу[1].

Как известно, распространение монотеистических религий на Северном Кавказе и на территории современной Чечни имело давнюю предысторию. По крайней мере, с IV в. н.э. христианство становится государственной религией Картлийского царства (Грузия), тесно связанного с горцами-нахами, а с VII в. город-крепость Дербент на побережье Каспийского моря стал центром распространения ислама – новой мировой религии на Северо-Восточном Кавказе. Если в западной части горной Чечни и Ингушетии в период XVI–XVIII вв. языческие культы оспаривались грузинской церковью, то нахское население центральной и восточной части горной Чечни подвергалось процессу исламизации со стороны Северного и Нагорного Дагестана.

Известно, что исламизация собственно Дагестана шла с юга на север и, соответственно, исламскими народами в VII–X вв. объявляли себя, к примеру, агулы и лакцы, в XIII–XIV вв. – кумыки, к концу XIV в. – даргинцы, в XV – начале XVI в. аварцы, к концу XVI в. – андоцезские народы и нахи-аккинцы (ауховцы)[2].

Ислам на Северо-Восточном Кавказе первоначально распространялся путем непосредственного покорения населения мусульманским государством (к примеру, Арабским халифатом или империей Тимура), затем через систему набегов мусульман с целью грабежа «языческих» районов и принуждения к принятию новой религии. А также через установление своеобразного мирного «покровительства» мусульманскими княжествами и обществами Дагестана над неисламизированными районами, население которых формально обязывалось к выплате налога «хараджа» на нужды исламской уммы. Исламизацию осуществляли и мусульманские проповедники-подвижники с посохом в руках и с котомкой за плечами, обходивших дагестанские и чеченские аулы.

Согласно традиционной исламской доктрине миропорядка, страны и земли делились условно на три группы: Дар аль-Ислам (Мир Ислама) – территория мусульман; Дар аль-Харб (Мир Войны) – территория, на которой ведутся войны с государствами, враждебными исламу и представляющими угрозу для ислама; Дар аль-Ахд (Мир Договора) – территория, где мусульмане не установили свой контроль, но имеют покровительственные соглашения, в т.ч. и в отношении земельного налога. Взамен мусульмане обязывались защищать такие земли и народы[3].

Система «хараджа» – наименее исследованная сторона процесса исламизации в Чечне: теоретически проблему можно свести к тому, что население неисламизированных и неподчиненных в политическом плане районов в обмен на «мир» с мусульманами должно было вносить в пользу общеисламского дела определенный налог за «покровительство». Причем подобные земли гипотетически могли разделяться на своеобразные «сектора» между отдельными князьями-эмирами, бравшими на себя роль защитников исламского дела. Плата «хараджа» в идеале должна была гарантировать мирную договорную «протекцию» мусульманских правителей над язычниками-иноверцами, включая их защиту от внешних врагов. Однако чаще всего и после принятия ислама население, жившее на подобных землях, порой продолжало платить налог-харадж уже как земельную подать (плюс еще мусульмане выплачивали «закят» – налог с доходов) на общеисламские дела.

Дагестанские эмиры (потомки арабских, иранских и тюркских знатных фамилий, пришедших сюда на заре ислама в качестве завоевателей) охотно делили в географическом плане между собой «зоны» и «сектора» внешних по отношению к их владениям земель, населению которых они разными путями старались навязать харадж. Так, согласно нескольким дагестанским нарративным источникам, шамхалы Кази-Кумухские предположительно собирали в свое время харадж практически со всей Аварии, включая т.н. Хунзахское нуцальство (ханство), а также с лезгин, даргинцев и с «Мичигича» (восточная часть Чечни) до их исламизации[4].

В иных региональных хрониках утверждается, что в свою очередь исламизированные хунзахские нуцалы пытались освоить сбор хараджа в языческих андоцезских и аварских обществах западной и северной части Нагорного Дагестана, заходя и в границы горной Чечни. Однако речь могла идти об одной или нескольких попытках в течение веков, не реализовавшихся вследствие особых трудностей поддержания подобных фискальных систем в условиях гор.

Так, одно из дагестанских полулитературных сочинений (в позднем списке XIX в.) утверждает, что завоеватель Тимур якобы раздал своим ставленникам в Дагестане горские земли, в т.ч. эмиру хунзахцев он отдал людей (и земли) живущих «между рекой гидатлинцев… и горой андийцев (андал), тех киялальцев (кийялал), которые [обитают] позади шибутян (ахл Шубут), Ункратль (Ункрак) и других [горцев, живущих] вплоть до Галгая (Гулга)».

Еще в середине XVII в. в подлинном письме тарковского шамхала Сурхая к аварскому (хунзахскому) эмиру Дугри-нуцалу предлагается приложить «все старания к взятию моего хараджа с джамаата Чамалал»[5]. Выясняется, что жители андоцезского общества Чамалал, некогда язычники, были обязаны давать шамхалу по 500 овец. Между тем эти районы подверглись исламизации не позже конца XVI – начала XVII в. В состав федерации Чамалал входили и нахские (чеченские) аулы пограничного чеченского общества Кенхи. Как мы видим, несмотря на исламизацию данного горского общества какая-то неясная претензия на харадж сохраняется.

Более ранние еще не проанализированные данные русских документов 1621 г. говорят о посылке из Терской крепости в 1618 г. в горы «ратных людей» по просьбе «[уварского] Нуцала князя и брата его Сулема [на-мурзы] и Черново князя сына Турловы-мурзы» для похода на «непослушников» – «шубуцкие и калканские и ероханские и мичкизские кабаки», которые указанными силами были разорены[6].

Возможность столь широкого охвата нападениями территорий горных нахских обществ за один летний сезон (от мичкизского Нохч-Мохка до Галгая и Джейраха) в условиях высокогорья представляется практически неосуществимой, но одно их перечисление достаточно симптоматично. И оно указывает, что данные территории находились в поле интересов указанной группы князей.

Нет реальных подтверждений о том, что какие-либо феодалы получали «харадж» с аргунских аулов и с нохчмохкоевских районов Чечни (исламизированных не позже середины XVII в.). Существовавшие в канцелярии хунзахских ханов еще в первой четверти XIX в. некие «податные» списки, где фигурировали такие аулы, как: «Хекмада» (Хакмадой), «Шикыр» (Шекарой), «Тырли» (Терлой), «Хакку» (Хаккой), «Шубут», «Мулкый» и др. – результат

недоразумения[7]. Как выясняется, имелись в виду аулы, которые хотя бы раз внесли арендную плату за выпас овец на ханских пастбищных горах Нагорного Дагестана, где весна наступала раньше, чем в Чечне. Но никак не харадж или иная выплата.

Согласно нарративному источнику – «Повествованию об Али-беке Андийском и его победе над князем Турлавом б. Али-ханом Баклулальским», выясняется, что некий Турлов (середина – вторая половина XVII в.) вступил в спор с правителем общества Анди (родственником либо ставленником шамхала Тарковского) из-за хараджа, собираемого со «всех задних и южных гор, начиная от Салатавии вплоть до Шубута на западе…». При этом Турлов якобы успел «тайно» собрать харадж с селений общества «Тад-будри» (Чеберлой), но андийцы разгромили его войско, а самого князя убили[8]. Данный источник не лишен присутствуя явно фольклорных черт.

В то же самое время теми же Турловыми был заключен с чеберлоевцами в лице их лидеров Алдамовичей (середина – вторая половина XVII в.) равноправный политический договор о дружбе и взаимной военной помощи. Причем именно Турловы выставили в качестве залога верности своей клятвы две башни (два замка). Более того, другой феодал – кумыкский князь Чупан-шамхал, живший во второй половине XVII в., – направляет письмо к кадию и «жителям (ахл) чабурилийских (Чабурли) селений (кармат) – к большому и малому» с просьбой оказать ему поддержку[9]. Следовательно, Чеберлой – это вполне мусульманский джамаат, на равных участвующий в политических событиях региона.

Рис. 21. Старинный рукописный Коран из Дагестана (совр. фото)

С точки зрения документальных источников совершенно надежны и те сообщения, что общество Шатой (Шубут) к середине XVII в. было исламизированным, хотя здесь и сохранялись еще пережитки языческих и христианских верований. Еще в 1627 г. несколько шибутян с 20 дворами не присягали, а «шертовали» русским воеводам на Тереке, в 1645 г. представители «шибутян» были приведены к присяге в Терском городе по образцу «шертовальной», т.е. дачей клятвы на Коране. В 1657 г. местными старейшинами было направлено письмо к московскому царю на «татарском» языке, выполненное арабской графикой. К середине XVIII в. в Шатое местный кадий Кази-хан назван «владельцем», единовластно осуществляющим здесь «суд и расправу»[10].

Достаточно документов, свидетельствующих и об относительно ранней исламизации огромной нахской (чеченской) федерации вольных обществ Нохч-Мохка (Мичикич, Мичкизская земля). Ранние дагестанские арабоязычные хроники говорят о том, что «нижняя часть Мичикича» входила в шамхальство и с местных аулов взимался харадж, в т.ч. «джизия в пользу Шамхала – десять кайлов [нефти] с [тамошнего] месторождения черного масла (нефти. – Я.А.)»[11]. Однако подобная информация не подтверждается.

По крайней мере, с начала XVII в. Мичкизская земля участвует в военно-политических мероприятиях тех же мусульманских князей Северного Дагестана, включая одного из Турловых и Салтан-Магмута Эндирейского. В 1615 г. объединенные отряды шамхала и русских стрельцов разбили в «бою Султан-Магмутовых и Турлова-князя и мичкизских людей, …побили до смерти 140 человек…». К 1648 г. старейшины мичкизов напрямую присягают царским властям на Коране и при этом ни единым словом не упоминается об их прошлой или настоящей зависимости от каких-либо князей[12].

Местные предания относят начало распространения ислама в Нохч-Мохке к рубежу XV–XVI вв., когда сюда явился проповедник Термаол (Термол), который, окружив себя усердными последователями, начал склонять к исламу чеченцев, а противящихся убивал. Его могила находится в селении Эникхалла. Другим пламенным проповедником ислама был шейх Берсан (первая половина XVII в.), возможно принявшийся за активную религиозную проповедь после прохождения учебы у алимов в Кази-Кумухе (Дагестан). По другим данным, он принял ислам и благодать шейха по просьбе умирающего дагестанского шейха, возглавлявшего набег газиев на нохчмохкоевские села и павшего от руки Берсана[13].

Важно отметить, что в непосредственном соседстве с Нохч-Мохком за р. Аксай располагалась Окоцкая земля (владение Ишеримовых в XVI в., позже Ауховское общество), население которой приняло ислам ранее остальных чеченцев. Так, мусульманские захоронения в одном из селений общества Гачалк датируются XVI в. Сам правитель Окоцкого владения Ших-мурза

Ишеримов приносил клятву на Коране московскому царю. В документе от 1586 г. отмечено, что «у нево грамоты татарским письмом и русским прочесть некому»[14]. Отсутствие грамотных людей характерно, как правило, для обществ сравнительно недавней исламизации.

В связи с вопросом о распространении ислама и причинах появления Турловых в Чечне сошлемся на А.-К. Бакиханова: «Эмиры Эндреевой убили двух родственников гумбетовского и аргунайского эмира, считавшего себя потомком хана Аварского. Из-за этого началась длительная вражда, которая кончилась тем, что нижняя часть Мичикича – Чечен-Тала, Герменчук-Шали, Атака и др. отошли во владение наследника убитых. Терлав населил эти места жителями Нашшага (Нашах – верхняя часть Чечни)». Здесь интересно еще одно свидетельство от 1720 г., когда князь Э. Бекович-Черкасский сообщил о сунженских чеченцах, что «владеет ими князь, именуемый Тирлагов сын… а прежде сего они бывали под протекциею шамхала горского и Кумытцкого, но лет с 10 как они стали самовольными понеже сильнее они тамо других народов»[15].

На Северном Кавказе не известен подобный подход выкупа за кровь. Видимо, эндирейские князья, считавшие себя ответственными за распространение и укрепление ислама (как когда-то эта роль принадлежала шамхалам Дагестана) в определенном «секторе», в данном случае в границах региона от р. Аксай до Дарьялького ущелья, передала часть «обязательств» гумбетовским Турловым, якобы заселившим мусульманами левый берег Аргуна на Чеченской плоскости, а затем и берега Сунжи.

Только этим можно объяснить то, что во второй половине XVIII в. эндирейские и аксайские князья в лице того же Муртазали-Аджи (Аджи-Муртазали) продолжали патронировать районы западнее Чеченского владения – низовья Ассы (общество Карабулак). Более того, в ходе одного конфликта предгорных ингушей (Ангуштинское общество) с кабардинскими князьями в 1772 г., к ним поступило письмо от тарковского шамхала Муртазали, заявлявшего: «предсим во времена отцов и прадедов наших ваши отцы и прадеды были подвластными прежним шамхалам и платили подати, для чего и определялся к вам бегоул… а для верности при бывших шемхалах содержался в аманате из знатных ваших старшинских детей». Далее шамхал обнадеживал ингушей своей поддержкой и просил направить представителей в Кизляр[16].

Согласно преданиям конца XIX – начала XX в., некоторые ингушские фамилии из Джейрахского ущелья именовали себя «Шаухуловыми» (Шовхаловы), признавая себя потомками шамхала. А предания XVII в. о военных вождях из Аьккхи говорят о столкновениях некоего предводителя Лорсы с объединенными отрядами галгаевцев, кабардинцев и «кумыков»[17].

К началу XVIII в. чеченцы плоскостной Чечни в основном являлись мусульманами. Более того, в 1707–1708 гг. в Чечне происходит первое массовое движение под религиозными лозунгами – восставшие чеченцы объявляют чингизида Мурата Кучюкова «их закона босурманского святым» и при участии кумыков и ногайцев штурмом берут русскую Терскую крепость. В 1709/10 г. с территории равнинной Чечни совершается и первый «исламский» набег на «неверных» нахов-арштхойцев, а в 1732 г. религиозный деятель «Аджжи» совершает поход с целью обращения «неверных» горцев в ислам. Подобные «исламские» набеги эпизодически следуют до конца XVIII в., приведя, в конечном счете, к исламизации западных чеченцев – карабулаков и галашевцев[18].

Из равнинной Чечни распространяется пропаганда ислама на запад и в отношении ингушей. Так, в 1761 г. ингушские старшины жаловались в Кизляр, что «чеченцы принуждали нас, чтоб как они обасурманились… оставя христианскую веру (наличие которой у ингушей в тот период сомнительно), веровали б в их татарскую…». Десятилетиями тянулись политические разногласия, скрываясь под религиозными спорами. В источниках царского времени утверждается, что в 1785 г., втайне готовя нападение на Кизляр, имам Мансур мотивировал сбор войск необходимостью похода на «ингушской народ… потому что не имеют ни законов, ни веры, ни исповедания». Он же в 1786 г. угрожал флагом исламского набега и Карабулаку, когда горцы отказались его поддерживать. Где-то к 1800-м гг. «мусульманское племя чеченцев» переселяет к Назрани значительную часть жителей Ангуштинского общества, где «проповедники этого племени пытались внушить ингушам религию арабского пророка», в чем, однако, потерпели провал[19].

Вместе с тем, в XVIII в. отдельные кумыкские князья продолжали распространять ислам, наследуя линию его утверждения в «закрепленных» традицией за ними районах. В 1762 г., когда эндирейский владелец и покровитель карабулаков Муртазали-Аджи обещал построить на их земле мечеть и определить муллу, к ним был направлен религиозный авторитет «хаджи Мухаммад, чтобы он обучил [их] исламу и воспитал». В арабоязычном документе XVIII в. утверждается, что сейчас карабулаки, стали настоящими мусульманами, а «поэтому их имущества (мал) и их души стали запретными для нас, согласно тексту Корана и сунне». Но окончательное утверждение ислама в Карабулаке затянулось, по крайней мере, до конца XVIII в. В первой четверти XIX в. чеченцы-карабулаки уже сами посылают мулл из своей среды в общество Галашки. Горцы Галанчожского ущелья в тот же период заимствовали мулл у равнинных чеченцев[20].

В 1758 г. во время экспедиции генерала Фрауендорфа против аулов Чеченского владения последние призвали к себе на помощь единоверцев из Дагестана (Аксай, Эндирей, Анди, Гумбет, Андалал и др.) и из самых густонаселенных чеченских обществ – Чебарлой, Шубут (Шатой), Нохч-Мохк, Герменчик, Шали, Качкалык, Гехи и Аух[21]. По существу, в этих обществах

проживало до 80% населения исторической Чечни, являвшееся мусульманским.

Процесс исламизации в Чечне способствовал в свою очередь процессу национальной консолидации чеченцев. Недаром в конце XVIII в. путешественник Я. Потоцкий считал из говорящих на «мицджегских» (нахских) языках мусульманами только чеченцев, остальных язычниками. Другие авторы – И. Гильденштедт и Я. Рейнеггс – полагали, что «кистины» (нахи) делятся на мусульман и язычников (к последним, на наш взгляд, они относили западных нахов – ингушей и жителей верховьев Аргуна, Ассы и Фортанги), находя в их языческих верованиях и обрядах даже элементы древнего христианства. В дополнение можно указать, что документ первой четверти XIX в., посвященный описанию высокогорной части Чечни и Ингушетии, свидетельствует, что здесь «вера большею частию магометанская, омаровой секты, но есть идолопоклонники и христиане, сии последние суть некоторые жители округов Галга и Джерахи»[22].

Та же плоскостная Чечня в XVIII в. обретает значительный потенциал для «воспроизводства» ислама. В каждом селении насчитывалось столько мечетей, сколько обитало в нем крупных «фамилий». При каждой мечети, что чрезвычайно важно, находились училища, «в которых преподают арабский и турецкий языки». Автор конца XVIII в. отмечает, что чеченцы довольно прилежны к учению ислама и только самый бедный не может отдать своих детей в школу[23].

Известно, что предгорно-равнинные карабулаки, как и ингуши, находились в обязательных отношениях не только с кумыкскими, но и с кабардинскими (Малая Кабарда) князьями. Последние получали плату с тех же ингушей по 1 рублю серебром с дома и за это должны были «весь год от обид их защищать» и содержать там своего представителя. В отдельные годы такая же практика использовалась в отношении равнинного Карабулака и Гехов[24]. Вместе с тем нет ни одного указания, чтобы кабардинские князья, прямо или косвенно контролировавшие с начала XVII в. прилегающие к Дарьялу равнины, возлагали на себя какие-либо религиозные задачи по распространению ислама, организации уплаты хараджа и т.д.

Дело заключается в том, что в той же Кабарде в XVI–XVII вв. только высшая знать признавала себя мусульманами и достаточно в формальной степени. Рядовое население Кабарды, судя по всему, к исламу не приводилось по причине того, что это вызвало бы запрет на обращение рядового населения в рабство и продажу людей в Турцию и Крым. Тем более, кабардинские князья не заботились об исламизации населения в вассальных землях Балкарии, Осетии и Ингушетии. Только в начале XVIII в. обессиленные крымскими набегами они были вынуждены заняться исламизацией своих собственных сородичей. В одном из писем к крымскому хану Каплан-Гирею, потребовавшему в 1707 г. живой дани в 3 тыс. ясырей, князья указывали на успехи в деле исламизации: «в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы, исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества. Дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухамедданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к Вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на то притеснение»[25].

В заключение важно отметить, что и археологические данные о Чечне дают несколько иную картину исламизации. Известно, что от признания новой религии и внедрения новых традиций в систему заупокойного обряда и в повседневную жизнь проходит порой несколько поколений, не говоря уже о длительном периоде освоения арабской письменности.

По мнению археолога М.Б. Мужухоева, в районе общества Аух (Гачалкский некрополь) мусульманские памятники датируются XVI в., раннемусульманские кладбища Восточной Чечни (Нохч-Мохк) датируются XVII–XVIII вв. Не позднее XVII в. появляются и первые мусульманские погребения в горном районе Чеберлой (Макажойская котловина), граничащем с Дагестаном. Успехи исламизации в Аргунском ущелье автор относит к XVIII в., в Галанчожском ущелье (по р. Фортанга) к началу XIX в., а в горной Ингушетии ислам, по его мнению, утверждается на протяжении всего XIX в. Даже в документах первой четверти XIX в. отмечается, что в отдельных высокогорных районах Чечни (верховья Чанты-Аргуна, Ассы, Фортанги и Гехи) население большей частью мусульмане при наличии «идолопоклонников» и «христиан»[26].

В целом подобная картина относительно близка к характеристикам письменных источников с поправкой, как отмечено выше, на известное «запаздывание» материальных артефактов от духовных изменений в идеологии общества.

Таким образом, в XVI–XVIII вв. в равнинной, низкогорной и большей части среднегорной зоны Чечни (в высокогорной зоне ранней исламизации подверглись только те общества, которые граничили с Дагестаном) ислам утверждается как господствующая общественная идеология. Она оказывала воздействие на все стороны жизни горцев и приводила к невиданной ранее консолидации некогда разрозненных самодостаточных союзов «вольных обществ». Большое влияние на завершение процесса исламизации в Чечне, безусловно, оказало широкое национально-освободительное и религиозное движение под руководством шейха и имама Мансура в 1785–1791 гг.[27]

§2. Традиционная система управления Чечни в XVIII в. и возрастание роли мусульманского духовенства

В XVI–XVIII вв. на территории Чечни протекали процессы усложнения общественно-политической жизни как в традиционных «старых» горных ау-

лах и обществах, так и в «новых» равнинных обществах (возникших главным образом в XVII–XVIII вв.). Если в горной части края к началу исследуемого периода мы имеем примерно 35 союзов аульных обществ, называемых в источниках и литературе «землицами», «вольными обществами», а также несколько «конфедераций» с таким же числом обществ, то в равнинной части края насчитывают, по крайней мере, до 10–15 крупных союзов обществ, часть из которых успела пройти стадию феодальных владений-княжеств.

Классических горских княжеств-владений в стране сложилось пять – Окоцкое, Чеченское, Брагунское, Герменчиковское и Девлетгиреевское. Однако такие общества, как Нижний Карабулак, Гехи и Качкалык, будучи «крестьянскими республиками» применяли в отдельные периоды своего существования призвание князей инонационального происхождения. Кроме того, на рубеже XVIII–XIX вв. по Тереку возникают т.н. «частновладельческие аулы», основанные представителями горской титулованной и нетитулованной знати.

Окоцкое владение (Аух) проделало в течение трех веков путь от типичного феодального «Юрта» до вольного общества под феодальным протекторатом эндирейских князей, а затем и самостоятельного образования в форме союза вольных обществ.

Система управления в союзах сельских обществ на территории Чечни, при некоторой региональной специфике и субъектных особенностях, носила некие универсальные черты и зиждилась на таких институтах, как: старшины (старейшины), жрецы, муллы и кадии, аульные сходы (позже джамааты), советы старейшин и народные собрания союза обществ, региональные и общенациональные собрания, называемые порой Мехк-кхел и просто «кхеташо».

Следует отметить, что важнейшим признаком суверенности того или иного общества являлось наличие четких границ. Складывание границ между отдельными сельскими общинами и союзами обществ происходило в соответствии с географическими факторами, в ходе длительного освоения определенного территориально-хозяйственного пространства. Так, в горах: «Ядром такого объединения чаще всего, но не всегда, становится котловина или долина с примыкающими ущельями, водоразделами и плато, образующими самодостаточную экологическую нишу с четкими границами в виде водоразделов, русел крупных рек и т.п.», отмечает видный дагестанский историк А.Е. Криштопа[28].

Согласно наблюдениям известного ученого этнографа Б. Далгата, в той же Ингушетии границы земель между отдельными селениями и целыми обществами утверждались путем принятия клятв и исполнения определенных обрядов сакрального характера. На расстоянии 0,5–1 версты на линии межевания ставились камни «ардырж», принесенные из святилищ; а где невозможно было мерить из-за рельефа, «там мерят на глазомер, – отмечал Б. Далгат, – поэтому одному доставалось мало, другому много; потому-то кидали жребий…»[29].

Свои наблюдения на эту тему приводит и другой автор начала XX в. М.И. Иванов, путешествовавший по делам службы в горах Чечни. Он указывает, что общества (именуемые им «старшинствами») Ялхарой, Акки, Галай и Нашах (Хайбах) «имеют в своем пользовании земли, расположенные в очерченных… границах, котловины, и кроме того значительную площадь нагорья, …с раскинувшимися на этом пространстве лугами, вплоть до границы вертикального распространения лесной растительности по северным свесам хребтов Болой-лам и Нашхой-лам…»[30].

«Ущелье (чIож)», «гора (лам)», «плоскогорье, склон (шу, йист)», «территория, земля (мохк, латта)», включающие все топографические условия, характерные для местопребывания больших и малых обществ горной Чечни, являлись пространственной формой их существования как человеческих сообществ. В структуру обжитой территории (чаще всего ущелья) «входили село, пашенные сенокосные угодья и леса, а также вспомогательные жилищные комплексы при местах для осенне-весеннего и летнего выпаса скота»[31].

Расположение сел или более мелких поселений, входивших в систему общества, определялось несколькими факторами: так горцы стремились размещать селения на наиболее освещаемом и прогреваемом склоне горы, ущелья. Другими факторами были близость реки, родника и естественные оборонительные возможности рельефа[32]. Как правило, горные аулы Чечни не носили скученного характера, а представляли собой небольшие группы башен-усадеб с хозяйственными постройками.

Одно из таких селений, где зачастую находилось и какое-либо святилище, признавалось главным. «В Кистинских землях, – писал С.М. Броневский… каждое колено разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из коих одна признается главою союза или сборным местом, и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни»[33].

Необходимо отметить, что в последние годы в кавказоведении сформировались некоторые общие представления о собственно горских союзах обществ как самоуправляемой гражданской общины, состоящей из вольных граждан, объединенных в свои аульные джамааты (паства одной мечети), и напоминающей демократические греческие полисы древности.

Джамаат состоял из узденей общества, совместно владевших пастбищами, покосами, лесами и осуществлявших консолидированный суверенитет на определенной, исторически сложившейся территории. В частной собственности находились окультуренные участки покосов (за пределами общинных

покосов), искусственно созданные террасные участки и «ирзу» – площади, освобожденные от леса. Джамааты в пределах данного горского общества функционировали на основе неписаного свода юридических правил – адата, а с укреплением ислама и норм шариата – мусульманского законодательства[34].

В отношении указанных выше «родственных линий» начиная с XVIII в. в научной литературе используется термин «фамилия». Он употреблялся для обозначения иногда более «широкой группы родственников, иногда сравнительно ограниченной группы родственников, иногда для обозначения семейной общины»[35].

Обычно главами таких фамилий в обществах Чечни являлись старшие по возрасту, либо наиболее влиятельные и опытные. Однако реальная их власть дальше собственной семьи не распространялась; остальные «фактически ему послушны, хотя могут и не слушаться». И это проистекало во многом из-за раздельности имущества, наличия частной собственности отдельных семей на землю, скот и орудия производства.

В XVIII в. роль старшин особенно рельефной и заметной выглядит в равнинной части Чечни. «Посоветовавшись с народом», чеченские старшины решали и сложные внешнеполитические вопросы, и внутренние проблемы. К концу указанного века царские власти на Тереке предпочитают брать заложников – аманатов в залог «спокойствия» не от князей, а именно от старшин. В документах встречаются имена таких влиятельных лиц, как «первого старшины Аджи Бекея», «дер. Гребенчуковской Джавбатыр Зоришева», «дер. Атагинской Лечи Бертсланов», «дер. Карабулакской Цырка Дастков», «Амырханова броду от старшины Зорокая Бисолтанова» и т.д.[36]

В больших селениях, где жило по несколько фамилий, каждая выдвигала своего «старика» – медиатора, разбиравшего спорные дела не только в кругу своих родственных линий, но и между фамилиями. Но исполнение их «приговоров» зависело от доброй воли соперников.

Конечно, существовал и фамильный эгоизм, преобладание «сильных» фамилий, доминировавших в «демократических» собраниях, но в целом частные притязания, сталкиваясь с общенародными интересами, уступали последним[37].

Важнейшим институтом общественной системы Чечни являлись народные сходы, на которых присутствовали все главы семейств («отцы»). Решения, принятые как в масштабе аула, так и в масштабе союза обществ, признавались обязательными. Естественно, на подобных собраниях первенствовали духовенство, старейшины, избираемые зачастую не из самых старших годами, а «из богатейших», влиятельный голос имели также «значительные» молодые люди[38].

В целом институты т.н. «родовых» старейшин и народные собрания, оставаясь первым органами «правительственной и судебной власти» Чечни, имели потенциал превращения «в органы складывающейся государственности». Сход и советы «старейших» во всех горских обществах Кавказа совмещали функции правительства и суда. Система сходов и собраний была многоуровневой – от «совещания» фамилии до схода аула, от схода аула до собрания всего общества, региона и до народного собрания в масштабах всей страны. Различался только круг рассматриваемых и решаемых проблем[39].

В качестве примера типичного народного собрания большого союза обществ можно привести описание конца XVIII в., данное П.Г. Бутковым по отношению к западнонахскому обществу «Ингуши (Ангушт)». В собрание по призыву «бегола» (председательствующего) «является обыкновенно один человек из семейства, старик или молодой, кто случится дома… Впереди садятся на запад, поджав ноги старики одной деревни… к ним таким же образом примыкают старики других деревень – и составляется круг; и позади стариков сидят молодые же… Такие собрания делают по общенародным делам или в случае военной тревоги, либо для деления земли под хлебопашенство и сенокосы», либо в частных громких случаях – воровство, убийство, примирение враждующих или определения размеров сборов и штрафов, отмечал П.Г. Бутков[40].

Вместе с тем, в процессе развития общественных структур в Чечне проявлялись попытки укрепления патрицианских и аристократических начал, когда более сильные, состоятельные фамилии ставили в неравноправное, подчиненное положение менее многочисленные фамилии. Подобные фамилии стремились и зачастую добивались, чтобы общественные должности переходили наследственно в пределах одной «фамилии»[41].

Ярким примером аристократического начала служит в той же Чечне фамилия Алдамовичей в Чеберлое. В течение второй половины XVII в. она практически господствует в Чеберлое, сооружает цитадели и замки, вступает в равноправные договорные отношения с соседними титулованными князьями Дагестана (в частности Турловыми). Однако в результате неясных причин Алдамовичи полностью исчезают с политической арены до конца XVII в. Как бы то ни было, именно старшинская верхушка заняла в стране в XVIII в. «высшую ступеньку социальной лестницы»[42].

Следует отметить, что на территории Чечни рано стала выделяться и прослойка военных предводителей. В той же горной Чечне именно в эпоху позднего средневековья складываются комплексы боевых и жилых башен, характеризуемых как замки, цитадели и укрепленные поселки со всеми боевыми приспособлениями к осаде и обороне от нападения внешних врагов. Боевые башни снабжаются глухими подвалами с массивными железными цепями и ошейниками, в которые заковывали пленников[43].

В различных регионах горной Чечни в XVI–XVII вв. сложился цикл преданий о военных вожаках. Так, благодаря военному предводителю Меда из

Кейн-Мохка, жившему не позже XVI в., игравшему видную роль как в Кее, так и во всем Галанчожском ущелье, произошло возвышение Кея и окружающих его обществ горной Чечни[44]. Не ранее XVII вв. и не позже XVIII в. в горах Галанчожа называются авторитетные вожди – тхьамда, которые возглавляли отряды, делавшие набеги на кумыкских, кабардинских князей и на тогдашних союзников последних – западнонахские (ингушские) общества.

Предания сохранили имена вождей-тхьамд аккинцев Вокхала, Сьюйре и Лорса, кейца Солса, мержоевца Цицаха и орстхоевцев Макхала, Бюьрга и ЧIожа. Особой известностью пользовался тот же предводитель отряда аккинцев Лорс, совершавший набеги на Кабарду через земли Галгая. Видимо, поэтому имя Лорса звучит и в галгайских преданиях, что еще раз говорит об исторической достоверности данного героя. Позже галгайцы и джераховцы стали поддерживать галанчожцев в борьбе с кабардинскими феодалами.

В тех же галанчожских обществах позднего средневековья происходила внутренняя борьба за лидерство патрицианских фамилий. Так, представители местных знатных родов из с. Энселишка добивались подчинения потомков знаменитого Меда, живших в «крепких башнях Зингилоя». Последний представитель данного рода Сулда-Вениг бежал от соперников в Кабарду, где при содействии кунаков своего отца подобрал надежный отряд, пробрался с ним в горы и перебил своих врагов[45].

На последних этапах развития традиционного общественного уклада чеченцев (до образования государства – имамата Шамиля) выборы военных вождей приобретают на той же Чеченской равнине институциональные формы: «в обычных условиях старейшины, то есть те, кому перевалило за шестьдесят, решают на своих собраниях вопросы управления, судят тяжбы; при первом же сигнале к войне они на своем собрании выбирают молодого воина, который, благодаря доблести и хитрости, более всего достоин встать во главе воинственных соплеменников и тот, …получает из рук трех самых старейших членов собрания кольчугу и знаки обретенного сана»[46].

Высокой была роль местных старейшин (старшин) и в такой крупной конфедерации горных обществ, как Шуьйта (Шатой/Шубут), где документы называют под 1628 г. такие имена, как «Арасланко и Декитко», под 1642 г. «Дикеев сын Алха», в 1647 г. «Алги, Анак, да Ильдей с товарищи…». В 1658 г. в Москве при дворе царя Алексея Михайловича побывала шатоевская делегация в составе: «Алихан, Сусла, Алгян…». В отношении глав шатоевских поселений русские источники использовали различные социальные термины, как то: «начальные люди», «выборные лучшие люди» (таковыми, например, названы и представители «Мичкизской земли»), в 1762 г. в документах назван и «шубанский владелец Казий и сын его Маджи…»[47].

Отдельно стоят в чеченской историографии имена представителей социально-общественной верхушки Ауха (Окоцкой земли) XVI–XVII вв., принадлежавших к титулованной горской знати. Если Ших-мурза Ишеримов и Батай Шихмурзин были владетельными князьями, то представители аухов-ской феодальной фамилии «Кохостровых/Костровых», имевшей небольшое количество узденей (дворян) и подвластных крестьян, относились к феодалам среднего ранга. Большая их часть в течение XVII в. «выезжала» на службу в Терский город, некоторые оставались жить в «старых Окохах», на положении первостепенных вассалов эндирейских князей[48]. Естественно, они имели свое место в системе управления аулами и общества в целом.

Как отмечает С.Ц. Умаров, в известных источниках XVI–XVII вв. упоминается около 10 «окоцких» мурз, и один мурза Сакуликов из «мичкизян». Некоторые нахские уздени-аталыки владетельных служилых князей Сунчалеевичей в Терском городе сами имели узденские дворы[49].

Таким образом, в течение трех столетий система общественного управления в Чечне проделывает путь от простых институтов народоправства языческого времени в горных обществах до сложной иерархии фамилий, фамильных старшин, народных собраний, авторитетного исламского духовенства (внедрявшего шариат) и феодальной верхушки в форме титулованной аристократии в огромных обществах и владениях плоскостной зоны.

Именно в XVIII в. резко возрастает роль мусульманского духовенства в общественно-политической системе чеченского общества. Ведь развитие ислама в Чечне сопровождалось и его общественной институционализацией. В источниках XVIII в. зачастую специально выделялся вопрос о конфессиональной принадлежности чеченцев. Так, в документации Государственной Коллегии иностранных дел России за 1720 г. отразился факт, что плоскостные чеченцы «веру имеют магометанскую». О «глубокой религиозности» чеченцев говорил турецкий историограф XVIII в. Джевдет-Паша; «чеченцы подлинно лучше в магометанстве, нежели черкесы», – писал в неопубликованной работе П.Г. Бутков и другие наблюдатели[50].

Согласно данным конца XVIII – начала XIX в., «селения чеченцев управляются с согласия кадия старейшими по летам в каждом колене. В деле общем для всех племен чеченских соглашаются предварительно о месте, где быть совету. Больше собираются в селении Герменчик, а потому каждое селение посылают туда своего кадия и всякое колено своих стариков. Определению сего сейма все беспрекословно повинуются»[51].

В крупных аулах, где было несколько мечетей, а мечети чеченцы имели «в каждом селении сколько обитает в оных фамилий» (имеются в виду тайпы. – Я.А.), один из мулл избирался в кадии: «первенствующий в селении называется кади, то есть судья; на место умершего духовного избирается старейшими в фамилии другой достойный, причем не уверяются той ли он фамилии или другой, лишь бы был природный чеченец». Были и лица регионального

значения: в 1783 г. духовным «начальником» обществ равнинной части Чечни являлся «аджжи (т.е. хаджи. – Я.А.) Нугай мурза». А вот в маленьких селениях обыкновенно имелись только «моллы» (мулла). Подобные муллы «окружных деревень» подчинялись, как правило, кадиям аулов «многолюдных»[52].

Мусульманские судьи-кадии в Чечне избирались старшинами «фамилий», а не назначались, как в исламских государствах. Это и понятно – здесь не было сложившейся государственности, а система управления носила форму подчеркнутого народоправства. Но, если мы вспомним, что уже в XVIII в. горцы Чечни избирали старшинами «богатейших», а в народных собраниях господствовали те старшины, «фамилии» которых были многочисленней и богаче других[53], то станет ясным, что кадии, безусловно, не могли не выражать в своей деятельности интересы верхушки чеченского общества.

Доходы мусульманского духовенства Чечни составлялись из ежегодных обязательных поступлений от прихожан. По одним сведениям – в пользу мечети (имеется в виду главная мечеть селения – «рузбан-маьждиг»), каждый двор ежегодно давал 10 мер зерна и 1/5 часть других доходов, по другим – «седьмую часть из урожая… и некоторую часть из добычи (имеются в виду посторонние доходы. – Я.А.)». Кроме того, каждая мечеть имела, согласно более поздним известиям, движимое (скот) и недвижимое (пахотные и покосные земли) имущество. Обработкой мечетных земель и уходом за животными занимались простые верующие, не получая никакого материального вознаграждения. Мечети получали и многочисленные нерегламентированные пожертвования. Часть доходов складывалась в качестве платы за обучение детей грамоте в мечетных школах[54].

Объективные исторические условия XVIII в. благоприятствовали усилению влияния духовенства в Чечне. Ряд известий непосредственно касается участия священнослужителей в системе общественного управления. Кадий традиционно «являлся как бы верховным судьей по шариату», но вместе с тем его роль не ограничивалась исполнением религиозных треб и судебных функций, он «немало» участвовал во власти старшин: «Селения чеченцев управляются старейшинами по летам от всякой фамилии со участием кадия»[55].

В некоторых горных районах Чечни кадиям удавалось сосредоточить в своих руках всю полноту общественной власти, оттеснив старшин. Так, данные о «чабутлинцах» (общество Шатой) за 1758 г. говорят: «Чабутлинцы никаких у себя владельцев не имеют, суд и расправу чинят они чрез своего кадия…». На первое место в иерархии общественной власти представители духовенства вышли и в обществе Чеберлой. Так, письма из аулов «чебурклинцов» в адрес царских властей направлялись от «знатных духовных персон – хаджиев и от правителей, и от всего подлого (т.е. подвластного. – Я.А.) народа…»[56].

Согласно Корану муллы и кадии имели «важное значение в гражданском управлении и в особенности в отношении суда», однако нормы шариата (мусульманского законодательства) не были еще господствующими в чеченском обществе, ряд дел решался по адату (обычному горскому праву). Но последней инстанцией в решении спорных дел являлись муллы, а не знатоки адата. «Споры решают старики, и если их решением недовольны, обращаются к духовным и их приговор исполняют», – говорит документ. Духовенство участвовало даже в делах, традиционно решавшихся согласно обычаю. Так, уличенного в воровстве наказывали «лишением имени и изгнанием его навсегда из селения, причем наблюдался следующий обряд: собравшись все к главной мечети, уговариваются кадии и старики, чтоб каждому обывателю в силу назначенного дня, выйдя из дому своего или взойдя на кровлю оного, выстрелить из ружья на воздух с произношением имени преступника и с словом «наалет», значит проклят»[57].

Значительным было участие духовенства и в политической жизни чеченского общества, в частности во внешнеполитических делах. Хаджи, кадии и муллы являлись не только авторами тех или иных посланий, но и зачастую руководителями переговоров или активными их участниками. В 1742–43 гг. от имени чеченских князей переговоры с иранским шахом Надиром вел чеченский кадий Казы-хан. При первом приезде к шаху он получил в подарок 50 руб., шесть старшин, его сопровождавшие, по 25 руб. На следующем этапе переговоров Казы-хана сопровождали князь Али-Солтан и три старшины. После скрепления договора кадий Казы-хан получил в подарок 200 руб., Али-Солтан – 150 руб., старшины – по 25 руб.[58]

В 70-х гг. XVIII в. в плоскостной Чечне значительным влиянием пользовался хаджи Бекей, к нему обращал свои просьбы хунзахский (аварский) нуцал Магомед-Нуцал: «Приношу неисчетной поклон, господину, сердечному брату и старинному приятелю, усердному другу Бек аджию…».

И в отношениях с Россией духовенство претендовало на первую роль. «Русские офицеры, командированные в Чечню, – говорит документ, – призвав к мечети кадия и стариков (т.е. старшин. – Я.А.), сказывают им причину своего прибытия…»[59]

Чеченское духовенство разрабатывало и скрепляло внешнеполитические договоры. В обращениях горцев к кизлярскому коменданту можно встретить такие строки: «после оставшихся от прадедов наших по закону присягать будем всеми чеченскими кадыями, аджиями и старшинами…». В начале XIX в. важный договор между плоскостными районами Чечни и Кабардой был полностью разработан и скреплен представителями чеченского духовенства, с одной стороны, и кабардинским валием Кучу, с другой[60].

В конце XVIII в. произошло дальнейшее усиление классовых позиций мусульманского духовенства в Чечне, связанное с возрастанием его роли в

общественно-политической жизни Чечни. Это объяснялось и движением имама Мансура в 1785–1791 гг., которое протекало под религиозными лозунгами, так как народные массы свои социально-экономические и политические требования в этот период преломляли через призму религиозных представлений.

В XIX в. мусульманское духовенство Чечни выступило значительно окрепшим, документы 1800 г. отмечают, что наряду с «лучшими фамилиями» духовенство имеет «перед ними (т.е. чеченцами. – Я.А.) первое уважение…». Вместе с тем надо отметить, что согласно наблюдениям и поздних современников чеченцы неохотно покорялись «владычеству мулл и кадиев». Духовенство здесь пользовалось теми правами, «какие предоставлял ему сам народ». Власть и авторитет кадиев и мулл во многом зависели от их личных качеств[61].

В целом материалы XVIII в. позволяют уверенно констатировать, что духовенство в Чечне выделилось в отдельное сословие, а его роль во всех сферах общественно-политической жизни народа была значительной[62].

§3. Рост национального и религиозного самосознания в чеченском обществе в конце XVIII в. Шейх Мансур

Совпадение трех крупных явлений в истории Чечни в хронологических рамках последней трети XVIII в. привело к возникновению новых факторов нациеобразования. Так, в указанный период одновременно шел рост национального самосознания чеченского народа, возрастание значения исламской религиозной идеологии (со складыванием профессионального духовенства) и происходило системное усиление колониальной политики царизма.

Сложение указанных факторов в едином временном отрезке вызвало в Чечне широкое протестное движение, облеченное в религиозную форму, но отражавшее общенациональные интересы. Следует также отметить, что в 70–80-х гг. XVIII в. в самом густонаселенном районе Чечни – в аулах и обществах Чеченской равнины – наметился, в силу ряда причин, социальный кризис, выразившийся в частности в появлении прослойки безземельных, лишенных средств производства людей. «Бездомовная сволочь», как презрительно писали о бедноте царские чиновники, была готова охотно присоединиться к любым акциям, дающим надежду на улучшение их социального и материального положения[63].

В исторических условиях того времени только общая для всех горцев Северного Кавказа идеология, в данном случае ислам, могла стать силой, содействующей объединению разных обществ, народов и народностей, разделенных этническими, политическими, общинными границами и противо-

речивыми интересами. Шейх, а затем и имам Мансур оценил политическое значение ислама и повел борьбу за социальное переустройство горского мира и ликвидацию внешней опасности в форме «священной войны» – газавата. Религиозно-реформаторская форма его выступления оказалась весьма важной для чеченского и в целом всего горского общества[64].

В массе своей историческая литература начинает отсчет движению Мансура как религиозного подвижника с весны 1785 г., когда в российских документах появляются сведения, что в крупном сунженском ауле Алды (Бухан-юрт) местный житель Ушурма из рода элистанжхой (само селение Элистанжи находилось в Нохч-Мохке) призвал односельчан к «покаянию».

Родился будущий имам приблизительно в 1760 г. в том же селении Алды в небогатой семье крестьянина Шабаза («Шебессе»). По данным Ш.Б. Ахмадова, молодой чеченец начал свою сугубо религиозную деятельность еще в 1783 г., в следующем 1784 г. он добивается признания себя религиозным авторитетом – «шейхом», с 1785 г., открыто возвестив свою религиозную и политическую доктрину, добивается достоинства имама – религиозного и светского предводителя[65].

В связи с этим, необходимо затронуть вопрос и о суфийских корнях духовной деятельности Мансура как шейха – наставника мюридов (послушников), действующего в соответствии с учением и практикой одного из направлений суфизма, а именно накшбандийского братства. В биографии молодого Мансура есть период пребывания вне родного села, когда он, возможно, закалял свой дух, уединяясь в горах в целях изучения Корана и исламских истин[66].

Вассан-Гирей Джабагиев в своем развернутом очерке о Мансуре, написанном на основе турецких источников, утверждал, что Мансур учился «сначала в мечетской школе, а затем, будучи молодым человеком, отправился в Дагестан, чтобы закончить там свое духовное образование у самых известных теологов». Потому его уверения, что он «темный (необразованный) человек» относятся скорее к разряду комплиментарных к учености других, действительно глубоких богословов к коим Мансур себя никогда не причислял, и к советам, которых постоянно обращался[67].

Наличие обителей «дервишей ордена Накшбанди» в Северном Дагестане еще в XVII в. подтверждается свидетельством турецкого путешественника Эвлия Челеби от 1666 г. Авторитетные исламоведы XIX в. (М.А. Казембек) полагали, что: «Бухарские шейхи (центром ордена Накшбанди с XIV в. была Бухара. – Д.А.) неоднократно приезжали в Дагестан через Астрахань и преподавали там правила тариката». Другой путь проникновения суфизма в Дагестан лежал через Ширван и Ирак (Багдад)[68].

Действительно, в течение нескольких лет Мансур смог распространить свое влияние в Чечне, Дагестане, Северном Азербайджане, Кабарде, Адыгее,

среди ногайцев, кочующих за Тереком и Кубанью и даже за Волгой среди «киргиз-кайсацких» народов, под которыми подразумеваются казахи. Известно, что Мансур предлагал казахам осадить Астрахань – важнейший русский город на Волге и Каспии. Наличие его писем-воззваний, написанных на турецком и арабском языках с превосходным знанием ислама и других реалий, указывает, по мнению А. Беннигсена, «на существование центра объединенных действий, …на солидную организацию».

Как бы то ни было в период деятельности Мансура на Северо-Восточном Кавказе при нем постоянно находились «дагестанские, чиркеевские, кумыцкие и салатовские кадии (судьи) и другие ученые»; он же получил обещание поддержки и от некоего табасаранского религиозного авторитета «аджи» (Южный Дагестан)[69].

Профессора Н.А. Смирнов и Ш.Б. Ахмадов называют имена авторитетных чеченских мулл сподвижников Мансура – это, во-первых, самый уважаемый имам-богослов Умар-хаджи из селения Шали, а также Нагай-Мирза-хаджи, Бисултан-хаджи, Хамби-хаджи и др. В 1787 г. Мансур направил того же Умара-хаджи в Стамбул к султану, как к халифу правоверных. И султан якобы дал разрешение Мансуру выступать против России под званием имама (однако П.Г. Бутков утверждает, что из чеченских ученых-«хаджи» Мансур послал одного Бутыка, но не в Стамбул, а в Мекку с письмом о своих пророческих сновидениях, откуда весной 1786 г. он также якобы получил признание имамом и предписание горцам повиноваться ему)[70].

Следует полагать, что значительная часть духовенства Чечни, да и всего Северного Кавказа, по отношению к Мансуру заняло благожелательную позицию: «дагестанские, чиркеевские, кумыцкие и салатовские кадни (судьи), муллы и «другие ученые» настаивали на безусловном исполнении требований имама». Помимо политических соображений, поддержка Мансура духовенством объяснялась тем, что он боролся за утверждение в общественной жизни горцев норм шариата. «Замена адата шариатом, конечно, влекла за собой усиление роли духовенства и некоторое ослабление адатской верхушки»[71].

Первые сведения о Мансуре в документальных источниках появились, как уже указывалось, уже в 1783 г.: когда в одном из писем турецкого офицера из крепости на черноморском берегу Адыгеи были упомянуты посланцы «какого-то имама Мансура». В 1784 г. в Чечню прибыл представитель губернатора турецкой крепости Анапа Кадиоглу Мехмет-ага. Турок весьма беспокоила информация о новоявленном «мусульманском пророке», что угрожало Османской империи серьезными волнениями: «появление действительного пророка могло создать беспорядки во всей Оттоманской империи и иметь гибельные последствия». Но реальность охладила беспокойство турецких начальников, ибо Мансур открыто и официально заявлял окружавшим его духовым лицам: «Я ни святой, ни пророк, но мне повелено от Бога утверждать народ в законе Его»[72].

Однако действия Мансура знаменовали настоящий переворот в общественном сознании чеченцев: «Наложив на страну трехдневный пост (мархо), он (Мансур. – Д.А.) с приближенными своими (муриды), стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра (славославия). Жители выходили к нему, каялись перед ним в грехах, и обращались к таба (покаянию), обязывались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, (не курить табаку, не пить крепких напитков, но усердно молиться Богу …Народ признал Мансура своим устасом, т.е. ходатаем перед богом: целовали полы его одежды и так увлеклись религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самою кровь… Слава о нем распространилась и в других племенах. Язычествующие кабардинцы, галгаи и горные чеченцы принимают ислам и единодушно с чеченцами восстают против русских»[73].

Царские власти узнали о Мансуре в начале 1785 г. и полагали, что речь идет о религиозном проповеднике. «До объявления шихом (шейхом. – Д.А.), – сообщает документ, – Мансур три ночи в доме молился богу…». Первоначально те же алдинские жители отнеслись к «пророку» с сомнением: «почитают ево за волшебника, только он доводет, чтоб состояли порядочнее – смертоубийцам приказывает примириться, а протчим не воровать. А другие его дела нам не внятны»[74].

В марте 1785 г. на всей территории Северного Кавказа прокатилась волна мощного землетрясения. Это природное явление как бы подтвердило жителям края появление нового святого. Молодой Мансур воспользовался этим обстоятельством в полной мере: «Одаренный природой гибким и проницательным умом» и «сильной волей», он являлся прекрасным психологом и умел внушить глубокое доверие окружающим, а также владел «необыкновенным даром слова»[75].

Из этих и других свидетельств можно сделать вывод, что Мансур прошел обычный на Востоке путь религиозного проповедника, обличителя в вере. При этом выдвигались религиозные лозунги, объективно представлявшие общенациональные интересы. Составной частью программы Мансура являлась борьба за утверждение шариата в горской среде, а исходной позицией имама – «бунт против пороков, адатов, в которых шейх видит основу зла и насилия… Призывы к нравственному очищению приводили к единению чеченцев, а борьба против адатов и за утверждение «чистого» ислама, идея отпора внешнему врагу – единению горцев Северного Кавказа… В социальном плане программа Мансура должна была служить средством создания государственности горцев»[76]. Для того чтобы столь откровенно выступить против «пороков» горского общества, кровной мести и жестоких адатов нужна

была огромная смелость. Поэтому для современников Мансур представлялся необыкновенной фигурой, святым и пророком.

Следует отметить, что движение имама Мансура изначально содержало элементы глубокой информационной работы по привлечению горских масс на свою сторону через десятки писем, прокламаций и воззваний. В свою очередь и российское правительство развернуло против Мансура и его сторонников невиданную в истории русско-горских отношений информационную войну[77].

Решив подавить движение в самом зародыше, пока оно не приняло еще больших масштабов, царское командование предписало направить из Кизляра «в самое сборище Ушурмы» военные силы под командованием полковника Пиери, поручив ему разгромить лагерь повстанцев в Алдах и захватить новоявленного «лжепророка» в плен.

Царский отряд, насчитывавший более двух тысяч солдат и офицеров, вышел к аулу и, несмотря на мирные предложения Мансура, сжег Алды, ограбил все имущество жителей и направился обратно к переправе на Сунже. Во время движения, обремененного добычей, полка Пиери колонной через лес, горцы окружили его и в жестоком кинжальном бою уничтожили вместе со своим командиром.

Тот факт, что иррегулярные силы горцев разгромили регулярный полк европейской выучки, что было впервые на Кавказе в XVIII в., сыграл огромную роль в подъеме начавшейся борьбы горцев и поднял авторитет руководителя этой борьбы Мансура на невиданный уровень.

15 июля 1785 г. состоялся первый поход повстанцев на важнейшую на Северном Кавказе крепость Кизляр. Горцам, насчитывавшим в своих рядах более 5 тысяч человек, так и не удалось овладеть штурмом достаточно сильным укреплением. Зато другое небольшое укрепление царских войск – Каргинское, расположенное в пяти верстах от Кизляра, – было восставшими захвачено и сожжено[78]. Так началась «священная война» шейха и имама Мансура, необыкновенно сплотившего чеченский народ и всех горцев Северного Кавказа.

В ходе движения Мансур не только формирует повстанческие отряды, но и, что весьма важно, попытался наладить их комплектование и снабжение: каждая «мечеть» (имеется в виду квартальная мечеть, т.е. каждый квартал) должна была выставить по 10 человек для его войска с полным обеспечением. Для содержания постоянного войска местное население было обложено специальной податью. Духовенство приняло «установление», чтобы народ «имел повиновение» только Мансуру. Были вновь заключены соглашения с соседями, на этот раз с карабулаками и ингушами[79]. Таким образом, речь объективно шла о некоторых государствообразующих решениях.

Известно, что имам Мансур неоднократно пытался установить через торговых людей контакты с киргизо-кайсацкими (казахскими) народами, жившими в северо-восточной части Каспийского бассейна, с целью парализовать с помощью казахов Нижнее Поволжье и осадить Астрахань. Еще в конце 1787 г. Мансур направил своих людей с воззваниями и в Крым, где под их влиянием недавно завоеванные крымские татары производят моления в мечетях, объявляют трехдневный пост и совершают обряд жертвоприношения домашних животных[80].

На последнем этапе народно-освободительного движения в 1788–1791 гг. Мансур, находясь среди турок в Анапе, продолжал вести переписку с единомышленниками на Северном Кавказе, стремясь поддержать там накал движения. Его письма и послания были адресованы, главным образом, к соотечественникам – чеченцам, а также в Дагестан и Кабарду. Известно, что в 1788 г. произошел ряд чеченских набегов на Моздокскую линию по Тереку.

Вопреки утверждениям некоторых авторов, Мансур не оставался безвыездно среди турок до 1791 г., а ездил в середине 1790 г. в Чечню и сразу же приступил к мобилизации горцев, в частности чеченцев и дагестанцев, для нападения на Кизляр, но вскоре вернулся в Адыгею. В июле 1790 г. беглый солдат, побывавший в Чечне, показал, что он видел в сел. Алды «Ших-Мансура», который получил письмо от турецкого Батал-паши, в котором он просил приехать имама в Анапу и взять на себя командование «горскими войсками»[81].

После разгрома турецкого войска Батал-паши за Кубанью 30 сентября 1790 г. Мансур снова уходит в Анапу, и обращается с последними воззваниями к горцам Северного Кавказа. В июне 1791 г. царские войска штурмом овладели Анапой.

Взятый в плен Мансур, как «бунтовщик», был отправлен в Петербург, где допрашивался в Тайной экспедиции. После чего был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи». Умер Мансур 13 апреля 1794 г.[82]

Движение шейха и имама Мансура в его национально-освободительном и религиозном формате своеобразно завершает и оформляет развитие чеченского народа в единую нацию и единую страну в своеобразных условиях горского мира того времени. Именно Мансуру мы обязаны прямыми попытками в самых первых чертах создать чеченское и общегорское государство на идеологической базе единой религии – ислама.

Это был первый чеченец, который начиная с 1786 г. получает определенную европейскую известность как великий мусульманский вождь.

В целом процесс развития нового религиозного сознания чеченцев в XVI–XVIII вв., связанный с принятием ислама и появлением единых целей

для всех фамилий, аулов и обществ, приобрел и форму политогенеза –складывания государственных, социальных и общественных форм единения. Появление новых явлений и форм в организации нахского (чеченского общества) было закономерным результатом не только внутреннего развития общества, но и ответом на внешние вызовы, которые в течение трех веков предъявляли такие великие державы, как Россия, Иран и Османская империя.

---

[1] См.: Шукуров Рустам. Битва и диалог // «Знание – Сила». № 4. М., 2008. С. 98–100.

[2] См.: Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969; Курбанов Руслан. Второй этап распространения ислама в Дагестане. Джамааты и шахары // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: memo.ru›…hotpoints/caucas1/msg/2007/09/m108863.htm; Исследователь А.И. Шамилев полагал, что «основательное внедрение» ислама в Чечню относится к XIV–XV вв. (См.: Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 104–106).

[3] Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 30–31.

[4] См.: Гаджиев В.Г. Материалы по истории средневекового Дагестана // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980. С. 195–206; и др.

[5] Айтберов Т.М. Дагестанские документы XV–XVII вв. // Письменные памятники Востока. М., 1982.

[6] Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 94–96; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Известия арабоязычных документов XV–XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982. С. 62.

[7] Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1959. С. 271–272.

[8] Агларов М.А., Айтберов Т.М. «Повествование об Али-беке Андийском и его победе над князем Турулавом б. Алиханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана XVII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XX в. (Сб. научных статей). Махачкала, 1981. С. 123–127. Приложения, № 1.

[9] См.: Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. С. 69–71; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 66–67.

[10] См.: АВПРИ МИД РФ. Кабардинские дела, 1755–1757 гг. Оп. 115/1. Д. 14. Л. 65; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 138 об; Русско-чеченские отношения… С. 112; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов (Письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу // «Советская этнография». № 6. М., 1976. С. 100–103; Магомадова Т.С. О времени исламизации населения Аргунского ущелья // Археология и вопросы атеизма. Сб. науч. трудов. Грозный, 1977. С. 82–83.

[11] См.: Бакиханов А.-К. Гюлистан – Ирам. Баку, 1926. С. 80; Агларов М.А., Айтберов Т.М. Указ. соч. С.123.

[12] Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958. С. 53–54; Русско-чеченские отношения… С. 70, 165.

[13] См.: Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк) // ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1870. С.13-15; Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990. С. 100–101; Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008. С. 10–11; и др.

[14] См.: Русско-чеченские отношения… С. 14; Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 127–128, 140–141.

[15] См.: Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 90 (второе издание: Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 110–111); Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX века). Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1966. С. 300.

[16] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 855. Л. 49–49 об.

[17] Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М., 2008. С. 64.

[18] См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936. С. 41, 43, 214, 232, 252, 256; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия Чеч.-Инг. республ. краев. музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 70–71; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIШ в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Грозный, 1980. С. 51; Бирюков А. Дела давно минувших дней // Ж. «Дош». № 4. М., 2004. С. 2, 4.

[19] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 10 (Копия); Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 219–220; Скитский В.Б. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 1. Грозный, 1959. С. 190; Henderson. Biblical researches and travels in Russia; and the passage as tlie Caucasus. London, Hisbet. 1826. С. 484.

[20] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант». Д. 3318. Ч. 2. Л. 38 об.; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л.5 (копия). Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 47, 50–51; и др.

[21] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 66–67.

[22] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 10 (копия); Аталиков В.Г. Вайнахи по известиям европейских авторов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 123–124.

[23] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159 об. – 160.

[24] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771. Кн. 2. Л. 59–59 об; АКАК. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 949.

[25] Емельянова Н.Е. Мусульмане Кабарды. М., 1999. Цитирую по тексту в Интернете: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xit. Lib. ru. (С. 17 из 65).

[26] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 10 (копия); Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (к истории религиозных верований в X–XIX веках). Грозный, 1989. С. 165–169.

[27] Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 89–100; Его же: К вопросу о времени окончательного утверждения ислама в Чечне и Ингушетии // Вестник АН ЧР. № 2. 1999. С. 121–137; и др.

[28] Криштопа А.Е. Горный Дагестан накануне присоединения к России: социоестественная характеристика // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 344.

[29] Далгат Б.К. Указ. соч. С. 201–202.

[30] Иванов В.И. Верховья р. Гехи // Записки КОИРГО. Т. 15. Тифлис, 1902. С. 294–295.

[31] Дмитриев В.А. Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. X. № 4. 2007. С. 146–147.

[32] Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007. С. 80.

[33] Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе собранныя и дополненныя Семеном Броневским: в 2-х т. / Подг. Н.К. Павлова. СПб., 2004. С. 179.

[34] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

[35] Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 23.

[36] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 3 об. – 4 об.; Там же: Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 146–147 об.; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1171. Л. 43–43 об.

[37] См.: Далгат Б.К. Указ соч. С. 128, 141, 152.

[38] См.: Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 255; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 27–28.

[39] См.: Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII в. – первая пол. XIX в.). Рук. дисс. канд. юрид. наук. М., 1972. С. 59; Северный Кавказ в составе Российской империи / Под ред. Р.Ю. Абдулатипова. М., 2007. С. 67–68.

[40] Бутков П.Г. Из «Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре» // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 12–13.

[41] См: Аталиков В.Т. Указ. соч. С. 123; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 28; и др.

[42] Айтберов Т.М. Указ. соч. С. 69–70. (Здесь названы имена Алдамовичей: «Казы», «Ума», «Белибек», «Казаны»); Умаров С.Ц. О позиции старшин в антиколониальной борьбе Чечни первой трети XIX века // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный. 1976. С. 300.

[43] Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья горной Чечено-Ингушетии // АЭС. Т. II. Грозный, 1968. С. 231–232; Его же: О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи среднего средневековья. АЭС. Т. III. Грозный, 1969. С. 161–162.

[44] См.: Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Составители: И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный, 1986. №106; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.esharsh. com/forum (свидетельства потомков Меда).

[45] См.: Иванов М.А. Указ. соч. С. 290–292; Мифы и предания чеченского народа. Т. 2 / А.Д. Яндаров, Г.В. Заурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). М., 2011. С. 77–78; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: vchechne.ru › Вай мохк / Наш дом › Нохчийн-чоь; и др.

[46] Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2007. С. 354.

[47] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 138 об.; Русско-чеченские отношения… С. 112–113, 184; Кушева Е.Н., Усманов М.А. Указ. соч. С. 108; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 27.

[48] См.: Русско-чеченские отношения… С. 96–108, 139–143, 150–163 и др.; Магомадова Т.С. Окоцкие мурзы Кохостровы в Терском городе // Вестник АН ЧР. Грозный, 2008. С. 122–130.

[49] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 153–154, 193–195, 220–225, 265, 284, 315 и др.; Русско-чеченские отношения… С. 98, 102, 139–145, 226–229, 267, 325–326 и др. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1963. С. 81, и др.; Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI–XVII вв. // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С. 198–199.

[50] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1720 г. Оп. 115/1. Д. 3. Л. 1; РГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 159 об.; Архив Института рукописей им. К. Кекелидзе Республика Грузия). Ф. Вейденбаум Е.Г. Д. 24. Л. 233; Рук. фонд Института ИАЭ Дагцентра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 3 об.; [Фальк]. Записки путешествия академика Фалька // «Полное собрание ученых путешествий по России». Т. 6. СПб., 1824. С. 63; Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкессии по отношению к Оттоманской империи… // «Русский архив». Т. 1. М., 1888. С. 373.

[51] Бутков П.Г. Указ. соч. С. 9.

[52] См.: РГАДА. Ф. 23. Д. 13. Ч. 4. Л. 243; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 159 об.; Самойлов К. Заметки о Чечне // «Пантеон» № 10, СПб, 1855. С. 33; См. для сравнения известие

И. Иванова (Чечня // «Москвитянин». Ч. 1. № 19–20, М., 1851. С. 184): «В некоторых больших деревнях было несколько мечетей и несколько мулл; в таком случае один из них обыкновенно выбирался в кадии».

[53] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 160; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Сб. статей. Грозный, 1980. С. 57–58.

[54] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 32. К. 9. Л. 155 об; Там же: Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 160; АКАК. Т. 4, Тифлис, 1870. С. 891; Иванов И. Указ. соч. С. 185–186; Иваненков И.С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910, С. 88.

[55] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18508. Л. 111; Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 160; Гантемирова Ф.А. Указ. соч. С. 61.

[56] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1755–1757 гг. Оп. 115/1. Д. 14. Л. 18; 65.

[57] См.: РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300. Л. 64 об.; Там же: Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 162; Самойлов К. Указ. соч. С. 32.

[58] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Персией, 1742 г. Д. 5. Ч. 3. Л. 622; Там же: Ф. Сношения России с Персией, 1743 г. Оп. 77/1. Д. 3. Л. 8–8 об.; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 2. СПб, 1869. С. 220–221; Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Сб. статей. Грозный, 1981. С. 64.

[59] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 192. Л. 100 об.; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2. Л. 148.

[60] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2687. Ч. 2. Л. 19; АКАК. Т. 4. С. 839.

[61] См.: АКАК. Т. 1. Тифлис, 1868. С. 716; Иванов И. Указ. соч. С. 184–185; Самойлов К. Указ. соч. С. 32–33.

[62] Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – начало XX в.). Сб. статей, Грозный, 1979. С. 58; и др.

[63] См.: Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. С. 62–63; Гапуров Ш.А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х гг. XVIII в. // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 92–93; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 394.

[64] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 395.

[65] См.: Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 86–87; Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях) / Под ред. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1994. С. 49.

[66] Гапуров Ш.А., Гадаев В.Ю. Роль имама в освободительном антифеодальном движении горцев под руководством Мансура в конце XVIII в. // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С. 31.

[67] См., Джабагиев Вассан-Гирей. Свободный Кавказ. Назрань-М., 2007. С. 43.

[68] См.: Умаров С.Ц., Цицкиева М.О. Ислам на Северном Кавказе в XVII в. (по сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби) // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С. 24–25; Кидырниязов Д.С., Шихалиев Ш.Ш. К вопросу о турецком влиянии на распространение мюридизма на Кавказе // Ислам на Юге России: Сб. статей. Астрахань, 2007. С. 24–25.

[69] Юдин П. Лжепророк Ушурма – Ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. Кн. 3. Вып. 10. М., 1910. С. 218, 223; Беннигсен А. Указ. соч. С. 51; Джабагиев Виссан-Гирей. Указ. соч. С. 49; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 256–257.

[70] См.: Из архивных материалов П.Г. Буткова. С. 16; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 91–93; Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С. 129.

[71] Юдин П. Указ. соч. С. 218; Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975. С. 96.

[72] См.: Из архивных материалов П.Г. Буткова. С. 18; Беннигсен А. Указ. соч. С. 53–55; Джабагиев Васан-Гирей. Указ. соч. С. 44–45.

[73] Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1991. С. 103.

[74] См.: ЦГАРД. Ф.379. Оп. 3. Д. 13. Т. 1. Л. 112; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 8; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 93.

[75] См.: АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1403. Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. № 15. СПб., 1856. С. 64; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. 2. С. 87; Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута. Т. 18. Орджоникидзе, 1932. С. 98.

[76] Акиев В.Х., Хусаинов С.А. Шейх Мансур как религиозный реформатор // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992. С. 14.

[77] Умаров С.Ц. «Информационная война» царской администрации на Кавказе в связи с восстанием шейха Мансура // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Грозный, 1992. С. 28–29.

[78] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 17 об. 18, 28, 47; Из архивных материалов П.Г. Буткова. С. 21–23; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 114–141, 149–156.

[79] ЦГАРД. Ф. 379. Д. 2635. Ч. 2. Л. 106; Юдин П. Указ. соч. С. 224–225. Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 197–198.

[80] Джабагиев Вассан-Гирей. Указ. соч. С. 49–50.

[81] ЦГАРД. Ф. 379. Д. 2578. Л. 49; См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 567. Л. 11–11 об.; Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. С. 405; Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 2. Владикавказ, 1912. С. 174; Джабагиев Вассан-Гирей. Указ. соч. С. 49.

[82] См.: Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 160; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 266–267.

Глава VI. БОРЬБА ТРЕХ ИМПЕРИЙ ЗА КАВКАЗ. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧНИ В XVI–XVII ВВ.

§1. Международные отношения на Северном Кавказе в XVI в. Ших-мурза Окуцкий и установление вассально-союзнических связей с Московским государством

В конце XV – начале XVI в. на Северный Кавказ выходят фланги нескольких восточных держав того времени: с запада османы и крымцы, с севера Большая Орда (наследница Золотой Орды) и Астраханское ханство, с юга Сефевидский Иран и грузинские царства (вассалы Турции и Ирана).

Собственно, на Северном Кавказе в этот период мы имеем на западе региона адыгские вольные общества и княжества, в центральной части региона между верхним течением Кубани и Терека феодальную Кабарду, имевшую некоторую степень централизации (институт старшего князя). На востоке региона дагестанское феодальное владение – Кази-Кумухское шамхальство, пыталось расширять свое влияние на Терско-Сулакское междуречье, вольные общества Нагорного Дагестана и Восточной Чечни. В нагорной полосе Северо-Восточного и Центрального Кавказа находились аульные общества даргинцев, аварцев, андоцезов, нахов (чеченцев и ингушей), осетин, балкарцев и карачаевцев, находившихся на определенных ступенях общественного развития. Однако в Нагорном Дагестане большую роль играли не только крестьянские общества, но и феодальная верхушка из различных аристократических фамилий.

В 1502 г. под совместными ударами Крыма и Москвы рухнула наследница Золотой Орды – Большая Орда (заключавшаяся между Днепром и Волгой), чьи границы выходили на юге к Кубани и Тереку. На Ближнем Востоке возвысился Сефевидский Иран вступивший в 1514 г. в широкомасштабную войну с великой Османской империей. Ареной кровавых сражений, шедших с перерывами до 1555 г. (а с 1578 г. и далее), стал не только Ближний Восток, но и Прикаспий (Азербайджан), Дагестан и Грузия. Северный Кавказ превратился в дорогу передвижения войск из турецкого Причерноморья и Крыма в северные районы Ирана.

По линии противоборства великих восточных держав на Кавказе складывалась и политическая ситуация с горскими народами и их феодальными образованиями. Где-то с середины XVI в. в северокавказских делах попыталась участвовать и Московская Русь.

Известное положение о том, что Северный Кавказ в XVI в. стал ареной борьбы трех великих держав своего времени – Московской Руси, Сефевидского Ирана и Османской империи, требует дополнения в том плане, что соб-

ственно Русь, как и народы Северного Кавказа, находилась на острие экспансии наследников Золотой Орды (Крымского и Казанского ханств в первую очередь), за которыми, в конечном счете, стояла султанская Турция. Это обстоятельство объективно диктовало военно-политическое сближение между Москвой и горскими народами, которые в свою очередь также стали объектом внешнеполитического воздействия Крыма и Турции.

В 40-х гг. XVI в. русское государство во главе с царем Иваном IV (Грозным) повело решительную борьбу с соперничающими с Москвой татарскими государствами Восточной Европы. Некоторое значение при этом имело и то обстоятельство, что кавказские горцы объективно оттягивали на себя союзные казанцам крымские силы. К примеру, в 1552 г. «крымский царь ходил на Черкассы, а на цареву и великого князя крайну (т.е. границу. – Авт.) не пошел»[1].

Падение Казани по своему значению для истории Руси было сравнимо с падением золотоордынского господства при Иване III, впервые русское государство твердой ногой вступило на берега Волги. Это было одно из крупнейших событий XVI столетия и для Восточной Европы. Вместе с тем, это было трагическим событием в истории татарского народа Казанского ханства, прервавшем его самостоятельное развитие.

К началу 50-х гг. XVI в. относится первое обращение северокавказских феодальных правителей к России. Установление в тот период взаимоотношений адыгских (черкесских) народностей Северо-Западного Кавказа, кабардинцев и других горцев Северного Кавказа с Москвой связано, безусловно, с международными событиями того времени. Главная причина обращения адыго-кабардинцев к русскому государству заключалась, прежде всего, в поисках реальной союзнической помощи в борьбе с все возрастающим давлением крымско-турецких сил. Достаточно напомнить, что натиск их на горцев в 30–40-е гг., да и в начале 50-х гг. XVI в. был весьма масштабным[2].

Другой значимой причиной обращения адыгских и кабардинских князей к Москве были внутренние разногласия среди адыгских феодалов. Кроме того, на Северном Кавказе возникали противоречия и между более крупными феодальными кликами, в частности Кабарда соперничала с дагестанским шамхальством, на почве чего происходили стычки, приводившие к гибели феодалов и массы рядовых воинов.

Когда поражения крымских войск в походах на русские земли наглядно показали силу и мощь московских государей, осенью 1552 г., согласно русским летописям, «приехали ко государю царю и великому князю Черкасские государи князи Маашук князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от Крымского царя оборонил».

При отпуске их на родину князья целуют крест на верность Ивану IV; «и послал государь с ними в Черкассы Ондрея Шепотева правды их видети». Но в 1554 г. хан Девлет-Гирей повторил поход на адыгов («ездил на неприятеля своего на Черкасс Пятигорских… (и) з добычею великою до пэньства своего приехавши»), а султан укрепил гарнизоны на черноморском побережье Кавказа и в Азове[3].

Между тем вслед за покорением Казани Россия приступила к завоеванию довольно слабого и малонаселенного Астраханского «царства». Думается, что и это предприятие было в значительной мере облегчено позицией горцев Северо-Западного Кавказа, также отвлекавших на себя крымскую конницу на протяжении 1553–1554 гг.

В июле 1554 г. 30-тысячное русское войско в результате короткого, но ожесточенного штурма захватило Астрахань и ее правитель хан Ямгурчей с придворными и гаремом бросился в бегство. Часть его приближенных бежала в низовье Терека, где располагалось небольшое Тюменское княжество.

Летом 1555 г. с Северного Кавказа вместе с Андреем Щепотевым к Ивану IV прибыло новое горское посольство от западных адыгов в составе 150 человек «от всей Черкасской земли, чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турского городы и на Крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детми во веки». В том же 1555 г. Иван IV направил было по Дону, на кочевья крымцев 13-тысячный отряд Шереметева, потерпевший поражение. В конце 1555 г. крымский отряд, вооруженный пушками и пищалями, занял Астрахань, но уже весной 1556 г. крымцы были выбиты из Астрахани, а ханство вошло в прямое подчинение России. С другой стороны, адыгские и кабардинские князья овладели было двумя небольшими турецкими крепостями, лежавшими на подступах полуострова – Темрюк и Тамань[4].

С падением татарских государств – Казани и Астрахани – для великой Османской империи начинается, по мнению исследователя В. Аллена, новый этап в ее внешней политике, связанный с возникновением «русской проблемы» и открытием нового фронта действий к добавлению к фронтам в Европе, Закавказье и на Ближнем Востоке. Однако «Журнал важнейших дел» имперского Дивана с 1553 по 1564 г. хранит молчание на этот счет[5]. Необходимо указать, что в мае 1555 г. был заключен первый международный договор между Турцией и Ираном о разделе сфер влияния на Кавказе. При этом Иран закрепился в Прикаспии, а Турция в Северо-Кавказском Причерноморье.

Продвижение России на юг вызвало изменения и в политическом положении всех горских феодальных образований, оно сказывалось на судьбах региона в целом. Победа России на Волге эхом отозвалась во всех странах, прилегающих к Каспию. Уже в январе 1556 г. воеводы из Астрахани доносили, что к ним «из Шамахи и с Шевкал (Северный Дагестан. – Авт.) и с

Тюмени от царей присылка о миру была и о торговли…»; торговые люди прибывали также из Грузии и Дербента. Обладание устьем Волги давало Руси огромные преимущества на Каспии. Во внешнеполитических планах России Северный Кавказ в середине XVI в. занял немалое место, превратившись и в арену борьбы с Крымом, претендовавшим, в силу своих национальных интересов, на господство не только в Поволжье и на Северном Кавказе, но и собственно даже над Москвой. Наиболее надежными сторонниками в новом для себя регионе Москва считала адыго-кабардинских феодалов, и в 1557 г. был решен вопрос о принятии в «подданство» кабардинских феодалов, в результате посольства от князей Темрюка Идарова и Тазрюта[6].

После очередного приезда многочисленных адыгейских и кабардинских посольств в 50-х гг. XVI в. Москва официально стала считать владения горских князей присоединенными к России. В титулатуру Ивана IV включается и понятие государь «кабардинской земли черкасских и горских князей». Но в условиях того времени эти отношения надо расценивать скорее как союзнические, в развитии которых, кстати, нуждались обе стороны.

Откликаясь на просьбы кабардинских феодалов оказать им помощь в борьбе с дагестанским шамхалом, который расширял свои владения по Тереку к западу, Москва провела первый самостоятельный поход царских войск на Северный Кавказ[7].

Результаты экспедиции на Северно-Восточный Кавказ оказались более чем скромными: «Того же лета посылал царь… воевати в судах Ивана Семенова сына Черемисинова с стрельцы и с казаки и со Астроханскими людми. И оне пришли на Шаткал к городу Тарком. И Шалкалской князь с царя и великого князя людми бился половину дня и побежал от них в горы, а город Тарки покинул. И Иван Черемисинов выжег и полону русскова и шевкалского поимал много и отшел со всеми людьми здорово». В дальнейшем «Тюмень и Шевкалы» фигурируют в числе недругов Ивана IV[8].

В августе 1561 г. царь Иван IV женился на дочери старшего кабардинского князя Темрюка Идарова – Марии Темрюковне. Это был очень содержательный шаг. Браки на «черкешенках» являлись традиционными для восточных владык, в ряд которых стремился поставить себя и Иван Грозный. По просьбе тестя Темрюка царь вновь двинул на Северный Кавказ войска: «И Темрюк со государскими людми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепщуковы улусы (владения враждебной Темрюку княжеской фамилии. – Авт.) да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков… и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре и людей многих побили и в полон имали…»[9].

Борьба шла за овладение районами, по которым пролегал стратегический важный путь в Грузию. «Мшанские» (вероятно, ксанские), «Сонские»

и «Татцкие земли» находились между Кабардой и Грузией, здесь подразумевались вероятно и западнонахские (ингушские) общества, граничившие с Дарьяльским ущельем и частично осетинские аулы (Юго-Осетия и Северная Осетия)[10].

Очевидно, что одной из целей походов Темрюка и Плещеева в 1562–1563 гг. было обеспечение отношений Руси с Грузией через перевалы центральной части Кавказского хребта. К 1563–1564 гг. относится и упоминание в летописях о посольстве кахетинского царя Левана (Леона) к Ивану Грозному, результатом которого можно предполагать появление в Грузии русского отряда. Следует отметить, что именно при картлийском царе Давиде и царе Кахетии Левана наблюдается восстановление старых союзнических связей грузин с горцами Кавказа, в т.ч. и с нахами. Так, тот же Давид в 1522 г. остановил наступление иранцев с помощью «кавказцев», которых «вывел» с гор, а царь Леван в обмен на расположение тушин (из которых цова-тушины являлись нахами) дал им право на выпас овец в долинах Кахетии[11].

Не прошло и года как в июне 1564 г. сын Темрюка сообщил, что «Темгрюку князю пришли многие тесноты от Черкес и ему непослушны во всем…». Безусловно, в этой войне против Темрюка могли принять участие осетины и западные нахи, которых пытался покорить князь в 1562–1563 гг. Русское войско выступило в поход из Астрахани в 1565 г. и прибыло в Кабарду в 1566 г. Здесь были стрельцы, дети боярские (дворянская конница) и казаки. Вновь началась война с Пшеапшуковыми «улусами». На стороне которого выступили и другие кабардинские князья – «Тазрит и Маит», а также шамхал Будай, возглавивший войска из Дагестана. В кровопролитной битве Пшеапшука и Будай потерпели поражение от русско-кабардинского войска, последний был убит, но и объединению князей во главе с Темрюком был нанесен ощутимый урон[12].

В декабре 1566 г. в Москву приехал «Матлов князь Темгрюкович» – шурин царя, «чтобы государь пожаловал, для бережения от недругов его велел город на реке Терек усть Сюунчи реки поставить». Выбор места для строительства крепости на территории современной Чечни был не случаен, исследователи единодушно сходятся в оценке стратегического значения района слияния Сунжи с Тереком. Здесь находились броды-переправы важнейших торговых путей, соединявших Каспий и Черное море, здесь шла стратегическая дорога, по которой войска крымцев и турок направлялись в Дагестан, Иран и обратно. Крепость должна была также защищать Кабарду с востока от нападений шамхала[13].

В Крыму рано узнали о замыслах Темрюка и выразили протест. Тем не менее, в феврале 1567 г. «отпустил царь и великий князь для городового дела князя Андрея княж Семенова сына Бабичева да Петра Протасьева со многими

людми, да наряд, пушки пищали, с ними в Черкассы послал, а велел на Тереке реке Темгрюку князь по его челобитию город поставити». По авторитетному мнению Е.Н. Кушевой, город был поставлен на терской косе при впадении Сунжи в Терек. К сожалению, мы не имеем сведений о масштабах крепости и системе оборонительных сооружений. Однако порубежные города России в XVI в. сооружались по единому принципу. Терки относился к числу важных укреплений, гарнизон которого мог насчитывать от нескольких сот до 2–3 тыс. человек и состоял, как правило, из стрельцов и «городовых казаков».

Крымский хан Девлет-Гирей писал Ивану IV: «И мы слышали, что еси прислал людей тысячи 2–3 да на Терки город поставил, того для промыслил еси, чтоб Шавкалскую землю и Черкасскую изневолить… И тем городом хочешь ты отлучити Черкасс от Хандыкерева величества (турецкого султана. – Авт.), и от нас ты похотел Черкасс отлучить»[14].

Для народов Северного Кавказа и Чечни появление русской крепости на их земле имело большое политическое значение. Так, прямым следствием ее строительства надо полагать то обстоятельство, что с 1567 г. завязались первые политические контакты Руси с одной из чеченских владельческих фамилий. «Прежде сего, которые ваши государевы на Тереке городы были, – писал чеченский феодал Ших-мурза Окуцкий в 1588 г., – и в те поры я с отцом своим с Ушаром мурзою тебе государю верою и правдою служили…». Иметь чеченцев-окочан (ококов) в числе своих союзников для Москвы было тем более важно, что восточные соседи их – кумыкские феодалы – были на тот момент в «дружбе в любви» с крымским ханом[15]. Окоцкое владение могло так же обеспечивать безопасность коммуникаций Астрахани и Терского города с целым рядом северокавказских горных земель.

Выход России на Северный Кавказ усилил политические возможности горских лидеров и вес горских стран в международных делах. Было положено начало их вовлечению в периферийную европейскую цивилизацию.

При дворе османского султана было решено решить волжско-татарскую и северокавказскую проблему одним ударом – походом на Астрахань. Подготовка к нему началась еще в 1563 г. Кстати, сторонниками данной экспедиции выступили влиятельные лица империи из черкесов – например, великий дефтердар султанского двора Касимбей-паша. Летом 1569 г. огромная армия, состоявшая из турок, крымских татар, «горских черкес», ногайцев и т.д., поднявшись из крепости Азов по Дону, перешла в районе Переволоки к Волге и спустилась к Астрахани. Ранняя зима, крепкие городские укрепления и разлад в лагере погубил турецкую экспедицию. Остатки войска «толпою бледных теней» вернулись в Азов в 1670 г.[16]

Правительство Ивана IV, чувствуя себя весьма уверенно после провала Астраханского похода, стало делать самоуверенные заявления о «русском»

подданстве Кабарды и других горских народов. Это вызвало, с одной стороны, активность турок и крымцев в адыгских землях, приведшей к гибели русских сторонников. С другой стороны, крымский хан Девлет-Гирей Бора (буря, ураган) выступил в поход на север, и с помощью противников Ивана IV на Руси прорвал укрепленные пограничные районы и 24 мая 1571 г. дотла сжег Москву. Царь бежал и позже признал свою зависимость от Крыма: «бил челом» и обещал вернуть Казань и Астрахань. Крепость на Терки была немедленно оставлена[17].

Однако военное счастье переменчиво и в 1572 г. русские воеводы нанесли сокрушительное поражение очередному нашествию Девлет-Гирея, недовольного затягиванием Москвой возвращения Астрахани и Казани. Но русские позиции на Северном Кавказе уже были оставлены, хотя есть предположения, что срыв крепость и выведя ее гарнизон, царь сохранил на Тереке т.н. «вольных» казаков, нанимавшихся на службу «повременно» за плату. Исследователь П.Г. Бутков был уверен, что русские люди в 1572 г. «удалились в верховья рек Сунжи, Аргуна… и вошли с ними (нахами-чеченцами. – Авт.) в военный союз»[18].

В 70-х гг. XVI в. некоторые феодальные владения Северного Кавказа уже явно враждебны России. Горские феодалы, как и татарские ханы, совершают набеги на южные русские земли. Иван IV, перечисляя своих врагов, которые «все заодни сложась» беспрестанно нападали на Россию, назвал также кабардинских черкас, горских и кумыкских людей. Но при этом обстановка в Крыму была во многом осложнена засильем горцев-«черкесов» при ханском дворе. Татарские мурзы жаловались султану, что крымское государство гибнет «от царя от крымского и от царевичей и от черкас. Черкасы де большие люди у царя крымского и временники (фавориты. – Авт.) все черкасы ж… и юрт де крымской нынче стал черкасской, а мы де татаровя все пропали…»[19].

В 1574 г. умер глава дагестанского шамхальства Чубан-шамхал «владевший всем краем от границ Кайтака, Кюринского округа, Аварии, черкесов и реки Терека до моря Каспийского… Его сыновья разделили между собою все государство». Однако один из сыновей Салтан-Магмут, рожденный от знатной кабардинки, но некняжеского происхождения, был лишен наследства. С помощью войска, набранного в Кабарде, он «принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между Сулаком и Тереком, с нижнею частью Мичикича (восточные районы Чечни. – Авт.) и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета… собрав Кумукское племя, разсеянное в разных местах, он поселил его в Чир-Юрте, который избрал местом своего обитания». Новое феодальное владение, столицей которого стал вскоре многолюдный аул Эндирей, с самого начала стало играть важную роль в политической жизни Северного Дагестана и Восточной Чечни. Через его

территорию проходила сухопутная трасса волжско-каспийского торгового пути и часть маршрута Дербент-Азов. Здесь находились и зимние пастбища, игравшие известную роль в отгонном скотоводческом хозяйстве горцев[20].

Сами по себе полулегендарные сведения А.К. Бакиханова и Гасана Алкадари не вызывают особых возражений. Мнение, что Салтан-Магмут создал Эндирейское княжество с помощью кабардинского войска, собранного родственниками матери, вошло в обобщающие труды. Не исключена, однако, возможность участия и чеченских обществ в борьбе Салтан-Магмута за феодальный удел. Некоторое количество источников подтверждает наличие значительного количества нахов-чеченцев в княжестве Салтан-Магмута и их активное участие в политических событиях. Так, «Мичкизская земля» постоянно выступала союзником в борьбе Салтан-Магмута с шамхалами и другими соседними феодалами[21].

В 1578 г. начинается новое обострение политической обстановки на Кавказе: турецкий султан Мурад III возобновил войну с Сефевидами за овладение Закавказьем, длившуюся более 10 лет. Дагестанские феодалы по крайней мере были нейтральны к туркам и крымцам, которые дважды в 1578 и 1579 гг. проходили через плоскость Дагестана в азербайджанские ханства (государство Ширван) в тыл к иранцам. Более того, народы Дагестана совместно с ширванцами в 1577–1578 гг. восстали против кизылбашей и вынудили шахского наместника Арас-хана покинуть Закавказье[22].

В то время, когда международное положение России улучшилось, последовало новое обращение в Москву группы кабардинских князей во главе с Канбулатом Идаровым. Они просили взять их под «царскую руку», оберегать от всех «недругов» и построить крепость на Тереке на прежнем месте. В ответ Иван IV в 1578 г. направил к ним воеводу Луку Новосильцева, который «пришед в Черкассы в Пятигорские; и на реке, на Терке, на устье Сунчи-реки город поставил»[23]. Речь вновь шла о расположении русской крепости в исторических границах Чечни.

Осенью 1578 г. по требованию турецкого султана крымский царевич Адиль-Гирей с 35-тысячным войском проследовал по Северному Кавказу в Закавказье на помощь туркам, сражавшимся с шахскими силами в Ширванской провинции Ирана. К тому времени работы по восстановлению Терского города были закончены, и там находился крупный гарнизон из казаков во главе с воеводой Лукой Новосильцевым. Крымские войска перешли Сунжу у «Горячего Колодезя» (Терский хребет); по официальным русским данным, они якобы просили «дороги» у царского воеводы и «унятия» терских казаков. На обратном пути разгромленные иранцами остатки крымских войск в числе 10 тыс. человек углубились в плоскостную Чечню и «перелезли Сеунчю-реку далеча от Терского города…». По уверению Луки Новосильцева, он с казаками догнал их и «побил на голову и лошадей отогнал…». Позже в грамоте от 1580 г. Иван Грозный уверял крымского хана, что крымцев в 1578 г. «пограбили» черкесы, «а изводят на наших казаков», а сделали это «черкесы» (т.е. горцы) для того, мол, чтобы поссорить Крым с Россией[24].

Крымский хан, узнав таким образом о существовании здесь поселения русских, заставил Ивана IV в том же 1578 г. снести Терский город. Вместе с тем, есть самые серьезные основания полагать, что именно с 1578 г. русское присутствие на Северном Кавказе приобрело постоянный характер. Служилые казаки Терского города по ликвидации крепости были оставлены на Северном Кавказе. Их взял под свое покровительство чеченский владелец Ших-мурза Окуцкий. Позже он писал в Москву: «и после того как велел еси, государь, те городыразорити, и мы тогда с твоими государевыми и терскими атаманами и казаки тебе, государю, служили». Справедливость указанного положения подтверждается и челобитной терских атаманов и казаков от 1586 г., в которой они заявляли, что «преж сего служили они тебе государю, на Терке и промышляли всяким твоим государевым делом за один с Шихмурзою с Окуцким…». Воевода Хворостинин (имеется в виду воевода нового Терского города) прямо писал в 1589 г. о казаках, живущих к этому времени в районе слияния Сунжи с Тереком: «Терские казаки, которые остались на Терке...»[25].

Отец Ших-мурзы Ушаром-мурза, умерший судя по всему в конце 70-х гг. XVI в. завещал сыну «слово (царское. – Я.А.) на голове держати…». По мнению специалистов, значение формулы «держати слово на голове» очевидно: она выражает признание вассалитета[26]. Таким образом, можно предположить, что единственным связующим звеном между Россией и Северным Кавказом с 1578 по 1588 г. (когда была построена новая крепость Терки) оставался Ших-мурза.

Владения Ших-мурзы охватывали к тому времени северо-западные районы современного равнинно-предгорного Дагестана и некоторые восточные части Чечни. Сосредоточив в своих руках относительно крупные для того времени силы, до 1000 воинов (500 казаков и 500 «слуг своих») Ших-мурза развернул активную военно-политическую деятельность. Думается, что сфера его деятельности (военная, дипломатическая, политическая) простиралась от Дарьяльского ущелья до Дербента»[27].

В начале 80-х гг. XVI в. ирано-турецкая война достигла крайнего ожесточения. В связи с этим северокавказская дорога из Крыма в Закавказье через кубано-терские степи приобрела для турок и крымцев важный стратегический характер. Османское правительство стало оказывать сильное дипломатическое и иное давление на северокавказские народы с целью обеспечения их подданства и помощи.

В ответ к 1582–1583 гг. складывается военный антиосманский союз Сефевидского Ирана, дагестанского шамхальства, Ширвана и Грузии. Союз сохранял свою силу и в 1584 г., когда об этом узнал русский посол Б.П. Благово в Турции: «…да Мурат же князь говорил. Ныне на Турского стали за один Кизылбашской с шевкальским, да с тюменским и с иными князьями, а ныне стоят на турской границе блиско Шамахи и в те городы, которые поимал Турской у кизылбашского, из Царяграда и во Цареград людей воинских и не пропускают…»[28].

Участвовал в этом союзе и Ших-мурза. По его собственному признанию русскому царю: «для тебя яз в Железных Воротах (Темиркапа, т.е. Дербент. – Я.А.) много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил». Дербент относился к тем пограничным городам, который «поймал Турской у Кизылбашского». Одновременно и терские казаки совместно с людьми Ших-мурзы «переняли» стратегическую дорогу на терско-сунженских «перевозах», ведущую из Крыма и Азова в Дербент, не пропуская турецких гонцов и чиновников. Данное обстоятельство вызвало настолько большое раздражение в Стамбуле, что султан грозился «воевать» Москву, т.к. «русские казаки, которые на Тереке живут, на перевозах и топких местах на них (турок. – Авт.) нападают». Русское правительство выдвинуло в ответ тезис, что «ныне людей государевых на Терке нет, а живут на Терке воры беглые казаки без государева ведома». Разумеется, в Стамбуле хорошо понимали, что это ложь, но османам не хотелось доводить отношения с Москвой до военного конфликта, так как война с Ираном отрывала все силы. Поэтому дело ограничивалось, как правило, дипломатическими демаршами[29].

В 1583 г. на Северном Кавказе произошел новый конфликт, обострivший международную обстановку. При движении из Дербента к Азову ветеранов армии великого турецкого полководца Осман-паши «собрався – по рассказу Осман-паши русскому послу – на Терке государя вашего казаки человек с тысячю, и пришли были на меня, и яз их побил всех, только утеклых человек з двесте…». Бой имел место при пересечении турецким обозом реки Сунжи, силы Осман-паши насчитывали 4 тыс. человек, это были ветераны ширванской кампании, лучшие воины. После короткой, но ожесточенной стычки османы начали преследование и, обнаружив в густых лесах казачий «табор», сравняли его с землей. Тем не менее, еще три дня пути османский отряд подвергался нападениям. Кроме того, была подожжена степь, что сильно затруднило движение Осман-паши к Азову[30].

После этого нападения раздраженные турки стали демонстративно сосредотачивать силы для операций на Северном Кавказе и против Астрахани. По одним сообщениям, султан был намерен, кроме взятия Астрахани, построить три «города» на Тереке для обеспечения «бесстрашного» прохода в

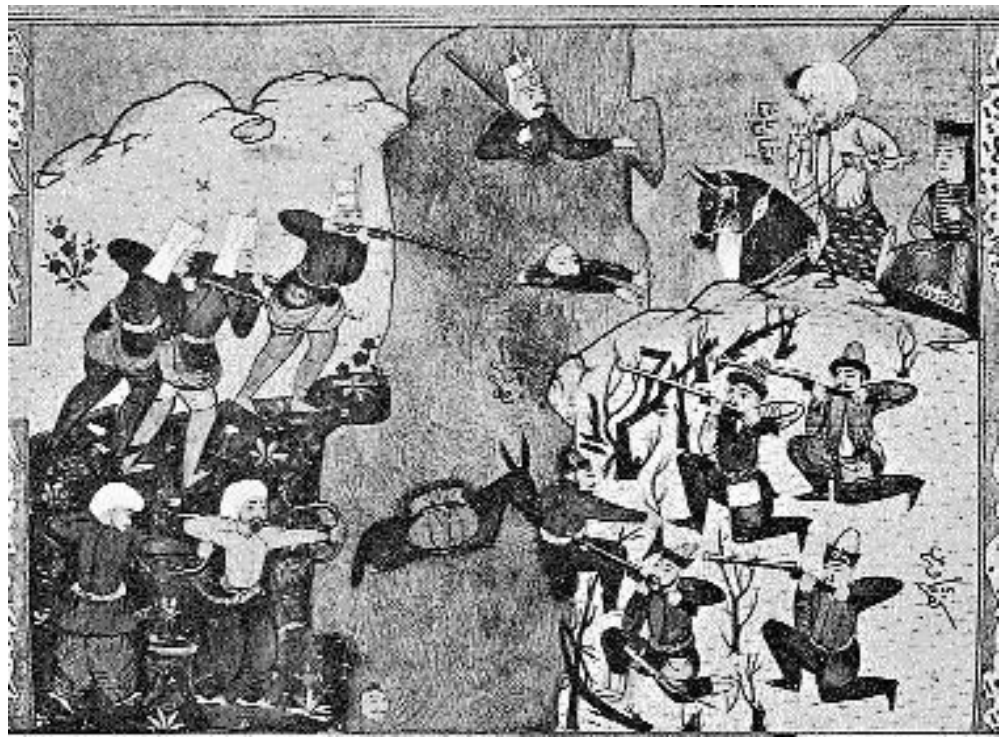

Рис. 22. Битва русских с войском Осман-паши в 1583 г. на р. Сунжа (турецкая миниатюра 1586 г.)

Иран, по другим – турки уже двигались к Дербенту, имея «на одной тысяче телегах, железа для городового дела»[31].

В целях успокоения османов новый русский царь Федор Иванович направил в Стамбул в 1584 г. миссию Б. Благово. Во время переговоров султанские представители потребовали неуклонного обеспечения безопасности на северокавказском пути для своих войск. В ответ русский посол утверждал, что на Терке живут «воры, беглые люди», волжские казаки «без государева ведома». Это было заурядной дипломатической уловкой, т.к. казаки были не беглые, а самые настоящие подданные Москвы[32].

Между тем в 1582–1585 гг. в Крыму разразилась ожесточенная междоусобица, приведшая к бегству из Крыма трех сыновей крымского хана Мухамед-Гирея II – Мурат-Гирей, Саадет-Гирей и Сафа-Гирей. Кстати, Мурат-Гирей, бежавший на Русь и назначенный наместником Астрахани, был хорошо знаком с Ших-мурзой Окуцким и в свое время хлопотал за него перед Федором Ивановичем (Иоанновичем). Надо отметить, что власть их отца Мухамед-Гирея II, нелюбимого крупными татарскими мурзами, держалась на личных войсках, насчитывавших 7 тыс. человек и все они были «черкесы» (т.е. горцы).

Мурат-Гирей, снабженный значительными силами стрельцов, волжских и терских казаков, добивался себе крымского трона, опираясь на «и с шевкальским и с тюменским и з грузинскими и с черкасы и со всеми горскими князи…» (включая того же Ших-мурзу Окуцкого). Царевич Мурат-Гирей должен был также комплектовать войско из горцев и ногайцев для нужд Москвы[33].

В октябре 1586 г. в документах, связанных с Мурат-Гиреем, возникает тема строительства крепости «на Терке». Определенную поддержку в этом плане оказал шамхал Дагестана, который призывал Москву укрепиться на Тереке и скрепил союз с Мурат-Гиреем, выдав за него свою дочь.

Все эти обстоятельства, наряду с дипломатическими успехами Руси в Европе, где с ней считались как с серьезным союзником в борьбе с Турцией, позволяли московской дипломатии строить радужные картины. Так, в грамоте Федора Ивановича к австрийскому императору Рудольфу за 1587 г. говорилось: «А многие государства: Юрганский царь, и Хивинский царевич, и Шевкальской князь, и Иверская Земля, Царь Александр Грузинской, и Тюменское Государство, и Окотцкая земля и Горские Князи, и Черкасская земля, Кабардинские и Абазинские и Ногайские орды за Волгою и меж Волги великие к Дону, те все земли приложились к нашему государству…»[34].

Взаимоотношения «Окоцкой земли» с Русью, не получив еще официального оформления (это произошло только в 1588–1589 гг.) развивались тем не менее как сугубо дружеские. Где-то до августа 1586 г. Ших-мурза приехал к казакам «на Терек… а сказал, что ему от шевкальского и от горских людей теснота великая, что он, живучи в горах, служит тебе, государю и промышляет всяким твоим государевым делом… и он хочет ехати на твое государство имя в Асторохань», куда уже послал двух своих человек: «Урака да Бязия (?)»[35].

Вместе с тем, 1586–1588 гг. были успешными для политики российского государства на Кавказе. Посылка в Грузию толмача Русина Данилова в 1586 г. для «проведывания» вестей и дорог привела к посольству в Москву от восточногрузинского (кахетинского) царя Александра с просьбой о подданстве. В следующем 1587 г. в Грузию было направлено царское посольство, возглавляемое Родивоном Биркиным и Петром Пивовым, а обеспечение безопасности посольства на Северном Кавказе было поручено Ших-мурзе Окуцкому и кабардинскому князю Алкасу.

Окуцкий владелец получает первую грамоту царя Федора Ивановича о пропуске и провожании в Грузинскую землю русских послов: «…Окутцкому Шиху князю милостивное наше царское слово с великим жалованьем з доброю мыслью, великое наше крепкое защищенье богоспособные нашие власти царские твоему улусу, безстрашное пребыванье в нашем царском и милостивном защищенье ото всех ваших недругов…» и далее просьба, что-

бы послов «через свой улус пустити велел и выпроводити их ис своего улуса велел до Алкаса князя Черкасково и до Грузинские земли поздорову»[36].

Весной 1588 г. служилый царевич Мурат-Гирей с воеводами Протасьевым и Бурцевым, выехав «из Асторахани в Шевкалы», расположился лагерем в низовьях Терека. С ним были «многие люди стрельцы и казаки с вогненным боем», которые и заложили деревянную крепость. По существу же речь шла не о создании на Тереке просто русской крепости, а плацдарма для завоевания всего Кавказа. Вопрос о строительстве этой крепости стоял давно, а поторопиться с ее основанием заставили известия о подготовке новой османской кампании против Астрахани. Действительно, в сентябре 1587 г. имперский Диван обсудил предложения бухарского хана Абдуллаха и старшего князя Большого Ногая Урус-мирзы, о захвате Астрахани. Поход был намечен на 1588 г., причем был назван даже командующий – Пиял-паша. Впрочем, план этот остался на бумаге, как и проект грандиозной антитурецкой коалиции, предложенный европейским государствам московским правительством в том же 1587 г.

Следует отметить, что строительство крепости на Тереке входило в общий план обороны Волжско-Каспийской магистрали: весной 1586 г. была основана Самара, в начале 1588 г. правительство приказало строить в Астрахани каменный кремль, следом закладываются крепости Саратов и Царицын (1589 г.)[37].

В течение 1588–1589 гг. воеводы Михайло Бурцев и Келарь Протасьев осуществили строительство Терского города в низовьях Терека, на северном протоке Тюменка. На этот раз Россия прочно встала на Тереке. В 1588–1589 гг. начался по существу новый этап русско-северокавказских отношений, выход России на Терек окончательно состоялся.

Значительную помощь в этом оказал и чеченский владелец Ших-мурза Окуцкий, который в эти годы с использованием «государевых» казаков, добился определенного политического влияния на Северном Кавказе. Он взял некий «Индили словет город и с тем 7 городов» (скорее всего, укрепленные аулы), обеспечил и себе и Руси дружеский союз с аварским ханом, Черным князем, с нахским владельцем Ларса в Дарьяльском ущелье – Салтан-мурзой; один из сыновей шамхала Алхас (Алкас) перешел даже со своими подвластными в его владение. В трудные годы засилья турок и крымцев на Северном Кавказе он совместно с терскими казаками прервал сообщение турок между Азовом и Дербентом, участвовал во всех антитурецких акциях кавказских владельцев[38].

В 1588–1589 гг. терские казаки опять перешли под непосредственное управление царских воевод. Они «сели» городками на гребне Терского хребта у слияния Сунжи с Тереком, здесь же на развалинах «Суншина городища»

был поставлен и небольшой острог. Терские казаки состояли в разряде вольных казаков, им не платили постоянного жалованья, а привлекали к службе от случая к случаю[39].

Таким образом, русско-османское противоборство на Северном Кавказе складывалось в целом в пользу России, русские войска в союзе с горцами не позволили туркам расширить агрессию в сторону Астрахани, на Северный Кавказ и Дагестан. Все это способствовало росту престижа Москвы и объективно усилило прорусскую ориентацию народов Северного Кавказа.

В то же время, в 1586–1589 гг., армии султана Мурада III заняли практически весь Азербайджан, Армению, Курдистан, западные области Ирана, значительную часть Грузии и ширванское побережье Каспия, где появился турецкий флот и морские базы турок. 21 марта 1590 г. был заключен турецко-иранский мир, установивший гегемонию Стамбула и на Кавказе.

Тем не менее, терские воеводы направляли письма в Кабарду, «шевкальскому и к тюменскому и к горским черкасом и к Нагаем» с призывом, «чтоб… великому государю служили». Крымский хан также рассылал гонцов с письмами на Северный Кавказ «ко всем в горы»; более того некий турецкий чиновник с отрядом в 90 человек, сопровождаемый кабардинцами, проехал в Дагестан через некоторые чеченские общества «на Мичкизы по загорам»[40].

В сложной политической обстановке, царившей на Кавказе в конце 80-х гг. XVI в., относительно возрастает роль чеченского феодалаШих-мурзы, верного сторонника Москвы. К нему направляет своих людей за известиями о судьбе грузинских посольств и для «разведывания» дорог кахетинский царь Александр, к нему обращается русский царь с указанием обеспечить безопасность посольства Семена Звенигородского и Торха Антонова в Грузию.Ших-мурза приводит в русское подданство одного из влиятельных горских аристократов Нагорного Дагестана – «Аварского князя» (вместе с его родственником Черным князем). Его политическую линию в общем разделяют основные нахские (чеченские и ингушские) общества того времени[41].

Еще в октябре 1588 г. вместе с грузинскими послами в Москву прибыли «черкесские» послы отШих-мурзы и князя Алкаса Кабардинского. Чеченское посольство возглавлял племянникШих-мурзы Батай-мурза; свита его состояла из трех товарищей. Горские послы были помещены на дворе архиепископа Новгородского, и к ним был назначен приставом Иван Жемчужников[42].

ГрамотыШих-мурзы представляют огромный интерес. В них содержится богатый фактический материал, характеризующий политические взаимоотношения российского государства с Северным Кавказом и Чечней во второй половине XVI в. Анализ документации посольстваШих-мурзы показывает, что политическое положение его владения определялось несколькими факторами:

1. Отношение к Турции и Крыму враждебное (х Турскому и х Крымскому не приставал»). 2. Отношение к России характеризовалось чертами средневекового вассалитета («готов на государеву службу», а с другой стороны, и «государь бы его пожаловал, держал под своею царскою рукою и его обороняти велел от его недругов»). 3. Отношения с северокавказскими соседями сложные. Дружеские отношения с Аварским и Черным князьями, держит у себя «шевкалова сына», враждебен с Асламбеком Кабардинским, ведет военные действия против «Индили» и других районов»[43].

21 ноября 1588 г. горские послы Батай и Асламбек (представитель Алкаса) были приняты царем Федором Ивановичем. «А государь сидел в Золотой в Подписной палате в царском платье; а бояре в золотном платье, а в сенех дворяне и приказные люди были в золотном же платье». Батай и Асламбек «били челом государю» о «пожаловании» и взятии «во оборону от недругов», после чего они были допущены «х корошеванью», пожалованы шубами (а сопровождающие лица деньгами и сукнами) и «кормом» из царского дворца. Причем Батаю и его людям были пожалованы более ценные подарки, чем послам Алкаса Кабардинского[44].

25 февраля 1589 г. состоялись переговоры Батая и Асламбека с государственным деятелем России, казначеем И.В. Траханиотовым, дьяками Андреем Шелкаловым и Посником Дмитриевым. Царские представители желали определить условия документального оформления подданничества Шиха и Алкаса. Послам был задан вопрос: «каким обычаем Алкасу и Шиху бытии под государевою рукою и хто им недруги?» Батай и Алкас отвечали: «Они холопи государские старинные и ныне государю служат, – и прислали их ко государю Алкас княз иШих мурза бити челом, чтобы государь пожаловал, велел их от недругов беречи Терском воеводам, а недруг им Асламбек княз Кабардинский»[45]. Следовательно, горские послы считали вопрос подданичества решенным («они холопи государские старинные») и просили вознаграждения за службу своих правителей и помощи против недругов.

К сожалению, в архивах не сохранилось данных о заключительной стадии переговоров; царскую грамотуШих-мурзе и жалованье было поручено передать очередному русскому посольству в Грузию. О результатах миссии Батая мы можем судить именно по этому документу.

В 1589 г. снаряжается второе посольство из Москвы в Грузию. В Москве предполагалось проложить иную посольскую трассу с Терека до владенийШих-мурзы, затем через дружественные ему земли Аварского князя и его родственника Черного князя.Ших-мурза, его уздени, племянник Батай и подвластные им окочане принимают самое активное участие в выяснении политической обстановки в крае и выборе посольского маршрута.

В «Шихов улус» посылает терский воевода сотника стрелецкого Зиновьева с письмом к Шиху, чтоб ехал в Терки «для государева» дела. Грузинский

царь шлет к Ших-мурзе двух гонцов с вестью о смерти «уварского хана» и предложением нового маршрута для московских послов. Между Терским городом, ставкой Ших-мурзы и грузинского царя идет оживленная переписка. В июле 1589 г. глава Окоцкой земли едет в Терки. Воеводам он представил конкретный отчет, что грамоты царские Аварскому и Черному князьям он доставил, «проведал кому на княженье быти» и кто вскоре приедет в Терки «для укрепления».

В августе 1589 г. в Терки из Москвы прибывают послы С. Звенигородский и Т. Антонов. Выяснилось, что кроме Ших-мурзы никто из северокавказских владельцев в Терках не бывал. Кабардинские мурзы находятся «в соединенье и дружбе с Шевкалским князем и шертовали Турскому и Крымскому. А Ших мурза в Терской город приезжает и государю служит».

Сотник стрелецкий Григорий Кутаринов и толмач Иванис Драгичев пригласили чеченского князя в посольский стан под Терками. Ших был принят в посольском шатре. И послы от царя «поклон правили и грамоту подали и речь говорили по государеву наказу; и государево жалованье ему дали по росписи». Царь Федор Иванович в своей грамоте заявлял Ших-мурзе: «…нам твоя прямая служба ведома. И мы за твою службу тебя жаловати хотим своим великим жалованьем и держати тебя и твой юрт хотим под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим ото всяких твоих недругов и воеводам нашим Астораханским и Терским о том приказ наш царский крепкой… И ты б, Ших-мурза, з братьею своею и с племянники и з детми и со всеми своими людми нам служил и был под нашею царскою рукою и от нашего жалованья был неотступен… (и по свою смерть и х Турскому и х Крымскому и к иным нашим недругам ни к кому не приставал, и сам и братью свою и детей своих и племянников в Терской город и нашим воеводам присылал…) и ты б, Ших-мурза, сам з братьею своею и с Алкасом князем все за город за Терской стояли с нашими воеводами вместе заодин. А мы к тебе вперед учнем свое царское жалованье держати великое»[46].

Таким образом, первое чеченское посольство и присяги чеченского владельца до и после посольства привели по существу к официальному оформлению вассально-союзнических отношений «чеченских землиц» с Россией, что было подтверждено соответствующей государственной грамотой московского царя. В 1589 г. во время приезда в Москву австрийского посла Варкоча ему сообщалось: «а Шевкальской Князь, и Черкасские Князи, и Горские, и Окутцкие и Оварской Князь и Черной Князь и все тамошние Государи около Хвалимского (Каспийского. – Авт.) моря, все государю, Царю и великому князю добили челом…». Давались европейским дворам и весьма преувеличенные сведения о численности войска у северокавказских князей: «Черкасские князи и Князь Тюменской и Князь Окутцкой, у тех у всех ратных людей

до семидесяти тысяч». По мнению Е.Н. Кушевой, именно в 1590-е гг. в титул русского царя было внесено добавление: «государь Иверские земли карталинских и грузинских царей и Кабардинские земли черкасских и горских князей… государь».

Реакция Европы на политические заявки России в отношении Кавказа была сдержанной. Свидетельства европейских авторов о политическом положении, в частности народов Северного Кавказа, которые они черпали в дипломатических кругах, в среде купцов и путешественников, порой далеко расходились с данными русских государственных деятелей[47].

Среди источников правовых норм указанных договоров следует указать на княжеские «докончания» Северо-Восточной Руси XV–XVI вв., договоры московских государей со служилыми князьями восточного происхождения, которым жаловались земли в границах России, а также местные, северокавказские правовые традиции оформления политического вассалитета.

В конкретных условиях конца XVI в. отношения горских князей с русскими царями нередко носили объективно союзнический характер. Правовое оформление этих отношений являлось не только целью, но и средством на пути полного включения народов Северного Кавказа в состав Русского централизованного государства, было одним из методов борьбы русского правительства с Ираном и Турцией за политическое преобладание в данном регионе.

§2. Османо-иранские войны и Северный Кавказ. Чечено-русские взаимоотношения в конце XVI – первой половине XVII в.

Политическое положение нахов-чеченцев в конце XVI в. оставалось сложным. Население некоторых юго-восточных обществ Чечни вовлекалось в военные предприятия дагестанского шамхала и его союзников, нахи прилегающих к Грузии высокогорных районов усиливают нападения на владения кахетинского царя Александра. В целом в этот период возрастает влияние Стамбула в регионе, а Каспийское море бороздят турецкие суда, построенные в Низабате (порт между Дербентом и Баку).

Усиление Турции в Закавказье и рост ее влияния и на Северном Кавказе привели московское правительство к попытке активизации русской политики на Тереке. В 1590 г. царские воеводы восстанавливают Сунженский острог в границах Чечни, а в 1591 г. организуют поход на владения самого влиятельного дагестанского феодала, носившего титул «шамхал». В нем участвовали и северокавказские союзники Руси Ших-мурза Окуцкий и некоторые кабардинские князья[48].

В целом результаты экспедиции были скромными, однако вооруженные действия России на Северном Кавказе вызвали большой международный

резонанс, нежелательный для нее. Государственный деятель Турции Синан-паша возмущался в письме к царю Федору Ивановичу тем обстоятельством, что русские «на Терке, да на Сунше реке остроги поделали, да близко Дербени на Камзумском (Каспийском. – Авт.) море городы поделали, да на усть реки Сунши, где впала Сунша в Терку, тут остроги поделали…». Вскоре султан отдал приказ о походе янычар на Терек и Сунжу, одновременно угрожая набегом крымской конницы на Россию. И только взятое на себя Москвой обязательство открыть северокавказские дороги туркам и начало войны Турции с Австрией предотвратили намеченную экспедицию[49].

В 1594 г. царские войска под командованием воеводы Хворостинина, присоединив к себе некоторых союзных горских князей, вновь двинулись на земли дагестанского шамхала с целью покорения Северного Дагестана и выполнения союзнических обязательств перед Ираном и Грузией. Шамхал, в свою очередь, собрал «большую рать», которая складывалась из представителей народов Дагестана, Чечни и Кабарды, обязанных взаимно помогать друг другу в случае нападения «неверных», а тем более следовать призыву шамхала, считавшегося потомком Аббаса, дяди пророка Мухаммеда. Горское ополчение разгромило царское войско; было потеряно до трех тысяч человек. «Сами же воеводы с оставшимися людьми утекоша», сообщают русские летописи[50].

Военные события в Северном Дагестане серьезно сказывались на положении союзников Москвы в Чечне. В русских источниках 1596 г. уже не упоминаются имена Ших-мурзы и ближайших его союзников. Ших-мурза был убит феодальными соперниками, а Окоцкое владение разорено. Соседние нахские общества и некоторые дагестанские феодалы уже не упоминаются в качестве «послушных» или союзных Ших-мурзе. Около 160 окочан-ауховцев бежало в Терский город и основало здесь так называемую «Окоцкую» слободу. Большая часть беглых нахов была принята на русскую службу – «жалованием денежным и хлебным поверстаны…». Само же Окоцкое владение на правах вассального удела вошло вскоре в состав северодагестанского княжества Эндирей, которое по национальному составу являлось кумыкско-чеченским, а в политическом плане даже оспаривало гегемонию шамхальства в горских делах[51].

Важные события происходили на западных и южных границах нахских земель. В 1596 г. влиятельные кабардинские князья Солох (Шолох) и Айтек вторгаются в Дарьяльское ущелье и воюют «Сонскую землю». Безусловно, здесь не могли быть не затронуты нахские «Ларсовы кабаки» – аулы Салтан-мурзы и «Черебашев кабак», лежавшие на путях в Ксанское (Сонское) эриставство (Грузия). В те же годы была предпринята попытка кахетинского царя Александра добиться зависимости прилегавших к его владениям чеченских

и дагестанских обществ. Однако, как сообщает документ, «проведав де про то горские черкасы и собрався с кумыцкими людьми, приходил де на те его землицы войною и многих де его людей побили»[52].

Вместе с тем, русская дипломатия скрывала на европейской арене и в отношениях с Ираном действительное положение дел на Северном Кавказе. Даже в 1600–1601 гг. русские послы хвалились приобретением Тарков, Тюмени, Эндирея и утверждали, что черкесы «холопи государей наших», что все горцы и грузины являются подвластными царя и т.д. Однако до европейцев доходили отрывочные данные о реальном положении дел на Кавказе, где «некоторые татары и турки неподалеку от Каспийского моря жестоко грабят и убивают тех, которые были подданными московитов…»[53].

Таким образом, к концу XVI в. политическая ситуация на Северном Кавказе и вокруг Чечни была основательно перетряхнута.

В силу указанных причин политическое положение нахов-чеченцев в начале XVII в. оставалось сложным. Население некоторых юго-восточных обществ Чечни вовлекалось в военные предприятия дагестанского шамхала и его союзников, стремившихся ликвидировать царские крепости на Тереке и Койсе (Сулак). Позиция других чеченских обществ, в основном восточной и центральной частей края, была, по-видимому, благоприятной для России. Так, при избрании маршрута русского посольства в Грузию в 1601 г. служилые окочане рекомендовали такой путь: «от Сунженского острогу на Мичкисские кабаки, на Кудашев кабак, а от Мичкисского от Кудашева кабака на Пешинский кабак, а от Пешинского кабака на Терлов на Бердеков кабак»[54].

Положение западных нахов источники характеризуют также скупо. Известно, что к 1604 г. некоторые «кабаки» (т.е. аулы) кабардинских князей уже располагались непосредственно в начале Дарьяльского ущелья. Князь Айтек овладел «дорогою в горах к Сонской земле», которую когда-то контролировал «брат» Ших-мурзы владелец Салтан-мурза; возможно, что и «колканцы» (в данном случае не только галгайцы, но и жители других горских обществ из прилегающих к Дарьялу ущелий) признали, в какой-то степени, сюзеренитет Айтека[55].

В 1604 г. царь Борис Годунов решил одним ударом переломить ситуацию на Кавказе путем проведения широкомасштабной военной акции и направил на Терек с десятью тысячами стрельцов воеводу Бутурлина. Непосредственной тактической задачей Бутурлина было завоевание плацдарма на Сулаке, Тереке и его правом притоке – р. Сунжа. Стратегический замысел был гораздо шире – подчинить горские народы, овладеть побережьем Каспия, вытеснить оттуда турок, выйти к границам Грузии и т.д. На помощь Бутурлину на Тереке были присоединены местные стрельцы и казаки, служилые ногайцы, черкесы и окочане во главе с князем Сунчалеем и Батаем Шихмурзиным[56].

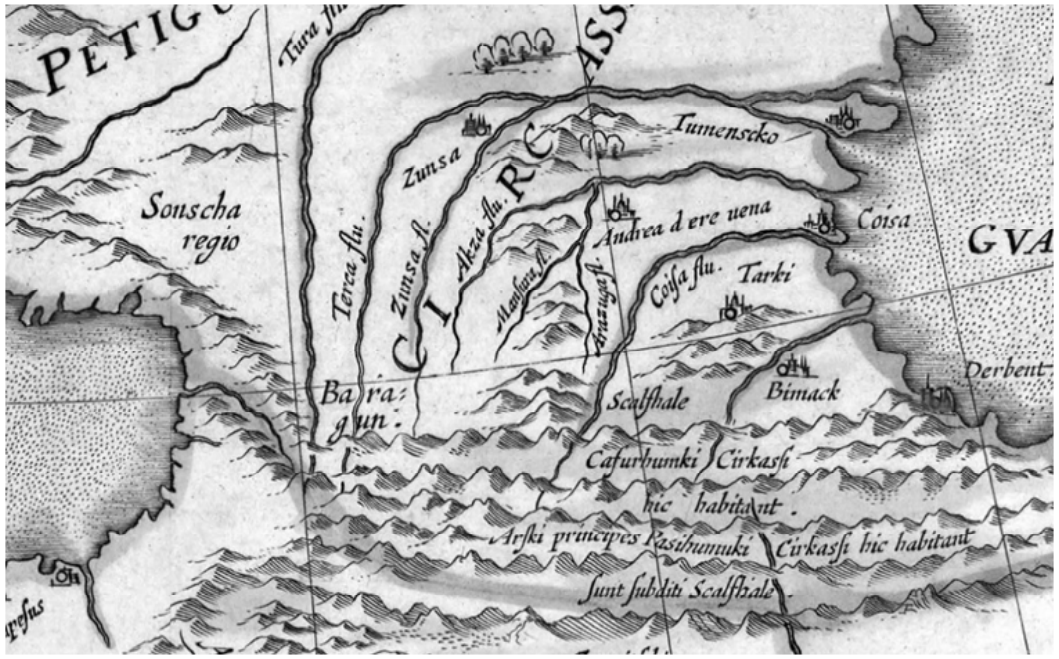

Рис. 23. Фрагмент «Карты России» (карта Бориса Годунова), изданной в 1614 г. в Голландии Гесселем Геритсом с обозначением укреплений Койса, Сунжа (Сунженский острог), Тюменской (Терская крепость)

Надо отметить, что национальные интересы России в тот период не требовали проведения активной политики на Кавказе. Но сам Борис Годунов, чье положение было шатким, вследствие разрухи государства, был заинтересован во внешнеполитических победах для укрепления своего правления. С другой стороны, к подобным действиям толкали обязательства, неосторожно данные «христианской» Грузии. И в-третьих, Москва не желала усиления на Северном Кавказе позиций своих вчерашних союзников – иранцев.

Осенью 1604 г. царское войско, к которому были присоединены некоторые ногайские мурзы, служилые черкесы и окочане (во главе с кабардинским служилым князем Сунчалеем и чеченским мурзой Батаем Шихмурзиным), в результате кровопролитных боев захватило Эндирей, Теплые воды (возможно, местность Мелчхи на Качкалыковском хребте) и Тарки – столицу шамхальства. Построив здесь укрепления, царские воеводы совершали на дагестанские и чеченские аулы набеги и экспедиции, пленили людей в селениях, отнимали хлеб, захватывали табуны и стада[57].

Организованное сопротивление этим действиям быстро приняло всенародный характер. Один только князь Салтан-Магмут Эндирейский, который имел в своем владении Окоцкую землю и был связан союзом с самым крупным чеченским обществом-федерацией – Нохч-Мохк, выставил 13 тыс. бойцов. Не меньше воинов вывел на поле боя и шамхал Тарковский – «вали (правитель)», считавшийся самым влиятельным феодалом Северо-Восточного Кавказа[58].

Весной 1605 г. горскими силами были уничтожены все царские крепости на Сулаке и Акташе, созданные русскими в ходе предыдущих военных действий, а основные силы Бутурлина в 8 тыс. стрельцов потерпели полное поражение во время отступления из Тарков. Разгромом Бутурлина горские политические объединения продемонстрировали свою жизнеспособность и укрепили свою значимость в международных отношениях.

Поражение на Северном Кавказе, безусловно, сказалось и на положении Бориса Годунова в Москве, резко ослабило эффективность его попыток справиться с экономическим и политическим кризисом в стране. Власть в России была захвачена Лжедмитрием I, открывшим эпоху Смутного времени на Руси. В этот период – в 1605–1614 гг. – ослабли не только русско-кавказские связи, но и узы между метрополией и русскими поселениями на Тереке. Это было связано с народными волнениями на юге России, в частности в Поволжье и на Тереке. Летом 1605 г. в Москве успела, однако, побывать делегация терского (кабардинского) служилого князя Сунчалея и служилого окочанского мурзы Батая, которая была принята Лжедмитрием I и награждена богатыми дарами[59].

Тем временем новое наступление иранского шаха Аббаса I на османов, начавшееся в 1605 г., привело к вытеснению турок из Прикаспия, Азербайджана и части Грузии.

В 1606–1607 гг. большая группа феодальных правителей Северо-Восточного Кавказа («хоккам-е Дагестан ва мирзадека-йе черкес» – «правители Дагестана и князья черкесские») прибыла к Аббасу I и была награждена им. Вместе с тем, эти же горские феодалы продолжали сохранять связи и с Терским городом, рассчитывая на помощь русских стрельцов в борьбе с политическими противниками. Воеводы же вели переговоры с горцами с одной целью: «меж ими учинить рознь и от их бы приходу тем уберечи... государев Терской город». Терские силы принимали активное участие в междоусобицах горских феодалов. Так, в 1610–1611 гг. местные противники эндирейского князя Салтан-Магмута с помощью терских ратных людей разбили его и вытеснили в горные чеченские аулы, где он закрепился вместе с Батаем Шихмурзиным, еще в 1609 г. бежавшим из Терской крепости[60].

Известно, что и иранский шах Аббас поощрял противников Салтан-Магмута, так как тот занимал независимую и от него позицию. В 1612 г. по просьбе ставленника иранского шаха шамхала Тарковского Гирея, терский воевода П.И. Головин вновь послал на Салтан-Магмута стрельцов и казаков, которые «окоцкие (т.е. чеченские. – Авт.) его кабаки повоевали и пожгли

все; ...и ис кабаков его изогнали ж». При этом были разгромлены и чеченцы-мичкизы, союзники Салтан-Магмута[61].

20 ноября 1612 г. был подписан ирано-турецкий мирный договор, в котором впервые в истории международных отношений был зафиксирован «Северо-Кавказский вопрос». Согласно условиям мира, «шамхал-хан и другие правители Дагестана объявлялись верными слугами султана», а так как османы термин «Дагестан» традиционно распространяли на территорию от Каспия до восточных границ Кабарды, то следовательно, под ним понималась и Чечня. Однако шах Аббас I ни в коей мере не думал уступать Северо-Восточный Кавказ османам. Более того, где силой оружия, а где подкупом он пытался установить над горцами реальный контроль. Вторгаясь осенью 1613 г. в Грузию, иранский шах имел целью оккупировать Картлию-Кахетию и завоевать весь Кавказ, в частности «кабардино-дагестанский край». События Смутного времени в России подвигали шаха на еще более широкие планы – вырисовывалась возможность овладения Астраханью.

Рис. 24. Шах Аббас Первый (европейский рисунок XVII в.)

Окопавшийся в тот период в Астрахани атаман Заруцкий (возглавлял народное движение на юге России), попав в трудное положение из-за наступления войск нового царя Михаила Романова (избранного в 1613 г.), желал отторжения астраханского края к Ирану. Искал он союзников и на Северном Кавказе. В мае 1614 г. Заруцкий был разбит отрядом из Терского города, который состоял из стрельцов, казаков и служилых горцев (в том числе чеченцев-окочан). Это имело немалое значение для укрепления власти новой династии на юге страны[62].

После окончания Смутного времени несколько смягчается политическая обстановка на Северном Кавказе. Усиливаются русско-нахские связи. В мае 1614 г. благодаря дипломатическим усилиям окочан Михаилу Романову, причем на территории Мичкизского общества, «шертовали» представители Салтан-Магмута Эндирейского и ауховские (окоцкие) мурзы – Албирь и Батай. Важным решением России, имевшим далеко идущие последствия, было создание в Терском городе весной 1615 г. особого вассального «черкасского» (т.е. горского) владения во главе с князем Сунчалеем. Выходцы из Чечни – окочане, мичкизы и др. – составили основную часть его населения[63].

Между тем угроза вторжения шаха Аббаса I на Северный Кавказ продолжала сохраняться. В 1614 г. стало известно, что шах собирается пройти из Грузии на Северный Кавказ; «идет войною... на кабардинских черкас великою ратью прямою дорогою через Калканские кабаки». Кабардинский князь Мудар Алкасов, контролировавший часть Дарьяльского ущелья (в т.ч. и нахов-ингушей), заключил союз с Аббасом I и по его приказу укрепил подвластные горные аулы «надолбами», чтобы «перенять грузинскую дорогу». Следовательно, речь шла о том, что иранцы пройдут через территорию собственно нахских, осетинских и горногрузинских («Калканские кабаки») обществ[64].

По сообщению иранского историографа XVII в. Искандера Мунши, известно, что такой поход из Грузии на север, в горы, состоялся, но «войска ислама» под командованием Бекверди-бека перенесли в заснеженных горах неисчислимые трудности и были вынуждены повернуть вспять. А вскоре выступление турецкой армии на Иран и народные волнения в империи Сефевидов отвлекли внимание шаха от северокавказских дел. По некоторым другим данным, в т.ч. и народным преданиям, отдельные отряды шаха проникли вплоть до Алагирского и Куртатинского ущелий[65].

В начале 1615 г. общества восточной части Чечни вновь оказались втянутыми в серьезный политический конфликт. Князь Салтан-Магмут, изгнанный из кумыкской части своего владения, обосновавшись в окоцких (ауховских) аулах, перехватил «Мичкизскую и Кабардинскую дорогу» и начал настоящую войну против своих недругов с помощью чеченцев и аварцев. В феврале 1615 г. девять дагестанских феодалов, вытребовав на помощь из Терского города отряд из 400 стрельцов с пушками, вступили в бой с войском Салтан-Магмута и разбили его; «...на том бою Салтан-Магмутовых и Турлова-князя и мичкизских людей побили до смерти 140 человек, а иных переранили и живых поймали»[66].

В следующем 1616 г. чеченская территория вновь стала ареной ирано-турецких противоречий, когда в соседнюю Кабарду прибыли передовые крымские силы в количестве трех тысяч человек, предназначенные для похода на Иран. На это иранский шах отреагировал быстро: к Сунженскому перевозу подошли иранские войска и горские союзники Шагин-Гирея (эмиссар Аббаса I на Тереке). Терские воеводы так же послали ратных людей к Сунже, но с приказанием ни во что не вмешиваться и стоять «отдельно». Однако в связи с тем, что основные крымские силы, собранные на Кубани, разошлись вследствие бескормицы, политическая обстановка вновь стабилизировалась.

Через несколько лет горные общества Чечни и прилегающие к Дарьялу подвергаются, согласно данным феодалов, нападению со стороны аварских князей и царских войск. Русские источники сообщают, что якобы в 1618 г. по просьбе «уварского нуцала князя и брата его Сулемана мурзы и Черного

князя сына Турлова мурзы» терские воеводы выступили в поход и совместно с указанными князьями «шибуцкие и калканские и ероханские и мичкисские кабаки повоевали...». В результате чего горцы якобы «добили челом и вину свою принесли»[67]. Речь идет о серьезном политическом конфликте, разрешенном военным путем. Однако других подтверждений, кроме как указанного сообщения об этом событии, в источниках нет.

В следующем 1619 г. мы видим нахские общества в составе антиногайской коалиции, сложившейся вследствие попыток занятия Большой (Ногайской) Ордой притеречных степей. Документ говорит, что «кумытцкие, и мерезинские, и шибуцкие, и тшанские, и калканские, и мулкинские (Мержой, Шатой, Чанти, Галгай, Мулкой – нахские общества. – Я.А.) и многих горских земель люди готовы все против ногайских людей за один стояти»[68].

В конце 20–30-х гг. XVII в. политическая обстановка на Северном Кавказе вновь обостряется в связи с агрессивными притязаниями наследника Аббаса I – иранского шаха Сефи I. Турция, Крым и Россия одновременно начали противодействовать Ирану. Крым пытался поднять горских феодалов к участию в походе на Иран, а Москва поставила вопрос о строительстве крепости «на Сунже-реке» в районе переправ и стремилась к заключению соглашений с близлежащими к Сунже обществами чеченцев. Так, например, была достигнута договоренность с «шибутскими начальными людьми»[69].

В 1635 г. в северо-восточных пределах Чечни был поставлен Сунженский острог (между совр. Гудермесом и Брагунами). Формальным поводом к его строительству послужила просьба эндирейских князей, фактически же он был поставлен с целью противодействия восточным государствам.

К концу 30-х – началу 40-х гг. XVII в. закончился определенный этап в политической истории народов Северного Кавказа, связанный с подписанием ирано-турецкого мирного договора – Забарский мир 1639 г., разделившего сферы влияния великих держав на Кавказе. Завершалась, таким образом, серия ирано-турецких войн, тянувшаяся свыше столетия, с начала XVI в. Это имело огромное значение не только для всего Востока, но и для Кавказа. К указанному времени на Северном Кавказе произошло усиление позиций всех великих держав, каждая из них имела здесь своих сторонников и вассалов. Возросло, вместе с тем, и значение Северного Кавказа, в том числе и Чечни, в международных отношениях. На Северный Кавказ выходили во время войн 1514–1639 гг. фланги Ирана и Османской империи, здесь Россия видела передовую линию борьбы с Турцией, Крымским ханством и кочевыми ордами.

После окончания ирано-турецкой войны, в условиях развития новых факторов, формирующих местную политическую обстановку, складывалось и участие народов Чечни в международных отношениях. Так, кумыкско-чеченское Эндирейское княжество в середине XVII в. не только отстояло по-

литическую независимость, но и расширило свое влияние, несмотря на то обстоятельство, что в ходе битвы на р. Малка (1641 г.), состоявшейся во время феодальной войны на Северном Кавказе, объединенное войско группы малокабардинских князей, русских стрельцов, дагестанцев и окочан было наголову разбито силами антирусской коалиции Большой Кабарды. Ослабленные князья Малой Кабарды одно время оказались даже в вассальных отношениях с наследником Салтан-Магмута Эндирейского – Казаналпом[70].

В 30–40-х гг. XVII в. горные нахские общества вновь были втянуты в ирано-грузинские противоречия и привлечены к участию в русско-грузинских связях. Укрывавшийся в горах грузинский царь Теймураз имел на своей стороне тушин, «кистов» (горных нахов) и хевсур. В грамоте Михаилу Романову он указывал даже, что «подчинил горцев». Известно, что в препровождении русского посольства Ф. Волконского к Теймуразу через Кавказский хребет большую помощь оказали западнонахские (Ингушетия) горные «владельцы» Хавса, Чепа, Мешак и др. Однако в подчинении Теймураза они не состояли, в чем он и признался впоследствии, говоря, что «упросил (дорогу. – Авт.) у горских людей на время»[71].

В связи с посольствами Ф. Волконского (1637–1640 гг.) и князя Мышецкого (1641–1643 гг.) в Грузию отложились в архивах сведения о «смуте» в горных районах Большого Кавказа («междоусобная брань великая» и т.д.). Речь шла о событиях, связанных с отходом эристава Заала Арагвского от Теймураза. Мятежный эристав, собрав «многие горские силы», заблокировал Дарьяльское ущелье. Это и заставило Теймураза искать новые пути для осуществления связей с Россией, для чего пришлось обратиться к горским владельцам за помощью[72].

К 1641 г. обстановка в горах вновь изменилась, и для очередного посольства князя Мышецкого, направлявшегося в Грузию, оказались закрыты не только дорога через Дарьяльское ущелье, но и другие пути, которыми ранее прошел Ф. Волконский. По известию самого Теймураза, следовало, что «прямою дорогою через Картель (Картлия. – Авт.) на Каракалканы тамошних земель владельцы не пропускают». К участию в осуществлении русско-грузинских политических связей привлекаются теперь чеченские общества, располагавшиеся по р. Чанты-Аргун. Через территорию аргунских обществ «прямою дорогою через горы, на Шибутцкую землю...» стали следовать русские и грузинские гонцы, а один из аргунских «владельцев» невысокого ранга – Алхан Дикеев – имел непосредственные отношения с царем Теймуразом, бывал при его дворе, выполнял его дипломатические поручения[73].

В 40-х гг. XVII в. Терек был задет одним из последних нашествий кочевников монголо-ойратов или калмыков. В конце 1643 – начале 1644 г. отряды калмыков, перейдя Волгу, пересекли степи и атаковали крепость Терки, затем

перешли р. Терек и под Эндиреем вступили в бои с ногайскими и кумыкскими силами. Другая орда вошла на территорию Кабарды и потерпела здесь полное поражение. Калмыки отошли за Терек[74].

К оформлению политических связей с великими державами в середине второй половины XVII в. стремились различные «вольные» союзы обществ – «землиц» Чечни. Так, крупная Мичкизская «землица» занимавшая восточную часть Чечни и насчитывавшая 36 аулов (способных выставить 3 тысячи вооруженных людей), согласилась на предложения терских воевод и через своих «выборных» людей в 1647 г. принесла так называемую «присягу подданства»[75]. Это было важное политическое событие, свидетельствующее о принятии консолидированных решений значительной массой населения.

Мирные соглашения Москвы с чеченцами-мичкизянами в этот момент были тем более важны, что основные наличные силы Терского города – служилые чеченцы-окочане, татары и черкесы, стрельцы и казаки в 1645–1647 гг. были привлечены к участию в военных действиях России против Крыма на Дону. Здесь терский отряд под командованием князя Муцала Черкасского совместно с русскими войсками нанес ощутимые удары по крымским силам[76].

Таким образом, к середине XVII в. политическое положение целого ряда ведущих чеченских обществ в сложной системе международных отношений на Кавказе становится все более устойчивым, а их участие в политических событиях северокавказского региона все более заметным.

§3. Чеченское княжество и вольные общества Чечни в международных отношениях на Кавказе второй половины XVII в.

Важным событием в политической жизни Чечни середины XVII в., имевшим большое значение для дальнейшей истории народа, было образование на ее равнинной территории крупного феодального владения – Чеченского княжества.

В 40-х гг. XVII в. наследники гумбетовского Черного князя («Каракиши») Турловы (родственные аварским аристократам – нуцалам) стали переселяться из дагестанского владения Гумбет в низовья Аргуна – то ли по приглашению местного населения, как говорит об этом чеченская фольклорная традиция, то ли по праву первой заимки. Как бы то ни было здесь на развалинах старого городища сложился аул Чечен («Чачан»), ставший центром Чеченского владения. Следует при этом учесть, что данная княжеская фамилия Чечни, называвшаяся в начале то «уварской», то «кумыцкой», уже в 70-х гг. XVII в. получает окончательное этническое определение. Турловых называют «чеченские мурзы», но при этом они сохраняют некоторые владельческие права над Гумбетом и имели определенную собственность в Хунзахе[77].

Несколько позже, в 1650 г., из состава Эндирейского княжества выделилась тюркоязычная этническая группа брагунцев («бораган») во главе со своими феодалами. Они ушли из Эндирея и поселились в районе слияния Сунжи и Терека, основав аул Брагуны. Так началась история Брагунского владения в Чечне[78].

В 1658 г. «чеченские» владельцы Турловы – «Загастунка, да Алибечка, да Алиханко, да племянник их Кучбарка» через грузинского царя Теймураза заявили себя «вассалами» русского царя[79]. Но все это носило еще сугубо формальный характер, пока не разразился русско-иранский конфликт по поводу Сунженского острога.

В начале 50-х гг. XVII в. политическая обстановка на Северном Кавказе и в Чечне была серьезно осложнена русско-иранским конфликтом. Противоборствующие державы втянули в свой конфликт и многие горские феодальные владения и общества. Основные военные события проходили на Сунже и Тереке, в современных границах Чечни.

Еще в начале 1651 г. русское правительство возобновило при поддержке терско-гребенских казаков и брагунцев Сунженский острог в районе слияния Сунжи и Терека и расставило в междуречье казачьи городки таким образом, чтобы поставить под контроль торговые пути, броды и переправы, по которым осуществлялись экономические и политические связи Ирана, Дагестана, Чечни с Кабардой, Черкесией, Крымом и турецкими крепостями на черноморском побережье[80].

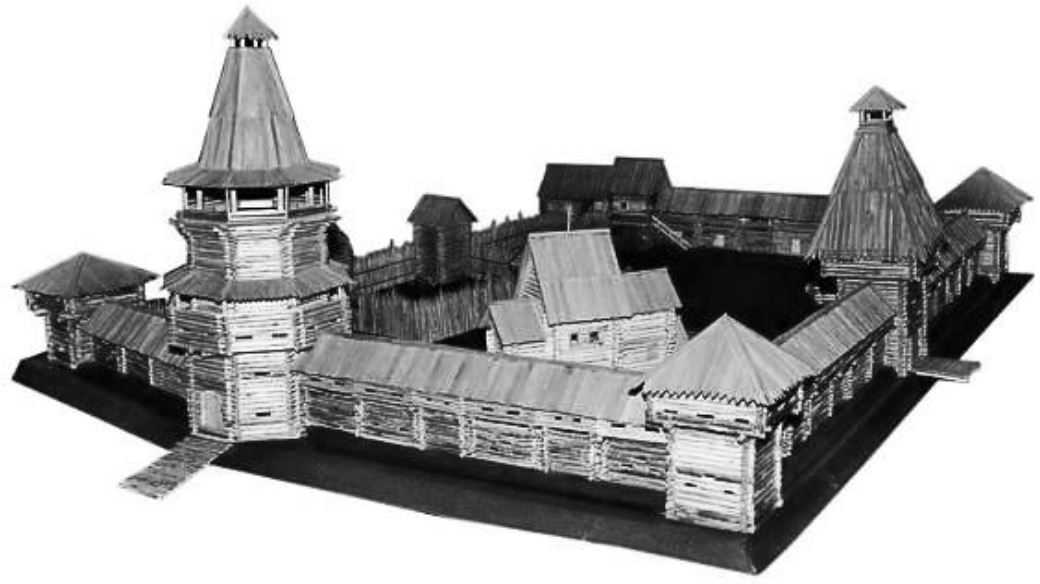

Рис. 25. Примерный вид Сунженского острога (современный макет Албазинского «типового» острога, построенного в 1650 г. на р. Амур)

Интересы иранского и горского купечества особенно в торговле шелком были серьезно затронуты блокированием терско-сунженских «перевозов», недовольны были и государственные круги Сефевидской державы, опасавшиеся дальнейшей экспансии России на Кавказе. В 1651–1653 гг. феодальные владельцы Дагестана при поддержке иранского шаха и с привлечением иранских военных сил провели два похода на Сунженский острог и на владения вассала Москвы на Тереке – князя Муцала Черкасского. Помимо уничтожения русской крепости на Сунже, ирано-горские войска поставили также целью вывести во владения Эндирейского княжества брагунцев, находившихся под русским покровительством.

Осенью 1651 г. объединенные силы тарковского шамхала Сурхая, эндирейского владельца Казаналпа и ряда других горских князей с приданными им на помощь 700 иранцами двинулись на Сунжу. В составе феодального ополчения были и представители чеченских обществ – мичкизяне и шибутяне. Благодаря умелым действиям на берегах Терека и Сунжи отрядов Муцала Черкасского, брагунцев, русских стрельцов и терско-гребенских казаков нападение было отбито[81].

Весной 1653 г. 20-тысячное горское войско, в составе которого было уже несколько тысяч иранцев с артиллерией, переправилось через Сунжу и в результате ожесточенной осады вынудило русский гарнизон покинуть острог. Укрепления были разрушены, а аул Брагуны, располагавшийся близ острога, переведен во владения эндирейского князя Казаналпа. В планы иранцев и их союзников на этот раз входило взятие не только Сунженского острога, но и Терского города и полная ликвидация российского присутствия на Тереке. Но в результате официальных русско-иранских переговоров и взаимных уступок конфликт в целом был исчерпан[82].

Между двумя указанными столкновениями незаметно прошло разграбление в 1652 г. «в урочище меж двух гребней на речке на Нефтянке (т.е. между Терским и Сунженским хребтами. – Я.А.) кортежа внука грузинского царя Теймураза – Ираклия с матерью Еленой. Горские феодалы , участвовавшие в нападении, отправили 30 плененных грузин-дворян к иранскому шаху.

Относительные успехи иранских шахов и их сторонников на Северном Кавказе не изменили коренным образом политическую ситуацию здесь в их пользу. Иранское влияние в Дагестане и частично в Чечне имело место, но и российская внешнеполитическая ориентация сохраняла свою силу. Так, в том же 1653 г. терский воевода сообщал, что «бил челом шибутцкой начальный человек Айдемир» с просьбой о перемене аманата[83].

В конце 50–60-х гг. XVII в. в политической жизни Северного Кавказа более заметную роль стали играть горные общества нахов-чеченцев, располагавшиеся в Аргунском ущелье. Это было связано с событиями в Закавказье.

Грузинский царь Теймураз, лишившись в долгой борьбе с шахскими захватчиками всех владений в Картлии и Кахетии, вновь удалился в горы Кавказа, где привлек к себе тушин, пшавов, хевсур и кистин (горных нахо-чеченцев), включая жителей горных обществ на Чанты-Аргуне, именуемых в документах «шибутянами». Здесь он намеревался создать небольшую подвластную территорию и использовать ее в качестве плацдарма в борьбе за освобождение Грузии.

Указанные грузинские общества и «шибутяне» признали Теймураза своим царем и решили заключить союз с Москвой, в форме признания российского подданства, с той целью, чтобы получить военную помощь против Ирана. Аргунское ущелье заняло важное место в политических планах Теймураза и русского правительства, ибо оно являлось важнейшей дорогой по центральной части горной Чечни, от которой шли перевальные пути почти во все общества Чечни, в Дагестан, Хевсуретию, Пшавию, Тушетию и т.д.[84]

В 1657 г. царь Теймураз прибыл в Москву, чтобы лично просить поддержки в борьбе с Ираном. О том же просили представители тушин и шибутян, летом 1658 г. присягнувшие на «подданство» России на торжественной церемонии в Успенском соборе Кремля. Опираясь на поддержку горногрузинских и аргунских районов Чечни, Теймураз предложил Москве план военных действий против Ирана, предполагавший посылку русских войск через Чечню в Закавказье, к которым должны были присоединиться военные ополчения шибутян, тушин, пшавов, хевсур. В этом ему было, в конечном счете, отказано, так как русское правительство в тот момент не желало терять дружеские отношения с Сефевидами[85].

Планы организации в южной части Чечни и горной Грузии опорной базы для развертывания освободительной борьбы против шахского Ирана на время возродились при наследнике Теймураза – царевиче Ираклии (в русских документах именуется Николай Давыдович). Известно, что именно тушины явились застрельщиками крупного антииранского восстания в Кахетии в 1659 г. Возможно, с ними заодно выступали и шибутяне, единство с которыми в те годы тушины постоянно подчеркивали. Летом 1659 г. горское ополчение спустилось в долины Кахетии, заселяемые шахом кочевыми племенами, частью истребили их, частью заставили бежать («Бахтрионское восстание»). Так, Кахетия была спасена от полной иранизации.

Опасность складывания антииранского фронта в горных районах Кавказа не могла пройти мимо внимания шахского правительства. По-видимому, через своих местных вассальных феодалов Ираном велась определенная работа по привлечению горцев на свою сторону. Перемена политических настроений аргунских чеченцев выявилась в 1665 г., когда царевич Ираклий, потерпевший неудачу в борьбе за грузинский трон, опять направился со своей свитой

в Россию через территорию Чечни. Здесь он встретил большие препятствия и с трудом добрался до Терского города[86].

Позже, в начале 70-х гг. XVII в., в Восточной Грузии (Картлия-Кахетия) активизировались влиятельные политические силы, стремившиеся посадить прорусского царевича Ираклия на трон. В этой связи необходимо отметить, что эти силы имели своих сторонников и на северных склонах Кавказского хребта. Чеченский князь Алихан Турлов, рекомендовавший себя «другом и братом» царевича Ираклия, писал ему в Москву: «А всегда от риставова (эристав – грузинский феодальный титул высокого ранга, который носили правители областей. – Я.А.) сына послы приходят ко мне, и у меня есть слова к тебе говорить и тебя видеть желаю». В другом письме Алихан повторяет: «ристав тебя, царевича, призывает да все грузины заодно тебя царевича хотят учинить царем, ...мысль свою ко мне отпиши...»[87].

Однако все эти большие планы не были реализованы. Убедившись, что поддержки Москвы недостаточно для завоевания трона, Ираклий уходит на службу шаху, принимает ислам и в 1688 г. назначается правителем Кахетии под именем Назар-Али-хан.

Крестьянская война в России в конце 60-х – начале 70-х гг. XVII в. под предводительством Степана Разина самым серьезным образом изменила политическую ситуацию на Каспии и Северном Кавказе. Коснулась она и территории Чечни. В 1668 г. С. Разин действовал со своими отрядами в окрестностях Терского города и во владениях дагестанского шамхала, а затем двинулся на иранские провинции Каспийского побережья. В этот момент с Дона через территорию Северного Кавказа в лагерь мятежного атамана потянулись отряды донских казаков. Некоторые из них делали остановки на территории современной Чечни, «стояли» близ гребенских казачьих городков, закупали здесь лошадей и припасы[88].

После возвращения С. Разина из «Персидского похода» повстанцы овладели Астраханью. Осенью 1670 г. в Терском городе произошло восстание в пользу разинцев, местное начальство было перебито. Привлечь же горские народы на свою сторону повстанцам в тот момент не удалось, хотя попытки были. Вместе с тем в апреле 1671 г. ногайский мурза Ямгурчей пришел с Терека «с горскими чеченами и крымцами… под Астрахань» и увел на Кубань т.н. «джетысанских татар» союзных С. Разину. На следующий год, в ноябре 1671 г., царские власти восстановили контроль над Астраханью и Терским городом, что означало и возобновление сообщения Москвы с Северным Кавказом[89].

Феодальные междоусобицы в 60–70-х гг. XVII в. продолжали терзать народы Северного Кавказа. Отрывочные сведения говорят о столкновениях горских князей за право сбора податей в пограничных обществах Дагестана и Чечни. Более серьезными и политически значимыми являлись схватки за власть в Тарковском шамхальстве. В конце концов, по просьбе одного из претендентов на звание шамхала князя Гирея шах Сулейман отдал приказ выделить ему войска и построить крепость на Сулаке. Узнав об этих планах, Москва заявила решительный протест. Шах в ответ категорически отверг претензии Романовых на суверенитет над Сулаком (Койса): «та река Койса николи за русскими великими государи цари не бывала, меж Тарков и Андреевского и все горские владетели и их земли искони от предков наших нашего величества земли...». Но крепости так и не были поставлены[90].

سرباز تفنگچی – دوران صفویان

Рис. 26. Кизылбашский (персидский) воин эпохи Сефевидов (рис. XVII в.)

Занятые внутренней борьбой, феодалы Северо-Восточного Кавказа обращались за содействием, как правило, к России или Ирану. Поэтому торжественное послание крымского хана Селим-Гирея зимой 1675 г. к «горским владетелям князям тарковскому Будай шавкалу да кумыцкому Чепалаю и всем горским владетелям», в котором он предлагал готовиться в поход «на Московскую страну» нынешней весной, встретил весьма прохладное отношение. Более того, грамота была передана в Москву с предупреждением о намерениях хана[91].

Большое значение для развития политической ситуации на Северном Кавказе имела русско-турецкая война 1677–1681 гг. Оттоманская Порта, достигнув военного и политического превосходства над Польско-Литовским государством (осенью 1676 г. был заключен Журавненский мирный договор, закрепивший успехи султана в борьбе за овладение Правобережной Украиной), летом 1677 г. начинает военные действия против России. Документальные и иные источники, хотя и скупо, рассказывают об участии северокавказцев в событиях русско-турецкой войны 1677–1681 гг. Известно, что с ее началом служилый терский князь Каспулат выступил с Терека на Украину с 4-тысячным полком (где было и несколько сот служилых окочан) в распоряжение русского командования. Высокие боевые качества этого отряда стали известны всей русской армии на Украине и

были отмечены Москвой. Это и не удивительно: Каспулат со своими воинами мужественно сражался под Харьковом, Чугуевым, Чигирином и всегда в передовых частях. На заключительном этапе войны князь Каспулат Черкасский выступил даже посредником в мирных русско-крымских переговорах, что более соответствовало роли независимого государя, нежели главы автономного феодального лена в системе русского города Терки[92].

В начале 80-х гг. XVII в. внимание горских владельцев Северо-Восточного и Центрального Кавказа оказалось прикованным к небольшой точке в районе Дарьяльского ущелья – возможно нахской «деревне Цыцикиной». Здесь где-то в 1680/1681 г. остановился один из бывших иранских наместников Грузии царь Арчил, бежавший от преследований шаха Сулеймана. Найдя приют и защиту в нахских (ингушских) или осетинских горных обществах, Арчил направил в Москву гонца с просьбой о помощи и предоставлении ему убежища в России. Но шамхал Будай, собрав горских союзников, блокировал на Сунже и в направлении Дарьяла и Терека все дороги, задерживая даже русские команды. Скорее всего, в союзе с ним находились и аргунские владетели князья Турловы.

Для безопасного препровождения Арчила воеводы двинули к Дарьялу опять-таки через земли современной Чечни и Ингушетии 2 тысячи ратных людей. Здесь был, конечно, риск военного столкновения. В конечном счете шамхал был вынужден отвести свои войска, так и не решившись довести дело до военного столкновения. Арчил въехал в российские пределы и до 1685 г. жил в Терках и Астрахани, пока не был отправлен в Москву[93].

Очередное противоборство великих держав привело и к изменению расстановки политических сил на Северном Кавказе. Начиная с 1686 г. в регионах Причерноморья, Украины и Северного Кавказа складывается примерно та же ситуация, что и в период русско-турецкой войны 1676–1681 гг.: заключив на этот раз «вечный мир» с Польшей, Россия вступает в антитурецкую коалицию европейских государств («Священная Лига») и уже в мае 1687 г. отправляет громадную армию в поход на Крым. Тем самым впервые за два последних века Россия переходила от обороны к стратегическому наступлению на юге.

Как и во все времена русско-османского дипломатического и военного противоборства и на этот раз обе стороны стали вербовать себе сторонников на Северном Кавказе. Скудность источников позволяет получить только фрагментарное представление о политике великих держав в отношении горских народов. Так, известно, что крымский хан обращался к Тарковскому шамхалу с предложением принять участие в войне с русскими, но получил отказ. По-видимому, такой же отказ последовал и от кабардинских князей. Более того, в 1688 г. крымский сераскер Казы-Гирей даже «воевал» в Кабарде[94].

Неудачный поход русской армии под командованием В.Д. Голицина на Крым (неудачный в виду упорного сопротивления крымской конницы, голода и бескормицы) привел к росту влияния Бахчисарая в северокавказском регионе. Мечом и подкупом ханы склоняли горское дворянство к участию в своих делах. В 1689 г. во время второго похода В.Д. Голицина на Крым на помощь к крымскому хану Селим-Гирею I один из принцев дома Гиреев привел «около 50000 кумуков, черкесов и яман-садаков (ногайцы. – Я.А.)...»[95]. Несмотря на преувеличенность этих цифровых данных, сам по себе данный факт свидетельствует о серьезном падении политического престижа российского царизма в северокавказском регионе. Об этом же говорит и то обстоятельство, что в 1689 г. в аманатных избах Терского города содержалось всего 5 заложников из горских владений[96].

Царская администрация на Тереке практически не смогла привлечь никаких местных сил для участия во втором русском походе на Крым. По данным дела о выдаче денежного жалованья, в состав войск В.Д. Голицина было привлечено с Терков всего 222 чел., из них только 100 служилых горцев, главным образом окочан-чеченцев. Не было, однако, единства и в турецком лагере. Постоянные военные походы и гибель людей вызывали протест. Когда в 1691 г. султан приказал крымскому хану Саадет-Гирею двинуть татарскую конницу в Венгрию на австрийский фронт, то «они (крымцы. – Я.А.) заодно с ногаями, черкасами и «кумыками» (в данном случае горцы Северо-Восточного Кавказа. – Я.А.) согласились совсем не оказывать ему повиновения и послушания»[97]. Следовательно, позиция северокавказских народов, наряду с позицией татарского населения Крыма, не позволила турецким силам усилить натиск в Центральной Европе. Это говорит также о шаткости крымско-османского влияния среди горских народов, в т.ч. и в Чечне.

В течение второй половины XVII в. в традиционном для горского мира ключе складывались взаимоотношения как на русской границе в нижнем течении Терека, так и со степными соседями – ногайцами и калмыками. В зависимости от ситуации горские феодалы наносят удары по Терскому городу (в 1673 г. была настоящая осада со штурмом стен со стороны тарковского шамхала) и сами отбивают их со стороны русских. Однако русские воеводы все чаще используют для действий в Северном Дагестане и на территории Чечни войска калмыкского хана Аюки. Так, весной 1693 г. калмыки «ходили» в поход на кумыков, но разорили Брагунское владение на Терско-Сунженском хребте, где правил князь Кучук, весьма верный России. Узнав об ошибке, Аюка вернул Кучуку захваченных «восемьсот юрт людей»[98].

Новый этап активного участия России в борьбе с османской опасностью наступил во второй половине 90-х гг. XVII в., когда власть в стране перешла в руки молодого царя Петра, стремившегося к проведению прогрессивных

реформ, европеизации державы. Правительство Петра повело дальнейшую борьбу за решение национальной задачи – добиться выхода к незамерзающим морям, в первую очередь к Черному морю, а затем к Балтийскому и Каспийскому.

28 мая 1696 г. русская армия численностью в 70–75 тыс. человек вновь осадила турецкую крепость Азов с суши, а большой русский флот, спустившись по Дону, блокировал крепость с моря. 19 июля того же года турецкий гарнизон сдал крепость и очистил «азовскую округу». Падение Азова лишало османов не только важной стратегической позиции в Восточной Европе, но и угрожало связям турецкой метрополии со всеми северокавказскими горцами[99].

3 июля 1700 г. был заключен двусторонний русско-турецкий мир (Константинопольский договор) сроком на 30 лет, завершивший петровские походы на Азов. Азов оставался за Россией, но приднепровские городки разорялись. Отменялась ежегодная «дача» (дань) Крымскому ханству со стороны России, обе стороны обязывались взаимно сдерживать набеги татар и казаков. Условия мира давали России меньше, чем она рассчитывала, но международная ситуация не благоприятствовала планам Петра Первого добиться захвата черноморских районов и свободы мореплавания на Черном море. По получении известия из Стамбула о подписании мира Петр I в тот же день двинул войска к шведской границе. Россия вступала в Северную войну за выход к Балтийскому морю.

Таким образом, Российское государство, имевшее в конце XVII в. благоприятные условия для наступления на Северный Кавказ с двух флангов – Азов и Терки, переносит центр тяжести внешней политики на север Европы, сохраняя планы овладения Черным морем и Кавказом на будущее.

Турция, потерпев поражение на европейском театре войны и потеряв свой северный форпост – крепость Азов, вступает в период т.н. «остановки». Что же касается третьей великой державы, влиявшей на судьбы народов Кавказа, – Иранского государства, то оно заканчивает век в состоянии глубочайшего экономического упадка и внутриполитической разрухи.

Народы Северного Кавказа в международных отношениях конца XVII в. с различной степенью усилий и в разнообразных формах (от глубокого нейтралитета до прямого участия) оказывали воздействие, прямое или опосредованное, на текущие исторические события. Внешняя политика России, Ирана и Османской империи, особенно в секторах, касавшихся Кавказского перешейка, обязательно была вынуждена брать в расчет позицию горских феодальных образований. Чечня в международных отношениях XVII в. вокруг Кавказа и во взаимосвязях с Россией занимала небольшое место, однако ее роль неизменно росла, благодаря связям ее обществ и владений с феодальным миром Северо-Восточного Кавказа и с Грузией.

§4. Участие терско-гребенских казаков и горцев в российских протестных народных движениях

В первых десятилетиях XVII в. количество казаков на Тереке и в низовьях Сунжи увеличивается, что было связано как со Смутным временем и «оказачиванием» части русского крестьянства (в результате бегства на окраины государства из-за протеста против боярского гнета), так и с увеличением масштабов присутствия России на Тереке (в связи с обострением русско-турецких противоречий и захватом новых территорий российским царизмом на юге).

В первой четверти XVII в. казачество на Тереке делится на три группы: вольные «гребенские», жившие в охранных городках на Терско-Сунженском хребте («Гребне») и они же «зарецкие», собственно вольные терские, «стоявшие» в городках по левому берегу Терека в среднем течении и в низовьях реки. Были также «служилые» городовые казаки, входившие в состав гарнизона Терской крепости (значительно позже из них сложилось Терское семейное войско).

По крайней мере до середины XVII в. «зарецкие» вольные казаки не расселялись, а «стояли» в междуречье Терека и Сунжи «городками» и «острожками», охраняя в интересах Москвы важные торговые и стратегические пути, ведя разведывательную и сторожевую службу на дальних подступах к Терской крепости и к Сунженскому острогу. Причем «стояли» до той поры, пока это было, по разным причинам, выгодно местным горским обществам и феодалам. Более того, есть известия, что, соединяясь с горскими отрядами, казаки участвовали в междоусобных стычках горских феодалов, а также в набегах на кочевников в степях Предкавказья за Тереком. Но как только казаки нарушали соглашения с горцами, те, приходя из-за Сунжи, сжигали «острожки», а казакам «чинили тесноту»[100].

Ввиду того, что «вольные» казаки несли здесь временную службу, они не имели ни производящего хозяйства, ни жен. Это были временные поселения воинов, охотников, рыболовов, искателей удачи, живших на далеком Кавказе из-за жалованья и добычи. Поэтому они не задерживались подолгу на одном месте. Даже в первой четверти XVII в. на Тереке не наблюдалось воспроизводства казачьего населения, его коренизации. Следует указать, что число «вольных» казаков на Северном Кавказе по реестрам вооруженных сил России XVII в. колебалось в пределах 300–500 человек[101].

Задолго до появления на Тереке царских крепостей и казачьих городков горцы – чеченцы, дагестанцы и кабардинцы – распространяли свой суверенитет от устья Терека по обоим его берегам и притокам, вплоть до Дарьяльского ущелья, к которому в свою очередь примыкали общества нахов-ингушей,

осетин и горных грузин. И это обстоятельство официально признавалось русским правительством до тех пор, пока оно не встало на Тереке твердой ногой и не начало претендовать на роль гегемона в политической жизни края.

Следует заметить, что явный приток беглого русского люда на Терек, его оседание здесь, прослеживается четко только в период крупных крестьянских войн и восстаний XVII – начала XVIII вв., что не исключало, конечно, эпизодических побегов. В состав казаков включались зачастую и выходцы из горской среды, беглые и пленные разных национальностей (известны и частые выходы тех же чеченцев в казачьи станицы в ходе исламизации или по причинам вендетты).

Складывание постоянного казачьего войска на Тереке, оседлость здесь русского населения относится, скорее всего, ко второй четверти – середине XVII в. Именно в этот период появляются первые данные о земледельческих занятиях терско-гребенских казаков, о наличии такой организации как «войско», своеобразной самоуправляемой общины, имевшей выборного атамана и «войсковой круг» подобно общинному совету.

Процесс формирования терско-гребенского казачества как этнографической группы русского народа, имевшей причастность к горскому этническому миру, был длительным и противоречивым. Согласно данным современного историка С.А. Козлова, образование единого терско-гребенского «войска» как военной, политической и социальной формы объединения казаков завершается к середине XVII в. (30–40-е гг.). Во многом оно было сходно с войсковыми объединениями других казачьих групп на Дону, Волге и Яике. Вместе с тем, выявились и свои особенности. В отличие от своих собратьев с Дона, казачество на Тереке не имело единого центра войсковой столицы с развитой управленческой структурой. Эту роль выполняли те казачьи городки, чьи станичные атаманы становились во главе всего войска.

Высшим органом власти в войске был «круг» – собрание казаков-воинов «всей реки», на котором решались важнейшие вопросы жизни казачьей общины, вырабатывалась тактика взаимоотношений вольного терско-гребенского казачества с царской администрацией и северокавказскими обществами и владетелями. На кругу избирался войсковой атаман, которому принадлежала исполнительная власть в «войске». Обычно им становился один из станичных атаманов, пользующийся наибольшим авторитетом среди казаков. Так, первый, упоминаемый в документах, войсковой атаман Федор Шевель в посольских оттисках 30-х гг. XVII в. значился еще рядовым атаманом[102].

Своеобразная «внешняя» колонизация Северного Кавказа русскими переселенцами, создавшими здесь свои казачьи объединения, происходила во взаимодействии с многочисленными народами, которые населяли этот регион. Нередко вольные казачьи сообщества на Тереке вступали в союзнические от-

ношения с теми или иными северокавказскими владетелями для совместного отражения нападений, которые периодически совершали турецко-крымские и иранские отряды.

Практически все горские народы и их владетели были заинтересованы в поддержании дружеских политических связей с казачьими сообществами. Однако порой периоды мирных взаимоотношений терских казаков с горскими народами сменялись столкновениями и конфликтами, нередко имевшими серьезные последствия для обеих сторон.

В конце XVII – начале XVIII вв. гребенские казачьи городки, еще стоявшие на правом берегу, окончательно перемещаются на левый берег Терека, где соединяются с основной частью казаков в несколько крупных станиц и подчиняются к 1721 г. Военной коллегии[103].

Одной из ярких страниц в истории Северного Кавказа и Дона XVII в. явилось активное участие донского и терско-гребенского казачества в крестьянских войнах под руководством И.И. Болотникова в 1606–1607 гг. и С.Т. Разина в 1667–1671 гг. Смутное время на Руси (1604–1613 гг.) отозвалось на Тереке крупным движением народных масс. Зарождавшееся на Тереке в тяжелые голодные 1604–1605 гг. движение терских казаков первоначально имело характер массовой подготовки к разбойному походу «за зипунами». Но вскоре это движение приняло ярко выраженный характер борьбы против «лихих бояр» и «за хорошего царя». Терский казачий круг выбрал на роль самозванца – «царевича Петра» – рядового казака Илейку Муромца (Илью Горчакова).

Весть о событиях в центре страны – победа Лжедмитрия – всколыхнула казачьи массы и городскую голытьбу Терского города еще до начала восстания И. Болотникова. Казаки и стрельцы роптали, обвиняя терских и астраханских воевод во многих «неправдах» и в том, что они «государевым людям нужду учинили», годами не давая жалованья, хлеба и «запасов». Судя по указаниям источников, в Терках в это время произошел раскол среди казаков и служилых людей, часть из которых лояльно относилась к правительству, другая же наоборот, резко враждебно. «Смута» в Терках началась с того, что «триста человек, опроче всего войска, тайно», решили начать борьбу с «лихими боярами» и царскими воеводами. Попытки терских атаманов и также терского воеводы Петра Головина помешать тремстам молодым казакам выйти из «юртов» ни к чему ни привели[104].

Если на первом этапе поход отряда терцев и примкнувших к ним астраханских стрельцов и волжских казаков проходил как предпринятый с традиционной казачьей целью «иттить на Волгу» и грабить торговые корабли, то со временем он все больше наполняется конкретным социальным содержанием. Количество повстанцев увеличивается до нескольких тысяч, а их

громкие дела дошли до Москвы, где к тому времени утвердился Лжедмитрий, выдававший себя за якобы чудом спасшегося сына Ивана Грозного Дмитрия (погибшего в детском возрасте в Угличе). Узнав о лжецаревиче Петре (выдававшем себя за сына Федора Ивановича), он приглашает «племянника» к себе. Это приглашение, влекшее за собой объединение сил двух самозванцев, послужило для боярских заговорщиков в Москве своеобразным сигналом, толчком к выступлению. Лжедмитрий был убит, и царский престол захватил Василий Шуйский[105].

Получив известие о гибели Лжедмитрия I, казаки и стрельцы под руководством Илейки Муромца, шедшие по речным путям к Москве, решили было повернуть назад, но вскоре узнали «о воеводе царя Дмитрия» Болотникове, штурмующем Москву, дабы наказать супостатов – «лихих бояр». Терские повстанцы принимают решение идти на помощь Болотникову. Так, постепенно казачий поход перерастал в составляющую первой Крестьянской войны 1606–1607 гг. в России. Отныне терская, волжская и донская казачья голытьба сражается в рядах восставших в известных битвах – под Веневом, на р. Вырка, под Серебряными прудами, под Калугой, на р. Весьма и Упе, в осажденной Туле, вплоть до момента подавления всего движения и гибели его отважных предводителей – И.И. Болотникова и И.И. Горчакова (Илейки Муромца) в 1608 г.

После смерти Илейки Муромца участие терского казачества в восстании не прекращается. В частности, волжане, терцы и донцы в своей массе, как это отмечено в нескольких донесениях воевод и правительственных агентов в 1608 г., во многом были причастны к событиям в Астрахани, сражаясь в составе отрядов самозванных астраханских «царевичей» Ивана-Августа, Лавра и Осиновика. А вот терские власти и служилые люди так и не решились выступить в защиту правительства Шуйского ни в 1607 г., ни в последующие годы, хотя Шуйский неоднократно делал попытки привлечь на свою сторону как астраханцев, так и терцев.

К 1608 г. силы повстанцев иссякли, по всей стране гасли огни восстания. Последние остатки разбитых и рассеянных отрядов повстанцев уходили на окраины государства – на Дон, Яик и Терек. Так, в «Гребнях» (междуречье Терека и Сунжи) нашли пристанище, согласно документам, «воровские казаки, беглые стрельцы и гулящие всякие люди, которым в государевой отчине Терском городе появиться нельзя». Речь идет об участниках восстания Болотникова и Горчакова, выходцах из Тулы, Переславля-Рязанского, Переславля-Залесского, Боровска и др. Есть сведения, что беглых русских людей и «воровских» казаков укрывало у себя и местное горское население. Весть об этом дошла до самого царя Василия Шуйского. Раздраженный самодержец приказал навести порядок на Тереке, но приказ этот остался невыполненным[106].

Ко времени избрания на русский престол Михаила Романова в 1613 г. общее руководство народным движением на юго-востоке страны перешло к атаману Заруцкому. Вместе с вдовой Лжедмитрия I Марией Мнишек он укрепился в Астрахани и пытался наряду с местным казачеством привлечь на свою сторону татар и горцев, а также воспользоваться помощью иранского шаха Аббаса I. Однако угроза агрессии со стороны Ирана заставила терцев и горцев выступить на стороне Михаила Романова. В мае 1614 г. Заруцкий был разбит в Астрахани силами царских отрядов присланных из Москвы, терских стрельцов и окочан из Терского города. Так закончилось Смутное время на Руси[107].

Очередное массовое движение русских крестьян и казаков в XVII в. было вызвано усилением феодально-крепостнического гнета в центре России и распространением крепостнических порядков на южные и юго-восточные районы страны. Восстание народных масс юга России под руководством Степана Разина основательно перетряхнуло основные элементы, из которых складывалась политическая обстановка в огромном треугольнике между коронными территориями России, Ирана и Османской империи. Оно затронуло Украину, Дон, Северный Кавказ, Прикаспий и Поволжье, т.е. те регионы, политический статус которых по отношению к той или иной великой державе в принципе нельзя было считать окончательно сложившимся.

Весной 1667 г. отряды «голутвенных» казаков и беглых людей, объединившиеся под командой опытного и храброго казака Степана Разина, двинулись с Дона на Волгу, спустились к Каспию и морем достигли Яицкого городка в устье р. Яик (Урал). После зимовки, весной 1668 г. Разин двинулся на судах к западному берегу Каспия, грабя по пути «тезицкие (иранские. – Я.А.) бусы с товары», затем высадился в устье Терека и разгромил «татарский (ногайский. – Я.А.) улус», кочевавший в окрестностях крепости Терки. Можно предположить, что весной-летом 1668 г. разинцы стояли лагерем на северокавказском берегу Каспия, дожидаясь подкреплений с Дона. И действительно, царские власти, с тревогой следившие за действиями повстанцев, обнаружили передвижение с Дона казачьих отрядов в направлении Терека и Кумы. Назывались цифры в 100, 400 и даже 2000 человек. Причем местные терско-гребенские казаки не только не оказывали им сопротивления, но и снабжали их лошадьми. Профессор Н.П. Гриценко считал даже, что терско-гребенские казаки присоединились к С. Разину и участвовали во всех его последующих действиях[108].

Был отдан приказ о выступлении стрельцов Терского города и феодального войска служилого терского князя Каспулата Черкасского против лагеря казаков. Однако Каспулат отказался выступить в поход за «малолюдством». Тогда из Астрахани было переброшено подкрепление в 200 стрельцов. Тем

не менее, терские власти так и не осмелились атаковать разинцев, которые беспрепятственно вышли на судах в Каспийское море. Ранее августа 1668 г. распространились слухи о взятии казаками Дербента и Тарков. О том, что Разин был в Тарках в Дагестане (но уже после похода на иранское побережье), говорит документ 1673 г.

Свыше четырех месяцев шли казаки с боями по иранскому взморью грабя и убивая все живое. Шахский двор предписал правителям земель от Астерабада до Дербента «привести в готовность все свои боевые силы». Ханы прибрежных иранских городов спешно приглашали в свои войска даже наемников из среды горцев Северного Кавказа. Так, в июне 1669 г. на казачьи силы, укрепившиеся на Свином острове, «приходили... боем астаринский Мамеды хан, а с ним шаховых и наемных людей, кумычан и черкас горских (дагестанцы и чеченцы. – Я.А.), в 50 сандалях (судах. – Я.А.) с 3700 человек»[109].

Волжско-каспийские походы Степана Разина завершились осенью 1669 г., когда его отряд вернулся с добычей на Дон. Другие атаманы по возвращению из похода «за зипунами» распускали свои отряды, Разин же устроил на зиму укрепленный лагерь, где копил силы. Весной 1670 г. с помощью своих многочисленных сторонников он захватывает власть в области Войска Донского и открывает наступательные действия на Волге.

По мере развития классовой борьбы казачьи силы превратились в ядро повстанцев, а основную массу составили крепостное крестьянство, городская беднота и малые народы Поволжья. Вскоре вся Нижняя Волга оказалась в руках повстанцев. 21–22 июня 1670 г. после тяжелой осады и штурма была взята Астрахань, один из самых крупных и значимых городов Российского царства. В конце августа захвачена Самара и открыта дорога на Симбирск, овладев которым, разинцы смогли бы рассеять пламя восстания в центральных областях России.

Чтобы усилить успех своего движения, Степан Разин и его сподвижники вступали в отношения с иранским шахом, турецкими пашами в Азове, крымским ханом, горскими князьями, ногайцами и калмыками. Важное место в политических планах Разина занимал Северный Кавказ. Овладев Астраханью, С. Разин добивался подчинения земель между Волгой, Доном и всех «низовых» городов. В первую очередь было обращено внимание на Терки, куда, кстати, бежали многие русские купцы, офицеры и другие чины из Астрахани. Еще летом 1670 г., развивая наступление вверх по Волге, С. Разин пытался вместе с тем овладеть и Терским городом. «Да он же де, вор Стенька Разин, повествует официальный документ, – посылал из Астрахани на Терек товарыщей своих воровских казаков и велел им город Терек взять»; повстанцы, однако, «Терка не взяли»[110].

В сентябре-октябре 1670 г. повстанческая армия увязла под стенами Симбирска и потерпела поражение. С. Разин был тяжело ранен и вывезен на Дон.

В апреле 1671 г. последние сторонники мятежного атамана, засевшие на Дону в Кагальнике, были разбиты казачьей старшиной, а сам крестьянский вождь выдан царским властям. Он был казнен 6 июня 1671 г. в Москве.

И после ранения и плена С. Разина (в октябре 1670 г.) повстанческое руководство в Астрахани, во главе с Ф. Шелудяком и В. Усом продолжало принимать меры к распространению восстания на прилегающие к городу территории, а также на Терек, в район калмыцких кочевий и на подвластные Крымскому ханству земли.

Наконец, осенью 1670 г. в Терском городе вспыхнуло восстание; город, по свидетельству Я. Стрейса, «перешел на сторону казаков, и там перебили различных начальников и офицеров, совершенно разграбив их дома, а помянутого господина губернатора (П.С. Прозоровский. – Я.А.) держали в плену в собственном доме». Князь Каспулат Черкасский, глава Терского феодального владения, после восстания в Терках удалился из города со своей «горской» командой в «Гребни» (в междуречье Терека и Сунжи). Надо отметить, что восставшие пытались привлечь его на свою сторону («чтоб он в Терек приезжал»), ибо он имел большое влияние среди всех горских народов. Но Каспулат царю не «изменил», впоследствии он активно участвовал со своим отрядом в подавлении восстания в Астрахани в составе армии воеводы Н. Милославского. Но перед этим он жестокой рукой навел порядок в Терском городе, подняв против бунтовщиков большое число горцев, в т.ч. и чеченцев[111].

С вступлением царских войск в Астрахань 27 ноября 1671 г. Крестьянская война по существу закончилась. После жестокого подавления Крестьянской войны тысячи повстанцев бежали на юг, в т.ч. и на Северный Кавказ. Новая волна бегства прошла в конце 80-х гг. XVII в. Так, в 1687 г. на территории Войска Донского вновь зародилось казачье движение, имевшее антиправительственный характер. Оно возглавлялось раскольниками, связывавшими усиление самодержавных порядков с церковной реформой, начатой патриархом Никоном. Восставшие захватили ряд городков и создали серьезную угрозу Саратову и Царицыну. В 1688–1689 гг. царские войска и донская казачья верхушка учинили зверскую расправу над повстанцами, что привело их к массовому бегству; бежали казаки в основном на Северный Кавказ: на реки Кума, Терек и Кубань[112].

Новые массы беглых казаков с Дона пополнили ряды «воровских» казаков на Куме, живущих здесь еще с разинских времен. Вблизи городища «Старые Можары» был поставлен укрепленный городок, где вскоре скопилось до 2-х тыс. чел. Часть же беглых уходила еще дальше на юг – на реки Терек, Аксай, Аграхань и Сулак. Так, «разбойничий» атаман Костюк (Костька) бежал в 1687 г. вначале на Куму, а затем перешел к горцам на Сулак, где создал

укрепленный городок (запустелое городище Костюка указывалось даже в середине XVIII в.). Окружающие горцы – рядовые чеченцы и кумыки – принимали прямое участие в действиях отряда Костюка против российских властей на Тереке[113].

Местные же феодальные владельцы, также принявшие донских казаков под свою защиту, преследовали при этом свои политические расчеты. Так, вышедший с Дона на Куму с 2000 семейств атаман Левка Манацкий ездил с делегацией к Тарковскому шамхалу «для заключения договора о принятии... казаков в свое подданство, на том условии, что эти казаки будут помогать шамхалу в военных его делах, а он будет оказывать им свое покровительство». Казаков с берегов Кумы звали к себе и кабардинский князь «Ликост» и кумыкский мурза «Чапалов».

Скопившиеся на Куме и на берегах других северокавказских рек повстанцы строили большие политические замыслы. Затевался поход на Дон в союзе с кабардинцами и другими горцами, предполагались переговоры с Портой и даже признание подданства султана. По некоторым данным, планировалось перенесение повстанческого лагеря с Кумы на Терек, к чему их якобы склоняли местные терско-гребенские служилые казаки. Царские воеводы были вынуждены принимать меры по недопущению кумских повстанцев в этот район[114].

Следует отметить, что царизм контролировал на Северном Кавказе только незначительный участок территории – левый берег Терека в нижнем течении. Крепость Терки была отрезана от ближайшего крупного форпоста (Астрахани) безводными степями и морем. От низовьев Волги до низовьев Дона почти на тысячу верст простиралось Дикое поле, отделявшее предгорья Северного Кавказа от пограничных «черт» Русского государства.

В конце XVII в. османская агрессия, направленная было на Северный Кавказ, устремляется своим острием против Польши и Украины (где были и русские интересы). Поэтому оборонительные сооружения Терской крепости оставались в плохом состоянии, а гарнизон был сильно уменьшен. Известная слабость царской администрации на Тереке, благоприятное отношение горских народов к русским повстанцам, обеспечивших им прочный тыл, и обусловили, на наш взгляд, последовавшую к последней четверти XVII в. концентрацию здесь открытых противников самодержавно-крепостнических порядков. С 1690 г. ввиду угрозы со стороны царских войск кумские казаки частью уходят с Кумы на Терек, преимущественно во владения шамхала[115].

Обрисовать сложившуюся обстановку в крае помогает переписка астраханских, терских воевод и других чинов по поводу мер, принимаемых ими для «усмирения» повстанцев.

В первой половине 1691 г. над обезлюдевшим вследствие мора Терским городом нависает угроза совместного нападения «воровских казаков и шевкаловых людей» (т.е. жителей Тарковского феодального владения). В связи с этим астраханский воевода И.И. Хованский приказал гребенскому атаману Ф. Кирееву выступить с «войском» для охраны и починки крепостных укреплений к Теркам. Тем не менее, русско-горские силы подступают к городу и разоряют его пристань: «пожгли струги и бусы и на них всякие припасы»[116].

В сентябре того же года из Астрахани на Терек отправляется подкрепление: караван судов с припасами и стрелецкая команда под руководством нового воеводы В.С. Нарбекова. Однако уже во время плавания по Каспию он подвергся серьезному нападению: «воры и изменники з Дону беглецы и казаки расколщики, которые поселились под владением Будай Шавкала на реке Аграхане… выехав на море» разграбили 5 сентября один струг и вступили в бой с караваном. Нападавших было «с пятьсот человек казаков, да татар… и кумычан шевкалов владения человек во 100», во главе стоял атаман Сенька Хмурый[117].

Прибыв, наконец, на Терек, В.С. Нарбеков обнаружил следующую картину: «терчанам всяких чинов служилым людем кормитца нечем, торгов и промыслов у них никаких нет и выезду им с Терка от воровских казаков и Будайшевкалова владения кумычан для дров и на рыбную ловлю и никуды для нужд ездить стало невозможно; воровские казаки роскольщики и шавкаловы татары и кумыченя беспрестанно под город подбегают…». Причины того, что шамхал Будай принял казаков под свое покровительство, объяснимы: во-первых, политическая обстановка на юге России была предгрозовой, неспокойной; во-вторых, шамхал резко увеличивал свои боевые силы за счет русской вольницы и, в-третьих, он, безусловно, получал соответствующую долю из их добычи. Позволяя своим подданным присоединяться к казачьим отрядам, шамхал вместе с тем осуществлял за ними определенный надзор. Так, в морском походе казаков в сентябре 1691 г. «тарковский де Будай шавхал лутчих своих узденей четырех человек дал к ним казакам по человеку в струг»[118].

Прибытия нового терского воеводы со свежими силами оказалось недостаточным для организации успешного противодействия повстанческим действиям. Более того, по некоторым данным, в конце 1691 г. аграханские раскольники составили план захвата донского края с помощью «турок, крымцев и черкесских народов», желая затем перейти всем Доном в подданство султана. Поэтому по распоряжению Петра Первого в 1692 г. предпринимается посылка специальных отрядов для разгрома основной базы «воровских» казаков на р. Аграхань. Одновременно проводится дипломатическое наступление на феодальную верхушку горцев. Соответствующие письма с просьбой о содействии царским войскам получили тарковский шамхал Будай и некая княгиня Таукесал Салтанбековна, жившая в Терках[119].

Подготовка карательной экспедиции не прошла мимо внимания «воровских» казаков. 18 сентября 1692 г. к ним «на помочь» явились кубанские раскольники подданные крымского хана, и повстанцы двинулись с Аграхани «на побег к Крыму». Ни строгие требования царских властей, ни обещания «казны» и наград, ни продвижение русских полков к Аграхани не смогли побудить шамхала воспрепятствовать уходу казаков. Правда, другие горские князья – энедереевский Муртазалий и его брат Амирхан по просьбе Таукесал Салтанбековны «тех воровских казаков осадили на реке Сунче… и… разбили». Ушло на Кубань по разным данным от 30 до 200 человек[120].

Однако более поздние документы за 1700 г. указывают, что «на Аграхане реке обселились воровские казаки уходцы из Астрахани и з Дону (которые. – Я.А.) живут у андреевского Муртазалея мурзы… (и) воруют с ними заодно». Видимо, прав исследователь Н.П. Гриценко, говоря, что в 1692 г. «часть беглых крестьян и раскольников поселилась среди терских казаков, другая среди чеченцев и кумыков» и только третья часть ушла на Кубань[121].

Активность русских повстанцев и их союзников-горцев после событий 1692 г. нисколько не снизилась. Недаром Петр Первый с раздражением писал: «которые за Тереком… живут, разные самовладельцы князьки черкесы и соединяютца с воровскими казаки с атаманом Косткою Ивановым с товарищи и на Хвалынском море бусы наших великого государя разбивают». Более того, «Костька Иванов» посылал на Дон своих людей «для подговору» казаков к бегству на Аграхань, и желающих явилось «множество»[122].

В 1700 г. было принято решение послать на Муртазалея, который «учинился ослушен» царским указам, и на «воровских» казаков царскую рать. Новый шамхал Адиль-Гирей, желая улучшения отношений с Москвой, заявил о своем содействии «великому государю». Совместными усилиями русским повстанческим силам был нанесен серьезный удар. Полковник Бушев с гребенским атаманом Ф. Киреевым захватил атамана Костьку (Костюк, Костек?) «с немалым числом его артели» в городке близ Сулака в плен и отправил его в Астрахань, где он был казнен. С другой стороны шамхал Адиль-Гирей с Салтан-Махмудом Эндиреевским двинулись на Муртазалея, отказавшегося выдать казаков (находившихся непосредственно при нем), и разбил его. Часть русских беглых погибла в бою, другие попали в плен и были отправлены в Терки. Так как русские люди находились во владениях еще одного кумыкского владельца – Чопан-шамхала, он тоже был разбит[123].

Таким образом, на историческую жизнь нахов Чечни в XVII в. влияли не только политические события, связанные с действиями великих держав и местных кавказских владений, но и непосредственно движения русских народных масс на юге России, которые порой вовлекали горцев в свои мощные потоки. Этот аспект русско-горских и русско-чеченских отношений особенно поучителен, но менее всего изучен.

[1] См.: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 29. М., 1965. С. 224; [Курбский А.М.] Князя А.М. Курбского история о великом князе московском. СПб., 1913. Стб. 58–59; История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1968. С. 92–93.

[2] См.: История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967. С. 13; Некрасов А.М. Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV – первой половины XVI века. Рук. дисс. канд. истор. наук. М., 1984. С. 135–136, 141–142.

[3] См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 233; Т. 29. С. 116, 214, 224; Книга посольская метрики Великого княжества Литовского… (Т. 1). М., 1843. С. 98; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 3, 6; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в. М., 1963. С. 203–204.

[4] См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 259; 276–277; Т. 29. С. 240, 252; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 4, 56–57; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 207–210; Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. М., 1957. С. 216–217.

[5] См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11. Л. 315об.; Allen W.b.D. Problems of Turcish power in the sixteenth century. London, 1963. P. 23; Bennigsen A. L'Expeditionturquecontre Astrakhan en1569 L'apres les Registres des «Affaires importantes» des Arhives ottomans // Cahirs du monde Russeet Sovetique. 1967. Vol. VIII. P. 430–431.

[6] См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 284; Т. 29. С. 252, 255, 257; Челеби Эвлия. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 109; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 5; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 233.

[7] См.: ПСРЛ. Т. 29. С. 284; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 8; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 237–238; Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984. С. 259–260.

[8] См.: Продолжение «Древней Российской вивлиофики». (Далее: Продолжение «ДРВ»). СПб., 1801. Ч. 1. С. 76; ПСРЛ. Т. 13. С. 324, 330; Т. 29. С. 284–285, 289; Кабардино-русские отношения. Т. 1. С. 392, прим. 23.

[9] См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 371; Т. 29. С. 300, 301, 324; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 10–11; Греков И. Османская империя, Крым и международные отношения в Восточной Европе в первые годы Ливонской войны (1588–1577) // Советское востоковедение. № 3. М., 1984. С. 63.

[10] Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 240; Акиев Х.А. К вопросу о расселении вайнахов в Дарьяльском ущелье // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. № 3. Грозный, 1985.

[11] См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 90–91 об., 151–151 об.; Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России… // Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа (СМОМПК). Тифлис, Т. 22. 1897. С. 55; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1972. С. 22–23; Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI – первой половины XIX вв.). Тбилиси, 1983. С. 144–145, 215.

[12] См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 397–398; Т. 29. С. 301, 340, 347; Гашимов Ч.М. Дагестано-кабардинские политические отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. IV. С. 57.

[13] См.: ПСРЛ. Т. 13. С. 407; Т. 29. С. 353; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 13; Гашимов Ч.М. Указ. соч. С. 57; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 243–245; и др.

[14] См.: ПСРЛ. Т. 29. С. 354; Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. М., 1888. С. XVIII; Любавский М.К. Наступление на степь. М., 1915. С. 18, 22–23; Русская военная сила. М., 1897. Т. 1. С. 258; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 13–14;

Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 243–245; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 69.

[15] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. XVIII, 64; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVIII вв. Сб. док. / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997. С. 18.

[16] См.: Allen W.E.D. Problems of Turcish… P. 23; Bennigsen A. L'Expedition torque… P. 43; Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 30; Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. № 22. М., 1947. С. 157, прилож. 1.

[17] См.: Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 9. С. 206; Флетчер. О государстве русском. СПб., 1906. С. 76; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII веках. Грозный, 1988. С. 32–34.

[18] РГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 156 об.

[19] См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15. Л. 29–30; Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. ИРИО). СПб., 1895. Т. 137. С. 87, 151, 180.

[20] Бакиханов А.К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 88.; Алкадари Гасан Эфенди. Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 41; Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 76–77; Гусейнов Г.-Р.А.-К. О южных пределах кумыкского государства эпохи Султан-Мута // Материалы первой научной конференции, посвященной 460-летию Султан-Мута… Махачкала, 2008.

[21] См.: Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961; Гаджиева С. Кумыки. М., 1961; История Дагестанской АССР. Т. 1; М., 1967; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия ЧИРКМ, Грозный. 1975. Вып. XI. С. 60–62; и др.

[22] См.: История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 116; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 258; Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952. С. 63; Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. М., 1969. № 9. С. 119.

[23] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. XXXVII; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 5, 34–35, 46; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism Daring the Regormation: Europe and the Caucasus. New-York-London, 1972. P. 57.

[24] См.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851. Стб. 943, 953; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 47; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism… P. 57–59.

[25] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 64,78; Русско-чеченские отношения… С. 13; Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 37; Юдин П. Первые русские города на Тереке // Терские ведомости. №238. Владикавказ, 1912; Исаева Т.А. Политические взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 14.

[26] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 64; Юзефович А.А. Русский посольский обычай XVI в. // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 114–115.

[27] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 63–64; Исаева Т.А. Указ. соч. С. 12, 15.

[28] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 37; Мамиствалишвили Э.М. Внешнеполитические взаимоотношения Грузии во второй половине XV и в XVI веке. Автореф. дисс. докт. истор. наук. Тбилиси, 1983. С. 25.

[29] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 35, 36, 43; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 7. М., 1963. С. 262; Полиевктов М. Материалы из истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640. Тбилиси, 1937. С. 18–19.

[30] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 38, 40; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 260; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism… P. 74–75; Hammer de I.Par. Histoire de L'Empire Ottoman. Vol. 6. Paris. Vol. I–XVIII. 1836–1892. P. 116; Исаева Т.А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вт. пол. XVI – XVII век) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII–XX в.) Грозный, 1983. С. 45.

[31] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 36–37; Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. С. 21.

[32] См.: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1, 1512. Д. 1. Л. 9–9 об.; Там же: Ф. ВУА. Д. 18308. Л. 64, 66–68; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. IV (Т. 7–8). С. 271–272; и др.

[33] См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1, 1586. Д. 1. Л. 100–101; ПСРЛ. Т. 14. С. 37; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 63, 65; Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. IV (Т. 7–8). С. 259; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 35; Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism… P. 87–88; Allen W.E.D. Problems of turcish… P. 36; Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980. С. 49.

[34] См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1, 1586. Д. 1. Л. 11, 16; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 113–114; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 273–274; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Стб. 991–992.

[35] Русско-чеченские отношения… С. 13–14.

[36] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 10–13, 16-17; Русско-чеченские отношения… С. 14–15.

[37] СМ.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17. Л. 20 об., 25 об., 34–34 об.; Allen W.E.D. Problems of turcish… P. 36; Bennigsen A. L'Expedition turque… P. 445; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 267; Перетяткович Г. Поволжье XV и XVI вв. (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 313–317; Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 53–54.

[38] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 63–64, 151; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 155; Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI. Грозный, 1977. С. 98–99; и др.

[39] См.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 140, св. 2. Д. 13; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 81, 94, 119; Юдин П. Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. № 7. Владикавказ, 1913.

[40] См.: РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1589 г. Д. 5. Л. 1; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 74, 79, 130–131, 137.

[41] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 80–82, 128; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 63–64; Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией… С. 13–17; Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории. № 10. М., 1971; Магомадова Т.С. Владелец Ларса Салтан-мурза в первых русско-чеченских взаимосвязях // Материалы конференции Чечено-Ингушского госуниверситета по итогам работы за 1974 г. Грозный, 1976. С. 62–65; Магомадова Т.С. Батай-мурза Шихмурзин в русско-чеченских связях конца XVI – первой половины XVII в. // Вестник АН ЧР. № 2(11). Грозный, 2009. С. 94–99; Магомадова Т.С. Чеченские посольства в Москву (конец XVI–XVII вв.). // Материалы III Международного симпозиума «Первая мировая война и Кавказ». Телави, 2014. С. 262–270; и др.

[42] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 34, 54, 59, 149–150; Русско-чеченские отношения… С. 19–20; Материалы посольства находятся в РГАДА (Ф. 115. Оп. 1, октябрь 20, 1588 г. Д. 1.

[43] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 62–65; Русско-чеченские отношения… С. 16–19; Исаева Т.А. Указ. соч. С. 15.

[44] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 65–66; «Хорошеванье» означает, вероятно, возложение царской руки на голову; См.: Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 121.

[45] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 59–60; Русско-чеченские отношения… С. 19–20; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 21, 51, 53, 55–58, 63.

[46] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 102–109, 117, 128; Русско-чеченские взаимоотношения… С. 21–23.

[47] См.: Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. Т. 1. Стб. 1107–1108, 1185, 1265; Путешествия русских послов в XVI–XVII веках. Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 174; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 276; Ахмадов Я.З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV–XVI вв. // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2. С. 165–168.

[48] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 248, 253, 255; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 275–278.

[49] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. М., 1957. С. 68–69; Янчевский М. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов н/Д, 1930. С. 112.

[50] См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. X. С. 216; Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602–1603 годы. М., 1896. С. 39–40.

[51] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 270, 558–559; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 94–95; Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах… С. 60–62.

[52] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 285, 304–305.

[53] См.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 48–49; Путешествия русских послов… С. 95, 113; Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 73.

[54] Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.). М., 1918. С. 148. Русско-чеченские отношения… С. 42.

[55] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 453–454, 456, 476; Исаева Т.А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. С. 39.

[56] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 470; Масса Исаак. Указ. соч. С. 73; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988. С. 65.

[57] Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 11. С. 67.

[58] Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 89; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 67.

[59] Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 73–75; Юдин П.Л. Очерки Смутного времени на Кавказе // Записки Терского общества казачьей старины (ЗТОЛКС). № 5. Владикавказ, 1914. С. 17–18.

[60] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 531–534; Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966. С. 114.

[61] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 535–536; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 307.

[62] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 547–548, 551, 556; Юдин П.Л. Указ. соч. С. 44; Санидзе М.Х. Турецко-иранские отношения в начале XVII в. и Грузия // Проблемы истории Турции (Сб. статей). М., 1978. С. 29–30, 36; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 74–75.

[63] См.: РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. 1616 г. Д. б/н. Л. 8–9; Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1614 г. Д. 1. Л. 1–16; Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. (Документы и материалы). Махачкала, 1958. С. 52–54; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 80.

[64] Русско-дагестанские отношения… С. 33–34; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 305; Новосельцев А.П. Указ. соч. С. 115.

[65] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 540–541; Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и XVII веке (1590–1700 годы). Баку, 1981. С. 98; Емельянова Н. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003. С. 109.

[66] См.: Руско-дагестанские отношения… С. 53–54; Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI–XVII веков // Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный, 1976. С. 185–186.

[67] Русско-чеченские отношения… С. 94–96, 405; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 62, 163.

[68] Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 97–98.

[69] См.: Там же. С. 123; Русско-чеченские отношения… С. 111–112; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 321.

[70] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 90.

[71] См.: Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770. СПб., 1861. С. 25–31; Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 85; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 147–148.

[72] См.: Материалы по истории грузино-русских отношений (80–90-е годы XVII века) / Сост. Г.Г. Пайчадзе. Вып. 1. Тбилиси, 1974. С. 249–250; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 94.

[73] Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640–1643. Тифлис, 1928. С. 67, 81.

[74] Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2 (9). Махачкала, 2004.

[75] Русско-чеченские отношения… С. 163–166.

[76] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 108–109.

[77] См.: Русско-чеченские взаимоотношения… С. 200; Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т. 23. Кн. 9. СПб., 1856. С. 71, 75–76; Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 90; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 71–79; Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (Гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006. С. 24–25; и др.

[78] РГАДА. Ф. 121, 1652 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 6–7.

[79] Русско-чеченские взаимоотношения… С. 200.

[80] См.: РГАДА. Ф. 121, 1652 г. Оп. 1. Д. 1. Л. 32; Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 302; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 117–118.

[81] Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 304–306; Русско-дагестанские отношения… С. 182, 184–188; Русско-чеченские отношения… С. 178; Зевакин Е.С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. // Исторические записки. № 8. М., 1940. С. 24–25; и др.

[82] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 313–319; Русско-дагестанские отношения… С. 189; Зевакин Е. Указ. соч. С. 25–28; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 123–125; и др.

[83] См.: Армяно-русские отношения в XVII веке. Т. 1. Ереван, 1953. С. 20–21; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 122–123; Исаева Т.А. Указ. соч. С. 33–34.

[84] См.: Русско-чеченские взаимоотношения… С. 203–204; Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов // Советская этнография. № 6. М., 1978. С. 101–104; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 129–130.

[85] Кушева Е.Н., Усманов М.А. С. 102, 107; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 130–131; и др.

[86] См.: Русско-чеченские взаимоотношения… С. 206–212; Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI–XVII веках // Вопросы истории. № 10. М., 1962. С. 113; Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971. С. 149; Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983. С. 191.

[87] Русско-чеченские взаимоотношения… С. 217–218.

[88] См.: Гриценко Н.П. Народные движения XVII–XVIII веков и терское казачество // Известия Северо-Кавказского центра высшей школы. Серия общ-х наук. № 3. Ростов н/Д, 1973. С. 13–14; и др.

[89] См.: Стрейс Я.Я. Три путешествия. Огиз-СОУЭКГИЗ. 1935. С. 369; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ро-

стов н/Д, 1983. С. 187–188; Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX в. Алма-Ата, 1973. С. 32; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 14–15.

[90] Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973. С. 198–199.

[91] См.: РГАДА. Ф. 121, 1675 г. Д. 1. Л. 6–7; Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 199; и др.

[92] См.: Исаева Т.А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа… С. 49–50; Ахмадов Я.З. Феодальное владение (лен) князей Черкасских в системе русского пограничного города Терки в XVII веке // Феодализм в России. Тезисы докладов и сообщений. М., 1985. С. 106–110.

[93] См.: Материалы по истории русско-грузинских отношений. Вып. 1. Тбилиси, 1974. С. 69–70, 96–97 и др.; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа… С. 161.

[94] См.: Юдин П. Калмыки в борьбе с Турцией // Русский архив. М., 1915. С. 166; Умаханов М.-Е.К. Указ. соч. С. 200.

[95] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 623.

[96] Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 378.

[97] См.: Архив СПб ОИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11058. Л. 1–2 (Документ выявлен Т.А. Исаевой); Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 633.

[98] Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2 (9). Махачкала, 2004.

[99] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 165–167.

[100] См.: Русско-чеченские взаимоотношения… С. 111–112; Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // История и география России XVIII века. Ч. 2. М., 1981. С. 20, 28–43; Козлов Сергей. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). Изд. 2-е. СПб., 2002. С. 12–13.

[101] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 123; Козлов С. Указ. соч. С. 16–20; и др.

[102] См.: Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974. С. 229; Козлов С. Указ. соч. С. 22–25; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cossakdom.com/book (С. 17 из 27).

[103] Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 23–25.

[104] См.: Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 11–12; Буганов В.И. Крестьянская война в России начала XVII в. М., 1976. С. 48.

[105] См.: Маржерет. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского. 1590–1606. СПб., 1830. С. 91; Буганов В.И. Указ. соч. С. 49–50.

[106] См.: Масса Исаак. Указ. соч. С. 77; Юдин П.Л. Лихолетье на Северном Кавказе. С. 433; Буганов В.И. Указ. соч. С. 81–82; и др.

[107] Белокуров С.А. Указ. соч. С. 545–548, 556; Юдин П.Л. Очерки смутного времени на Кавказе… С. 41, 44; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 70–71, 74–75.

[108] См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. 1. М., 1954. С. 111–112, 120, 139; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 13–14.

[109] Крестьянская война… Т. 1. С. 139, 143–144; Там же. Т. 3. М., 1962. С. 299.

[110] Крестьянская война… Т. 1. С. 244; Там же. Т. 3. С. 379.

[111] См.: Крестьянская война… Т. 3. С. 270, 403 (комм. 1, к док. № 77); Кабардино-русские отношения… Т. 1. С. 333; Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935. С. 369; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 14–15.

[112] Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983. С. 200–202.

[113] См.: Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 74; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 245; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 15.

[114] См.: Бентковский И. Гребенцы // Чтения ОИДР. Кн. 3. М., 1887. С. 25; Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 6, 7–8; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 15.

[115] См.: Архив СПб ОИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12242. Л. 1; Д. 12276. Л. 6 (Цитируемые здесь и далее документы СПб ОИИ РАН выявлены Т.А. Исаевой); Бентковский И. Указ. соч. С. 25; Короленко П.П. Указ. соч. С. 9–10; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией... С. 292.

[116] Архив СПб ОИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12217. Л. 1–2; Д. 12276. Л. 3.

[117] Архив СПб ОИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12276. Л. 1–2.

[118] Архив СПб ОИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12276. Л. 4–5; Там же. Д. 12226. Л. 1.

[119] См.: Кабардино-русские отношения… С. 376–377; Короленко П.П. Указ. соч. С. 10.

[120] См.: Архив СПб ОИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12317. Л. 1; Акты исторические. Т. 5. СПб., 1842. С. 370–371; Короленко П.П. Указ. соч. С. 12–13; Бентковский И. Указ. соч. С. 26–27.

[121] См.: Архив СПб ОИИ РАН. Ф. 178. Д. 14181. Л. 1; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 15.

[122] См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 8. Т. 15–16. М., 1963. С. 121; Янчевский Н. Указ. соч. С. 196.

[123] См.: Архив СПб ОИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 14181. Л. 1–2; Русско-дагестанские отношения… С. 226, 256–257.

Глава VII. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧЕЧНИ С РОССИЕЙ, ВОСТОЧНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ И КАВКАЗСКИМИ СОСЕДЯМИ В XVIII В.

§1. Чечня и Северный Кавказ в борьбе с экспансией России, Ирана и Крымского ханства в первой половине XVIII в.: от противоборства с Россией к складыванию системных связей

Основным фактором, воздействовавшим на ситуацию в крае в XVIII столетии, являлось все возрастающее значение России в политической судьбе Чечни, как и всего Кавказа. Известную роль играла также политика Ирана, Османской империи с ее вассалом Крымским ханством и, собственно взаимоотношения кавказских феодальных и государственных образований. Взаимодействие политики трех великих держав и местных образований в регионе и определяли политическую картину на всем Кавказе, в т.ч. и в отношении Чечни. Следует учитывать и тот немаловажный фактор, что в XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе завершается процесс национальной консолидации такого крупного народа, как чеченцы, что также вносило изменения в политические процессы на Кавказе.

Значительное влияние на политическую позицию Чечни в первом десятилетии XVIII в., как и в XVII в., продолжали оказывать движения русского крестьянства и казачества, городских низов и башкир. Известно, что еще в конце XVII в., после подавления народных движений в России, тысячи русских людей, спасаясь от казней, устремлялись на Северный Кавказ, в том числе и на берега Терека и Сулака. Здесь они создавали целые городки, лагеря и опорные базы антицаристского движения. Некоторые известные «разбойные» атаманы (Костька Иванов и др.) действовали среди чеченцев и кумыков на рубеже XVII–XVIII вв. Со стороны царских властей на казаков-бунтовщиков и их союзников горцев совершались в отместку карательные экспедиции[1].

События на Тереке оказались своеобразной прелюдией более грозных народных восстаний, вспыхнувших собственно в самой России. Правление Петра Первого наряду с проведением прогрессивных реформ, направленных на европеизацию страны, ознаменовалось резким усилением крепостнического гнета и налоговой системы, откровенно колониальной политикой в отношении нерусских народов. В 1704 г. началось крупное народное движение в Башкирии, а летом 1705 г. вспыхнуло городское восстание в Астрахани, переросшее в движение всего «многонационального населения Нижнего Поволжья, в котором, кроме русских, участвовали астраханские татары и другие нерусские люди». Остается добавить, что астраханские повстанцы рассчитывали найти себе поддержку и на Тереке[2].

Пока полки фельдмаршала Шереметева двигались с театра Северной войны на Астрахань, взбунтовались стрельцы Черного и Красного Яра на Волге, для «пущего возмущения» астраханской беднотой были разосланы письма к донским, терским и гребенским казакам. Известно, что «зачинщики» главную надежду возлагали на казаков, «с их помощью они думали усилить смуту и пронести ее в сердце государства, до самой Москвы»[3].

Источники показывают, что по призыву астраханцев в том же 1705 г. «терские стрельцы и гребенские казаки забунтовались». Был убит полковник Некрасов, а его «пожитки» поделены. Терский город оказался в руках восставших, и, как в период движения Степана Разина, Северный Кавказ вновь оказался отрезанным от царской России. Прекращение, хотя бы и кратковременное, официальных отношений с Русским государством, не могло, разумеется, не сказаться на политической ситуации в регионе, складывавшейся во многом из взаимодействия кавказской политики трех государств – Османской империи, Ирана и России.

Терский воевода Д. Молостов, изгнанный из города, утверждал, что предводители терских повстанцев вынашивали широкие планы. Он писал Петру Первому: «терские изменники собираются и пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки, соединяясь калмык побить и на твое государство итить»[4].

В свидетельстве Д. Молостова не названы ближайшие к Тереку горские народы – чеченцы и кумыки, хотя называются самые дальние – «кубанцы» (черкесское и ногайское население Кубани). Это имеет свои объяснения. Воевода Д. Молостов, которому сохранили жизнь и позволили уйти из крепости, удалился за город вместе со своими сторонниками (в их числе были служилые «черкесы» и татары). Это позволило ему быстро завязать отношения с горскими феодалами за Тереком и заручиться их поддержкой. Коварный воевода натравливал на Терки и казачьи городки феодальные дружины: «велит их неверной орде – чеченцам и мечкизам (мичиковцам), кумыкам, аксаевцам и иным ордам разорять и всех искоренять; и горцы подступая к Тереку бьют казаков боем», – писали современники. В конечном счете Д. Молостов сумел обманным путем выманить из города руководителей восстания и расправиться с ними: «оных бунтовщиков усмирил, и несколько из них казнил, а пущих заводчиков прислал к Москве»[5].

В марте 1706 г. пала и Астрахань. Небезынтересно отметить, что в период спада движения городская беднота намеревалась с оружием в руках уйти на Агрохань или другие надежные места на Северном Кавказе. Этому помешала полная блокада города и последовавшая затем скорая расправа над повстанцами[6].

В 1708 г. Северный Кавказ снова становится ареной широкого антицаристского движения горцев, ногайцев и русских казаков, взявших штурмом

Терки. Причем его руководителем выступил один из предводителей восстания башкир – Мурат Кучюков, оказавшийся к тому времени в Чечне. Это выступление как по характеру, так и по своим целям явилось прямым отголоском башкирского национально-освободительного движения, а также булавинского «бунта». Вместе с тем события на Тереке в 1708 г. оказали большое воздействие на политические судьбы местных народов, попавших под пресс колонизаторской политики царизма. На восстание их толкали не только религиозные лозунги, но и произвольные и грубые действия местных царских властей на Тереке по отношению к горским соседям, искусственные ограничения на путях русско-северокавказской торговли и т.д.[7]

Народное движение в Башкирии в 1704–1711 гг. с самого начала приобрело широкий территориальный размах. Участие в нем принимали практически все сословия. В российском феодально-крепостническом государстве башкиры видели своего главного противника. Местные феодалы преследовали в данном восстании свои интересы, стремясь к образованию на территории Башкирии «особого мусульманского ханства, в вассальной зависимости от Крыма или Турции». Независимо от этих планов численно небольшой феодальной прослойки восстание имело ярко выраженный антикрепостнический характер. Разрастаясь, в 1707–1708 гг. оно охватило все Поволжье. Устанавливаются связи с Доном и с северокавказскими народами. Дореволюционная историография видела в событиях 1707–1708 гг., охвативших разом Башкирию, Поволжье, Дон и Северный Кавказ (Кубань, Терек), проявление некоего «магометанства» и составную часть всеобщего заговора русской «старины» против того нового, что несли реформы Петра. Стержневой фигурой «магометанского» протеста усматривали Мурата Кучюкова[8].

Сведения о народных движениях первого десятилетия XVIII в. в России и в соседних южных областях быстро становились достоянием международной дипломатии и, естественно, учитывались заинтересованными странами. В этом плане особый интерес представляют донесения хорошо информированного и наблюдательного посла Англии в России Ч. Витворта. В них содержится не только информация о фактическом ходе событий, но и даются оценки относительно взаимосвязанности движений русского казачества и крестьянства с антифеодальными и освободительными движениями горских народов. Так, 5 мая 1708 г. в сообщении о «мятеже башкирских татар» Ч. Витворт пишет: «Другие татары – черкасские – проживающие у Каспийского моря взялись за оружие и сожгли Терки…

В то же время мятежные казаки и беглые люди на Украине крепнут. Во главе их стал некто – Булавин…».

Спустя неделю в очередном донесении английский посол, отметив, что вести о поражении донских казаков подтвердились, сразу переходит к Се-

верному Кавказу: «Терский бунт тоже неожиданно присмирел: мятежников было тысяч восемь; они думали захватить Астрахань и соединиться с казаками». Действительно, к тому времени к Теркам из Астрахани были двинуты крупные силы; горско-русские повстанцы были отбиты от Терков, а раненый Мурат Кучюков попал в плен.

В 1707–1708 гг. равнинная Чечня действительно становится центром антицаристского восстания горцев Северного Кавказа, в котором участвовали и беглые русские казаки. Во главе повстанцев встал один из руководителей восстания на Каме и Урале – Мурат Кучюков (чингизид по происхождению), оказавшийся в Чечне во время возвращения из поездки в Стамбул.

В результате ожесточенных боев горские и ногайские участники движения во главе с Муратом, объявленным в Чечне «святым» захватили Терский город за исключением цитадели, которую взяли в осаду. В случае же успеха «(Мурат. – Я.А.) намерен был... идти [в Россию] и в Башкирцы». Крупные русские силы, переброшенные из Астрахани, разгромили повстанцев, а плененный в бою Мурат был вывезен в Казань и казнен[9].

После гибели К. Булавина и поражения восстания на Дону и Украине его ближайший и активнейший соратник атаман И. Некрасов хотел вначале уйти от расправы на Аграхань (на земли шамхала), но затем двинулся на Кубань во владения крымского хана. Вслед за ним потянулись и другие, так что общее число беглых казаков, осевших на Северном Кавказе, составило 8 тыс. человек[10].

В 1708 г. вследствие народных выступлений на Украине, Дону, Каме, Поволжье и Тереке, волнения наблюдались и в центральных областях страны. Тогда же, летом 1708 г., на Украину вторглись шведские войска под командованием короля Карла XII.

Меры, принятые Петром Первым по борьбе с булавинской «ребелией» и другими восстаниями, в т.ч. на Тереке против Чечни, были по существу карательными. В Башкирию, на Дон и Терек были отправлены военные команды, физически уничтожавшие население, проявлявшее малейшее неповиновение. Царь лично решал судьбу руководителей повстанцев. Так, Мурат Кучюков, попавший раненным в плен, был повешен за ребро на крюке в соответствии с приказом Петра Первого П.М. Апраксину («учини жестокую смертную казнь»)[11].

Борьбу с противниками российской экспансии на Северном Кавказе Петр Первый возвел в ранг государственной политики. 30 сентября 1708 г. на переговорах петровского военачальника П.М. Апраксина с калмыцким ханом Аюкой было заключено соглашение из восьми статей, включая «о преследовании чеченцев и ногайцев»[12].

В повстанческом движении русского крестьянства и казачества и в выступлениях коренного населения Северного Кавказа в конце XVII – начале

XVIII в. объективно проявлялись классовая солидарность и дружеские симпатии трудящихся масс разных народов. Во многом объективно совпадали также цели и задачи, которые они преследователи.

Рис. 27. Аюка-хан, правитель Калмыцкого ханства в конце XVII–первой четверти XVIII в. (совр. рис.)

В этот же период усиливается русско-турецкое соперничество, в том числе относительно Северного Кавказа. Русско-турецкий мирный договор 1700 г., заключенный после окончания успешной войны коалиции России и европейских государств против Оттоманской Порты, не только закрепил за петровской державой Азов с прилегающей областью, но и создал новые возможности для активного влияния на северокавказские события. Недовольная результатами войны Османская империя пыталась поднять против России горские народы. В 1704 г. некоторые чеченские и кумыкские феодалы намеревались заключить с вассалом султана крымским ханом союз с целью уничтожения царских укреплений на Тереке. Вместе с тем, другие князья Чечни – «брагунские беки» – вновь в 1706 г. признали «покровительство» России[13].

Правители Крыма в тот же период стремились укрепиться в землях «черкесов» на Северном Кавказе и завязать отношения с народами, находившимися вне сферы своего влияния, т.е. за Кабардой. Это были в первую очередь кумыки и чеченцы. Новый крымский хан Каплан-Гирей, посаженный Стамбулом на трон в 1707 г., решил направить войска на Северный Кавказ до самой Кабарды с целью полного подчинения горцев. Первые отряды хана, размещенные в Кабарде, были истреблены и Каплан-Гирей двинулся в поход с силами в 30–40 тыс. человек. Осенью 1708 г. в Канжальской битве хан был разбит: «от черкес побежден», бежал и был сменен другим ханом Девлет-Гиреем[14]. Таким образом, была отбита одна из попыток ханства к подчинению всего Северного Кавказа, ибо после покорения Кабарды хан двинулся бы на восток.

Оттоманская Порта хотя и радовалась народным восстаниям на юге России, но в то же время не поддержала ни казаков, ни башкир, ни горцев. Не

сразу было понято и значение Полтавской битвы 27 июня 1709 г. И только в конце 1710 г. правительство султана Ахмеда III объявляет войну русскому царю, в связи с чем призывает горских князей Северного Кавказа к войне с «неверными». Эти призывы, однако, не вызвали у горских народов стремления поддержать Турцию.

Вместе с тем, 9 июля 1711 г. армия Петра Первого, совершившая маршбросок из Украины до Молдавии, была полностью окружена на р. Прут превосходящими турецкими силами; под угрозой уничтожения царь был вынужден заключить 12 июля мир, который предусматривал возвращение султану Азова с округой, уничтожение ряда пограничных крепостей, возвращение Украины Польше, уплату контрибуции и т.д. В различных вариантах русско-турецких соглашений, последовавших за Прутским походом, затрагивался и вопрос о кавказских горцах, хотя они и не рассматривались как объект международного соглашения. Указывалось, что «казаки и калмыки, с одной стороны, а с другой – татары Крыма, ногайцы и черкесы, подчиняющиеся Порте, не должны (были) в дальнейшем друг друга беспокоить»[15].

В период очередного обострения своих отношений с Россией в 1712–1713 гг. Стамбул и Бахчисарай, как бы исправляя свой просчет, допущенный летом 1711 г., когда Петру Первому удалось привлечь кабардинцев и часть адыгов на свою сторону и совершить с их помощью поход в Закубанье, обращают серьезное внимание на северокавказские народы. Теперь посланцы крымского хана добрались до Чечни и Северного Дагестана «ко владельцу Андреевой деревни Салтан-Мамуту, другому – Алдигирею, тарковскому владельцу, чтоб оныя владельцы и других тамошних владельцев пригласили и были б единомышленно воли крымского хана...». В подкрепление этой программы князьям была дана от хана «немалая дача»[16].

Выполняя просьбу крымского хана, эндирейский владелец «Салтан-Мамут» подошел с кумыкско-чеченскими войсками к границам прорусски настроенной Кабарды, предлагая присоединиться к союзу с Крымом, чем «некоторых... поколебал». Петр Первый, не имея возможности под страхом столкновения с Портой открыто поддержать Кабарду, посылал к горским князьям крупные суммы денег и предпринимал дипломатические усилия, стремясь удержать дагестанских и чеченских владельцев от давления на Кабарду[17].

Политическая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе в результате русско-османского противоборства в 1711–1713 гг., нашла отражение в донесении советника Петра Первого А. Бековича-Черкасского, отправленном царю к маю 1714 г. Это послание было сочтено документом государственной важности и передано царем в Сенат для совета «дабы (изучить как) их (горские народы. – Я.А.), и каким образом лучше при нашей стороне удер-

жать». Автор письма отмечал растущую угрозу усиления на Северном Кавказе османско-крымского влияния. Цель дипломатических усилий султана и хана заключалась, по его мнению, в том, чтобы «всех тех (горских) народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привесть и подданным учинить». В случае войны с Россией это дало бы возможность Порте усилить свои силы за счет горцев, обладающих высокими воинскими качествами («когда война случиться, могут немалую силу показать понеже оной народ лучше в войне, кроме регулярного войска»). Привлечение горцев на сторону России А. Бекович-Черкасский считал отвечающим жизненным интересам российского государства, как экономическим, так и политическим[18].

Однако при ознакомлении с политической ситуацией на Северном Кавказе во втором десятилетии XVIII в. создается впечатление, что Порта и Россия вообще утеряли интерес к делам этого региона в целом, не говоря уже о Чечне. Но это было не так. И Петербург, и Стамбул по-прежнему держали руку на пульсе событий в регионе, однако вопросы, связанные с горскими народами, перестали быть для них первостепенными. Так, царское правительство продолжало оказывать серьезную поддержку пророссийски настроенной части аристократии Кабарды, с каковой целью их «обороняли» как от посягательств крымского хана, так и дагестано-чеченских соседей.

Неоправданное участие кабардинцев в масштабном «набеге» донских казаков во главе с атаманом Краснощековым на Чечню в 1718 г., приведшее к разорению здесь плоскостных аулов и захвату 800 пленных, резко дестабилизировало политическую ситуацию в крае. Чеченские и союзные им дагестанские силы открывают «явную войну» против Кабарды и царских укреплений на Тереке. Между тем, донские казаки покинули по царскому указу Кабарду и вернулись на Дон, оставив ее без помощи один на один с сильным противником[19].

Политическая ситуация на Северном Кавказе в 1720–1721 гг. стала складываться в пользу Крымского ханства. Осенью 1720 г. новый крымский хан Саадет-Гирей III с 40-тысячной армией, составленной из темиргойских, бесленеевских черкесов, кубанских татар и казаков-некрасовцев, вторгся в Кабарду и потребовал возмещения всех потерь, понесенных Каплан-Гиреем в 1708 г., а также живой дани в 4 тыс. рабов. Из своей ставки в Кабарде хан послал гонцов на восток, устанавливая дружеские связи с Чечней и Дагестаном, откуда двинулись отряды на поддержку прокрымской «партии» кабардинских князей. Сторонники русской ориентации в Кабарде были вынуждены укрыться в труднодоступном горном районе Кашкатау. Позже они нанесли поражение своим противникам, что однако не усилило здесь позиций России[20].

К 1721 г. усиление протурецких и прокрымских позиций на Северном Кавказе приняло настолько серьезный характер, что возникла опасность объединения горских феодалов под эгидой крымского хана, начиная от кумыкских и чеченских на востоке и кончая черкесскими на западе региона. Такое объединение создало бы серьезную угрозу южным границам России, но в то же время способствовало бы консолидации горских народов[21].

После ухода крымской армии астраханский губернатор А.П. Волынский отправился на Северный Кавказ с военно-дипломатической миссией. В том же 1721 г. А.П. Волынский вновь пригласил донских казаков и совместно с терскими казаками организовал рейды к рекам Аграхани и Аксай против кумыков и чеченцев. По сообщению самого А.П. Волынского, рейд не достиг поставленной цели, так как донские казаки поступили самовольно: вместо нападения на Эндирейское владение «оставя прямых неприятелей, ...разбили улус ногайского владельца султана Махмута, зело вашему величеству потребного, которого весьма озлобили; потом пошли в Кабарду по призыву Араслан-бека», где вмешались в борьбу противоборствующих партий, «привели их между собою в ссору, и в том их оставя, а себя богатя, возвратились на Дон»[22].

Рис. 28. Двор крымского хана (гравюра XIX в.)

Надо отметить, что, тем не менее, местные владельцы Северного Дагестана не исключали возможности налаживания добрососедских отношений с Россией. Так, в апреле 1720 г. кумыкские владельцы обращались с просьбой к Петру Первому о «защите», но, вместе с тем, в случае отказа в помощи, они угрожали «к туркам... поклонися». В следующем 1721 г. в феврале месяце совет союзных горских князей и узденей (кумыкских, чеченских и ногайских) обращался к русским властям с выражением желания служить «царскому величеству» и просьбой наделить жалованьем. Представитель Петра Первого

на Северном Кавказе А.П. Волынский вступает в переговоры с горскими князьями и ногайскими мурзами Северо-Восточного Кавказа[23].

Миссия А.П. Волынского на Северном Кавказе, в деятельности которого сочетались и политические, и военные методы давления, внесла немалый вклад в создание здесь такой обстановки, которая максимально благоприятствовала бы планам Петра I в отношении Прикаспия и Ирана.

Рис. 29. Петр Первый (литография 1721–1725 гг.)

22 октября 1721 г. с провозглашением Российским Сенатом Петра Первого императором Россия стала империей. Тем самым отмечалась и победа России в Северной войне. Швеция была разгромлена, а держава Петра получила выход к Балтийскому морю. Преобразования Петра Первого в ходе первых десятилетий XVIII в. привели к тому, что международные отношения на всем европейском континенте сделались подлинно общеевропейскими, соответствующими географическими рамкам от Атлантики до Урала. Но выход России к Балтике диктовал необходимость выхода к Черному и Каспийскому морям в целях выстраивания торговых путей Европа-Восток, Север-Юг.

В мае 1722 г. Петр Первый, приняв окончательное решение о походе на Иран, находившийся в состоянии не просто упадка, а разрушения, выехал из Москвы и 15 июня прибыл в Астрахань. Именно здесь сосредотачивались основные сухопутные силы, предназначенные для участия в походе. Известно, что тайные приготовления к нему начали делаться на юге по приказу Петра Первого еще с 1720 г. Второй важной частью плана императора, помимо овладения контролем над Каспием, был захват всей восточной части Кавказа ранее находившегося под влиянием иранской короны.

18 июля 1722 г. Петр Первый отплывает из Астрахани во главе огромного флота, на корабли которого было погружено 22 тыс. солдат. Конница заблаговременно отправилась к Тереку сухим путем, через степи. Оперативный план предусматривал, что один из конных корпусов овладеет непокорным Эндиреем и выйдет к бухте Аграхань, где оборудует пристани для приема десанта.

Накануне Персидского похода император обнародовал манифест на персидском, турецком и татарском языках, объявлявший о начале и целях похода. Соответствующие тексты были отправлены к дружественному дагестанскому правителю шамхалу Тарковскому для последующей рассылки в Дербент, Баку и Шемаху.

Между тем, нельзя забывать, что основной целью похода Петра Первого «в Персию» являлось присоединение к России части северокавказских и закавказских земель. По существу это было повторением усилий, предпринятых Россией посылкой на Кавказ экспедиции воеводы Бутурлина в 1604–1605 гг. Но на этот раз к решению прикаспийско-кавказских вопросов была обращена вся государственная мощь Российской державы. Так, общая численность сил, сконцентрированных Петром I в Персидском походе – регулярная пехота и кавалерия, артиллерия, саперные части, донские казаки, калмыки и татары – достигла 80–100 тыс. чел.[24] Такую армию Россия не выставляла на поле боя даже против шведов. В течение короткого периода «Персидского похода» русская армия захватила прибрежные районы Дагестана, Азербайджана и частично Ирана.

В том же году, осенью, и турецкий корпус в 15 тыс. чел. вторгся в Восточную Грузию, считавшуюся в составе империи Сефевидов. Османы также поставили себе целью овладеть наследством Иранского государства, атакуемого с севера Россией, а с востока афганскими племенами. По ультимативному требованию султана Петр Первый был вынужден остановить продвижение своей армии, хотя вначале намеревался подчинить себе весь Северный Иран, Восточную Грузию и Армению. Причем от Петра Первого требовали даже отступления из земель «дагистанов и кумыков», так как «кумыки, так и прочие татарские народы под протекциею Порты…»[25].

Источники почти ничего не говорят о политическом положении Чечни в этот период. Известно только, что в районе аула Эндирей – столицы Эндирейского княжества-государства, объединенные силы кумыков и чеченцев вступили в сражение с петровскими войсками и нанесли им большой урон. Однако, потерпев вскоре поражение, эндирейские князья дали царю присягу, «включив в оное в первый раз и своих чеченцев»[26].

Осенью 1722 г. Петр Первый заложил на Сулаке крепость Святой Крест. В свою очередь, Терский город был срыт, а все его население, включая Окоцкую слободу, населенную выходцами из Чечни (потомки окочан, шибутов и мичкизов), было переведено в новую крепость. Далее царь побывал на территории современной Чечни, где инспектировал станицы гребенских казаков и осмотрел Брагунские теплые воды. К тому времени все казачьи станицы располагались на левом берегу Терека и подчинялись ведению Военной коллегии России[27].

По существу со времени Петра Первого начинается колониальная политика России в отношении Кавказа и Чечни. Он и его правительство планировали захват и непосредственную эксплуатацию местных природных

богатств, вытеснение мусульман и заселение горских земель колонистами. Самодержавно-захватническая политика предыдущих русских царей заключалась, как правило, в присоединении новых подданных с их землями, в увеличении податного населения независимо от веры и национальности. Петр Первый как реформатор России ставил более радикальные, «буржуазные» задачи, носившие ярко выраженный колониальный характер.

В январе 1724 г. резиденту Неплюеву в Стамбуле в ультимативной форме предложили принять турецкие условия относительно Ирана. Отказ прусского посла вызвал формальное объявление войны, вскоре, однако, отложенной. В сложившихся условиях правительству Петра Первого стало ясно, что Россия в этом регионе не может вступить в серьезный вооруженный конфликт с Турцией без предварительного разрешения проблемы Азова и Крыма. Иллюзии относительно того, что Кавказ может стать удобным театром военных действий в случае военного противоборства с Оттоманской державой, быстро развеялись.

Основательные дипломатические переговоры в Стамбуле привели, в конце концов, к заключению русско-турецкого мирного договора от 12 июня 1724 г. (Стамбульский мир)[28]. Россия пошла на этот мир с целью недопущения выхода турок на Каспийское море и закрепления своих новых границ на Кавказе. Тем самым ликвидировалась угроза войны с Портой, выиграть которую в тех условиях было весьма проблематично.

Согласно статьям Стамбульского договора, впервые за всю историю международных отношений Россия стала равноправным участником кавказских дел. Стамбульский договор был первым международным соглашением Русского государства относительно кавказских земель. Если в XVI–XVII вв. Кавказ, в том числе и Северный, являлся объектом международных соглашений исключительно Сефевидского Ирана и Османской империи, то начиная с 1724 г. непременным участником подобных соглашений становится и Российская империя[29].

Прикаспийские (точнее прибрежные) районы Северного Кавказа и частично Ирана в первой четверти XVIII в. оказались включенными в состав государственных границ России. Надо отметить, однако, что вопрос о собственно «Дагестане» (под которым стороны понимали земли от Каспия до границ Кабарды, следовательно и Чечню) в соглашениях стран-победительниц остался незафиксированным. Обе стороны обошли его молчанием. Речь шла только об узкой приморской полосе собственно Дагестана.

Как бы то ни было, когда в 1735 г. Россия возвращала Ирану, возрожденном полководцем Надиром, занятые ранее земли, то было заявлено следующее: «которые же прежде всего, надлежали к иранскому государству: Дагестан, шамхал, усми и прочие народы, оные да пребудут со всеми принадлежащими

к ним местами по-прежнему в стороне иранского государства». На протест Порты по этому вопросу Россия ответила, что народы Северо-Восточного Кавказа «как древние российские подданные, никакой другой державе» уступлены не будут, кроме как Ирану. Таким образом, можно полагать, что, хотя вопрос о «Дагестане» по существу остался вне текста русско-турецкого договора 1724 г., Россия, тем не менее, считала себя вправе распоряжаться им, в частности, «уступив» его Ирану в 1735 г.[30]

Османское правительство, несмотря на раздел сфер влияния на Кавказе, не прекращало попыток утвердиться на Тереке, в частности в Чечне и у северного входа в Дарьяльское ущелье. Оно продолжало считать горцев Северо-Восточного и Центрального Кавказа подвластными султану, утверждая на дипломатических переговорах с Россией, что «яко де наши подданные... на пред сего бывали под протекциею Порты». Турки намеревались построить крепости «близ Кабарды и Чечни», а также в Дарьяльском ущелье. В свою очередь беглый грузинский царь Вахтанг VI предлагал русскому правительству проект создания укрепления «близ чеченцев у Теплых вод». Не желая открыто конфликтовать с Турцией, Россия обратила внимание на «народы в том ущелье (Дарьял. – Я.А.) живущих», т.е. на нахов-ингушей и осетин, с целью использования их для противодействия планам османов[31].

Возрастание роли и значения русского государства на Северном Кавказе в 20–30-х гг. XVIII в. вызывало изменения в политическом положении Чечни. Но в связи с тем, что на ее территории было множество независимых обществ

Рис. 30. Карта Каспийского побережья и Кавказа, составленная И.Г. Гербером в 1728 г. (на основе европейской карты 1727 г.) с обозначением чеченцев (фрагмент)

и несколько феодальных владений, выступавших суверенами во внешнеполитических действиях, то их политика не характеризовалась единой линией. Так, в 1726 г. «от трех чеченских князей, имеющих во владении своем около 5000 подданных, приехали (в крепость Святого Креста. – Я.А.) два узденя с тем, что они хотят быть в подданстве Ее Величества» (императрицы Екатерины I). С другой стороны, те же чеченцы, как и другие горские народы, совершали нападения на царские укрепления, держали крепость Святого Креста «в великом утеснении»[32].

В 1732 г. плоскостная Чечня вновь превращается в центр крупного повстанческого движения. Здесь, в Чечен-Ауле, собралось около 10 тыс. горцев из различных районов Чечни и Дагестана. Народное ополчение намеревалось, по данным русской разведки, выступить против соседних народов для утверждения ислама и на Терек и Сулак для разгрома царских укреплений. Генерал Дуглас, выступивший было в поход, получил известие, что горцы разошлись. Поэтому он остановил движение больших сил и направил к Чечен-Аулу отряд драгун полковника Коха, всего в 300 солдат и 200 казаков, который был окружен в густых лесах, разбит и уничтожен. При этом погиб и старший чеченский князь Казбулат, находившийся с Кохом[33].

В начале 30-х гг. XVIII в. с восстановлением мощи Иранской державы началась новая ирано-турецкая война, сказавшаяся и на политическом положении Чечни. Так, из Крыма через Северный Кавказ летом в 1733 г. для военных действий в Иране двинулся 25-тысячный конный корпус «царевича» Фети-Гирей Султана. Летом он прибыл в Чеченское феодальное владение, где к нему согласно договоренности со своим ополчением присоединился старший чеченский князь Айдемир. Правительство императрицы Анны Ивановны (1730–1740 гг.), с одной стороны, дипломатическим путем решительно протестовало против прохода крымцев по Северному Кавказу, а с другой – двинуло навстречу крымцам войска из крепости Святого Креста. При русском командующем – генерале Гессен-Гомбургском – находились чеченские князья Алибек и Алисултан Казбулатовы (сыновья убитого Казбулата) со своими узденями, которые, видимо, придерживались российской ориентации.

Крымская армия встретилась с русской на р. Белая в Чечне (район Гудермеса). При помощи протурецки настроенного чеченского князя Айдемира крымцы разбили русскую армию во главе с генералом Гессен-Гомбургским (немецкий принц на русской службе), который закрылся в крепости Святого Креста. Причем сам командующий спасся от плена только благодаря «доброте своей лошади»[34].

В тот же период складывается возможность налаживания дружеских контактов между Россией и горными обществами западных нахов: «кисты», «глегаи», «разубзюки» (дурдзуки/дзурдзуки) через дипломатические усилия беглого грузинского царя Вахтанга VI готовы были к установлению связей с Россией. Однако, в связи с обострением международной обстановки, императорский двор не решился принять указанные территории под свою «протекцию»[35].

В начале 30-х гг. XVIII в. царизм был вынужден вывести войска из Прикаспия, а затем по условиям русско-иранского договора (Гянджинский трактат от 1735 г.) перенести границу с Сулака на левый берег Терека. Эти решения объяснялись угрозой войны с Оттоманской Портой и требованиями Ирана, где к тому времени укрепилась центральная власть в лице Надир-шаха. На Тереке в 1735 г. быстрыми темпами была построена новая крепость Кизляр, ставшая своеобразным политическим и экономическим центром Притеречья.

Воспользовавшись отходом русских войск за Терек, Оттоманская Порта объявила себя «покровительницей Дагестана» (под которым турки понимали и Чечню) и направила через Северный Кавказ для войны в Иране новую огромную армию[36].

Рис. 31. Хан Каплан-Гирей, вторгнувшийся в Чечню в 1735 г. (рис. XVIII в.)

К середине лета 1735 г. 80-тысячное крымское войско под командованием хана Каплан-Гирея, вступившего во вторичное правление, пройдя черкесские и кабардинские земли, показалось на берегах Сунжи. Крымский хан попытался на этот раз поработить не только адыгские, но и все горские народы региона. Требования Каплан-Гирея дани и покорности вызвали всеобщее возмущение со стороны чеченцев. Князь Айдемир, находившийся в союзе с ханством и тесно сотрудничавший в 1733 г. с крымским Фети-Гирей Султаном (вместе с которым он выиграл сражение против русской армии на р. Белая), присягнул теперь на верность России. Как пишет П.Г. Бутков, «по многим от хана письмам и подзывам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны людей из войск ханских и другие вредительства показал»[37].

Каплан-Гирей решил вторгнуться на Чеченскую равнину для захвата чеченских аулов через пологое ущелье Хан-Кала на Сунженском хребте, но военные силы, стянутые со всей Чечни, встали в ущелье и истребили до последнего человека отряды, направленные на прорыв. В кровопролитном сражении было убито до 10 тыс. захватчиков. Крымский хан был вынужден отказаться

от дальнейших попыток покорения Чечни и, оставив ее в стороне, продолжил путь в Прикаспий.

Об этих событиях повествует народная историческая песня, записанная анонимным офицером (инициалы «К.К.») где-то в середине XIX в. в беседах с чеченскими стариками. Благодаря этому на русском языке сохранился подстрочник замечательной песни-сказания со слов чеченца Давлетгирея Зармаева[38].

Прохождение крымских войск через Северный Кавказ, вопреки протестам Петербурга, послужило поводом к вступлению России в 1736 г. в войну с султанской Турцией. Война Россией была успешно выиграна, и в 1739 г. был заключен Белградский мир, усиливший позиции царизма на Северном Кавказе и имевший большие политические последствия для его народов. В частности, Кабарда, соседствовавшая с Чечней, была объявлена «вольной» и должна была служить своеобразным барьером между зонами влияния османской империи и России на Северном Кавказе[39].

После нашествия крымского хана усиливается прорусская политическая ориентация плоскостной части Чечни. Так, старший чеченский князь Айдемир принял «подданство» России (что по тому времени являлось признанием мирных отношений присягателя с Россией) и в залог верности своих обязательств дал в аманаты сына Бардыхана, а другой влиятельный чеченский князь Алисултан Казбулатов отдал аманатом брата своего Бамата. Князья и их уздени стали даже получать денежное довольствие от российского правительства[40]. Из этого следует, что середина 30-х гг. XVIII в. в истории русско-чеченских отношений стала переломной.

Большое значение имел и факт активизации русско-горских торговых связей благодаря сооружению Кизляра. Он находился на пересечении торговых путей, связывавших Восток и Прикаспий с Юго-Восточной Европой и Россией. Через него товары из России шли к северокавказским народам, в Закавказье, Персию, Афганистан и через Каспийское море в Среднюю Азию. В русской крепости появились десятки лавок, рынки, гостиные дома – русский, армянский, татарский. Кстати, под гостиным домом подразумевалась купеческая корпорация[41].

В Кизляре проживали выходцы из Закавказья, Персии, Индии, представители горских народов, в том числе чеченцы-окочане, которые вошли даже в состав Терского Кизлярского войска, созданного в 1735 г. «для всяких посылок по делам военным и дипломатическим в разные места, к горским владельцам: в Тарку, Крым, на Кубань и к калмыцким владельцам»[42].

Кизляр быстро превратился в экономический центр Северного Кавказа, привлекая на свои рынки горцев, которые торговали здесь не только с русскими и восточными купцами, но и между собой. Русское командование обеспечило торгующим полную безопасность проведения их торговых операций, что нельзя было сказать о собственно горских торговых центрах, на путях к которым купеческие караваны подвергались разбойничьим нападениям феодалов. Однако высокие пошлины, взимаемые на пограничных таможнях, тормозили поступательное развитие русско-кавказской торговли вообще и русско-чеченской торговли в частности.

Как уже отмечалось, хозяйственные занятия жителей Чечни приносили небольшие товарные излишки пшеницы, фруктов, продукции скотоводства, ремесленных изделий и т.д. Эти товары и вывозили жители Чечни на русские рынки. В обмен горцы приобретали холст, различные ткани, посуду и др. Для полного контроля над торговлей с горцами власти в Кизляре стремились ликвидировать непосредственный товарообмен между горцами и казаками, который велся без платежа пошлин. С одной стороны, закупки казаков в Кизляре в 1740 г. были ограничены «нормой про домашний обиход», а с другой – от казаков требовали, чтобы чеченцы «по городкам не заезжали» и направлялись «прямо в Кизляр». Между тем для горцев эта торговля была жизненно важной, «так что случалось казачьему начальству вооруженной рукой отбиваться от торгующих горцев, ехать с казаками по ту сторону реки и всех отбить прочь». Но простые казаки продолжали тайно продавать горцам «муку, рыбу без пошлин и билетов»[43].

Кизлярская администрация по-своему поощряла торговлю между Россией и горцами Чечни. Например, чеченскому купцу Цуканаю Кичиеву выдавались «для приласкания» небольшие денежные вознаграждения. Известно также, что князь Айдемир, получавший часть своего жалованья натурой, имел разрешение продавать муку и овес «кизлярским обывателям»[44]. Но нельзя не отметить, что русско-горская торговля XVIII в. носила выраженный колониальный характер, торговля с горцами русским властям представлялась одним из средств их политического подчинения.

В начале 40-х гг. XVIII в. вновь обострилась политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе в связи с агрессией персидского шаха Надира. Его войска в 1735–1739 гг. неоднократно вторгались в Дагестан. А к лету 1741 г., покорив Афганистан и Индию, одержав победу в войне с Турцией, шах Надир с 100-тысячной армией вновь вторгся в страну гор. Народы Дагестана обратились за помощью к России. Петербургский двор, ввиду тревожной международной обстановки, не мог оказать им помощи, но серьезно обеспокоенный действиями Персии стал укреплять южные границы. «Подвластным» ей северокавказским народам запрещено было продавать персам продовольствие и лошадей.

При вступлении в Дагестан шах Надир обратился с прокламациями и заявлениями к ряду горских народов, требуя поддержки: «К чеченцам и ку-

мыкам также посланы были прокламации». Но чеченский князь Айдемир, приехав в Кизляр, «против шаха по возможности своей стоять, обязался» и оказал помощь «к приведению других горских владельцев Усмея Больших аварцев, и андиевцев в российское подданство…»[45].

Правда, во время пребывания Надира в Дагестане другие чеченские князья Алибек и Алисултан посылали своих послов в ставку шаха с «представлением его стороне подданства» и даже обещали провести иранцев к Тереку, через «удобные места». Хорошо осведомленное о поведении кавказских владельцев русское правительство для усиления их «преданности» предприняло срочные меры: к чеченским, кумыкским и кабардинским князьям были посланы новые присяги «в утверждении их верности», выделено единовременное пособие, некоторым определено постоянное жалованье[46].

В конечном счете, Надир так и не смог покорить народы Дагестана. Более того, персидские войска в 1743 г. были вынуждены покинуть Дагестан. Следующий поход (1745 г.) оказался еще более неудачным. Горцы Дагестана нанесли шаху явное поражение в открытом сражении. Потеряв половину армии, Надир бежал из Дагестана и вскоре был убит собственными придворными. Не осуществились мечты «потрясателя Вселенной» о покорении Северного Кавказа, Крыма и России[47].

Желание иметь добрососедские, мирные отношения с Россией побудили чеченских князей от имени своих владений выдать в Кизляр заложников-аманатов, служивших залогом верности «присяге подданства» России. Выписка из ведомости горских аманатов от 26 июня 1743 г.[48] дает следующие сведения:

№	Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Мнение бригадира Оболенского	В каких в год окладах состоят	
				руб.	коп.
1	2	3	4	5	6
	Чеченские				
14.	Князя Али Султана Казбулатова брат Бамат	Отца не имеет, а отец у него был Казбулат Баматов, мать у него имеетца именем Ханза, дочь бывшего чеченского князя Бартыхана, оной князь живет в Чеченской деревне. Имеет он, Бамат, братьев двух родных: Албека и Али Султана, из которых у Албека имеется сын Каспулат	Оного аманатчика надлежит из аманатчиков отпустить, а вместо него взять от брата его, показанного Албека, сына однолетнего	144	

		одного году. После отца его, Бамата владения осталась половина всего Чеченского владения, коим ныне владеет помянутый брат его Албек			
15.	Князя Айдемира Бардыханова сын Бардыхан	Отец у него Айдемир Бардыханов владения Чеченского, мать именем Кайстаман, дочь бывшего князя Пари Бамата; дети у них, а ему, Бардыхану, родные братья – Расланбек шестнадцати, Бамат десяти лет. Во владении у него, Айдемира, другая половина Чеченского владения.	Оному в аманатах быть надлежит	158	

К концу первой половины XVIII в. число нахских и собственно чеченских районов, связанных с Россией политическими и торгово-экономическими отношениями, расширяется. Об этом свидетельствует распоряжение императорского двора от 1747 г. пограничным властям на Тереке о приеме в подданство ингушей (наряду с осетинами)[49], а также признание русского «подданства» крупным чеченским плоскостным обществом Герменчик (в документах – «Гребенчук»). Вот что говорится об этом в документах: в 1747 г. герменчиковцы просили в Кизляре «…о переселении их на чистые места и об определении… во владельцы генерал-майора князя Эльмурзы Черкасского, сына кизлярского ротмистра Давлет-Гирея Черкасского…

И потом по указу к реченному астраханскому губернатору Брылину 1748 года, апреля от 15 дня, между протчим писано, чеченцам и гребенчуковцам к выходу из нынешних их мест к переселению на оные места позволение дать, а ротмистра Черкасского во владельцы к гребенчуковцам в таком случае допустить и определить, ежели они сами его подлинно желают, а инако не наваливать онаго, но дать им на воле кого они сами изберут – его ли, Черкасского, или другого из тамошних владельческих детей или родственников, токмо того смотреть, чтоб оной к здешней стороне усердный и надежным был…». Еще до объявления этого указа часть герменчиковских старшин прибыла в Кизляр и 27 июля 1747 г. присягнула «в верности е.и.в.», а к тем, кто не приехал, были посланы офицеры «для учинения присяги»[50].

Как видно из документов, в 1747–1748 гг. общество Герменчик признает «подданство» России. Правителем над ним был определен офицер русской

службы, кабардинец по происхождению князь Девлет-Гирей Черкасский. Это была старая традиция в Чечне – приглашать иноземных феодалов на княжение. В данном случае документы позволяют детально охарактеризовать своеобразный общественный институт приглашения князей. С переездом в Герменчик Девлет-Гирей Черкасский был «выключен из числа ротмистров», но с сохранением 40-рублевого оклада, к которому прибавили еще «муки 25 четвертей и овса». А в 1750 г. дотация Девлет-Гирея была повышена до 120 рублей в год «для поощрения оного к верной службе». Но и это его не удовлетворило, он неоднократно просил о повышении жалованья, объясняя это тем, что приходится раздавать много подарков узденям и старшинам; брать «ясак» в начале своей деятельности Девлет-Гирей опасался[51]. Но выбор герменчиковцев в пользу Девлет-Гирея был не случаен. Дело в том, что аталыками (приемные родители, воспитатели) всех служилых кабардинских князей в русских крепостях на Тереке (как Терской, так и в Кизляре) выступали богатые «окочанские» (чеченские) семьи. Девлет-Гирей был постоянно сопровождаем своими узденями из чеченцев-окочан.

Очень важно отметить, что Россия не только удовлетворила просьбу Девлет-Гирея, но и с октября 1748 г. разрешила пропуск «быков, коров, рыбы… полотняного товару» из Кизляра в Герменчик. Кроме того, был допущен свободный проезд «его людей с… печатьми (т.е. разрешением, подписанным Девлет-Гиреем. – Я.А.) в гребенские городки». Это способствовало ориентации на Россию и других, не только соседних Герменчуку, но и отдаленных горных обществ. Видя какими привилегиями пользуются герменчиковцы, в том же году «жители деревни Чебутли» (Чеберлой, Шатой?) согласились быть в российском «подданстве», в «ведомстве» князя Девлет-Гирея… «дабы им с купечеством в город Кизляр, в казацкие гребенские городки тако в Андреевскую, Аксайскую и протчие деревни ездить под защищением было свободно»[52].

Российская администрация на Тереке согласилась с этим предложением с условием непременного переселения «чебутлинцев» с гор в низовья Сунжи. Полное согласие с условием царских чинов выразил плоскостной аул Шали и вошел «в зависимость… Девлет-Гирея». В том же 1748 г. Черкасскому удалось склонить в «подданство» России «алдинский народ» (чеченское общество, располагавшееся в районе одного из притоков Сунжи). Кизлярский комендант откликнулся на это событие следующим письмом: «Из присланных от Вас писем усмотрено, что алдинский народ по склонному Вашему призыванию в подданство Ея (И.В.) быть желает, что оное Вами учинено весьма изрядно, за что Вам с моей стороны всякое благодеяние чинить долженствую. И впредь таковые к подданству Ея (И.В.) приходить будут, оным не только взывать, но всячески их приласкивать»[53]. Ситуация здесь не вполне понятная,

т.к. аул Алды находился под управлением одного из чеченских князей фамилии Турловых.

В 1747–1748 гг. на основании решения Коллегии иностранных дел России годовые жалованья получили четверо чеченских князей. Сыну Айдемира (скончался в 1748 г.) Расланбеку Айдемирову было назначено 150 рублей, Алибек и Алисултан Казбулатовы получили по 25 рублей на каждого и 100 рублей на 20 узденей. Турлову выплачивалось 50 рублей на себя и 50 рублей на 10 узденей[54]. Подобное распределение отвечало реальной значимости этих князей в общественно-политической жизни Чечни и размерам их владений.

Следует отметить, что Коллегия иностранных дел России особо подчеркивала необходимость наделения жалованьем чеченских узденей, составлявших «владельческую» силу князей, и оговаривала это в своих указах. Тем самым расширялся круг представителей аристократического сословия, связанных с Россией не только политическими, но и материальными интересами.

Связи чеченских феодалов с царскими пограничными властями были широкими и разнообразными. Между ними велись регулярная переписка, взаимный обмен сведениями политического характера, постоянно курсировали служащие Терского кизлярского войска.

Расланбек Айдемиров имел в Кизляре даже своих поверенных из местных купцов, представлявших его интересы и занимавшихся его денежными делами. Благосклонное отношение царской администрации к чеченским феодалам выражалось и в выдаче их беглых холопов по первому требованию[55].

Исследование вопросов сближения Чечни с Россией, процессов развития у чеченцев русской внешнеполитической ориентации в первой половине XVIII в. позволяет сделать некоторые выводы.

В своем наступлении на Кавказ царская Россия, как и шахская Персия и султанская Турция, преследовала своекорыстные цели, не включавшие в себя интересы горских народов. Стремясь укрепиться в бассейнах Черного и Каспийского морей, Россия намеревалась овладеть торговыми путями между Азией и Европой, с одновременным занятием плодородных земель на Северном Кавказе, и установить свое политическое влияние над всеми кавказскими народами.

Поход русской армии на Кавказ в 1723–1723 гг., занятие прикаспийских районов Дагестана и Азербайджана, появление на Северном Кавказе новых русских поселений привели к расширению торговли России с народами Кавказа, усилили торговые и политические связи горских народов с Россией и русским народом.

В 30–40-е гг. XVIII в. происходит заметный поворот целого ряда районов Чечни от взаимосвязей с Крымским ханством и Оттоманской Портой в поль-

зу выбора русской внешнеполитической ориентации. Хотя и формально, но в «русском подданстве» оказываются влиятельные феодалы, которым назначается царское жалованье; в залог верности присяге русским властям выдаются аманаты. Процесс оформления отношений с Россией на официальном уровне охватывает основные районы Чечни.

В результате развития политических и торговых связей Чечни с Россией в первой половине XVIII в. влияние последней здесь весьма возросло. Однако это не означало потерю чеченцами своей самостоятельности или отказ от взаимоотношений с восточными державами. Речь идет о приоритете одних связей перед другими.

§2. Чечня и кавказские народы в политике России и Османской империи во второй половине XVIII в. Укрепление российской внешнеполитической ориентации

Во второй половине XVIII в. внешнеполитическое положение Чечни характеризовалось возрастанием ее роли на Северо-Восточном Кавказе и дальнейшим укреплением политических и в особенности торгово-экономических связей с Россией.

Уже в середине XVIII в. относительно резко возросли ассортимент и объем товаров, ввозимых русскими торговцами на Северный Кавказ, и вывоз горцами своих товаров на русские пограничные рынки. Но сведения русских таможенных служб в том же Кизляре не отражают истинных масштабов русско-горской торговли. Дело в том, что российские купцы, как и их коллеги из восточных стран, заключали немало сделок непосредственно в горских аулах. Кизлярская пограничная таможня 1756 г., протестуя против такой практики, доносила в Петербург: «…ездят из Кизляра с разными товарами, торгующие всякого звания люди и производят в продажу во оных деревнях как реченных деревень азиатцам (авторы документа в настоящем случае имеют в виду чеченцев, кумыков, брагунцев. – Авт.), так и приезжающим во оные же деревни с товарами же из персидских городов, из Грузии и с Крыма и с прочих мест разным же иноверцам». Как говорится в документе 1753 г., чеченцы из высокогорных районов, в данном случае «чебутлинцы», приезжают «для торга в Чеченскую деревню», находящуюся на плоскости. Можно полагать, что Чечен-Аул был одним из центров, в котором осуществлялась торговля кизлярских и восточных купцов с населением Чечни.

Материалы астраханской таможни за 1739–1749 гг. подтверждают мысль о преобладании товаров, вывезенных непосредственно из горских аулов, над количеством товаров, продаваемых горцами непосредственно в Кизляре. Если общая сумма привезенных товаров в Кизляр в 1751 г. составляла всего

208 р. 10 коп., то еще в 1740 г. только четырнадцать индийских купцов, участвовавших в торговле Кизляра с Астраханью, привезли в Астрахань товар на сумму 3196 р., из этой суммы 80% приходились на местные, северокавказские товары. В 1749 г. индийские купцы вывезли из Кизляра в Астрахань местных товаров на 2072 р.[56]

В 1757 г. Коллегия иностранных дел Российской империи для увеличения русско-северокавказской торговли предложила построить в Кизляре меновый двор и отменить пошлины «с съестных припасов, кроме виноградного вина», при условии, что пошлины вместо горцев будут платить обитатели Кизляра. Комендант Кизляра генерал Карл фон Фрауендорф отрицательно отнесся к этой идее, мотивируя свое возражение уменьшением масштабов торговли «противу прежних годов». Причиной уменьшения торговли в Кизляре он считал развитие торговли между самими чеченцами, кумыками, кабардинцами и другими горцами и то, что «здешние купцы (товары. – Я.А.) туда в годы отвозят и там в розницу продают и на всячину меняют, в таком случае горцы неездя в Кизляр там у оных, что кому надобно берут»[57].

Сам по себе этот факт примечателен. Он свидетельствует об устойчивости политических и торгово-экономических связей, иначе поездки кизлярских купцов за Терек были бы невозможны. Важно отметить и то, что чеченские князья не раз брали денежные займы у кизлярских ростовщиков и давали им деньги в рост[58], что также является показателем прочных связей между ними.

В середине XVIII в. заметно активизировались связи с Россией не только у чеченцев, но по их примеру и у нахов-ингушей. Последние ощущали острую необходимость в «соли, железе, холсте, кумаче, обуви, одежде, иглах, ножницах, ножиках, кремне…». Нуждались ингуши и в политическом покровительстве. В июле 1756 г. игумен Григорий из Осетинской духовной комиссии получил приглашение от низкогорных ингушей (Ангушт) для проповеди христиантсва, и по прибытии его «собрались все старшины и протчи народ и учинили… (Е.И.В.) подданству… присягу и просили, чтоб под протекцию (Е.И.В.) приняты были, исчисляемы как состоящие в российском подданстве чеченцы… (с которыми. – Авт.) имеет смежность и единый разговор». В начале 1758 г. в Кизляр приехали 9 ингушских старшин, которые присягнули в «подданство» России и обещали оказывать коменданту Фрауендорфу помощь в действиях русских войск на Северном Кавказе[59].

Во второй половине 50-х гг. XVIII в. русско-чеченские отношения складывались, на первый взгляд, благоприятно. Однако ряд чеченских князей серьезно усугубляли свое положение участием в феодальных междоусобицах. Так, Девлет-Гирей Черкасский враждовал с князем Расланбеком Айдемировым и брагунской княгиней Кичибике. Противоречия между ними зачастую выливались в вооруженные столкновения.

Вследствие этих и других причин в Чечне начались антифеодальные выступления, которые чеченскими князьями квалифицировались как антирусские. Подобная трактовка событий позволяла им требовать поддержки военной силой у царских властей.

Надо отметить, что обострение противоречий в Чечне совпало с общим обострением политической обстановки на Северном Кавказе. В Кабарде шла борьба между кашкатавской и баксанской феодальными группами, вмешательство России и Турции в борьбу этих групп повлекло за собой ухудшение отношений между ними. Хан Аварии, невзирая на возражения русского правительства, с 25-тысячным войском вторгся в Грузию. В 1755–1758 гг. разгорелись новые противоречия между владельцами Малой и Большой Кабарды по поводу выбора внешнеполитической ориентации страны между Россией и Турцией[60].

Значительно накалилась политическая обстановка и в самой Чечне, в связи с делом Девлет-Гирея Черкасского (сына генерала русской службы Эльмурзы Черкасского), княжившего одно время в обществе Герменчик. В 1751 г. Девлет-Гирей стал владельцем пашни на Терском хребте (в районе Теплых вод), где ему «для караулу дозволено было… с некоторою частью подвластными кош иметь…». В 1754 г. он переселился туда насовсем, оставив Герменчик, жители которого «явились ему ослушны», а в 1755 г. на его поселение «горская… партия учинила нападение». В результате погибла жена Девлет-Гирея и было увезено имущества на 4000 рублей[61].

Царские власти выступили в защиту Девлет-Гирея, требуя возмещения убытков; это вызвало серьезное недовольство горцев Чечни, возмущенных вмешательством в их, как они считали, внутренние дела. Вскоре в Кабарде был задержан и передан в Кизляр знатный чеченец Шабай, чтобы принудить его соплеменников к повиновению. При нем были обнаружены «писанные от него, Шабая, к горскому народу возмутительные к воровству письма». Это сообщение показывает, что в Чечне шло нарастание протестного движения, которое приобретало организованный характер.

Формально чеченец Шабай, как и его известный брат Бекей, считался узденем-вассалом князя Расланбека Айдемирова, однако оказалось, что «он его не слушает по такой причине, понеже имеет великое родство… он владельца по великому родству не слушает»[62].

Арест Шабая не принес успокоения. Наоборот, эта акция царизма вызвала возмущение в Чечне. Его брат Бекей открыто угрожал полным разрывом отношений с русскими властями. Он писал в Кизляр генералу Эльмурзе Черкасскому: «…ежели Чабай (Шабай. – Авт.)… умрет, но небезызвестно и Вам, что Чеченское жилище… государыне подвластно не будет»[63].

Крупные отряды горцев стали появляться на русских границах, особенную их неприязнь вызывал Червленский редут, построенный на правом берегу Терека. Дело в том, что Червленский редут был сооружен в целях контроля над передвижением горцев у переправ через Терек и Сунжу в месте, где пересекались торговые пути. Вследствие серьезной угрозы разрыва отношений с чеченскими обществами Коллегия иностранных дел России предложила кизлярскому коменданту Фрауендорфу снести Червленский редут, который «заведен там напрасно и ничему иному не служит, как к побуждению тамошних варварских народов к подбегам под оной…»[64].

О серьезном недовольстве народа политикой царизма и своих князей говорит и следующее заявление, сделанное брагунскому князю во время приезда его в Чечен-Аул в 1757 г.: «…как де вы брагунцы, так и российские казаки и прочие живущие в Кизляре, и их де чеченские владельцы – народу неприятели». Такие настроения в аулах плоскостной Чечни вызвали тревогу царских властей, высказывались опасения «общего возмущения», предполагалось, что подымутся и «другие горские народы…». После длительных дискуссий Коллегия иностранных дел империи, с ведома и одобрения императрицы Елизаветы, решила организовать поход на Чечню. Кроме регулярных войск в экспедицию были втянуты калмыцкие, кабардинские, кумыкские феодалы и даже лояльные «ангуштинцы» (ингуши) и карабулаки.

7 апреля 1758 г. экспедиционный корпус в количестве 2196 солдат и казаков под командованием генерал-майора Фрауендорфа выступил в поход на Чечню. Также в состав корпуса вошли: 3203 калмыка, 100 кумыкских узденей во главе с князьями, брагунский владелец с отрядом в 60 человек, такое же количество ингушских и карабулакских старшин и 200 кабардинцев (итого 5819 человек)[65].

Жители плоскостной Чечни (точнее Чеченского владения по Аргуну), которые, по оценкам царского командования, могли выставить до 2000 воинов-всадников, призвали на помощь «чебуклинцев, чубутцов, андийцов… и отвсюда мичкисцов», другой документ уточняет: «…из аксайской и Исы-Су деревень, да Гикеху, Ерпи, живущих вверх по Сунже, и из Андреевских подвластных из деревень Аух…». Есть еще один список пришедших на помощь. В нем упоминаются отряды «гребенчуков, шалинцов, мичкисцов, и с качкалык… кехинцов, чебуклинцов, чубутцов, гунбенцов, андинцов, ногчумакинцов, голонданцев…». Таким образом, повстанцам оказывали помощь не только горные и равнинные чеченские общества, но и андийцы и аварцы Дагестана. А также на помощь пришли эндирейские и аксайские кумыки.

Позицию дагестанских народов в отношении похода русских войск на Чечню выражает письмо андийского народа Фрауенфорду, в котором говорилось, что нельзя допускать войну, ибо она «никакой прибыли» не принесет, а приведет только к ожесточению чеченского народа, которому помогут дагестанцы. Фрауендорфу советовали возвратиться назад, в противном же случае

угрожали войной: «…так поступим – вся Дагестания на тебя… причем будут дратца и беспокоить вас для того, что вы зачинатели ссоре»[66].

Ожидая прихода царских войск, восставшие соорудили в ущелье Хан-Кала засеки, построили срубы «наподобие башни» и выкопали ров.

15 апреля Фрауендорф, перешедший с войском Сунжу, встал лагерем в 8 верстах от Хан-Калы и занял выжидательную позицию, не решаясь войти в ущелье. В тот же день к генералу явился князь Расланбек, который перед этим «согласясь с непоследними людьми… склоняли (горцев. – Авт.) принести покорение, дабы их жилищам разорение непоследовало, к чему было и другие чеченцы склонны заживные люди явились, а большая часть несогласилась, а намерелась противитца». Как видим, чеченские богачи – «заживные люди» – имели в данном конфликте свои позиции, они готовы были поступиться соображениями независимости ради корпоративных интересов.

Вернувшись из русского лагеря в чеченские аулы, Расланбек объявил, что ему удалось достичь мирного соглашения, вследствие этого все пришлые отряды были отпущены. Однако данное заявление оказалось хитростью. 22 апреля царские войска внезапно вторглись на Чеченскую равнину и заняли «некоторые жилища», которые, однако, были пусты вследствие того, что жители успели уйти в «крепкие места». В конце того же дня войска были вынуждены вернуться в лагерь, на правый берег Сунжи.

Через несколько дней сюда вновь явился Расланбек с целью продолжить переговоры, но был арестован Фрауендорфом по обвинению в том, что он не может склонить своих «подвластных» к миру[67]. Заключение под арест не было большим несчастьем для Расланбека, а скорее спасением, ибо народ открыто угрожал ему расправой за вольный или невольный обман.

К началу мая жители Чеченского общества вновь собрали войско из представителей различных районов Дагестана и Чечни. Всего в Ханкальском ущелье скопилось до 3060 человек. Из них «тавлинцы» (горцы Дагестана) насчитывали по одним сведениям 1000 человек, а по другим – 300. Произошло несколько стычек, не переросших в сражение.

С 5 по 6 мая Фрауендорф вел переговоры с младшими братьями Расланбека Айдемирова – Мамашем, Бардыханом и узденями Бату и Бекеем. Эти переговоры определенного результата не дали, что привело к раздору в армии горцев. Местные социальные верхи, пользуясь угрозой вторжения экспедиционного корпуса, вновь овладели инициативой. Горцев стали склонять расходиться по домам.

Фрауендорф простоял на Сунже до конца мая 1758 г., а затем ушел к Тереку. В целом между царскими войсками и повстанцами так и не произошло крупных боевых столкновений.

В начале июля царские войска вернулись в Кизляр. В своем донесении в Петербург Фрауендорф открыто признал, что восставшие «в покорение не

пришли». Но стремление иметь мирные политические и торговые отношения с Россией в народных массах было чрезвычайно сильно. Уже в августе 1758 г. стало известно из донесений агентов, «что де чеченцы все в ссоре и в войне быть не желают, токмо же желают быть в смирении и подданстве…»[68].

Жители Алдинского общества просили даже о свободном проезде в Кизляр и казачьи городки. О желании «принять присягу и быть в верноподданстве» писали представители ряда чеченских обществ. В течение двух лет плоскостные аулы Чечни заплатили за большую часть захваченных во время конфликта трофеев, вернули пленных и выдали в залог верности своей присяге аманатов из влиятельных семейств. В 1762 г. чеченские владельцы через сына кумыкского князя Алиша Хамзина – капитана Хамзу (избранного от северокавказских феодалов послом в Петербург) передали поздравление императору Петру III в связи с его коронацией[69].

Дореволюционные историки полагали, что конфликт 1758 г. был началом «кровавой борьбы» между Россией и Чечней, закончившейся на сто первом году после ее возникновения[70], намекая тем самым на конец Кавказской войны в 1859 г.

Рис. 32. Ингуш и осетин (рис. Х.-Г. Гейслера, участника экспедиции Я. Потоцкого, конец XVIII в.)

В начале 60-х гг. XVIII в. на Северном Кавказе сложилась своеобразная политическая обстановка, условиями которой руководствовалось русское правительство в своих действиях по отношению к северокавказским народам. Политика империи, направленная, в конечном счете, на захват Кавказа, носила очень осторожный характер, поскольку еще не была решена черноморская проблема, не был присоединен Крым. Необходимо было также решить вопрос об отношениях с Польшей и Швецией. Поэтому русское правительство не только не хотело обострять взаимоотношения с Турцией, но и стремилось отодвинуть надвигающийся конфликт.

В 1762 г. российский сенат констатировал «невозможность к завладению» кавказских горцев, вследствие существующей международной обстановки и неблагоприятной политической ситуации на Северном Кавказе. Единствен-

ное, что оставалось делать, по мнению сенаторов, – это заботиться, чтоб Кизлярский край «усиливан был…». Поэтому царизм поощрял переход горских поселений ближе к русским границам. Так, например, когда в 1762 г. Расланбек Айдемиров основал новый аул в нижнем течении Сунжи, кизлярский комендант Ступишин писал князю, что это действие «весьма похвально почитаетца ему»[71].

Особую ставку в осуществлении плана заселения левобережья Терека царизм делал на осетин и нахов-ингушей, среди которых проводилась усиленная пропаганда христианства и которые не раз обращались с просьбой принять их в подданство и защитить от нападений. После очередного обращения ингушей в 1760 г. кавказское командование удовлетворило их просьбу: в 1761 г. к предгорным ингушам для защиты от нападений соседних феодалов был определен на сезон весенних и уборочных работ ротмистр Киреев с воинской командой. В мае 1762 г. в Кизляр прибыло новое ингушское посольство в составе четырех человек. Это были старшины: «Федор Гожев сын Бурсалов, Жанмирза Казибеков сын Малсагиков, Бешкен Султанов и Багатир Темруков сын Тохтиев».

В знак своей приверженности к России трое из них приняли христианство и были крещены. Царская администрация позволила себе констатировать, что «киштинцы (ингуши. – Авт.) ни турецкой, ни персидской державам не подвластны… и России принадлежит»[72].

Признание ингушскими аулами низкогорной зоны «русского подданства» вызвало недовольство некоторых чеченских и кабардинских феодалов, претендовавших на «владение» этими селениями[73]. Но это не могло остановить процесс сближения «ангуштинского народа» с Россией, тем более, что царизм, считая весьма важным привлечение ингушей в подданство России по политическим и стратегическим мотивам (Ингушетия, как Осетия, лежала на пути в Грузию), готов был пойти на их вооруженную защиту.

Как уже отмечалось, царизм связывал принятие христианства ингушами с принятием «подданства». Надо отметить, что это не был взаимообусловленный процесс. Стремясь к установлению отношений с Россией, ингуши не были склонны воспринимать навязываемые им чуждые идеологию и религию. Поэтому даже официальные документы констатируют: «…многие из осетинцов и киштинцов крестятся, но, конечно, меньше по внутреннему удостоверению, а больше для получения прибытка»[74].

Искреннее стремление горских народов Северного Кавказа к дружеским связям с Россией, поиски покровительства русского правительства создавали вместе с тем благоприятные условия для укрепления положения империи на Кавказе. В этот исторический момент Россия особенно нуждалась в союзе с горцами. Намерения Оттоманской Порты «учинить приобретения над Персией, и особливо близ Каспийского моря…» требовали противодействия, ибо, как указывал государственный канцлер М.И. Воронцов, укрепившись на Каспии, Турции не трудно будет «очистить себе путь во внутренние пределы российские»[75].

В целях укрепления Кизлярского края в 1762 г. было дано разрешение кабардинскому владельцу Кончокину (А. Иванову) заселить урочища Моздок и Мекен на Тереке, привлекая туда «чеченцев, кумык и других из горских народов и нагайцев, креститься желающих». Также было дозволено «для размножения шелку и мануфактур… селитца и всех христианских нацей людям, как-то: грузинцам, армянам и другим, находящимся за границами Российской империи, располагая их селения по реке Тереку между новой крепости (Моздок. – Я.А.) и гребенского казачьего Червленого городка».

Крепость Моздок была воздвигнута в 1763 г. на левом берегу Терека недалеко от северо-западных границ Чечни в нарушение пунктов русско-турецкого договора о «бариерном» положении Кабарды межу сферами влияния двух держав на Северном Кавказе. Строительство крепости вызвало серьезное недовольство ряда кабардинских князей (поддержанных также и чеченцами), считавших урочище Моздок своей собственностью. Недовольство проявила и Турция, ограничившись однако дипломатической перепиской с Петербургом[76].

В 1765 г. в Моздок явилась делегация осетинских старшин и с ними «киштинский (ингушский. – Я.А.) старшина Би Гуреев… с изъявлением великого их усердия выселиться на Моздок с их подвластными, но просили, чтоб из них старшинами даны были ранги и жалованье и желающие на службу были принимаемы». Из переселенцев было намечено создать воинскую Горскую команду со штатом в 214 человек и годовым денежным жалованьем 2840 рублей, натуральным – 1400 четвертей муки и 1388 четвертей овса. Все переселенцы наделялись правами, сходными с правами донских и яицких казаков. Кроме того, переселившиеся горцы получали единовременное пособие: старшины и знатные уздени по 10 рублей, а «подвластные» – по 5 рублей каждый[77].

Следует отметить и то, что в 1765 г. в Моздоке была организована Духовная осетинская школа, в которой на полном государственном обеспечении стали обучаться дети горских, главным образом, осетинских старшин. В учителя подбирались люди, знающие горские языки, чтобы дети «языка своего не забывали и… со временем, по обучении российской грамоте и способностям места, можно было посвящать к церквам обращенных во священники и посылать для проповеди»[78].

В 60-х гг. XVIII в. завязались отношения России с карабулаками, одной из западных нахских этнических групп Чечни, остававшейся еще неисламизи-

рованной. Значительная часть карабулакского «народа» через своего весьма формального «покровителя» эндирейского князя Аджи-Муртазалия обратилась к России с просьбой о принятии в «подданство». Причина обращения состояла в том, что карабулаки собирались выселиться «ис крепких мест» на плоскость и нуждалися в «защищении… от обид» со стороны соседей, с которыми они были в ссоре. Коллегия иностранных дел одобрила представление кизлярского коменданта об оказании покровительства карабулакам и летом 1762 г. к ним выехал специальный посланец – кизлярский ротмистр Мансуров. Предварительно он вручил кумыкским и чеченским князьям письма коменданта, объявляющие о вступлении карабулаков в российское «подданство» и заключающие в себе требование не причинять им «обиды»[79].

По прибытии в Карабулак ротмистр Мансуров вместе с Аджи-Муртазалием провел переговоры и заключил соглашение, согласно которому горцы присягали в «подданство» России и выдавали пять человек аманатов из «природных старшинских детей» (они должны были содержаться у посредника – Аджи-Муртазалия); русские власти обязывались защищать их от нападений других горских народов. Всего присягу подданства приняло 500 дворов карабулаков, которые и ранее давали аманатов Аджи-Муртазалию, а остальные 500 дворов, живущие в горах, не участвовали в переговорах. В мае 1763 г. к новому карабулакскому плоскостному аулу был определен для «охранения» хорунжий Яков Наджин[80].

Вступление значительной части карабулаков в дружеские отношения с Россией имело большое значение. Причем «покровительство» России признали представители наиболее сильных фамилий Карабулака: «Мережиевой фамилии», «Татыховой фамилии», «Мацкутаевой фамилии» и др. Покровительство России должно было обеспечить карабулакам безопасность проживания на новом месте. Это переселение с гор рассматривалось «за немалое их усердие к Ея И.В.», при этом гарантировалось, что с нарушителями их покоя «от российской стороны поступится яко с неприятелями»[81].

Активная политика России на Тереке в 60-х гг. XVIII в. привела к установлению ее взаимоотношений со всеми крупными обществами Чечни предгорно-плоскостной зоны. С другой стороны, усилению влияния России здесь способствовали и внутриполитические процессы в самой Чечне.

К таким процессам можно отнести вновь обострившиеся в середине 60-х гг. XVIII в. феодальные междоусобицы в Чечне. Эти стычки между Девлет-Гиреем Черкасским, брагунской княгиней Кичибике и Расланбеком Айдемировым начались еще в 50-х гг. XVIII в. из-за разногласий по поводу владения некоторыми землями в междуречье Терека и Сунжи. Первоначально царская администрация приняла сторону Девлет-Гирея. Тогда старшины Чеченского общества заявили: «Пока Девлет-Гирей будет по сю сторону реки

Терека жить, мы аманата дать не сможем и сами к вам не приедем, а мы для вышеписанном обстоятельстве не желаем государыни народом быть». Дело в том, что правобережные терские земли, на которых Девлет-Гирей после ухода из Герменчика основал новый аул, были местом покосов сена и выпаса скота жителей Чеченского общества и Брагунов. Девлет-Гирей хотел присвоить еще и их покосы по левому берегу Сунжи.

Надо отметить, что Коллегия иностранных дел России рекомендовала Девлет-Гирею не обострять отношений и попытаться добиться выполнения своих требований или захватом баранты, или через третейский суд кабардинских князей. Когда между Девлет-Гиреем, Расланбеком и Кичибике начались открытые стычки, кизлярский комендант попытался примирить князей путем переговоров и приведением к присяге о взаимном мире и верности императрице Екатерине II[82].

В июле 1764 г. между Девлет-Гиреем и Расланбеком Айдемировым произошло вооруженное столкновение. С обеих стороны имелись раненые и убитые. Ранен был (причем стрелой) и сам Расланбек. Усобица разрасталась, в нее вскоре был втянут и Алисултан Казбулатов. Для защиты своих интересов он собирался ехать в Петербург, но ему не было дано на то разрешение: Никита Панин (руководитель внешней политики России при Екатерине II) написал на рапорте кизлярского коменданта: «Естли сей хан (Алисултан Казбулатов. – Я.А.) там важен, а сюда приехать ему очень хочется, то и сумнительно много настоять к отвращению. Малая прибавка жалованья не может ли лутче в том предуспеть, но однако не подаст ли сие повода и другим к тому же» [83].

Продолжение конфликта угрожало интересам политического влияния царизма на Кавказе. Поэтому, по указам из Петербурга, кизлярский комендант предпринял энергичные шаги к его ликвидации. Были испробованы лесть и угрозы. В свою очередь и феодалы, притязания которых не очень охотно поддерживали рядовые жители, были вынуждены проявить уступчивость и согласиться на взаимное прекращение враждебных действий.

В 1765–1766 гг. благодаря дипломатическому нажиму русского правительства ссоры князей и аулов затихли. Чеченские аулы подписали вновь присяжные листы. Весной 1765 г. произошла замена аманатов, из пяти аманатов трое были заменены, а двое даже отпущены: в «рассуждении излишнего содержания выпущены без перемены…»[84].

Надо особо отметить, что в условиях 60-х гг. XVIII в. общества Чечни, вступавшие под российскую «протекцию», в качестве условия признания авторитета России требовали права свободной торговли. О признании за горцами этого права во второй половине XVIII в. просило и русское казачье население по Тереку, остро нуждавшееся в горских товарах. Серьезное недовольство выражало и население Кизляра, так как в результате высоких пошлин

на продукты питания, привозимые горцами, кизлярцы приходили «к крайнему разорению и огорчению». Еще в 1756 г. русское правительство отменило пошлины на шелк-сырец, 23 декабря 1759 г. Елизавета разрешила вывозить на Кавказ мануфактурные товары. Горцам Северного Кавказа, находившимся в дружеских отношениях с Россией, указ позволял провозить за Терек «холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт»[85].

В ноябре 1764 г. Екатерина II подписала указ «о дозволении торговать в Кизляре кабардинцам и кумыкам беспошлинно собственными их продуктами». Данное «дозволение» торговать без пошлины относилось не только к кабардинцам и кумыкам, но возможно и к жителям некоторых чеченских обществ, т.н. «мирных», имеющих соглашения с русскими властями. Пошлинами по новому указу не облагались только продукты питания: зерновые, фрукты, масло и др.

В 1762 г. с товаров, привезенных из Грузии и горских аулов (в том числе чеченских), была собрана пошлина в сумме 2508 р. 86 к. С «отвозных» же товаров взято 2717 р. 19 к. В 1763 г. сумма пошлины на ввоз составила 2986 р. 5½ к., а на вывоз – 2241 р. 27½ к. К 1770 г. размер пошлины, собираемой в Кизляре, увеличился до 14000 рублей.

Кизлярская таможня составляла перечень товаров, вывозимых горцами. В него входили: «холст, рыба, решеты, сита и мелкая посуда, ножницы, замки и другие мелочные товары, состоящие в ниских ценах». Много холста продавалось горцам непосредственно за Тереком. В основном его вывозили купцы в обмен на марену, которая затем применялась для крашения тканей на мануфактурах России[86].

Горцы привозили в Кизляр продукты земледелия, скотоводства и изделия ремесленников. Большим спросом, особенно в среде терского казачества, пользовались «горские кафтаны, шапки, колеса…». Особенно ценились тележные колеса чеченского производства, терские казаки даже обращались с ходатайством в сенат об освобождении их от таможенных пошлин[87].

На значительные размеры чечено-казачьей торговли указывает и один из документов 1765 г., в котором Алисултан Казбулатов сообщает кизлярскому коменданту о намерении «подвластных своих до ста ароб отправить в казачьи городки для покупки съестных припасов: рыбы, соли и протчие». Чеченские князья по решению кизлярского коменданта пользовались правом выдачи разрешения горцам на въезд в русские границы для торговли, но торговцы часто ездили «самовольно… без позволения»[88].

Феодальные круги Чечни находились в наиболее привилегированном положении в торговых сношениях чеченских обществ с Россией. Как правило, они добивались беспошлинного вывоза товаров, купленных их агентами на кизлярском рынке. «Купил я здесь две буйлы с теленками и дваж двухлетны,

все шесть, для себя, того ради, прошу вашего превосходительства о пропуске тех буйволов дать дозволения и для свободного проезда дать же билета», – просит коменданта Кизляра князь Девлет-Гирей Черкасский. А Расланбек Айдемиров обращается с прошением «дозволить купить для меня пять лошадей, да посуды оловянные один пуд…»[89]. И таких фактов множество.

Развитие торгово-экономических связей Чечни с Россией способствовало образованию новых плоскостных аулов, увеличению числа переселенцев. В марте 1765 г. новопоселенцы на берегах Сунжи писали в Кизляр, что они переселились ближе к Тереку не только из-за благоприятных условий для земледелия и скотоводства, но и «чтоб повольно было ездить в казачьи городки для покупки холста и рыбы, и протчи кому потребностей[90].

В конце 60-х гг. XVIII в. Кавказ вновь оказался в сфере соперничества великих держав. Османская империя стремилась сокрушить явно наметившуюся агрессию России на юг – на Кавказе и на Балканах, и сама надеялась подчинить себе народы Северного Кавказа.

Рис. 33. Картло-кахетинский царь Ираклий II, правивший в 1744–1798 гг. (рис. XVIII в.)

Война была объявлена турецким султаном 25 октября 1768 г. По словам турецкого историографа Ресми-эфенди, сторонники войны, отвергая мирные предложения России, говорили: «Это государство мечом добыто и мечом только может быть поддержано»[91]. Военные действия начались в 1769 г. одновременно на Дону, в Подолии (Украина) и на Кавказе. Здесь царское правительство сформировало два корпуса: Закавказский и Кубанский. Первый, согласно договору России, с грузинскими царями Ираклием и Соломоном действовал в Закавказье, а второй, во главе с генералом Медемом, участвовал в военных действиях в западной части Северного Кавказа.

Еще до официального объявления войны Турция направила на Северный Кавказ эмиссаров с щедрыми подарками и призывами к войне с «неверными». 28 декабря 1768 г. в Кабарду прибыл адъютант крымского хана с султанским фирманом (имперским указом); воззвания были направлены и в

Чечню[92]. Северокавказские народы в основном равнодушно отнеслись к требованиям турецких послов.

Однако некоторые чеченские феодалы, в частности Алисултан Казбулатов, еще в период подготовки русско-турецкой войны предпринимали попытки нападения на русские границы по причине отклонения властью некоторых их претензий. Вынужденный в марте 1768 г. принять новую присягу («вместе со своими детьми и народов вновь к российской стороне быть»), с началом русско-турецкой войны Алисултан Казбулатов возобновил свои нападения[93].

В феврале 1770 г. Медем вернулся с Кубани и со всем казачьим войском и несколькими эскадронами гусар перешел Терек для «наказания» Алисултана Казбулатова, переселившегося вглубь Чечни. Дорогу к месту его расположения указывал князь Расланбек Айдемиров. В результате сражения Алисултан Казбулатов «пожелал переселиться из горских ущелий на реку Сунжу, в то место, из которого он отлучился как бунтовать замыслил…». Успех русских войск объяснялся тем, что плоскостная Чечня не оказала широкой поддержки Казбулатову. К примеру, жители Чеченского общества писали коменданту Кизляра Потапову, что они верны своей присяге и «никакие противности не делали». Алисултан Казбулатов не только вновь принял присягу «подданства», но и привел к дополнительной присяге 5 своих деревень. Его племянники, братья Алибековы, также «приняли по своей просьбе присягу в подданстве и отдали младшего Алихана в аманаты»[94].

Рис. 34. Екатерина Вторая (картина XVIII в.)

После принятия Казбулатовым и Алибековым присяги в Чечне появились послы из Крыма, но, узнав о вступлении своих союзников в русское «подданство», не отдав письма, спешно отбыли. Медем предложил Екатерине II объявить «прощение» чеченцам, на что она 19 августа 1770 г. подписала рескрипт, в котором выражалась надежда на «исправление» чеченцев; рескрипт читался во всех чеченских аулах при собрании старшин и народа[95].

В 1770 г. Екатерина II распорядилась основать новую казачью линию от Моздока до Червленной. С Дона и Волги было переведено 717 казачьих семей, разместившихся в станицах: Наурская, Мекенская, Ищерская, Галюгаевская. Таким образом, цепь военной линии от Каспийского моря до Моздока замкнулась. Это был агрессивный шаг, дававший царизму возможность блокады горских народов Терека. Вторая половина 1770 г., тем не менее, проходит сравнительно спокойно. Чеченские князья ездят в Кизляр и обратно, у Расланбека Айдемирова содержится даже казачья команда из 10 человек для его нужд[96].

В то же время царское правительство делает шаги к расширению связей с западнонахскими обществами. Это объяснялось стремлением господствовать в стратегически важном Дарьяльском ущелье, а также и тем, что «открытие (здесь) минералов великую пользу и прибыль принести могло б». В связи с этим Екатерина II поставила условием защиты ингушей от врагов оказание ими помощи «в разрывании руд». Ингуши охотно соглашались оказывать посильную помощь «в разведывании руд в горах». Капитан Гастотти (Дегостодий), который в 1770 г. провел геологические разведки свинцово-серебряных залежей в «кистинских» горах писал: «Если бы корона возымела желание учредить в тех местах рудокопные заводы, сия нация не уклонилась бы и стала б на оных работать за умеренную плату»[97].

В феврале 1770 г. в Кизляр прибыло крупное посольство из 24 старшин из Ангуштинского общества, которое как «присланное от всего народа» заявило о решении «поступить в вечное Е.И.В. подданство». В ответ были направлены русские чиновники и духовные лица, чтоб «тамошний народ склонили к подданству и к присяге привели». В 1771 г. нахи-ингуши на деле показали верность этой присяге, когда российскими властями была организована экспедиция против тагаурского феодала Дударова (Дударукова), создавшего препятствие связям России с Закавказьем, где сражался с турками корпус Тотлебена. Вот как описывают эти события официальные документы: капитан Дегостодий (Гастотти) с войсками перешел Терек в феврале 1771 г. и вступил на территорию Чечни, где с помощью чеченских проводников прошел общества Алды, Гехи, Галаши, территорию карабулаков и, прибыв в Ангушт, потребовал помощи: «…и они в самое ж то время собрали ингушевцев более тысячи человек…». Присоединив к себе 1000 ингушей, Дегостодий вошел в Дарьяльское ущелье к владениям Дударова, который, не видя иного выхода, принес «покорность» и выдал 10 заложников.

Во время похода Дегостодия 4 ингушских старшины, «ранее неподданных», от имени своих аулов принесли присяги «подданства». Они заявили о «раскаянии» в нападениях на русские команды, следующие в Грузию и обратно, и поклялись «впредь до сего времени пребывать к ея величеству непременно наивсегда в непоколебимой верности…».

Карабулаки тоже склонились перед военной силой России. Они «доказывали себя образы доброжелательными». Четверо старшин находились при Дегостодии и «употреблялись при всех нужных обстоятельствах». В следующем году часть карабулаков, поселившихся в районе нижней Ассы, при русских посланцах подписали присяжной лист и выдали аманатов[98].

В ходе кампании по привлечению на войну «охотников» из горцев (для чего был создан специальный фонд в 5000 рублей) в Кубанский корпус Медема вступил чеченский князь Расланбек Айдемиров, вероятно, со своим отрядом. Он принял активное участие в действиях русских войск против турок в походе Медема за Кубанью. Имя Расланбека Айдемирова вошло в список лиц, представленных Медемом императрице с просьбой «о показании некоторой отличности». Следует отметить, что ингушские отряды принимали участие в составе грузинской армии в боевых действиях против турок в Закавказье[99].

Однако участие народов Чечни в международных делах не ограничивалось указанными выше сюжетами. Когда на последнем этапе войны, летом 1774 г., крымская конница вторглась на Северный Кавказ и достигла Наура, до 3 тысяч чеченских и кумыкских всадников двинулись крымцам на помощь. Однако этот отряд попал в засаду и был разбит, а крымский командующий потерпел неудачу под стенами Наурской станицы. Интересно отметить, что и гребенские казаки в тот момент были заподозрены властями в стремлении перейти на сторону крымского хана и бежать за Кубань. В том же 1774 г. чеченские отряды, на этот раз самостоятельно, напали на Наурскую станицу и

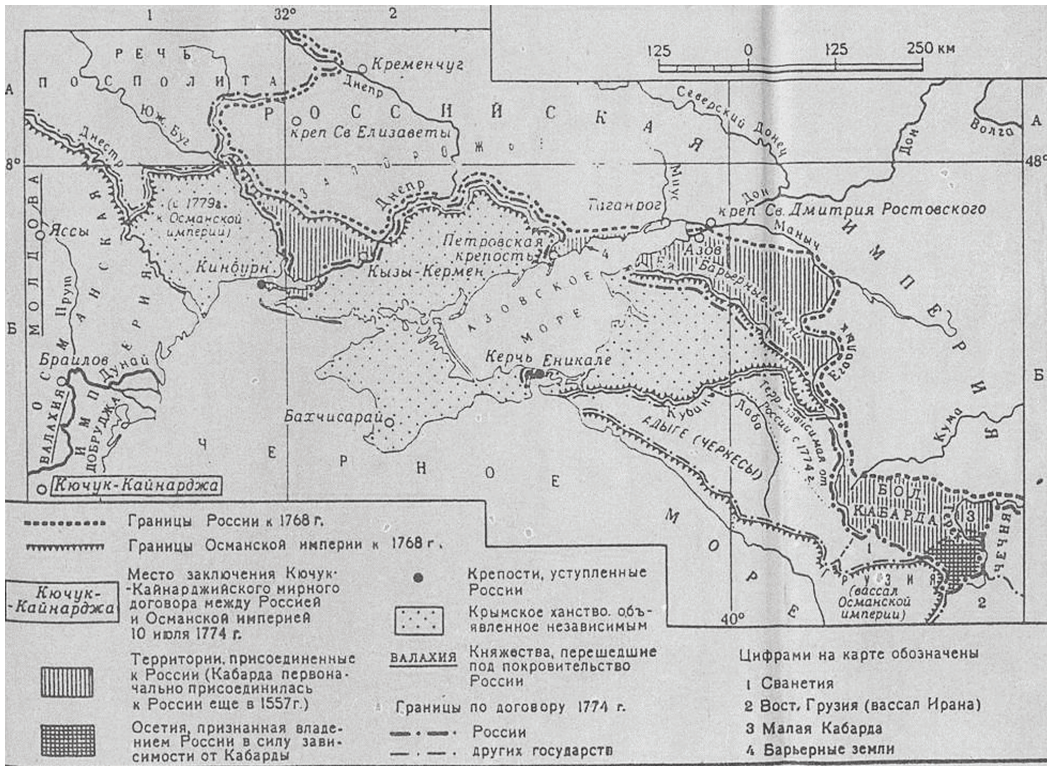

***Рис. 35**. Границы России и Турции по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. (карта составлена в 1955 г.)*

опустошили ее[100]. Дело здесь заключалось в том, что занятие левого берега Терека от Червленной до Моздока осложнило хозяйственное положение горцев Чечни и тех же гребенских казаков.

Согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мира, завершившего русско-турецкую войну в 1774 г., была провозглашена независимость Крыма от Турции, что позволило окончательно решить вопрос о Кабарде, политический статус которой был отдан на усмотрение крымского правительства. А крымский хан еще в 1772 г. официально признал Кабарду владением России[101]. Таким образом, сфера официального доминирования России на Северном Кавказе сдвигалась к югу, Кабарда перестала быть нейтральной страной.

Весной 1775 г. чеченский народ, недовольный вновь вспыхнувшими феодальными междоусобицами и деятельностью князей, начал выступления, как против своих владельцев, так и против новых казачьих укреплений по Тереку. В Чечне не признавали право России на левобережье Терека начиная от станицы Червленная.

Испуганные князья и состоятельные уздени обратились к царскому правительству с просьбой о помощи. Ротмистр Афанасий Батырев по возвращении из Чечни, где он присутствовал на съезде чеченских князей и узденей, донес: «…по приезде, на Сунже, нашел тут собравшихся владельцев… со своими узденями… изъяснялись, [что] они точно положили быть в одном согласии и оставя своих подвластных по их непостоянному из них некоторых жития… нехотя… и от российской стороны отстать, обществом поселитца во одном месте… К себе принимать будут тех, кои других послушнее…»[102].

23 июля 1775 г. Медем с 2-тысячным корпусом регулярных войск перешел Терек, атаковал и разгромил три чеченских «Горячеевских» аула на Качкалыковском хребте. После чего и в Чеченском обществе по Аргуну и Сунже наступила тишина: «…чеченский владелец Расланбек Айдемиров… по-прежнему в подданство принят… почему он как прежде по высочайшему Е.И.В. повелению получал 150 руб. жалованье и имел у себя казаков караул, тем же пользоватца должен». Кроме того, Медем выделил ему четырех плотников для строительства его дома в новой деревне на левом берегу Сунжи[103].

В 1775 г. в Кизляре находились три чеченских аманата – двое из Чечен-Аула, обеспечивающих верность крупного Чеченского общества, и один из Карабулака – сын узденя старшины Бузарты[104]:

В 1778 г. укрепили отношения с Россией и такие крупные чеченские общества, как Алды и Гехи. «В 1778 году, – пишет П.Г. Бутков, – Алдинская деревня с высочайшего позволения (вновь. – Авт.) переселилась на реку Сунжу. В 1779 году гехинцы равномерно поселились против Наурской казачьей деревни и, считаясь подданными российскими, были охраняемы»[105].

Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Кому во аманатах быть или кем переменить надлежит
1	2	3
Большого Чечня		
Бывшего чеченского владельца Хамзакая Алибекова родной брат Алихан Алибеков	Отец у него был чеченский владелец Алибек Казбулатов, а мать – чеченского владельца Турлова дочь Пери Турлова. У отца его имеется узденских 20, холопьев 12 дворов, так же и знатных родственников	Оной во аманат взят в утверждение чеченцев от чинимых ими к здешней стороне противностей
Узденя Меймулата Хаспулатова сын Витерик Мамулатов	Брат у него чеченский уздень, во владении у него холопьев четыре двора подвластных, а родственников много	Оному быть надлежит
Карабулакской		
Узденя Бузарты Фирозова сын Кнана	Отец его Карабулакской деревни старшина Бузарты Фирозов, мать у него той же деревни старшинская дочь Зазай. У него еще сын Муса 12 лет, родственников имеет много	Оным для утверждения их в верности быть надлежит, а при требовании – переменить из их родственников

Стремление горцев Чечни к установлению прочных, мирных связей с Россией сочеталось с борьбой против захвата земель царскими властями. Императорское правительство, пользуясь своими победами на Кавказе, проводило все более агрессивную и независимую политику по отношению к северокавказским народам. Так, было предпринято строительство новых укреплений по линии Моздок-Азов и усилена линия Кизляр-Моздок, серьезно удариших по интересам целых народов.

Недовольные отнятием предкавказских степей, необходимых им для выпаса скота, организуясь в отряды, совместно с другими северокавказскими

горцами чеченцы развернули наступательные действия против царских укреплений на Тереке. В частности, повстанцы из Чечни участвовали совместно с кабардинцами и черкесами (ополчение достигло 15000 человек) в осаде Марьинской крепости. 26 сентября 1779 г. генерал Якоби нанес здесь тяжелое поражение горцам[106]. Блестящая феодальная конница рядами уничтожалась огнем картечи и залпами каре регулярной пехоты русской армии. Это было тяжелое поражение, не только деморализовавшее две самые сильные страны на Северном Кавказе – Кабарду и Чечню, но и давшее, с другой стороны, России возможность без оглядки огнем и мечом крушить местные народы, вплоть до восстания имама Мансура.

В начале 80-х гг. XVIII в. ряд обществ и аулов плоскостной Чечни просили «о принятии их в подданство по-прежнему», и в январе 1781 г. присягнули «на вечное подданство». Были заключены различного рода соглашения. Так, в соглашении жителей Чечен-Аула и Аджи-Аула с кизлярской администрацией горцы обязались слушаться своих князей, не нападать на соседей, платить по 100 р. в случае убийства русского и 50 р. за «поранение», возвратить пленных после уплаты выкупа и не принимать к себе беглых русских. Царские власти обязывались выплачивать те же суммы за убийство или поранение чеченца, возвращали всех беглых холопов нехристиан, а за христиан уплачивали выкуп и отказывались от требования возврата трофеев, захваченных чеченцами до 1781 г.[107]

В 1781 г. чахкеринский владелец Алихан Нурмаматов решил поселиться на Сунже, в урочище Куллары. Около 100 дворов из «Чеченской, Алдинской, Атагинской, Шалинской и Карабулакской деревень» в феврале 1782 г. выражали желание поселиться на левом берегу Сунжи «и быть в числе рабов Ея (И.В.)».

В новую деревню Расланбека Айдемирова после принятия «подданства» России в марте 1782 г. намеревались переселиться из горных районов около 160 дворов. В апреле присяжные листы подписали качкалыковские аулы. За полтора года (к апрелю 1782 г.) на берегу Сунжи появились три новые «деревни», в количестве 300 дворов, «которые вступили в подданство Ея (И.В.)…». Между новыми аулами и старинными плоскостными разгорались поземельные споры.

Враждующие стороны старались заручиться поддержкой царской администрации, а та искусно этим пользовалась. В Чечню для разграничения границ и «приласкания переселившихся» посылались специальные представители царских властей, отдельные аулы новопоселенцев объявлялись «под особливым Высочайшим покровительством», им навязывались в «начальники» феодальные владельцы[108].

Переселение части чеченцев ближе к берегам Сунжи и Терека было политически выгодно царизму. Не имея еще возможности продвинуть госу-

дарственную границу непосредственно к аулам Чечни, царизм стремился приблизить их к русским укреплениям, сделать чеченцев союзниками или подвластными. Если «сей народ выведен будет из нор самых крепких, гористых и поселен на открытом месте, [то] и должен быть в верности», – планировали официальные представители царских властей[109]. Необходимо отметить, что и горцам Чечни переселение к русским границам давало благоприятные возможности для торговли и общения с русским и казачьим населением.

Нельзя не признать, что успехи России в завоевании политического влияния в Чечне в рассматриваемый период были значительными. «В исходе 1782 года от всех чеченских селений (имеется в виду Чеченское владение. – Авт.), кроме Атаги, генерал-порутчик Потемкин получил аманатов… определил над чеченцами прежнего их владельца Асланбека (Расланбека. – авт.), а над горячевцами (жителями качкалыковских аулов. – Авт.) Кучука, и оба они присягу от народа приняли»[110].

Аулы, отказывавшиеся признать российский диктат в любой форме, царизм покорял силой. Так, в 1782 г. были организованы карательные походы на чеченский аул Атаги и ингушский аул Ангушт. Оба селения вынуждены были принять условия победителей и выдать аманатов.

В том же 1782 г. к российскому «подданству» вновь и добровольно обратились жители общества Герменчик. Они заявили кизлярскому коменданту: «к вашей стороне… пребудем в непоколебимой преданности…». В январе 1783 г. князь Расланбек Айдемиров в Наурской крепости вручил командующему Кавказским корпусом П.С. Потемкину аманатов от Чеченского и Германчикского обществ, являвшихся на тот момент одними из самых крупных в плоскостной части страны. Вторично выдал аманатов и аул Атаги после предъявления П.С. Потемкиным ультиматума с требованием «раскаяния». Правда атагинцев заверили, что им со стороны России не будет никакой «обиды»[111].

Начало 80-х гг. ознаменовалось новыми успехами Российской империи во внешней политике: были присоединены Кубань и Крым (1783 г.), Крымский хан Шахин-Гирей вынужден был отказаться от престола в пользу Российской империи. Манифест о присоединении Крыма в августе 1783 г. был прочитан в чеченских аулах Атаги, Чечен-Аул, Алды, Шали, Аджи-Аул и Герменчик. По свидетельству документа, чеченаульцы и атагинцы искренне радовались тому обстоятельству, «что… между обеими державами (Россией и Турцией. – Авт.) сделалось спокойно»[112].

Однако на взаимоотношения Чечни и России к середине 1783 г. несколько повлияли изменившиеся условия торговли на Северном Кавказе. Дело в том, что царские власти стали запрещать чеченцам торговать с Кабардой без «билетов», т.е. разрешений, выданных царскими властями, что являлось неслыханным делом в истории русско-чеченских отношений. Так же следовали

отказы в возвращении захваченного казачьими атаманами скота, в просьбах улучшить условия содержания аманатов в русских крепостях. Более того, был организован крупный поход на Чечню. Важность, придаваемая этой акции царским правительством, видна из того, что организацией карательной экспедиции занимался Григорий Потемкин – всесильный фаворит Екатерины II[113].

27 октября 1783 г. царские войска вернулись из Чечни после кровавого погрома чеченских аулов от Нижнего Карабулака до Атагов на левый берег Терека. Командующий Кавказским корпусом П.С. Потемкин направил ультимативное послание в Чечню, после чего чеченские старшины дали согласие на выдачу заложников и принятие новой присяги подданства. К ноябрю 1783 г. присягнули и чеченаульцы, атагинцы, шалинцы, аджиаульцы и гехинцы[114].

В 1784 г. на смену «старых» аманатов прибыли на русский берег Терека новые: от селений Чечен-Аул, Атаги, Аджи-Аул, Алды и Гехи. Как правило, они были из знатных узденских фамилий и закрепляли верность влиятельной прослойки чеченского общества. Содержание в аманатах детей семейств, игравших большую роль во внутриполитической жизни горцев, гарантировало царизму, что условия присяг подданства будут выполняться. В этом плане уже перестали брать заложников из княжеских домов, они не имели влияния в обществе. Большой интерес представляет ведомость аманатов от 1 января 1784 г., характеризующая личности аманатов из Чечни, содержавшихся в русских укреплениях[115]:

Кто имяны и которых владений	Описание их фамилий	Кому во аманатах быть или кем заменить надлежит
1	2	3
Деревни Гребенчуковской Джавбатыр Зоришев	Его отец Гребенчуковской деревни Терделиевой (Шерделиевой? – Авт.) фамилии уздень Зориш Батакаев, а мать Хазыга Гучусова той же деревни узденьская дочь, у него, аманатчика, есть два брата старше его: Сежибамат, Аджигерей и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит
1	2	3
Деревни Атагинской Лачи Бертсланов	Его отец Атагинской деревни Ашпатливой фамилии уздень Бертслан Махаметов, мать Цада Алисолтанова: дочь Цонтарлиевой	Оному в аманатах быть надлежит

	фамилии узденя Али Солтана Солтанбышева; родственников довольно	
Деревни Аджиаульской Исмаил Салма-саев	Его отец Аджиаульской деревни Джиуевой фамилии уздень Салмасай Алдуллаев, а мать, коя уже умерла, Абайха Магомышева, дочь Баксамышевой фамилии узденя Магомыш Масаева; у него, аманатчика, есть два брата: старше его Джинболат, а младше Бутта; и родственников довольно	Оному в аманатах быть надлежит
Большого Чечня Нарпи Ногаев	Его отец Большого Чечня уздень Ногай Мурзаев, а мать, коя уже умерла, Хистама Ногай Мурзаева узденская дочь, у него, аманатчика, есть брат Намурза и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит
Сулейман Джавбатыров	Его отец Большого Чечня Джавбатырь Алхолов, Айтанкалыевой фамилии, а мать Сулеймана – Ханисей Шишхаева, того Чечня узденская дочь; у него, аманатчика, есть три брата старше его: Иса, Даут и Мусса, и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит
1	2	3
Деревни Гехинской Бамат Албеков	Его отец Гехинской деревни Нашахлыевой фамилии уздень Албек Дадаев, а мать, коя уже умерла, была Ати Уасова, дочь Харачуковой фамилии узденя Уасы Киахаева, и родственников много	
Деревни Карабулакской Цырка Дастков	Его отец Карабулакской деревни Булгашевой фамилии уздень Даск Кайносов, а мать, коя уже померла, была Гагук Албекова, дочь той же деревни Велуховой фамилии узденя Албека Каинкова;	Господином генерал-порутчиком и действительным камергером и разных орденов кавалером П.С. Потемкиным

	у него, аманатчика, есть два брата младше его: Темирболат, Джавбах, и родственников довольно	от карабулаков взят другой аманатчик, то сего из аманата о выпуске ему господину генерал-порутчику представлено и требуется резолюция
Кнана Бузартыев	Его отец Карабулакской деревни уздень Бузарты Фиразов, а мать той же деревни старшинская дочь Зазай, у него, аманатчика, есть брат Муса, и родственников много	
Деревни Алдинской Есенбулат Умаев	Его отец деревни Алдинской Дишниевой фамилии уздень Ума Тункуев, а мать, коя уже умерла, была Сары Басуева, дочь Ансекеровой фамилии узденя Басула Дцагикова, у него, аманатчика, есть шесть братьев: старше его Бешто, Гайншов, младше Пошь, Магомат, Мурдар, Прочь, и родственников много	Оному в аманатах быть надлежит

Важным фактором, способствовавшим усилению и укреплению власти царизма на Кавказе, было окончание строительства Кавказской военной линии, доведенной в 1777–1780 гг. до Азовского моря. Таким образом, берег Каспийского моря был соединен с Азовским, непрерывным рядом крепостей, укреплений и станиц. Обширные земли за Линией по указанию правительства начали заселяться выходцами из России, в основном крестьянами. Особый интерес «к освоению недавно завоеванных территорий на юге страны» стали проявлять и помещики, что в немалой мере являлось следствием Крестьянской войны 1773–1775 гг. К 1775 г. русские дворяне и помещики получили в Предкавказье 403300 десятин земли, на них они переводили крепостных крестьян из имений центральных российских областей. С 1784 г. здесь стали возникать поселения из отставных солдат и вольных поселенцев[116].

Важное политическое значение негативного характера имело строительство крепостей на западных границах расселения нахов. Здесь в 1784 г. были воздвигнуты крепость Владикавказ и укрепления Потемкинское, Кумбелей, Григориополис (на линии Моздок-Владикавказ). Надо отметить, что тот же

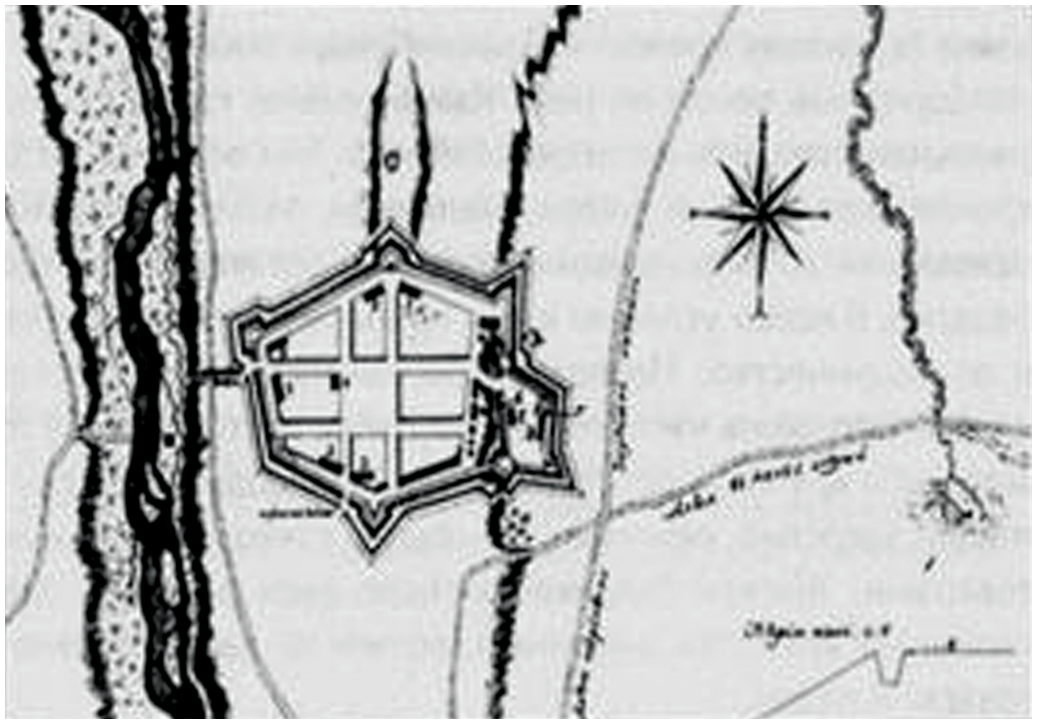

Рис. 36. План крепости Владикавказ на Тереке. 1784 г. (рис. конца XVIII в.)

Владикавказ был построен на землях ингушского аула Заур[117]. Эта крепостная линия не только разграничивала два сильнейших народа Северо-Восточного Центрального Кавказа, но и наносила самый серьезный удар по внутригорской торговле, имевшей подлинно жизненное значение.

Образование новых крепостей, городов, станиц и крестьянских поселений по признанию царских генералов «значительно замирило Северный Кавказ». Поэтому о колониальном характере этой политики Российской империи в данном регионе можно говорить определенно. Здесь преследовались две задачи: захватить новые земли и взять в блокаду горские народы.

В условиях увеличивающегося количества русского населения на Северном Кавказе, параллельно растущих потребностей между Россией и горскими народами продолжали развиваться торгово-экономические связи.

Анализ торговых связей России с народами Чечни в 70–80-х гг. XVIII в. позволяет выявить значительный рост масштабов торговли. Так, в 1777–1783 гг. русские купцы вывезли к северокавказским горцам 1904149 аршин полотна, известная его часть попала и в Чечню. Об этом можно судить и по тому факту, что в 1783 г. в ауле Девлет-Гирей были ограблены кизлярские купцы с тканями на сумму 800 р.[118]

В ассортимент товаров вывозимых горцами из России (по данным конца XVIII в.), входили: бархат, парча, медная и деревянная посуда, ножницы, иглы, булавки, сахар, краски, соль и т.д. На эти товары русские торговцы получали «звериные меха, скотские кожи… овец, коней». Существенное место в экспорте горских народов, в том числе и чеченских, стало занимать текстильное и красильное сырье, а также строительные материалы. Горцы ежегодно продавали на Тереке 20000 пудов сырой марены, хлопок и пряжу, шелк-сырец, лес, а также мед, воск, пшеницу, просо, нефть. Рос и экспорт зерна: княгиня Крымхана Айдемирова в 1784 г. жалуется кизлярскому коменданту, что Бамат Девлетгиреев задерживает «пшеницы и проса» у проезжающих через его владения на русскую сторону ее «подвластных»[119].

Развитие торгово-экономических связей Чечни с Россией привело к возникновению среди горцев своего рода «промышленников», живших «торговыми оборотами» с русскими. Торговцы старались регламентировать свои связи с русскими рынками специальными соглашениями. Известно, что в конце XVIII в. между кизлярским комендантом и чеченцами «для безопасности производства их купечеством торга зделаны были… условия»[120]. Это говорит о важности торговых связей с Россией для горцев Чечни.

В 80-х гг. XVIII в. Россия присоединила к себе Крымское ханство вместе с его прикубанскими владениями, а р. Кубань была объявлена границей между Турцией и Россией на Северо-Западном Кавказе. Весной 1783 г. был подписан Георгиевский трактат о принятии Грузии под покровительство Российской империи. Эти события имели огромное значение для Чечни. Заняв Крым и практически шагнув в Закавказье, Россия не могла мириться с независимостью северокавказских народов, ибо «ноги гигантской империи (Закавказье. – Я.А.), – по образному выражению К. Маркса, – были отрезаны от туловища»[121].

Возможность присоединения Чечни к России в 80-х гг. XVIII в. стала реальной, причем речь шла не о каком-то «добровольном вхождении», а о военно-политическом решении вопроса.

С середины 80-х гг. XVIII в. начинается новый, последний этап во взаимоотношениях Чечни с Россией – это был этап непосредственного насильственного включения ее народов в состав русского государства. Он затянулся на десятилетия и сопровождался масштабными военными действиями (переросшими, наконец, в первой четверти XIX в. в Кавказскую войну), поисками взаимоприемлемых условий мирного решения вопроса, с одной стороны, и огромными жертвами и страданиями – с другой. Молох войны погубил сотни тысяч русских солдат и рядовых горцев.

В 1785–1791 гг. Чечня выступает застрельщиком широкого народно-освободительного движения под руководством имама Мансура (Ушурмы).

Оно охватило весь Северный Кавказ и лишило царизм шансов покорения народов Северного Кавказа более чем на полвека.

В целом XVIII в. явился важным периодом в истории Чечни и развития ее взаимоотношений с Россией, странами Ближнего Востока и народами Кавказа. Влияние России на многие стороны жизни края было наиболее значимым и в целом неоднозначным. Ускорение процессов политического и социально-экономического развития чеченского народа сопровождалось и значительными потерями.

---

[1] См.: Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 106; Ахмадов Я.З. Российское повстанческое движение конца XVII – начала XVIII века и народы Северного Кавказа // Известия СКНЦВШ. Общественные науки. № 1. Ростов н/Д, 1989. С. 86, 88–89; и др.

[2] Акмонов И.Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968. С. 84.

[3] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 58. Л. 1 об.; Выписка о Астраханском бунте из архива Капнистской // Ставропольские губернские ведомости. № 3. 21 янв. 1861. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 11.

[4] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 58. Л. 2.; Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846. С. 81; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. Т. 15–16. СПб., 1873. С. 110; Акмонов И.Г. Указ. соч. С. 84.

[5] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 58. Л. 2–2 об.; Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 102; Ставропольские губернские ведомости. 21 янв. 1861. № 3; Гриценко Н.П. Народные движения XVII–XVIII вв. и терское казачество // Известия СКНЦВШ. Общественные науки. № 3. Ростов н/Д, 1975. С. 15; Его же: Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов н/Д, 1984. С. 53.

[6] Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа… С. 53.

[7] См.: Ахмадов Ш.Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980. С. 72–73; Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 59.

[8] См.: Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. С. 112; Чулошников А. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936. С. 41–43.

[9] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 11. Д. 7. Л. 148; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 17–18. С. 214; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 214, 232; Сборник императорского Русского исторического общества (ИРИО). Т. 50. СПб., 1886. С. 4, 11–12.

[10] См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 252; Короленко П.П. Указ. соч. С. 17–18.

[11] См.: РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 87; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 256.

[12] См.: РГАДА. Ф. 119. 1708 г. Д. 9. Л. 1; Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830. С. 121.

[13] См.: РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.–6; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб., 1869. С. 531; идр.

[14] См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1707 г. Д. 3. Л. 1 об.; Hammer de Y.Par. Histoire de L'Empire, Ottoman. Vol. 13. Paris, 1839. P. 191–192; Le Khanat de Crimee dans Arhiives du Musee du Palais de Topkapi. Paris, 1978. P. 348; Сокуров В.Н. Канжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные проблемы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986. С. 54–62.

[15] Hammerde Y.Par. Histoire… Vol. 13. P. 251–252.

[16] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. М., 1957. С. 11; История Дагестана. Т. 1. М., 1967, С. 338.

[17] См.: Кабардино-русские отношения... С. 12–14; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967. С. 163.

[18] См.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 1. СПб., 1830. С. 108–110; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958. С. 223–225.

[19] Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 70; Кабардино-русские отношения… Т. 2. С. 24, 32, 102; Русско-дагестанские отношения… С. 225–226; Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723. М., 1951. С. 98.

[20] См.: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России // Записки Императорского Одесского общества истории древностей (ИООИД). Одесса, 1889. Т. 15. С. 324–325; Налоева Е.Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в. Рук. дисс. канд. ист. наук. Нальчик, 1973. С. 119–120; и др.

[21] См.: Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 324–325; Лысцов В.П. Указ. соч. С. 99.

[22] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Грузией. 1757 г. Д. 5. Л.16; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VIII (Т. 15–16). С. 372; Лысцов В.П. Указ. соч. С. 98.

[23] См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. С. 165–167; Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. С. 227–228, 235–236, 257–258.

[24] См.: Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. IX (Т. 17–18). С. 376; Молчанов Н.М. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 410.

[25] См.: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 4. Ч. 1. Кн. 59. Л. 600 об.; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966. С. 109.

[26] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 23; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 122.

[27] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 23, 154; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 46.

[28] Текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи Т. VII. 1830. С. 303–309; Русско-дагестанские отношения… С. 297–302.

[29] Осмаев А.Д. Северный Кавказ и Османская империя в первой четверти XVIII в. Рук. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

[30] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 121–122, 131; Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 112; Маркова О.П. Указ. соч. С. 122.

[31] Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / Сост. В.И. Гамрекели. Тбилиси, 1968. С. 105, 107, 110; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 118–119; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 46–47.

[32] Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859. С. 144, 149.

[33] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11; Бирюков А. Дела давно минувших дней // Ж. «Дош». № 4. 2004; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 49.

[34] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 230–230 об.; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 118–119; Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 1. СПб., 1879. С. 29; Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 206; и др.

[35] Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом… С. 119–120.

[36] См.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 127.

[37] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 122.

[38] Государственный архив Республики Грузия. Ф. 1087. Оп. 1. Д. 301. Л. 12, 14–15); Тотоев Ф.В. Страница из истории Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Т. VI. Вып. 3. Литературоведение. Грозный, 1972. С. 197–201; Боков Хажбикар. Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М., 2000. С. 10–12; Запись песни о Ханкальской битве и русский подстрочник были произведены, скорее всего, полковником К. Курумовым, чеченцем на русской службе. В 50–60-х гг. XIX в. он получил во владение до 500 десятин земли в Ханкальском ущелье, где основал небольшое поселение.

[39] См.: Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1956. С. 74–75; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 167.

[40] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела, 1746 г. Оп. 115/1. Д. 5. Л. 23 об.; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 122, 158.

[41] См.: Равинский. Хозяйственное описание Кавказской и Астраханской губерний. СПб., 1809. С. 440; Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965. С. 22.

[42] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 154–155.

[43] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3650. Ч. 7. Л. 35; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в. – 40-е гг. XIX в.) // Известия СОНИИ. История. Т. XXV. Орджоникидже, 1966. С. 155, 159; Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 173.

[44] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3787. Ч. 3. Л. 8; Материалы для истории Кавказского края // Ставропольские губернские ведомости. 1858. № 1.

[45] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения с Персией. 1743 г. Оп. 77/1. Д. 3. Л. 9; АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Грузией, 1757 г. Д. 5. Л. 16, 19, об., 20; Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 2. Владикавказ, 1912. С. 58; История Дагестана. Т. 1. С. 363.

[46] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Персией. 1742 г. Д. 5. Ч. III. Л. 622; Там же. Ф. Сношения России с Персией. 1743 г. Оп. 77/1. Д. 3. Л. 8–9; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 258.

[47] См.: История Дагестана. Т. 1. С. 372–373; Юдин П.Л. Россия и Персия в конце 1742 г. по письмам Братищева к канцлеру князю А.М. Черкасскому // Русский архив. М., 1899. Кн. 1. Вып. 1. С. 373.

[48] См., РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 183. Л. 106–106 об.

[49] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 515.

[50] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3378. Ч. 4. Л. 46–46 об.; Там же. Д. 3812. Ч. 4. Л. 31.

[51] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3378. Ч. 4. Л. 46 об.–47; Там же. Д. 3812. Ч. 4. Л. 454; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 258–259.

[52] Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 157–158.

[53] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3772. Л. 1, 2 об.; РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 230–230 об.; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 258.

[54] РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 74; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 258.

[55] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3650. Ч. 7. Л. 28; Д. 3619. Л. 28, 65.

[56] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кумыцкие дела, 1756–1758 гг. Оп. 121/1. Д. 2. Л. 5, 11; Там же. Д. 12. Л. 16–19 об. (Цитируемые здесь документы Д. 2, 12 указанного архива предоставлены автору Т.А. Исаевой); ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3584. Ч. 2. Л. 43; О кизлярской торговле // Ставропольские губернские ведомости. № 30. 1853; Киласов Р. Из истории торговли в Дагестане (Конец XVII – I половина XVIII в.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. статей. Вып. 5. Махачкала, 1974. С. 185.

[57] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кумыцкие дела. 1756–1758 гг. Оп. 121/1. Д. 2. Л. 22 об., 29 об.–30 об.

[58] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3367. Ч. 3. Л. 66; Там же. Д. 3650. Ч. 7. Л. 28.

[59] См.: Архив СОНИИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 48; Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 168. Л. 93 (Копия); АВПРИ МИД РФ. Ф. Осетинские дела. 1767–1783 гг. Оп. 128/11. Д. 1. Л. 233 об., 234; Материалы по истории Осетии (XVIII в.) / Сост. Г. Кокиев. Т. 1. Орджоникидзе, 1934. С. 83–84.

[60] См.: Смирнов Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 81–82; История Дагестана. Т. 1. С. 383; Кабардино-русские отношения… Т. 2. С. 198–199, 200–201.

[61] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1755–1757 гг. Оп. 115/1. Д. 14. Л. 1; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3378. Ч. 4. Л. 48–49; Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.). Рук. дисс. канд. ист. наук. С. 327.

[62] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 555. Л. 44 об.–45.

[63] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 51.

[64] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 555. Л. 104 об.

[65] См.: Архив СОНИИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 61 (Копия); Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // ЗТОЛКС. № 11. Владикавказ, 1914. С. 87.

[66] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 134, 137, 139, 145, 149 об., 163, 214; Материалы по истории Осетии… Т. 1. С. 84.

[67] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 137, 138–139 об.; 143, 146.

[68] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 146 об., 147–150, 176 об., 217; Головчанский С.Ф. Указ. соч. С. 101–102.

[69] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3396. Ч. 1. Л. 71, 61; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кумыкские дела. 1762 г. Оп. 121/1. Д. 1. Л. 1–2 об.; Головчанский С.Ф. Указ. соч. С. 102–103.

[70] Головчанский С.Ф. Указ. соч. С. 106.

[71] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1764–1767 гг. Оп. 115/1. Д. 5. Л. 10–10об.; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3318. Д. II. Ч. 2. Л. 125; Архив СОНИИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

[72] См.: Материалы по истории Осетии… Т. 1. С. 40, 48; Архив ЧИРКМ. Оп. 3. Св. 4. П. 59. Л. 1–3 (Копия).

[73] См.: Архив ЧИРКМ. Оп. 3. Св. 4. П. 59. Л. 4 (Копия); Материалы по истории Осетии… Т. 1. С. 47.

[74] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Осетинские дела. 1762–1782 гг. Оп. 128/11. Д. 1. Л. 18–18 об.; Материалы по истории Осетии… С. 77–83.

[75] Дружинина Е.Н. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 47.

[76] См.: Кабардино-русские отношения… Т. 2. С. 219; Смирнов Н. Россия и Турция… Т. 2. С. 87; Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957. С. 190, 197.

[77] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 102, 126–147, 157; Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Ч. 2. Вып. 1. Грозный, 1972. С. 66.

[78] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 272–273.

[79] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 4; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3318. Д. II. Ч. 2. Л. 37 об.; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия ЧИРКМ. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 67.

[80] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3318. Д. II. Ч. 2. Л. 39–40 об.; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 18.

[81] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3318. Д. II. Ч. 2. Л. 36 об., 37.

[82] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 299.

[83] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3258. Ч. 1. Л. 1.

[84] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1764–1767 гг. Оп. 115/1. Д. 5. Л. 8–8 об. Л. 21; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 299.

[85] См.: Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 157–158; Тхамоков Н. Развитие ремесла и торговли в Кабарде в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1960. С. 164; Кабардино-русские отношения… Т. 2. С. 215; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во II половине XVIII в. – начале XIX в. Рук. дисс. канд. ист. наук. С. 13; Смирнов Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 85–86.

[86] ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 1. Л. 4 об.; Кабардино-русские отношения… Т. 2. С. 233–234, 237, 243; [Фальк] Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. VI. СПб., 1824. С. 53.

[87] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 521; Кокиев Г. Сношения России с народами Северного Кавказа. Рукопись. Рук. фонд. Института ИАЭ Дагестанского центра РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 75.

[88] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3260. Ч. 2. Л. 19; Там же. Д. 2272. Ч. 2. Л. 140.

[89] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3286. Ч. 1. Л. 5; Там же. Д. 3216. Ч. 1. Л. 20.

[90] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3260. Ч. 2. Л. 70.

[91] Ресми-эфенди. Сок достопримечательного в сущности… // Библиотека для чтения. Т. 124. М., 1854. С. 5.

[92] Смирнов Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 94.

[93] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1766–1768 гг. Оп. 115/1. Д. 1. Л. 14; Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // АЭС. Т. II. Грозный, 1968. С. 104.

[94] АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1770 г. О. 115/1. Д. 3. Л. 9–9 об.; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3133. Л. 28; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 300–301; Тавакалян Н.А. Указ. соч. С. 100.

[95] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1770 г. Оп. 115/1. Д. 3. Л. 10; Потто В.А. Два века терского казачества. Т. II. Владикавказ, 1912. С. 104; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 301.

[96] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3082. Л. 23, 48; Бирюков И. Несколько слов из истории Волжского казачьего войска // СОЛКС. Владикавказ, 1912. № 3. С. 16.

[97] См.: Архив СОНИИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 168. Л. 170, 185; АКАК. Т. 1. Тифлис, 1868. С. 82; АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1875. С. 800.

[98] См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Сношения России с Грузией. 1768–1774 гг. Оп. 110/2. Д. 7. Л. 421–421 об.–422 об.; Архив ЧИРКМ. Оп. 2. Св. 3. Д. 5. Л. 3; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 303; Блиев М.М. К вопросу о времени присоединении народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 50.

[99] См.: См.: АВПРИ МИД РФ. Ф. Кабардинские дела. 1762–1771 гг. Оп. 115/2. Д. 6. Л. 115 об.–116; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 291; История СССР. Первая серия. Ч. 3. М., 1967. С. 648; Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 99–100.

[100] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. I. С. 494–496; Ч. II. С. 22.

[101] Подробно о подписании, условиях и назначении Кючук-Кайнарджийского мира см.: Дружинина Е.Н. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. (Текст договора там же, приложение № 3). С. 349–360; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 170–172.

[102] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2901. Д. 1. Ч. 2. Л. 45 об.

[103] Там же. Л. 55 об., 56.

[104] Там же. Л. 16–16 об.

[105] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 62.

[106] ЦГАРД. Кизлярский комендант. Д. 2778. Д. 1. Ч. 4. Л. 26.

[107] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 62–63; Однако командующий военной линией на Кавказе генерал Ф. Фабрициан отменил указанные соглашения: РГАДА. Ф. 23. Оп. 2. Д. 9. Л. 275 об.–276 об.

[108] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2709. Ч. 3. Л. 11, 55; Там же. Д. 2714. Л. 18.

[109] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 72.

[110] Бутков П.Г. Указ. соч. С. 109–110.

[111] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2709. Ч. 3. Л. 118; Там же. Д. 2701. Ч. 2. Л. 71; Д. 2637. Ч. 2. Л. 57–57 об.; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 109; Потто В.А. Указ. соч. С. 143.

[112] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2685. Ч. 3. Л. 72.

[113] См.: РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 4. Л. 242; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2685. Ч. 3. Л. 72.

[114] См.: РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 4. Л. 339; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. II. С. 114.

[115] См.: РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 6. Л. 275; АВПРИ МИД РФ. Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1. Л. 2–6 об.

[116] См.: Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 35, 39; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – первой половине XIX века. Грозный, 1961. С. 32–33.

[117] Ракович А.В. Прошлое Владикавказа. Владикавказ, 1911. С. 17.

[118] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2701. Ч. 2. Л. 46; Маркова О.П. Указ. соч. С. 81–82.

[119] См.: РГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 164 об.; РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 6. Л. 337 об.; Записки путешествия академика Фалька… С. 63, 73; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 45; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 31.

[120] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2412. Л. 3; Материалы по истории Дагестана и Чечни / Под ред. Р. Магомедова. Т. III. Ч. 1. Махачкала, 1940. С. 283.

[121] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 408.

Раздел второй

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЧНИ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В XVIII В. ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ИМАМА МАНСУРА

Глава VIII. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННО-СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ЧЕЧНИ К КОНЦУ XVIII В.

§1. Итоги поступательного хозяйственного развития Чечни

В XVIII столетии, особенно в его второй половине, хозяйственное освоение чеченцами плодородных равнинных земель в основном завершилось, в результате чего выросли производительные силы, торговля и обмен. Освоив равнинные земли, чеченцы стали все более уверенно втягиваться в торгово-экономические связи с Россией и соседними северокавказскими народами.

Известно, что равнинная Чечня в конце XVIII – начале XIX в., по свидетельству многих современников, стала поставщиком хлеба для горных районов Северо-Восточного Кавказа, казачества и кабардинцев. Успешное занятие хлебопашеством равнинных чеченцев, живущих на рр. Сунжа и Терек, отмечают все дореволюционные исследователи XVIII – начала XIX в.

Равнинные чеченцы земледелие вели с применением основных систем полеводства: залежной, подсечной, двухпольной и трехпольной. Велась и определенная плодосеменная работа. Горцы осуществляли полив полей, для чего строили специальные оросительные каналы. Иностранный исследователь Ю. Клапрот, посетивший в 1807–1808 гг. Северный Кавказ и, в частности, побывавший на земле чеченцев, называет их основные орудия труда и правила обработки земли. Автор отмечает, что горский плуг размером меньше, чем русский, и представляет форму изогнутого куска дерева, обе лопасти которого имеют длину около 46 см и удалены друг от друга на 20 см. Железный плоский лемех его, образующий равносторонний треугольник, прикреплен к изогнутому куску дерева и разрыхляет землю. При такой вспашке борозда имеет глубину более 15 см. Боронование горцы производили с помощью связанных вместе нескольких деревьев, влекомых быками; на деревьях стоял человек и прижимал их к земле[1].

Система земледелия у чеченцев была приспособлена к условиям горных и предгорных районов; в горах практиковалась трехпольная система, в то время как для равнинной зоны основной системой оставалась двухпольная.

В способах обработки земли у чеченцев преобладали некоторые особенности: вносили удобрения (золу, перепревший навоз, птичий помет и др.) в

основном до и после пахоты. В целях борьбы с сорняком (асар) в равнинной части Чечни, к примеру, в обществе Акки, жители за 2–3 недели до основной пахоты делали мелкую вспашку глубиной в 8–10 см. После завершения пахоты, перед началом сева почву обрабатывали при помощи особой деревянной бороны, называемой аккинцами-чеченцами «дечкан мекха».

Наибольшее разнообразие используемых орудий земледелия наблюдается в равнинной части Чечни. Здесь одновременно соседствовали как архаичные, так более современные орудия, например, сложный плуг с железным лемехом. Древнейшим орудием обработки почвы у чеченцев в XVIII в. являлась «палка-копалка», имевшая две разновидности. «Палка-копалка» – деревянный кол, длиной 110–115 см (иногда до 130 см) с каменным утяжелителем – как правило, использовалась в тех случаях, когда земля была неровной, кочковатой и обрабатывать ее плугом было сложно. Второй вариант «палки-копалки» назывался «хьокха» – длина 170–180 см. Конец такой «палки-копалки» обжигался и не имел утяжелителя. Использовали его преимущественно в предгорной зоне для посадки кукурузы.

Для предгорных районов довольно распространенным орудием труда оставался также заступ (лопата – чеч. «бел») различных видов. Для прополки чеченцы использовали орудие, очень похожее на мотыгу, которое называлось оно «аьста» или «цел». Это орудие представляло собой четырехугольную металлическую пластину, засаженную на обычную деревянную рогатину или прикрепленную на длинную деревянную ручку с помощью черенков. В рассматриваемое время были известны бороны нескольких видов: борона-волокуша, борона с поперечной доской, рамная борона и борона наподобие граблей – «терноч» (чеч. «къомсар»). Молотьбу горцы производили довольно примитивно – с помощью быков. Для этого зерновой хлеб в снопах раскладывали на ровной площадке, имеющей 20 шагов в диаметре; затем по кругу заставляли непрерывно ходить пять быков, привязанных вместе за шею и снабженных намордниками. В процессе ходьбы быки выбивали ногами зерна из колосьев[2].

Чеченцы жали хлеб маленькими железными серпами длиной более 30 см и шириной лезвия в два кольца с сильно изогнутыми и зазубренными лезвиями, но для этого употреблялись еще и косы, которые, как и серпы, были у чеченцев малых размеров.

Наличие большого количества водяных и ручных мельниц («кахьар») в Чечне, о которых говорят источники, является свидетельством высокого уровня развития земледелия (хлебопашества) как в горах, так и на равнине.

Водяные мельницы в горах были снабжены, как правило, небольшим горизонтально поставленным колесом с лопастями, приводимым в движение струей воды, текущей по желобу; зубья, расположенные в верхней части вер-

тикальной оси колеса, приводили в движение маленький жернов. Жернова изготавливались горцами из каменных плит особой горной породы.

В рассматриваемое время в равнинной Чечне в основном возделывались такие зерновые культуры, как пшеница и просо, а в горах – ячмень, овес и пшеница. Что касается кукурузы, которая в XVIII в. стала культивироваться почти всеми равнинными чеченцами, то в начале XIX в. она становится самой распространенной культурой, проникнув даже в горные районы[3].

Как известно, осенью горцы, как правило, сеяли только озимую пшеницу, а весной – яровую, шестирядный ячмень и изредка овес. Жители предгорных сел, поля которых были расположены на ровных площадях, не сеяли овес и ячмень, но зато высевали немного пшеницы, большое количество проса и род зерна, очень похожего на просо и называемого у русских «бором». Кроме того, по свидетельству очевидца-иностранца Л. Штедера, побывавшего здесь в конце XVIII в., горцы сеяли у себя стручковый горох, фасоль, кукурузу, коноплю и табак, а также выращивали огурцы.

Исходя из климатических условий, в Чечне местные жители издавна занимались выращиванием тех или иных зерновых культур по зонам. Так, например, для высокогорной зоны характерно было возделывание ячменя; для горной – яровой пшеницы и ячменя; для предгорной зоны с прилегающими равнинами – кукурузы; а для зоны сухой степи – проса. Известно, также, что у чеченцев в XVIII в., как и у многих народов Северного Кавказа, наиболее распространенными полеводческими культурами являлись просо и кукуруза. Посевы проса и кукурузы производились, как правило, поздно – в начале мая, а уборка урожая производилась осенью – в сентябре и даже иногда в начале октября. Эти же сроки подходили и для таких культур, как полба (особый вид пшеницы) и ячмень, которые так же, как и просо, вовсе не боялись осенних холодов[4].

Наравне с земледелием, скотоводство в рассматриваемое время также являлось у чеченцев основным хозяйственным занятием: преобладало разведение крупного рогатого скота. Это было связано с оседлым типом земледельческо-скотоводческого ведения хозяйства. Домашний скот обеспечивал чеченцев не только основными средствами питания, но и являлся также рабочей силой для обработки пахотной земли, перевозки грузов и людей и давал удобрение для полей. Наибольшее значение в хозяйственном отношении имели волы, являвшиеся у горцев основным видом рабочего скота. Кроме того, чеченцы содержали буйволов, особенно на равнине. Эти животные высоко ценятся в Чечне, как и на всем Кавказе, так как один буйвол заменяет в работе двух быков, а буйволиное молоко по жирности значительно превосходит коровье.

Скотоводство обеспечивало сырьем большую часть обрабатывающей промышленности, изготовлявшей необходимую одежду, обувь, постельные

принадлежности и т.д. К тому же продукты скотоводства имели хороший сбыт на рынке.

Скот в горных районах Чечни был, безусловно, местной породы – малорослый и малопродуктивный, что объяснялось суровыми климатическими условиями, бедностью покосов, нехваткой сена в зимнее время в горах и отсутствием правильной селекции. Горный скот был неприхотлив к кормам и прекрасно приживался к местным условиям. Как правило, горная корова весила 100–150 кг и давала самое большее 300–400 литров молока за лактационный период[5].

Большое значение имела кожа, из которой изготовлялась обувь, конская сбруя и т.д. Изделия из кожи, а также сыромятную кожу чеченцы продавали за пределы своего района, рога домашних животных использовали для изготовления рукояток ножей, кинжалов, шашек и других костяных поделок.

Скот служил также мерилом стоимости и основной платежной единицей при торговых сделках, уплате калыма, штрафе за кровь, увечье, бесчестье и т.д. По чеченским адатам, как и по адатам соседних горских народов, при торговых сделках или за различные преступления расплачивались скотом. Так, при выдаче девушки замуж платили «калым» от 12 до 21 коровы, в зависимости от принадлежности невесты к знатному (богатому) или же бедному роду. За убитого мужчину по местным адатам, если произошло примирение кровников, родственники убийцы платили 130 коров, а за женщину – 90. За легкое ранение головы виновник должен был отдать пострадавшему 1 барана и платить «лекарю» также баранами за лечение пострадавшего[6].

О развитии скотоводства у чеченцев в рассматриваемое время говорят не только русские, но и иностранные исследователи-путешественники. Так, например, И.А. Гильденштедт сообщает, что главное «занятие чеченцев состоит, как и у всех северокавказских народов, в скотоводстве». Другой иностранный исследователь Л. Штедер, побывавший в конце XVIII в. в Чечне, отмечал, что те же карабулаки разводят крупный рогатый скот и лошадей[7].

В разных географических зонах – горной (высокогорной) и равнинной (предгорной) – развитие скотоводства в чеченских обществах шло неравномерно. Так, например, крупнорогатый скот местные жители разводили в горах меньше, чем овец. Но дойных коров держали в обязательном порядке. Быков содержали столько, сколько требовалось для полевых работ, и оценивались они высоко. С переселением на равнины горцы стали широко пользоваться пастбищами по обеим берегам рек Сунжа и Терек. Равнинные пастбища Чечни использовало и население, пребывавшее в горах. Только в летние месяцы скот пасли в горах, а на все остальное время его старались держать на зимних равнинных пастбищах. В свою очередь равнинные жители перегоняли скот на лето на альпийские луга в горы.

Говоря о развитии скотоводства в Чечне, почти все источники XVIII в. единодушны в том, что в горных обществах условия хозяйственной жизни чеченцев существенно отличались от равнинных и основным занятием населения, здесь являлось скотоводство.

Известно также, что в основе развития скотоводства у чеченцев лежала отгонная система хозяйства, которая давала возможность эффективного использования кормовых ресурсов и климатических условий природных зон – степной, предгорной и горной. Годовой цикл отгонной системы начинался, как правило, весной, когда скот выгоняли из зимних стоянок на степные пастбища ближе к Каспию, где весна, наступала раньше. Степи Предкавказья представляли ценные пастбища в весенние, осенние и даже в зимние времена, так как в малоснежные теплые зимы скот мог легко добывать себе подножный корм.

Наличие в Чечне зимних и летних пастбищ давало горцам возможность расширять отгонное животноводство. Горные и степные пастбища зачастую годами эксплуатировались богатыми скотовладельцами, живущим на равнине, которые устраивали специальные стоянки для своего скота – кутаны. Мелкие скотовладельцы попадали в зависимость от крупных, в руках которых, в сущности, и сосредотачивались пастбища и большое количество скота. В качестве платы за пастбища и участие в скотопрогоне мелкие скотовладельцы отдавали до третьей части приплода крупным скотовладельцам[8].

Для зимовки скота горцы-скотоводы, как правило, регулярно заготавливали сено в горах. На этот факт указывают исследователи-современники. Заготовка сена в горных условиях нередко была связана с большими трудностями и опасностью. Горцы косили сено на высоких крутых склонах гор, здесь же связывали его в снопы и скатывали вниз, а оттуда привозили домой на арбах. Сено косили железной косой длиной более 60 см и шириной лезвия около 3-х пальцев, слегка изогнутой и прикрепленной к специальной ровной палке длиной более 2-х м, которая одновременно служила и ручкой[9].

Исследователь А.И. Ахвердов о присунженских и притеречных чеченцах писал, что главное богатство их состоит в овечьих стадах. Академик Фальк, побывавший в 1773 г. в Кизляре, Брагунах, Новогладовской и других местах, отмечал, что жители Брагунов имеют много скота, особенно хороших лошадей. Далее, он сообщает, что в «деревне» князя Девлет-Гирея Черкасского (с. Старый-Юрт) у жителей также много скота. Кроме того, известно, что чеченцы, жившие на равнинных землях, содержали в небольшом количестве буйволов. В целом, как видно, разведение коров и буйволов на равнинной части Чечни было развито значительно лучше, чем в горах[10].

Одной из самых древних, продуктивных и наиболее развитых отраслей хозяйства народов Северного Кавказа, в том числе и чеченцев, является овце-

водство. Овцеводство носило у чеченцев массовый характер. Овцы требовали меньше ухода, чем крупный рогатый скот, и они были менее прихотливы к корму, их можно было пасти круглый год на склонах гор. В условиях Чечни овцеводством занимались как жители предгорных, равнинных, так и горных, высокогорных районов. Условия Чечни вполне способствовали широкому развитию овцеводства, в какой-то мере дополнявшего земледелие[11].

Известно, что на протяжении веков мелкий рогатый скот давал горцам все необходимые мясомолочные продукты, а также шерсть и кожу для одежды и обуви. Из овечьего молока горцы делали сыр. Овцы являлись у чеченцев главным их богатством и своеобразным средством обмена даже в конце XVIII в. Чеченцы платили овцами за различные хлопчатобумажные ткани, полотно, ситец, медную и железную посуду, хозяйственные инструменты, соль, зерно и т.д. В рассматриваемое время среди местных жителей Чечни славились горные тушинская, черкесская и калмыцкая степная породы овец, которых чеченцы охотно разводили у себя. Заимствуя у русских поселенцев, а также у терских и гребенских казаков, чеченцы заводили у себя и овец тонкорунной породы.

В конце XVIII в. в чеченских обществах были такие хозяйства, в которых насчитывалось до нескольких сот, а то и тысяч голов мелкого рогатого скота. Так, по данным того же Д. Милютина (первая половина XIX в.), только надтеречные чеченцы насчитывали в своих хозяйствах более 200 тысяч овец (в среднем не меньше 100 овец на каждый двор). Так, кизлярский комендант А.И. Ахвердов в 1804 г. отмечал, что у ичкеринцев (восточная часть Чечни – Нохч-Мохк) основная скотоводческая отрасль – овцеводство. Относительно карабулаков, проживавших в XVIII в. ближе к горам, в верховьях р. Сунжа, А.И. Ахвердов сообщал, что они имели большие овечьи стада. Говоря о занятии овцеводством ичкеринцев и жителей Чеберлоевского общества, русские наблюдатели сообщают, что эти общества изобилуют пастбищами как в летнее время, так и в зимнее, пригодными для выпаса овец, которых горцы разводят довольно много[12].

Известно также, что чеченцы, как и соседние народы Северного Кавказа, издавна занимались коневодством. Коневодство было развито у чеченцев как в горах, так и на равнине и в основном носило экстенсивный характер. Но чеченцы-наездники предпочитали покупать строевых лошадей в Кабарде или у кумыков. Известно, что лошади местной породы были невелики ростом. Они постоянно передвигались по горам, хорошо преодолевали горные перевалы и были очень выносливы. Естественной базой расширения поголовья лошадей у чеченцев являлось развитие кошевой системы коневодства. Профессор Е.И. Крупнов считает, что широко и издавна практиковавшаяся кошевая система скотоводства у народов Северного Кавказа связана с развитием коневодства.

В конце XVIII в., по сведениям путешественника Ю. Клапрота, у чеченцев в горах определенное место в хозяйственной жизни занимали такие животные, как ослы и мулы. Безусловно, ослы и мулы, так же, как и волы, использовались горцами в хозяйстве в качестве тягловой силы[13].

В рассматриваемое время жители Чечни разводили также и домашнюю птицу: на равнине и в предгорье – кур, гусей, уток и индеек, а в горах – кур.

Наряду с основными отраслями хозяйства – земледелием и скотоводством – значительное место в экономике чеченцев XVIII в. занимали такие вспомогательные отрасли, как садоводство, пчеловодство, рыболовство, табаководство, охота, горный промысел и т.д.

Русские офицеры, побывавшие в Чечне, отмечали хорошее состояние садоводства в крае: наличие больших площадей фруктовых садов, хорошие урожаи фруктовых деревьев: яблонь, груш, вишен, слив, айвы, черешен, винограда и т.д. С каждым годом все большее количество разнообразных фруктов шло на обмен как внутри Чечни (горной и равнинной), так и за пределы края – на продажу в Кизляр или на соседние меновые дворы. Известно, что кизлярские купцы закупали у местных жителей сотни пудов сушеных и свежих фруктов и отправляли их в центральные районы России[14].

Местное население (как в горах, так и на равнине) достаточно успешно занималось огородничеством, разводили такие огородные культуры, как лук, чеснок, репа, редька, морковь, тыква, свекла, капуста, арбузы и т.д.[15] Вероятно, с широким освоением равнинных земель и расширением контактов с терскими и сунженскими казаками следует связывать культивирование некоторых огородных культур в Чечне, малоизвестных до этого чеченцам.

Развитие пчеловодства у чеченцев в рассматриваемое время самым тесным образом связано с садоводством. Большое разнообразие фруктовых деревьев, богатая горная растительность, обилие всевозможных цветов и диких ягод создавали исключительные условия для развития пчеловодства. Пчелы в свою очередь играли немаловажную роль для опыления фруктовых садов, от которого зависел будущий урожай фруктовых деревьев. Исследователь Я. Штелин отмечал, что мед и воск чеченцы добывали в большом количестве. Горский уздень А. Агаев, давая показания в Кизлярской гражданской канцелярии в 1748 г. о положении дел в Чеберлоевском обществе, среди прочих благоприятных моментов их экономического и общественного положения, в частности, отмечал, что горцы весьма богаты пчелами и т.д. Семен Броневский писал, что «горцы Северного Кавказа, в том числе и чеченцы, пчел держат в плетеных ульях на подставках» и по необходимости «перевозят их с одного места на другое со своими кошами. Воск и мед продают». О широком и повсеместном развитии пчеловодства в Чечне писали многие исследователи рубежа XVIII–XIX вв.[16]

В рассматриваемое время в Чечне было много крупных и мелких рек и речушек, а также озер (в горах и на равнине), где имелись прекрасные условия для развития рыболовства. Но главным источником рыбы, в особенности осетровых, являлись реки Терек и Сунжа в нижнем течении. Рыбным промыслом занимались, как отмечает Н.П. Гриценко, повсеместно: и горцы, и казаки, и русские промысловые люди; одни в качестве дополнительного источника существования, а другие – для торговли. Материалы этого периода сообщают также о том, что окочане (чеченцы), жившие в г. Терки, часто приезжали в Чечню к своим соотечественникам для продажи вяленой рыбы[17].

В конце XVIII в. чеченцы занимались также табаководством. Иностранные исследователи-путешественники Л.Л. Штедер, П.С. Паллас и др. отмечали, что чеченцы повсеместно занимаются выращиванием табака. Архивные материалы также свидетельствуют о том, что чеченцы выращивали табак специально на продажу, который на Северном Кавказе по своему качеству превосходил другие табаки и стоил несколько дороже. В специально составленной в Кизлярской гражданской канцелярии в 1795 г. «Ведомости...» среди прочих товаров, реализованных в декабре этого года, перечисляются разные сорта табака, а именно: калмыцкий, стоимостью 10 копеек за 1 фунт; саксонский – 8 копеек за 1 фунт; чеченский – 15 копеек за 1 фунт[18]. Надо полагать, что местом продажи чеченского табака в основном являлись российские города Кизляр, Астрахань и т.д.

Немаловажным занятием чеченцев в рассматриваемое время являлась и охота. Так же, как и у многих народов Северного Кавказа, вплоть до позднесредневекового периода охота у чеченцев оставалась существенным подспорьем земледелию и скотоводству. Дореволюционный исследователь П.Д. Головинский отмечал, что охота у горных жителей, лишенных возможности в полной мере заниматься хлебопашеством, составляет иногда одно из главных средств к существованию[19].

В рассматриваемое время в Чечне были обнаружены некоторые виды полезных ископаемых. Горы Чечни, по утверждению исследователя конца XVIII в. Я. Рейнеггса, «содержат в себе чистую известь, а в длину по всей гористой цепи находятся весьма верные признаки твердого каменного угля». В 25 верстах от р. Сунжа, говорит далее автор, находится «весьма горячий серный ключ», имеется здесь также природная сера и т.д.

Недалеко от чеченского села Даттых, расположенного на р. Фортанга, в горах находились соляные колодцы, из которых горцы выпаривали соль. Еще в начале XVIII в. на территории Чечни были обнаружены большие запасы горячих минеральных источников, которыми пользовались местные жители и казаки[20].

В XVIII в. часть населения Чечни занималась горным промыслом, в частности, нефтедобычей. Ученые-естествоиспытатели XVIII в., побывавшие в

Чечне, единодушно отмечали, что выступающая на поверхность нефть используется местными жителями – чеченцами и гребенскими казаками – прежде всего для хозяйственных нужд – в качестве осветительного, лечебного, горючего и смазочного материала. Как правило, нефтью горцы и казаки смазывали оси телег, сбруи, использовали ее для освещения и в качестве лечебного средства для домашнего скота. В западной части края, на левом берегу р. Сунжа, писал Якоб Рейнеггс, находится несколько «изобильных черных ключей горного масла (нефть. – Ш.А.), которые могут быть весьма полезны для доходов государственных»[21].

Профессор Н.П. Гриценко отмечал, что до последней трети XVIII в. нефтяные источники находились в распоряжении чеченских сельских обществ, затем они стали собственностью местных и пришлых князей и феодалов, а также русского царизма. «В конце XVIII в. нефтяные источники, – пишет профессор Л.Н. Колосов, – сделались собственностью уже не жителей, а феодальной верхушки… – князей Турловых, захвативших огромные массивы земель и нефтяные богатства на правом берегу р. Терек»[22].

Среди разнообразных домашних промыслов и ремесел чеченцев наибольшего развития в рассматриваемое время достигли такие виды, как обработка шерсти, кожи, а также металла, камня, глины, дерева, кости, шелка и других материалов, из которых изготовлялись необходимые для жизни горцев разнообразные изделия. Кроме того, местные мастера в подавляющей части удовлетворяли потребности местных горцев и феодальных верхов в одежде, обуви, орудиях труда, средствах передвижения, домашней утвари, мебели, конской сбруе и т.д.

Из шерсти кустарным способом, как известно, горцы изготовляли различные домашние сукна, платки, бурки, войлоки, хурджины и т.д. Жилища убирались шерстяными коврами, паласами, войлоками. Горцы и казаки носили шерстяную одежду домашнего производства. Собираясь в дорогу, горцы брали бурку, башлык, хурджин, попону и т.д. Чеченцы издавна занимались изготовлением домашних сукон и тканей, которые пользовались большим спросом в крае. В одном из сообщений документа 1759 г. говорится о том, что подвластные чеченскому владельцу Алисултану Казбулатова горцы пришли на переговоры с казаками Шадринской станицы и принесли с собой для возмещения убытков «два конца сукна серого (домотканого. – Ш.А.) да несколько кошм малых». Иностранные исследователи-путешественники, посетившие в конце XVIII в. наряду с другими районами Кавказа нынешнюю Чечню, указывают, что домашние промыслы в экономике чеченцев занимают важное место. Так, Я. Рейнеггс пишет в своих заметках: «Они (чеченские женщины. – Ш.А.), ткут тонкую шерстяную материю, которую можно на платье употребить»[23].

С давних пор чеченцы изготовляли из различных кож мужскую и женскую обувь, конскую сбрую, турлуки (надувные кожаные мешки для переправы по воде), походные вещевые мешки (чеч. «таьлсаш»). Дореволюционный исследователь А. Берже отмечал, что чеченцы-ламарой (горные жители) изготовляли из козьих шкур специальную сапожную кожу – сафьян и сбывали ее жителям равнинной Чечни. Обувь горцев была приспособлена к конкретным природно-климатическим условиям края, соответствовала образу жизни народов и обращала на себя внимание посещавших Северный Кавказ иностранных исследователей-путешественников[24].

Чеченцам издавна было известно изготовление высококачественных тонких войлочных ковров (истанги) следующих типов: «къорза истанг» (ковер с разноцветным орнаментом); «кIинжа йолу истанг» (ковер с бахромой), который может быть разноцветным и одноцветным, и «истанг» (простой ковер) без каких-либо разнообразных орнаментов. Иностранные авторы Я. Рейнеггс и Гамба единодушно отмечали, что чеченские женщины искусно изготавливают ковры и покрывала. Под этими коврами в данном случае надо подразумевать не ворсовые ковры, а декоративно-оформленные войлочные ковры.

В рассматриваемое время среди множества ремесел у чеченцев не последнее место, надо думать, занимало также бурочное и портняжное ремесло – изготовление одежды, головных уборов для мужчин и женщин и т.д. Говоря о чеченской одежде мужчин конца XVIII в., иностранный путешественник Якоб Рейнеггс, как очевидец, сообщает, что в ней в качестве нового элемента появляются в это время газыри на груди. Семен Броневский в начале XIX в. замечал по этому поводу следующее: «Жены у них (горцев. – Ш.А.) портные, ткачи, швеи, тесемщицы»[25].

Пожалуй, самой популярной и распространенной верхней одеждой, изготовляемой из сукна, у чеченцев, как и у многих народов Северного Кавказа в конце XVIII в., была черкеска для мужчин. Простые обычные черкески (кафтаны) шили, как правило, женщины из черного, бурого и серого домотканого сукна. Праздничные же, выходные черкески чеченцев, как и у адыгов, изготовлялись из покупного сукна разных цветов и украшались галунами и даже вышивкой. Для шитья черкесок использовались как домотканые, так и привозные сукна и даже холст. Исследователь Ян Потоцкий рассказывает о черкеске чеченца со стоячим воротником, которая имеет некоторое сходство с адыгской.

Чеченские женщины сами шили для себя один из видов верхней одежды, которую дореволюционные авторы называют «архалухом» (стеганый кафтан), и надевали его, как правило, в праздничные дни не только девушки, но и молодые женщины. Данный женский «гIовтал» был приталенный, распашной и шили его из хлопчатобумажных тканей или шелка с серебряными укра-

шениями на груди. У богатых людей «гІовталы» имели серебряные застежки и подвески, похожие на «желудей», обшивались галуном[26].

Иностранные путешественники сообщают также некоторые сведения о бешметах. В частности, они указывают, что под черкеской горцы носили еще одну одежду из шелка или другой ткани, украшенную золотым или серебряным шитьем и галунами, и называют ее по-разному: жилет, камзол, туника, куртка. И только у исследователя-путешественника Ж.Ш. Бесса встречается совершенно новое название – «каптал» (чеч. «гІовтал»), которое более точно соответствует бешмету, распространенному у всех народов Северного Кавказа. В определенных случаях бешмет носили без черкески, ибо черкеска была далеко не у всех и надевалась она по торжественным дням. Простые горцы шили бешмет из холста, полотна, бязи, и он служил верхней одеждой.

В рассматриваемое время у чеченцев так же, как и у других северокавказских народов, хорошо было развито и такое домашнее ремесло, как изготовление мужских и женских поясов из кожи и ткани. Как правило, изготовлением разных видов мужских поясов были заняты мастера из среды чеченских мужчин. У чеченцев в XVIII в. самыми распространенными были узкие кожаные пояса с небольшой железной или бронзовой пряжкой. «Такие пояса, – как отмечает известный кавказовед Е.И. Крупнов, – украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками». На кожаном поясе в качестве непременного атрибута национального костюма горцы «носили кинжал, мешочек с кресалом и трутом, пульницу и коробочку с жиром для смазывания оружия и т.д.». Случалось также, что простые чеченские крестьяне вместо кинжала на кожаном поясе носили нож в деревянных полуножнах[27].

Судя по дошедшим до нас сведениям, женские пояса-ремни изготовлялись из простой и шелковой ткани с бахромой и узорами, иногда с металлическими серебряными пряжками и т.д.

В XVIII в. чеченские женщины в качестве головного убора из домотканого сукна (толстого и теплого) изготовляли большие женские шали, которые в значительной мере заменяли им теплую одежду. Известный кавказовед Н.П. Гриценко сообщает о том, что чеченские женщины носили на голове белые платки, а иногда большие теплые покрывала, которые назывались «кортали».

Важное место среди прочих кустарных промыслов и ремесел у чеченцев занимало традиционное деревообделочное ремесло, развитию которого способствовало наличие богатой сырьевой базы, а также все возрастающие потребности местного населения и соседних народов в изделиях из дерева. Из различной породы деревьев горцами изготавливались: кухонная посуда, домашняя утварь, ульи, бочки, отдельные детали для домов, хозяйственных орудий, повозок и т.д. Горцы изготовляли из дерева множество вещей, рас-

считанных на внутренний и внешний рынок. В XVIII в. в горной Чечне наибольшее распространение получила деревянная посуда, выточенная на токарном станке. Она составляла 2/3 от общего количества предметов кухонной утвари. Это миски, чашки, чаши, большинство бокалов, стакановидные сосуды и ковши[28].

Довольно хорошее развитие в Чечне в рассматриваемое время получила и металлообработка. Чеченские мастера изготовляли разнообразные металлические изделия сельскохозяйственного и домашнего обихода, украшения, военные доспехи и снаряжения. Были такие села, в которых мастера-ремесленники существовали только за счет обмена изделий своего ремесла на продукты земледелия и скотоводства другого общества. Таким селением, например, был Гаджи-Аул, существовавший на р. Аргун до 1816 г. Занимались металлообработкой, изготовлением предметов домашнего обихода не только для внутреннего удовлетворения, но и производством изделий своего ремесла на внешний рынок жители сел. Дарго, Ригаха, Атаги и др.[29]

В Чечне были селения, в которых значительная часть мужского населения была оружейниками, как, например, с. Атаги, жители которого занимались исключительно изготовлением оружия. Авторы второй половины XVIII – начала XIX в. отмечают, что в Чечне есть отдельные местные оружейники, которые изготавливают огнестрельное оружие. Русский офицер А.М. Буцковский в 1812 г. писал, что ауховцы (чеченцы-аккинцы), живущие в верховьях рр. Акташ и Ярык-Су, по соседству с кумыками, являются весьма хорошими оружейниками и специализируются на производстве кремневых ружей. Хорошее ружье стоило до 40 рублей. Изготовление клинков было делом непростым и требовало от мастера большого опыта. Одним из широко известных оружейных центров в Чечне было с. Большие Атаги, чьи мастера и их шашки прославились в песенном фольклоре терских казаков. С давних пор в Чечне были известны шашки мастера Махьмада из сел. Джугурты и кинжалы мастера Мусы из сел. Дарго. Эти шашки отличались высоким качеством, они свободно сворачивались и укладывались в обыкновенное круглое сито для муки[30].

В чеченских селах рядом с оружейниками работали мастера по драгоценным металлам и украшениям – «серебряки», что поднимало престиж данного ремесла и делало его более разнообразным. Мастера по серебру изготовляли разнообразные серебряные бляхи на пояса, драгоценные женские украшения, газыри, застежки, амулеты, трости, конскую сбрую, украшали оружие, изготовленное мастерами-оружейниками и т.д.[31]

Хорошо было развито у чеченцев кузнечное ремесло. Чеченские кузнецы со вкусом изготовляли медную посуду и кувшины, из железа – орудия труда (плуги, косы, серпы, топоры, подковы, ножницы для стрижки овец, гвозди,

щипцы, ножи, цепи для очага, таганы, совки и др.). В письме чеченского владельца Расланбека Айдемирова на имя Кизлярского коменданта Н.А. Потапова от 10 марта 1778 г. сообщалось о том, что переселившиеся на р. Сунжа жители «черкесского Абаева кабака» неплохо владеют кузнечным мастерством: изготовляют на продажу топоры, косы, сабли, ружья и др.

Распространенным видом ремесла у чеченцев в XVIII в. было и гончарное дело. Местные гончары из хорошо отмученной глины изготовляли большое количество керамической посуды отличного обжига в виде различных кувшинов, горшков, кружек и чаш, которые украшались своеобразным орнаментом. Керамика красного цвета изготовлялась из отлично отмученной чистой глины и украшалась характерным линейным и точечным орнаментом.

Мастерам предгорной части Чечни издавна были известны литье в формах, литье по восточной модели, ковка предметов и проковка после литья, выбивание украшений из тонкого листа по матрице, вытягивание проволоки ковкой, резьба тонкого листа, чеканка и резьба по готовому литому изделию.

Чеченцам было известно и такое ремесло, как производство и обработка шелка. Архивные материалы начала XIX в. сообщают, что горцами в Кизляре было продано 156 тюков и 77,5 фунта шелка-сырца, в том числе 18 фунтов из двух селений – чеченского Кази-Юрт и кумыкского Аксай. Некоторые селения Чечни, например, Гехи, ежегодно реализовывали шелк русским «на тысячи рублей»[32].

Чеченцы занимались производством тростникового и арбузного меда для внутренних потребностей и для внешнего рынка. Этим занимались в основном притеречные чеченцы. Сахарный тростник возделывали в небольшом количестве в равнинной Чечне.

Добычей природного красителя корня марены, изготовлением из него красок, использованием их для крашения шелковых нитей и шерстяной пряжи, сукна и сафьяна занимались почти все чеченские села по рекам Терек, Мичик, Гумс и др.

Таким образом, в рассматриваемое время в Чечне в широком смысле отсутствовала еще узкая специализация производства и разделение труда в массе чеченских производственников. Подавляющее большинство изделий производилось членами семей, преимущественно женщинами и, как правило, для внутреннего потребления. Производство тех или иных предметов и изделий кустарной промышленности носило еще сезонный характер и обусловлено было потребностями близлежащих сел. В то же время следует заметить, что отдельные изделия чеченской крестьянской кустарной промышленности, наряду с внутренним обменом и торговлей, поступали на внешний рынок – к соседним народам, включая русское население по левому берегу Терека. Чеченские бурки, сукна, черкески, седла, холодное и огнестрельное оружие,

обручи, бочарные доски и другие изделия местных ремесленников, отличавшиеся высоким качеством, тонким вкусом и прекрасной отделкой, являлись уделом отдельных мастеров-профессионалов и пользовались определенным спросом за пределами Чечни.

Отдельные отрасли ремесла и домашних крестьянских промыслов чеченцев превращались (отчасти) в мелкое товарное производство, развитие которого шло параллельно с расширением рынка для их изделий.

В XVIII в. Чечня осуществляла внутренние торгово-экономические связи преимущественно в форме обмена товаров или изделий между различными горными и равнинными обществами, а также торговли с русским населением в гребенских городках по Тереку и Сунже и соседними народами Северного Кавказа. Кроме того, чеченцы поддерживали торговые связи с западными и восточными рынками через торговых посредников (купцов-тезиков, индийских и армянских торговцев), живших, к примеру, в Чечне (Брагуны), в русских городах (Кизляр, Моздок) либо в торговых центрах Северного Дагестана – Эндирей, Аксай и Тарки. Либо сами ездили в Дербент, Тамань и Крым.

Торговые связи Чечни с Россией, завязавшиеся еще в XVI–XVII вв., приобретают в XVIII в. более или менее постоянный характер, отличаются сравнительно возросшей интенсивностью товарообмена и начинают играть во внешнем товарообороте Чечни немаловажную роль.

В XVIII в. в хозяйственном быту чеченцев товары восточных стран (главным образом ткани) имели значительно более широкое распространение, нежели товары западные. В то же время торговля чеченцев с Россией и народами Северного Кавказа и Закавказья, в частности в городах Астрахань, Кизляр, Моздок, Терки, Святой Крест, Владикавказ и др., имела несравненно большее значение для экономического развития Чечни, нежели торговля с восточными и западными странами (ведь речь шла о русских фабрично-заводских изделиях и металлах)[33].

Развитие производительных сил в регионе свидетельствует о том, что вывоз сельскохозяйственного инвентаря, горского оружия, природной марены и хлеба к соседним народам и даже за пределы региона – в Россию и Персию – имел важное значение для расширения отечественного производства. Он не только способствовал росту производства сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла, но и вел к географическому разделению труда. Известно, что производство зерна и изготовление некоторых изделий ремесла, которые вывозились в российские города и даже на восточные рынки, постепенно определяли районы, специализировавшиеся на выработке этих изделий и сырья.

В рассматриваемое время в Чечне, как и на всем Северном Кавказе, интенсивно развивалась контрабандная торговля. Причиной тому были различ-

ного рода торговые запреты царизма на товары, особенно на металлы: железо, золото, серебро и др., которые запрещалось вывозить за пределы края.

В первой половине XVIII в. промышленные товары отечественного производства преобладали в русском экспорте в Иран и Закавказье. Хотя доля западноевропейских товаров (в основном сукна и краски) в вывозе и уменьшилась по сравнению с XVII в., однако в ценностном выражении она продолжала оставаться значительной.

Индийские купцы привозили через Астрахань хлопчатую бумагу, меха (овчины и мерлушки багдадские, ширазские, бухарские), металлы, медные изделия (подносы, рукомойники, чаши и др.), сафьян, чернильные орешки и др.[34]

Иранские и среднеазиатские купцы приезжали для торговли в Астрахань главным образом со своими собственными товарами, нередко привозили на продажу ханские и шахские товары, главным образом ткани.

В Кизлярском округе в конце XVIII в. проживало до 5223 купцов, мещан, цеховых, отставных солдат, государственных и помещичьих крестьян, дворовых людей, грузин, армян, горцев (включая чеченцев-окочан) и татар. Здесь сложилось 3 гостиных-купеческих дома: русский, армянский и татарский (азербайджанский) и, кроме того, было большое число лавок, рынков и лабазов. Среди других городов Северного Кавказа Кизляр в рассматриваемое время был старейшим крупным торговым центром. «Торг по северной сухопутной границе с Россией, – отмечает исследователь С. Броневский, – главнейшее стечение имеет в Кизляре, потому что через сею таможню привозят персидские товары и отпускают оные в Персию». Жители Брагунского селения Чечни вывозили в Кизляр бурки, сукно, овчины, шкуры домашних и диких животных, шелк-сырец, лошадей и скот. С Кизляром тесные торговые связи поддерживали такие крупные чеченские села, как Большой Чечен (Чечен-Аул), Старый Юрт, Урус-Мартан, Старые Атаги, Алды, Шали и др. В Кизляре находились целые улицы, заселенные выходцами из различных областей Северного Кавказа, в том числе и чеченцами[35].

Горцы либо прямо из Кизляра, либо через казаков получали соль, бумажные и шелковые ткани невысокого качества, металлы в полосах, канитель для художественной вышивки, холст, разноцветный сафьян, войлок, посуду, сундуки, мыло, бумагу. Кроме того, казаки и горцы довольно часто встречались на ярмарках, которые систематически устраивались в казачьих станицах, нередко и в больших горских аулах.

Как известно, пользуясь близостью Северного Дагестана и Чечни, из Кизляра появлялись большие группы торговцев мелким товаром, которые, по словам Платона Зубова, «изучась различным наречьям горцев, проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, производят торговлю с выгодами, едва вероятными, доставляя горцам предметы, делающиеся для них уже необходимостью». В своем рапорте генералу Тормасову от 19 января 1811 г. генерал Дельпоццо сообщал, что кабардинцы, осетины, кумыки и мирные чеченцы более предпочитают сами привозить свои товары в российские границы и продавать их по сходной цене, да и с русской стороны гораздо выгоднее покупать их из первых рук, нежели от перекупщиков армян и грузин, которые продают выменянные у горцев вещи русским переселенцам по двойной цене[36].

Царская администрация, полагая, что нельзя укреплять позиции России на Кавказе одними военными мероприятиями, в 1760 г. начинает обращать основное внимание и на развитие экономических связей с Кавказом. С этой целью 23 декабря 1760 г. Указом императрицы Елизаветы Петровны был разрешен ввоз на Кавказ различных мануфактурных товаров. Одновременно разрешалось провозить к кабардинцам, кумыкам, осетинам, как к подданным России, холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт.

Содействуя расширению торговли с Кабардой, русская администрация интересовалась и тем, какие товары можно покупать у горских народов, было установлено, что Большая и Малая Кабарда могут продавать мед, воск, просо, ячмень и в большом количестве скот. В соседних с Кабардой чеченских владениях можно было получать фрукты и пшеницу. У кумыков в Брагунском, Аксайском, Эндиреевском, Костековском и в других селениях имелись пшеница, ячмень, пшено, сорочинское просо, овощи, а в лезгинских селах, кроме того, были еще виноград, яблоки, груши, сливы, курага; у карабулаков – мед, воск, скот и пр.[37]

Следует также отметить, что жители некоторых чеченских сел были ущемлены царизмом и лишены торговых привилегий. 14 февраля 1765 г. в письме к коменданту Кизляра Н.А. Потапову от т.н. «гребенчуковского владельца» Девлет-Гирея Черкасского говорится: «Ваше превосходительство соизволило мне дать знать через письмо свое, – пишет он, – якобы в Червленской, Щадринской и Каргинской форпосты учреждены карантины, а я ныне вижу в Щадрине и Каргине карантин не имеется; а моих людей не пропускают. И крымцы, и кабардинцы проезжают через Чеченский и Брагунской деревни, а оттуда поедут в Кумыцкие жилища. Того ради прошу Вашего превосходительства, ежели вам противно не окажется и подвластные мои живущие у Теплых вод людей, прикажите без удержания пропускать в Кизляр, а из Кабарды к нам из нужды никто не приезжает...». Но и сам Девлет-Гирей оказывается, пользуясь своим положением (он сидел у бродов на русскую сторону Терека) взимал «с купцов, с каждой лошади… по 20 копеек, а ездить… через Червленский городок не допустил»[38].

Материалы свидетельствуют также, что в рассматриваемое время Чечня поддерживала торговые связи даже с Крымом. В рапорте одного русского офицера, находившегося в Брагунской деревне, сообщалось коменданту Кизляра о том, что житель Брагунской деревни Нураш Шурыгниев ездил в Крым для своих нужд и с крымскими купцами возвратился в «Чеченскую деревню» (селение Чечен-Аул).

Чеченцы исторически тяготели к Кизляру, ибо только здесь они могли приобрести необходимые фабричные товары и соответственно реализовать продукты своего труда, хотя в этом им чинили всевозможные препятствия. В письме алдинских старшин на имя коменданта Кизляра от 21 октября 1758 г. говорится о том, что они и присягнули «всемилостивейшей государыне» и «аманатов ежегодно меняли, а потому же они просят алдынскому народу дозволять ездить в Кизляр и в казачьи городки для торга и без торга свободно и о том, для ведома, казакам отписать...».

Документы говорят также о том, что чеченцы в рассматриваемое время поддерживали торговые связи со своими ближайшими западными соседями – жителями Малой и Большой Кабарды. Так, в донесении узденей князя Эльмурзы Бековича Черкасского, Бамата Усеинова и Курман-Али Менькишиева на имя коменданта Кизляра отмечалось, что они в 1759 г. ездили для торговли в Малую и Большую Кабарду, имея при себе 24 рубашки из холста, перевозка которых вместе с пошлинами обошлась им в 12 рублей[39].

Судя по паспортам, выдаваемым царскими властями после уплаты пошлинных денег для свободной торговли в других городах, окочанские (чеченские) жители Кизляра в XVIII в. вели торговлю не только на Кавказе, но и в Астрахани. В одном из документов говорится, что жителю окочанской слободы из г. Кизляр Ураку Акаеву и его работникам, т.е. подвластным ему людям – Коптиалу Кадаргулову, Алаю Аламатову, Бектимиру Кадаргулову, в 1774 г. было разрешено выехать в Астрахань «сухим путем на собственных своих подводах, а оттуда и в прочие великорусские города для покупки лошадей сроком на год». Несомненно, Урак Акаев принадлежал к имущей части населения Окочанской (чеченской) слободы города Кизляра[40].

Самым дефицитным продуктом в меновой торговле чеченцев являлась соль. «Так же, как и кумыки, большая часть чеченцев, – сообщает документ того времени, – получала соль из Шамхальского владения соляного озера Тураш, меняя оную на просо и хлеб». В самом Кизляре существовало в то время множество соляных магазинов различных предпринимателей, где горцы скупали за деньги необходимое количество соли. Торговлю солью царские власти на Кавказе использовали в своих колониальных интересах. Военный министр Барклай-де-Толли по этому поводу писал, что соляные озера у Тарков, принадлежавшие кумыкскому шамхалу, являются весьма важными как в

хозяйственном, так и в политическом отношении, а потому «занятие сих озер Россиею было ближайшим средством укротить их беспокойных соседей»[41].

Параллельно с обычной торговлей в этот период, как мы отмечали выше, получает развитие контрабандная торговля: горцы сбывали свои товары с помощью кунаков из казаков или родственников из «мирных» жителей, к которым они приходили, миновав казачьи пикеты. При встрече же последние отбирали у чеченцев их товары. Развитие контрабандной торговли в конце XVIII в. свидетельствует о росте товарно-денежных отношений[42].

Зарождение торговых центров в самой Чечне в конце XVIII в. было одним из основных показателей развития торговли и роста торгово-денежных отношений в крае. Местные торговые центры оказывали воздействие на экономическую жизнь окрестных поселений. Таким торговым центром стал Чечен-Аул, который вел широкую торговлю, имея множество лавок. Торговали здесь в основном армяне, грузины, евреи. В конце XVIII в. другим торговым центром в Чечне стал Старый Юрт, напоминающий настоящий город с лабиринтами улиц и закоулков. Крупным торговыми центрами являлись также Брагуны и Гудермес.

Несмотря на различные запреты царского правительства на ввоз в Чечню некоторых товаров, русские, армянские и грузинские купцы продолжали сбывать свои товары чеченцам. Так, в письме брагунского владельца на имя коменданта Кизляра от 20 июля 1782 г. сообщалось о том, что кизлярский купец армянин Хачатур несколько дней подряд находится с торговлей в Чечне[43].

В 80–90-е гг. XVIII в. сухопутная торговля через Кизляр достигла чуть ли не уровня торговли морским путем: «торговля русских купцов составляла сумму 20143 руб.; армянских – 834850 руб.; азербайджанских – 12325 руб.; грузинских – 12325 руб.; индийских (тезикских) и среднеазиатских – 37000 руб., а всего было реализовано товаров на сумму 916705 рублей». В 1774–1782 гг. через Кизляр было вывезено русского полотна около двух миллионов аршин, а сукна – около 20 тыс. аршин. В 1793 г. торговля через Астрахань и Кизляр с Каваком приносила чистой прибыли на сумму 1500000 рублей[44].

Одной из доходных статей в торговле с Россией и соседними кавказскими народами у чеченцев являлся лес. Чечня была богата строевым лесом. Торговлей лесом в основном занимались жители Брагунов, а также жители чеченских сел, прилегающих к Тереку, Аргуну и Сунже. Строевой лес для сбыта доставлялся в Кизляр; туда же поступал и лес на дрова; для строительства лес шел с верховий Терека. Исследователь Д.А. Милютин отмечал, что чеченский лес в больших количествах отправлялся по Сунже и Тереку в Кизляр, а также в Астрахань.

Надтеречные и присунженские чеченцы заготавливали строевой и дровяной лес, а весной в половодье сплавляли его в Кизляр. Ежегодно в Кизляр

сплавлялось от 500 до 800 плотов строевого леса. Один плот стоил от 30 до 50 руб. серебром, и это давало чистой прибыли около 25 тыс. рублей.

Чеченцы доставляли в Кизляр таркалы (колья для виноградников), ежегодно от 5 до 6 тысяч арб; за одну арбу платили от 3 до 5 руб. серебром, что давало дохода от 20 до 30 тыс. руб. Немалый доход приносила чеченцам продажа обручей и бочарных досок, которые доставлялись в Кизляр. За тысячу таких досок они получали 30 рублей. Изделия лесной промышленности, сырая нефть, табак, хлеб, фрукты, а также изделия кустарных промыслов составляли в конце XVIII в. значительную часть рыночных товаров Чечни[45].

В XVIII в. в Чечне имела место работорговля. Рабство здесь носило глубоко патриархальный характер. Основными занятиями рабов было земледелие и скотоводство. Источником пополнения рабов являлось пленение людей за пределами Чечни и покупка. Рабы (лаи), как дармовая сила, пользовались определенным спросом на меновом и невольничьем рынках. Вот что сообщают документальные источники середины XVIII в. В 1758 г. в октябре месяце чеченец Тувадак Зумаутов из фамилии Цонторлы (Цонторой. – Ш.А.) из с. Чечен-Аул продал «в Кабарду» (Тамбиев кабак) 2 рабов за 240 баранов. Там же, в это время Салтан Марашев фамилии Ширдиев из сел. Герменчук продал одного ясыря за 114 овец и одну лошадь[46].

В другом документе за 1755 г. сказано, что костековские, чеченские, эндиреевские и брагунские владельцы, испытывая недостаток в холсте, кумачах, выбойках, бумажных материалах, саблях, свинце, порохе, фузеях, кремнях, огнестрельном оружии, а также в лошадях, охотно меняли пленников «на вышеозначенные товары почти за самую малую цену, а те товары (купцы из Крыма и Кубани. – Ш.А.), оных пленников, связанных и скованных, отвозят в Крым и Кубань».

С основанием крепости Моздок на Тереке в 1763 г. торгово-экономические связи чеченцев, естественно, еще более расширились. Несмотря на всевозможные препоны, чеченцы вели торговлю с осетинами и кабардинцами в том же Моздоке. Так, кизлярскими жителями окочанами (чеченцами) в апреле 1776 г. в Моздоке осетинам и кабардинцам было продано «спинок севрюжных», другой рыбы и соли на десятки рублей[47].

Со второй половины XVIII в. в торговых связях Чечни с Россией наблюдается тенденция развития денежных отношений. Зарождение и развитие элементов товарно-денежных отношений было свойственно в основном для равнинной части края. Товарно-денежные отношения способствовали углублению разделения труда в Чечне, главным образом в равнинной ее части. Развитие внутренней торговли можно объяснить образованием в Чечне торгово-ремесленных центров – Гудермес, Шали, Герменчук, Старые Атаги, Чечен-Аул, Алды и т.д. Чеченцы, как и некоторые другие народы Северного Кавказа, вплотную подходят к товарно-денежному хозяйству, в частности, благодаря развитию торгово-экономических связей с Россией. Меновая торговля с русскими купцами перерастала в денежную; деньги становились средством расчета, вытеснив холст, который служил раньше мерилом ценности и эквивалентности[48].

Горные районы Чечни, оторванные в зимнее время от равнинной части, а также из-за отсутствия удобных дорог, были, конечно, менее втянуты в торгово-экономические связи с соседними народами. Поэтому внутренняя торговля у горных чеченцев была развита слабо. Это было связано с тем, что уровень общественного разделения труда был сравнительно невысоким.

§2. Особенности социальной стратификации чеченского общества в XVIII столетии

В соответствии с традиционным, многовековым типом общественного устройства, уровнем развития хозяйства и внешних связей с более развитыми регионами мира складывалась и социально-общественная структура чеченского общества. Со второй половины XVIII в. число как чеченских, так и иноплеменных титулованных князей в Чечне начинает уменьшаться, а в некоторых чеченских обществах и селах к концу века и вовсе исчезает. Зато быстро растет в Чечне число класса влиятельных людей, именуемых старшинами, «сильными» узденями, а также муллами и кади. Значение титулованной аристократии начинает падать. «Со времени проповедника Ших-Мансура чеченцы, – указывает С. Броневский, – все вообще приняли магометанский закон... и управляются они выборными старшинами».

Определенного внимания заслуживают сведения того же исследователя С. Броневского о чеченских князьях в прошлом и их «приглашении». В частности, он пишет: «Чеченцы имели прежде князей, но впоследствии истребили их и прибегли к своим соседям, особенно к владельцам Аварии, прося дать им кого-нибудь из родственников владычествующего дома, а как замечено неоднократно, что чеченцы народ свирепый и буйный, не только не уважают чужеземных князей, но даже приносят их в жертву жестокого своего характера и самоуправства, что чеченцы принуждены избирать из среды себя старших, хотя невольно на то соглашаясь»[49].

Чеченские «вольные общества» не позволяли князьям вмешиваться в их внутренние дела, уделяя им определенный сегмент управления и внося им плату за «управление». Дело в том, что общество, аул или фамилия, попавшие в реальную зависимость феодала, теряли свой сословный статус и расценивались как полукрепостные, зависимые. Говоря о формах зависимости крестьян от приглашенных князей, надо указать, что платить подати князю

члены того или иного общества собирались по своему усмотрению, отдавая предпочтение тому «владетелю», который более последовательно и настойчиво защищал интересы «подвластных» горцев как внутри своего общества, так и за его пределами (во взаимоотношениях с соседними народами и царской администрацией в Кизляре), и предоставлял бы им широкие возможности для торговли с народами Кавказа и Россией. Об этом говорит тот факт, что в одном из писем от 15 ноября 1784 г. на имя коменданта Кизляра И.С. Вешнякова чеченская княгиня Крымхана Росланбекова, по-видимому, вдова покойного чеченского князя Расланбека Айдемирова, сетует на то, что с живущих на Сунже, у Амирханова брода, ей подвластных чеченцев, ранее переселившихся сюда, еще при жизни князь Расланбек «брал подать по их согласию, и обычаю». Ныне же подвластные не хотят ей давать подати, «желают отдавать оную брагунскому владельцу Кучуку, который хочет над оными властвоваться»[50].

Еще ранее, 17 ноября 1771 г., упомянутый владелец Р. Айдемиров вынужден был обратиться за помощью к кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру в связи с неповиновением ему подвластных чеченцев. В частности, он указывал, что подвластные ему жители не желают переселиться вместе с ним на земли, специально отведенные царскими властями на р. Сунжа, недалеко от Горячих колодцев, более того, чеченцы отказываются выплачивать положенный ему ясак (подать)[51].

Отдельные представители чеченских социальных верхов в документальных источниках начала XVIII в. выступают, как известно, под названием «бей» – старший князь. Так, в одном из архивных документов, сообщается о том, как участник восстания в Башкирии в 1707 г. уфимец султан Мурат «ушел к чеченцам, которые живут близ Терека» и, в частности, «к бею Амирамзе... и бей-де чеченской велел ему быть к себе... и в Чечнях зимовать»[52].

Вслед за беями и элий (князья) владельцами по своей сословной и социальной градации выступают чеченские уздени и старшины – наиболее многочисленное сословие. Они зачастую в сословном плане являлись вассалами-узденями (дворянами) первых. Так, например, в письме от 14 февраля 1764 г. на имя чеченского владельца Расланбека Айдемирова местные старшины из селений Чечен-Аул уздени Лавараслан, Ида, Мата, Сулейман, Казанби, Акимерза, Урус, Мичи называют Айдемирова своим «владельцем». Из письма шибутских старшин на имя чеченского князя Эльмурзы Черкасского от 5 июля 1764 г. явствует также, что князю «владельцу» Девлетгирею Черкасскому были «подвластны» не только равнинные алдынские и герменчукские старшины и «простой народ», но и шибутские (горный Шатой) старшины Алдам Данаев, Аджи Джанаев и другие старшины с их «подвластным» населением (была такая короткая попытка первых шатоевских лиц смоделировать

у себя княжеское правление)[53]. Такие отношения могли носить порой и чисто конъюнктурный временный характер.

При всей кажущейся зависимости местных старшин от владельцев и князей в отдельных случаях некоторые чеченские старшины не стесняли себя в высказываниях недовольства действиями владельцев или князей и даже отказывались от признания их власти. Так, в письме от 12 января 1782 г. на имя кизлярского коменданта А.М. Куроедова мичкизские старшины (жители чеченских сел по р. Мичик и Качкалыковскому хребту. – Ш.А.) Актола, Айваз, Тонгар, Биймурза, Батрасхан, Мурза, Санби, Таштамир, Азнаур, Даут, Чопан, Салтан, Арслан, Карамурза, Амирбек, Чедахан, Ножи, Имата, Осман сообщали о нежелании выплачивать подати приглашенным владельцам из аксаевской княжеской фамилии, так как недовольны выполнением ими оговоренных условий. «...Наши владельцы умеют с нас только забирать подати, – писали старшины, – а порядочно содержать не знают, а потому вынуждены между собою учинить присягу «в том, чтобы подати им не платить и коди (штрафы или зерновая выплата? – Ш.Б.) не давать»[54].

В другом письме от 18 марта 1782 г. на имя кизлярского коменданта А.М. Куроедова гехинские старшины (с. Гехи) Казий, Канбулат, Нулук, Буртукай, Козмамат, Пуча и им подвластные крестьяне просили о разрешении переселиться на левый берег р. Сунжа напротив станицы Наурская, куда накануне из их селения якобы переселился старшина Кайтука. В качестве пожелания русской администрации гехинские старшины указывают далее в письме о необходимости укрепления порядка в деревне (Гехинской) и определении над ними (старшинами) кабардинского владельца Навруза, сына Дохтука-Мисоста, которому, по существующему обычаю, полагается платить за услуги подати[55].

В то же время следует отметить, что чеченские старшины находились от местных князей (элий) в своеобразной вассальной зависимости. Кроме того, в обязанности чеченских старшин входило, по-видимому, при первой же необходимости оказывать помощь князю или владетелю и выступить на его стороне со своими вооруженными людьми.

У чеченцев в XVIII в. термин «уздень» выражал неоднозначное социальное понятие. Дореволюционные исследователи Голенищев-Кутузов, Дубровин, Лаудаев и др. под чеченскими узденями понимали людей вольных и независимых. Правда, другой исследователь А.П. Берже отмечал, что чеченские уздени – это суть дворяне[56].

Действительно, наряду с вышеперечисленной сословно-имущей верхушкой (князья, владельцы, старшины) у чеченцев существовала такая социально-имущая категория, как уздень – оьзда стаг (чеч.), которая по своему имущественному положению стояла, по-видимому, после князей, вла-

дельцев (феодалов) и составляла, скорее всего, несколько категорий. Первую категорию составляла часть свободных узденей, состоявших в силу наследования, личных качеств и богатства, близости к титулованному феодалу, в разряде влиятельных «сильных» людей и «старшин». Не случайно князья, владельцы и старшины в селе стремились опереться на знатных и влиятельных чеченских узденей, которые пользовались в обществе большим авторитетом, в т.ч. вследствие своего большого «родства» и имущественного положения. Об этом, например, прямо указывает в своей реляции от 22 февраля 1749 г. на имя кизлярского коменданта генерал-майор князь Эльмурза Черкасский, заявляя, что «всегда Чеченская деревня имеет силу своими узденями»[57].

Вторую условную категорию узденей в Чечне составляла масса лично свободных общинников, являвшихся держателями земельных участков и входивших в ту или иную аульно-общинную систему. Безусловно, в конкретно-исторической среде своего бытования социальное содержание термина «уздень» менялось. Однако при этом в Чечне в XVIII в. уздень – это не только состоятельный и влиятельный человек, но и представитель основной производящей части населения.

В письме от 16 декабря 1764 г. на имя кизлярского коменданта Н.А. Потапова генерал-майор русской службы Эльмурза Черкасский отмечал, что отдельные чеченские уздени являлись, как правило, выходцами «из лучших и сильных фамилий», они могли свободно, по собственному желанию проживать «в ведомстве» любого чеченского владельца. В зависимости от личных связей, симпатий и политической ориентации того или иного владельца уздени со своими семьями могли свободно уходить и жить во владение любого владельца[58]. Приведенный факт свидетельствует о том, что данная категория узденей являлась свободной независимой частью (прослойкой) чеченского общества.

Документальные источники 1749–1751 гг. свидетельствуют о том, что многие чеченские владельцы имели при себе знатных узденей. Так, например, известный чеченский владелец Айдемиров имел при себе знатного уздня по имени Кучук; владелец Алибек Казбулатов держал при себе узденей Мурзакая Сунгурова, Казыхана Казылева, Али-Исхана Бисакаева, Юнуса Челчика; брагунский князь Мудар – Абата Ильясова, Абата Козиш, Махмуда Замицуева и Актулу Турлова; владелец Герменчукской деревни Девлетгирей Черкасский – Кулая Баматова и Бамата Чоматова и т.д.

В рассматриваемое время знатные чеченские уздени имели собственных холопов, используемых для хозяйственных работ или на продажу. В рапорте кизлярского коменданта Н.А. Потапова в Государственную Коллегию иностранных дел от 17 апреля 1765 г. сообщалось, что с чеченским владельцем князем Р. Айдемировым проживает на тот момент 4 узденя – Чепал Черкасов

и Умар Муруев с братьями и с ними их собственные холопы – 92 человека (60 мужчин и 32 женщины). В документе за 1775 г. говорится о том, что у чеченского князя Алихана Алибекова из сел. Большие Чечни во владении имеется 20 узденских дворов, притом узденю Акмурзы Мамулатову принадлежит 4 двора холопов; знатным узденем «деревни Карабулакской» указан некий Бузурта Фиразов[59].

Документ за 1775 г. сообщает сведения о том, как один из знатных мичкизцев (чеченец) по имени Юсуп, одновременно являлся «ближним узденем» у брагунской княгини Кичибике и приезжал по необходимости в ее владение. Уздень Юсуп имел свой личный двор и имущество в Брагунской деревне. «Живущий в Брагунской деревне оное чеченца Бекея ближний родственник мичкизец Юсуп, – говорится в донесении от 14 января 1755 г., – у владелицы Кичибеки почитается за узденя... и двор его Юсупа и ныне весьма часто в Брагунскую деревню приезжает для свидания с нею, владелицей»[60].

В 70–80-х гг. XVIII в. во многих чеченских обществах роль знатных узденей возрастает настолько, что царские власти предпочитают брать аманатов (заложников) от них, а не от князей. Царская администрация на Кавказе поддерживала со знатными узденями такие же контакты, что и с князьями и владельцами, и при случае не упускала возможности приласкать местную верхушку в лице узденей деньгами или подарками. Так, по свидетельству документа за 1771 г. чеченскому узденю Байзе, который был проводником и охранником представителей царской администрации, выдали 20 рублей.

В XVIII в. в чеченском обществе была зафиксирована также небольшая сословно-имущая социальная категория «чанка». Так на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, называли детей шамхалов, ханов, уцмиев и других владетелей-беков, рожденных от брака с незнатной женщиной. По своему социально-имущественному положению «чанка» стоял ближе к чеченским владельцам и старшинам. Так, например, в одном из архивных документов 1771 г. сообщается о том, как житель Девлетгиреевской деревни чанка Боташ Исмаилов вместе с другими проводниками из числа знатных чеченских владельцев и старшин сопровождал экспедицию царских властей во владения карабулаков и осетин с целью приведения их к присяге. За участие в качестве проводника царской администрации Боташу Исмаилову было отпущено властями для поощрения 23 рубля[61].

Другую сословно-привилегированную категорию чеченского общества составляло мусульманское духовенство в лице мулл, алимов, кадиев и шейхов. В рассматриваемое время духовное сословие было уже относительно распространенным. Мусульманское духовенство в этот период, по-видимому, также было далеко неоднородным. По всей вероятности отдельные сельские муллы или кадии обладали земельными и другими угодьями. Так, в письме

чеченского владельца Расламбека Айдемирова на имя кизлярского коменданта от 26 августа 1762 г. среди знатных влиятельных фамилий узденей селений Алды, Чечен-Аула и Топли называется фамилия одного из мулл сел. Алды Исханова, причем сын его Эльдархан назван еще и узденем. В конце XVIII в. источники называют в Чечне, в частности в сел. Шали, знатных и влиятельных мулл и хаджи – Умар-хаджи, Ногай-Мирза-хаджи, Бисултан-хаджи и Хамби-хаджи, совершивших в свое время паломничество (хадж) в Мекку[62].

Духовные лица в селах обучали детей в начальных школах (хьуьжарш) за плату. Кадии производили суды по шариату в противовес судам по адату, совершаемым сельскими старшинами и владельцами. О привилегиях местных мулл и кадиев говорит тот факт, что они не отбывали никаких повинностей в пользу князей, владельцев и старшин. Сельские мечети в Чечне имели свои земли, называемые вакуфными. Ими распоряжались кадии и муллы, и доход, получаемый с них, использовали для нужд мечети. Десятая часть от сбора урожая крестьянина в виде дохода от «закята» также поступала в мечеть. От группы дворов или с каждого двора, в зависимости от общего количества их скота, в пользу мечети выделялся также крупный и мелкий рогатый скот.

Местные муллы, кадии и ученые-алимы получали различные подарки, подношения или вознаграждения во время мусульманских праздников, свадеб, при заключении брака по шариату, при разделе имущества семьи, при похоронах и т.д.[63]

Со второй половины XVIII в. в Чечне параллельно с меновой торговлей все большую роль стала приобретать денежная торговля местных жителей с российскими купцами и соседними народами, вследствие которого в чеченском обществе стала складываться другая, влиятельная социально-имущая категория – местные торговцы-купцы (чеч. «совдегарш»). Документы этого времени сообщают о том, что чеченцы приезжали для торговли с казаками, имея целые обозы товаров. Так, например, в 1751 г. царские власти на Тереке не пропустили без соответствующего билета на право торговли к соседним казакам для продажи своих товаров чеченца из с. Алды Цуканая Кичиева с 20 арбами. Необходимость для чеченцев в этот период любым способом сбыть свой товар была столь настоятельной, что они целыми толпами с огромным количеством обозов «толпились» на берегу Терека у русской границы. Власти вынуждены были даже сдерживать их «натиск» вооруженной силой[64].

В рассматриваемое время в отдельных чеченских высокогорных обществах, на границе не охваченных исламом, могло сохраняться и такое социально-имущее сословие, как «жрецы» – цIой (цой). Известно, что «город мертвых» (ЦIой-пхьеда) в обществе Малхиста означает «местопребывание жрецов». Чеченские жрецы разбирали в горных обществах различные междоусобные споры и тяжбы. С конца XVIII в. (начало движения горцев Чечни

во главе с шейхом Мансуром в 1785 г.) социальная база жречества в чеченском обществе начинает резко сужаться, ибо на смену жрецам в самых глухих уголках страны приходят последователи ортодоксального ислама[65].

В значительном числе чеченских героико-исторических песен-«илли» XVII–XVIII вв. представлены также военные предводители, именуемые тхамадами (глава, руководитель), баьччами (вождями отрядов, военных походов) и т.д. Источники недвусмысленно утверждают о том, что в рассматриваемое время отдельные чеченские отряды во главе с «баьччами» не раз ходили походами на русскую границу, шли в найм в Грузию, где грузинские цари использовали в походах военные силы горцев.

Давно также высказывались предположения относительно существования у чеченцев в рассматриваемое время и такого сословно-социального термина, как «бIаьхо» (профессиональный воин). Более того, в чеченском языке широко бытовало еще несколько терминов, выражавших социальное понятие категории «бIаьхой» (воин или стражник) – «гIой» (гой); хой, бIо (бо), «гIезихой» (гезихой), эскар (эскархо)[66].

В Чечне в XVIII в. в силу специфических условий развития общества и, в частности, отсутствия государства со всеми надлежащими атрибутами, не было государственного аппарата принуждения, а потому феодально-зависимое положение непосредственного производителя не было закреплено юридически в форме закона. Крестьянин-уздень, равноправный член вольного общества-республики, был юридически свободен, обладал необходимыми средствами производства (земля, скот), был связан и другими формами социализации в лице религиозной общины, землячества, тайпа, фамилии, близкого родственного круга. Все это удерживало личность в состоянии «свободы» обязанностей.

Для Чечни в рассматриваемое время самым распространенным видом внутриобщинной повинности оставался натуральный оброк в виде ясака, известный и как подать, налог взимаемый для оплаты услуг правителя княжества-»государства». Одновременно существовала и отработочная рента – когда члены общества несколько дней в году обрабатывали княжеский и вакуфный участки (что выделялись соответствующим обществом). Последняя форма была характерна для надтеречных аулов, в которых князья выступали как первопоселенцы, пригласившие крестьян на «землю». Ясак в денежной форме взимался сравнительно редко. Судя по документальным сведениям, самым популярным видом продуктовой ренты, получаемой чеченскими владельцами от своих подвластных, был зерновой ясак[67].

Дореволюционный исследователь истории и этнографии чеченцев У. Лаудаев отмечал, что ясак или подать платили по условиям договора владельца с жителями: условия эти, смотря по обстоятельству, т.е. большему или мень-

шему влиянию князя на страну, изменялись, т.е. подати либо увеличивались, либо уменьшались. Обыкновенно платили в зависимости от количества крупного рогатого скота, овец, лошадей и проч. Бывали примеры, когда от овец платили 3%, от крупнорогатого скота – 1%, случалось, что от овец платили только 4%, а от скота ничего не платили. Однако нарратив Лаудаева носит зачастую умозрительный характер.

По данным Буцковского, часть чеченцев, живущих в обществе Аух, платила кумыкским князьям ясак баранами и обязана была давать в случае вооружения вспомогательных воинов. Размер ежегодного зернового оброка, вносимого крестьянами аксаевским (кумыкским) князьям во второй половине XVIII в., достигал одной мерки (бустург – ок. 11–12 кг) пшеницы от каждого урда (около 0,5 га) посевной площади[68]. По существу такой «оброк» носил номинальный характер.

Существенным источником доходов для местных владельцев и князей на границе Чечни и Кумыкии являлась отработочная рента-барщина. Документальные сведения середины XVIII в. сообщают нам, что жители нескольких пограничных сел по нескольку дней работали всенародно «по своим обычаям для пахания на владельца» и «посеяния хлеба», а живущие в «частных аулах» по правому берегу Терека чеченцы «дань платят баранами» и выделяют с каждого двора рабочего на один день князьям к посеву, жатве, сенокошению в их хозяйстве[69]. Правда подобная практика быстро сходила на нет по мере укрепления общинных порядков в аулах вчерашних арендаторов.

В рассматриваемое время в чеченском обществе существовала также категория юридически социально-зависимых людей. Одним из самых древних социальных терминов, обозначавших людей подобной категории, является «лай» – раб. Благородных называли «оьзда нах» (уздени), а неблагородных, эксплуатируемых – лай (рабами). Сословие лай сохранилось в Чечне вплоть до XIX в. В рассматриваемое время в Чечне, если пленник («йийсархо»), принадлежавший к другому племени, не мог быть выкуплен его близкими, он оставался у того, кто взял его в плен, и превращался в домашнего раба и именовался «лай». «Оставленный на произвол судьбы пленный, – указывают исследователи Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, – сам уже терял желание возвратиться домой, предпочитая оставаться у хозяина. Во всех случаях оставления на работу «йийсар» (ясырь) именовался «лаем». Так именовался и после того, как получал право владения на средства производства...». Так, уздень из чеченского селения Алды Цуканий Кичиев имел пленных ясырей афганца Комара Куркаева и персианина Ахлаверды, которых он использовал в качестве холопов. Чеченский владелец Р. Айдемиров имел при себе пленного персианина-ясыря по имени Акбас Байсикулов, которого он также использовал у себя в качестве холопа[70].

Лай (рабы) как дармовая рабочая сила пользовались определенным спросом на меновом рынке. «Было время, – сообщает документ, – когда рабов лаев продавали за 7 аршин ситца. Однако в связи с тем, что царская администрация препятствовала работорговле, цены на рабов во второй половине XVIII в. значительно возросли»[71].

Лай (холоп) не имел своего дома; ему разрешалось, согласно преданиям, возводить лишь пристройку к дому своего хозяина. Он также не имел земли и сельскохозяйственного инвентаря, был лишен права участия в делах аула и т.д. В XVIII в. среди чеченцев сословие «лай» вследствие «демократической» системы общественного строя было не таким уж многочисленным, тем более что лай зачастую уже при жизни переходили в разряд вольнотпущенников – «азат»[72], дети которых, в свою очередь, становились равноправными членами аула и общества, хотя и не имели того веса, что коренные уздени. Кстати переход иноплеменных «ясырей» в ислам значительно ускорял их инкорпорацию в традиционное чеченское общество.

К социально-зависимому сословию в чеченском обществе согласно архивным материалам XVIII в. относились также «работные люди». Известно, например, что в «Книге для учета пошлин, взимаемых с проезжих жителей», сообщается о том, что 9 февраля 1726 г. с жителя г. Терки окоченца (чеченца-аккинца) Курмана Богоматова «да при нем его жена Кихата Арасланбекова с их двумя работниками и столько же работницами», которые были пропущены властями через заставу «для торга в Аксай, была взята соответствующая пошлина». Среди знатных и влиятельных окоченских «владельцев», старшин и узденей из г. Терки называются следующие: Суркай Усманов с его двумя работниками; Умар Менкишиев с одним работником; Бабуша Абдурахманова с холопкой и двумя работниками; Бамат Касканов с одним работником; Ибрагим Гиреев с одним работником; Махмуд Мусаев с двумя работниками и т.д.[73]

В рассматриваемое время в Чечне, как нам известно, отсутствовало крепостное право и феодальный строй в той классической форме, в которой он существовал в ряде стран Восточной Европы и России. Зато испокон веков здесь существовало сословное неполноправие, с князьями и беями, патрицианскими узденскими фамилиями, муллами, алимами и кадиями, массой рядовых узденей – свободных крестьян. На последней ступеньке социальной лестницы находились йийсархой, лай и азаты – вольноотпущенники и работники.

Вместе с тем узденско-крестьянская модель общественного устройства и усиление полисных, «республиканских» начал в общественно-политической жизни чеченских обществ (с ослабление феодальных элементов как таковых) приводили к победе «народного» проекта в общественном укладе над княжеским, аристократическим.

§3. Административно-политическое устройство «вольных» обществ и феодальных владений Чечни накануне движения имама Мансура

К концу XVIII в. Чечня, несмотря на ярко выраженную национальную и религиозную консолидацию, не имела единого государственного устройства. Вся территория чеченцев состояла из целого ряда более или менее крупных феодальных владений (княжеств), главным образом, на плоскости и т.н. «вольных обществ» и «республик-федераций» (союзов сельских обществ) на всей ее территории. В качестве объединяющего политического и экономического фактора страны у чеченцев выступала Чеченская равнина, к которой подтягивались горные районы края. Отличительной особенностью политического устройства чеченцев в рассматриваемое время являлось то, что в обществе наблюдалась своеобразная феодальная и административно-политическая раздробленность, которая стала утрачиваться только к концу XVIII в.

Каждое феодальное или княжеское владение, расположенное на равнине края, а также различные «вольные» общества (в большинстве своем расположенные в горах) представляли собой в какой-то степени самостоятельные и обособленные друг от друга территориально-административные единицы. Князья, феодалы и класс старшин и узденей вели независимую друг от друга как внутреннюю, так и внешнюю политику с соседними народами и Россией. Более того, отдельные чеченские князья, старшины и общества подчас конкурировали между собой. Из-за отсутствия единого доминирующего политического центра взаимоотношения между феодальными владениями и сельскими обществами в горах, а также внутри самих обществ строились на основе договоров и соглашений, регулировавшихся обычным правом – адатами, а в XVIII в. и шариатом.

В то же время в отдельных районах Чечни со второй половины XVIII в. продолжался процесс слияния так называемых «вольных» обществ в более крупные региональные союзы сельских обществ. Данные общества зачастую находились под влиянием местной феодализирующейся знати в лице тех же старшин, богатых узденей и т.д.

Существенным подспорьем при рассмотрении данной проблемы является, на наш взгляд, исследование известного поэта и выдающегося этнографа Чечни XX столетия А.С. Сулейманова, в котором дан обстоятельный анализ всех этнических обществ чеченцев с учетом исторически сложившихся географических районов локализации их на территории нынешней Чечни[74].

Учитывая, что материалы топонимии Чечни, связанные с сельскими обществами и их традициями у чеченцев, в прошлом отличаются архаичностью и консервативностью, ретроспективный анализ источников работы А.С. Сулейманова позволяет утверждать, что общее число самостоятельных обществ Чечни (малых и больших) в рассматриваемое время превышало 60.

В 70-е гг. XVIII в. исследователь И.А. Гильденштедт, побывавший во главе научной экспедиции на Северном Кавказе и, в частности, в Чечне, называет ряд наиболее крупных этнических обществ на территории так называемой «Кистинской области», а именно: этническое общество Чечен (по-видимому, полагая его союзом «владений» и обществ), а также более мелкие сообщества – «Арахи, Кулга, или Дганти, Джанти, Чабирло, Шабет, Чисхрикакер». Автор называет также ряд других территориальных обществ – Карабулак, Меести, Мереджи, Галашка, Дубан, не входящих в указанное объединение. Он же указывает группу аулов под общим названием «Качалык» (Качкалык – чеч. «ГIачалкх»), куда входило 6 «горских деревень» располагавшихся по скату Качкалыковского хребта (занимавшие территорию от нынешнего г. Гудермес до границы с Дагестаном по р. Аксай) и находившихся в некоей ассоциации с кумыкскими феодальными фамилиями княжеств Аксая и Эндирея[75].

В конце XVIII – начале XIX в. бывший кавказский чиновник С. Броневский, опираясь на материалы своих предшественников XVIII в. (И.А. Гильденштедт, П.С. Паллас, С.Г. Гмелин и др.), также называет территорию нынешней Чечни «Кистинской областью» и локализует на ней этнически близкие и родственные по своему происхождению, языку, обычаям, нравам, религии и хозяйственной деятельности 4 крупных образования: «1) Кисты, собственно так называемые; 2) Ингуши, или Ламур (горные жители. – Ш.А.); 3) Карабулаки, или Арште; 4) Чеченцы или Шешены (называемые также Мичкизы)». Автор посчитал, что поскольку чеченцы как «многолюднейшее колено» занимает большую половину так называемых «Кистинских земель», то условно можно разделить всю «Кистинскую область» на 2 неравные части: на одной части располагаются языческие горцы – «ламур» (включая ингушей и карабулаков), а на другой – чеченцы-мусульмане («мирные» и «немирные»)[76].

Говоря же об административно-территориальном устройстве чеченцев, С. Броневский замечает, что разделение Чечни на области, провинции, волости, округа, колена, большие и малые общества и союзы является весьма условным, ибо он не видит явного «различия округов или волостей от «колен», поскольку под ними подразумевались в равной мере как «общинные области», так и «малые волости», включавшие в себя несколько деревень, принадлежавших к какому-либо «колену» (тайпу). «Из таких деревень одна признается всегда главою союза или сборным местом, и, как правило, «все общество называется по имени главной деревни». Такие общества называются дистриктами, округами и уездами. В то же время малые общества или союзы обществ чеченцев не всегда соответствуют названию волостей из-за малого количества жителей[77].

В XVIII в. в восточной и северо-восточной части Чечни располагались 3 крупных союза обществ: горная Ичкерия, называемая чеченцами Нохч-

Мохк; Аух и Качкалык. Горная Ичкерия (Нохч-Мохк) занимала верховья рек Хулхулау, Гумс, Мичиг, Аксай, Яман-Су, Ярык-Су и представляла собой крупный союз «вольных обществ» аулов. В документах XVIII в. он называется «Ичари мооскиз» (т.е. ичкеринцы-мичкизы) и насчитывает до 50 малых деревень, объединенных в свыше 20 самостоятельных обществ.

Так, ичкеринское общество ЦIонтарой состояло, к примеру, из нескольких хуторов и отселков, группировавшихся вокруг селения ЦIонтарой, которое являлось одновременно политическим и духовным центром данного общества, а порой и всей Ичкерии. Крупнейшие общества Беной и Зандак состояли из нескольких чеченских селений, хуторов и отселков и были расположены на крайнем юго-востоке Чечни. Так, политическим и духовным центром общества Зандак являлось село Зандак. В таких обществах в основном проживали однотайповцы, разделявшиеся на ряд некъе и гаров[78].

В конце XVIII – начале XIX в. исследователь А.М. Буцковский называет крупное чеченское общество Аух и перечисляет состоящие в нем села: Акташ (200 дворов), Юрт (50 дворов), Аламак (80 дворов), Ярык-Су или Качалык (300 дворов), Кешень (200 дворов), Гилян (100 дворов); также он называет близлежащие села и общества – Зандак (100 дворов), Герзели (50 дворов), Дада-Юрт (87 дворов), Умар-аджи-Юрт (45 дворов), Балча (60 дворов), Хасса-Мекент (70 дворов), Чучели (40 дворов), Даттых (30 дворов).

Другое крупное общество Восточной Чечни – Качкалыковское – источники локализуют на территории между устьем рек Сунжа на западе и Аксай на востоке. В общество Качкалыковское, или Качкалык, к концу XVIII в. входило уже не 6 или 7 как раньше, а 21 селение, из них крупных: Ойсунгур, Кошкельды, Исти-су, Аллерой, Наурус-аул, Курчалой, Акку (Оку), Дада-Юрт и др. Кроме собственно качкалыковских селений, исследователи включали в его состав возникшие к этому времени равнинно-предгорные ичкерийские селения Аллерой, Курчалой и Акки (Оку-юрт)[79]. Иностранный исследователь Ю. Клапрот на рубеже XVIII–XIX вв. называет такие селения общества Качкалык, как: Кошкельды в 300 дворов, Ноемберды – 350 дворов, Ойсунгур – 350 дворов, Исти-су – 500 дворов, Наврусаул – 50 дворов и т.д. [80].

Несмотря на то, что качкалыковские чеченцы формально считались подвластными аксаевским князьям, они мало-помалу, пользуясь послаблением власти князей, выходили из их повиновения и никаких податей им не платили. Жители таких селений считали себя первопоселенцами, а князей – приглашенными наемными управляющими.

К юго-востоку от Восточной Чечни в горах, вверх по притокам рр. Джалка и Шаро-Аргун, были расположены большие чеченские общества-федерации – Чеберлой и Шарой. Население Чеберлоевского общества составляло около 3 тыс. душ мужского пола. Большая часть чеберлоевцев жила в хуторах-

усадьбах. Несколько хуторов объединялось в одно селение под общим названием. Такое селение представляло собой как бы общество из представителей одного рода (гара, тайпа). Так, крупное общество Чеберлой в рассматриваемое время объединяло несколько тайпов-гара (родов), представлявших каждый в отдельности небольшое общество – сс. Макажа, Садой, Орсой, Тундакха, Арис-оьвл, Хьаркруо, Басахуо, Бунахуо, Хой, ХIинда, Къоьрзуной, Ригаха и др. Всего 12 сел-обществ. Своим духовным и политическим центром жители Чеберлоевского региона считали сел. Макажа[81].

В конце XVIII в. чеченское общество Шоара (Шарой) в верховьях Шаро-Аргуна граничило на юге с обществом Шикъара, на западе – обществом ЦIеса, на востоке – Хьакъмада, на севере – ДIай. Общество Шора (Шарой) в течение нескольких веков играло ведущую политическую, экономическую и культурную роль в Шаройской котловине, являясь одним из центров древнейших поселений предков чеченцев. Шарой состоял из трех главных поселений (обществ) с тайповыми названиями: Шора, ЖагIал-да, ГIой, в которых сосредоточено было множество хуторов, отселков, где жили отдельные родственные некъе и гары. Духовным, административным и политическим центром данного общества являлось село Шора (Шарой).

Другое самое известное горное общество-федерация – Шотой (Шуьйта), расположенное в бассейне Чанты-Аргуна – имело несколько названий: Шубути, Шабарлой, Аш-Шубута, Шуоти, Шуот, Шуьйта, Шотой. Общество Шотой объединяло целый ряд самостоятельных селений-обществ – Хьакой, Гаьтти, Вашандарой, Пхьамтой, Хьаккой, Маьршалой, Саьттой, Саной, Тумсой, Борзхой, Варандой, Келой и др. За каждым названием значилось конкретное село с названием, ставшим «тайповым», и масса мелких хуторов и отселков. Духовным и политическим центром данного общества считались в разные времена разные селения. В XVIII столетии каждому селу-обществу полагалось обязательно иметь мечеть.

В юго-западной части Чечни были расположены известные чеченские общества – Нашха, Терлой, Митхо, Майсты, Чанти и др. В конце XVIII в. общество Нашха составляло 200 дворов (более 1 тыс. жителей) и состояло из 4-х крупных тайпов или некъе – Нашха, ЧIармаха, МогIуста, Хьайбаха. Многие коренные чеченские тайпы, кстати, признают себя выходцами из Нашха. Названия многих сел общества Нашха идентифицируются с названиями отдельных чеченских тайпов (например: Бена-кха, Мулка и др.). Духовным и политическим центром общества Нашха считались поселения Хьайбаха и ХIийлах[82].

Горное общество Терлой в Чанты-Аргунском ущелье центральной части Чечни в конце XVIII в. состояло из 13 населенных пунктов с 200 дворами жителей. Этнограф А.С. Сулейманов считает, что внутри общества Терлой, были

отдельные подразделения, объединявшиеся вокруг сел. Никархой и БархIай в бассейнах рр. Никархойн-эрк и БархIайн-эрк, а также сел. БIавлой в бассейне р. БIавлойн-эрк. Следовательно, Терлоевское общество было союзом обществ. По сведениям грузинских источников, общество Терлой объединяло 21 населенный пункт со 163 дворами-усадьбами[83].

Согласно грузинским источникам, в конце XVIII в. в обществе Малхиста (хевсурское название «Митхо») было сосредоточено 11 селений со 177 дворами-усадьбами, в которых проживало 1,5 тыс. жителей, а именно: сс. Тертего (60 дворов), Бонисты (30 дворов), Джареги (20 дворов), Харпато (200 дворов), Сохано (10 дворов), Бостаны (10 дворов), Мизо (7 дворов), Икельта (6 дворов), Камалако (5 дворов), Бозияхи (5 дворов), Оласкано (4 двора).

Известное чеченское общество Майста (МIайстой) в конце XVIII в. граничило на юге с хевсурами, на севере и западе – с обществами Маьлхи и Кей, на востоке – с обществом Хилдехьа. В обществе Майста находилось всего 3 села – ТIуга, ПуогIа, ЦIекхелли. Все эти 3 аула лежали на склонах ущелья и р. МIайстойн-эрк, текущей с юга на север. На левом берегу р. МIайстойн-эрк лежали сел. ТIуга, ПуогIа, а на правом берегу – с. ЦIекхелли. Согласно сведениям Н.Г Волковой, общество Майсты располагало 3 селениями из 72 дворов-усадеб.

Эти же селения в несколько измененно-усеченной форме называет А. Зиссерман (Цахиль-Гой, Тут-Гой, По-гой) и другой русский исследователь Г. Радде (сс. Гуго, Пуго и Джавари-сопели). По его сведениям, все эти три села были расположены по правому притоку р. Аргун – ручью Майсты и общее число жителей-мужчин составляло не более 200 человек. Однако самым крупным селом в обществе Майсты, по рассказам старожилов, являлось четвертое село – Фаранз-кхелли, которое по каким-то причинам было заброшено[84].

Общество Чанта (ЧIаьнтий) было расположено в бассейне р. Доьрахойн-эрк, берущей начало в местечке Кхаъ-куьртий и текущей с юго-запада на северо-восток. Оно состояло из 7 селений (135 дворов) и множества хуторов и отселков в количестве 36 (Доьра, Бобаш ГутIа, Хаз-Кхелли, Хьиерах, Тас ГутIа, Кхокхада, Хьелди и др.) Село Доьра являлось древним поселением, оно охватывало КIел ЦIуьника, ТIера ЦI1уьника, ЧIагIие, Дехьа Доьра, Сехьа Доьра (Басара Доьра, КIогура Доьра). Духовным и политическим центром общества ЧIаьнта являлось село Итон-Кхелли[85].

Приведенные нами примеры типичных обществ-федераций горной Чечни не исчерпывают всего списка обществ нашего края, которых по разным подсчетам на равнинах и в горах было в пределах 50–60.

В XVIII в. на территории равнинной Чечни вплоть до начала движения горцев под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. источники назы-

вают крупные и влиятельные чеченские феодальные владения (княжества), в которых управляли приглашенные князья и феодалы из соседних районов Северного Кавказа – Кабарды, Кумыкии и Аварии. Полностью натурализовались на местной почве из них фамилия князей Турловых – выходцы из небольшого авароязычного общества – Гумбет (Меларда). В специальном «Реестре горским владельцам» за 1732 г., составленном Д.Ф. Еропкиным, кроме сел. Чечен-Аул, во владении чеченских князей и владельцев Турловых в это время находились следующие деревни: Хажи-аул, Астанкул, Жатага (Атага. – Ш.А.), Шихкирей (Чахкери. – Ш.А.), Сурь (Суьйр-корт. – Ш.А.), Хамбат-аул, Башин-Баха-аул, Алды. Кроме того, в 30–40-х гг. XVIII в. во власти князей находились также другие «чеченские деревни»: Большая Чечня (Большой Чечен-Аул), Малая Чечня (Малый Чечен), Большая Атага, Горячевская или Исти-Су, Топли, Шали, Герменчук, Маюр-туп, Гехинская и др. В 1747 г. «владетелем» над чеченскими селами Герменчук и Шали документы называют приглашенного князя Девлет-Гирея Черкасского из Кизляра[86].

Документальные источники 60-х гг. XVIII в. подтверждают также, что карабулаки, одноплеменники чеченцев и ингушей, жившие в верховьях рр. Сунжа, Аксай, Васай-Су и Бал и выселившиеся к равнине, имели около 300 дворов населения, будучи «язычниками» находились в зависимости от обстоятельств под «протекторатом» эндирийских, брагунских, чеченских и некоторых кабардинских князей и платили им подати[87].

В 70-х гг. XVIII в. исследователь И.А. Гильденштедт также называет в Чечне по р. Аргун довольно большое число селений-обществ так называемых «независимых чеченцев»: с. Большой Чечен (Йоккха Чечана. – Ш.А.) в 40 верстах от места слиянии р. Аргун с р. Сунжа, а ниже по Аргуну – сел. Гаджи-аул (Хажи-аул). Эти два селения считались весьма крупными, так как имели по 500 дворов в каждом, а также к ним были «присоединены» многие союзные им деревни: вверх по Аргуну – сел. Большая Атага и присоединившаяся к нему деревня Закурова Атага; далее – сел. Малая Атага и присоединившиеся к ней деревни Гендергеной, Бенаул-Узек и Мартан и др.[88]

Документальные источники четко фиксируют распространение феодальной власти пришлых князей и владельцев на отдельные чеченские села, расположенные в основном на равнинной и в предгорной части Чечни. Известно также, что чеченские князья и владельцы обязаны были регулярно, в течение нескольких лет, отдавать царским властям в Кизляр в качестве заложников (аманатов) своих детей или ближайших родственников в знак лояльности и верности России (это была своего рода присяга).

Рассмотрим далее, что же из себя представляли в рассматриваемое время наиболее крупные и влиятельные феодальные владения на территории равнинной части Чечни по своему общественному устройству.

Феодальное владение князя Девлет-Гирея Черкасского. О характере отношений чеченских князей и владельцев с русскими властями можно судить по данным архивных материалов относительно вступления в «Герменчукские и Шалинские владения» по просьбе их жителей в 1747–1749 гг. царского офицера, ротмистра Девлет-Гирея Черкасского (сына служилого кабардинского князя, генерал-майора Эльмурзы Черкасского). Так, царская администрация на Кавказе удовлетворила просьбу Девлет-Гирея Черкасского и с 1748 г. разрешила ему и его подвластным свободный пропуск «быков, коров, рыбы... полотняного товару» из Кизляра в Герменчук. Вместе с тем подвластным князю Девлет-Гирею людям выдавалось специальное письменное разрешение (билет) на свободный проезд для торговых целей в гребенские казачьи городки с печатью самого Девлет-Гирея Черкасского. Известно, что в 1750 г. русскими властями был повышен денежный оклад чеченскому владельцу Девлет-Гирею Черкасскому с 40 руб. до 120 руб. в год «для поощрения оного в верной службе»[89].

Наряду с соответствующими привилегиями русское правительство предъявляло к местным владельцам определенные требования, которые выражались в следующем: местные владельцы и князья должны были держать подвластный народ в повиновении, не позволять горцам нападать на казачьи станицы и на проезжих людей на дорогах, а в случае убийства или ограбления кого-либо отыскать ограбленное, отнять и возвратить, найти самих виновных и т.д.

Одновременно с вовлечением чеченских обществ в подданство России Девлет-Гирей Черкасский обязан был «ведать, какие оные народы и кто владельцы, сколько деревень или владений, а прежде всего, под чьим владением были». Повинности и подати, которые должны были нести подвластные чеченцы в пользу Девлет-Гирея Черкасского, крестьяне, по-видимому, «не превышали обычных для Чечни повинностей в пользу своего князя – мерка зерна со двора и один баран со стада в год». У князя были участки земли, которые обрабатывались трудом холопов. Личные доходы Девлет-Гирея постоянно росли как за счет эксплуатации личных холопов, которых у него насчитывалось в 1758 г. 10 семей, так и за счет сбора налогов с населения аулов, а также со сбора пошлин с торговых караванов, проходящих через его территориальные владения[90].

В середине 50-х гг. XVIII в. князь Девлет-Гирей Черкасский, до этого владевший чеченскими селами Герменчук и Шали, с разрешения царских властей перешел на Терский хребет вблизи Червленского городка, где чеченцы и брагунцы традиционно выпасали свой скот и имели покосы, и основал здесь поселение, получившее впоследствии название Девлетгиреевское (Девлет-Гирей-Аул). Оно оказалось в чрезвычайно выгодном географическом положении по отношению ко всей Чечне, Кабарде и Кумыкии, поскольку здесь проходили пути к соседним горским народам и переправы на левый «русский» берег Терека[91].

В конце XVIII в. в с. Девлетгиреевское насчитывалось уже 335 семей, в том числе представители Чермоевского тайпа – 58 семей, Чармахойского тайпа – 62; Энгинойского тайпа – 40; Зандакского тайпа – 84; Киавского тайпа – 36 и Ауховского тайпа – 45. Кроме этих тайпов, в с. Девлетгиреевское проживали в рассматриваемое время представители еще 9 чеченских тайпов: Шуаной, Харачой, Энгиной, Курчалой, Цонтарой, Чанти, Терлой, Чинахой, Пешхой, из них первые 5 тайпов из Ичкерии, а остальные – выходцы из Аргунского ущелья. Уже в 70-х гг. XVIII в. Девлет-Гирей-Аул превращается в типичное общество со своей системой управления во главе с старшинами.

Сын Девлет-Гирея Баммат-Гирей (рассорившись с усилившимся крестьянским обществом аула Девлет-Гирей-Аул) основал в 5–6 км восточнее сел. Девлетгиреевское на правах первопоселенца новый аул Баммат-юрт (ныне с. Виноградное). Основу селения составили чеченцы и выходцы из Кизляра и кумыкских сел. В с. Баммат-юрт проживали ичкерийские тайпы: Цонтарой, Беной, Ширдой, а также тайпы из других районов – Дышни, Ялхой и ГIой[92].

Феодальный удел князей Турловых в Чеченском владении (Чеченское княжество). Еще в июне 1720 г. кабардинский служилый князь Эльмурза Черкасский во время своего пребывания в Санкт-Петербурге сообщал о чеченцах, живущих на р. Сунжа, что «владеет ими князь, именуемой Терлагов сын, который живет и княжует в местечке, называемом Буюк-кент...»[93].

Другие же села большого Чеченского княжества, как известно, подчинялись родственникам Турлова, более богатым и известным в народе князьям – Казбулату и Амир-Гамзе, чья княжеская резиденция находилась в Чечен-Ауле. После смерти князя Касбулата, являвшегося дядей Турлову, все Алдинское общество признало своим владельцем именно Турлова. Кроме Алдинского общества, князья Турловы владели совместно с князьями Хасбулатовыми и Айдемировыми авароязычным обществом Гумбет, которое, как и Чеченское владение, было поделено на три части между этими княжескими фамилиями[94].

С 1747 г. так же, как и другие чеченские владельцы, князь Турлов находился на государственном жаловании царизма и получал денежный оклад 50 руб. серебром в год, а 10 его узденей – по 5 руб. Князья Турловы, как и другие чеченские князья, «не являлись и не считались собственниками земли чеченских обществ, в которых они правили». Они подчас выполняли обязанности местных старшин, только их права и обязанности передавались по наследству. В то же время, как сообщают источники, князья Турловы взимали

за свое «управление» подати (ясак) с подвластных чеченцев, накладывали на них штрафы за невыполнение решений аульных сходов и получали определенную часть от захваченной в набегах добычи. Определенным источником доходов князей Турловых являлась также эксплуатация холопов.

Изгнанные подвластными чеченцами в 1782 г. из Алдинского общества князья Турловы после этого в официальных документах (письмах и рапортах) кизлярского коменданта на имя «алдинского народа» более не фигурируют. Согласно утверждению исследователя П.Г. Буткова, местные князья Кайтука и Турлов, изгнанные в 1784 г. из чеченских аулов основали два селения против Наура: Верхний Наур и Нижний Наур. В 1800 г. владельцами в этих селениях были Магомед и Муса Турловы и их двоюродный брат Алибек Турлов. Население этих сел увеличивалось, как сообщают документы, как за счет узденей и холопов, так и за счет переселенцев, которые селились на «праве оброка» и выполняли различные работы на участках князей Турловых.

Территория новых владений Турловых, где они выступали в роли первопоселенцев, а значит владельцев земли, находилась в географически выгодном положении (известно, что через владение Турлова проходил торговый путь из Кабарды в Дагестан), и князья взимали пошлины с проезжих купцов, брали дань со стад, пасущихся вблизи их земель. Известно, что в результате взимания с подвластных чеченцев «продуктовой ренты, ежегодно стада князей увеличивались «не менее чем на 1000 голов рогатого скота». Большие прибыли имели князья Турловы от продажи нефти из имеющихся у них в собственности нефтяных колодцев на Терском хребте. Ежегодно на Кавказской линии они реализовывали 500 и более бочек нефти (стоимостью 16 рублей). Большие денежные средства имели Турловы и на участии в торговле солью. Известно, что в 1811 г. соль из Наура отпускалась чеченцам через Магомеда Турлова[95].

Феодальный удел князей Айдемира Бардыханова и Расланбека Айдемирова. Владельцами сел. Чечен-Аул и Чеченского владения в первой трети XVIII в. документы называют князей Казбулата (старший князь до 1732 г.), Амир-Гарзе и Айдемира Бардыханова. В 1733 г. источники указывают старшего чеченского князя Айдемира Бардыханова (из той же династии гумбетовских Турловых – родственников хунзахского нуцала, что перешли в Чечню в середине XVII в.) владелетем селений Большие Чечни и Большие Атаги. Айдемир Бардыханов неоднократно участвовал в составе крымской армии против царских войск (1733 г.), а затем в боевых действиях против турецко-крымских войск в 1735–1739 гг., которые несколько раз вторгались на территорию Северного Кавказа[96].

За военные заслуги, а также в целях закрепления его верности России, царское правительство назначило старшему чеченскому князю Айдемиру

Бардыханову и его 20 узденям денежное и натуральное жалованье: князю Бардыханову – 50 руб. в год; 20-ти узденям его по 5 руб. на каждого в год, а сыну Айдемира Бардыханова Бардыхану – 13 руб. 20 коп. в год. Натуральную плату составляла мука. В знак верности России, в 1735 г. Айдемир принял присягу подданства и отдал в заложники сына Бардыхана. При этом Айдемир Бардыханов, «получавший часть своего жалованья натурой», добился разрешения у царских властей продавать положенную ему муку и овес «кизлярским обывателям». Как и прочие чеченские князья, Айдемир Бардыханов владел земельными участками, выделенными ему на территории земель сел. Большие Чечни и Большие Атаги Чеченским обществом в уплату за выполнение своих управленческих функций[97].

В 1747 г. после смерти Айдемира Бардыханова на старшинство стал претендовать его молодой сын Расланбек Айдемиров, который имел правление (по наследству от отца старшего князя бея Айдемира Бардыханова) в чеченских аулах Чечен-Аул, Большие Атаги, Алды, Топли др. Здесь ему принадлежали в личной собственности выделенные обществами участки земли, для обработки которых и для домашней работы содержались холопы. Как правило, холопами были люди нечеченского происхождения, захваченные в плен (ясыри). Расланбек Айдемиров покупал также ясырей на невольничьем рынке и использовал их в своем хозяйстве в качестве холопов[98].

«Благодаря экономическому состоянию и поддержке богатой верхушки чеченского узденства, без которой была слаба владельческая сила местных князей, последние составляли высший слой эксплуататорского сословия в Чечне». Не случайно чеченские князья и владельцы стремились опереться на богатых узденей, пользовавшихся в чеченском обществе большим влиянием вследствие своего имущественного положения. Генерал Эльмурза Черкасский в своей реляции на имя кизлярского коменданта Девица от 22 февраля 1749 г. указывал, что «всегда Чеченская деревня силу имеет узденями»[99].

Документальные материалы за 1749–1751 гг. свидетельствуют о том, что влиятельный чеченский князь Расланбек Айдемиров имел при себе знатных узденей по имени Кучук, Абата Ильясов, Абата Козиш, Махмуд Замицуев, Актуалла Турлов, Шамурза Тамарзоев из тайпа Цонтарой и т.д., которые являлись его вассалами. В письме 1762 г. в числе узденей князя Айдемирова названы сын муллы из с. Алды Эльдерхан Исханов; Адаев из с. Алды; Чабаев из Чечен-Аула, Булатхан, брат владельца Ахлова; сын узденя Ногамурзы; сын узденя Аджихана Хасаева из с. Чечен-Аул Домба Аджиханов; уздень Амраз Хамзиев из с. Топли; сын узденя Ногамурзы и дети узденя Мурзакая[100].

С 1748 г. князь Расланбек Айдемиров и зависимые от него уздени в количестве 20 человек находились на государственном жаловании. Р. Айдемирову было определено царскими властями 50 руб. в год, а 20 узденям его – каж-

дому по 5 руб. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Р. Айдемиров вместе со своим отрядом принимал участие в боевых действиях в составе русских войск против турок (в походе генерала де Медема за Кубань). Имя Р. Айдемирова вошло в список лиц, представленных генералом де Медемом императрице Екатерине II с просьбой «о показании некоторой отличности»[101].

Оказал содействие Р. Айдемиров и войскам генерала де Медема в разгроме восставших горцев Горячевских сел (Исти-су) у Качкалыковского хребта 23 июля 1775 г. После этого князь Р. Айдемиров, как и прежде, был принят в подданство, и ему было пожаловано 150 руб. денежного довольствия в год; он имел у себя специальный караул из казаков (содержалась казачья команда из 10 человек для его нужд). Кроме того, генерал де Медем выделил ему 4-х плотников для строительства ему новой деревни на левом берегу р. Сунжа. В рассматриваемое время чеченский князь Р. Айдемиров находился в более привилегированном положении в торговых сношениях Чечни с Россией. Пользуясь этим, он добивается беспошлинного ввоза и вывоза товаров, приобретенных его людьми на Кизлярском ранке. Так, например, Р. Айдемиров обращается с просьбой к кизлярскому коменданту разрешить ему купить 5 лошадей и «посуды оловянной один пуд...»[102].

Как мы уже указывали, в XVIII в. отдельные чеченские владельцы имели денежные доходы от реализации нефти, добываемой на их территории. В их числе оказался и Айдемиров. Так, например, кизлярский комендант Вешняков в апреле 1782 г. сообщал, что чеченскому владельцу Р. Айдемирову разрешено продавать нефть в российских пределах по цене 30 и более копеек за одно ведро[103].

Источники первой половины XVIII в. вплоть до начала движения горцев во главе с шейхом Мансуром фиксируют множество фактов обращения чеченских владельцев и князей (сс. Шали, Герменчук, Алды, Атаги, Чечен-Аул и т.д.) к царской администрации и, в частности, к кизлярскому коменданту с просьбой разрешить им вместе с их подвластным населением переселиться на равнинные земли по рр. Терек и Сунжа, ближе к российской границе и под защиту царских властей. Так, например, когда в 1762 г. Р. Айдемиров основал новый аул в нижнем течении р. Сунжа, кизлярский комендант Ступишин писал чеченскому князю, что это «весьма похвально почитается ему». В 1778 г. в ответ на просьбу князя Р. Айдемирова и части жителей сел. Алды разрешить им переселиться на р. Сунжа (на левый берег) Кизлярская администрация разрешила крестьянам перейти туда вместе с князем ближе к «Амирханову броду»[104].

В конце XVIII в. еще до начала движения шейха Мансура «удельное владение» Р. Айдемирова исчезает с политической карты Чечни. В документах недолгое время мелькает имя то его вдовы, то сына Мусы Расланбекова.

Феодальные уделы князей Алисултана и Алибека Касбулатовых. В XVIII в. наравне с вышеописанными феодальными владениями на территории Чеченского княжества в равнинной Чечни располагались также аулы других чеченских князей – братьев Алисултана и Алибека Казбулатовых – сыновей бывшего старшего князя Чечни Казбулата (Касбулат) из рода тех же гумбетовских Турловых, убитого чеченцами в 1732 г. во время препровождения последним отряда полковника Коха под Чечен-Аул[105].

Алибек и Алисултан Казбулатовы в 1733 г. «находились со своими подвластными при русском командующем на Северном Кавказе генерале Гесен-Гамбургском и участвовали в сражении с войсками крымского хана Фети-Гирей-Султана, двигавшегося в Прикаспии». А между тем их родственник чеченский князь Айдемир с народным ополчением находился вместе с крымской армией. В 1735 г. Алисултан Казбулатов принял «присягу подданства» и отдал в заложники в Кизляр своего младшего брата Бамата[106].

Согласно источникам, князья Алибек и Алисултан Казбулатовы владели чеченским селением Атаги и имели «долю» в Чечен-Ауле и Гумбете (Дагестан), которые были поделены на 3 части между этими княжескими фамилиями (Касбулатовы, Айдемировы, Турловы). Владельцы Алибек и Алисултан имели в личной собственности в чеченских селах определенное количество земли, которая обрабатывалась холопами. Алибек Казбулатов имел «холопов 12 дворов», однако на князя Алибека Казбулатова работали не только холопы, но и арендаторы. Так, например, в 1758 г. дагестанец по имени Шала-Хаджи Кехов, задержанный царской администрацией, сообщил, что он шел в Чечню «для испросу» у Алибека Касбулатова «к сеянию под пашни землю». Незадолго до этого от Казбулатова получил якобы землю и его сын[107].

Князья Казбулатовы получали также денежную ренту от добычи нефти на территории Чечни и ее продажи. По данным 1748 г., Алибеку Казбулатову подчинялось 10 чеченских узденей. Имел и холопов: один из задержанных русскими в Чечне Могама Казыев в 1757 г. на допросе в Кизряре пояснил, что «холоп он природный, чеченского владельца Алибека Казбулатова, деревни Алды»[108].

В рассматриваемое время чеченские князья Алибек и Алисултан Казбулатовы и подвластный им народ были крайне заинтересованы в расширении торгово-экономических связей с русскими, для чего они настойчиво добивались разрешения свободного проезда в Кизляр и Моздок и снижения торговых пошлин. Из рапорта, поступившего с Шадринского форпоста к кизлярскому коменданту от 18 февраля 1751 г., узнаем, что к Шадринской заставе прибыли едущие в Кизляр для торговли чеченский владелец «Алибек Казбулатов с узденями своими... все вместе на 4-х верховых лошадях и с четырьмя арбами товаров...». Желание торговать с русскими было не только у равнинных

чеченцев, но и у горных жителей. Так, например, в письме чеченского владельца Алибека Казбулатова к кизлярскому коменданту от 23 декабря 1758 г. говорится о том, что к нему приехали люди из горного аула Чечни «владельца» Султана Азнаурова и просили, чтобы «он с ними поехал провожать их до казачьих городков, куда они едут для купечества»[109].

В 1747–48 гг. на основании решения Коллегии иностранных дел чеченские князья Алибек и Алисултан Казбулатовы получили годовое жалованье по 25 руб. на каждого и 100 руб. на 20 узденей. Но уже к 1764 г. владелец Алисултан Казбулатов, по свидетельству документальных источников, получал 75 руб. жалованья в год, но, будучи недовольным этим, настоятельно просил разрешения у кизлярского коменданта отпустить его в Петербург, чтобы получить награды, чины и увеличения жалованья, «обещая за это и впредь служить верноподданнической своей должности» [110].

Как и опасалось царское правительство, местные владельцы и князья не всегда оставались верными до конца. Движимые чувством личной обиды и из-за узкокорыстных интересов, а именно, не добившись получения жалования от царизма наравне с другим чеченским владельцем Расланбеком Айдемировым, поссорившись с ним при разделе подвластных им земель-аулов и претендуя на первое место в правах владычества над ними, Алисултан и Алибек Каспулатовы подняли мятеж и со своими подвластными жителями на какое-то время ушли в горы с берегов р. Сунжа[111].

Таким образом, в рассматриваемое время в Чеченском княжестве на равнинной территории Чечни во владениях князей Турловых, Айдемировых, Казбулатовых, Бардыхановых мы наблюдаем более высокую ступень развития феодальных отношений, чем в горной части страны. Кроме того, на территории Чечни существовало еще владение Девлет-Гирея Черкасского и Брагунское княжество с тюркоязычным населением, в котором развитие феодальных отношений получило еще более завершенные формы. На определенном этапе Карабулакское, Гехинское и Качкалыковское общества Чечни приглашали на какое-то время для правления кумыкских и кабардинских князей. Их зачастую меняли на других либо вообще отказывались от их услуг. Они не оказали заметного влияния на общественно-политическое устроение края.

Источники свидетельствуют о распространении власти собственно чеченских князей и феодалов (из фамилии Турловых) на ряд крупных равнинных и предгорных сел Чечни на протяжении полутора веков (в XVII–XVIII вв.). Население равнинных сел Чечни придерживалось в целом пророссийской ориентации, потому чеченские князья, правившие здесь с согласия чеченского узденства и старшин, подкрепляли свое положение разнообразными связями с русской администрацией по Тереку. Местные князья и феодалы вместе с их подвластными знатными узденями и некоторыми старшинами годами получали царское жалование и пользовались особыми преференциями в торговле. Местные князья и старшины должны были приводить своих подвластных жителей к присяге верности русскому государству, а также были обязаны отдавать в заложники в Кизляр близких своих родственников или детей в знак верного выполнения обязательств населением обществ.

Сила местных князей заключалась в их поддержке верхушкой чеченского узденства. Поэтому местные князья и владельцы всегда и во всем стремились опереться на знатных узденей, пользовавшихся в обществе большим влиянием и авторитетом. Материалы свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII в. отдельные пришлые чеченские князья претендовали и на владение некоторыми территориями в Салатавии (Северный Дагестан). Военное положение, вводимое народным собранием общества и сбор ополчения, предоставлял князьям командование, от которого, однако, они уклонялись, т.к. не желали враждовать с Россией. Последним известным военачальником из князей был Айдемир Бардыханов, умерший в 1746 г.

Источником доходов местных князей и владельцев являлась эксплуатация холопов (лай), ясырей и арендаторов. Князья и владельцы пользовались доходом от земельного участка, выделяемого обществом, также получали по условиям правления продуктовую ренту (ясак), которая выражалась, как говорит традиция, в одной мерке пшеницы с каждого урда (около 0,5 га) посевной площади, а также в одной голове овцы от стада в 100 голов. Часть чеченских князей получала и денежную ренту, например, от добычи на Терском хребте (с использованием, скорее всего, наемных работников) нефти и ее реализации. Совершенно определенно, в пользу князя шли штрафы за нарушение общественного спокойствия, установленные народным собранием и пошлины за «провожание» торговых караванов. В частных аулах по Тереку переселившиеся на княжеские земли, как правило, беглые крестьяне несли и отработочную ренту (выходя по нескольку дней в году, сообща, для пахоты, посева и уборки урожая)[112].

§4. Органы управления в чеченских обществах в XVIII в. и «Мехк-кхел». Адаты и шариат

На территории современной Чечни в XVIII в., как известно, не сложились единые централизованные государственные образования. Политическая карта Чечни в это время оставалась довольно пестрой. Здесь наряду с политическими образованиями – феодальные владения (княжества) на равнине одновременно существовали так называемые «вольные» общества или союзы сельских обществ чеченцев, в которых шел интенсивный процесс социализации и превращения обществ в своеобразные раннегосударственные политии.

Говоря о формах политического устройства той же горной Чечни в XVIII в., авторы обобщающих трудов по истории народов Северного Кавказа отмечают крайнюю раздробленность и наличие здесь в это время множества независимых друг от друга обществ. Как известно, в XVIII–XIX вв. под терминами «общество», «округ», «республика», дистрикт и т.д. в дореволюционной русской кавказоведческой литературе подразумевались различные политические образования или объединения типа союзов сельских обществ, существовавшие в горах у народов Дагестана и Чечни. Известный дагестанский ученый М.А. Агларов изучил явление самостоятельного статуса политической единицы, приобретенный горскими обществами[113].

Проблема экономического развития и политического устройства «вольных» обществ или союзов сельских обществ чеченцев, как таковая, в историографии Чечни, к сожалению, до последнего времени вообще не ставилась и не рассматривалась. Но при этом исследователь Т.А. Исаева отметила, что «политическое устройство чечено-ингушских обществ было во многом схоже с дагестанскими вольными обществами». Другой ученый, исследовавший политическое устройство Чечни в XVI–XVIII вв., нашел, что на территории нашего края существовал «ряд союзов сельских общин, или, как определяют историки, «вольных обществ», которые управлялись народными собраниями и старшинами»[114].

В начале 70-х гг. XX столетия дагестанский исследователь В.П. Дзагурова отмечала, что союзы сельских обществ – это особый тип политических образований, сложившихся в период средневековья. Вслед за отдельными дореволюционными исследователями, утверждавшими тезис о союзах сельских общин (вольных обществ) как о демократических и «федеративных республиках» горцев (С. Броневский), он был взят на вооружение некоторыми советскими исследователями, например, Л.А. Брюхановым. Однако известный дагестанский ученый-кавказовед, профессор Р.М. Магомедов решительно не согласился с подобными утверждениями. Он, в частности, замечает, что «вольное» общество – это не племя и не союз племен, а особая политическая организация сельских общин – джамаатов[115].

Судя по утверждению известного этнографа М.М. Ковалевского, «вольное» общество вообще, как правило, создавалось благодаря тому, что древнейшему и могущественнейшему (влиятельнейшему) селению «удавалось нередко путем молчаливо заключенных союзов взять на себя руководство судьбами соседних с ними обществ, и в этом случае сельский старшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредотачивал в своих руках судебное разбирательство и вне пределов общины»[116].

Что же из себя конкретно представляли в XVIII в. так называемые вольные общества в условиях Чечни и в чем их отличительная особенность от

других политических образований этого периода? Как известно, в конце XVIII в. подполковник русской службы Л.Л. Штедер в 1781 г. совершил экспедицию по Северному Кавказу и чеченским землям с целью составления военно-топографической карты и полного обследования края. Описывая формы общественного управления горных и предгорных чеченцев Л.Л. Штедер сделал ценное наблюдение, что карабулаки, в частности, имеют «демократическую конституцию» и общественные дела решают голосованием на общих собраниях, но в частных делах у них «господствует (управляет. – Ш.А.) старейшина (фауст-рехт)»[117].

В 70-х гг. XVIII в. в ходе первой научной экспедиции на Северный Кавказ по заданию Российской Академии наук академик И.А. Гильденштедт, перечисляя в своей работе «округа» Чечни (по-видимому, общества и их союзы. – Ш.А.), называет их по-немецки «дистриктами». Этот термин в Западной Европе традиционно обозначал низший судебный или административный округ, а в Российской империи – уезд (район).

Однако другой известный исследователь начала XIX в. С. Броневский относительно условного деления им Чечни на округа, заметил, что «сие разделение на округа нельзя почитать определенным» и что «каждое колено (по существу диалектная группа. – Ш.А.) разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из коих одна признается главою союза или сборным местом и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни»[118].

Некоторые «вольные» общества чеченцев с небольшим числом сельских общин из крупных тайпов, входящих в них, фактически превышали по количеству населения те «вольные» общества, которые составляли большое количество сельских обществ (общин) из относительно мелких тайпов. И такие «вольные» общества более успешно решали как внутренние, так и внешнеполитические вопросы[119].

Чеченские общества в XVIII в. имели общенациональный чеченский язык (разница была лишь в диалектах и наречиях в тех или иных союзах «вольных» обществ, имевших свои территориально-административные границы с соседними сельскими обществами по естественно-географическим рубежам). Известно также, что аулы, хутора и усадьбы «вольных» обществ или союзов «вольных» обществ были расположены довольно компактно, в границах того или иного ущелья, речной долины, между реками, хребтами и имели т.н. «главное село». Однако «вольность» некоторых аульных общин следует понимать весьма условно, ибо они зачастую попадали под влияние более крупных и влиятельных сельских обществ, которые могли притеснять своих слабых или зависимых «союзников»[120].

Во главе «вольных» обществ или союзов обществ в равнинной и горной части Чечни в отличие от княжеских владений на равнине стояли избранные

народом старейшины (старшины) и народные сходы (собрания). Однако в том же XVIII в. институт старшин и народных сходов присутствовал и в княжествах, где князь выполнял роль военного предводителя, вел «иностранные» дела и выступал гарантом общественного порядка и своеобразным арбитром. Как и в дагестанских обществах, здесь большую роль играли нормы обычного права (адаты)[121].

Как правило, все союзы вольных обществ были равны между собой и никакой союз не мог прямо и открыто навязать свою волю другим обществам. Однако внутри союза были отдельные аульные общества или родственные группы, которые могли повлиять на принятие сельскими обществами угодных им решений по различным вопросам, а также отвести себе лучшие пахотные земли и пастбища, добиться избрания своих представителей в органы общественного управления. Ведь в старшины чеченцы избирали «богатейших, а особливо имеющих большое родство». Из молодых людей, самые «значительнейшие», даже вопреки традиции, допускались в совет старейшин[122].

В XVIII в. во всех чеченских «вольных» обществах, надо полагать, были свои политические органы. Из прошлой истории чеченцев известно, что в каждом обществе имелись совещательные, законодательные, судебные и исполнительные направления, которые могли совмещаться в одном-двух органах. Такими органами были Совет старейшин (Къаной кхеташо) и Народное собрание (Халкъан гулам). Совет старейшин и Народное собрание общества или целого региона созывались по мере необходимости в условленном месте. В Совет старейшин входили, кроме собственно самых старейших и мудрых, известные предводители военных ополчений (баьччи), кадии, муллы, жрецы, тамады тайпов (тайпанан тхьамда) и т.д.

Собрание представителей от всех сельских общин вольного общества, как правило, созывалось в главном селении общества. Например, центром Цонтароевского вольного общества горной Ичкерии (Нохч-Мохк) являлось село Цонтарой. Когда возникала необходимость в решении жизненно важных вопросов, касающихся всего общества, то в Цонтарой съезжались представители от всех сельских общин этого общества, т.е. представители всех тайпов и ваьров, входившие в границы данного «вольного» общества. Последнее решающее слово при вынесении окончательного вердикта по внутренним и внешнеполитическим вопросам оставалось за представителями патрицианской узденской верхушки и духовенства, состоятельными землевладельцами и скотовладельцами данного общества.

Институт «Мехк-кхел» (Суд страны) был тем же советом более высокого ранга, созываемый, как правило, в наиболее крупных союзах вольных обществ Чечни или в масштабах всего края. На таких собраниях решались важные, судьбоносные вопросы страны. Известными центрами сбора «Мехк-

кхела» страны являлись общества Майсты, Кий, Нашаха, Цонтарой, гора Мизир-корт, Кхеташон-корт, Жеми-барз и т.д.[123]

Как мы отмечали выше, в XVIII в. во всех чеченских обществах, начиная от сельских общин из одного горского аула и кончая большими союзами сельских обществ с десятками селений, внутренняя общественно-политическая и духовная жизнь регламентировалась на основе норм обычного права – адатов. Взаимоотношения между «вольными» обществами и союзами «вольных» обществ строились на основе договоров и соглашений, полностью опиравшихся на местные адаты чеченцев и решавших многочисленные вопросы хозяйственного и общественного характера.

Исследователь И.А. Гильденштедт, посетивший в конце XVIII в. горные районы Чечни, сообщает о том, что чеченцы, живущие в горах, «не имеют дворянства, но выбирают между собой богатейших, а особливо имеющих большое родство, в старшины, коим они, однако, не столько повинуются, сколько им угодно». Другой русский офицер С. Броневский, служивший на Кавказе в начале XIX в., отмечал, что чеченцы и ингуши в своих обществах управляются выборными старшинами, которые «обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно» и руководствуются при этом духовными законами и древними обычаями»[124].

В подтверждение данных относительно роли и места старейшин/старшин или «почетных стариков» в обществе, обратимся к местным чеченским адатам. Так, например, в описании механизма проведения суда по адату у чеченцев, в частности, сказано, что «противники, желая кончить дело по адату, выбирают обыкновенно в посредники или судьи себе одного или двух старшин. Старшины для избежания лицеприятия выбираться должны не из того колена (тайпа. – Ш.А.) или тукхума, к которому принадлежат тяжущиеся, а непременно из другого. Старики (старейшины. – Ш.А.) выслушивают отдельно каждого из разбирающихся и, выслушав, произносят приговор»[125].

В рассматриваемое время под руководством военачальников жители отдельных обществ совершали набеги на соседние территории либо составляли отряд общенародного ополчения для защиты родины или религии. Предводителям военных дружин доставалась лучшая и большая доля военной добычи. По свидетельству П.Г. Буткова, при дележе добычи вожак – «баьчча» – получал вдвое больше остальных, а по утверждению другого исследователя А. Зиссермана – две трети[126].

Старшины (старейшины) у чеченцев назывались словом «къаной» (старики) или «бакхий нах» (букв. «большие люди»). Установить численный состав старейшин в сельских общинах вольных обществ не представляется возможным. По-видимому, жители сельских общин выбирали себе старейшин по своему усмотрению. В некоторых обществах избирали по одно-

му старейшине, а в других – два и более. В официальной переписке царской администрации с местной верхушкой на Кавказе упоминается наличие у жителей чеченских сельских обществ «старшин села», «главных старшин», «почетных стариков» и т.д. Между прочим, адаты чеченцев сообщают о том, что, как правило, общественные судьи (кхелахой) выбираются из «почетных стариков»[127].

На суде, где рассматривались дела лиц, совершивших преступления, большую роль играла присяга и соприсяга со стороны ответчика и его родственников. Вот что говорит по этому поводу местный чеченский адат: «... Если же обе стороны (тяжущиеся. – Ш.А.) имеют свидетелей, то таковые принимаются судом. И если свидетели эти хорошие люди, никогда ложно не присягавшие, то приводятся к присяге; при этом проигрывает та сторона, свидетели которой откажутся принять присягу, или которая выставит хотя бы одним свидетелем меньше противной стороны. Если же обе стороны выставят равное число свидетелей и эти одинаково примут присягу, в таком случае предмет спора разделяется поровну между истцом и ответчиком»[128].

В конце XVIII в. по мере усиления ислама в горных районах Чечни власть кадия и муллы наравне со старшиной (старейшиной) начинает играть на территории вольного общества все более заметную роль. Кадий становится религиозной главой в обществе и верховным судьей при решении судебных дел на основе шариата. За свою работу кадий и мулла получали от населения подати (закят) и судебные пошлины. На суде по шариату, кроме кадия и муллы, участвовали также некоторые авторитетные члены данной сельской общины (джамаата)[129].

Отдельные сведения о чеченском общественном институте «Мехк-кхеле» приводятся в трудах исследователей XVIII–XIX вв.: «По дошедшим до нас преданиям, – пишет известный этнограф И.М. Саидов, – древнейшими чеченскими центрами сбора старейшин и «Мехк-кхела» служили район р. Чанты-Аргуна (ЦIой пхеда), Майста, гора Мизир-корта, Жеми-барз (у сел. Чечен-Аул), с. Кий, место «Для привязи коней» (Говраш тосу басо) около г. Грозного, сел. Нашха, курган Кхеташ-корта и т.д.».

Вот что сообщает автор XIX в. И. Попов о деятельности «Мехк-кхела» в Ичкерии: «...В тех же спорных случаях, на которые обычая (адата. – Ш.А.) не существовало, ичкеринцы-старики отправляли спорщиков в Нашахе, откуда они всегда возвращались удовлетворенными. Самый чистый обычай, по мнению ичкеринцев и чеченцев, существовал в Нашахе, куда так еще недавно отправлялся обиженный для проверки приговора к делу... Ичкерийский язык, хотя относительно древний, но возник путем указанных мною обстоятельств, по всем вероятиям еще в Нашахе»[130].

Полагают, что чеченские старейшины «Мехк-кхела» устанавливали порядок землевладения и землепользования, решали вопросы внутренней и

внешней торговли (установление единиц измерения, цен на скот и проч.), принимали соответствующие меры для обороны крепости, по строительству боевых башен, созданию сторожевых или пограничных поселений, разбирали вопросы войны и мира, собирали материальные средства и определяли всевозможные обложения и повинности для общественных нужд. Если бывали случаи, когда некоторые сельские или территориальные общины не выполняли решения «Мехк-кхела», то их могли полностью уничтожить. Народное изречение о власти и авторитете органа «Мехк-кхел» гласит следующее: «Махко динарг дисна, махкана динарг дисна дац» («То, что сделано страной, осталось, а то, что сделано против страны, не оставлено»)[131].

Отмечая огромную роль и непререкаемый авторитет старейшин в общественном быту и спорах чеченцев, дореволюционный исследователь Н. Семенов сообщает следующее: «Все вопросы, выходящие из круга частных интересов и затрагивающие жизнь целого аула, общества или всего племени, разрешаются всегда на сходках старших (отцов), и решение сходок признается обязательным для всех членов той или иной общественной группы, а если они приняты по вопросам, касающимся всего народа, то для всех истинных членов его...»[132].

Довольно ценные сведения о чеченском «Мехк-кхеле», функционировавшем на горе Муйти-Корт, собрал исследователь М.А. Иванов, обследовавший в свое время верховья р. Фортанга. Он указывает, что гора Муйти-Корт, на которой когда-то собирался «Мехк-кхел», в прошлом выполняла большую роль. «Для решения всяких спорных дел и установления условий, собирались в то время… почетные старики – представители племен чеченцев на граничной горе (Муйти-Корт). Со стороны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой плоский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний, а имя его было Муйти. Предлогом совещаний бывало установление цены на выкуп пленных, а также цены на скот и т.п.»[133].

В XVI–XVIII вв. в пору распространения и утверждения на всей территории Чечни (как в горах, так и на равнине) монотеистической религии ислам и особенно во время движения шейха Мансура в 1785–1791 гг., происходят серьезные трансформационные процессы в деятельности «Мехк-кхела» в новых условиях. Известно, что до установления ислама в Чечне «Мехк-кхел» представляла местная знать. Лаи, ясыри и бедные крестьяне в «Мехк-кхел», как правило, не избирались. По мере усиления ислама, в частности в восточных районах Чечни, представители местной знати стали постепенно вытесняться мусульманскими богословами (алимами-учеными). Здесь они, по утверждению исследователя И.М. Саидова, с XVIII в. господствовали в «Мехк-кхеле» безраздельно. Безусловно, ученые алимы (теологи) были более образованнее, нежели жрецы и старейшины сел и деревень, которые полностью опирались

на неписаные законы горцев – адаты. Отныне все спорные дела и вопросы разбирались в «Мехк-кхеле» по шариату, «многочисленный штат присяжных заменяли конкретными свидетелями»[134].

В рассматриваемое время основные нормы правовых отношений чеченских «вольных» обществ и других политических образований были определены в адатах, имевших древнюю историю. У народов Северного Кавказа в прошлом существовало чрезвычайное разнообразие адатов: не только каждое племя, но и каждая община и аул могли иметь свой свод неписаных правил. Не являлась исключением в этом плане и Чечня. Здесь также, по-видимому, задолго до принятия ислама в каждом отдельно взятом обществе, существовали свои адаты, которые, имея много общего между собой, в то же время несколько отличались друг от друга, воплощали собой суд по «правилам и законам, установленным обычаем, освященным давностью». В своих общих основах, – указывает Ф.И. Леонтович, – все адаты кавказских горцев представляют много сходных черт и, тем не менее, каждая сельская община до сих пор строго придерживается своих домашних обычаев и «потому можно сказать, что нигде не развился так партикуляризм обычного права, как у горцев»[135].

Чеченцы называют свои правовые обычаи – «эдиль» (Iедал) или «Iадат». Общим тайповым понятием адата у чеченцев считается обычай, живущий в народной памяти. Под адатами подразумеваются у горцев «древние обычаи, которыми управляются все народные дела» Кроме того, есть другое значение адата, связанное с судом, т.е. когда речь идет об адате, как о суде, рассматривающем все дела, происходящие от несогласия между членами общества, и «определяющем наказание за всякого рода преступления». По определению одного из авторов «Сборника адатов...» Фрейтага, «адат есть суд по некоторым принятым правилам или законам, установленным обычаем и освященным давностью». В своде адатов другого дореволюционного автора, Ольшевского, следующим образом определяется значение адата: «Это есть суд посреднический, лишенный большею частью средств понудительных»[136].

При анализе социально-экономического и общественно-политического положения чеченцев в XVIII в. мы невольно обращаемся к адатам, как к важнейшим правовым источникам по истории Чечни. Известный ученый-кавказовед В.К. Гарданов, в частности, писал, что «адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и, в особенности, для периода XVIII – начала XX в.»[137].

В XVIII в. в связи с возникновением новых производственных отношений в обществе, основанном на частной собственности на землю крестьянина-

общинника, адаты, как и всякие правовые отношения, развивались и изменялись в «вольных» обществах чеченцев. Одновременно с этим изменялись и отношения людей в процессе производства. Население уже давно делилось на разные социальные группы. Внутри «вольных» обществ уже давно существовала эксплуатация человека человеком.

Главным источником образования адата кавказских народов в истории являлось третейство, т.е. мировой суд посредников. Суд посредников, не находя в старом адате меры наказания на все новые случаи, должен был выносить решения еще небывалые, хотя соответствующие общему духу адатов. Для решения подобного рода вопросов, как правило, приглашались люди, сведущие в народных обычаях, а также мудрые старики, у которых могли сохраниться в памяти какие-либо случаи, похожие на разбираемый. Выработанное таким образом решение называлось «маслагатом» («маслаIат» (маслаат) – примирение, соглашение). Маслаат, повторенный потом в подобных же случаях, присоединялся к общей массе народных обычаев и окончательно превращался в адат, причем новый[138].

«Маслаатное разбирательство» по исконному обычаю горцев пользовалось таким же правом гражданства, как и адатное разбирательство дел. На основе маслаатного разбирательства у кавказских народов разрешались не только тяжбы и споры между отдельными лицами, но и враждебные столкновения общин и целых племен. Кроме мирового (мирного) разбирательства (в форме судебного «маслаата»), занимавшегося выработкой основных начал адатного права кавказских народов, последние образовались также вне судебной практики, а именно: в форме маслаатов вечевых, на мирских сходках, истари являвшихся наравне с третейством главными органами обычного права народа. По основному мусульманскому праву каждое сельское общество правоверных имело свои сходы стариков и почетных людей для совещаний в общественных делах. На таких сходах, при недостатке адатов по тому или иному вопросу, старики устанавливали мирской «маслаат», превращавшийся при дальнейшей практике в постоянный адат общества. «Все ссоры в те далекие времена судились мудрыми стариками, – указывает Ф.И. Леонтович, – и они в то время были умнее, жили очень долго, знали также много и всегда решали по справедливости, по своему уму, не руководствуясь никакими другими законами»[139].

Исследователь С.-М.А. Хасиев, в частности, отмечал, что чеченский тайп как общественный институт – это далеко не классический род, хотя по внешним признакам напоминает его. Более того, он приходит к выводу о том, что термин «тайп» с его социальным содержанием среди равнинных жителей Чечни возник недавно. Основной причиной и питательной средой данного общественного института, как указывает автор, явилась антифеодальная

борьба чеченского крестьянства против феодалов как своих (чеченских), так и пришлых (соседних), начало которой выходит за рамки не только XIX, но и XVI в. «Чеченский институт «тайп» в условиях его первоначального возникновения, – отмечает С.-М.А. Хасиев, – это искусственная общность (наподобие адыгских «братств» («тлеух»), возможно, и дагестанских «тухумов» низших слоев населения, призванная сплотить их в социальной борьбе за свои права и закрепить достигнутые успехи в этом противоборстве. «Тайп» как социальный институт возник в период классового общества как пережиточное явление»[140].

Профессор-лингвист К.З. Чокаев, который также касался в своей работе проблемы происхождения наименований отдельных тайпов в Чечне в прошлом, пришел к выводу о том, что некоторые тайповые названия связаны с их местом жительства и родом занятий, другие же – с их прошлым социальным положением в обществе[141].

Наиболее распространенная схема представлений о тайпе заключается в том, что «тайп» (его более древнее название «ваьр») – кровнородственное объединение семей по отцовской линии. Получается, что тайп – это патриархальная, экзогамная группа людей, которая происходит от одного общего предка.

В Чечне (Нохчийчоь) в разное время насчитывалось от 100 до 160 тайпов, объединенных в 11 «тукхумов» (в данном случае федерации обществ). Они имели своего полумифического предка, имя которого зачастую и носили такие тайпы, как, например, гендаргеной, цонтарой, химой и др. Тайпы-общества имели в прошлом свою собственную территорию, кладбища, боевые башни, храмы и святилища. На протяжении веков четко обозначилась и отшлифовалась внутренняя структура тайпа. Отдельные семьи (доьзал) объединялись в «цIа» (дом), которые объединялись в более крупные союзы – некъи, т.е. «люди одной дороги», далее следовали «гары», т.е. «люди одной ветви» и венчал эту пирамиду «тайп»[142].

Между тем исследователь Леча Ильясов справедливо указывает, что даже термин «тайп» арабского происхождения и проник он в Чечню не ранее XVII в. Первоначально этот термин имел целью определить новое социально-административное явление. По существу, «тайп» являлся «сельской общиной, состоящей из одного или нескольких сел, и выполнял функции «социальной самоорганизации». Его нельзя отождествлять ни с родовой, ни с племенной организацией, типологически можно сравнить лишь с классической сельской общиной[143].

В качестве примера обратимся к некоторым чеченским обществам, например, ЧIебарлой. Федерация (тукхум-общество) ЧIебарлой состояла из отдельных групп селений-обществ, которые называют и тайпами: Макажой, Садой, Сандахой, Сикхой и Сирхой и др.

Известно, что в период становления тайпа как социальной структуры в него входили различные кровнородственные организации: например, самая крупная из них «ваьр» или «гаар», также «некъе» – род. «Ваьр/гаар» стоит по своей структуре и содержанию ближе к понятию рода. Кровнородственная организация – это ваьр/гаар, все члены которой восходят к реально существующему единому предку. Подтверждением этому служит реликтовое выражение «Вари да – отец рода, прародитель», или же его переосмысленная этимология в «ворхи да – отец семерых» (имеется в виду семь поколений)», где «вар» – род и «ворх» – семь – понятия одного корня. Однако, указывает далее автор, тайпы возникали и на основе военных поселений, профессиональной специализации, что как бы подтверждают названия многих чеченских тайпов, например, «ширдой – пращники», «лаьшкарой – резервные войска», «бIавлой – строители башен» и т.д.[144]

Однако в Чечне были и тайпы, которые не входили в т.н. «тукхумы» и не имели родовых сел в горах «ни общинных, ни пастбищных, ни покосных земель, ни родовых башен и каменных склепов»: из общего числа тайпов более 20 являются не коренными. Они образовались от представителей других народов, некогда переселившихся сюда и прочно вошедших в состав чеченского общества и ассимилировавшихся с чеченцами в разное время и при различных обстоятельствах. «Но по примеру аборигенов этого края, – указывал М.А. Мамакаев, – они сплотились в кровное родство, оказывали помощь членам своей общины, объявляли кровную месть за убийство своего сородича, придерживались и других общественно-обязательных принципов правового института тайпизма»[145].

В рассматриваемое время внутри чеченского тайпа еще сохранялись и использовались давние традиции хозяйственной и семейной помощи. Выражением этой древней традиции являлась их совместная трудовая помощь под названием «белхи», оказываемая членами тайпа друг другу. Совместная помощь между членами тайпа-общества выражалась также в сохранении коллективной собственности всех членов тайпа на пастбищные и покосные земли.

В Чечне были факторы, способствовавшие к внутритайповому тяготению каждого общинника, а именно: общехозяйственное использование пастбищных и сенокосных земель; общие загоны для скота; общее родственное происхождение с остальными членами тайпа; общие культовые учреждения и т.д. В то же время чеченский тайп по отношению к своим общинникам должен был соблюдать некоторые обязательства: защищать имущество и личность членов тайпа; нести ответственность перед сельской общиной за поступки и дела своих членов; оказывать помощь членам общины при их хозяйственном затруднении; участвовать в кровомщении и в выплате за кровь и т.д.

В Чечне встречались такие экономически сильные тайпы, которые могли выступить против воли целой соседской общины или даже федерации обществ. Вполне естественно, что роль такого тайпа должна была быть весьма значительной. Экономическое, а точнее сказать, имущественное неравенство в сельских общинах между различными членами тайпа порождали часто весьма сложные взаимоотношения между ними. Экономически сильные тайпы стремились принизить роль и значимость других тайпов, нарушая их поземельные права. На этой почве в сельских общинах происходили частые столкновения и трения.

По существовавшему у чеченцев обычаю каждый тайп или ваьр/гаар посылал на собрание сельского общества самых авторитетных и влиятельных своих представителей. Такое собрание из авторитетных представителей разных тайпов чеченцев, входивших в состав сельского общества, называлось собственно собранием сельской общины (юьртан къанойн гулам), а позже – джамаатом. Говоря же о главах сельской общины, отметим, что они и их помощники выбирались на собрании общества на определенный срок. Количество старейшин села (юьртан къаной) зависело от численности сельского общества. В частности, в Чечне, по-видимому, были сельские общества как с одним, так и с двумя и более главными старейшинами. За нарушение адата и уличенность в личной корысти так же, как и у дагестанских народов, общее собрание членов общины имело право освобождать от своих обязанностей такого старейшину[146].

В повседневной жизни управление сельским обществом осуществлялось как со стороны светских, так и духовных лиц. Каждый тайп выделял из своей среды по одному представителю – авторитетного и влиятельного старейшину («тайпанан тхьамда»). Однако уже в XVIII в. в управлении в сельском обществе чеченцев доминирующую роль наряду со старшинами/старейшинами стали играть кадии, муллы, алимы и хаджи, отражавшие не фамильные и аульные, а общенациональные и религиозные интересы.

---

[1] Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. Цитирую по работе: Калоев Б.А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967. С. 171–172.

[2] Калоев Б.А. Указ. соч. С. 125.

[3] Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный, 2002. С. 69–70.

[4] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 377.

[5] Алиев Б.Г. Каба-Дарго. XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972. С. 56.

[6] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883. С. 166.

[7] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX в. М., 1974. С. 162–166.

[8] Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 32–33; Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 227; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 44; и др.

[9] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 98.

[10] Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 84; Ахвердов А.И Указ. соч. С. 227; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871. С. 379–381; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 162–166; Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824. С. 61; Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. Махачкала, 1940. С. 166; Норденстамм И.И. Указ. соч. С. 303.

[11] См.: Милютин Д.А. Заметки о племенах кавказских. Чеченцы. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (г. Москва). Ф. 169. К. 81. Д. 7. Л. 29; Марггграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1982. С. 6–7.

[12] См.: Милютин Д.А. Указ. соч. Ф. 169. К. 81. Д. 7. Л. 29; Буцковский А.И. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горных областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 24; Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 226–228; Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958. С. 282–285.

[13] См.: Самойлов К. Заметки о Чечне // Журнал «Пантеон». №9. СПб., 1855. С. 46–55; Берже А.П. Указ. соч. С. 82; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 311. Калоев Б.А. Указ. соч. С. 173.

[14] Розен Р.Ф. Указ. соч. С. 282; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 56; Норденстамм И.И. Указ. соч. С. 303.

[15] Норденстамм И.И. Указ. соч. С. 304.

[16] См.: РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 1. Л. 220–221; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 136; Самойлов К. Указ. соч. С. 47; Розен Р.Ф. Указ. соч. С. 284–285; Норденстамм И.И. Указ. соч. С. 304; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 280; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный. 1967. С. 53;

[17] См.: Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 282; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. М.-Л., 1936. С. 242; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 58.

[18] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 2. Д. 2482. Л. 24 об; Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г., Лейпциг, 1787 (на нем. яз.); Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. Кн. 1-2. Лейпциг, 1799–1801 (на нем. яз.);

[19] Норденстамм И.И. Указ. соч. С. 305; Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 167.

[20] См.: Шобер Г. Описание Петровских теплиц у г. Терки // Сочинения и переводы, пользе и увеселению служащие. СПб., 1760 (Цитирую по работе Аталикова В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 81); Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 201; Гаджиев В.Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XX в.). Грозный, 1986. С. 32–33.

[21] См.: Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 62–63; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. С. 151; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 33.

[22] Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 63; Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917). Грозный, 1962. С. 16.

[23] См.: Розен Р.Ф. Указ. соч. С. 185; Маргграф О.В. Указ. соч. С. 78, 147, 195; Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Ч. 3. Вып. I. Грозный. 1974. С. 42–43; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 47; Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северного Кавказа. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1984. С. 10.

[24] См.: Берже А.П. Указ. соч. С. 88; Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 52; Маргграф О.В. Указ. соч. С. 171; Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1968. С. 158.

[25] См.: Гаджиев Т.В. Указ. соч. С. 16; Броневский С. Указ. соч. С. 52; Маргграф О.В. Указ. соч. С. 12.

[26] Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа (XVIII–XX вв.). М., 1989. С. 28, 30–32, 51

[27] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 94–95.

[28] См.: Самойлов К. Указ. соч. С. 60; Норденстамм И.И. Указ. соч. С. 318; Берже А.П. Указ. соч. С. 89; Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Грозный, 1983. С. 78–79; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 133.

[29] Самойлов К. Указ. соч. С. 47.

[30] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 1171. Л. 112; Хасиев С.-М.А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Грозный, 1983. С. 20.

[31] Милютин Д.А. Указ. соч. Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (г. Москва). Ф. 169. К. 81. Д. 7. Л. 21.

[32] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 681. Л. 19; Умаров С.Ц. Исследования средневековых памятников Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 125–126; Исаева Т.А. Указ. соч. С. 45–47; Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975. С. 55; Гантемирова Г.А. Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первой половине XIX в. и вопросы общественных отношений //Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XVIII – начало XX в.). Сб. статей. Грозный, 1982. С. 34.

[33] См.: Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 32; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 27.

[34] Юхт А.И. Русско-восточная торговля в XVII–XVIII вв. и участие в ней индийского купечества // История СССР. № 6. М., 1978. С. 49.

[35] См.: ЦГА РД. Ф. 335. Терский комендант. Оп. 1. Д. 4451. Л. 2 об.; Броневский С.М. Указ. соч. С. 213–214; Фехнер М.В. Указ. соч. С. 32; История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. С. 63; Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 63; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 27, 49.

[36] См.: Рукописный фонд Института Истории Дагестанского научного центра РАН. Оп. 1. Ф. 1. Л. 47; АКАК. Т. IV. Тифлис, 1869. С. 834.

[37] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3263. Л. 2 об.; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 85–86.

[38] См.: АВПРИ. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110/1. Д. 5. Л. 1; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3263. Л. 2 об.;

[39] См.: АВПРИ. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110/1. Д. 5. Л. 4; ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3381. Л. 6; Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 3615. Л. 8.

[40] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3014. Л. 74.

[41] Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни. Вторая половина XVIII – 40-е годы XIX века. Нальчик, 2009. С. 9.

[42] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 2. Д. 2482. Л. 24 об.; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 14–15.

[43] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 2723. Л. 62; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 14–15.

[44] Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. // Ученые записки Института Востоковедения АН АЗССР. №1. Баку, 1959. С. 113.

[45] См.: Милютин Д.А. Указ. соч. Л. 29–29 об., 30; Норденстамм И.И. Указ. соч. С. 317–318; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 14.

[46] Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 192.

[47] АВПРИ. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110/1. Д. 3. Л. 6; Л. 2.

[48] Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 337.

[49] Броневский С. Указ. соч. С. 181–182.

[50] См.: РГАДА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 13. Ч. 6 а. Л. 337–337 об.; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 179–180.

[51] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 799. Д. 52.

[52] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 241.

[53] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3272. Л. 69.

[54] Там же. Д. 1169. Л. 20–20 об.

[55] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 1183. Л. 10–10 об.

[56] См.: Берже А.П. Указ. соч. С. 135; Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе в чечено-ингушском обществе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XIX в.). Сб. статей. Грозный, 1979. С. 81.

[57] ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3755. Л. 83 об.

[58] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 565. Л. 50–50 об.

[59] ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 987. Л. 14, 16, 17–17 об.; Д. 3663. Л. 61.

[60] Там же. Д. 3666. Л. 14; 91.

[61] АВПРИ. Ф. Сношения России с Грузией. Оп. 110/2. Д. 7. Л. 421, 424.

[62] Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 93.

[63] Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 191–192.

[64] Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северокавказского педагогического института. Орджоникидзе, 1932. С. 98–99.

[65] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 193.

[66] См.: Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный. 1968. С. 267; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 195.

[67] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 203.

[68] См.: Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 12–13; Саидов И.М. Указ. соч. С. 276; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Ч. 1. Махачкала, 1974. С. 221; и др.

[69] Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 186.

[70] См.: ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 243. Л. 4 об.; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. 2. С. 138–139; Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 81.

[71] Саидов И.М. Указ. соч. С. 267; Тотоев Ф.В. Указ. соч. С. 188; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 138–139.

[72] См.: ЦГА РД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3682. Л. 81; Там же. Д. 3700. Л. 1; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 138–139.

[73] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 202.

[74] Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1–4. Грозный, 1976–1985.

[75] Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 89.

[76] Броневский С. Указ. соч. С. 155–157.

[77] См.: Броневский С. Указ. соч. С. 157–158; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 178.

[78] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 178; Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 266–267.

[79] См.: Буцковский А.М. Указ. соч. С. 245; Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 226; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 178.

[80] Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 189–192.

[81] Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 219; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 188.

[82] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 169; Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 2. С. 145–172, 188–196.

[83] См.: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 192; Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 26–50.

[84] См.: Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1. СП6., 1879. С. 172; Радде Г. Хевсуретия и хевсуры. Тифлис, 1881. С. 53–54, 82; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 189–190, 192; Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 81–82.

[85] Сулейманов А.С. Указ. соч. Ч. 1. С. 119–144; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 192.

[86] Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958. С. 123; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб, 1869. С. 258–259; Его же: Ч. 2. СПб, 1869. С. 110, 258–259; Ткачев ГА. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // ЗТОЛКС. №9. Владикавказ, 1914. С. 65–66; и др.

[87] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1869. С. 260–261, 300; Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия ЧИРКМ. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 67, 70; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII века (архивный источник о миссии представителя российских властей в Карабулаке) // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989. С. 48–51; и др.

[88] См.: Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 90–91; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 172.

[89] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3812. Ч. 4. Л. 45; Д. 3378. Ч. 4. Л. 46 об, 47; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1869. С. 258–259; Ткачев Г.А. Указ. соч. С. 68.

[90] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 23, 258–259; Ткачев Г.А. Указ. соч. С. 69; Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Ч. 2. Махачкала, 1975. С. 297. С. 297, 300.

[91] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 297–298.

[92] См.: Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. С. 164; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 164, 183.

[93] См.: АВПРИ. Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/1. 1790. Д. 3. Л. 1; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Ч. 1. Махачкала, 1974. С. 221.

[94] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 221–222.

[95] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 112; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 222–223.

[96] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1869. С. 122. Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений. С. 221.

[97] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3755. Л. 13: Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Грозный, 1991. С. 53–54.

[98] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 4282. Л. 122; Там же. Д. 3619. Л. 17; Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XIX в.). Грозный, 1979. С. 61.

[99] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3696. Л. 91; Д. 3466. Л. 50; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 56; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии. С. 223.

[100] См.: ЦГАРД. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3318. Л. 191–191 об.; Там же. Д. 3250. Л. 52; Там же. Д. 3082. Л. 23; 48.

[101] См.: ЦГАРД. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 2901. Ч. 2. Л. 55 об, 56; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией. С. 80–81.

[102] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 76

[103] Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 228.

[104] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1869. С. 112; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 186; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни… С. 69.

[105] Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношении народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – нач. XX в. Грозный, 1981. С. 61.

[106] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1869. С. 158; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией… С. 48–52.

[107] Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1980. С. 54.

[108] См.: Колосов Л.Н. Указ. соч. С. 26; Тавакалян НА. Указ. соч. С. 86; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 64; Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. С. 61.

[109] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1869. С. 122; Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношение народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Северного Кавказа в XVI–XX в. Грозный, 1981. С. 91.

[110] См.: АВПРИ. Ф. Кумыкские дела. 1759–1781 гг. Оп. 121/1. Д. 1. Л. 12; Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 99; и др.

[111] Тавакалян Н.А. Указ. соч. С. 102.

[112] См.: Лаудаев У. Указ. соч. С. 12–13; Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. С. 54; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. С. 256; и др.

[113] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII – начале XIX в. М., 1988. С. 8.

[114] См.: Исаева Т.А., Исаев С.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.) // Общественные отношения чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начале XX вв.). Грозный, 1982. С. 45; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. С. 27.

[115] См.: Брюханов Л.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сборник трудов Пятигорского госпединститута. Вып. 1. Ставрополь, 1947. С. 158; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 115; Дзагурова

В.П. Еще раз о союзах сельских обществ // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974. С. 82.

[116] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890. С. 162; Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана (Проблемы, история изучения, перспективы) // Общественный строй союзов сельских обществ Дагестана в XVIII – начала XIX в. Махачкала, 1981. С. 25.

[117] Штедер Л.Л. Указ. соч. С. 96–107.

[118] См.: Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 110, 115; Броневский С. Указ. соч. С. 158–168.

[119] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 295.

[120] Калоев Б.А., Ковалевский М.М. и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 108.

[121] Хашаев Х.-М. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1965. С. 4–5, 41–48.

[122] Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии в XVIII в. С. 28.

[123] Саидов И.М. «Мехк-кхел» («Совет страны») у чеченцев в прошлом // Кавказский этнографический сборник (КЭС). Ч. 2. Тбилиси, 1968. С. 200.

[124] См.: Гильденштедт И.Г. Указ. соч. С. 77; Броневский С.М. Указ. соч. С. 163–164, 181.

[125] Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. 2. С. 25–26.

[126] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 260–261; Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч. 2. С. 440.

[127] Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 40, 49.

[128] Там же. С. 49.

[129] См., Ахмадов Я.З. О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни (по материалам XVIII – первой половины XIX в.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982.

[130] См.: Попов И. Ичкерия // ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 262–263; Саидов И.М. Указ. соч. С. 200–201, 205.

[131] См.: АКАК. Т. 7. Тифлис, 1904. С. 917–918; Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах// ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878. С. 39; 244; Саидов И.М. Указ. соч. С. 202.

[132] См.: Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 97–98; Иванов М.А. В горах между рр. Фортангой и Аргуном // КОИРГО. Т. XVII. Ч. 1. 1904. С. 49.

[133] См.: Иванов М.А. Указ. соч. С. 49; Саидов И.М. Указ. соч. С. 203.

[134] Саидов И.М. Указ. соч. С. 205–206.

[135] Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 8–9. Партикуляризм (лат. слово) – отдельный; стремление отдельных частей областей государства к возможно большей независимости от центра.

[136] Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 9.

[137] Гарданов В.К. Обычное право, как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVII – начале XIX в. // «Советская этнография». № 5. М., 1963. С. 12.

[138] Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 7–8.

[139] См.: Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 8–12; Лаудаев У. Указ. соч. С. 24–25.

[140] Хасиев С.-М.А. О социальном содержании института «тайп» у чеченцев (XIX – нач. XX вв.). // Вопросы экономического и политического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в. Грозный, 1986. С. 75–76.

[141] Чокаев К.З. Географические названия Чечено-Ингушетии. Архив ЧИИИСФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Цитирую по работе С.-М.А. Хасиева. Указ. соч. С. 74.

[142] Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973. С. 21–23; Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный, 1999. С. 13.

[143] Ильясов Леча. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам». Бюллетень Международного общественного и культурного центра «Лам». №4(8). Грозный, 2001. С. 33.

[144] Ильясов Л. Указ. соч. С. 34–35.

[145] Мамакаев М.А. Указ. соч. С. 18–19, 23.

[146] См.: Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957. С. 120–121; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия… С. 310.

Глава IX. НАЧАЛО НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЧЕЧНЕ. ШЕЙХ И ИМАМ МАНСУР

§1. Складывание предпосылок национально-освободительного движения горских народов. Повстанческие движения в Чечне в XVIII в.

Обострение социальных противоречий в Чечне, Кабарде, Кумыкии в XVIII в не случайно совпало с активизацией политики царизма на Кавказе. Стремясь к расширению своей власти, почти все горские феодалы (по российской терминологии того времени – «владельцы») вели между собой ожесточенную борьбу за земли, доходы и распространение сферы феодальной эксплуатации на свободное крестьянство, вовлекая в свои распри подвластные им общества и народы[1].

Грубый произвол по отношению к рядовым горцам со стороны царской администрации по Тереку, строительство укреплений и крепостей, набеговые экспедиции и злоупотребления в политике «ласканий» и «репрессалий», постоянное манипулирование в сфере торговли, носившей колониальный характер, – все это вызывало перманентное недовольство горцев. Надо отметить, что и у местных верхов также были свои причины быть недовольными некоторыми аспектами политики царизма на Северном Кавказе. Прежде всего, горских владельцев сильно возмущало стремление царских властей взять под свой контроль внутриполитические вопросы жизни горских владений, а главное – их земли и холопов. Беглые холопы постоянно служили инструментом давления на местных князей и влиятельных узденей-дворян. Поэтому феодалы порой становились в оппозицию к царским властям, а отдельные из них вступали даже на путь прямой борьбы. При этом горские владельцы были не прочь заигрывать с турецкими, крымскими и иранскими властями.

Одним из самых животрепещущих для тех же чеченцев являлся земельный вопрос. Как известно, горцы, по крайней мере, с XVI в. вели перманентное заселение плодородных равнинных земель. Заселив Чеченскую равнину, чеченцы в связи с ростом численности населения и необходимостью увеличения пахотных земель и освоения новых пастбищ стали переходить на левый берег Сунжи и во второй половине XVIII в. наметили освоение притеречных земель. Здесь они стали сталкиваться с усиливающимся давлением со стороны кабардинских, кумыкских и аварских феодальных правителей, которые предлагали равнинным чеченским обществам свои услуги в организации управления, обороны и налаживания отношений с русской администрацией. Зачастую сами кабардинские и кумыкские князья выступали «пособниками» в поселении чеченцев на Кабардинской, Притеречной, Качкалыковской и Кумыкской равнинах. Очень скоро между крестьянским миром и феодалами начинались различные социальные коллизии[2].

Расширение экономических связей горцев Чечни с Россией и неравномерное развитие торгово-хозяйственных связей вследствие различных ограничений, пошлин и таможенных проверок приводили к обострению противоречий. Частые жалобы поступали от тех же чеченцев на таможенные запреты властей или на чрезмерно высокие пошлины на привозимые ими предметы торговли для русских поселенцев и казаков. «Как с привозимых в Кизляр товаров, как-то: меду, воску, бурок и леса, – писали в своем письме жители Брагунов на имя Кизлярского коменданта в 1797 г., – равно как и с ввозимых в Бурканг (Брагуны. – Ш.А.) товаров берут подати и из Кизляра вывоз соли запрещен… просили бы исходатайствовать у Ее Величества о небрании с них подати и о вывозе соли из Кизляра милостивого дозволения ее...»[3].

Чтобы усилить свои таможенные выгоды в этом районе, царские власти в целом расширяли пределы торгового обмена, однако лишали так называемых «немирных» чеченцев части торговых привилегий. В то время как на некоторые продукты питания при торговле внутри России вообще не распространялась пошлина, с торгующих чеченцев она взималась в больших размерах[4].

Одной из серьезных причин недовольства горцев являлось и то, что царские власти заставляли влиятельных местных феодалов и старшин отдавать своих детей в качестве заложников – «аманатов». Широко распространенный между Россией и кавказскими народами добровольный обычай аманатства, который первоначально считался признаком особого внимания со стороны московских царей к горским князьям, в период усиления влияния царизма на Кавказе сделался принудительным обычаем, а также орудием нейтрализации попыток горцев протестовать против политики царских властей.

В одном из писем от алдынских жителей от 25 мая 1767 г. читаем следующее: «Мы, алдынские народы, все покорно вас просим аманатчика нашего выпустить из аманат и отправить к нам, как чеченские народы (Чечен-Аул. – Ш.А.) содержатся без аманат, дабы так им содержан были, ибо чрез того аманатчика могли люди наши из жилища выехали на другое место, а когда пред сим от нас не было взято аманат, и тогда от нас стороне вашей никакие обиды не причинено, …»[5].

Боясь открытого недовольства и выступлений горских масс, местные владельцы и старшины добивались у царских властей разрешения к переселению вместе со своими подвластными на Терек ближе к русским станицам и укреплениям. Так, на прошение «герменчукского» владельца Девлет-Гирея Черкасского о разрешении переселения ближе к Тереку астраханский губернатор Брылкин 28 февраля 1750 г. указывал, что «согласно представления кизлярского коменданта, следовало бы все-таки переселить чеченцев (видимо, жителей с. Чечен-Аул. – Ш.А.) и герменчукцев на реку Сунжу (видимо, на левый, северный берег этого крупного притока Терека. – Ш.А.), побли-

зости казачьего Червленского городка и Брагунской деревни или еще в других местах для столь наилучшего воздержания и прекращения чинимых ими своевольства»[6].

Постоянно растущая алчность князей, владельцев и старшин вызывала недовольство и сопротивление крестьян, усиливалась «взаимная злоба и ненависть между» подвластными и их владельцами. В условиях Кавказа и, в частности, Чечни были распространены: захват имущества феодалов и убийство их, отказ от выплаты им ясака и выполнения других повинностей, поджоги и вооруженные налеты на владельческие дома, бегство тех же холопов в русские города, увод (кража) скота и т.д. Поэтому не случайно официальные документы того времени пестрят выражениями о «наглостях» и «дерзостях» чеченцев, которые не хотят слушаться своих владельцев[7].

Поэтому уже с самого начала XVIII в. чеченские владельцы неоднократно просили царское правительство не принимать бежавших от них крестьян и холопов. Царские власти были заинтересованы в увеличении численности населения развивавшихся городов Северного Кавказа, поэтому они охотно принимали выходцев из Чечни и других горских областей, предоставляя им земли для поселения и зачисляя их на военную службу. Так, «горячеевские» (кумыкские) и брагунские владельцы выражали свое недовольство тем, что бежавших от их гнета подвластных горцев принимают в г. Кизляр. Вот что говорится в присяге старшин Большой Чечни и Аджи-Аула от 1781 г. на имя кизлярского коменданта Куроедова: «Ежели будут наши холопы магометанского закона от нас убегать и являться в российских границах, оных нам отдавать обратно...».

Отказ от выдачи беглых холопов мотивировался царскими властями обычно ссылкой на то, что они приняли христианство. Горские же князья и владельцы утверждали, что приятие христианства происходило вовсе не по причине религиозного характера, а лишь для того, чтобы избавиться от плена (ведь холопы в Чечне были, как правило, иноплеменного происхождения). Владельцы просили, чтобы их рабов и слуг не крестили, а уже крещеных все равно вернули бы им[8].

Ни в одном из районов Северного Кавказа князья и владельцы не чувствовали такой неуверенности в своем положении, боязни перед подвластными крестьянами, как в Чечне. Так, в рапорте коменданта Кизляра Куроедова на имя князя Г.А. Потемкина от 19 апреля 1781 г. сообщалось о том, что «чахкеринский владелец Алихан Нурмаматов, доносил о том, что из подвластных ему чеченцев, насчитывающих в Чахкеринской деревне около двухсот дворов, не подчиняются владельцу: «некоторые по легкомыслию своему, смотря на другие народы, сообщаясь с бездельническими людьми, к российской стороне до сего времени делают шалости» Вскоре этот князь со своими сторон-

никами переселился на левый берег Сунжи в район Амерханов брод. Другие чеченские владельцы Казбулат Топлинский и Алибек Батырханов в 1784 г. также обратились к царским властям с просьбой разрешить им переселиться вместе с подвластными людьми на плоскостные земли по Тереку, «где бы они были бы под ближней защитой российского начальства»[9].

Царские власти, безусловно, охотно шли навстречу желаниям местных владельцев. В своем рапорте по этому поводу генерал Текелли указывает, что «лучшие способы удалить всех их, непокорных (горцев. – Ш.А.), от реки Сунжи – водворить против Моздоцкого казачьего полку». И далее в том же рапорте читаем: «...как между Сунжою и Тереком Девлетгиреевская деревня владельца Бамата, не заменяющая нам ничем, но делающая вред связью со всеми деревнями чеченскими, то предписал сию уговорить ласковостью и также переселить к Тереку, хотя ниже Моздокского полку, надеясь по тому, что много зла прекратится».

Часто случалось и так, что рядовые крестьянские массы становились жертвами всевозможных споров и тяжб между чеченскими князьями и владельцами из-за торгово-экономических выгод. Даже собственно чеченские владельцы жаловались в письме к кизлярскому коменданту от 9 апреля 1763 г. на то, что князь Девлет-Гирей «...через дорогу в урочище, называемое Келзели их не допустил и от кунаков наших купцов с каждой лошади требует по 20 коп, а ездить нам через Червленский городок не допустил...»[10].

Выдвигая свои укрепления и посты дальше по Тереку (между Червленной и Моздоком, а от Моздока на запад по территории Кабарды) царская администрация в 60–70-х гг. создала сплошную Кавказскую военную линию. Тем самым горцы Чечни и Кабарды были отрезаны от степных пастбищ за Тереком и по его берегам, которыми они пользовались в зимнее и весеннее время. Также они потеряли возможность передвигаться по очень удобным аробным степным торговым путям (от Каспия до Азова и Черного моря)[11].

Однако первые по времени крупные и организованные крестьянские выступления в Чечне в XVIII в. (1708 г.) вспыхнули под воздействием событий, разразившихся в самой Российской империи. В то время, как едва закончилось Астраханское восстание городских и крестьянских масс (1705–1707 гг.), началось мощное народное движение на Дону в Слободской Украине и в Поволжье (1707–1708 гг.) под руководством Кондратия Булавина.

Следует отметить, что в это же время в Поволжье и Приуралье прокатилась волна восстаний башкир, марийцев, татар и чувашей, которые участвовали в народном движении 1707–1708 гг. Самым значительным из них было восстание башкир, которое длилось с 1705 до 1711 гг. Несмотря на участие в нем отдельных феодалов-сепаратистов, оно объективно было борьбой башкирского народа против колонизаторской политики царизма и, резкого роста

налогового гнета[12]. Характеризуя типичную для начала XVIII в. политику царизма и в связи с этим обстановку на окраинах России среди различных народностей, дореволюционный историк В.А. Потто писал: «Происшествия в пограничных областях, беспорядки во внутреннем управлении, подкупность и взяточничество воевод, позволявших себе большие злоупотребления, – все это было явлением далеко не новым»[13].

Выражения недовольства значительно усилились, как о том повествует документ начала XVIII в., с приходом к горским народам, проживавшим в это время близ города Терки, участника башкирского восстания в 1707–1708 гг. уфимского феодала-чингизида Мурата Кучукова. В одном из донесений астраханского воеводы П.М. Апраксина царю Петру Алексеевичу от 20 марта 1708 г. говорится: «...В прошлом 1707 г. уфимский башкирец, который назвал себя салтаном, был в Цареграде и в Крыму о башкирской измене и прибежав с Кубани, явился в горских народах, которые близ Терека, называются чеченцы, мичкизы (кумыкское название чеченцев, живущие по р. Мичик. – Ш.А.), аксайцы; и те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном и проклятова их закона басурманского святым, учинился над ними владельцем...»[14].

За короткое время руководитель восставших Мурат Кучуков собрал вокруг себя 1600 вооруженных людей. Интересно заметить, что в лагерь повстанцев стекались даже кочевые племена вместе с их баями, мурзами, султанами и другими владельцами, недовольные действиями терских воевод и их администрацией. Его поддержал также чеченский бей Амир-Хамза (видимо, старший князь Чеченского княжества) и ряд кумыкских князей и ногайских предводителей, по своим причинам недовольных царскими воеводами и политикой Петра Первого, поддерживавшего их соперников кабардинских князей[15].

Известно, что два терских окочанина – чеченцы (имена которых, к сожалению, не называет документ) и беглый черкасский уздень по имени Лузан, которые ездили из г. Терки в Чечню для продажи рыбы, подробно ознакомили Мурата и восставших с расположением ставки военно-административных властей города Терки, обстановкой внутри крепости и ее обороноспособностью. [16].

12 февраля 1708 г. под покровом ночи восставшие незаметным образом проникли через проломы в стенах в город, состоявший из деревянных и земляных строений. Первое сражение с царскими войсками закончилось победой восставших. Восставшими было сожжено много строений и укреплений терской администрации; много было убитых, раненых и взятых в плен; восставшие захватили в городе 7 медных и 3 чугунные пушки[17].

После этого сражения остатки русских сил сумели укрепиться в цитадели, где в спешном порядке дополнительно укрепили боевые позиции. Терский

воевода Р. Вельяминов перетащил сюда даже некоторые пушки с городских стен. После этого повстанцы, несмотря на их частые атаки, в дальнейшем не смогли овладеть крепостью и взяли ее в осаду плотным кольцом. Вскоре горцы, посовещавшись, 26 февраля «учинили над городом со всех сторон приступ крепкий...». Это произошло, видимо, до того, как астраханский воевода Апраксин успел послать в Терки военную помощь[18].

Подробности данного сражения под цитаделью Терки документы нам не сообщают. Известно только, что предводитель Мурат Кучуков был ранен и схвачен в плен прямо в окопах, после чего горцы отошли от города. И немудрено: сюда приближались срочно посланные астраханским воеводой П.М. Апраксиным крупные военные силы, а с другой стороны – калмыцкий Аюка-хан (союзник Петра) прислал своего внука с восьмитысячным отрядом калмыков, которые разблокировали Терки. Плененный Мурат Кучюков был доставлен в Казань, где по личному распоряжению царя был повешен на крюке[19].

Безусловно, борьба северокавказских народов за город Терки в 1708 г. имела в своей основе те же общие причины, цели и задачи, что и восстания башкир, марийцев, татар, чувашей, Кондратия Булавина в 1707–1708 гг., и явилась прямым отголоском выступления народов Поволжья и Дона [20].

В 1722 г., когда огромные силы Российской империи двинулись на юг в Персидский поход для овладения Каспийским бассейном и Восточным Кавказом, чеченские и эндирейские владельцы и их подвластные отказались присягнуть в покорности представителям Петра Первого. Решившие обороняться чеченцы и эндирейцы ждали подхода карательных войск царской администрации и соответственно готовились к обороне: жители Эндери, где насчитывалось тогда до 3 тысяч дворов (это был по существу ремесленно-торговый центр – настоящий город), и соседних чеченских (ауховских) сел отослали семьи и имущество свое в горы, а в самом Эндери сделали засеки по улицам и окрестным проходам[21].

Военные действия начались в июле 1722 г. Для усмирения «непокорных» был послан конный корпус под командой бригадира Ветерани, которому было предписано: атаковать и захватить Андреевскую (Эндерийскую) деревню. Когда 23 июля 1722 г. царский отряд (три драгунских полка численностью до 2 тыс. человек и 400 казаков) во главе с генералом Ветерани, пройдя прямым путем от г. Терки к р. Сулак, вошел в ущелье и приблизился к Эндери, в это время одновременно с высоких круч и из леса его встретили выстрелами вооруженные горцы, число которых, по сообщению источников, достигало от 5 до 6 тыс. человек[22].

Застигнутые врасплох царские войска были в панике и не смогли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления наступавшим горцам. Единствен-

но подполковник Наумов, пока солдаты сдерживали натиск горцев, во главе своего отряда драгун прорвался к пустому селению и поджег его. Пламя быстро распространилось, охватив все Эндери, что ослабило натиск на основные русские силы. Погибло 80 драгун и сотни солдат были ранены[23].

4 августа 1722 г. по указу самого царя Петра Алексеевича, огорченного неудачей под Эндиреем, повторно была совершена карательная экспедиция против восставших чеченцев и эндиреевцев. «В состав военной экспедиции входили регулярные части и отряд калмыков, посланный Аюка-ханом по просьбе царя в количестве 3730 чел.», которые буквально разорили горцев.

На этот раз горцы вынуждены были согласиться «дать присягу», причем надо отметить, что восставшие чеченцы (вероятно, ауховцы) впервые принесли самостоятельную присягу, помимо той, что принесли эндирейские князья[24].

После этих экспедиций, указывает Г.А. Ткачев, калмыцкие отряды неоднократно посылались против жителей Аксая и на Качкалык (Чечня), а также в горы Дагестана. С 1722 г. укрепления царской администрации (редуты) на Тереке и Сулаке и прилежащие к ним гребенские станицы находились под охраной калмыцких сил. Такая практика продолжалась также и при генерале де Медеме (60–70-е гг. XVIII вв.)[25].

Через 10 лет, в 1732 г., в крепость Святого Креста на Сулаке поступили сведения о сборе больших горских сил (до 10–15 тыс. всадников) близ Чечен-Аула под религиозными лозунгами. Возможно, в крепость приехал сам старший чеченский князь Казбулат (хотя некоторые другие чеченские князья, как оказалось, не были склонны его поддержать). В целях разведки и нанесения при необходимости удара в Чечню был послан генерал Дуглас с отрядом в 1200 солдат пехоты и 500 казаков. Однако оказалось, что «собрание» горских войск на тот момент уже разошлось. Тогда генерал Дуглас, достигший Эндирея, ограничился тем, что послал в Чечен-Аул отряд под командованием полковника Коха, состоявший из 300 солдат-драгун и 200 казаков. Полковник Кох лесными путями, скрытно, 7 июля вступил в Чечен-Аул, полностью сжег его и стал спешно отходить назад. Но при отступлении его отряд был окружен в лесах восставшими чеченцами и в произошедшем бою было убито 125 и ранено 75 солдат[26].

Здесь уместно сообщить, что горцами в этом сражении был убит и местный князь Казбулат, который как раз и вел отряд царских войск во главе с Дугласом, а затем и Кохом в селение Чечен-Аул для подавления выступления горцев, вероятно, направленного и против него лично[27].

Как известно, до выступления шейха Мансура в Чечне вооруженные выступления крестьян не превращались во всеобщее антифеодальное восстание – крестьянскую войну. Но восстание 1757–1758 гг., охватившее в той или

иной мере практически всю равнинную Чечню и некоторые горные общества Чечни и Дагестана, имело все черты массового движения.

Русский историк и бывший кавказский чиновник П.Г. Бутков пишет следующее: «в 1757 году чеченцы вышли из должного повиновения своим владельцам и совсем оказались противными российской стороне». Жители селений Чечни и «Горячевских» (качкалыковских) аулов в том же 1757 г. «изгнали» своих владельцев, указывает он далее[28]. Говоря о движении горцев 1757–1758 гг., современный исследователь Ахмадов Я.З. отмечает, что характер его определяется прежде всего антифеодальной направленностью, хотя вместе с тем он трактует его и как антиколониальное. Единственно историк Ф.В. Тотоев посчитал, что «события 1757 г. были не феодальной борьбой, а ранним антиколониальным выступлением, в котором принимали участие и чеченские владельцы, чьи интересы были ущемлены наметившимися в 50-е гг. XVIII в. изменениями…»[29].

На антиколониальную сторону этого восстания проливают свет и официальные документы, исходящие из Государственной Коллегии иностранных дел России: «…весь чеченский народ приходил в движение, что нужно было усмирить оной движением войска» и «генерал-майор Фрауендорф ходил на... чеченцев в числе 2196 человек... войска, …в сем походе …побито чеченцев 200 человек… жилища их, которые ими пред тем были уже оставлены, выжжены, и посеянные ими при оных хлебы вытоптаны, также и в добычу получено много скота и прочего»[30].

1 мая 1757 г. стало известно, что «чеченцы с протчими дальних гор народами собравшись намерение имеют подступить в построенный при Червленских теплых водах редут (на правом берегу Терека)». Оправдываясь перед кизлярским комендантом и говоря о непричастности местных владельцев к подстрекательству к нападению на казачьи станицы и редуты подвластных им горцев, чеченский владелец Алибек Казбулатов, брагунский уздень Эйкадар и брагунская владелица Кичибике писали, что «...чеченцы владельцам своим состоят в непослушании и чинить противности замышляют…, явно от подданства ее Императорского Величества отложились и от владельцев своих отстали и ни в чем их не слушают...». В рапорте кизлярского коменданта генерала Фрауендорфа указывалось, что «чеченские владельцы все единственно по непослушанию оных злодеев чеченцев бессилием своим отговариваются и беспрестанно просят оных чеченцев наказать...»[31].

Новым поводом для всеобщего недовольства горцев послужило также задержание в начале 1757 г. «знатного и сильного узденя» чеченского владельца Расланбека Айдемирова – Шабая Ахлова за «непослушание чеченцев». Шабай оказался серьезной политической фигурой: при нем были обнаружены «писаные от него, Шабая, к горскому народу возмутительные к воровству

(в данном случае к восстанию. – Ш.А.) письма». Сам же Шабай Ахлов, считался формально узденем чеченского владельца Расланбека Айдемирова, но, как считали в Кизляре, «он владельца по великому его родству не слушает...». Действительно, брат Шабая Бекей (не без помощи родственников) развернул в Чечне бурную военно-политическую деятельность[32].

Опасения царской администрации по поводу того, что вместе с восставшими чеченцами могут подняться и «другие горские народы» и, таким образом, реальна опасность «общего возмущения», стали еще более усугубляться после перехода восставших горцев к более активным действиям. Осенью 1757 г. восставшие чеченцы вновь совершили нападения «на казачьи городки и разорили не только многие жилища, но и тамошние редуты и другие укрепления...»[33].

В официальных же кругах Санкт-Петербурга с целью предупреждения всеобщего восстания горцев решено было направить в Чечню экспедицию царских войск во главе с комендантом кизлярской крепости генерал-майором фон Фрауендорфом. Данная экспедиция состоялась весной-летом 1758 г. и длилась несколько месяцев. В экспедицию решено было пригласить калмыцкие войска, а также кабардинских князей, так как последние, как указывают документы, «по причиняемым им от чеченцев обидам о том просят и охоту имеют» [34].

Кроме того, к участию в походе были привлечены кумыкские князья, брагунский владелец и даже язычники ингуши и карабулаки (страдавшие от набегов своих чеченских соседей, требовавших принять ислам). В экспедиции против восставших горцев участвовали также казачьи войска – Гребенское и Терское семейное, Кизлярская нерегулярная команда князя Эльмурзы Черкасского, грузинский и армянский эскадроны, калмыцкие отряды под начальством Яндыка и Ерембия и не менее 500 человек пехоты от двух гарнизонных полков с полковыми пушками. Всего же численность корпуса достигла 6 тыс. человек. Восставшие могли на тот раз выставить на поле боя до двух тысяч воинов. К восставшим горцам присоединились «чебуклинцы, чубутцы, андийцы и отовсюду мичкизцы; из Аксайской деревни и Исти-су, из Гикеху и Ерки, а также живущие вверх по Сунже горцы и подвластные Андреевским владетелям жители селений Аух...». К Чечен-Аулу шли горцы из «гребенчиковцев, шалинцев… и с Качкалык... гунбетцев, андийцев, нохчамахкинцев, голонданцов...». Из Дагестана, кроме андийцев и гумбетовцев-аварцев, прибыли также эндирийские и аксайские кумыки[35].

Хотя в целом экспедиция длилась в течение нескольких месяцев, собственно военные действия ограничились одним сражением царских войск с восставшими горцами, произошедшим 24 апреля 1758 г. Войска генерал-майора Фрауендорфа устремились через р. Сунжа, подожгли деревню Новые

Чечни и, овладев ущельем Хан-Кала, вышли на Чеченскую равнину. Жители аулов, в основном женщины и дети, успели уйти в горы, угнав с собой скот. Мужское население, видимо, осталось защищаться. Согласно сведениям, сообщенным генералом фон Фрауендорфом, потери со стороны горцев в этом сражении составили якобы 120 человек. Есть сведения, что сохраняя внешнюю лояльность к «подданым», отдельные чеченские владельцы и старшины Алдынского других селений оказывали содействие царским властям во время экспедиции в Чечню [36].

2 июня 1758 г. русские войска вернулись обратно в Кизляр. В своем донесении на имя государя в Петербург генерал Фрауендорф не без сожаления признал, что восставшие горцы «в покорение не пришли»[37].

В 1760 г. произошло нападение «горской партии» на новое жилище Девлет-Гирея Черкасского близ берега Терека, приведшее к бегству последнего на некоторое время в Кизляр. В 70-е гг. XVIII в. чеченцы не раз доказывали своим владельцам нежелание терпеть их управление. В 1770 г. генерал-майор де Медем, назначенный в 1769 г. командующим войсками на Кавказской линии, дважды ходил «наказывать» восставших чеченцев, которые «никак своего буйства не оставляли»[38].

В 1774 г. чеченцы вновь восстали как против своих феодалов, так и политики кавказских властей. Генерал-поручик Якоби, назначенный в это время инспектором Кавказской линии, жестоко подавил восстание горцев. То же самое повторилось и в 1783 г. при командующем войсками на Кавказе генерал-поручике П.С. Потемкине. Так, для расправы над восставшими чеченцами и ингушами в 1783 г. были посланы различные военные отряды. Против сел. Атаги выступил полковник Кек, имея в своем распоряжении три батальона пехоты, 12 орудий, 2 эскадрона легионеров и 1150 линейных казаков. В Ингушетию был направлен майор Рик с батальоном пехоты, эскадроном драгун и сотней казаков. У Ханкальского ущелья произошло большое сражение между войсками Кека и восставшими, длившееся более трех часов. Горцы потерпели поражение и понесли при этом, как сообщают царские источники, большие потери: было много убитых и раненых, два человека взяты в плен[39].

В конце сентября 1783 г. генерал-поручик П.С. Потемкин снарядил в Чечню дополнительные силы для «наказания» тех же восставших атагинцев и жителей близлежащих плоскостных сел, которые упорно не желали покориться царским властям и давать им аманатов (заложников). Также генералу Самойлову И.В., находившемуся тогда со своим отрядом в Малой Кабарде, приказано было выступить против восставших горцев с. Атаги через жилища западных чеченцев-карабулаков. 3 октября генерал П.С. Потемкин перешел р. Сунжа и остановился у Ханкальского ущелья, ожидая подхода отряда Самойлова. Однако отряд Самойлова, выдержавший жестокие бои с карабулаками при движении на восток, был встречен отчаянным сопротивлением

жителей большого Гехинского общества. Вскоре Самойлов овладел с. Гехи и сжег его. 5 октября отряд генерала Самойлова подошел к с. Атаги. Тогда генерал П.С. Потемкин решил атаковать горцев в самом ущелье Хан-Кала и 6 октября были введены в ущелье 2 батальона пехоты под командованием полковника Пиери. Сражение длилось 12 часов. Вскоре восставшие горцы отступили от ущелья. Согласно официальным источникам, восставшие понесли здесь ощутимые потери, было много убитых. «непокорные» был вынуждены смириться и выдать аманатов[40].

Как бы то ни было к середине 80-х гг. XVIII в. чеченские князья, правившие в аулах правобережья Сунжи и по р. Аргун, покидают свои «уделы» и переселяются на притеречные земли, где основывают новые аулы на правах первопоселенцев, которым все последующие были обязаны ясаком и отработками как владельцам земли. Некоторые авторы относили это событие прямо к 1783 г., утверждая, что «владельцы на этот раз окончательно были изгнаны»[41].

Действия царских генералов против восставших и невосставших горцев принимают еще более зловещий характер после начала широкого антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура в 1785–1791 гг. Выдержки из донесений сообщают о жестоком обращении царских офицеров с горцами. Так, чеченцы-качкалыковцы в силу может быть своего географического положения, как и их соседи – равнинные кумыки, принимали отнюдь не самое активное участие в антифеодальных и антиколониальных выступлениях основной массы чеченцев. Но для царских генералов они являлись легкодоступной добычей, потому их и грабили в первую очередь. «Жители, оставляя свои дома, – говорится в донесении генерал-поручика П.С. Потемкина на имя князя Г.А. Потемкина, – выбрались с женами, детьми и имуществом в леса и за ними лежащие ущелья, и для того не почел я полезным разорить пустые дома, а хотел притеснить их самой стужею и отнятием у них снедения (припасов. – Ш.А.)». На следующий день, 17 января 1787 г., войсками у тех же качкалыковских чеченцев было отбито около двух тысяч овец. В происшедшей между качкалыковцами и грабителями в мундирах стычке было убито до двадцати качкалыковцев, в числе которых был и их предводитель Ибба-мулла. 19 января 1787 г. полковник Ребиндер с гренадерским батальоном совершил очередной набег против кумыкских, аксаевских, андреевских, черкеевских аулов на Кумыкской плоскости. Было убито около 80 человек и взято в плен 4 человека, захвачено в качестве добычи 800 баранов и 30 голов крупного рогатого скота, которые тут же были розданы войскам[42].

Это была типичная политика, направленная (и совершенно напрасно) на усиление страха. Но страха не было: «Единственная слабость Чечни в тот период, – указывает Ф. Серов, – состояла в неорганизованности, отсутствии

скрепляющего, побуждающего начала»[43]. Отдельные вооруженные выступления крестьян-горцев не превращались во всеобщее восстание. Некоторые общества сохраняли свою былую вольность и не испытывали феодального гнета, хотя имущественная и социальная дифференциация их также задела[44]. Слабость политического единства страны не только мешало сплочению горцев и координации их усилий во время восстаний, но давало возможность царским властям разбивать повстанческие очаги поодиночке.

Со второй половины XVIII в. царизм предпринимает самые серьезные шаги для укрепления своих позиций на Северном Кавказе с целью административно-политического контроля над горскими народами. С основанием крепости Моздок в 1762–1763 г. и водворением по Тереку новых станиц по направлению к старой Червленской станице русское командование приступило к сооружению сплошной Кавказской военной линии до Азовского и Черного морей. Причем новые крепости: Екатериноградская (на р. Малка), Павловская (на р. Кура), Марьинская (на р. Золка), Георгиевская (на р. Подкумок) и Александровская (на р. Томузловка) выдвинулись прямо в земли Кабарды. Об этом указывал в своем докладе императрице Екатерине II генерал-губернатор, князь Г.А. Потемкин: «Оная Линия… отделит разного звания горских народов… от тех мест коими нашим подданным пользоваться следует, положением же мест своих подает способ учредить виноградные, шелковые и бумажные заводы, размножить скотоводство, табуны, сады и хлебопашество… Сверх того открывает способ войти в тамошние горы и жилище осетинское и со временем пользоваться их рудами и минералами…»[45].

Колонизационная политика царизма в крае неизбежно должна была привести к вытеснению местных народов с равнины. Как известно, колонизация земель на территории Северного Кавказа проходила в основном двумя путями: прикрыто – «мирным» и открыто – военным. Они были между собой связаны и шли параллельно, дополняя друг друга. Однако в обоих случаях формы и методы действия были военно-феодальными, колонизаторскими, и «местные народы», безусловно, «при этом попадали под самодержавную власть русского царизма, испытывая на себе его деспотический колониально-национальный режим». Не случайно с 80-х гг. XVIII в. и до 1804 г. царизмом было роздано помещикам (с условием заселения поместий крестьянами) в предкавказском районе (Ставрополье) 623306 десятин земли[46].

В 1783 г. правый флаг Азово-Моздокской Линии был выдвинут от устья Дона к устью Кубани, после чего цепь укреплений, протянувшаяся от Каспийского до Черного морей, стала именоваться Кавказской Линией. Военным властям было отдано распоряжение об оставлении на местах отставных солдат кавказских войск для жительства на Линии, причем поселянам велено было обеспечить здесь условия жительства, выдавая из казны пособия в размере 20 руб. Казенные поселяне, перешедшие сюда из внутренней России,

также получали земли и пособия. С 1784 г. на Кавказской Линии стали образовываться и деревни крепостников князей А.А. Вяземского и А.А. Безбордко, графа А.Р. Воронцова и др., получивших здесь десятки тысяч десятин земли[47].

Таким образом, изучение обстановки, которая складывалась на Кавказе в конце XVIII в., дает возможность понять, каким образом антифеодальные крестьянские выступления горских народов сливались в общее русло борьбы против военно-колонизаторского наступления царизма. Антиколониальная направленность движения вызывалась, естественно, возведением крепостей на землях горцев, устройством казачьих станиц, раздачей земель горцев царским сановникам, насильственным сгоном местных жителей на строительство дорог и крепостей, грубым вмешательством во внутреннюю жизнь горцев и т.д.[48]

Если во второй половине XVIII в. (1765 г.) правительством были отменены всякие пошлины с кабардинских и некоторых кумыкских жителей при покупке ими товаров и продаже своих изделий и скота в Кизляре, то такая свобода на торговлю не распространялась на чеченцев. Но в целом и кумыки страдали от новых пошлин о чем говорят конкретные документы [49].

Чтобы избежать уплаты таможенных пошлин на продукты питания, чеченцы не подпавшие под освобождение от пошлин, везли свои товары в Кабарду, а оттуда – по правой стороне р. Терек – в Кизляр. Привозимые в Кизляр товары народов Северного Кавказа составляли, как правило, жизненно значимые продукты и изделия ремесла[50]. Но власти ревниво защищали свою торговую монополию в Кизляре.

Известно, что гребенские и другие казаки издавна закупали в Чечне арбы и колеса к ним. Однако высокие пошлины вызывали у чеченцев недовольство и они обратились в Военную коллегию с просьбой об отмене таможенных сборов. Дело было передано в Сенат, который ответил казакам жестким отказом на все эти просьбы[51].

В целом «экономические» мероприятия царских властей (таможенные пошлины, меновые дворы и всякие другие запреты) сдерживали развитие горско-русской торговли, вызывали в ряде случаев открытое недовольство народа, особенно тогда, когда дело касалось ограничения торговли солью, металлами, тканями и другими жизненно важными товарами. Все это, безусловно, играло определенную роль и в обострении отношений горцев с царскими властями.

§2. Начало политической деятельности шейха и имама Мансура

В марте 1785 г. на территории Чечни вспыхнуло мощное народно-освободительное восстание горцев, которое впервые охватило весь Северный

Кавказ. За короткое время оказались затронутыми почти все соседние с Чечней районы: Северный Дагестан (Кумыкия), часью Нагорный Дагестан, Кабарда, Черкесия, Адыгея. Во главе движения стал выходец из рядовой узденской крестьянской семьи, чеченец из селения Алды по имени Ушурма.

Среди широких народных масс Кавказа, как и в документальных источниках и литературе, руководитель народно-освободительного движения на Северном Кавказе в 1785–1791 гг. Ушурма более известен как шейх Мансур. Его также называли «Алдара имам» («алдынский имам»). Мансур принадлежал к роду (тайп) Элистанжхо, имевшему квартал в сел. Алды.

Рис. 37. Шейх и имам Мансур (совр. рис.)

Биографические сведения об Ушурме довольно скудны и противоречивы. По свидетельству дореволюционного академика Н.Ф. Дубровина, «действительное имя его было Учерман, переделанное нами (русскими. – Ш.А.) сначала в Ушурму, а потом в Мансура. Впоследствии и сам Ушурма называл себя этим именем». Известно, что свою деятельность Ушурма начал весной 1785 г. и на момент выступления Ушурме было 26 лет, из чего следует, что Ушурма родился в 1760 г. Кстати, и сам Ушурма в своих показаниях, данных 28 июля 1791 г. обер-секретарю Тайной экспедиции Шешковскому, сообщил, что ему более тридцати лет[52].

В отличие от даты рождения, сведения о месте рождения и социальном происхождении Ушурмы довольно единодушны. Родился он в чеченском ауле Алды в обычной крестьянской семье. Его родители давно переехали в сел. Алды из Ичкерии (Нохч-Мохк). У Ушурмы имелись братья Танти и Тычай, которые были еще живы в момент его пленения. Их родовое село Элистанжи находилось в Ичкерии (Восточная Чечня) в 10 верстах от будущей крепости Ведено. По местным обычаям и традициям Ушурма с ранних лет стал изучать арабский язык и Коран. Горцы не считали изучение арабского языка легким делом, но Ушурма показал себя щедро одаренным от природы мальчиком.

С самых ранних лет Ушурме пришлось испытать нужду и тяжелый труд. Будучи сыном бедных и простых родителей, он не мог получить основательного исламского образования и в детстве пас домашний скот. Немного возмужав, он, по его словам, «упражнялся в земледелии». Но ни пастушество, ни тяжелый крестьянский труд не вывели Ушурму из бедности. Поэтому ему были близки и понятны заботы и чаяния простого горского крестьянства. Впоследствии, став признанным вождем горских масс, Ушурма отли-

чался удивительным бескорыстием, раздавая бедноте тот скот и подарки, с которыми прибывали к нему со всех сторон многочисленные последователи. Неудивительно поэтому, что и в момент пленения имам Мансур был таким же бедняком, как и перед восстанием. «Я беден, – говорил он в своих показаниях Тайной экспедиции, – все мое имение состоит из двух лошадей, двух быков и одной хижины». Сам Ушурма в показаниях Тайной экспедиции говорил о том, что он женат и имеет трех детей: «Есть у него и жена по имени Чачи, сыну Яса – восемь лет, а двум дочерям Рагмет и Намет (чеч. «НиIмат») – четыре и один год»[53].

Говоря о внешности Мансура, следует отметить, что, по свидетельству имама Шамиля, «он был очень красив» и имел при этом «мужественную, увлекательную наружность» и, несмотря на то, что «совершенно не знал грамоты», все же «владел необыкновенным даром слова». Кроме того, по свидетельству того же Шамиля, Мансур был «так высок ростом, что в толпе стоящих людей казался сидящим верхом на лошади». Алдынский имам, даже по словам царских историков, являлся незаурядной личностью и резко выделялся среди своих односельчан. «Одаренный природой гибким и проницательным умом» и «сильной волей», он являлся прекрасным психологом и умел внушать глубокое доверие окружающим[54].

В начале своей деятельности Мансур жил замкнуто, уединенно. «Под строением его сделана землянка весьма крепкая, где он ночует, караул его из его родственников, есть ему дает жена его и ни с чьих рук не берет пить, кроме оной». Одевался Мансур первоначально весьма необычно, выходил в народ в поражающем фантазию простых горцев костюме и с маской на лице, чем производил сильное впечатление. Алдынские старшины сообщали царским властям, что «в деревне оказался какой-то человек, оделся в разноцветное платье такое, что на свете никогда не видали»[55].

Прежде чем остановиться на рассмотрении религиозных и социальных мотивов, которые в тогдашних условиях должны были принести авторитет Мансуру среди горских масс и выдвинуть его в качестве имама и предводителя начавшегося народно-освободительного движения горцев, следует кратко остановиться на вопросах степени распространения и проникновения ислама в Чечне.

Период поэтапного возвращения чеченцев на равнинные земли, продолжавшийся с XV по XVIII в., завершается также полной исламизацией равнинной зоны Чечни. В горных обществах ислам распространялся гораздо медленнее и с большими трудностями, но и здесь положение было далеко не одинаковым. Если в соседних с Дагестаном районах Чечни (Ичкерия, Шарой, Чеберлой) мусульманство появилось сравнительно давно (но не ранее XVI–XVII вв.), то в других местах ислам начинает распространяться только с середины XVII – начале XVIII в. Согласно имеющимся историческим сведениям, некоторые жители горных Шибутских (Шубутских) поселений уже в 1647 г. давали «шерть» (присягу. – Ш.А.) на Коране, но здесь еще сохранялись и язычники. Жители Галанчожского ущелья, а также майстинцы, малхистинцы-галашевцы в конце XVIII в. еще оставались большей частью язычниками, карабулаки только начали принимать ислам[56].

Сама логика событий в истории Чечни, связанной с историческим вызовом – наступлением Российской империи, неумолимо вела горцев к объединению под единой идеологической оболочкой – ислам. Но по признанию самих официальных дореволюционных историков, «религиозный фанатизм был возбужден и у них (чеченцев. – Ш.А.) лишь в 1785 г., когда чеченец по имени Ушурма, прозванный за его ученость и святость жизни шейхом Мансуром, сумел соединить национальную борьбу с религиозной». Таким образом, если раньше «зачастую только правящие классы были мусульманами, а крестьянская же масса оставалась в идолопоклонстве», то нужна была царская угроза, чтобы горцы Кавказа освоили действительное «мусульманское сознание»[57].

В своих показаниях при допросе в Тайной экспедиции Мансур сообщил, что не только простой народ, но и духовенство одобрительно относилось к его нравоучениям и наставлениям и даже прониклось к нему уважением и стало называть его шейхом еще в 1783 г. Он рассказывал, что «слухи о его (имама. – Ш.А.) обращении к честной (духовной. – Ш.А.) жизни быстро распространились среди сородичей…». Во время уединенных «размышлений и очищений» у Мансура бывали «видения», в частности – в лице двух всадников, посланных якобы самим пророком Мухаммедом (да благословит его Аллах и приветствует), которые называли его имамом и призывали к религиозным проповедям среди горцев. В 1784 г. слухи о новоявленном шейхе выходят за пределы с. Алды, а в начале 1785 г. он начинает свои публичные проповеди, собирая толпы людей. По-видимому, с этого времени его уже окружали постоянно религиозные и почитаемые среди местных жителей кадии, муллы и хаджи. Правда, не все муллы его признавали и соглашались с его наставлениями (например, некий далекий табасаранский алим), но со временем противников становилось все меньше и меньше[58].

Безусловно, чтобы иметь осведомленность в основных догматах ислама, Мансуру необходимо было достаточное время и хорошие учителя. Отдельные муллы и хаджи вначале выступили в качестве учителей и наставников, а позже – сподвижников Мансура во всех его делах. Малограмотный Мансур сам не мог писать письма ни на арабском, ни на русском языках, вести переписку с местными владельцами и старшинами, с русскими властями и турецкими представителями и составлять многочисленные воззвания к различным горским народам Кавказа.

В своих показаниях на допросе в Тайной экспедиции чеченский уздень Этта Батырмурзин (шурин Мансура) сообщил, что самым почитаемым среди прочих мулл и хаджиев и наиболее авторитетным наставником и соратником имама был Умар-Хаджи из селения Шали. Другими влиятельными советниками Мансура из местных мулл были Нагай-Мирза-хаджи, Бисултан-хаджи и Хамби-хаджи. Эти муллы больше других вели агитацию за признание его имамом[59].

Впервые с публичными проповедями Мансур выступил в начале марта 1785 г. у себя в деревне Алды. «До объявления шейхом, – сообщал 8 марта 1785 г. тайный агент Али-Солтан, побывавший в Алдах, – Мансур три ночи в доме молился богу, с плачем выговаривая своим родственникам, что по непостоянству чеченцев в рассуждении смертоубийств и грабительства погибают или осуждаются в будущем веке вечному мучению и что он (Мансур. – Ш.А.) по данной свыше власти может их от сего избавить и обратить к чистому признанию и примирению…». После мучительных двух суток «оный ших (Мансур. – Ш.А.) взошел на мечеть, созывал всех к богомолью, и как народ собрался великим количеством к мечети, то оный, не слезая с мечети, увещевал всех тута предстоящих, дабы они отстали от всех злых предприятий, и кто с кем имеет ссору и вражду, примирились бы, а равно вина и водки не пили, табаку не курили, подавали бы милостыню и наблюдали закон мохаметов». После чего продолжал далее Али-Солтан «разнесся повсюду слух, а по нем и собирается великое количество людей и всякий день приводят к нему скотину, которую раздает бедным, да и сам с родственниками из нее же питается. Из родственников его одного в давних годах убил горский житель, … но он, ших, принудил мать и всех родственников сие упустить и помириться, смотря на то, и другие тому последовали…»[60].

История знает немало примеров, когда в момент обострения религиозного фанатизма стоящему во главе религиозного движения человеку приписывались всякие сверхъестественные способности и качества. Так и сторонники Ушурмы приписывали своему имаму способности творить чудеса. Мансур говорил, что он властью, данной ему богом, может уберечь своих соотечественников от пороков, наставить на путь истинного закона ислама и тем самым отвратить их от гнева божьего. Призывал оставить взаимные ссоры, убийства, кровомщение и прощать друг друга. «Именем Бога и его пророка Магомета упрашиваю вас, – говорил им Мансур, – послушайте меня, а если не исполните сии заповеди и не послушаете моих сказаний, то в скорости подвергнетесь гневу Божию». Рассказы о святой жизни Мансура, его предсказаниях и тому подобном быстро распространялись, видоизменялись и даже преувеличивались, и скоро про него стали рассказывать совсем необычайные вещи. Слава о Мансуре распространилась далеко за пределами Чечни, о нем стали говорить в Кабарде, на Кумыкской равнине, в горах Дагестана[61].

При внимательном изучении проповедей Ушурмы, нетрудно убедиться в том, что он в сущности «...ничего нового к Корану не прибавил». Из религиозных проповедей имама выводились три основные направления его программы:

1. Возвращение к исламу чистому и аскетическому;
2. Борьба против адатов и введение убеждением или силой шариата;
3. «Священная война» (газават). Ведется сначала против соблюдающих адаты, затем против «неверных» (горцев-язычников) и, наконец, против «керестан» (русских) – наступающих на мусульман Кавказа.

Такую последовательность в учении Мансура объяснить нетрудно. В первом пункте мы видим обычный для любого движения масс под религиозной оболочкой призыв к отказу от обыденной, грешной жизни и возвращению к чистым незапятнанным истокам религии. «Мансур звал к новому быту, построенному на принципах пуританской морали. В этом призыве к набожности, самообузданию чуются те же социальные мотивы, что и в проповеди западноевропейских пуритан эпохи первоначального накопления»[62].

Однако для осуществления этого необходимо было объединить всех горцев, дать им единую религиозную и правовую систему. Различные адаты горских народов являлись одним из главных препятствий на пути к этой цели. «Наложив на страну трехдневный пост, – сообщает источник, – Мансур с приближенными своими мюридами стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра. Жители выходили к нему навстречу, каялись перед ним в грехах и обращались к тоба (покаянию), обязывались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, не курить табаку, не пить крепких напитков, но усердно молиться богу, не пропуская назначенных для этого сроков. Народ признал Мансура своим устазом, то есть ходатаем перед богом; целовал полы его одежды и так увлекались религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь...»[63].

Серьезным препятствием на пути его учения являлись древние языческие верования. Борьба мусульманства с ними, начиная со средних веков вплоть до выступления Мансура, была очень упорной и не всегда успешной. В одной из первых своих проповедей имам призывал чеченцев «обычные же обряды не наблюдать, а быть так, как духовный закон учрежден»[64]. В самом выражении «обычные же обряды не наблюдать...» легко усматривается, что немусульманская, языческая обрядность являлась тогда распространенной. Известно, что процесс смены религиозных взглядов людей был всегда очень долгим, сложным и болезненным.

В своих обращениях и воззваниях к мусульманскому народу Мансур не предлагал ничего необычного, но вместе с тем он требовал повиновения и полного подчинения его воли, как имама. «Я, раб божий, имам Мансур, –

обращается Ушурма к кабардинским хаджиям, – всем мусульманам свидетельствую мое почтение, с желанием навсегда Божией над вами милости и поспешного блага; но притом вам, мусульманам верующим во единого Бога и почитающим великого пророка Магомета, даю знать, что приходит уже последнее время и близко надобно оного ждать, будьте к вере прилежны и подобострастны, не сделайтесь законопреступниками, за доброе поведение получите воздаяние от Бога, а за ослушание – гнев и погибель»[65].

Добившись определенных успехов в распространении норм шариата и ислама в равнинных селах Чечни, Мансур намечает походы в горы, где еще целые чеченские общества оставались верными полуязыческим и полухристианским верованиям, – в земли карабулаков, ингушей и осетин. Говоря о походе Мансура в горные общества, небезынтересно привести по этому поводу выдержки из донесений царской агентуры: «Жители всех окружающих аул Алды деревень (чеченских. – Ш.А.) открыто готовятся к походу в горы для приведения всех тамошних жителей в магометанский закон». Сам же Мансур часто обращается в своих письмах и призывах к своим соотечественникам со словами: «Настало уже время ослабления беззаконий и торжества мусульман»[66].

Такова была роль той религиозной оболочки, использованной Мансуром для объединения горской массы, а не только для торжества правоверного ислама.

Достигнув определенного успеха в религиозных проповедях и завоевав среди рядовых горцев и отдельных владельцев, старшин и местного духовенства нужный авторитет и популярность, Ушурма объективно должен был перейти к каким-то решительным действиям, которые диктовались сложившейся обстановкой и требованиями народных масс.

В продолжение первой половины 1785 г. число сторонников Ушурмы постепенно увеличивалось. Выступив из чеченских масс, он быстро находит себе сторонников среди кумыков, а потом и среди кабардинцев, дагестанцев и других народов. Уже с этих пор в своих ранних религиозных проповедях, желая удовлетворить страсти возбужденных горцев, Мансур стал проповедовать необходимость войны с наступлением неверных, придавая ей значение богоугодного дела.

В своих откровениях перед жителями Алдынской деревни Ушурма, к примеру, говорил, что, как скоро он выедет «из двора (селения. – Ш.А.)», то к нему в это время соберется великое множество войска, с которым он сначала пойдет к карабулакам и ингушам, потом в Кабарду для «обращения их в магометанский закон», и, наконец, после этого в российские пределы для войны с христианами. При этом звучали уверения, что Аллах сделает мусульман неуязвимыми в битвах с неверными[67].

Окончательная уверенность горцев в святости Мансура наступила, когда произошло предсказанное еще в начале пророчеств землетрясение. С 12 на 13 февраля 1785 г. на Северном Кавказе произошло сильное землетрясение, которое ощущалось в Моздоке, Науре, Григориполисе, Екатериноградe, в Павловской, Мариинской и Георгиевской крепостях. В аулах и крепостях были обрушения. 4 марта 1785 г. землетрясение вновь повторилось. Эти два сильных землетрясения, охватившие значительное пространство, очень взволновали весь Северный Кавказ и создали среди горцев психологические условия, благоприятные для успеха дела первого имама.

Жители с. Алды в знак готовности прекратить кровную месть разрядили свои ружья, перестали курить табак, пить бузу, стали одеваться так, как одевался сам Мансур, и составили вокруг него особую стражу из пятидесяти человек. Из этого числа двадцать человек занимали караул у ворот, пятнадцать человек находились постоянно во дворе дома и пятнадцать в сенях. Кроме того, алдынцы постановили оберегать все пути сообщения, идущие со стороны России. 4 марта 1785 г. старшина деревни Куллары Кайтуко Баков сообщил, что, будучи в Алдынской деревне 3 марта 1785 г., им было замечено о приготовлениях жителей многих чеченских деревень идти в поход, для этого шьют они будто бы знамена и говорят, что пойдут с Мансуром «к Ингушам для обращения их в магометанство и для отыскания какого-то древнего Алкорана», якобы хранящегося у ингушей[68].

Между тем в секретном рапорте полковника Савельева на имя генерала Пеутлинга от 9 марта 1785 г. отмечалось, что «вчерашнего дня, то есть 8 марта 1785 г., собравшиеся за рекою Сунжею из разных горских деревень жители, числом до ста человек, хотели совершить нападение на укрепления русских за Тереком». Подполковник Матцен в это же время доносит генерал-майору Пеутлингу, что по дошедшим до него слухам восставшие чеченцы будто бы хотят напасть на крепость Владикавказ.

Посланный со специальным заданием в чеченскую «деревню Чертынтогаевскую» (Чурт-ТогIи) для сбора сведений об Ушурме кизлярский житель тезик Нагишей Тенгизбиев донес, что Ушурма имеет намерение напасть на ближние Червленную и Шадринскую станицы и что тот «ших (Ушурма. – Ш.А.) обласкивает народ, который остается в несовершенном вероятии о нем, пока не предпримет он свой выезд. А владелец Топлинской деревни Казбулат, – сообщал далее Тенгизбиев, – хотя и старается всеми мерами удержать своих подвластных от суеверия Ушурмы, однако же те тайно уезжают к нему; письмо же, посланное от кизлярского коменданта к алдынским старшинам, якобы последние сожгли»[69].

Старшина Сактач из ингушской деревни Шолхи, объявил подполковнику Матцену, что у них ходят слухи, что «хотят чеченцы к ним в деревни приехать

и к оной же своей лживой присяге (к мусульманской вере. – Ш.А.) принудить, а если мы к оной не согласимся, то нас всех хотят разорить...». Из другой ингушской деревни Заурской, расположенной вблизи Владикавказа, в ночь на 8 марта 1785 г. бежали в горы жители 13 дворов, в числе которых их старшина Чегастук. Оставшиеся жители рассказали, что чеченцы хотят напасть на крепость Владикавказскую, отчего они боятся подвергнуться «наказанию» со стороны Мансура[70].

Отправленный в Чечню российский лазутчик по имени Адил доносил секунд-майору Жильцову, что, будучи в Алдынской деревне, видел он Ушурму, который склонял к себе живущих здесь различных народов. «При шихе, – говорил Адил, – находится более тысячи человек…». Кроме жителей с. Алды, он видел горцев из Карабулака, Брагунов, Девлетгиреевской, из «кумыцких народов» присутствовали андреевцы и аксаевцы. Кроме того, на обратном своем пути Адил встретил едущих к Ушурме сыновей осетинского владельца Ахмата (Дударов) – Дударука и Арасланука. Ушурма по данным агента намерен был в июне идти на гребенские казачьи селения и Наурскую станицу[71].

Видя, как социальная база Ушурмы с каждым днем все расширяется, а многие князья и владельцы Кабарды, Кумыкии и Дагестана серьезно заинтересовались действиями восставших и самой личностью Ушурмы, царские власти стали пропагандировать среди местных владельцев тезис о том, что Ушурма – это подосланный Турцией шпион. Так, в письме от 24 марта 1785 г. к аксаевским владельцам кизлярский комендант Вешняков указывал, что «именующийся имамом есть никто иной, как только подставной плут, а управляющий им и приводящий людей в смутность, вкравшийся единственно со стороны турецкой шпион, …прошу подвластным своим утвердить сие точным образом, что в Алдынской деревне народ выходит на возмущение и бунт против России единственно по наущению сего шпиона»[72].

Кроме торжественного объявления о походе против казачьих станиц и вообще к российским границам, в марте 1785 г. Ушурма решительно никаких действий не предпринимал. Откладывая свой поход с восставшими горцами с месяца на месяц, Ушурма, можно считать, наращивал социальную базу движения.

Между тем в Алдынскую деревню с каждым днем продолжало прибывать «весьма много народу». Алдынский мулла Али Исханов сообщил узденю Булатову, представителю аксаевских владельцев, что Ушурма приказывает прибывшим к нему горцам являться к общему сбору в апреле месяце. По пятницам якобы прибывает к Ушурме со всех горских селений по три и более тысячи человек. Все они выражают свою преданность имаму. Но к имаму приезжали ближние и дальние князья, например, владельцы кумыкские из Буйнакской деревни Рустамхан и Кебак Солтанмуратов и кабардинские владельцы Большой и Малой Кабарды[73].

§3. Разгром Алдынской экспедиции царских войск

В целях подавления движения Мансура вооруженным путем царское командование на Кавказе подтянуло к крепости Кизляр Астраханский пехотный полк, до 4-х эскадронов драгун и батальон гренадер с орудиями, а на укрепление линии Моздок-Владикаказ генерал-поручик Леонтьев предписал перебросить к укреплению Григориполису Селенгинский полк.

Кроме того, под особый присмотр бралось все Кизлярское и даже Астраханское направление. Для того чтобы от восставших горцев и лично от Ушурмы к живущим в Кизляре и Астрахани мусульманским народам не мог быть подослан агитатор, было предписано иметь секретное, «прилежное примечание». Находящийся на заставе офицер был строго предупрежден, чтобы «никого в Астрахань от стороны Кизляра и тамошнего края без письменных видов (разрешения. – Ш.А.) не пропускать». Кроме того, все отправляющиеся в Астрахань жители горских деревень, а также жители Кизлярского округа должны были иметь при себе письменные разрешения на въезд с тем, чтобы «из сообщников сего обманщика (Ушурмы. – Ш.А.) в Астрахань никто пройти не мог». От горских аристократов требовали отказаться от поддержки Мансура под угрозой «высочайшему Ее Императорского Величества гневу».

Чрезвычайные меры предосторожности царского командования были вызваны тревожной ситуацией на границах с горскими народами. Генерал-поручик Леонтьев на имя генерал-поручика П.С. Потемкина от 22 марта 1785 г. донес: «Поскольку основное намерение Ушурмы, испытать свою удачу в казачьих станицах, то на случай отвращения мятежников приведены в боевую готовность Астраханский и Томский пехотные полки, и Кабардинский егерский батальон, да и в Григориполисе прибавлено 100 человек егерей. Между тем, здешние народы, ждут назначенного лжепророком времени...»[74].

Стремление Ушурмы соединить «всех горских народов в одно целое» на основе мусульманской религии – никак не могло быть оставлено без внимания начальством на Кавказской Линии. Согласно справке генерала П.С. Потемкина, «одни кумыки вместе с другими горскими народами, число которых невозможно определить, могли легко выставить до 5 тысяч вооруженных; Аксаевцы же совместно с топлинскими и андреевскими и прочими лезгинскими народами могли собрать до 2-х тысяч оружейных, чеченцы (плоскостные. – Ш.А.) – до 4-х тысяч вооруженных человек, кабардинцы – до 8 тысяч человек, кроме Малой Кабарды, рассеянной ныне по разным местам, но с присоединением последней общее число могло возрасти до 10 тысяч». Таким образом, общее число горских ополченцев могло достигнуть до 25 тысяч человек[75]. Число же армейских регулярных войск, разбросанных на всей протяженности Кавказской Линии, не превышало 27 тысяч солдат.

«Повторяемые с Кавказа известия, – писал князь Г.А. Потемкин, – о появившемся там лжепророке и народном от него волнении, как бы ни были темны и необосновательны, тем не менее требуют уважения ...Не оказывая, впрочем, наружной заботы, – указывал далее князь Г.А. Потемкин ген.-поручику П.С. Потемкину, – которая может послужить к ободрению восставших горцев, прикажите стянуть некоторое число войск к реке Сунже, где находится главное сборище лжепророка. Единый страх, таковым движением произведенный, будет удобен к разогнанию сей сволочи ...Страх наказания и надежда мести имеют в тех народах всегда сильное движение». П.С. Потемкин отправил во Владикавказ батальон пехоты для усиления здешнего гарнизона, а также приказал сосредоточить между Моздоком и Владикавказом довольно сильный по тем временам отряд генерал-майора Шемякина (в составе двух полков пехоты, батальона егерей, нескольких эскадронов драгун и полка уральских казаков). Шемякину предписано было выбрать позицию по своему усмотрению и действовать решительно, с тем, чтобы пресечь волнение горцев в самом его начале[76].

Рис. 38. Князь Г.А. Потемкин-Таврический (картина неизвестного художника XIX в.)

Также генерал-поручик П.С. Потемкин счел необходимым разослать к горским народам прокламацию, в которой просил их не верить новоявленному имаму и не следовать его учению: «К неудовольствию моему извещен я, что в пределах чеченского народа явился некто из бродяг, возмущающий лживым прельщением спокойствие народа. Называя себя пророком, коего лжи никто из разумных верить не может и не должен, привлекает ослепленных суеверов и обманывает их… сим предварительно повелеваю всем народам отнюдь не верить лжепророчеству сего обманщика»[77].

Прокламация П.С. Потемкина от 2 апреля 1785 г., разосланная в Чечню и к кумыкам не принесла желаемых результатов. «С каждым часом усиливавшийся Мансур, – пишет Н.Ф. Дубровин, – стал проповедовать газават, или священную войну, и его учение, теряя мало-помалу чисто религиозный характер, обращалось в политическое стремление, весьма для нас опасное».

В связи с этим, для прекращения дальнейшего волнения горцев, производимого «в народе обманщиком» (Ушурмою), князем Г.А. Потемкиным через командующего войсками на Кавказе предписано было в июне 1785 г. создать на Тереке большое воинское соединение и направить во главе отряда «в самое сборище Ушурмы лично известного ему своими качествами полковника Пиери».

Полковник Пиери, который находился в составе боевого соединения генерала Шамякина должен был под покровом ночи быстрым движением проникнуть в стан восставших горцев – с. Алды, захватить Ушурму и доставить его в ставку царских властей. «Сим надежнее будет разрушение непозволенного скопища суеверов и испровержется лжепророчество», считал П.С. Потемкин. Для проведения этой секретной операции Пиери получил в придачу к Астраханского полку также солдат гренадеров Томского полка, егерей Кабардинского полка и несколько сотен человек конницы (включая сотню Терского казачьего войска) и артиллерию. В целях поддержания движения отряда Пиери, соединение генерал-майора Шемякина подошло вплотную к левобережью Сунжи к соседней с. Алды «Амирхановой деревне»[78].

По прибытии к р. Сунжа отряду Пиери предписано было с 6 на 7 июля, под покровом ночи, переправить за Сунжу Кабардинский егерский батальон, имея при себе проводников – капрала Ясноводского и старшину чеченской деревни Куллары Бакова. Царские войска должны были незаметно окружить село Алды, а затем проникнуть в деревню, атаковать дом Ушурмы. На подкрепление к Сунже к 7 июля выдвигались также силы бригадира Апраксина и казачий полк Савельева. В Алдынской экспедиции, возглавляемой полковником Пиери, принимал участие также полковник В.С. Томара, который с небольшим числом войск оставлен был и вагенбурге со стороны Амирхановой деревни для охраны переправы через Сунжу[79].

Царское командование возлагало большие надежды на полковника Пиери, наиболее отличавшегося среди прочих офицеров своей храбростью и энергичностью в прошлых экспедициях в Чечню (1783 г.), оно сделало на него основную ставку и видело в нем единственного и удачного руководителя, которого можно было поставить во главе Алдынской экспедиции.

6 июля 1785 г. в пятом часу утра отряд Пиери, не доходя до леса, который вплотную подступал к р. Сунжа, в двух верстах в вагенбурге оставил обоз и для его прикрытия 400 человек мушкетеров Астраханского полка с двумя пушками под командованием капитана Шуринова.

Однако в то время, когда отряд Пиери еще только подходил со стороны леса к р. Сунжа, он был замечен жителями Амирхановой деревни, расположенной в трех верстах вниз по р. Сунжа. Вскоре между отрядом Пиери и жителями Амирхановой деревни завязалась перестрелка. «…Началась перестрелка не только в вагенбурге, – доносил в своем рапорте генерал-поручику Леонтьеву полковник В.С. Томара от 6 июля 1785 г., – но и позади нас, близ дороги в лесу, которую прошли мы до переправы». Отстреливаясь от преследовавших их с разных сторон на всем пути следования от вагенбурга жителей Амирхановой деревни, отряд полковника Пиери в составе Кабардинского егерского батальона, двух гренадерских рот Астраханского пехотного полка,

а также двух пушек со снарядами, оставив часть войск в вагенбурге, подошел к самой переправе через Сунжу. В отряде полковника Пиери находился в это время со своей командой и полковник В.С. Томара. По прибытии к переправе полковник Пиери приказал Кабардинскому егерскому батальону переправиться через Сунжу на правый берег. Затем переправился полковник Пиери с двумя пушками и гренадерскими ротами Астраханского пехотного полка. Гренадерские же роты Томского полка были оставлены на левой стороне для прикрытия переправы со стороны Амирхановой деревни. Пиери направился спешным шагом к с. Алды[80].

В то время, как с противоположного берега Сунжи горцы вели перестрелку с находящимися у переправы гребенскими казаками (человек до 100), команда полковника Томары, усилив стрельбу против натиска местных жителей, одновременно решила переправить под огнем на другую сторону еще 70 астраханских мушкетеров во главе с поручиком Копыловым. Поручик Копылов, перейдя на противоположный берег, стал освобождать переправу. После этого сюда было переправлено дополнительно 60 солдат Астраханского полка. Эти команды решено было послать на помощь вслед полковнику Пиери.

Между тем отряд Пиери с 2-мя пушками и гренадерами Астраханского полка, который первым ушел вперед и двигался лесом в сторону деревни, и вышел из лесу в полуверсте от селения Алды на ровную поляну. Между 10 и 11 часами утра 6 июля полковник Пиери с отрядом в сопровождении проводника, отбивая атаки со стороны восставших, обошел всю деревню и пришел к дому, в котором, как указал проводник, жил Ушурма. Однако в доме его не нашли, зато было найдено его знамя и убит знаменосец[81].

Жители с. Алды и сам Мансур при подходе царских войск успели покинуть село и уйти в лес. Обогнув Алдынскую поляну, они вышли как раз к той узкой дороге через лес (дефиле), по которой пришел отряд Пиери в с. Алды. Таким образом, восставшие жители перекрыли обратный путь царским войскам.

Пиери было приказано первым поджечь дом Ушурмы, а затем и всю деревню, состоявшую из 400 дворов. По этому поводу был отдан приказ премьер-майору Комарскому, чтобы отправить «половинное число егерей в деревню (Алды. – Ш.А.) для зажигания дома лжепророка». После сожжения деревни отряд Пиери вышел на противоположную сторону села и, пройдя с полверсты ровное место, остановился на отдых и пополнить боеприпасы. Не давая царским войскам опомниться, алдынские жители отдельными партиями выскакивали из-за леса и стреляли в солдат. В это время Пиери отдал приказ открыть огонь по алдынцам из пушек.

Как только отряд Пиери дошел до леса и углубился в него, началось настоящее сражение. По солдатам со всех сторон открыли такой бешеный огонь,

Рис. 39. Чеченцы в лесном бою (гравюра 1812 г. по рисунку Е.М. Корнеева между 1802–1805 гг.)

что сразу же среди офицеров, егерей и гренадер появились десятки убитых и раненых. Сам полковник Пиери получил ранение в левую бровь. Попав под перекрестный огонь от наседавших на него со всех сторон горцев, отряд Пиери ценою больших потерь продолжал пробиваться к переправе. Среди отступавших солдат создалась страшная паника. Приказано было оставить захваченную егерями у алдынцев скотину.

Горцы уже бросались с кинжалами на карателей. Были убиты майор Комаровский и полковник Пиери, потеря которых произвела совершенное расстройство в отряде. «Тут видно, – доносил в своем рапорте на имя князя Г.А. Потемкина генерал-поручик П.С. Потемкин, – что наши егеря совершен-

но побежали, ибо горцы их резали безоружных и брали шатающихся по лесу в плен». Достигнув р. Сунжа, солдаты в панике бросались в ее воды и спешно перебирались на другой берег. Преследовавшие их горцы стреляли уже по переходившим вброд. Течение реки покрылось фуражками убитых.

Дальше закипел бой на переправе. К этому времени число повстанцев стало умножаться как со стороны амирхановских, так и преследовавших отряд Пиери алдынских жителей. Полковник В.С. Томара, который оставался со своим отрядом у переправы, собрал вместе все оставшиеся отряды царских войск и, продолжая отстреливаться от восставших на всем пути следования как через лес, так и по выходе из него, стал отходить к вагенбургу. «Поместя раненых по повозкам и составя каре, пошел прямо на гору». Вышел на ту же дорогу, по которой шел накануне в Алды отряд полковника Пиери, и стал спешно отходить назад. Вооруженная партия горцев (человек пятьсот конных и пеших) до 10 часов вечера гнала выстрелами спешно отступавший отряд полковника Томары, не обращая внимание на собственные потери[82].

Буквально через день после поражения отряда полковника Пиери, т.е. 8 июля 1785 г., в Чечню был направлен новый отряд во главе с бригадиром Апраксиным для «наказания» чеченцев. Он не дошел до селения Алды. Но зато Амирханова деревня, жители которой 6 июля 1785 г. вместе с алдынцами разгромили отряд полковника Пиери, была подвергнута жесточайшему разорению со стороны царских карателей. Здесь весьма уместно заметить, что в рапорте от 8 июля 1785 г. на имя генерал-поручика Леонтьева бригадир Апраксин отмечал, что он якобы по его (генерала Леонтьева. – Ш.А.) повелению «следовал вперед к Сунже для учинения всевозможного вреда народам, по сей реке обитающим»[83].

При этом, как отмечал Апраксин, жертвы были только со стороны местных жителей. «Можно полагать, – писал бригадир Апраксин в рапорте на имя генерал-поручика Леонтьева от 8 июля. 1785 г., – что убитых пушками до 170 человек да ружейными выстрелами, производимыми гренадерским батальоном премьер-майора и кавалера Кельнера, до 100 человек». В том же рапорте бригадир Апраксин сообщал, что он, боясь большой потери со стороны своих солдат, «никак ни осмелился» перейти на другую сторону Сунжи с целью наказания жителей Алдынской деревни, «где обитался также и новоявленный шейх».

Также бригадир Апраксин сообщал, что «с одного мертвого (горца. – Ш.А.) снят патронташ егерский да отбито знамя одно и барабан по форме видно им данной от лжепророка (Ушурмы. – Ш.А.); барабан и знамя были отданы уральским казакам, а скот был поделен им же и употребленным на сожжение деревни мушкетерам и гренадерам».

Князь Г.А. Потемкин, недовольный донесением бригадира Апраксина, иронически отметил: «Достойно однако же примечания, что несколькими

ядрами, коих всех пущенных только 26, погибло в одной схватке 170 человек и что еще одним выстрелом повалено более половины толпы, – искусство артиллеристов чрезвычайное. Но менее удачи в трофеях: снятый с мертвого патронташ, нечто похожее на барабан, и таковое же знамя могли быть преданы молчанию, особливо, когда уже и отданы казакам...»[84].

Первое столкновение царских войск под командованием полковника Пиери с повстанческими силами Ушурмы (Мансура) с целью взятия имама в плен оказалось для царского командования роковым. Отряд Пиери, насчитывавший в целом в своем составе до 3000 солдат и офицеров, потерял 2 орудия, лишился 13 офицеров (убитыми и взятыми в плен) и 740 нижних чинов; итого вместе взятых офицеров и нижних чинов – 753 человека. Из общего числа войск 162 человека были взяты восставшими в плен, а затем в разное время выкуплены царскими властями. В числе пленных оказался раненный унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион, он был возвращен чеченцами без выкупа в знак уважения к его происхождению из рода грузинских царей. В этом походе двадцатилетний Петр Багратион был адъютантом Пиери. Князь П. Багратион стал впоследствии генералом от инфантерии, прославился в Отечественной войне 1812 г. как талантливый полководец и умер от ран, полученных в Бородинском сражении[85].

Что касается потерь со стороны восставших горцев, то, согласно рапорту генерал-поручика Леонтьева, на имя генерал-поручика П.С. Потемкина от 19 июля 1785 г., более 300 горцев было убито, в числе которых и родной брат Ушурмы, а также до 40 человек «почетных» (знатных) чеченцев.

Поражение отряда полковника Пиери – не просто первая значительная военная неудача царизма на Северном Кавказе. Это было первое полное поражение, понесенное регулярной воинской частью европейского типа в бою против иррегулярных сил. Такого еще не знала новая история Кавказа, да и вся история колониальных войн XVIII столетия. В этой неравной схватке с таким сильным противником восставшие еще раз доказали, какую огромную силу представляют массы при их сплоченности и высоком боевом духе.

Весть о победе восставших чеченцев над регулярной военной силой Российской империи под с. Алды громом пронеслась от Каспия до Черного моря. Она сыграла огромную роль в подъеме антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Северного Кавказа и высоко подняла авторитет руководителя борьбы – шейха Мансура. Все теперь зависело от того, как Мансур использует свой первый военный успех в дальнейшей борьбе.

---

[1] Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 135–136.

[2] См.: Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – нач. XX в) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный,

1963. С. 29–30; Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // «Советская этнография». № 1. М., 1961. С. 41.

[3] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 408. Л. 159–159об.

[4] Там же. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 408. Д. 243. Л. 5.

[5] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3605. Ч. 1. Л. 31. Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1899. С. 413.

[6] АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп 115/1. Д. 9. Л. 14 об.–15.

[7] Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетия в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). Сб. статей. Грозный, 1979. С. 87.

[8] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 408. Л. 169, 162 об.; Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 71.

[9] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 243. Л. 8; Там же. Д. 481. №2. Л. 82.

[10] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. №2. Л. 82 об.; ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 543. Л. 89.

[11] Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 206, 370.

[12] История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975. С. 351–352.

[13] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936. С. 242.

[14] Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801 гг.). Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 105.

[15] См.: Материалы по истории Башкирской АССР. С. 242–243.

[16] Там же. С. 242.

[17] См.: Васильев Д. Загадка старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. Ч. 1. Махачкала, 1974. С. 52; Материалы по истории Башкирской АССР. С. 242.

[18] Материалы по истории Башкирской АССР. С. 243.

[19] Там же. С. 256.

[20] См.: Сборник Императорского Русского исторического общества (ИРИО). Т. 59. СПб., 1886. С. 4, 11–12; Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 104; и др.

[21] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб., 1869. С. 21.

[22] Лысцов В.П. Персидский поход Петра I (1722–1723 гг.). М., 1951. С. 120.

[23] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 22.

[24] Там же. С. 22–23.

[25] Ткачев Г.А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // ЗТОЛКС. № 9. Владикавказ, 1914. С. 73.

[26] Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726–1880 гг.). Т. 1. СПб., 1881. С. 27–28; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, биографиях. Т. 1. Вып. 1–4. СПб., 1887. С. 45.

[27] АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. 1758. Оп. 115/1. Д. 11. Л. 230.

[28] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 259.

[29] См.: Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е годы XIX в.). Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1966. С. 341; Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757–1758 гг. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Сб. статей. Грозный, 1979. С. 100.

[30] АВПРИ. Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/1. Д. 5. Л. 28–29; Там же. Д. 9. Л. 2.

[31] Архив ЧИНИИИСФ. Ф. 1. Д. 4 (1). Подборка документов РГВИА. Л. 2 об; 3, 5–5об.

[32] Там же. Л. 44 об, 45–45 об.

[33] См.: АВПРИ. Ф. Сношения России с Грузией. Оп. 110/1. Д. 5. Л. 1; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 97.

[34] Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // ЗТОЛКС. №11. Владикавказ, 1914. С. 79.

[35] См.: АВПРИ. Ф. Сношения России с Грузией. Оп. 110/1. Д. 5. Л. 3. Головчанский С.Ф. Указ. соч. С. 91; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 98.

[36] Головчанский С.Ф. Указ. соч. С. 83, 88, 92, 95, 98.

[37] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 98, 100.

[38] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 243. Л. 1 об.; Ткачев Г.А. Указ. соч. С. 75; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 112; Его же. Ч. 2. СПб., 1869. С. 301.

[39] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 110–111; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии… С. 365–366.

[40] Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 112–114.

[41] См.: Ткачев Г.А. Указ. соч. С. 75; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 112.

[42] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. 4.1. Л. 45 об.–46; Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 2010; и др.

[43] Серов Ф. Наездник Бейбулат Тайманов // О тех, кого называли абреками. Изд. Чеч. Отд. Наробраза, 1927. С. 127.

[44] Тавакалян Н.А. Указ. соч. С. 82.

[45] См.: Кубанский сборник. Т. III. Екатеринодар, 1989. С. 7; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Первая серия. Т. 4. С. 392.

[46] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967. Т. I. С. 83; Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореволюционный период. М., 1957. С. 33.

[47] См.: РГВИА. Ф. ВУА. Д. 482. Св. 125. Л. 14; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 168.

[48] Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1965. С. 47.

[49] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 408. Л. 159–159 об., 162–162 об.

[50] См.: Неболсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. СПб., 1835. Ч. I. С. 162; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 259.

[51] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XIX. 1770–1774. СПб., 1830. С. 267–268.

[52] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 8; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. СПб., 1871. С. 86; Скитский Б.В. Социальный характер движения имам Мансура // Известия 2-го Северокавказского педагогического института. Орджоникидзе, 1932. С. 98; Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории, религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950. С. 23; Беннигсен Ал. «Священная война» шейха Мансура (1785–1791 гг.). Махачкала, 1994. С. 159, 205.

[53] РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2777. Л. 19; Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. №15. СПб., 1856. С. 54.

[54] См.: АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1403; Терещенко А. Указ. соч. С. 54; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 87.

[55] Скитский Б.В. Указ. соч. С. 119.

[56] См.: Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 70, 84; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 84; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 178.

[57] См.: Bennigsen AI. Un movemente Populaire Caucaseau XVIII siecle. Cahirsdumonde Russeet Sovietigue, 2. Volume V, april – juin, 1964. Paris. P. 159–205; Максимов Евг. Чеченцы // Терский сборник. Вып. 3. Владикавказ, 1893 С. 27, 28.

[58] См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2777. Л. 20; РГВИА. Ф. 522. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 2. Л. 53 об.; Там же. Ч. 5. Л. 9–9об.; Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 28; Bennigsen AI. Un movemerte Populaire Caucaseau XVIII siecle… С. 159–205.

[59] Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 24.

[60] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 8–10 об.

[61] См.: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 89, 93–94; Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 88–89.

[62] Скитский Б.В. Указ. соч. С. 105.

[63] Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис, 1873. С. 60.

[64] Скитский Б.В. Указ. соч. С. 120.

[65] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 36. (В деле имеется копия арабского письма в переводе на русский язык, присланного Мансуром к кабардинским «аджиям»).

[66] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 9–9 об

[67] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 2. Л. 274.

[68] См.: РГВИА. Ч. 5. Ч. Л. 9 об.–10; Показания разных лиц, приложенные к рапорту генерала Леонтьева генерал-поручику П.С. Потемкину от 13 марта 1789 г. Гос. Архив, XXIII. №13. карт. 49; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 92.

[69] РГВИА. Ф. 522. Оп. 1/194. Ч. 4. Л. 29, 32 об., 35–35 об.; Там же. Ч. 5. Л. 11–11 об.

[70] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 4. Л. 32–32 об.

[71] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 4. Л. 4–4 об.

[72] Архив ЧИРКМ. Оп. 2. Св. 3. Папка 7. Л. 1.

[73] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 3 об., 22–77 об.

[74] Там же. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 3 об., 23, 27–27 об.

[75] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 5. Л. 71; Там же. Д. 350. Ч. 7. Л. 4.

[76] Дубровин. Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 100.

[77] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 100 (Ссылка на: Прокламация генерал-поручика П.С. Потемкина к чеченцам и другим горским народам от 2 апреля 1785 г. № 21 // Госуд. Архив. XXIII. № 13. Папка 50).

[78] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 4–4 об; Л. 50–50 об.; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 100–101.

[79] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 17, 18, 47.

[80] Там же. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 7. Л. 13.

[81] Там же. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 15.

[82] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 8, 9–9 об., 45; Там же. Ч. 11. Л. 9 об.; Покровский М.Н. Завоевание Кавказа // История России в XIX в. М.: А. и И. Гранат, б/г. Т. V. С. 320; Скитский Б.В. Указ. соч. С. 112.

[83] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 45.

[84] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 45–46; Дубровин. Указ. соч. Т. II. С. 104.

[85] См.:РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 11. Л. 25–25 об.; Bennigsen AI. Un movement Populatre Caucase au XVIII siecle; ТерещенкоА. Указ. соч. С. 56; Авалиани Л. Скошенная трава // Литературная Грузия. № 6. Тбилиси. 1971. С. 55.

Глава X. РАЗВЕРТЫВАНИЕ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ ИМАМА МАНСУРА В 1785–1791 ГГ. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

§1. Укрепление авторитета имама Мансура на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Первая Кизлярская кампания

Тяжелый удар, нанесенный восставшими чеченцами по престижу царской армии под с. Алды, поднял авторитет и популярность Ушурмы на небывалую высоту. Ближайшие сподвижники Мансура объясняли первый военный успех над царскими войсками помощью самого Аллаха. Победа повстанческих отрядов над значительными силами царских войск получила необычно широкий резонанс. Вокруг имама с репутацией «чудотворца» стали группироваться все новые силы, которые к концу 1785 г. составляли около десяти тысяч бойцов. Оказавшись перед лицом такой угрозы, царское командование даже не думало о карательных экспедициях в земли горцев, а сочло необходимым перевести свои силы на оборонительное положение.

С этой целью передовая «Линия» войск, предназначенная для блокирования гор, была передислоцирована; в течение года мелкие укрепленные пункты были оставлены, войска перегруппированы в три большие единицы с базами в Моздоке, Кизляре и Екатериноградe.

Русские силы, размещенные в Грузии, были отозваны по Дарьяльской дороге на Кавказскую Линию, что дало возможность Умма-хану Аварскому во главе горских ополчений «лезгин» вторгнуться в Грузию и опустошить некоторые ее провинции. Позднее царское командование в целях сокращения оборонительных сооружений вынуждено было покинуть и укрепления, защищавшие и поддерживавшие связь с Закавказьем, включая Владикавказ.

Турецкие власти в Анапе и Согуджаке, внимательно наблюдавшие за ходом событий, сообщали о растерянности царских властей после поражения отряда Пиери. Так, комендант Согуджака в сентябре 1785 г. писал, что после своего поражения царские войска укрепились в крепостях и укрепленных пунктах; объятые паникой, они готовятся переместить свои войска и боеприпасы с постов легких в более сильные укрепления. Далее он сообщал, что по всей Кубанской Линии против турецкой границы царские войска заняли оборонительные позиции, сконцентрировали свои силы и разрушили мосты.

Турецкие источники распространяли слухи о психологических результатах первой неудачи, понесенной сильным соперником в лице Российской империи. В рапорте от 5 сентября 1785 г. комендант гарнизона в Согуджаке Али-Паша писал (сильно преувеличивая факты) о массовом дезертирстве из русских частей, расположенных на Кубани; об огромной добыче, захвачен-

ной восставшими у царских войск при сражении на Сунже и якобы продававшейся ими за бесценок в Адыгее[1].

Авторитет и популярность имама Мансура росли не только в глазах его соотечественников, но и среди соседних народов, особенно единоверных мусульман. Так, жители Малой Кабарды волновались и готовы были примкнуть к Ушурме. Из различных сел и от многих горских обществ чеченцы целыми толпами стекались под знамена Ушурмы; буквально через неделю после сожжения бригадиром Апраксиным Амирхановой деревни повстанцы начали мелкие нападения на передовые посты и укрепления царских войск.

Вся Чечня беспрекословно подчинилась Мансуру, но он не довольствовался этим и простирал свои виды еще дальше. Мансур стремился не только привлечь под свои знамена мусульманские народы, но и обратить в ислам горские народы, остававшиеся в язычестве. Вскоре эмиссары Мансура появились среди осетин и ингушей, стараясь склонить их на свою сторону. Однако осетины отказались следовать новому для них учению. А ингуши отправили нарочного к подполковнику Матцену, находившемуся со своим отрядом у Владикавказа, с вопросом, будут ли они блаженны, если совершат обрезание? Если бы от обрезания произошло какое-либо чудо, отвечал подполковник Матцен, то он первым совершил бы его[2].

В июле 1785 г. официальные эмиссары имама появляются в Большой Кабарде, самом богатом и густонаселенном районе Центрального Кавказа, расположение которого имело важное стратегическое значение. Тогда же в рапорте на имя генерал-поручика Леонтьева полковник Иван Лешкевич сообщал, что находящийся в Чечне «лжепроповедник» Мансур начал через своих ближайших сообщников волновать и «закубанские народы», среди которых многие мурзы и муллы, выражая свою полную приверженность Ушурме, стали склонять на сторону имама свои народы.

Прибывший из Закубани от владетеля ногайской Едисанской орды Адиля-Мурзы, живущего на р. Лаба, ногаец по имени Джан-Али Исаков в письме на турецком языке от 2 июля 1785 г. сообщил, что он слышал, что ездивший будто бы в Чечню «к появившемуся там шейху, то есть святому» для взятия молитвы один из мулл Жембулуцкой орды из аула Канлы возвратился с данным от него, шейха, «двухвостным» зеленым знаменем и начал агитацию в пользу шейха. И мулла тот (имя его неизвестно) будто бы рассказывал, что «объявленный-де шейх» якобы уже послал от себя к турецкому двору посланника, чтобы тот «непременно объявил России войну»[3].

Видя, что кабардинцы повсеместно стали волноваться под воздействием успехов имама Мансура и навещать его, премьер-майор князь Ураков, находившийся в качестве пристава в Кабарде, стал настаивать на прекращении сообщений князей и узденей с Ушурмою. В присутствии самого Уракова от

владельцев и узденей Кабарды была взята обычная присяга, что никто из них больше не будет ездить к Ушурме под угрозой штрафа.

В то же время требования властей под страхом наказания запрещать владельцам и старшинам подвластным им крестьянам переходить на сторону Ушурмы зачастую оставались безрезультатными. Да и попытки самих владельцев удержать своих подвластных от ухода в лагерь восставших были тщетны. В письме на имя кизлярского коменданта Вешнякова от аксаевских владельцев Эльдархана Солтанмамутова и Адиля Алибекова от 2 июня 1785 г. сообщалось, что на этих днях собралось у них до четырехсот или пятисот крестьян с «намерением весьма злоумышленным». Но как только они (владельцы. – Ш.А.) узнали об этом, то «не допустили их до причинения вреда»[4].

Ингушские старшины извещали подполковника Матцена о том, что 13 июня 1785 г. партия горцев (мусульман) из пятисот человек с тринадцатью знаменами приблизилась к ингушской деревне Цори, расположенной высоко в горах в 40 верстах от Владикавказа, с целью ее разорения. Но когда эта партия, не дойдя несколько верст до деревни, расположились ночевать, то жители деревни Цори, которые были извещены о приближении восставших, ночью внезапно совершили на них нападение и прогнали их. Возможно та же партия попыталась осуществить нападения на деревню Шолхи на Кабардинской равнине и под крепость Владикавказ. Генерал-поручик Леонтьев в рапорте на имя генерал-поручика П.С. Потемкина от 24 июня 1785 г. спешит сообщить о неудаче восставших горцев во главе с Ушурмою постигшей их якобы при нападении на ингушские селения и пасущиеся под Владикавказом казенные и ингушские табуны[5].

В своих письмах и прокламациях лета 1785 г. к различным горским народам Мансур призывал всех единодушно выступить против общего врага. Его призывы находили широкий отклик среди кабардинцев, кумыков и дагестанцев, готовых в любое время примкнуть к нему, не говоря о его соотечественниках, в большинстве своем перешедших на сторону имама. Все получаемые из лагеря Мансура сведения указывали на серьезную подготовку нападения на Кавказскую Линию, особенно на главные ее крепости и укрепления – Кизляр, Владикавказ, Моздок, Григориполис и т.д.

Кизляр имел большое стратегическое и экономическое значение как одна из старейших крепостей на Кавказе. Он являлся связующим звеном между Северным Кавказом, Дагестаном, Закавказьем и Россией. Кизляр занимал важное стратегическое положение на Кавказской Линии, через него проходил путь, который связывал Линию с крупнейшим городом России на юге – Астраханью. Кизляр со дня своего основания в 1735 г. являлся военно-административным и первостепенным экономическим центром всего Северного Кавказа, несмотря на то, что «главноначальствующий» генерал-поручик

П.С. Потемкин имел в 1785 г. свою главную квартиру в Екатериноградe, расположенном в центре Кавказской Линии.

«Кизляр, с одной стороны, – как отмечал профессор Б.В. Скитский, – являлся главной цитаделью русского могущества на Северном Кавказе; здесь размещались ближайшие к горцам представители русской власти. С другой стороны, он представлял из себя центр экономической связи и зависимости горских народов от русских властей»[6]. Видимо, этим и объясняется упорное и настойчивое стремление восставших во главе с Мансуром в течение двух лет (1785–1786 гг.) овладеть самим Кизляром.

Торопясь развить военный успех, приобретенный в результате победы над войсками полковника Пиери 6 июля 1785 г. на р. Сунжа, горцы во главе с шейхом Мансуром решили открыть военную кампанию против Кизляра. Вот что сообщал по этому поводу в рапорте на имя князя Г.А. Потемкина от 30 июля 1785 г. удивленный генерал-поручик П.С. Потемкин: «Ваша Светлость, усмотреть изволите, что, хотя господин бригадир Апраксин по рапорту господина генерал-поручика Леонтьева наказал чеченцев, однако ж на шестой после этого день они отважились покуситься на Кизляр».

Действительно, 15 июля 1785 г. восставшие горцы в количестве 5 тысяч человек во главе с Мансуром стремительно подошли к Кизляру и стали отважно ее штурмовать. Но оказалось, что она, несмотря на земляной характер оборонительных сооружений, достаточно сильно укреплена и имеет достаточное количество орудий для отражения штурма с любой стороны. Кроме того, вокруг крепости были построены и дополнительные оборонительные сооружения, позволявшие флангировать огонь. Горцы, не располагавшие навыками проведения правильной осады, сразу же были отбиты мощным огнем крепостных орудий и частой ружейной стрельбой. Здесь в полной мере проявилось превосходство регулярной армии европейского типа.

Но и Мансур проявил недюжинные полководческие способности, не раздумывая он переносит военные действия под Каргинский редут, расположенный в пяти верстах от Кизляра. Гарнизон Каргинского редута состоял из нескольких обер-офицеров и небольшого числа рядовых солдат. Несмотря на то, что гарнизон отчаянно сопротивлялся, горцам удалось полностью овладеть укреплением. От случившегося во время перестрелки между защитниками Каргинского редута и горцами пожара загорелись находившиеся рядом строения. Распространившийся пожар очень скоро достиг порохового погреба, и укрепление вместе с его защитниками и нападавшими взлетело на воздух[7].

Воины Мансура вернулись в свои аулы, а сам имам ушел в Алды. Согласно сведениям, полученным генералом Леонтьевым, в отряде Мансура при нападении на Кизляр принимали участие в основном жители «Чеченских деревень», а также часть жителей кумыкских Андреевской и Аксаевской деревень. Кроме того, в отряде Мансура находились также горцы из некоторых дагестанских владений и даже восточнокавказских ханств. Так, андреевский владелец Али-Солтан Канбулатов от 9 января 1786 г. сообщал кизлярскому коменданту, что с «Алдынским имамом», кроме чеченцев и кумыков, были дербентцы, тарковцы, хангутийцы (дженгутайцы), шекинцы, ширванцы, кубинцы.

Примечательно, что в первом этапе Кизлярской кампании Мансура принимали участие также некоторые кумыкские владельцы и уздени. Так, от Андреевской и Аксаевской деревень на стороне восставших были владельцы: Чепалов Аджи-Муртазалиев, Махач Урусханов; от Костюковской деревни – Хамза Алишев, уздень Даут Чанка, Бамат Арсланбеков, Хангише Чанке с братом Киреем вместе со своими узденями и подвластными жителями; от Аксаевской деревни уздень Бежгара Аджи со своими двумя сыновьями, а также простое татарское население…».

Мансур решил обратить неудачу в победу и торжествовал сожжение Каргинского редута и захват здесь четырех пушек. Он стал уверять своих соотечественников и всех последователей, что крепость Кизляр в скором времени должна пасть к ногам правоверных мусульман. Приносимые агентами из горских селений известия сообщали о том, что Мансур собирается, увеличив войско за счет новых повстанческих отрядов, предпринять второй поход на Кизляр[8].

Встревоженный командующий войсками на Линии генерал-поручик Леонтьев сразу же отправился в Кизляр, чтобы еще более усилить его войсками

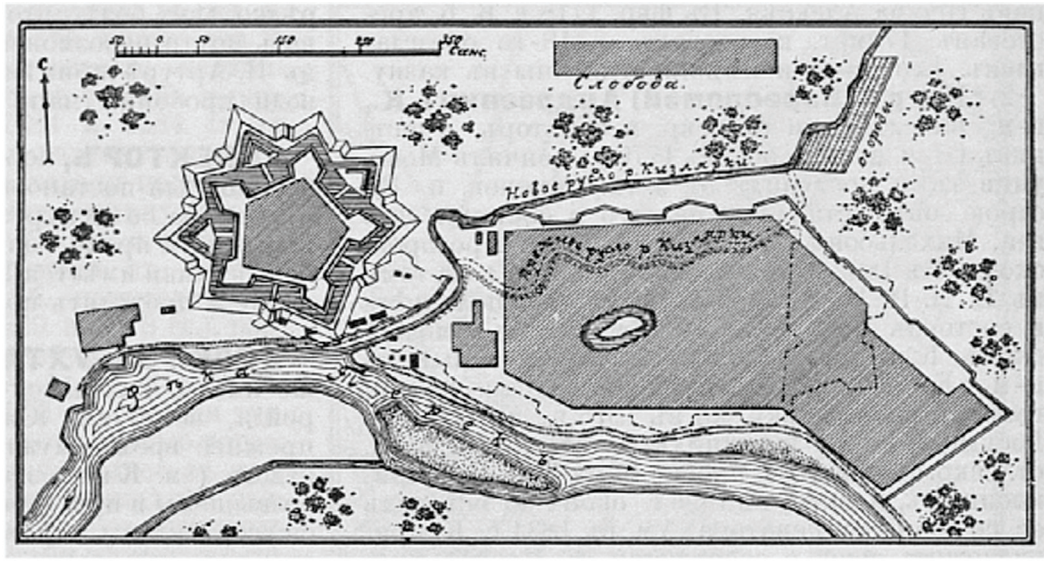

Рис. 40. План крепости и города Кизляр (схема конца XVIII – начала XIX в.)

и принять дальнейшие меры к защите. В Кизляре генерал Леонтьев застал два полка – Томский и Астраханский, для усиления гарнизона он попросил астраханского губернатора прислать отряд калмыков из двух тысяч человек. Бригадиру Апраксину было приказано со своим отрядом следовать к р. Малка, чтобы не позволить кабардинцам идти на соединение с восставшими чеченцами, а подполковника Вреде генерал Леонтьев с той же целью отправил с батальоном мушкетеров на усиление крепости Григориполис[9].

Особое недовольство у кабардинцев вызывало возведение на их землях военных крепостей и укреплений; поэтому эта борьба принимала особый накал, и не случайно, что по призыву Мансура в Кабарду с частью чеченцев, кумыков и дагестанцев на сторону имама безоговорочно перешла подавляющая часть неимущих крестьян, а также определенное число местных князей и узденей. Волнения среди горцев начались теперь на всей протяженности Кавказской Линии от Кубани до Терека. Даже незначительные успехи, которых добился отряд Мансура на подступах к Кизляру (уничтожение Каргинского редута), способствовали активизации протестных настроений. Вот что доносили князья Андреевской деревни Кизлярскому коменданту Вешнякову: «Народ из повиновения нашего вышел: есть у них намерение, чтобы нас из деревни выгнать». Кроме того, жители Андреевской деревни приняли решение: если среди них окажутся предатели, которые могли бы выдать сведения русским властям о ходе восстания и его сроках, то «такого человека убить и дом с его имением разграбить». В ответ прорусски настроенные феодалы грозились «своих подвластных… убивать, если те осмелятся перейти в лагерь имама[10].

Царские власти и их местные сторонники самого Ушурму (Мансура) называли «алдынским развратником», «разбойником», «лжепророком» и т.д., а его последователей – «горскими бродягами», «сволочью», «воровской партией», «чернью». Между тем, как мы указывали, выше социальная база сторонников Мансура была широкой. Так, владельцы Андреевской и Аксаевской деревень Темир Хамзин, Ханца Алиев и др. доносили: «Наши подвластные, андреевские и аксаевские уздени и черный народ лжепророку (Мансуру. – Ш.А.) обещают с каждой мечети отдать по два человека». Аксаевский владелец Адиль Алибеков сообщал, что андреевские и аксаевские уздени от них ушли и присоединились к имаму. И это было не случайно – от произвола владетельных князей терпели даже их дворяне. Что видно из примера ситуации, сложившейся в Кабарде.

Еще до появления Мансура кабардинские княжеские уздени жаловались на притеснения со стороны своих владельцев и просили у русских властей разрешения на переселение в российские пределы. Уздени отмечали, что князья, игнорируя обычаи и законы, «захватывают у них баранов, быков и

употребляют в пищу; что они (князья. – Ш.А.), не спрашивая разрешения у хозяев, берут у них лошадей и ездят на них; берут деньги взаймы под поручительство узденей и не возвращают, заставляя расплачиваться поручителей; без разрешения хозяина заходят в дом, отбирают у родителей хорошеньких мальчиков и девочек и увозят их в свои дома, где держат их столько, сколько им вздумается».

Однако при этом следует отметить, что опора на узденей была далеко не устойчивой. Уздени по своей классовой природе и социальной принадлежности были близки к владельческой части, хотя в тяжелое для себя время они были в незначительном количестве и союзниками обездоленной части горцев. Уздени во время выступления горцев постоянно колебались: то они выступали заодно с царскими властями, то отходили от владельцев и только часть их и «лучшие уздени вместе с владельцами присягали России»[11].

Ядро движения Мансура составляли, конечно, не князья и уздени, а «черный народ» – средняя и бедная часть горского населения. Несколько раньше побывавший в Аксаевской деревне кизлярский житель Мамуша Асанов доносил о том, что «имам теперь имеет сволочи (простых горцев. – Ш.А.) тысячи до двух и то самых беднейших»[12].

С другой стороны, Мансура поддерживали некоторые князья и феодалы, которые с усилением влияния России на Северном Кавказе боялись потерять свое место в общественном положении и феодальные привилегии. Так, Мансура поддержали отдельные князья и феодалы Большой и Малой Кабарды, из тагаурских алдар Осетии – мусульманин Ахмет Дударов; к Мансуру присоединились князья кумыкских владений, сыновья Шамхала Тарковского, сын Казикумухского хана и др. Поддержка Мансура частью князей объяснялась и прозаической причиной, они опасались, что «самозванец (шейх Мансур. – Ш.А.) не угнал их скот, который по степи при кочевых татарах находился». Так, те же кумыкские владельцы опасались вообще остаться без подвластных: «Если андреевцы (подвластные. – Ш.А.) до единого разбегутся, если деревни будут разорены, то нам добра не будет, ибо нам без народа пребывать нельзя»[13].

При таких обстоятельствах феодалы не стесняются обращаться за помощью к царским властям, чтобы последние поддержали их вооруженной рукой. «Прошу ради бога, – писал костековский владелец, – прислать нам на вспоможение войска, по прибытии шейха (Мансура. – Ш.А.) в Костековскую деревню все подвластные оному повинуются, в противном случае Костековскую деревню из рук наших отдают и весьма будем притеснены». В свою очередь и аксаевские владельцы писали: «Наш народ весь из нашего повиновения вышел и предался бунтовщику (Мансуру. – Ш.А.)»; потому они просили «наказать беспутных, иначе они будут поощряться к злоумышлениям».

Посланный в ответ на просьбы феодалов в Андреевскую деревню ротмистр с командой доносил: «По прибытии в деревню в ней жительствующие народы присягнули, дабы Российскому престолу были верными и князю своему Хамзе Алиеву послушны с тем условием, что, если они пренебрегут, будут выгнаны из деревни, либо преданы смерти»[14].

Все это указывает, что выступление горцев под руководством шейха Мансура явилось результатом и обострения социальных противоречий внутри горских обществ, а не столько пропаганды «религиозного фанатизма» против русских, как доказывали российские генералы на Кавказе.

В рапорте генерал-поручика Леонтьева на имя князя Г.А. Потемкина от 16 августа 1785 г. сообщалось о том, что приносимые к нему агентами сведения показывают, что, во-первых, Мансур, приумножив свои повстанческие отряды новыми, свежими силами горцев, собирается еще раз совершить нападение на Кизляр, во-вторых, Кабарда колеблется в верности российской державе и «уже явный бунт оказывают русским властям». Ввиду этого генерал-майору Елагину было предписано привести в боевую готовность полки Кубанской части «Линии» и перебросить на Кавказ ближайшие войска с Дона.

Действительно, еще 26 июля 1785 г. в крепости Григориполис, стоявшей на общей границе Чечни и Кабарды, получили известия о том, что малокабардинский владелец Дол вместе со своими подвластными жителями поехал навстречу Мансуру, который намерен штурмовать Григориполис. Видя такое брожение среди простого народа и узденей, подвластных князю Долу и его узденю Хапцуге Берду, комендант майор Жильцов в тот же день послал донесение в Моздок[15].

С появлением Мансура с крупными отрядами чеченцев и других горцев в Кабарде, местные князья, боясь быть разоренными своими же подвластными, стали втайне от царской администрации изъявлять приверженность Мансуру. «...Из сего происшествия заключительно было, – отмечал подполковник Вреде в своей реляции, – кабардинцы все изменили и явно возмутились, и уверение их о верности только был обман, дабы тем время выиграть и имение свое отдалить...»[16].

Заручившись поддержкой со стороны князя Малой Кабарды Дола, узденя Хапцуга Берда и подвластных им жителей, Мансур совместно с отрядом чеченцев и кумыков решил атаковать укрепление Григориполис. Другие же князья Малой Кабарды – Келемет, Кайтука и Жембулат – заняли в это время выжидательную позицию. 29 июля 1785 г. утром из крепости Григориполис было видно, как в соседнем лесу собирались вооруженные отряды горцев. Чеченские всадники время от времени выскакивали из лесу со своими знаменами и значками. Точно таким же образом навстречу им с кабардинской стороны выходили вооруженные всадники также со значками.

Около двух часов дня отряды горцев во главе с Мансуром подошли к бастионам Григориполиса и окружили его почти со всех сторон. Горцы попытались перекрыть всякое сообщение с крепостью через горные проходы и на равнине. Вскоре головной отряд горцев во главе с Мансуром спустился в овраги, окружавшие Григориполис, и стреножил своих коней. После этого горцы перешли к осаде самого укрепления, открыв по нему огонь из всех ружей. Во главе наступавших чеченцев и кабардинцев был заметен в белой одежде сам Мансур[17].

Перестрелка, начавшаяся с двух часов дня, продолжалась до самых вечерних сумерек. Когда горцам не удалось приступом овладеть Григориполисом, они зажгли сараи, конюшни и другие строения вокруг крепости, принадлежащие Астраханскому пехотному полку. Как только заполыхали зажженные сараи и конюшни, отряд Мансура вновь под прикрытием густого дыма подполз к укреплению, откуда непрерывно стреляли русские пушки, и сделал очередную попытку штурма Григориполиса.

Осада длилась двое суток. Горцы прятались за различные прикрытия, сделанные вокруг крепости, а также в лощинах, поэтому их трудно было поражать из крепостных орудий. Русские войска, находившиеся в укреплении, в течение этого времени оставались без воды так как прежде не были сделаны запасы. Поэтому подполковник Вреде решил произвести вылазку за крепость с тем, чтобы запастись водой. Когда часть гарнизона по команде Вреде под прикрытием огня из пушек бросились на засевших вокруг крепости горцев, то последние оказали им отчаянное сопротивление. Однако вскоре, не выдержав стрельбу из пушек и неся при этом большие потери, отряд Мансура стал отходить. Отступая от крепости, горцы зажгли находившиеся на поляне стога сена, а затем вскоре вышли на возвышенные места, окружавшие крепость. Гарнизон запасся водой и мог продолжать военные действия.

Осада Григориполиса закончилась для Мансура не поражением, но явной неудачей – не очень значительная крепость устояла. Как сообщают царские источники, отряд Мансура потерял убитыми и ранеными в сражении много чеченцев и кабардинцев. Со стороны же защитников крепости, если верить донесению подполковника Вреде, потери составили: девять убитых солдат и раненых – один офицер и шестнадцать рядовых[18].

Когда Мансур вынужден был возвратиться в Чечню, эти же кабардинские владельцы, кроме князя Дола, стали просить разрешения у русских властей вернуться обратно в прежние свои селения. И надо полагать, власти, чтобы не обострять отношения с местными владельцами и не лишиться опоры и поддержки с их стороны, позволили им вернуться на свои старые места.

После неудачи, постигшей горцев под крепостью Григориполис, Мансур вместе с оставшимися силами вернулся в с. Алды, где объявил о новом на-

ступлении Кизляр, где его ждет якобы удача. Между тем, к августу 1785 г. волнение крестьян в Кабарде, вызванное штурмом Григориполиса и агитацией имама, с каждым днем все возрастало. Поддерживая постоянные сношения с закубанскими народами и чеченцами, получая письма от Мансура, многие кабардинцы продавали свое имущество и скот и на вырученные деньги покупали оружие и лошадей. Часть кабардинцев, подстрекаемая Портой, обнадеживавшей их своей мнимой помощью, соединившись с закубанскими черкесами, совершала нападения на Линию и т.д. Другая часть кабардинцев, собравшись в большом количестве, произвела ряд безуспешных нападений на Константиногорск, на укрепление Георгиевское и т.д. Вернувшийся, наконец, на Линию генерал-поручик П.С. Потемкин не упустил случая сообщить своему родственнику князю Г.А. Потемкину «...С какой злостью все народы, по пространству Линии живущие, устремлялись на возмущение и бунт».

4 августа 1785 г. в четырех верстах от р. Малка во второй половине дня восставшие кабардинцы, составлявшие три отряда, численностью до тысячи человек, встретили двигавшиеся сюда царские войска. Кабардинцы требовали, чтобы царские войска не располагались лагерем на р. Малка и вернулись в свои пределы. Не получив удовлетворения, кабардинцы атаковали войска, но были отражены и оттеснены за р. Малка. Сам же генерал-майор Шемякин, просил выделить резервные войска для «наказания» кабардинцев, но оказалось, что войска на Линии в это время были заняты против значительного отряда Мансура, угрожавшего переправиться через Терек.

В это же время в связи с боевыми действиями горцев во главе с Мансуром против укреплений и крепостей на Кавказской Линии (Кизляр, Григориполис, Каргинское и т.д.) и попыткой их вновь овладеть Кизляром, среди закубанских народов царит небывалое оживление. В конце августа 1785 г. сообщалось, что закубанцы стали волноваться и имели даже намерение немалыми отрядами собраться на южной стороне р. Кубань. В один из дней разъездными казаками были замечены три отряда числом до шестисот человек закубанцев, которые собирались произвести нападение на этой стороне[19].

В августе 1785 г. полковник Лешкевич сообщает с Кубани о том, что западная Адыгея получает послания и письма от Мансура и что закубанцы якобы срочно продают свой скот, закупают оружие и лошадей и готовятся к соединению с имамом. Абазинский владетель Арслан Гирей-султан извещал царских властей на Линии, что закубанские народы проводят собрания с тем, чтобы «всемерно вредить российской стороне», при этом добавляя от себя, что в этом есть якобы наущение со стороны Порты.

В это время в письме, посланном адыгейскими вождями, вероятно, коменданту гарнизона Согуджака, ясно выражалось состояние умов, которое царило тогда среди горцев. Письмо это в числе других документов, касающихся

непосредственно боевых действий Мансура на Северном Кавказе, извлечено было Ал. Беннигсеном из турецких архивов. Но, вероятно, относится к 1785 г. Вот его содержание: «Мой владыка, если ты нас спросишь новости об имаме Мансуре, мы ответим, что они хорошие… Несмотря на то, что численность наших бойцов не очень велика, Всемогущий Бог дарует нам, его слугам, силу и победу. …Эта земля принадлежит нашему Падишаху. Если он пришлет нам свой рескрипт, мы будет готовы к сражениям следующей весной. В Крыму осталось мало русского войска. Русское командование отправило все свои силы против имама Мансура; даже те части, которые находились в Кум-Кале, отправлены против него»[20].

Надо отметить, что опыт действий в Кабарде под Григориполисом показал имаму, что, используя недовольства простых горцев гнетом со стороны князей и феодалов, а также колониальными действиями царских властей, можно, с одной стороны, поднять простой народ, а с другой, воспользовавшись недовольством князей и узденей отнятием их земель под русские укрепления и ущемлением царской администрацией их владельческих прав, мобилизовать феодалов, выставлявших, кстати, на поле боя великолепную панцирную конницу.

Царские власти, быстро оправившись после тяжелого поражения под с. Алды, в полной мере использовали в боях преимущества регулярной армии и артиллерии. Кроме того, генералы основательно занимались своеобразной контрпропагандой в горских районах, рассылая прокламации и воззвания, разоблачающие, на их взгляд, «лжепророка». Также власти наладили развитую систему шпионажа и разведки, используя кадры маргиналов из числа самих горцев. Одним словом, несмотря ни на что, русские власти на Северном Кавказе с немногими военными силами справлялись с угрожающей ситуацией.

§2. Второй поход восставших горцев на крепость Кизляр и сражения в Малой Кабарде. Уроки поражения

В рапорте генерал-поручика Леонтьева на имя генерал-поручика П.С. Потемкина от 27 августа 1785 г. отмечалось, что Мансур с отрядом горцев, состоявших, по имеющимся известиям, из дагестанцев, тавлинцев (жители горных обществ Дагестана) и других народов (надо полагать, чеченцев, кумыков и кабардинцев), и присоединившимися к ним почти всеми андреевскими и аксаевскими владельцами, общим числом более двенадцати тысяч человек, собирается напасть на Кизляр. Бригадир Апраксин из Ставрополя, доносил, что «известный лжепророк или шейх собирается-таки в большом числе напасть на Кизляр, а на Ставропольский край – все кубанцы...».

Усилились поездки горцев во все владения и общества Дагестана по направлению к Чечне: «Хотя некоторые владельцы, – писал Хамзин, – и запре-

щают горцам проезжать через свои места, однако они пробираются к имаму дорогою через горы. И стало слышно, что к Мансуру действительно собираются дагестанцы в большом количестве»[21].

18 августа 1785 г. бригадир Вешняков был извещен прибывшими к нему сыновьями старшего андреевского владельца Темира Хамзина, что имам намерен 21 августа 1785 г. переправиться через Терек и совершить «нападение на морскую Очинскую пристань и, захватив здесь провиант, которым довольствовались до этого» царские войска, прервать коммуникационное сообщение с Астраханью и станицами Гребенского и Семейного войск, а затем приступить к осаде Кизляра[22].

Кизляр основательно подготовился к отражению Мансура. Одних армейских сил, не считая казаков, иррегулярных команд и местного ополчения, здесь было до трех тысяч. Причем, кроме самой крепости, занимавшей часть города, был устроен ретраншамент (временное земляное укрепление со рвом и валами) для обороны городских посадов, где находились дома окочан, тезиков, армян, грузин и татар. Кроме того, в поле был выведен Томский пехотный полк, выстроенный в каре.

Действительно, 21 августа 1785 г. переправившееся повстанцы в 10 часу пополуночи разграбили сады и строения вокруг города и пошли в стремительную атаку на Томский пехотный полк, который находился недалеко от ретраншамента и представлялся им легкой добычей. Томский полк, выстроенный в строгое каре, встретил горцев огнем и штыками. Сами горцы же оказались тем самым открытыми для огня пушек из крепости и ретраншамента. Однако ни батальонный огонь, ни стрельба из пушек, которые били из крепости, не могли остановить стремительного натиска горцев. Горцы дрались отчаянно: укрываясь в ямах и лощинах, прячась за различные укрытия, они производили беглый ружейный огонь по каре царских войск. Видя их многочисленность и отчаянную борьбу и не желая терять своих людей, полковник Лунин построил из каре треугольник и одним из углов стал отступать в укрепление. Горцы, хотя и наседали на отступающих и пытались окружить их, но при отступлении солдат Томского полка в ретраншамент были встречены огнем не только из всех орудий, но и отчаянной ружейной стрельбой. Не имея возможности противостоять пушечной стрельбе, отряд Мансура вынужден был отступить в урочище Буйвалы в 7 верстах от города. По разным данным горцы потеряли от 200 до тысячи человек[23].

Утром 22 августа войска Мансура поднялись и, разделившись на 3 части, пошли в разные стороны. Основное ядро восставших горцев при нападении на Кизляр, кроме чеченцев, составляли жители Андреевской и Аксаевской деревень Кумыкии. В отряде Мансура были также лезгины, тавлинцы, часть тарковцев, подвластных шамхалу Тарковскому. Князь Малой Кабарды Дол,

который вместе со своими узденями и подвластным народом еще раньше перешел на сторону Мансура, в нападении горцев на Кизляр принимал самое активное участие и находился все время неотлучно при нем. Другие кабардинские владельцы либо оставались «непоколебимыми» в присяге России, либо «двурушничали»[24].

Следует отметить, что во время второго нападения горцев на Кизляр «взбунтовались было кочующие близ оного по сей стороне ногайские татары», которые помогали горцам в отгоне у кизлярских обывателей табунов и причинении им и другого вреда. К ним был послан для помощи даже небольшой отряд из сторонников Мансура. Оказалось, что ногайские муллы и старшины были на стороне имама. Так называемые аульные кизлярские татары, оседлые тезикские и окоченские жители, возбуждаемые их кадиями и старшинами, также поднялись со своих мест и во время нападения отряда Мансура на Кизляр попытались присоединиться к нему. Однако войсками полковника Савельева, подоспевшими с Моздокским казачьим полком и занявшим все переправы по Старому Тереку, тезикские и окоченские крестьяне были перехвачены[25].

Таким образом, магия слова и славы Мансура была такова, что люди совершенно разных национальностей, социальных групп и занятий, зачастую вопреки своим групповым и частным личным интересам бросали все и брали в руки оружие, чтобы драться с сильнейшим противником, который, на их взгляд, представляла собой Российская империя того времени.

Видимо из-за падения своего влияния среди чеченцев, понесших наибольшие потери в походах имама, Мансур концентрирует свое внимание в основном на кумыках и ногайцах, чтобы вместе с ними продолжать борьбу против царских властей. Он по-прежнему стремится также привлечь к себе кабардинцев. Мансур надеется, что некоторые преданные ему кумыкские и кабардинские владельцы поднимут подвластные им народы. «Андреевцы и аксаевцы, – сообщал генерал-поручик Леонтьев в рапорте на имя князя Г.А. Потемкина от 30 августа 1785 г., – …отчаиваясь быть прощенными за их измену и злодеяния, не перестают продолжать свою дерзость и, выпровождая семейства свои и имущества в ущелины гор, просят развратника (Мансур. – Ш.А.), находящегося поныне в Алде, приступить еще раз к Кизляру»[26].

Мансур в это время находился среди жителей селения Эндери, откуда продолжал усиленно вербовать горцев из различных горских деревень и аулов. Посланный властями в дагестанские селения окоченский татарин Вали Килякаев по возвращении 9 сентября 1785 г. сообщил, что сам видел, как жители дагестанских селений: Казанищ, Губден, Хунтаркали, Ерпели, Карабудахкента, Каякента, Усемкента и др. целыми партиями по десять-пятнадцать человек стекались к Мансуру. Вернувшись из Тарков в Кумыкию и Косте-

ковскую деревню, через посланного человека Килякаев также узнал, что отдельные кумыкские владельцы дали Мансуру свое согласие на поддержку и в подтверждение этого у них взяты аманаты.

В другом письме – от кумыкского владельца Темира Хамзина к бригадиру Вешнякову, тоже от 9 сентября 1785 г., – сообщалось, что владельцы Али-Солтан Камбулатов, Чепалов, Аджимуртазалиев со своими узденями и подвластными крестьянами до сих пор остаются на стороне Ушурмы и «никак не соглашаются оставить свои злонамерения», а в подтверждение сделанной Мансуру присяги владельцы Чепалов, Аджимуртазалиев, Али-Солтан Камбулатов и уздень Казбек Умашев дали в качестве аманатов своих детей. «Князья Аксаевские, – сообщал Темир Хамзин, – условились присягою, что в толпу алдынского развратника не вмешиваются и повелениям его не повинуются».

Как известно, в начале сентября 1785 г. Мансур, находясь в чеченском селении Горячевское (Исти-су), стал уверять его жителей, что ожидает прибытия к себе чеченских отрядов и что после совещания с андреевцами и аксаевцами пойдет вновь на Кизляр или на Калиновскую станицу. «Кумыки просят меня идти на Кизляр, – говорит имам, – а чеченцы желают напасть на Калиновскую станицу. После совета мы решим, куда идти». Однако на призывы Мансура большинство чеченцев не откликнулось. Мансур стал ездить по селениям и собирать вокруг себя приверженцев, стремясь поднять простой народ против владельцев и старшин. Его сопровождали до 100 вооруженных человек[27].

Для предотвращения действий сторонника Мансура в Кабарде князя Дола Мударова комендант Владикавказа Матцен послал в это время письмо к жившим вблизи крепости ингушам, чтобы они собрались вместе и ударили по его отряду, стоявшему на границе с Чечней. Ингушский старшина Чош собрал 150 человек крестьян и, соединившись с царскими солдатами, заставили Дола отступить вглубь Малой Кабарды на двадцать верст. В поощрение за их верную службу и в будущем генерал П.С. Потемкин выдал ингушскому старшине Чошу и его брату деньги и по кафтану, всем остальным 150 ингушам – по четыре аршина сукна. «Сия сумма, – говорил П.С. Потемкин, – не составляет важного, но приучит других к службе нашей усердствовать».

Несмотря на внешнюю уверенность царских властей в преданности осетин и ингушей, главным образом их владельцев и старшин, приносимые сведения сообщали о том, что действия соседних народов: закубанцев, чеченцев, кабардинцев, дагестанцев, возбуждаемых Мансуром, вызывали волнения и среди своих соседей, осетинских и ингушских крестьян, а также у части владельцев и старшин. Так, в рапорте на имя генерала П.С. Потемкина подполковник Матцен от 30 сентября 1785 г. отмечал, что ингуши и осетины после последнего нападения горцев на Кизляр стали колебаться.

В это время среди закубанских народов прошел слух, что будто бы турецкое правительство, которое всегда враждовало с Россией, прислало письмо к Мансуру следующего содержания: первое, что «если ему (Мансуру. – Ш.А.) надобны деньги, пушки и войско, то все ему пришлют; второе, что от паши Ахалцихского якобы присланы деньги и знамя, которые он получит через услужливых людей». Хотя эти слухи и носили неправдоподобный характер, однако они оказывали определенное идеологическое влияние на горские народы, живущие по правому флангу Кавказской Линии. Горцы, подбадриваемые Мансуром, стали действовать смелее, решительнее, а самое главное – активнее против русских укреплений[28].

Так обстояли дела на Кавказской Линии, когда генерал-поручик П.С. Потемкин 30 сентября 1785 г. прибыл из Петербурга в Георгиевскую крепость. «Обстоятельства здешние в крайнем замешательстве, – доносил в рапорте на имя князя Г.А. Потемкина генерал-поручик П.С. Потемкин от 30 сентября 1785 г., – лжепророк (Мансур. – Ш.А.) паки собирается напасть на Кизляр и на все наши селения. Все кумыки, чеченцы и прочие горцы, даже часть дагестанцев, стекаются к нему для нападения на наши пределы». Сообщая об обстоятельствах дел Мансура, усиленно агитировавшего в это время горские народы и даже закубанцев, генерал П.С. Потемкин с горечью отметил, что «бунтовщик (Мансур. – Ш.А.) не токмо не был отучен от дерзостей, но никогда с самого начала так силен не был, как я нашел его ныне».

Находившиеся на Линии русские полки были разбросаны по укреплениям, не были полностью укомплектованы людьми, большой недостаток ощущался и в лошадях. П.С. Потемкин решил стянуть войска к главнейшим пунктам и образовать три самостоятельных отряда: первый отряд следовало подвинуть непосредственно против восставших чеченцев, кумыков и дагестанцев; второй – против Большой и Малой Кабарды и, наконец, третий – против закубанских народов. Также опытный военачальник еще раз разослал прокламации к народам, которые находились на стороне Мансура[29].

Дела Мансура осенью 1785 г. складывались далеко не благополучно. Чеченцы предлагали напасть на слабо защищенные станицы по Тереку, но дагестанцы, которые к тому времени составляли значительную часть его ополчения, возразили по этому поводу имаму: «Река Терек, – говорили дагестанцы, – вверху гораздо глубже и быстрее, идти нам в чеченские селения далеко, да к тому же мы не имеем и провианта. Мы готовы следовать к Кизляру, но в чеченские селения не пойдем и разойдемся по домам».

Шейх Мансур пошел навстречу пожеланиям дагестанцев. 12 октября 1785 г. он со своим отрядом горцев двинулся к Аксаю и, приблизившись к Нижнему Яру, стал готовиться к переправе через р. Терек. Однако недалеко от того места, где восставшие собирались перейти реку, т.е. у Старогладковской ста-

ницы, был расположен царский отряд во главе с полковником Савельевым, состоявшим из батальона гренадер, двух мушкетерских рот и всех казачьих войск, располагавшихся по р. Терек. Тогда Мансур перенес место переправы к бродам, расположенным между станицами Щедринская и Червленная.

22 октября 1785 г. в 11 часов имам переправился через Сунжу и взял направление вверх по р. Терек для того, чтобы соединиться с восставшими кабардинцами и действовать после этого сообща. На протяжении всего времени продвижения Мансура с отрядом горцев к Кабарде он находился под постоянным наблюдением двух царских команд.

П.С. Потемкин приказал полковнику Нагелю срочно отправиться в Моздок и принять там отряд войск, а затем, при необходимости, присоединить к себе отряды полковников Савельева и Лунина. Затем перейти в наступление и пресечь возможность соединения отряда Мансура с кабардинцами. Если удастся воспрепятствовать их соединению, то этим может быть отрезан путь для отступления отряда Мансура. Сам генерал П.С. Потемкин с войсками в 5000 человек двинулся в сторону Бештовых гор и 21 октября 1785 г. расположился на р. Малка в Большой Кабарде[30].

Недостаток продовольствия парализовал движение горцев. Мансур вынужден был обратиться к кабардинцам, чтобы они выделили для его войска в качестве продовольствия с каждого двора по одной корове и мешку муки. После нескольких дней, проведенных в ожидании помощи из Кабарды, отряд Мансура двинулся далее в сторону Малой Кабарды. Однако на пути совершенно неожиданно он столкнулся с царскими войсками под командованием полковника Нагеля в районе укрепления Григориполис.

В отряд Нагеля входили: второй Московский полк, гренадерский батальон из рот Кабардинского и Селенгинского полков, два эскадрона Астраханского драгунского полка, Моздокский казачий полк, 150 человек гребенских и т.н. Семейных казаков и 150 человек донских казаков. Горцы зажгли опустевшие дома в селениях Малой Кабарды и предприняли попытку окружить отряд Нагеля. Отдельные группы всадников из горцев, как бы прикрывая основные силы восставших, постоянно выходили перед царскими войсками, не решаясь, однако, к ним приблизиться. Намерение восставших состояло, видимо, в том, чтобы завлечь царские войска в леса и ущелья.

Но когда восставшие горцы увидели, что войска Нагеля не предпринимают никаких мер, то на рассвете 30 октября 1785 г. решили атаковать отряд Нагеля с разных сторон, но были отбиты орудийными залпами из пушек. После этого горцы также открыли ружейный огонь по царским войскам. Полковник Нагель призвал к себе егерей и, присоединив к ним гребенских казаков и гренадерские роты Московского и Кабардинского полков, приказал выбить восставших горцев из укрытий. После пятичасового боя восставших горцев с

царскими войсками, произошедшего в ущелье между укреплением Григориполис и Малой Кабардой, военные действия вскоре прекратились. Сражение закончилось без определенных результатов с обеих сторон[31].

Мансур, имея достаточные силы, предпринимает попытку вторично атаковать отряд царских войск под командованием полковника Нагеля. С этой целью Мансур отправил к жителям Большой Кабарды князя Дола, чтобы убедить кабардинцев прийти на помощь горцам. Мансур уверял кабардинцев, что он разобьет отряд Нагеля или же перекроет им воду в горных речках, отчего последние будут вынуждены сдаться. И действительно, вскоре восставшие горцы перекрыли несколько горных речек, в результате чего отряд Нагеля вынужден был оставить прежнее место расположения и приблизиться к укрепленному местечку Татартуп.

Приняв переход царских войск в другое место за отступление, Мансур решил вновь атаковать их. 2 ноября 1785 г. в 7 часов утра Мансур во главе восставших горцев вторично предпринял атаку против полковника Нагеля у укрепления Татартуп. Имея при себе подкрепление восставших горцев от владельцев Большой и Малой Кабарды с подвластными им народами, отряд Мансура предпринял мощное наступление на царские войска с различных сторон: справа на русский лагерь наступали лучшие кабардинские наездники во главе с князем Долом; с тыла – кумыки во главе с Мансуром, слева – тавлинцы (аварцы) и, наконец, с фронта – основная сила, состоявшая из чеченцев и других народов (по-видимому, тех же дагестанцев). Тавлинцы, сражавшиеся пешими, произвели против царских войск отчаянную атаку и сошлись врукопашную; чеченцы, держась несколько вдалеке и используя различные укрытия, вели прицельную стрельбу.

После отражения атаки тавлинцев полковник Нагель перешел в штыковое наступление. Пушки вели непрерывный огонь. В этом сражении горцами впервые были использованы заготовленные Мансуром подвижные щиты на колесах для прикрытия горцев от прямого попадания картечи и ядер[32]. Щиты были сколочены из двух рядов бревен с насыпанной между ними землей. Каждый щит имел по две пары колес, и они передвигались довольно легко и свободно. Число щитов в этом сражении составляло до 50. После артиллерийского обстрела позиций горцев и многочисленных атак с обеих сторон отряд Нагеля встретил наступавших горцев штыками. Вскоре царские войска овладели частью подвижных щитов горцев. Отступая под натиском царских войск, горцы оставили в ущелье часть своего имущества, в т.ч. знамена. Мансур вынужден был выйти из сражения и отойти лагерем на небольшое расстояние. Безусловно, в данном сражении и царские войска также понесли большие потери: в отряде Нагеля было много убитых и раненых солдат, однако преимущества регулярного строя и артиллерии русской армии здесь были проявлены в полной мере.

Полковник Нагель так и не смог одержать явной победы над отрядом Мансура, поэтому он не только не стал преследовать отходящих горцев, тем более что его кавалерия после этого сражения находилась в жалком состоянии, но и спешно стал отходить в сторону Моздока, посылая туда гонцов с требованиями срочной помощи. П.С. Потемкин послал к нему для подкрепления две гренадерские роты Ладожского и Бутырского полков, двести егерей Кабардинского полка, сто человек Волжских и семьдесят человек Семейных казаков[33].

После этого сражения, которое, на первый взгляд, закончилось без особого результата для обеих сторон (хотя успехом было одно то, что горцы с блеском выдержали целое сражение с армейским соединением европейского типа (пехота, конница, артиллерия)), авторитет Мансура был все-таки поколеблен. Ожидаемого чуда не произошло. Отдельные горские князья, владельцы, а также старшины различных деревень, покинув шейха Мансура, обращаются теперь со своими просьбами о помиловании к царской администрации. О своей готовности вновь присягнуть России пишут даже старшины родной деревни Мансура – Алды. «На сих днях, – указывал генерал П.С. Потемкин, – когда чеченские народы увидели движения стекающихся войск по р. Тереку близ пределов... некоторые старшины и владельцы, ожидая наказания себя, являться ко мне начали с принесением раскаяния»[34].

Жители Алдынской деревни, собравшись у своего кадия и придя вместе с ним к Мансуру, стали спрашивать у него, что им дальше делать. «Ты много прежде обещал нам, – говорили алдынцы, – но ничего не исполнил и подверг только нас мщению русских. Что теперь ты нам скажешь: оставаться ли нам на зиму в деревне или разойтись и скрываться в горах?» – «Я не князь ваш, – отвечал им Мансур, – делайте, что хотите»[35].

13 ноября 1785 г., когда царские войска пришли на р. Баксан, кабардинцы стали являться в их лагерь с просьбой о помиловании. В конце ноября 1785 г. от Большой Кабарды были отправлены депутаты в Россию от четырех влиятельных владельцев: Атажуки Хамурзина, Биарслана Касаева, Кайсына Джанхотова, Исмаила Темрюкова, от Малой Кабарды – Тепсаруко Таусултанова. Кому-то были обещаны «пенсии». Некоторым кумыкским князьям были отправлены бриллиантовые перстни и другие подарки. В то же время для устрашения жителей, проживающих со стороны левого фланга, а также против самого Мансура решено было сформировать большой отряд под командованием полковника Нагеля, в который входили Астраханский, Томский и Московский полки, три батальона гренадеров, восемь полевых орудий и Гребенское, Семейное, Моздокское казачьи войска. Полковнику Нагелю приказано было захватить при малейшей возможности Мансура, обещая помилование жителям, подобно кабардинцам[36].

Волнение, охватившее многие районы на всем протяжении Кавказской Линии, и активная наступательная борьба восставших горцев не позволили генерал-поручику П.С. Потемкину приступить к торжественному открытию в 1785 г. Кавказского наместничества в г. Екатериноград. Даже лес, припасенный для сооружения присутственных мест и генерал-губернаторского дома, был сожжен повстанцами[37]. Оно состоялось только 18 января 1786 г.

20 января 1786 г. прошли выборы уездных предводителей дворянства: Георгиевским уездным предводителем был избран князь Г.А. Потемкин-Таврический, а Александровским – статс-секретарь императрицы И.П. Елагин. Империя воспроизводила отсталые феодально-крепостнические порядки и на колониальных окраинах. Всем кабардинским и кумыкским владельцам, как подданным России, было разослано официальное приглашение явиться в Екатериноград на торжества открытия Кавказского наместничества[38].

Практически ничего не предпринимавший зимой 1785–1786 г. имам Мансур вновь заявляет о себе в марте месяце. Так, агент, посланный в Шали, где жил Ушурма, донес, что он намерен переселиться на запад в урочище, «называемое по протекающей здесь речке Мартан» (видимо Фортанга), недалеко от Карабулакской деревни. Сюда якобы должны перейти из Малой Кабарды два кабардинских аула с их владельцем Долом.

В этом же месяце, согласно известиям, комендант И.С. Вешняков сообщал князю Г.А. Потемкину, что намерение Мансура состоит в следующем: собрать сколько возможно горцев и идти на Большую Кабарду, а там, соединяясь с кабардинцами и закубанцами, совершать нападения на Линию. Сейчас у Мансура якобы в отряде не более 300 человек[39].

В начале 1786 г. Мансур стал требовать от аульных обществ, чтобы каждая горская мечеть выставила для него по три человека с полным снаряжением и на «содержание их по двадцати копеек со двора». П.С. Потемкин прокомментировал ситуацию так: «не видно, чтобы народы к нему (Мансуру. – Ш.А.) стекались, но осталось в них еще великое к нему уважение».

Между тем к середине 1786 г. предводитель Мансур вводил новые организационно-мобилизационные правила и соответственно структуру войск. Теперь каждая «горская деревня» (вероятно от какого-то определенного количества дворов) должна была отдавать по 10 человек для его войска с полным довольствием, выделять по 2 человека с каждого купа (квартал) для несения караула, а также отдавать 9-ю часть хлеба и урожая. Кроме того, имам ездил по аулам и занимался установлением среди горцев «духовных правил» (по-видимому, вводил требования шариата).

Для материального поддержания постоянного войска и аппарата управления местное население помимо зернового налога было обложено Мансуром еще и специальной податью: с 20 дворов – по одной скотине и по сабе

(мешку) муки с каждого двора. Кроме того, было решено, чтобы собираемую помощниками имама с деревень на содержание неимущих людей подать (закят) отдавали теперь мобилизованным горцам. Повстанческие отряды Мансур решил разбить на небольшие отряды по 10 человек. Во главе каждого из таких отрядов должен был стоять тамада (начальник), и каждый такой отряд располагал своим кошем. В целом речь шла о формировании некоей системы военной мобилизации и налогового обеспечения государственного типа.

Вскоре один из эндирейских князей сообщал кизлярскому коменданту Вешнякову о том, что все андреевские, аксаевские и карабулакские жители обещали выполнить требование Мансура и дать по 2 человека от каждой мечети (квартальной). По свидетельству дореволюционного исследователя П. Юдина, в отрядах восставших горцев Мансура, как и в полках русской армии, были барабанщики, которые использовались для сбора людей[40].

В начале 1786 г. Мансур укрепляет свои позиции и число его сторонников начинает быстро расти. Так, кумыкский владелец Муртазали Чепалов, ранее отошедший от Мансура, вновь помирился с имамом и ездил тайно к нему в Чечню, где получил от него соответствующее задание. «...Сей владелец, – писал о нем генерал-поручик П.С. Потемкин, – с самого начала здешних замешательств был главнейшим помощником и другом бунтовщика Ушурмы... а как он (Чепалов. – Ш.А.) половиною всех кумыцких селений владеет, то дружба его к бунтовщику тем была полезнее, что подвластные сего Али-Солтана составляли лучшую опору бунтовщика». Начали поступать также сведения, что к Мансуру приезжали два турка, которые якобы обнадеживают имама о присылке к нему войск, пушек и денег. «О предположении, что якобы турки обещают войска, – замечал генерал-поручик П.С. Потемкин, – конечно, вероятности нет, ибо проводить войско им невозможно, а что касается денег, то их они могут прислать»[41].

Князь Дол – один из первых и верных сподвижников шейха Мансура – вновь вышел на сцену, он бывает в Шали у Мансура и поддерживает связь с другими князьями Кабарды. В это же время в народе публично было объявлено о том, что будто бы к Мансуру прислано письмо от Казыкумыцкого хана, в котором последний сообщал, что прибудет к нему весной со своим войском. Среди жителей ингушских деревень также царило беспокойство и волнение в связи с распространявшимися слухами о том, что горцы во главе с Мансуром намереваются в ближайшее время совершить на них нападение за их приверженность язычеству и противодействие Долу Мударову. В таком случае ингушские старшины быстро помирились с чеченцами (т.е. с Мансуром) и князем Малой Кабарды Долом, а последнему дали даже своих аманатов и обещали действовать совместно против царских властей. П.С. Потемкин тут же из Екатериноградa послал к ингушским старшинам и народу письмо, в

котором предупреждал и предостерегал их от присоединения к Мансуру, соблазняя их добычей: «Я предписываю ингушам, – указывал генерал, – разорять Дола и всю добычу, ингушами приобретенную, оставляю в пользу вашу, ясырей, каких бы не имели, употребляйте как заблагорассудится. Словом, будьте верны, как были прежде, и сверх того, что добыча ваша, получите еще награждение»[42].

Закубанские народы, возбуждаемые в это время частыми письмами и воззваниями от имама, стали в свою очередь серьезно интересоваться личностью Мансура. Они приезжали через Кабарду в Кумыкию и Чечню и наблюдали за действиями восставших горцев во главе с Мансуром. Так, премьер-майором князем Ураковым примечено было 20 человек закубанцев (ногайцев), которые, направляясь через Кабарду, утверждали, что едут в Кумыкию, однако по всему видно было, что они ехали к Мансуру.

В июне 1786 г. турецкий паша, видя, как закубанские народы по настоянию Мансура, вопреки намерениям турецких властей, совершают нападения на укрепленные разъезды царской администрации, отправил на Северный Кавказ ученого муллу в сопровождении четырех турок. Турецкий агент «софта» (кандидат в ученые-богословы), по его словам, прожил у Мансура 25 дней и установил, что он не особенно набожен и далеко не ученый-богослов, хотя строго придерживается и выполняет молитвы, «предписанные мусульманским законом»[43].

Таким образом, положение Мансура до середины 1786 г. было сравнительно устойчивое. Еще весной 1786 г. растет интерес к выступлению горцев со стороны кабардинских, дагестанских и закубанских народов, не говоря об активности чеченцев и кумыков. Письма и прокламации Мансура к этим народам приносят в этот период некоторые результаты. Кроме того, ранее принятые имамом меры насильственной мобилизации горцев в ополчение (с каждой мечети по три человека и деньги с каждого двора), с одной стороны, обещание Турцией помощи восставшим оружием и деньгами, с другой, – все это воодушевило Мансура и его сторонников.

Однако Мансур оттягивал всеобщее выступление и только в конце июля 1786 г. созывает к себе руководителей вооруженных отрядов для объявления даты похода после праздника «Курбан-байрама». После сборов кумыков и чеченцев Мансур должен был соединиться с кабардинцами во главе с князем Долом и жителями некоторых ингушских деревень, после чего имам намеревался атаковать крепость Владикавказ.

Узнав о планах восставших, русское командование срочно направило к лагерю Дола на Сунже крупное соединение полковника Нагеля с четырьмя орудиями полевой артиллерии, чтобы «призвать ингушей и разрушить гнездо Долово». Захватив повстанцев врасплох, Нагель заставил Дола и его знатных

сторонников «раскаяться», принести «присягу подданства» и распустить все свои силы. «Отрекаемся всегда от него, познавая и чувствуя, что не есть он богоугодный учитель, но разбойник и бунтовщик, оказавшийся на наше разорение и погибель», – писали под диктовку сторонники Дола.

Переход князя Дола на сторону царизма и его помилование произвели сильное смятение среди последователей Мансура. Многие владельцы, уздени и старшины спешат в августе 1786 г. принести повинную и просят помилования. Причем андреевские и аксаевские владельцы «и протчие старшины и уздени, согласясь все заодно в прилепленности своей к имаму (Мансуру. – Ш.А.), раскаялись, и если чеченцы и мичигышцы будут чинить вред нам или кизлярским народам, то согласились с ними драться...». Даже верный Мансуру Чепалов обещал служить России, ловить врагов и доставлять их в руки властей. Далее последовала волна обращений к России от всех дальних и ближних дагестанских владельцев, отмежевавшихся от Мансура[44].

В сентябре 1786 г. вновь усилились попытки царского командования захватить Мансура в плен. Были взяты расписки от многих кабардинских и дагестанских владельцев, старшин и народа о том, что, если имам явится в их селения, они беспрекословно должны задержать и представить его властям. 20 октября 1786 г. Этта Батырмурзин (зять Мансура), находившийся в лагере русских властей, дал свое первое показание. Он, в частности, сообщил, что отправлен сюда тайно Мансуром с просьбой о прощении. «Он (Мансур. – Ш.А.), – говорил Этта, – считает себя избранником Бога не для разбоев, но для удержания мусульман от злых дел и шалостей. Однако те народы брали неволею его (Мансура. – Ш.А.) с собой в российские места против войск российских. Ныне видит он (Мансур. – Ш.А.), что те народы на него не смотрят и не слушаются. Он от них опасается, чтобы его не убили или не выдали русским. И для этого просит пощады и помилования». Но когда генерал-поручик стал требовать, чтобы Мансур явился к нему сам, то имам передал через посланного узденя, что «он предается во всем в волю мою (генерала П.С. Потемкина. – Ш.А.), но однако ж ехать опасается»[45]. Скорее всего, имам пытался прозондировать ситуацию напрямую, стараясь выбрать новую линию поведения в условиях тотального отдаления от него всех его сторонников на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Это, конечно, было свидетельством политического поражения. Но все поменяла изменившаяся международная обстановка.

Турция, понесшая серьезные территориальные потери по результатам русско-турецкой войны 1768–1774 гг. (Кючук-Кайнарджийский мир), рассчитывала взять реванш. К 1786–1787 гг. в Европе сложилась такая ситуация, что Англии, Франции, Швеции и Пруссии (каждой по отдельности) потребовалось «занять» Россию войной в Азии, чтобы ослабить ее воздействие

на европейские дела. Послы европейских стран предлагали туркам любую помощь за выступление против России на суше и море: деньгами, флотом, вооружением, инструкторами и даже войсками. В то время, как в Константинополе велись сложные дипломатические переговоры, турецкие агенты уже развернули на Кавказе кипучую деятельность. Вместе с султанскими фирманами и богатыми подарками кавказским князьям и ханам щедро раздавались деньги, полученные от иностранных покровителей.

Начало нового масштабного движения горцев на Северном Кавказе во главе с таким известным вождем как шейх Мансур не только осложнило бы действия русских войск в Грузии, но и отвлекло бы русские войска с европейского театра военных действий и от Крыма, а самое главное – при начале войны Турции с Россией на юге и новой русско-шведской войны на севере, одновременное восстание всех горских народов от Каспия до Черного моря создали бы для царизма, ставившего практической задачей водрузить двуглавого орла над Стамбулом крайне тяжелое положение.

В январе-марте 1787 г. турецкие агенты все чаще стали появляться с щедрыми подарками в Закавказье, Дагестане, Кабарде и других горских владениях. Наконец, для русской агентуры выявилось, что один из прибывших с подарками и письмами в Дагестан турецкий чиновник имеет «повеление видеться с известным разбойником Ушурмою»[46].

Тем временем Мансур, по-прежнему пребывавший почти в безвестности в Чечне и вряд ли знавший о назревающей большой войне, решил, не затрагивая больше тему выступления против России, призвать горцев к участию в утверждении дела ислама и наказании многобожников-язычников в лице соотечественников карабулаков и некоторых других горцев. Хотя в реальности распространение ислама в среде предгорно-плоскостных карабулаков шло еще с 1762 г., но они были конечно не всегда крепки в исполнении обрядов. Были еще карабулаки, жившие выше – в Галанчожском ущелье и мало охваченные новой для них религией[47].

Как бы то ни было имам собрал под религиозными лозунгами определенные вооруженные отряды и двинулся в западные районы Чечни с целью обращения «кафиров». Дело с торжественным походом под зелеными знаменами кончилось банальным вооруженным столкновением, в котором, как сообщали царские источники, имам проявил нерешительность, за что получил от чеченцев осуждение[48]. По-видимому, основная цель похода имама Мансура против карабулакских старшин заключалась все-таки в том, чтобы обратить простой народ Галанчожского ущелья в единоверных мусульман, а не устраивать кровопролитие между собратьями.

Этот провал своеобразной религиозной кампании и, вероятно, появившиеся к тому времени слухи о приближающейся русско-турецкой войне (или же

конкретные предложения адыгских племен и ногайских вождей, поступившие к горскому имаму) привели к тому, что Мансур покинул Чечню и через Кабарду уехал на запад в Черкесию (Закубанье).

9 июля 1787 г. русское командование узнало, что Мансур 5 июля перешел р. Кубань и находится в доме владельца Камамата Мансурова на р. Большой Инжик. Через несколько дней, 11 июля 1787 г., в рапорте генерал-поручика П.С. Потемкина на имя князя Г.А. Потемкина сообщалось, что «известный разбойник Ушурман с помощью закубанского Калги-Герея Мансурова прокрался за Кубань и уже все закубанцы генерально ему присягают»[49].

Таким образом, закончился важный этап в политической истории Чечни и ее горских соседей, связанный с именем великого деятеля своего времени – шейха и имама Мансура.

Организационная сторона восстания в этот период, хотя и поднялась на новый невиданный ранее уровень, оставалась еще крайне слабой, тем более в сравнении с мощной мировой державой – Российской империей. Стихийный порыв народных масс Северо-Восточного и Центрального Кавказа не был должным образом поддержан и организован. Массы очень скоро теряли наступательную энергию и стали отходить от своего вождя. Мансуру пришлось создавать себе базу в других районах – за Кубанью, среди черкесо-адыгских народов и ногайцев Кубани, куда он и перебрался в 1787 г.

§3. Мансур – вождь черкесов и ногайцев Северо-Западного Кавказа. Завершающий этап движения

Во второй половине 1787 г. Мансур переносит военные действия против царских войск за р. Кубань и действует во главе закубанских (черкесо-адыгских, абазинских) и ногайских народов. Своим уходом за Кубань Мансур вовсе не собирался прекращать военные действия в Чечне. Напротив, Мансур твердо верил, что, будучи за Кубанью, ему удастся поднять горцев Северо-Западного Кавказа и совместно с закубанскими народами, расширив таким образом базу движения, одолеть общего врага. Порта в свою очередь усиленно добивалась перехода Мансура на свою сторону. Турки полагали, что отсюда Мансур сумеет легко установить связь с горскими народами и как руководитель сможет направить выступление горцев в интересах турецкой империи.

Накануне второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. султанская Турция рассматривала Закубанский край в качестве удобного плацдарма для вторжения в Кабарду и уничтожения Кавказской Укрепленной Линии. Кроме того, турецкое правительство возлагало большие надежды на закубанские народы, воинственно настроенные против колониальных действий царских

властей на Кавказской Линии. Поэтому вполне понятно, что они были не против увидеть Мансура, во главе восставших горцев против русских властей. «Турецкое правительство, – указывал дореволюционный историк Н.Ф. Дубровин, – старалось войти с ним в сношения и употребить его орудием для исполнения своих видов».

Среди других причин, восстанавливавших закубанцев против царизма, были и чисто экономические причины. Особенно недовольство горцев вызывал специальный указ Командующего на Кавказе генерал-поручика П.С. Потемкина, воспрещавший пропускать закубанские народы на территорию степной части Северного Кавказа за солью. Ограничения были введены также и для жителей Кабарды, которые имели право вывозить к себе только по одной арбе соли с уплатой таможенного сбора в 1 руб. 50 коп. Соль находила широкое применение для сдабривания питания домашнего скота, выделывания сыров и засолки мяса. Наряду с другими причинами возмущения действиями царских властей, «недовольство, вызванное этим распоряжением, было использовано турками во враждебных России целях»[50].

Как известно, еще во время движения горцев отдельные царские генералы, в силу своей неосведомленности или, скорее всего, желая дискредитировать предводителя восставших горцев, объявляли Мансура в своих прокламациях и рапортах турецким агентом. Н.Ф. Дубровин писал: «В первое время появления Мансура, смотрели на него сначала как на эмиссара, подосланного турками, а потом как на пришельца, ищущего поддержки Порты». Но все эти предположения, оказались «несостоятельными»[51].

К турецким властям, которые не были инициаторами его «священной войны», еще в начале 1785 г. доходили различные слухи, распространявшиеся вокруг чеченского имама. «Везде говорили, – отмечал прусский посол Диц в Стамбуле, – что появились три великих человека, чтобы они, как герои настоящей веры, очистили религию от “неверных”». В Османском государстве находились в ожидании этих духовных наставников (трех имамов, в том числе и имама Мансура), которые представляли, по мнению правящего класса, определенную угрозу прежде всего самому Константинополю.

Отсталая во всех отношениях Османская империя, позиционировавшая себя мировой исламской державой, а турецкого султана халифом всех правоверных, страшилась любых реформаторов ислама и панически боялась мессианских настроений – ожидания нового пророка, долженствующего объявить наступление конца света. «Все письма, которые шли оттуда (т.е. с Северного Кавказа), – говорит Диц, – точно расследовались; пускалось в ход все, что могло бы препятствовать и поколебать сторону имама Мансура». Дело дошло до того, что «решили было привлечь на свою сторону русского посла в Турции господина Булгакова, …чтобы через него просить русских выступить против этого мятежника»[52].

Беспокойство Турции действиями Ушурмы объяснялось рядом причин. Во-первых, она боялась нарушить отношения с Россией. Призыв новоявленного имама к «священной войне» мог найти благоприятный отклик среди северокавказских мусульман, в частности среди закубанских народов, находящихся под турецким протекторатом, даже среди самих турок. В одном из донесений Биганзаде Али-Паши, коменданта гарнизона в Согуджаке, на имя Великого Визиря от 28 ноября 1785 г. сообщалось о восстании интенданта Хасана-Али, его офицеров и присоединившихся к ним ногайцев Кубани и адыгейцев. Восставшие готовились перейти на сторону Ушурмы. Благодаря в т.ч. вмешательству русских властей, не давших развиться мятежу среди ногайских племен, порядок в турецких гарнизонах был восстановлен, а виновники восстания – казнены. Известно также, что турецкие власти опасались «еретического и мятежного» характера движения Мансура и всеми доступными средствами собирало о нем сведения. Не зря русский посол в Стамбуле Булгаков сообщал, что «появление действительного пророка могло создать беспорядок во всей Оттоманской империи и иметь гибельные последствия».

«Я читал сводки писем и донесений, – отмечал в своей резолюции султан Абдул Гамид I, – …Приказываю передать паше Согуджака, что он должен очень серьезно разобраться в действиях шейха Мансура и в обстановке в тех районах. Обстоятельства настоящего времени требуют большой бдительности. Никакая непредвиденность не будет прощена»[53].

Когда Мансур в начале июля 1787 г. оставил Чечню и перешел за Кубань, то Порта «рада была переманить его (Мансура. – Ш.А.) на свою сторону как политического деятеля». Присланный от суджукского паши некий эфенди одарил якобы Мансура деньгами, подарками и в то же время взял с него присягу о том, что он не предпримет ничего иначе, как с повеления Порты. После этого Мансур был приглашен к анапскому паше, который, помимо прочего, заявил, «по ревности твоей к вере послушны тебе не только все чеченцы, но и многие другие дагестанские народы… Старайся побуждать и увещевать, чтобы все магометане, вооружась, ополчились против россиян и нанесли бы вред неприятелю мусульманской веры». Интересно отметить, что ответная реакция Мансура была сдержанной. Тем не менее вскоре имам написал в Чечню, что «все закубанские народы меня чтут и ко мне присоединились», и как только он получит от турок войска, пушки и снаряды, он вернется с помощью на родину, в Чечню[54].

Свою деятельность среди закубанских народов с учетом их слабой религиозности Мансур начал с духовных наставлений. Как сообщал в рапорте генерал П.С. Потемкин, «…закубанцы …прилагают всю слепую веру, говоря, что Бог ему открыл знание». «Здешние Мансуровы дети (Мансурова орда, ногайцы. – Ш.А.), – сообщал посланный в лагерь имама турецкий богослов,

– и все закубанцы, приняли Мансура за истинного святого великого проповедника», хотя, мол, на самом деле «ших – ложный проповедник Мансур, который не знает мусульманскую грамоту...».

Основная причина настороженности и враждебности турецких чиновных лиц к Мансуру заключалась в самих социальных мотивах движения, его целях и движущих силах. Турция ранее искала и находила себе союзников в борьбе с Россией среди князей и владельцев Дагестана, Кабарды, Кумыкии и Адыгеи. Подкупами и интригами нетрудно было управлять настроениями и действиями горских феодалов. Александр Беннигсен пишет, что из анализа «архивов турецких вытекает, что, как и раньше, Турция интересовалась князьями и очень мало – шейхом Мансуром». Им враждебен был сам народный характер движения, и поэтому примкнувших к Мансуру рядовых горцев и ногайцев они презрительно называли «наивными элементами, а также любителями воровства и грабежей...». Ни в коей мере не могла удовлетворить турецких властей и религиозная оболочка движения горцев. Дело в том, что Оттоманскую империю сотрясали национально-освободительные движения, которые нередко принимали форму борьбы за возврат к «чистоте и силе первичного ислама халифов, славно правивших». При этом в подчиненных Турции мусульманских областях «священная война» (газават) направлялась прежде всего против «порочных мусульман» – турок. Эти движения пуританреформистов волновали весь мусульманский мир и самым серьезным образом угрожали целостности Оттоманской империи и владычеству турок в подвластных им районах. Формально подвластный султану Северо-Западный Кавказ (Черкесия, Закубанье), считался неспокойным краем, а «вождей племен и хана Бакти-Гирея Кубанского… обвиняли в недисциплинированности, подготовке восстаний и даже в предательствах». Со своей стороны «кавказцы, дико привязанные к своей независимости, требовали более широкой автономии и упрекали турецких правителей в бесхозяйственности и пренебрежении к стране»[55].

В начале 1787 г. турецкие власти направили к горским феодалам Северного Кавказа денежные средства и парадные «халаты» с призывом начать военные действия против России. В ответ владельцы обещали туркам при подходе их войск всем восстать против России поголовно.

Однако более или менее значительными силами, противостоящими царским войскам, располагал в это время лишь Мансур, и поэтому не случайно перед самой войной с Россией правительство Турции решило вынести официальное постановление о присвоении Мансуру звания «имама». Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Мансур со своими отрядами действовал в основном самостоятельно и отдельно от турецких войск.

Закубанские народы, ободряемые призывами Мансура, стали все чаще беспокоить русские укрепления на Линии. Они большими партиями пере-

ходили на противоположный берег Кубани, и несли жертвы при столкновении с царскими войсками. Особенно возросла военная тревога к концу июля-августе 1787 г.

Одновременно Мансур предпринимал попытки поднять чеченцев, дагестанцев и кабардинцев от своего имени. 31 июля 1787 г. поступило первое сообщение о том, что в Андреевской и других горских деревнях получены письма от Мансура, в которых он призывает всех правоверных мусульман быть единодушными и следовать его наставлениям[56].

9 сентября 1787 г. Екатерина II издала манифест о разрыве отношений с Турцией и открытии военных действий. Однако турки еще 21 августа без объявления войны отправили отряд из Суджука (Новороссийск) к черкесам для организации немедленного вторжения в пределы России. Отряд имама Мансура с 8-ю тысячами восставших горцев и закубанцев расположился между рр. Уруп и Лаба и открыл партизанские действия. Генерал-поручик П.С. Потемкин с отрядом в 8 тысяч человек при 35 орудиях переправился 20 сентября 1787 г. через Кубань у Прочного Окопа. Генерал-майору Елагину, командовавшему другой колонной, приказано было переправиться через Кубань ниже Овечьего Брода и прикрывать действия головной части отряда.

Высланный вперед полковник Ребиндер со своим отрядом 20 сентября 1787 г. приблизился к месту расположения лагеря в районе Зеленчука, где и произошло сильное кровопролитное сражение, закончившееся овладением русскими войсками вагенбургом (ограждение из нескольких сот арб, устроенное по инициативе имама) повстанцев. На другой день, 21 сентября 1787 г., сам Мансур во главе горцев атаковал отряд полковника Ребиндера, опрокинув некоторые его части, однако русские войска умело использовали артиллерию и тактику штыковых атак. К Ребиндеру подошли свежие части с генералом Ратиевым, посланные П.С. Потемкиным. Отбитый на всех участках битвы Мансур отошел на расстояние десяти верст от места сражения и встал лагерем.

22 сентября 1787 г. восставшие во главе с Мансуром вновь сразились с отрядом царских войск. На этот раз войска имама выступали очень плотными массами, тем более к восставшим пришло новое пополнение из темиргойцев, бесленейцев и абазинцев. Генерал-майор князь Ратиев, расположив свои войска в соответствующем порядке, двинулся на горцев, и последние, будучи не в состоянии противостоять огню из пушек и ружей царских войск, стали распадаться на группы, укрываясь в глубоких лощинах и густых рощах, откуда их выбивали по отдельности. После битвы Ратиев добрался до деревень горцев и складов продовольственных имама и сжег все. 25 сентября 1787 г. во время возвращения русских войск назад Мансур с отрядом в 300 человек совершил ночью нападение на Казанский пехотный полк, который составлял

арьергард. Горцы, использовавшие луки и холодное оружие, были отбиты с большим трудом[57].

Новый «Главнокомандующий на Кавказе» генерал-аншеф Текелли сразу же получил приказ от князя Г.А. Потемкина совершить новую большую экспедицию за Кубань. В середине октября 1787 г. три огромные колонны царских войск полностью разгромили и выжгли ногайские кочевья, затем аулы абазинцев и черкесов от Кубани до Лабы, до самых высоких гор. В это время Мансур успел собрать всех своих сторонников и отступил к горам, стремясь занять неприступные позиции, но противник преследовал артиллерийским огнем и штыковыми атаками буквально по пятам. Вскоре отряд генерала Ратиева принудил мансуровцев зайти в самые ущелья снеговых гор, а отряд генерал-майора Елагина, преградив дорогу к р. Лаба, отрезал им тем самым путь для отступления на плоскость. 22 октября 1787 г. большая часть восставших вынуждена была покориться. Сам имам Мансур с небольшим числом своих последователей с большими трудностями пробился на юг через вершины снежных гор Кавказского хребта, оставляя на пути умирающих от стужи и изнеможения людей, вышел к Черному морю в одну из турецких крепостей на абхазском берегу.

Генерал Текелли в рапорте князю Г.А. Потемкину от 7 ноября 1787 г. донес о своих мародерских успехах: «сожжено деревень более трехсот, ароб изысканных с остатками имения, разобранного войсками нашими до четырех тысяч, а также весь хлеб, даже сокрытый и в ямах не остался без истребления, а сено по полям до самой Лабы, и где найдено приготовленное даже и по горам и повсеместно, где войска не обращались, преисполнено дыму и огня». 2 ноября 1787 г. Текелли во главе войск прибыл на р. Кубань, а 5 ноября возвратился на правый берег этой же реки отряд генерал-поручика Иловайского[58].

Однако прорывы на другом – восточном отрезке Кавказской Линии – со стороны чеченцев, кабардинцев и кумыков участились. В рапорте на имя князя Г.А. Потемкина генерал-аншеф Текелли от 20 ноября 1787 г. доносил, что, по сообщениям, поступающим к нему от полковника Нагеля, чеченцы, несмотря на то, что потеряли якобы надежды на шейха Мансура после последнего столкновения восставших горцев с царскими войсками между реками Уруп и Лаба и понесенном при этом поражении, и по сей день продолжают совершать нападения на укрепления русских войск[59].

Захваченных при совершении нападений на русские укрепления горцев стали теперь не в заложники брать или обменивать, а «судить»: одних прогоняли сквозь строй, других же отправляли в ссылку. И все же окрестности Екатеринограда, Моздока и других укреплений и станиц были небезопасны, и отправляемые сюда казенные транспорты требовали вооруженного конвоя.

После вывода русских батальонов из Грузии сообщение властей с Закавказьем почти прекратилось, в связи с началом русско-турецкой войны и опасности со стороны чеченцев и кабардинцев Владикавказ и прочие укрепленные пункты на пути в Грузию от Моздока к 1788 г. были оставлены, а гарнизоны присоединены к действующим войскам на Линии.

В связи с некоторым военным оживлением в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и планами турок открыть на Северо-Западном Кавказе новый фронт войны с Россией имам Мансур вновь начинает деятельность среди закубанцев и всех горцев Северного Кавказа, имея базой крепость Суджук-кале. Так, например, в январе 1788 г. было получено письмо от имама кабардинскими владельцами и узденями с призывом порвать дружбу с Россией. По данным генерала Текелли, Мансур от 25 января 1788 г. написал к чеченцам письма, в которых извещал их, что якобы им собрано из закубанских народов до 6 тысяч конных и 9 тысяч пеших людей с пушками, с которыми он намеревается после покрытия реки льдом прибыть к своим одноплеменникам. А до этого он требовал всячески совершать нападения на российские границы. И чеченцы, отмечал генерал Текелли, «будучи подкрепляемые заверениями от шиха (Мансура. – Ш.А.), собираясь большими отрядами, повсюду совершают нападения». Так, 4 января 1788 г. жители Шалинской, Герменчукской и Горячевской деревень Чечни совершили нападение на Новогладковскую казенную почту по Кизлярской дороге в трех верстах от станицы и захватили в плен сержанта Кизлярского гарнизонного батальона Осипова и 7 человек гребенских казаков[60].

В феврале 1788 г. Мансур посылает новые письма к чеченцам, в частности алдынцам и девлетгиреевцам, обещая через месяц прибыть с 20-тысячным войском. От него же письмо было прислано в Большую Кабарду, чтобы «сделано было 20000 седел, и они отнеслись, что изготовляются и на потребной случай будут в готовности». Между тем, со второй половины 1788 г. резко увеличивается поток писем и фирманов от турецкого султана к различным горским народам и закубанцам, в которых он лично, а также начальники гарнизонов в Суджуке и Анапе призывали все мусульманские народы совместно выступить против Российской империи. В горских аулах стали появляться и сами турки. Так трое турецких представителей были замечены в Эндирее.

Заслуживает внимания высказывание по поводу турецкой агитации генерал-аншефа Текелли: «...Турки давно владеют сим берегом (Черноморским. – Ш.А.), но горских народов никогда не могут покорить, и последние теперь мало подвластны и почти совсем нет. И они турков не только не уважают, но во многих местах не дают им пристанища и пропитания. И словом сказать, что горские народы тогда склонны к подвластию туркам, когда они снабдевают их деньгами и подарками»[61].

Так обстояли дела и таково было положение на Кавказской Линии, когда князь Г.А. Потемкин предписал генералу Текелли выступить как можно скорее и начать военные действия против турецких крепостей Суджук-кале или Анапы. «Сие предприятие тем нужнее, – писал князь Г.А. Потемкин, – что послужит к отвлечению неприятеля от Тавриды (Крым. –Ш.А.), куда, по всем известиям, устремляет он главнейшие свои силы». Была произведена новая экспедиция за Кубань отдельными большими колоннами против Тамани и Суджука, где турки, несмотря на большую поддержку черкесов и ногайцев, потерпели поражения. 13 октября 1788 г. отряд Текелли подошел к крепости Анапа, где в это время был сосредоточен значительный гарнизон турок, готовивший крепость к обороне. Здесь же в Анапе находился в это время и имам Мансур. Однако турки, храбро выйдя из крепости, а черкесы, действуя с другой стороны из горных ущелий, не дали царским войскам расположиться здесь лагерем для штурма. Генерал Текелли после нескольких стычек с восставшими горцами ушел обратно на Линию и расположился на зимних квартирах до следующего года.

Императрица Екатерина Вторая отстранила Текелли от должности за нерешительность, командование досталось генерал-поручику Бибикову, который на исходе 1789 г. решил совершить зимнюю экспедицию и в начале 1790 г. двинул за Кубань 14 батальонов пехоты, 6 эскадронов драгун и семь казачьих полков. Эта огромная колонна не была должным образом обеспечена достаточным количеством продовольствия и палатками[62].

Поверив ложным сведениям торгующих армян о мнимой слабости горских народов, отряд Бибикова взял направление к Анапе. По мере того, как отряд Бибикова продвигался вперед и углублялся в горы, горцы оказывали отчаянное сопротивление царским войскам. Побуждаемые самим имамом Мансуром закубанские народы все плотнее окружали отряд, сковывая его дальнейшее продвижение вперед. Горцы заходили с тыла, стараясь отрезать сообщение между отдельными частями отряда, а на дорогах устраивали завалы и засеки. Заманивая отряд Бибикова в горы, в то же время на расстоянии 50 верст вперед и на десять верст по сторонам закубанские народы стали жечь свои селения со всеми запасами.

Наконец, после целого ряда боевых столкновений Бибиков 23–24 марта пробился к Анапе, в которой были довольно серьезные турецкие силы. Тем не менее генерал Бибиков предпринял было попытку штурмовать Анапу. Однако 25 и 26 марта поднялась сильная снежная буря, ударили холода, от которых в одну ночь пало до 150 лошадей. В такой обстановке (тем более когда горцы по призыву Мансура все в больших силах собирались в горах над Анапой) Бибиков решил отступить. Во время отступления отряду Бибикова пришлось испытать еще более тяжелые лишения, пройдя с 27 марта по 11 апреля

120 верст. Солдаты питались травою, кореньями и кониною. Одним словом, они с удесятеренной силой пережили все то, что когда-то перенес Мансур со своим отрядом, зимой переваливший Главный Кавказский хребет.

4 мая 1790 г. отряд Бибикова в самом жалком состоянии подошел к русской Линии. Потери отряда Бибикова составили: 233 убитых, 618 человек умерших от болезней и голода, 121 пленных, 23 утонувших и 111 бежавших. Оставшиеся в живых по общему мнению – ни на что более не годились. Барон Розен доносил, что увидел «сих непоколебимых в твердости офицеров и солдат в такой жалости, которая выше всякого описания». Князь Г.А. Потемкин был сильно расстроен неудачей и печальным результатом похода генерала Бибикова. «Сей недостойный офицер, – доносил князь Г.А. Потемкин Екатерине II о Бибикове, – для снискания личной пользы, пренебрег всем и подвергнул гибели людей, из которых каждый поистине дороже его… Расстроил он связь и войска, а намерениям моим положил препону. Сколько сим возгордятся турки? А паче в краю, где все припишется чудесам лжепророка Шейх-Мансура»[63].

В таком состоянии командование Кавказской Линии принял генерал-поручик граф де-Бальмен, прибывший именно тогда, когда турки перешли в наступление, рассчитывая на активную помощь как со стороны закубанских народов, так и кабардинцев. Немалый расчет был и на сторонников имама Мансура, чей авторитет резко возрос после победы над Бибиковым.

Еще раньше, осенью 1789 г., находясь среди закубанцев, имам Мансур установил через торговых людей контакты с киргизско-кайсацкими народами (казахи), жившими в северо-восточной части Каспийского бассейна. В это время они стали получать специальные письма от Мансура, «в которых, между множество лжепророческих и пышных его (Мансура. – Ш.А.) в рассуждении их закона по учении содержится поощрение и внушение киргизскому народу итти вооруженною рукою к Астрахани...».

Парализовав с помощью казахов, находившихся в то время в состоянии военных действий с царскими властями, по р. Урал и Волга военное и экономическое влияние Астрахани, Мансур тем самым намеревался через нее разорвать связи России с Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем и тем самым обессилить могущество царских властей на Кавказе. Между тем, в середине 1790 г. у влиятельных князей и владельцев Кабарды, Дагестана и Кумыкии стали появляться турецкие чиновники с деньгами, подарками и фирманами, в которых они приглашались к совместному выступлению против России[64].

В письмах к горским князьям и духовным лицам указывалось, что в начале весны в города Суджук и Анапа будет отправлено большое число турецких войск с артиллерией, провиантом и денежной казной. В задачу войска будет

входить: «иметь движение к городу Кизляру и сделать приступ». Кроме того, всем кубанским народам и бесленейским жителям также предписано, «собравшись, идти в Кабарду, и соединяясь со оными, и вышеупомянутый город Кизляр атаковать...».

И действительно, командующий турецкими силами в Черкесии видный военачальник Батал-паша, собрав, наконец, 8 тысяч пехоты, 10 тысяч турецкой конницы, до 15 тысяч ополченцев-закубанцев и 30 орудий, двинулся в сентябре на запад в сторону Кабарды.

28 сентября 1790 г. Батал-паша перешел на правый берег Кубани и продолжил свой путь – 29 сентября 1790 г. на р. Тохтамыш он столкнулся с русскими войсками. Пять колонн русских войск двинулись на противника, все они в той или иной мере были безуспешно контратакованы горской конницей. Турки еще не успели втянуться в бой, как одна из русских колонн ворвалась в лагерь и захватила в плен Батал-пашу со всей свитой[65].

Деморализованные столь явным поражением турок черкесы и ногайцы стали приносить присяги и выдавать аманатов.

Между тем, еще 23 августа 1790 г., на Линии стало известно, что «все чеченцы принимая сие за правду (о начале похода Батал-паши), без изъятия готовятся на скопища... и что все их наклонение есть при случае скопища впасть к Кизляру». А через месяц, 27 сентября 1790 г., генерал-майор Савельев сообщает Грызлову о том, что прибывшие из турецкого лагеря 8 человек чеченцев известили своих земляков о приближении турецкого войска к Кубани, поэтому идет собрание «сборищ для впадения в наши селения».

Согласно сведениям, доставленным в это время лазутчиками, «приставленными» к селению Алды, Мансур приезжал на тот момент в Чечню с целью подготовки к войне. Во время сражения 30 сентября 1790 г. русских войск под командованием генерала Германа с турецко-черкесской армией Батал-паши на р. Тохтамыш (близ современного г. Черкесск) имама Мансура здесь не было. Более того, в конце сентября 1790 г. старшина Войска Гребенского Фролов имел сообщение, что «Ушурма из Алды с пятнадцатью человеками из лутших людей отбыл за Тарки к Дженгутайскому Ахмет-хану назад тому уже семь дней для соглашения сделать сборище с тем, чтобы дженгутайцы со своей стороны, а чеченцы – с другой, соединясь, напали на Кизляр...»[66].

Надо полагать, что Мансур перебрался из Анапы в Чечню несколько раньше, чем о нем вновь заговорила царская администрация на Кавказской Линии. Своим приходом в Чечню в середине 1790 г. Мансур, безусловно, действовал в целях успеха похода Батал-паши и достижения главной цели – уничтожения здесь власти и влияния Российской империи. Новый командующий Кавказским корпусом генерал С. Булгаков немедленно потребовал от генерал-майора Савельева, а последний, в свою очередь, от кизлярского

коменданта, разведать, где находится в данное время «возмутитель Ушурма», есть ли «при нем какие скопища». Однако узнав о полном поражении Батал-паши, горский имам из Дагестана ушел в Закавказье и кружным путем вернулся в Черкесию.

На исходе 1790 г. генерала С. Булгакова сменил на посту командующего войсками Кавказского и Кубанского корпусов генерал-аншеф И.В. Гудович. Ему приказано было срочно выехать на Линию и приложить особое усердие к «открытию самой ранней кампании на Анапу, дабы истребить сие гнездо турков, положить навсегда предел беспокойствам, которые Порта, подкупая и подущая закубанцев, в том крае производила»[67].

В конце января 1791 г. генерал И.В. Гудович прибыл на Кавказскую Линию и основательно стал готовиться в поход. Пока шли приготовления, турки прилагали все усилия, чтобы поднять против России мусульманское население края. Шейх Мансур, который находился в это время в Анапе, также рассылал свои воззвания к горским народам, призывая последних к решительной борьбе с царскими властями. «Изъявляю вам искреннее почтение мое, – говорил Мансур, – и советую очистить сердца ваши от пороков и ходить путем истины, по закону Божию. Старайтесь ополчаться против беззаконных и мужественно наносите им вред. Я знаю достоверно, что война русских уже страшит; собираю теперь силы; ожидаю прибытия сюда войск правоверных и, с ними соединясь, предприму наступление на русских. Не бойтесь угроз их. Настало уже время ослабления беззаконных и торжества мусульман».

9 мая 1791 г. генерал И.В. Гудович с 11 батальонами пехоты, 1900 человек егерей, 24 эскадронами кавалерии и 20 орудиями двинулся к Анапе. На соединение с ним шел также отряд генерал-майора Загряжского из Кубанского корпуса. В его отряде насчитывалось 4 батальона пехоты, 20 эскадронов драгун, два донских казачьих полка и 16 орудий полевой артиллерии. 24 мая 1791 г. оба отряда соединились и расположились в восьми переходах от Анапы, у Талызинской переправы через р. Кубань.

Перейдя р. Кубань русские войска оказались на территории Черкесии. Генерал Гудович понимал, что успех экспедиции во многом зависел от того, как себя поведут местные закубанские народы – черкесские племена, населявшие западную часть Северного Кавказа. Поэтому он, как человек предусмотрительный и большой дипломат от природы, отпустил всех пленных и дал знать горским владетелям-князьям (дворянам), жившим вблизи Анапы, что он не собирается поднимать оружие на горцев, а идет с войсками по их земле только с одной целью – бить турок, с которыми Россия находится в состоянии войны[68].

Известно, что к 1791 г. Анапа представляла из себя современную крепость, возведенную с помощью приглашенных французских инженеров. Ее

гарнизон имел 83 орудия и 12 мортир, большей частью крупного калибра. Гарнизон, по несколько преувеличенным данным, состоял из 10 тысяч турецкой пехоты и примерно 15 тысяч крымских татар и горцев. На рейде стояло несколько крупных судов, имевших на борту пушки. Начальником гарнизона был трехбунчужный Мустафа-паша. В Анапе находился сам Мансур, считавшийся в Черкесии святым, который призвал окрестных горцев и ногайцев готовиться к решительной битве. Однако, как указывалось, генерал Гудович всеми средствами постарался во время движения не раздражать горские народы и запретил войскам наносить им какой-либо ущерб. Тем самым он ослабил пропаганду Мансура и турок.

Тем не менее, 9 июня 1791 г., когда царские войска приблизились к Анапе, в четырех верстах от нее они были атакованы несколькими тысячами черкесских войск. Черкесы расположились на высотах и стали оказывать сопротивление переходу русских войск через небольшую горную речку. Однако вскоре сильным артиллерийским огнем восставшие черкесы были выбиты с высот. 19 июня войска пушки Гудовича открыли огонь по крепости, а в ночь на 20 июня бомбовые удары произвели пожары в различных частях города. Пожар продолжался до рассвета, произошли взрывы, сгорело множество домов, в том числе дом самого паши. И.В. Гудович 20 июня в 8 часов отправил письмо паше, в котором предлагал ему сдать Анапу, обещая свободу ее гарнизону и жителям. Хотя Мустафа-паша и готов был принять предложение русских, однако имам Мансур, находившийся в это время в крепости, якобы настаивал на сопротивлении. Вместо ответа на предложение Гудовича турки открыли огонь по русским войскам.

Генеральный штурм Анапы был назначен на 21 июня 1791 г. За полчаса до рассвета штурмовые колонны русских войск пошли на приступ. В это время 8 тысяч закубанцев (горцев) спустились с гор и атаковали с тыла вагенбург (лагерь) царских войск. Однако они раз за разом были отбиты оставленным заслоном из казаков и пехоты[69].

Через некоторое время восставшие горцы вновь пошли в атаку из леса, прикрывшись огнем нескольких легких пушек. Правда, на этот раз они атаковали русские войска в другом месте. Узнав начало такого маневра, генерал-майор Загряжский отправил в штыковую контратаку пехотинцев подполковника Спешнева. После непродолжительного рукопашного боя с царскими войсками горцы вновь отступили в горный лесной массив. После этого восставшие еще не раз выходили из леса и весьма храбро бросались в бой с шашками и кинжалами, но после наступления русской пехоты горцы отступили и на сей раз атака закубанцев была отбита сначала гребенскими и семейными казаками, а затем отрядом генерал-майора Загряжского.

22 июня 1791 г. в 8 часов утра войска генерала И.В. Гудовича штурмом овладели Анапой. Турция потеряла в этом сражении около 8 тыс. человек

(считая и утонувших в море). Кроме того, в этом сражении было взято в плен около 14 тыс. человек. Среди пленных оказались: начальник гарнизона крепости Мустафа-паша, большое число турецких чиновников. Имам Мансур, закрывшись в погребе с 16 своими приверженцами, продолжал отстреливаться, пока генерал-майор Загряжский не послал его предупредить, что в случае дальнейшего сопротивления он взорвет погреб. Мансур вынужден был сдаться царским властям, тем более что генералом И.В. Гудовичем торжественно было заявлено о предоставлении свободы всем пленникам после окончания войны, а Мансуру, кроме того, в соответствии с его званием, – почетный плен и содержание в Петербурге[70].

Рис. 41. Шлиссельбургская крепость (совр. фото)

Вскоре с чрезвычайными предосторожностями и под усиленной охраной из турецкой крепости имам Мансур был доставлен в Петербург. Правда, вместо обещанного почетного содержания он был помещен в одном из казематов Шлиссельбургской крепости, где его допрашивал секретарь «Тайной экспедиции» полковник Шешковский. Правительство Екатерины II смотрело на 30-летнего горца как на опаснейшего политического преступника.

Между тем Мансур вел себя в крепости неспокойно: он просил и даже требовал выполнения обещания генерала И.В. Гудовича об освобождении его как военнопленного, но его просьбы оставались без внимания. «Его пылкая южная натура, – пишет М.Я. Корольков, – не могла мириться с суровыми требованиями крепостного режима, приводившего его в ярость, и в один из дней, в припадке гнева, Мансур ударом ножа убил караульного солдата».

Об этом происшествии немедленно было сообщено Екатерине II и создано особое следствие. 15 октября 1791 г. Мансур, как бунтовщик и важный государственный преступник, секретным рескриптом Екатерины II на имя коменданта Колюбакина был отправлен в Шлиссельбургскую крепость и приговорен к пожизненному заключению в ней «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба Империи»[71].

Мансур находился в страшном заключении до весны 1794 г. Гнет неволи и тоска по родине развили в нем чахотку, и 13 апреля того же года Мансур скончался. Тело его секретно, ночью, без всякого обряда было погребено на Преображенской горе. Так окончил свою героическую жизнь великий шейх и имам Мансур – «предтеча» имамов Чечни и Дагестана.

При изучении причин поражения движения народов Чечни и Северного Кавказа в 1785–1791 гг. необходимо, конечно, учитывать, что восставшим горцам противостояла одна из самых могущественных держав того времени. Самодержавие располагало мощным государственным аппаратом, громадными людскими ресурсами, военачальниками, имевшими за плечами большой опыт ведения войн. Слабо вооруженным горским партизанам и ополченцам противостояли хорошо обученные российские регулярные войска с артиллерией.

Другим обстоятельством, сыгравшим существенную роль в усилении роли России в истории горских народов, было развитие торгово-экономических связей и все более усиливающееся взаимодействие с Россией и русским народом. Новые русские города, казачьи станицы и поселения российских крестьян на Кавказе не могли не воздействовать благоприятно на хозяйственную и культурную жизнь соседних горских обществ и не породить политическую ориентацию на Россию.

Наблюдаемые на Северном Кавказе политическая беспомощность местной элиты, жившей представлениями средневековья, этническая и политическая раздробленность горцев, сравнительная отсталость их хозяйства приводили к тому, что они оказались крайне слабыми и неподготовленными к многолетней упорной борьбе. Имам попытался провести некоторые реформы, направленные на государственное строительство – налоги, организация постоянного войска и т.д. Но акции Мансура были всего лишь первым опытом организации разноплеменных кавказских народов в интересах общей борьбы.

В движении горцев под предводительством Мансура имелись также общие черты с восстаниями Болотникова, Разина и Пугачева (основная сила движения – крестьянские массы, большой размах восстания, обширность охваченной народным движением территории, наиболее активная часть восставших – беднота и т.д.).

В силу объективных причин в борьбе горцев большую роль играла религиозная оболочка. Говоря о роли религиозной оболочки в деле консолидации сил горцев в борьбе с царизмом, в то же время необходимо отметить, что религиозная идеология несколько смещала реальное видение ситуации и приводила к упованиям на чудеса и знамения. Вместе с тем деятельность имама Мансура привела к укреплению позиций ислама на всем Северном Кавказе.

Сам предводитель движения – Мансур – кроме больших организаторских способностей и харизмы религиозного вождя, обладал, видимо, некоторым военным дарованием, что никак нельзя сказать о его ближайших помощниках из числа феодалов. Отмечено, что при нем горцы стали применять некоторые новшества в своих боевых действиях. Например, в одном из сражений с царскими войсками на территории Кабарды повстанцы впервые использовали подвижные щиты на колесах для защиты от артиллерийского огня. Мансур пытался действовать и большими массами горцев в сомкнутом строю, впервые использовал (видимо, в подражание русской тактике) в полевых сражениях с царскими войсками опорный укрепленный лагерь – вагенбург. Он с легкостью и молниеносной быстротой производил перемещение крупных соединений горцев на большие расстояния и мастерски использовал эффект неожиданности.

Как и всякое крупное выступление крестьянских масс, движение горцев конца XVIII в. неизбежно должно было оставить глубокий след в жизни народов Кавказа. Движение горцев значительно усложнило позиции царизма на Северном Кавказе. Царскому командованию пришлось перестроить свою политику, укрепить Кавказскую Линию, создать здесь новые опорные пункты для продвижения в глубь Кавказских гор.

§4. Особенности выстраивания российско-чеченских связей на рубеже XVIII–XIX вв. Воздействие движения имама Мансура

В 1785 г., как известно, учреждается Кавказское наместничество в составе Екатериноградского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и Ставропольского уездов. К этому времени царизм в основном закончил захват большей части Предкавказья, главным образом предкавказской черноземной степи, и начинает устраиваться на новых землях. Идет вакханалия раздач и самовольных захватов земли. Помещики, тем или иным способом добывшие себе участки в покоренном крае, переводят сюда целыми деревнями крепостных.

В результате быстрого продвижения России на Кавказ во второй половине XVIII в. здесь складывалась очень сложная историческая обстановка. «К 80-м гг. XVIII в. царизму приходилось иметь дело с непосредственно граничившими с линией надтеречными чеченцами, кумыками и шамхальством Тарковским и с расположенной дальше, в глубине страны, в горах, основной массой чеченского населения и различными дагестанскими ханствами и обществами»[72].

Для подчинения «многоплеменного» Северного Кавказа Екатерина II использовала широкий спектр средств и методов: политические, дипломатические, экономические. Силовые методы были лишь дополнением к ним. Екатерина II при утверждении России на Северном Кавказе приоритет отдавала все-таки не последним. При подчинении Чечни Петербург решил в первую очередь попытаться использовать политические средства, учитывая предыдущий опыт русско-чеченских взаимоотношений. Тем более, что чеченская сторона постоянно демонстрировала стремление быть в мирных договорных отношениях с Россией. Так, в 1781 г. целый ряд равнинных чеченских обществ подписали соглашения (договоры) о подданстве России, весьма неоднозначно толкуемые в исторической литературе последних 30 лет. В.Б. Виноградов и его соавторы назвали это событие «добровольным вхождением Чечни в состав России»[73].

Однако целый ряд авторов (Е.Н. Кушева. Л.И. Лавров, Я.З. Ахмадов, С.-А. Исаев и др.) уже тогда (в начале 1980-х гг.) не согласились с этой «концепцией». Они считали, что присоединение Чечни к России – это результат Кавказской войны. С.-А. Исаев писал, что «присяги чеченских обществ 1781 г.», как и приносимые ранее начиная с 1588 г. «присяги и обещания являлись лишь политическими заверениями об их (чеченцев. – Ш.Г.) готовности к мирному сосуществованию с соседним казачьим населением и военными властями на Тереке…»[74].

Без сомнения, в 1781 г. в российско-чеченских взаимоотношениях произошло важное событие, наложившее отпечаток на их дальнейшее развитие. Попытаемся хотя бы кратко проанализировать это политическое явление.

В российско-северокавказских взаимоотношениях второй половины XVI – середины XVIII в. присяги и соглашения о «подданстве» горцев России были многократно повторяющимся явлением. В большинстве случаев горские владельцы и общества подписывали эти соглашения под давлением российской администрации, зачастую – после военных походов против них.

Еще в конце 70-х гг. XVIII в. Петербург и его кавказская администрация решили ускорить установление реального российского господства на двух северокавказских территориях, которые чуть ли не с XVI в. считались находящимися в российском подданстве и у населения которых существовала более или менее устойчивая пророссийская политическая ориентация – в Кабарде и Чечне. В Кабарде, опираясь на ее князей, решено было начать создание российской администрации в форме «родовых судов и расправ», а в отношении Чечни возникли планы ее полномасштабного присоединения к России. Основанием для этого служили растущее стремление чеченцев к расширению торговли с русскими и существующая (несмотря на события середины XVIII в.) ориентация чеченцев (особенно равнинных) на Россию.

Если в феодальном мире Северного Кавказа в XVI–XVIII вв. не было устойчивых внешнеполитических предпочтений (они постоянно менялись

между Россией, Турцией и Ираном), то чеченцы в этом плане оказались более последовательными. «Мы не располагаем конкретным планом присоединения Чечни к России, – писал один из современных историков, – но нет сомнения в его наличии – слишком целенаправленно и «формально-юридически» продуманно действовала российская сторона». Реализация плана была возложена на кизлярского коменданта А.М. Куроедова. Таким образом, «инициатива в присоединении Чечни принадлежала России»[75], что само по себе снимает вопрос о «добровольности вхождения» чеченцев в состав России.

Для чеченцев главными стимулами в ориентации на Россию было расширение торговли в российских пределах (крепостях и русских поселениях) и мирное сосуществование с русскими. В XVIII в. для чеченцев не было внешней угрозы. Ни Османская империя, ни Крымское ханство, ни Иран никогда не пытались утвердиться в Чечне. Это объяснялось географическим положением Чечни, расположенной в середине северокавказского региона. Турции и Крымскому ханству, чтобы дойти до Чечни, надо было сперва захватить Кабарду, а наступательный, захватнический порыв иранцев разбивался еще в Дагестане. Так что чеченцы стремились к союзу с Россией не из-за внешней угрозы, а из-за экономических, добрососедских соображений.

В XVIII в. торгово-экономические связи чеченцев с Россией и народами Кавказа значительно окрепли и расширились. Кизляр, Моздок, ряд казачьих станиц и русских поселений на Северном Кавказе превратились к концу XVIII в. в крупные торговые центры, где горцы продавали (обменивали) продукты своего производства на мануфактурные товары, соль, металл и прочие изделия, крайне необходимые в крестьянском хозяйстве и в повседневной жизни. «В истории внешних экономических взаимоотношений XVIII в. предстает этапом выхода населения Чечено-Ингушетии к рынкам Российского государства, а также к торговле со странами Востока. Торговые связи Чечено-Ингушетии с Россией, завязавшиеся еще в XVI–XVII вв., приобретают в это время постоянный характер, отличаются сравнительно возросшей интенсивностью товарообмена и начинают играть в общем внешнем товарообороте Чечено-Ингушетии немаловажную роль»[76].

Царские власти использовали право на торговлю для горцев как одно из средств их подчинения России. Возникновение любой напряженности в русско-чеченских отношениях на протяжении XVIII в. приводило к тому, что чеченцам либо вообще запрещалась торговля в российских пределах, либо для чеченцев устанавливались высокие пошлины. Зачастую товары чеченцев и ингушей не доходили до покупателей из-за произвольно вводимого карантина со стороны местных властей. Поэтому свободная торговля в российских пределах была важнейшим фактором, притягивавшим чеченцев к России.

Судя по документам, переговоры о вступлении ряда чеченских обществ в российское подданство начались в 1780 г. «…А в прошедшем 1780 г. трое-

кратно от старшин присланы были ко мне письма с прошением о принятии их по-прежнему в подданство. Но оказалось, что еще колебались они в своих мыслях. Посему и оставлял их без ответа», – докладывал Куроедов в Петербург Г.А. Потемкину.

После предварительного обсуждения текста «Договора» с чеченской делегацией в Кизляре он был подписан в селении Чечен-Аул. Договор состоял из преамбулы и 11 статей. В преамбуле подчеркивалось, что чеченцы давно уже находились в подданнических отношениях с Россией: «Мы, нижепоименованные большие чеченские и аджиаульские старшины… будучи из древних лет подданными Всероссийскому Престолу, хотя и присягали прежде предкам ЕИВ в верности своей… но, забыв долг клятвенного своего обещания… отступали от должного повиновения… Ныне же, раскаявшись, … выспрашиваем всевысочайшее повеление о принятии всех старшин и народ по-прежнему в вечное подданство». Вскоре к этому «Договору» присоединились старшины еще целого ряда чеченских обществ: чахкеринцы, гехинцы, гермечиковцы, качкалыковцы. Согласно договору, в Чечне сохранялось «внутреннее самоуправление»: «Старшин же в деревнях для исправления общественных дел избирать нам самим беспрепятственно, ково в ту должность удостоим по древним обычаям» (ст. 3). Но в качестве высшей власти в Чечне устанавливалось российское управление: «Владельцев наших почитать и во всем им повиноваться» (ст. 3). Это же подчеркивалось для чеченской стороны и в преамбуле «Договора»: «И ничем постановляемым начальникам и их установлениям противиться не будем»[77]. Речь шла, конечно, о чеченских князьях Турловых, прибывших в Чечню полтора столетия назад и кумыкских князьях, правивших по «найму» в некоторых чеченских аулах северо-восточной части края (Качкалыковское общество).

В конце XVIII в. и официальный Петербург, и кавказская администрация, уверенные в своей силе после ослабления позиций Турции и Ирана на Северном Кавказе (окончательная победа России над этими державами в борьбе за этот регион была уже совершенно явственной после заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г.), не считали уже нужным считаться с интересами и волеизъявлением ни рядовых горцев, ни их феодальной верхушки. «Молодая имперская идеология, набиравшая силы в пору «просвещенного абсолютизма», четко проявилась в «Договоре» о присоединении Чечни: хорошо осознавая унизительность для Чечни передачи ее в управление соседним феодалам, Петербург находил в порядке вещей не церемониться с племенем, «Богом забытым», на Большом Кавказе». Н.И. Покровский назвал события начала 80-х гг. XVIII в. «попытками закабалить чеченцев путем насаждения и укрепления феодалов»[78]. В то же время чеченцы, согласно ст. 9 «Договора» от 1781 г., получали право неограниченной торговли в русских пределах. «…

Позволить нам невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и протчие российские места. И никаких обид не чинить, считать и принимать нас везде так, как вечно и верноподданных»[79]. Ради этого чеченцы соглашались прекратить набеги, выдать аманатов и принять князей-«варягов».

Российская сторона считала, что с подписанием «Договора» 1781 г. вопрос о присоединении Чечни окончательно уже решен. Однако это было далеко не так. Чеченская сторона трактовала этот договор (как и все предыдущие) совсем по-иному. Чеченцы, как и горцы в целом, не воспринимали различные соглашения с Россией как действительное присоединение к ней, с соответствующими последствиями – потерей независимости, установлением царской администрации и российских порядков. Русские власти зачастую понимали «подданство» буквально, что приводило к острым конфликтам, кульминацией которых станет Кавказская война. Когда же русской администрации хватало гибкости и дальновидности, то создавались предпосылки для экономического, политического, культурного и психологического сближения Северного Кавказа с Российской империей[80].

Следует отметить, что вступление большей части равнинных чеченцев в российское подданство не снимало двойственного отношения кавказской администрации к новым подданным и не определяло четко их статус. Как отмечает П.А. Бирюков, «юридический статус принесших присягу оставался довольно расплывчатым. С одной стороны, в официальных документах они считались «верными подданными всероссийскому престолу», с другой – их земли, безусловно, не считались частью Российской империи, а захваченные в боях чеченцы считались пленниками, а не простыми уголовными преступниками»[81].

Российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев России часто носили формальный характер. Русско-чеченский договор 1781 г. не был исключением в этом плане. По мнению А.П. Новосельцева, каждый горский правитель, обращавшийся к России в XVI–XVIII вв., был заинтересован в сохранении своей власти, часть которой он готов был, в силу тех или иных причин, уступить российскому монарху. Но только часть. Обращавшиеся к России горские владетели, старейшины вовсе не были намерены полностью утратить свою независимость, тогда как царское правительство было заинтересовано в полном их подчинении[82].

И все же российско-северокавказские соглашения о подданстве горцев, при всей их непрочности, постепенно подготавливали политическую почву для будущего установления власти России на Кавказе, укрепляли здесь ее позиции. Эти соглашения – особенность кавказской политики России. В отличие от горских владельцев, с XVI в. наладивших относительно регулярный дипломатический обмен с Москвой и Петербургом, посылавших в русскую

столицу свои посольства, которые принимались порой на самом высоком уровне, ни одно посольство афро-азиатских народов не посетило западноевропейскую столицу с ходатайством о принятии их в подданство. Горские же посольства в российской столице дипломатическим путем разрешали немало своих проблем и находили здесь зачастую понимание вплоть до конца XVIII в.

К концу же XVIII в. политическая ситуация на Северном Кавказе изменилась не в пользу горских народов. «Военно-политическая и дипломатическая нейтрализация Порты после войны 1768–1774 гг., уступка Османской империей по Кючук-Кайнарджийскому договору Крыма, Правобережья Кубани и Кабарды, завоевание в 1783 г. Крымского ханства, – эти и другие успехи России на Востоке позволяли считать вопрос присоединения Кавказа к Российской империи делом времени»[83]. Теперь, в конце XVIII в., Россия, уверенная в своей силе, требует от чеченцев полной покорности: выполнять все ее требования – выплачивать ясак, выдавать аманатов, принять в качестве представителей российской власти титулованных феодалов, прекратить набеги не только на российские поселения и крепости, но и на ее горских подданных.

Пятигорский историк, профессор Ю.Ю. Клычников пишет: «Ко второй половине XVIII столетия усилившаяся Российская империя начинает разочаровываться в своих северокавказских вассалах, …постепенно сходят на нет приемы северокавказских владельцев «на высшем уровне», столь часто практикуемые российским правительством в прежние годы. Петербург делает ставку на собственные силы, возводя на кавказском пограничье укрепленные линии и постепенно начиная казачье-крестьянскую колонизацию региона…

Кардинальным образом изменить положение могло социально-экономическое и культурное взаимопроникновение, захватывавшее самые широкие слои общества, а не только преимущественно элиту. Но происходило оно гораздо медленнее, и скорых результатов здесь ожидать не приходилось… Назрела ситуация, которую условно можно охарактеризовать как кризис в отношениях между немалой частью населения Кавказа и Российским государством»[84].

Российско-горский союз, пророссийская ориентация большей части тогдашнего горского общества явились главным фактором в победе России над Османской империей и Ираном в борьбе за Северный Кавказ. Так что «реальный вклад» горцев «в обеспечение безопасности собственной территории и российского пограничья» был огромным. Достаточно вспомнить борьбу дагестанцев с иранскими завоевателями и борьбу кабардинцев и чеченцев с крымскими нашествиями. Но с конца XVIII в. Россия берет курс на превращение северокавказских вассалов-союзников в бесправных и покорных подданных. И задача эта выполняется преимущественно силовыми методами, сводя к минимуму использование политико-экономических средств.

В течение 1781–1782 гг. царская администрация настойчиво добивалась выполнения чеченцами условий «Договора» 1781 г. Как отмечает П.Г. Бутков, «в исходе 1782 г. от всех чеченских селений, кроме Атаги, генерал-поручик Потемкин получил аманатов. И как жители селений Чечни и горячевских изъявили паки желание повиноваться владельцам, коих некогда от себя изгнали, то Потемкин и определил над чеченцами прежних их владельцев…»[85]. В течение этого времени практически прекратились нападения чеченцев на российскую кордонную линию. Однако селение Атаги категорически отказалось выдать аманатов, якобы атагинцы «одни из всех чеченских племен не хотели дать аманатов, – отмечал В.А. Потто, – и собрали значительную партию для нападения на казачьи городки или на мирных чеченцев». Якобы готовившееся нападение атагинцев на казачьи станицы – скорее всего, попытка задним числом оправдать последующий поход в марте 1782 г. русских войск в глубь Чечни. «На атагинцев же, – пишет П.Г. Бутков, – которые предпринимали даже сделать покушение на селения по Тереку и на единомышленных с ними ингуш, послан для предварения их в том военный деташемент»[86].

Так, «политика ласканий», принесшая несомненные успехи, как присяга большинства равнинных селений Чечни на верность России в 1781 г., очень скоро сменилась на «политику силы». Петербург и кавказская администрация не учли, что на Северном Кавказе грубое вмешательство во внутренние дела горских обществ и применение против них силы однозначно вызывает сопротивление горцев. Именно эта неоднократно повторенная политическая ошибка в политике России на Северном Кавказе и приведет к Большой Кавказской войне.

Командующий войсками на Кавказе П.С. Потемкин, внимательно следивший за событиями в Чечне, решил наказать атагинцев в «назидание» остальным чеченцам, чтобы оно стало и предупреждением за возможную в будущем непокорность. «Князь Потемкин Таврический предписал генерал-поручику Потемкину чувствительнейше наказать чеченцев за шалости, ими производимые, особливо за убийства». В начале сентябре 1783 г. большой российский отряд (три батальона пехоты, 12 орудий и 1150 казаков) вновь «взял Атаги штурмом и предал его пламени». При возвращении отряда у Ханкальского ущелья произошел ожесточенный бой с чеченцами, в котором последние потеряли свыше 400 человек только убитыми. Атагинцы были вынуждены принести присягу на «верность» России, выдать аманатов и принять к себе «владельца». В донесении в Петербург наместник сообщал: «… Будучи тронут дерзостями чеченцев и кумыцкого народа, производящего на здешней стороне реки Терека убийства и грабежи, принудил силою оружия князей их, старшин и народ учинить… в верноподданстве присягу и взял от них аманатов». Как видно на примере атагинцев, присяги чеченцев о «верноподданстве» России не всегда принимались «добровольно».

Кроме Атагов, царские войска уничтожили селения Гойты, Рошни, Гехи, Алды. Были возвращены и некоторые феодалы-управители. Чечня была настолько ослаблена этими карательными походами, что «целый год прошел после того довольно спокойно»[87].

Но обманчивость этого спокойствия понял теперь и П.С. Потемкин. Как понял и то, что с помощью феодалов-«варягов» управлять Чечней не удастся. И тогда в 1784 г., накануне большого восстания в Чечне под руководством шейха Мансура, П.С. Потемкин в донесении в Петербург (князю Григорию Потемкину-Таврическому) выдвинет предложение, которое позже станет «сердцевиной» плана А.П. Ермолова по покорению Чечни: «Чеченцы, – писал П.С. Потемкин, – такой народ, который по зверским своим наклонностям никогда не бывает в покое и при всяком удобном случае возобновляет наглые противности, не взирая даже на своих аманатов. Унять их от сих поступков не остается иных средств, как только или **истребить их совершенно, жертвуя немалую часть своих войск, либо отнять у них все плоские места, толико нужные им для скотоводства и хлебопашества»** (выделено нами. – Ш.Г.). Т.е. два варианта решения «чеченской проблемы», предложенные главой кавказской администрации на Северном Кавказе – это геноцид и/или депортация чеченцев. Екатерина II **в ответ на предельные жесткие предложения П.С. Потемкина** даст указание кавказской администрации: «Не одною силою оружия надлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие и имеющие надежныя в оных от войск наших убежища, но паче правосудием и справедливостью смягчать и выигрывать сердца и приучаться более обращаться к русским»[88].

Основанием в 1784 г. крепости Владикавказ в основном завершается строительство Кавказской военной линии – сплошной цепи крепостей, военных укреплений-редутов и казачьих станиц, протянувшихся от Каспийского моря (Кизляра) до Азовского и Черного морей. Строительство линии нарушило сложившиеся веками традиционные пути перегона скота с гор на зимние пастбища. Горцы понимали, какой угрозой для них была Кавказская линия, ее систематическое продвижение к Главному Кавказскому хребту. Вот почему к концу XVIII в. недовольством российской политикой, и прежде всего ее колонизационной политикой, было охвачено большинство горцев Северного Кавказа. Н.И. Покровский считает, что с этого времени чеченцы, «действовавшие почти вне связи с народами Центрального Кавказа, оказались перед возможностью более широкого выступления»[89].

Карательные экспедиции царских войск, попытка насаждения в Чечне колониальных порядков, строительство Кавказской линии вызвали мощное восстание горцев под руководством пастуха Ушурмы (Мансура) из чеченского селения Алды в 1785 г. Н.И. Покровский считал, что основная причина этого восстания – «попытка насадить в Чечне феодалов, предпринятая ца-

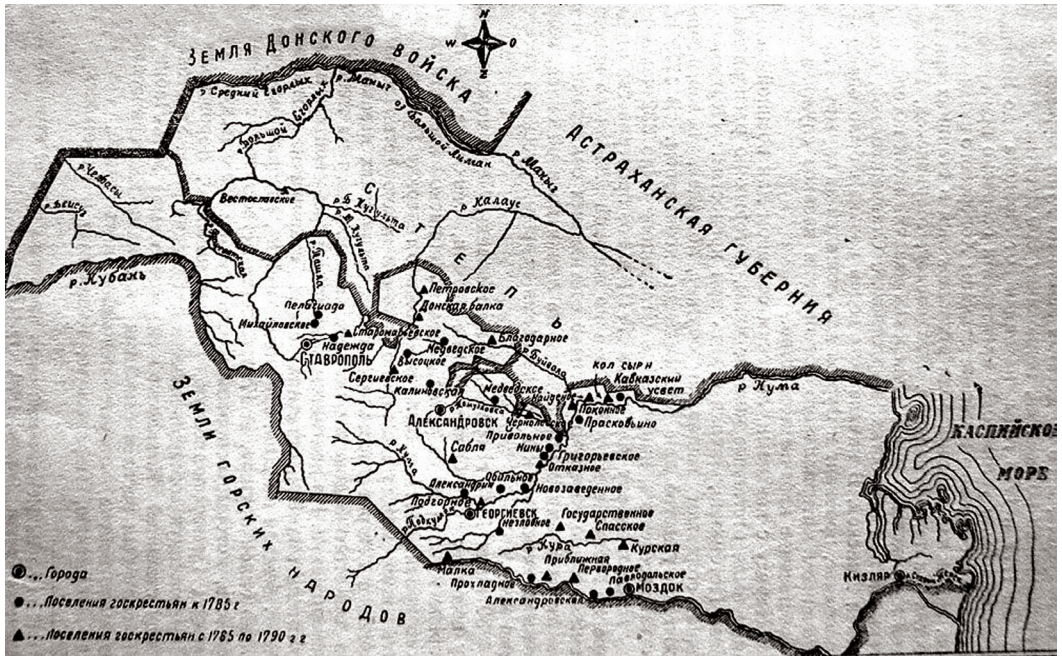

Рис. 42. Заселение горских и ногайских земель до 1790 г. (карта Кавказской области)

ризмом вместе с начинающимся колониальным закабалением чеченцев. … По широте распространения оно почти не имело себе равных»[90]. Восстание горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура объективно исследовано в трудах Ш.Б. Ахмадова, в т.ч. и в настоящей «Истории…», поэтому здесь будут отмечены некоторые общие и частные моменты из истории этого движения.

Большинство народно-освободительных, антиколониальных движений в странах Востока проходило под религиозными лозунгами, поскольку только религия могла в тех условиях выступать как объединяющая и мобилизующая сила. Возглавляли эти движения, как правило, богословы, начинавшие свою деятельность в качестве проповедников, призывавших народ к нравственному очищению. В XIX в. это Дипонегеро в Индонезии, Абд-аль-Кадыр Алжирский, дагестанские имамы, Мухаммед Ахмед (Махди) Суданский и т.д. Но первым в этом ряду был Ушурма Алдинский (шейх Мансур). Я. Гордин отмечает, что шейх Мансур «попытался объединить горские племена для борьбы с наступающей империей (т.е. с Россией. – Ш.Г.) и создать подобие теократического государства. Во многом Мансур был предшественником имамов XIX в. – Кази-муллы, Гамзат-бека и Шамиля»[91].

Уже с XIX в. вокруг личности и деятельности Мансура шли споры и складывались целые легенды. Не было единства мнений даже о его происхожде-

нии. То он оренбургский татарин, то он итальянец Джованни Боэтти, и лишь в последнюю очередь – чеченец из с. Алды. А уже в сталинское время, когда страна была больной шпиономанией, Мансура объявили турецким агентом и эмиссаром. Изданный в 2007 г. коллективный научный труд «Северный Кавказ в составе Российской империи» рассказывает: «К концу XVIII в. движение за очищение ислама и джихад против России перекинулось в Центральный, а затем и на Северо-Западный Кавказ. Во главе его здесь тоже встали склонявшиеся к суфизму отдельные представители местной мусульманской духовной элиты, известные антироссийскими и проосманскими симпатиями. Среди них выделялся пастух Ушурма (Мансур, ум. 1794?) из чеченского селения Алды. Он учился в Дагестане, где вступил в братство Накшбандия, и затем, по непроверенным данным, в 1783 г. стал его шейхом. Вокруг него собирались недовольные русским засильем чеченцы, дагестанцы и кабардинцы.

…Рассчитывая на помощь турок, Ушурма стремился захватить Азово-Моздокскую военную линию, овладеть Военно-Грузинской дорогой через Осетию и Кавказский хребет и выбить русских с Северного Кавказа. Накануне очередной русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Большая и Малая Кабарда отложились от России и послали свои отряды Мансуру. Летом 1785 г. его армия осадила Кизляр, но была разбита»[92].

Мансур никогда не принадлежал к «местной мусульманской духовной элите». До его ухода в Закубанье в 1786 г. ни в каких «проосманских симпатиях» он замечен не был (во всяком случае, в источниках это не отражено). А вопрос о том был ли Мансур официально шейхом братства Накшбандия остается открытым, хотя судя по всему он разделял некие суфийские правила. В советские времена Мансура не раз и совершенно необоснованно и несправедливо обвиняли в том, что возглавленное им движение носило якобы антирусский характер. Антирусских мотивов нет ни в одной из проповедей Мансура. Он призывал лишь к борьбе за свободу, к борьбе против царских властей, которые в конце XVIII в. пытались насильственными методами установить в крае свое господство. Именно поэтому Н.И. Покровский подчеркивал, что в проповедях Мансура «нет ни национальной вражды, ни национальной исключительности, и для своего времени на Кавказе это – редкость»[93].

Социальная программа Мансура была крайне расплывчатой и в ней трудно проследить четко и ясно оформленные антифеодальные лозунги, не говоря уже об антифеодальных действиях. Более того, в восстании Мансура активное участие приняли ряд дагестанских и кабардинских феодалов. Когда Мансур появился в Кабарде, «недовольные своими владельцами уздени и простой народ с радостью приняли предложение Мансура, надеясь при его посредстве избавиться от деспотического правления своих князей». Однако «имам обратился не к простому народу Кабарды. Он остановился у одного

из князей – Дола и приглашал к себе князей и владельцев, многие из которых пошли на его зов. В переписке и в сотрудничестве с Мансуром отмечены многие феодалы Дагестана, особенно кумыкские. «Стремясь к наибольшему накоплению сил, Мансур блокировался с кабардинскими, кумыкскими и дагестанскими владетелями. А эти последние, рассчитывая получить в результате победы имама политическую независимость при сохранении в полном объеме возможностей эксплуатации своих «подвластных», выступили против царизма, прикрываясь, впрочем, фиговым листком верноподданнических писем и недостоверных оправданий»[94].

Итак, основной мотив в движении горцев конца XVIII в. под руководством Мансура – борьба за свободу, сохранение независимости, укрепление пуританского ислама. В конце октября 1785 г. с остатками чеченского и кумыкского ополчения Мансур перешел в Кабарду и в дальнейшем продолжал борьбу с Россией среди адыгов и черкесов, пока не попал в плен к русским войскам в 1791 г. при штурме Анапы.

Из поражения восстания Мансура определенные выводы сделали и чеченская, и российская стороны. Чеченцы в 1785–1786 гг. полностью изгнали своих феодалов (российская администрация, напуганная восстанием, не стала настаивать на их возвращении в Чечню), но повторно принесли присяги и выдали аманатов (изгнанные князья поселились по правому берегу Терека). К концу XVIII в. большая часть чеченских аулов и обществ, проживающих по Тереку и Сунже, формально вступили в подданство России. Приблизительную картину об этом дает и рапорт кавказского наместника П.С. Потемкина князю Г.А. Потемкину от января 1786 г.: «Из давних времен положено с разных народов сопредельных, которые ныне уже подданные суть престолу Е.И.В., брать аманатов. И брались оные без всякого положения и случайно, по обстоятельствам… Я нахожу нужным, чтоб брать аманатов владельческой фамилии по одному владельческому сыну и двух узденей, а с деревень, которые владельцам не повинуются по одному из старшинских детей. …Здесь подношу вашей светлости роспись, сколько потребно аманатов[95].

Официальный Петербург и кавказская администрация, встретив упорное сопротивление чеченцев насаждению российской власти насильственным путем, вновь в определенной степени вернулись к «политике ласканий». В 1786 г. Г.А. Потемкин разработал «Положение о горских народах», утвержденное вскоре и Екатериной II. Оно предусматривало совсем иной способ присоединения Северного Кавказа к России, чем те методы, которые применяла на практике кавказская администрация. Оно предполагало постепенное превращение горцев в военно-служилое сословие по образцу казачьего войска с теми же функциями. Это, по замыслу автора, открыло бы им путь «к славе, чести и почестям» и, в конечном итоге, к слиянию с империей. Предусматривалось избавление горцев от земельной тесноты путем предоставления им равнинных территорий. Одним из основных принципов программы Г.А. Потемкина провозглашалось уважительное отношение к местному населению, пробуждение симпатий к России («не допускать своевольства», «ловить сердца и привязывать к себе»). Разумеется, в этой программе много утопичного, порожденного, скорее всего, плохим знанием реальной обстановки на Северном Кавказе. Но тут важнее другое – тенденция в кавказской политике Петербурга решать вопросы присоединения горцев Северного Кавказа мирным путем.

Своеобразным продолжением этой тенденции явились инструкции Екатерины II графу Валериану Зубову в 1796 г., перед началом Персидского похода: «Не заниматься покорением народов, оружием неукротимых и от сотворения мира не признававших ничьей власти; неважные грабежи их презирать, против коих полезнее умножать собственные предосторожности и оными наказывать дерзающих, чем отмщать целому народу за грабежи нескольких хищников и возбудить против себя взаимно отмщение целого народа, а трудными походами в ущельях терять людей напрасно, тратить время и одерживать победы бесполезные»[96].

Павел I, вступивший на российский престол в ноябре 1796 г., первостепенное значение отдавал активности России на Западе (борьба с Французской революцией, сохранение результатов раздела Польши, выполнение союзнических обязательств). В отношении восточных дел он провозгласил «миролюбивую» политику и прекратил здесь всякую наступательную активность. Вместо ставленника Екатерины II П.С. Потемкина, сторонника жестких мер в отношении горцев, новым наместником Кавказа был назначен генерал Гудович. Основы своей кавказской политики Павел I изложил в январе 1797 г. в рескрипте Гудовичу: «Мы всему предпочитаем безопасность наших пределов и спокойствие подданных наших и потому в ожидании, покуда время и обстоятельства воспособствуют подробную на тамошний край устроить систему, находим за нужное предначертать для вас следующие правила:

Первое. Относительно собственных наших границ. Мы почитаем, существенно выгоднейшим, чтобы линия их наблюдаема была от устья реки Кубани, восходя вверх ее и потом ближайше и удобнейше, выводя оную на реку Терек до Кизляра и т.д., сию линию содержать в таком исправном и почтительном состоянии, чтобы она не только оберегала пределы наши, но и обуздывала впереди ее обитающие разные дикие народы»[97]. Среди этих «диких народов», «обитающих за пределами нашими», оказываются в результате этих указаний царя кабардинцы (считавшиеся в подданстве России с середины XVI в. и де-юре присоединенные по Кючук-Кайнарджийскому договору), ингуши (присоединенные в 1770 г.), осетины (1774 г.), чеченцы (конец

XVIII в.). И это при том, что в Кабарде, как на принадлежащей России территории, в 1769 г. введено приставство, а с 1793 г. вводится российская судебная система. В Чечню и Кабарду регулярно направлялись военные экспедиции в наказание за «нарушение» подданнических отношений.

Второй пункт этого рескрипта Павла I, противореча первому, указывает на необходимость создания для этих «диких народов» зачатков российской администрации в виде приставств: «Народы горские всякого рода, к сей линии прилеглые или подручные, удерживать в кротости и повиновении… для обеспечения же себе в верности их, содержать при вас или в ближних губернских городах, от них аманатов, а при них имея приставов, которые ласкою могли бы удержать в них приверженность к России». Приставами назначались строевые офицеры действующей армии, подчинявшиеся командующему на Кавказской линии. К концу XVIII – началу XIX в. было создано около 20 приставских управлений, в том числе приставства «Урусбиевского, Хуламского, Чегемского и балкарского народов», «Мало-Кабардинское», «Кумыкское», «Назрановского народа», «Карабулаков и чеченцев», «Надтеречных чеченцев и брагунского народа». В числе этих приставств не было дагестанских, за исключением кумыкского, поскольку они создавались только для народов, считавшихся формально присоединенными к России, «для присмотра за поведением» местного населения и исполнением им «распоряжений правительства»[98].

Позже, в другом рескрипте к Гудовичу Павел I запретит походы российских войск на земли горцев, с целью «отвратить всякие поводы к ссорам с соседственными народами и к взаимным с их стороны набегам». В то же время в ноябре 1799 г. в рескрипте к наместнику Кнорринг (сменившему Гудовича) император указывает: «Атаману Гребенского войска майору Зачетову объявить Монаршее благоволение за баранту, сделанную чеченцам». Более того, в 1800 г. Павел I вообще снял все ограничения на производство набегов против горцев и разрешил «репрессалию»[99]. Таким образом, и при Павле I у царского правительства нет четкого отношения к тем горским народам, которые подписали соглашения с Россией о подданстве. Двойственная политика в их отношении по-прежнему сохраняется.

Особенностью российской колониальной политики на Кавказе было и то, что власти требовали от горцев при подписании каждой присяги верности выдачи аманатов (заложников) из наиболее уважаемых и знатных горских семейств. Аманатов вынуждены были давать практически все горские народы, принимавшие российское подданство. Как отмечает В.С. Гальцев, горцы «обязаны были в знак сохранения присяги посылать в города и крепости Кавказской линии десятки аманатов. Участь аманатов была ужасной». Н.А. Тавакалян также писал, что русские власти держали аманатов «в положении жал-

ких, бесправных рабов». Образную картину положения аманатов в русских крепостях дал А.С. Пушкин, наблюдавший за ними во время своей поездки на Кавказ в 1829 г.: «В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие, и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки»[100].

Социальные верхи чеченцев пытались уклониться от выдачи в аманаты своих детей и взвалить эту повинность на рядовых горцев. Но чеченская масса всегда противилась выдаче аманатов. Как отмечал Р.Ф. Розен, «не было примера, чтобы нахождение аманатов в руках правительства удержало в каком-либо неприязненном предприятии народ сей. …Присяга и аманаты суть весьма слабые залоги верности чеченцев»[101]. Институт аманатства, только обостряя российско-чеченские отношения, никак не способствовал удержанию горцев в покорности. В случае нарушения горцами присяги верности аманатов в доермоловский период не казнили: их либо отсылали назад, домой, либо отправляли в крепости в глубь России, где отдавали в солдаты.

Особенностью кавказской политики России было и то, что представители кавказской администрации далеко не всегда следовали указаниям из Петербурга. Вопреки провозглашенной Павлом I «миролюбивой» политике в отношении горцев, командующий войсками на Кавказской линии генерал-майор Мейер в 1797 г. составил «Руководство к успешному предприятию против чеченцев», в котором доказывал, что российского господства в Чечне «иначе нельзя достигнуть, как или выводом знатной части чеченцев на правый берег Терека, или переселением в Сибирь, или совершенным истреблением оных, дабы образцовою таковою, но справедливою местию устрашить и все прочие народы»[102]. Крайняя непоследовательность официального Петербурга и кавказской администрации в своей политике в отношении Чечни не могла дать положительных результатов.

С 80-х гг. XVIII в. и до 1807 г. чеченцы практически не давали присяг на верность России, но с 1807 г. в равнинной Чечне начинаются попытки установления административной власти России в форме приставств. Основанием для всех этих действий царских властей в Чечне явились российско-чеченские политические соглашения 1781–1783 гг. и широкое народное движение под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг.

Таким образом, с начала 80-х гг. XVIII в. Россия, используя различные средства (и политические, и насильственные), стремится установить свою власть над Чечней, придавая этому исключительно важное значение в плане утверждения российского господства на всем Северном Кавказе. Именно в Чечне проходили своеобразное испытание различные методы и средства, которые царские власти начнут активно использовать с начала XIX в. для полного покорения всех горских народов Северного Кавказа.

Нельзя не учитывать и международный аспект движения Мансура, совпавшего по времени с французской буржуазной революцией (1789–1799 гг.), русско-турецкой войной (1787–1791 гг.) и шедшей одновременно с русско-турецкой – войной со Швецией (1788–1790 гг.). Россия была вынуждена серьезно корректировать свои внешнеполитические действия в связи с новой «пугачевщиной» на Северном Кавказе. Только после завершения движения имама Мансура и русско-турецкой войны центр тяжести внешней политики России был перенесен вновь на Запад. Российская империя в союзе с Англией и Австрией оказалась вовлеченной в борьбу с революционной Францией; много сил у царизма отнимали и польские события (восстание Т. Костюшко – 1794 г.).

Столь же серьезным было воздействие данного движения и на политику собственно Османской империи на Кавказе и в отношении России. В конце XVIII – начале XIX вв. на Кавказе произошли крупные события, оказавшие серьезное воздействие на политическую ситуацию в регионе: это вторжение иранского шаха Ага-Мухаммеда в Закавказье (1795 г.), крупный поход русских войск в Дагестан и Азербайджан (1796 г.), завершение строительства Кавказской военной линии (80–90-е гг. XVIII в.) на Северо-Западном Кавказе, официальное присоединение Восточной Грузии к России (манифест Павла Первого от 1 января 1801 г. – 22 декабря 1800 г. по старому стилю) и, спорадические восстания северокавказских народов в течение 90-х гг. XVIII в.

Взгляды государственных деятелей России, в связи с отсутствием «покорности» горцев (несмотря на вековые военные усилия), которые оказались к тому же способными на крупные военные действия и определенную степень организации под руководством шейха и имама Мансура, претерпевали определенную эволюцию. На первый план выдвигается пока еще гипотетическая идея создания некоего федеративного кавказского государства, дружественного России. Эта мысль о мирном «приращении» горских народов к России была выражена в официальном документе «Положение о горских народах», одобренном Екатериной II, и получила своеобразное дальнейшее развитие в рескриптах ее наследника Павла Первого от 1797 г., полагавшего возможность создания из множества местных народов «федеративного» кавказского государства под его верховным протекторатом.

---

[1] Рапорт коменданта Согуджака от 5 сентября 1785. Документ № 1011 из турецких архивов // Беннигсен Ал. «Священная война» шейха Мансура на Кавказе в 1785–1791 гг. Малоизвестный период и сотрудничество в русско-турецких отношениях. Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР. Ф. 1, ед. хр. 469-а. С. 159–205.

[2] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. II. СПб., 1886. С. 105.

[3] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 29–29 об., 30.

[4] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 6. Л. 31, 37.

[5] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 6. Л. 35–35 об., 38–38 об.

[6] Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северокавказского педагогического института. Орджоникидзе, 1932. С. 111.

[7] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 28, 32, 60.

[8] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. I. Л. 17 об.; Там же. Д. 350. Ч. 7. Л. 28, 60.

[9] Дубровин Н. Указ. соч. Т.II. С. 106.

[10] Б.В. Скитский. Указ. соч. С. 110.

[11] См.: Дубровин Н. Указ. соч. Т. II. С. 107; Скитский Б.В. Указ. соч. С. 107, 109.

[12] Скитский Б.В. Указ. соч. С. 107.

[13] Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2. Л. 65, 67 (Рукопись проф. Б.В. Скитского. К вопросу об истории крестьянских движений у горцев Кавказа во 2-й половине XVIII в. 1950).

[14] Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Ф. 37. Св. 286. Закл. 9; Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура... С. 110.

[15] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 52, 60, 61–61 об.

[16] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 63 об.

[17] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 106.

[18] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 7. Л. 60–60 об.

[19] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 8. Л. 3; Там же. Ч. 11. Л. 11–11 об.; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 111–112.

[20] См.: Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950. С. 21–22; Беннигсен Ал. Указ. соч. С. 159–205.

[21] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л. 39; Там же. Ч. 8. Л. 4–4 об.; Архив Чеченского государственного краеведческого музея (ЧИРКМ). Оп. 2. Св. 3. П. 7. Л. 7, 14–15.

[22] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 8. Л. 8 об.

[23] Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 170–171.

[24] СМ.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350; Там же. Ч. 8. Л. 10; Там же. Ч. 9. Л. 24 об.; Там же. Ч. 11. Л. 5–5 об., 39, 41–41 об.

[25] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 8. Л. 10–10 об.; Там же. Ч. 9. Л. 28–28 об.; Там же. Ч. 11. Л. 6, 38.

[26] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л. 90; Архив ЧИРКМ. Оп. 2. Св. 3. П. 7. Л. 18.

[27] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л. 93–93 об., 94–94об; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 118.

[28] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л. 137–137 об.; Там же. Ч. 10. Л. 37, 42, 60–60 об.

[29] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 9. Л. 122, 136; Там же. Ч. 11. Л. 4; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 121–122.

[30] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 10. Л. 56–57; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 123–124.

[31] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 127–129.

[32] Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2. Св. 286. Зап. 2 (Рукопись проф. Б.В. Скитского. К вопросу об истории крестьянских движений у горцев Кавказа во 2-й половине XVIII в. 1950).

[33] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 130.

[34] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 350. Ч. 11. Л. 52.

[35] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 132.

[36] Там же. С. 135.

[37] Там же. С. 223.

[38] Там же. С. 225

[39] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/19. Д. 365. Л. 244–244 об.; ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2635. Ч. 2. Л. 407.

[40] См.: ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2635. Ч. 2. Л. 73, 106; Юдин П. Лжепророк Ушурма – Ших-Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе)... С. 217, 224; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988. С. 455.

[41] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. I. Л. 15, 45, 80.

[42] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. I. Л. 7, 80–80 об.; Там же. Д. 366. Ч. 2. Л. 17, 31, 275–275 об.

[43] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 2. Л. 240; Сборник Императорского русского исторического общества (ИРИО). Т. 47. СПб., 1885. С. 179–181.

[44] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 4. Л. 9, 26, 42, 44, 45–45 об., 82, 83–83 об., 89, 97; См.: Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 49–50.

[45] Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 51.

[46] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. Ч. I. Л. 7, 12, 97.

[47] См.: Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Известия арабоязычных документов XV–XVIII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX вв.) Грозный, 1982. С. 47, 50–51; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. (Архивный источник о миссии представителя российских властей в Карабулаке) // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Грозный, 1989. С. 48–49.

[48] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 234

[49] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/394. Д. 416. Л. 350; Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 54.

[50] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/394. Д. 416. Л. 350; Смирнов Н.А. Указ. соч. С. 54–55.

[51] См.: Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 103; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 86–87, 143.

[52] Zinkeisen Z.W. Geschichte des Osmanischen Reichen Europa. T. 6. Iotha, 1859. S. 530–531, 533–534; Diez, Depeschen vom 10, und 25. November, 1785.

[53] См.: Беннигсен Ал. Указ. соч. С. 159–205; Сборник ИРИО. Т. 47. С. 179–181; Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. С. 45.

[54] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 234–236; Скитский. Б.В. Указ. соч. С. 114.

[55] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. Ч. 2. Л. 16, 33–33 об.; Беннигсен Ал. Народное движение на Кавказе в XVIII в. Священная война шейха Мансура 1785–1791 гг. С. 159–205.

[56] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. Ч. 2. Л. 9 об. 14 об.–15, 81–81 об.; Беннигсен Ал. Указ. соч. С. 159–205 (Рапорт посланца в Государственный Совет Турции от губернатора Чилдира Сулеймана-Паши в 1787 г.); Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 245–246.

[57] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. Ч. 2. Л. 80, 81–81 об., 82 об.–83; Там же. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 461. Ч. 2. Л. 496 об.; Д. 477. Л. 14 об., 15; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. II. С. 245–246, 253.

[58] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 417. Л. 33–33 об., 34–34 об., 34; Там же. Д. 467. Л. 34–34 об.; Там же. Д. 461. Ч. 3. Л. 537–538; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 253.

[59] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 417. Л. 87.

[60] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Ч. 2. Л. 4, 29–29 об.; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов. Т. II. М., 1957. С. 368.

[61] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 481. Ч. 2. Л. 64, 194 об.–195; Там же. Д. 483. Л. 32 об., 122; Кабардино-русские отношения… Т. 2. М., 1957. С. 371.

[62] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Ф. 465. Д. 8. Л. 14; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 255–257.

[63] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 262–264.

[64] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 563. Л. 8; Там же. Ф. 52. Д. 567. Л. 11 об., 13.

[65] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 563. Л. 104; Там же. Д. 566. Л. 7; Там же. Д. 567. Л. 2–2 об., 3–3 об.; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 265–268.

[66] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Д. 2578. Л. 12, 49.

[67] Там же. Л. 63.

[68] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 269–270.

[69] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 417. Л. 17–17 об.; Там же. Д. 483. Л. 21 об., 22; Там же. Д. 485. Л. 9–9 об.; Шишов А.В. Схватка за Кавказ (XVI–XXI вв.). М., 2007. С. 236–237, 246.

[70] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 275; Корольков М.Я. Шейх Мансур Анапский. Эпизод из первых лет завоевания Кавказа // Русская Старина. № 5. 1914, С. 414–415.

[71] См.: Корольков М.Я. Указ. соч. С. 416–417; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе… С. 160.

[72] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 197.

[73] Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд., 1980.

[74] Исаев С.-А. Аграрная политика царизма в плоскостной 50–60-х гг. XIX в. // ЧИНИИИЯЛ. Известия. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 6–7.

[75] Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути цивилизации. М., 2004. С. 88.

[76] Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 70.

[77] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д 243. Л. 2–3, 4–5; Там же. Д. 286. Л. 22–23.

[78] См.: Блиев М.М. Указ. соч. С. 91; Покровский Н.И. Указ. соч. С. 120.

[79] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 243. Л. 6.

[80] См.: Гапуров Ш.А. Роль мирных соглашений в российско-северокавказских взаимоотношениях в XVIII в. // Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С. 39; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. История и современность. М., 2003. С. 18.

[81] Бирюков П.А. Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX в. // Вопросы истории. №2. 1998. С. 52.

[82] Новосельцев А.П. Правдиво отображать историю взаимоотношений народов нашей страны // Вопросы истории. №5. 1989. С. 55.

[83] Магомедханов М.М. Век России (к изучению национально-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни во второй четверти XIX в. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 240.

[84] Клычников Ю.Ю. Складывание русско-северокавказского единства и проблема «Кавказской войны»: оценки и суждения // Чеченцы в сообществе народов России. Назрань, 2008. С. 60.

[85] См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб., 1869. С. 515; Блиев М.М. Указ. соч. С. 91.

[86] См.: Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801). Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 291; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 110.

[87] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 416. Ч. 1. Л. 42; Архив РАН. Ф. 100. Оп. 1. Д. 195/6. Л. 57; Бутков П.Г. Указ. соч. С. 112; Потто В.А. Указ. соч. С. 292–294; Блиев М.М. Указ. соч. С. 92, 98.

[88] См.: АКАК. Т. 11. Тифлис, 1888. С. 1123; Потто В.А. Указ. соч. С. 294.

[89] См.: Покровский Н.И. Указ. соч. С. 120; Тотоев М.С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия СОНИИ. Т. XII. Дзауджикау, 1948. С. 155; Гальцев В.С. Кавказская линия и терское казачество к началу XIX в. // Известия Северо-Осетинского НИИ экономики, языка, истории и литературы. Т. IX. Орджоникидзе, 1940. С. 99; Его же: Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия СОНИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957. С. 100–102.

[90] Покровский Н.И. Указ. соч. С. 205, 215.

[91] Гордин Я. Россия на Кавказе: поиски решения // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. СПб., 2005.

[92] Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. С. 97.

[93] Покровский Н.И. Указ. соч. С. 212.

[94] См.: Покровский Н.И. Указ. соч. С. 120, 128, 213–215; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 107; Потто В.А. Указ. соч. С. 300.

[95] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Л. 13–14 об.

[96] Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 274.

[97] Дубровин Н.Ф. Георгий XII – последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб., 1871. С. 41.

[98] См.: АКАК. Т. 12. Тифлис, 1904. С. 645–646; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 41.

[99] См.: Короленко П.П. Черноморские казаки. Исторический очерк политической и общественной их жизни с 1775 по 1842 г. СПб., 1877. С. 40; Потто В.А. Кавказская война Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. СПб., 1887. С. 371.

[100] Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. IV. М., 1936. С 567; Гальцев В.С. Указ. соч. С. 101; Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 101.

[101] Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 283, 287.

[102] АВПРИ. Ф. 115. Оп. 1. 1795–1797. Д. 15. Л. 12.

Глава XI. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЧЕЧНИ С НАРОДАМИ КАВКАЗА И РОССИИ В XVI–XVIII ВВ.

§1. Переселение на Терек русских, ногайцев, армян, грузин и других народов

В различные периоды на Северный Кавказ мигрировали представители многих народов и народностей. Это русские и украинцы, армяне и грузины, народы Дагестана, ногайцы и др. Как известно, время, причины и характер миграции этих народов на Северный Кавказ были различны. Различают два типа миграции населения: первое – стихийные миграции, при которых переселялись в большинстве своем небольшие по своей численности семьи, группы или одиночки; и второе – переселения, официально организованные и направляемые самим государством. Говоря о причинах миграционных движений различных народов в пределы Северного Кавказа и на берега Терека, следует отметить, что все они по своей сути имели общий ярко выраженный социально-экономический и политический характер[1].

Часть русского населения, называемая в источниках второй половины XVI в. волжскими, терскими, а позже и гребенскими «вольными» казаками, селилась небольшими группами в укреплениях-городках по берегам Терека в нижнем течении. Считается, что ранее других образовались два казачьих городка – Червленный (1567 г.) и Щедринский (1569 г.). Первоначально казаки занимались грабежами, рыболовством и охотой, а иногда группами промышляли на лодках по Каспийскому морю (пиратство). Земледелием казаки стали заниматься несколько позже[2].

Тогда же начинают устанавливаться первые добрососедские и дружественные связи между чеченцами и терско-гребенскими казаками. Часть их поселялась на возвышенностях между Тереком и Сунжей – на «гребнях» в соседстве с чеченцами. Великий русский писатель Л.Н. Толстой, много лет живший среди гребенских казаков и хорошо знавший чеченцев, в повести «Казаки» писал: «Очень, очень давно предки их (казаков. – Ш.А.) бежали из России и поселились за Тереком между чеченцами. Живя между чеченцами, казаки породнились с ними, усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев…»[3].

В середине XVII в. начиная от урочища Моздока и далее вниз по р. Терек известны городки русских казаков – Ищерский, Наурский, Червленный, Оскин, Щадрин, Яковлев и др. В 1711 г. указом Сената Российской империи все гребенские «городки» сводятся в 5 станиц на левом берегу р. Терек. В 1723 г. по указу Петра Первого здесь поселяют 500 семей донских казаков для пополнения Гребенского войска, потерявшего полностью 5-сотенный

состав в Хивинском походе Александра Бековича-Черкасского. В 1735 г. на Терек в район Кизляра (в станицы Каргалинская, Бороздинская, Дубовская) была переведена новая партия тех же донских казаков, поселенная было ранее при Петре под крепостью Святой Крест на Сулаке. В 70-е гг. XVIII в. на территории между станицей Червленная Терско-Гребенского войска и крепостью Моздок по Тереку были поселены еще 517 семей волжских и донских казаков (станицы Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская, Калиновская и др.)[4].

Кроме казачьих поселений, на Северном Кавказе во второй половине XVIII в. создавались села государственных крестьян, нередко поселявшихся одновременно с казаками. Так, в 80-е гг. XVIII в., здесь единовременно поселили около 4-х тысяч «экономических крестьян-однодворцев», преимущественно из Курского, а также Тамбовского и Воронежского наместничеств-губерний[5].

Рис. 43. Карта низовьев Терека 1745 г. с нанесенными казачьими станицами (фрагмент)

В состав терско-гребенских казаков по Тереку в рассматриваемое время, как подтверждают этнографические материалы, вливались и небольшие группы чеченского населения, причем подчас из самых дальних горных сел. К числу таких относятся представители гуноевского тайпа (гуноевцы) из с. Гуни (ныне с. Гуни Веденского района Чеченской Республики), находившегося в горной Ичкерии. Так, некоторые гуноевцы, не желавшие принять ислам, ушли из Ичкерии в район Гудермеса, оттуда часть их переселилась в станицу Червленная (Оьрза-гІала – Камышовая крепость). Кроме представителей тайпа Гуной в гребенских казачьих станицах проживало немало потомков чеченцев, разновременно переселившихся к казакам из других районов Чечни. Это Егоркины, Байсунгуровы, Титкины в ст. Червленная; Закаевы, Костиковы в ст. Гребенская и др. Житель надтеречного села Алпатово Эльмирза Митаев (1895 г.р.), рассказал о своем тайпе Шикарой, отметив, что кроме сел. Алпатово, шикаройцы проживают также в ст. Петропавловская, куда они, не захотев добровольно принять ислам, ушли с верховьев р. Шаро-Аргун[6].

Известный чеченский этнограф XIX в. У. Лаудаев отмечал: «Действительно, чеченцы уходили тогда к русским. Это подтверждают сами казаки Червленной и других станиц. До сих пор они не позабыли своих праотеческих селений и сами подтверждают, что происходят от чеченцев». Один из любителей дореволюционной казачьей старины писал: «Среди терских казаков, в их обычаях, поверьях, даже в наружности проглядываются черты, общие с горцами; особенно характерны эти черты у казачек: наряду с лицом великорусской красавицы, круглым и румяным, мы встречаем продолговато-бледное, овальное личико с чеченской кровью»[7].

Однако известны были и противоположные случаи, когда в чеченские аулы бежали русские люди, главным образом казаки и солдаты. Интересным в этом плане представляется документ 1750 г., который сообщает, что в чеченском селении свободно проживал молодой казак по имени Савелий Иванов-Чепчаков (эту фамилию, по-видимому, он принял, уже живя среди горцев). Кизлярский комендант по этому поводу сделал официальное предписание: вывезти его из Чечни и взять на поруки, на что станичный атаман Иван Борисов ответил: «…Предписанный казачий сын Савка Иванов и прежде из Чечни выходил на житье в Терский город и обратно ушел в Чеченскую деревню на житье, потому – де и ныне на поруки взять его никак невозможно…»[8].

В XVI–XVIII вв. терско-гребенские казаки перенимали у кавказских народов одежду, снаряжение и т.д. Исследователи казачьей старины отмечали: «…Домашняя обстановка гребенца еще больше поражает оригинальностью, когда переступишь порог его дубовой великорусской избы. Первая комната напоминает скорее чеченскую, нежели жилище русского казака: на стенах развешаны кинжалы, шашки и разное другое оружие кавказского горца; на полу стоят пестрые сундуки, а на них разложены перины, ковры и коврики и изделия азиатского образца. В сакле, стоявшей рядом с избой, где жил казак со своей семьей, большинство членов ее здесь и сидят-то по-чеченски, поджавши под себя ноги; образов никаких не видно, а из мебели в ходу чаще чеченская треногая скамеечка, нежели стул и русская скамья»[9].

Терские казаки позаимствовали у чеченцев ряд национальных блюд: кІалд-даьтта – смесь творога с топленым маслом; чурек – пресный хлеб, лепешки с начинкой из сыра или овощей и пр. Наряду с русскими у терских ка-

заков имелись чеченские музыкальные инструменты: зурна, свирель, горская двухструнная балалайка, барабан и др. Не только мелодии горских песен, но даже и танцы были восприняты казачеством. Возникший в станице Наурская темпераментный танец «Наурская лезгинка» стал «национальным» танцем терских казаков. Дружественные связи с чеченцами нашли свое отражение и в песенном творчестве гребенских казаков[10].

В одежде казаков преобладали горские мотивы. Как и горцы, казаки носили бурки, папахи, башлыки, черкески, бешметы. Парадная одежда украшалась кавказским поясом, кинжалом, газырями с металлическими или серебряными наконечниками. Казаки охотно приобретали у горцев черкесские бурки, шубы, шапки, чекмени, бурки, башлыки, горские двухколесные арбы и аробные колеса, а также продукты сельского хозяйства: просо, пшено, муку, воск, мед. В обмен на лошадей и волов казаки давали горцам рыбу, икру и соль. Так, например, в 1765 г. чеченский владелец Алисултан Казбулатов писал кизлярскому коменданту о намерении «подвластных своих до ста ароб отправить в казачьи городки для покупки съестных припасов – рыбы, соли и протчее». Без уплаты таможенных пошлин горцы получали от казаков соль, бумажные и шелковые ткани невысокого качества, канитель для художественной вышивки, холст, разноцветный сафьян, посуду, сундуки, мыло[11].

В свою очередь, как русские переселенцы, так и терские казаки оказали благотворное влияние на материальную и духовную культуру горских народов. Горцы «усваивали и перенимали в свой быт, – пишет профессор М.С. Тотоев, – культуру гребенского казака. Это усвоение шло в двух направлениях: по линии духовной и, значительно сильнее, по линии материальной культуры»[12].

Мирный и дружественный характер взаимоотношений чеченцев и казаков отчасти проявлялся в том, что горцы отдавали на время своих детей в гребенские станицы, большей частью в семьи знакомых казаков, чтобы они научились разговорному русскому языку. Известный чеченский этнограф XIX в. У. Лаудаев до поступления в Петербургский кадетский корпус в 20-х гг. XIX в. изучил русский язык в станице гребенских казаков. В свою очередь казаки направляли своих детей к горцам-кунакам в чеченские села для обучения чеченскому языку.

Армянское население складывалось на Северном Кавказе преимущественно за счет выходцев из Турции и Персии, переселившихся в XVII, XVIII и начале XIX в. Вплоть до XIX в. миграция армянского населения была преимущественно направлена в бассейн р. Терек, на территории которого была зафиксирована миграция персидских армян еще в XVII – первой четверти XVIII в., селившихся близ крепостей Терки и Святой Крест на р. Сулак (с 1723 г.), а затем в районе Кизляра с 1735 г.

По свидетельству путешественников Я. Стрейса и Ф. Котова, побывавших в этом самом южном форпосте России, армяне, проживающие в Терках, играли активную роль в его торгово-экономической жизни. «В первой четверти XVII в. в крепости-городе имелось несколько гостиных дворов, торговые ряды и лавки, а также оживленные базары, в том числе Гилянский или Армянский. Армянские купцы занимались торговлей завозимыми ими из разных стран товарами». Различные ремесленные и мануфактурные изделия, меха, сукна и прочее они выменивали на пригоняемый сюда чеченцами, кабардинцами, дагестанцами и кумыками рогатый скот, лошадей, хлеб, ковры, войлоки и т.п.[13]

Также на Тереке выше гребенских станиц армянским купцом Сафаром Васильевым еще при Петре Первом в 1718 г. был основан шелковый завод (позже станица Шелкозаводская), вокруг которого образовалось большое грузино-армянское поселение. Значительная масса армян (около 3,5 тыс. человек) перешла в 1797 г. на Кавказскую Линию из Бакинского, Дербентского и Кубинского ханств. Они поселялись в Моздокском и Кизлярском уездах Кавказской губернии, причем переселенцы сосредоточились в городах Кизляре и Моздоке[14].

В результате указа Павла I от 1799 г. произошло новое переселение зарубежных армян, известных как карабахские, в Кизляр и Моздок. К 1816 г. общество кизлярских армян составляло уже 4,4 тыс. человек. Следует отметить, что в течение XVIII в. армянское население Северного Кавказа увеличилось и за счет армян, которые освобождались разными случаями из плена в Крыму, на Кубани, в Дагестане и Чечне[15].

В результате тесных торговых и иных связей с чеченским населением армяне сыграли определенную позитивную роль в развитии добрососедских отношений между чеченцами и Россией. Достоверно известно и постоянное проживание армян на территории Чечни, в частности в Брагунах. «Так, в 1768 г. в Моздок переселяются 113 армян из Кизляра и 12 человек из Астрахани, Кабарды и с. Брагуны. В 1777 г. сюда переселяется еще одна группа армян численностью в 116 человек, одну шестую которой опять-таки составляли жители притеречного села Брагуны… Как видим, в тот период здесь существовала небольшая армянская община. Десятилетием ранее в Брагунах, которое входило в состав русских владений, проживало шесть армянских семейств и до трех десятков холостых армян-лавочников, которые, как сообщается, жили очень хорошо и не платили никаких налогов».

С появлением армян на Тереке промышленное значение получило виноградарство и виноделие. «Впервые вводится и такая зерновая культура, завезенная из Закавказья, как «сорочинское ереванское пшено» (рис). Благоприятные природно-климатические и рельефные условия Терского бассейна

способствовали широкому разведению рисовых полей. История возделывания риса на Тереке, согласно письменным источникам, относится к началу XVIII в. Так, в официальном договоре Петра I с Сафаром Васильевым от 1710 г. указывается на право последнего заняться в терских станицах и городках также и «сеянием сорочинского пшена и хлопчатой бумаги и прочего к пропитанию потребного…»[16].

Другая большая группа кавказского народа, как грузины, появилась в границах современной Чечни в 1722–1725 гг. Часть грузин, которая сопровождала грузинского царя Вахтанга VI во время его переселения в Россию, осталась на Сулаке и в Прикаспии (Дербент, Баку, Гилян), а затем основалась на Тереке в Кизлярской крепости и в станицах. В течение обозначенного времени грузинское население увеличивалось за счет новых групп переселенцев из Грузии, а также за счет грузин, уходивших из плена из различных районов Северного Кавказа. Следует отметить, что грузинское население на Северном Кавказе в течение XVIII в. было сосредоточено в основном в Кизляре, Моздоке (так, например, в 1785 г. их численность соответственно равнялась 1,6 и 1,8 тыс. человек), а также в Сарафанникове, Новогладковской и других местах[17].

Грузины, как и армяне, занимали определенное место в торговых связях на Северном Кавказе, особенно после проведения дорожных работ на Дарьяльском пути в 1768–1774 гг., облегчивших караванную торговлю из Тифлиса на Моздок и далее в Россию. Для защиты Грузии от турецких войск был послан отряд генерала Э.И. Тотлебена с Кавказской Линии, который в ходе продвижения через Дарьял разрабатывал дорогу и строил мосты. Правда, постоянное сообщение между Тифлисом и Моздоком по Военно-Грузинской дороге было открыто только с 1799 г.[18]

Определенную роль в истории народов Северного Кавказа, как известно, сыграли ногайские народы, которые в XVI–XVIII вв. занимали значительную территорию Восточной Европы, ведя кочевой образ жизни от р. Яик на востоке до р. Днестр на западе. К территории их кочевания входили также районы Северного Кавказа и Предкавказья. «Огромное влияние на расселение ногайцев оказали, – как отмечает профессор Я.З. Ахмадов, – внешнеполитические факторы. Неоднократные походы крымских ханов и калмыков вызвали миграционные передвижения ногайцев с Волги на Кубань (1715–1723 гг.) и обратно», откуда они уходили в Крым, Большую Кабарду и на Терек[19].

На территории Северо-Восточного Кавказа (включая территорию современной Чечни) в XVIII в. проживали две группы караногайцев – терская и аксайско-сулакская. Первая группа кочевала на левом берегу Терека в бурунных степях в зоне влияния местных русских крепостей. Часть караногайцев кочевала по Аксаю и Сулаку на кумыкских землях и находилась в тесном общении с ауховскими чеченцами. Аксайско-сулакские ногайцы имели 44 аула, из которых 5 находились под властью аксайских князей, 12 – эндиреевских, 24 – шамхала Тарковского. Тысяча семей караногайцев во время Персидского похода Петра I в 1722 г. (Прикаспийский поход) ушла на левый берег р. Терек. В 1785 г. часть закубанских ногайцев была поселена царскими властями в Кизлярской степи между караногайцами. В 80-х годах XVIII в. на территории только что созданной Кавказской губернии были зафиксированы 3 группы ногайцев – кизлярские (в основном из караногайцев), моздокские (из переселенцев с р. Кубань) и бештоевские, проживавшие в районе Пятигорья. Кизлярские ногайцы кочевали по р. Терек в степях Прикаспии, «по соседству с чеченцами и кумыками, поддерживая с ними экономические, культурные и родственные связи»[20].

Появление другой группы кочевников – калмыков, на Северном Кавказе относится ко второй половине XVII в., когда в период правления хана Аюки Калмыцкое ханство, расположенное между Доном и Волгой, вошло в состав Российской империи. В 1770-е гг. часть крещенных калмыков была поселена на Кавказской Линии и приписана к Моздокскому казачьему полку (без зачисления в казачье сословие) на границе с Чечней по Тереку. Общее число моздокских калмыков в 1830-е гг. составляло 400 семей[21].

Приведенные нами материалы свидетельствуют о многочисленных переселениях на Северный Кавказ, в частности на Терек и Сунжу представителей различных национальностей: русских, украинцев, армян, грузин, дагестанских народов, которые происходили в течение XVI–XVIII вв. Исторические судьбы этих народов были различны. Одни народы, переселяясь более компактно, большими массивами, как, например, русские и украинцы, сохранили свою этническую идентичность, специфику в культуре и быту, оказывали серьезное экономическое и культурное влияние на местное население, в то же время сами заимствовали у последних некоторые элементы одежды, пищи, хозяйственные навыки, а в области культуры – песни, танцы и т.д. Переселение в чеченскую среду небольших по численности групп соседних северокавказских и закавказских народов зачастую приводило к их этнической ассимиляции.

§2. Чеченцы в русских поселениях и крепостях в XVI–XVIII вв.

В указанный период различные поселения горцев возникали, как правило, рядом с русскими городами-крепостями на Северном Кавказе, в форме слободок и «горских аулов». В них проживали представители народов Кабарды, Чечни, Дагестана, армяне, грузины, осетины и др. Много горцев Северного Кавказа обосновывалось в слободах вокруг Терки, Святой Крест, Кизляр, а

также в Моздоке и казачьих станицах. Это, с одной стороны, содействовало более интенсивному хозяйственному развитию края, а с другой – оказывало влияние на специфику хозяйства, на материальную и духовную культуру как горцев, так и терского казачества[22].

Подобные слободы с различным по составу населением образовывались в основном за счет бежавших сюда свободных крестьян-узденей (чаще из-за кровной мести и княжеских усобиц) и феодально-зависимых крестьян, уходивших от тяжелого гнета. Жившие в районе Терека разноязычные северокавказские народы в основном мирно сосуществовали. «Этот этнический конгломерат был не просто механическим соединением различных этнических элементов, – указывает профессор В.Г. Гаджиев, – а являлся своего рода «интернациональным» союзом людей, находящихся на одинаковом социальном и правовом положении, союзом людей, преследуемых власть имущими, они различались по характеру психического склада и по языку, но их объединяла общность социально-экономических интересов»[23].

В 1616 г. служилые чеченцы писали русскому царю, что их отцы и сами они служили московским царям Ивану Грозному, Федору и Борису, и в 1596 г. после гибели своего князя Ших-мурзы Окуцкого в числе 160 человек или семей «не хотя им, горским князьям и мурзам, служити и под ними в век бытии, покиня свои дома и живот весь помытав, з женами и детьми из Окоцкие землицы утекли… и живем в Терском городе»[24]. Одни чеченцы-окочане выполняли ратную службу при терских воеводах, а другие жили в Окоцкой слободе, занимаясь земледелием и торговлей. Но все они в XVI–XVII вв. совместно с терскими казаками и русским гарнизоном защищали русские пограничные рубежи от персидских и турецко-крымских вторжений.

Окочане-чеченцы принимали самое активное участие в длительных военных походах вместе с терскими, гребенскими, донскими казаками, стрельцами и другими русскими войсками. Когда в Астрахани в 1614 г. оказались Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I, и Иван Заруцкий с мятежными войсками, терские казаки вместе с чеченцами поспешили на помощь астраханцам и совместными силами разгромили сторонников Заруцкого, а Марину Мнишек пленили[25].

В совместных боевых действиях русских войск и казаков чеченцы-окочане принимали активное участие и в последующее время. Когда в 1653 г. ирано-дагестанские войска осадили Сунженский острог в этот критический момент из Терского города послали на помощь осажденным стрелецкого голову Стромилова, «да окоцкого Чепея-Мурзу Кохострова, а с ними новокрещенов и конных стрельцов и окочан, и князя Муцала Черкасского и Тонжехана-Мурзу Арасланова узденей 300 человек». В 1674 г. окоцкий мурза Эльтутар Чюпаев с другими чеченцами принимал участие в походах князя

Каспулата Черкасского вместе с терскими и донскими казаками под турецкую крепость Азов[26].

В 1735 г. было создано Терское кизлярское войско в составе 169 человек, куда вошли служилые кабардинцы и чеченцы-окочане. «Сие малолюдное войско, – писал П.Г. Бутков, – предложено употребить не в военную службу, а для всяких нужных посылок по делам военным и дипломатическим в разные места к горским владельцам: в Тарку, Крым, на Кубань и к калмыцким владельцам, так как те казаки с языками сих стран знакомы». Как видим, окочане, входившие в Терское кизлярское войско, выполняли те же обязанности, что и их предки, жившие в Окоцкой слободе, которые встречали и провожали послов «и в Кабарду, и в Мерези, и в Шибуты, и в Окохи…»[27].

В первой четверти XVIII в. Петр I выдвинул обширную программу укрепления экономических связей России с Востоком. Поэтому вполне естественно, что большое место в планах Петра I отводилось Астрахани и Теркам, которые, вследствие своего выгодного географического положения, издревле были крупными центрами восточной торговли. Судя по документальным сведениям, таможенным выписям Астраханской таможни за 1718, 1723, 1724, 1725 гг., в г. Астрахань из г. Терки российские поданные – окочанские (чеченские) жители – привозили различные товары и изделия чисто кавказского производства, и, наоборот, из Астрахани к горцам доставлялись товары российского, западноевропейского и восточного производства[28].

Так, в ноябре 1718 г. терский окочанин (чеченец) Кюри Салманов вместе со всеми товарищами по совместной торговле из г. Астрахань вывез «… пятьдесят четыре фати; кож красных малых; восемьсот пятьдесят аршин холста; двадцать четыре меха заячьих; хребтов два пуда; сандалу синего; четыре зеркала простых; пять зеркал круглых московских; две овчинки бухарские; шесть овчинок калмыцких, белых; пять аршин стамеду; двадцать удил железных; двадцать четыре ножниц; московских рубашек; триста десять кувшинов муравленых малых и средних; пятьдесят чашек муравленых малых и средних; восемьсот десять аршин холста…». Такие же сведения идут и по другим годам[29].

В Терки и далее окочанами вывозился разнообразный набор галантереи (платки, ленты, банты, тесьма, нитки, чулки, бисер и т.п.), мелкие металлические изделия (иглы, наперстки, булавки, пряжки и пр.), а также мыло-ядро, посуда деревянная, оконное стекло, предметы хозяйственного обихода (сундуки, коробки, ларцы и пр.), свечи восковые и сальные, писчая бумага «российских фабрик» и др. Качественные кожи, сукна, меха, краски, полотно и холст также являлись основными предметами вывоза. В свою очередь в самой Астрахани большим спросом пользовались горские, в т.ч. чеченские, ремесленные изделия. Так, в ноябре 1725 г. терский окочанин Богамат Агаев

вывез из города Терки в Астрахань «сто двадцать бурок черкасских (горских. – Ш.А.)». В это же время другой терский окочанин Агай Маметов привез на продажу в г. Астрахань: сорок пять сукон (видимо, горских) и сто двадцать бурок[30].

Наряду с Астраханью в начале XVIII в. одним из главных связующих пунктов торгово-экономических связей России с народами Северного Кавказа, Закавказья становится город Терки (Терский городок). В рассматриваемое время г. Терки является не только экономическим, но и главным военным и административным центром Северо-Восточного Кавказа. Через г. Терки Российское государство было связано с Ираном и другими странами. Терки был связан также торговыми путями с Дагестаном, Чечней, Ингушетией, Кабардой и Закавказьем. В Терском городе изначально проживало смешанное население. Около стен Терской крепости произошло образование Заречной, Черкасской, Новокрещенской, Окоцкой и Татарской слобод.

В первой четверти XVIII в. торговые связи окочан-чеченцев с жителями не только Чечни, но и кумыкского Аксая (Дагестан) принимают систематический характер. В специальной «Книге для учета пошлин, взимаемых с приезжих жителей» за 1726 г. читаем: «С проезжего письма с терского жителя окочанина Курмана Богоматова с женой его, Кихата Арасланбекова, да с работницей двое, да с работников двое человек, которые отпущены в Аксай для торга, пошлин по указу 24 алтыни деньги взято». В другом документе архива Терского коменданта от 15 февраля 1726 г. сообщается о том, что с терских окочан Суркая Усманова с двумя его работниками, которые были пропущены в Аксай «для покупки запасов, также были взяты пошлины»[31].

К 1726 г. бывший торговый центр края г. Терки прекращает свое существование и эта роль переходит к крепости Святой Крест, заложенной в 1723 г. в 20-ти километрах от устья р. Сулак, где от основного русла отделяется приток р. Аграхань. Так же, как и около города Терки, вблизи крепости Святого Креста очень быстро стали возникать слободки, населенные черкесами, чеченцами, кабардинцами и др. Численность населения этих слободок стала быстро расти[32].

В 1735 г. по условиям русско-иранского Гянджинского трактата граница империи была перенесена на Терек, где была основана новая крепость Кизляр выше старой Терской на несколько десятков верст. Среди других городов Северного Кавказа Кизляр (1735 г.) был самым крупным торговым центром в течение XVIII – начала XIX в. «Кизляр долгое время, – пишет А.В. Фадеев, – оставался единственным во всем Предкавказье городом». В Кизляре находились целые улицы, заселенные выходцами с гор, в том числе чеченцами – ведь сюда целиком перешла и Окоцкая слобода. Кизлярские чеченцы не только несли государственную службу, но и торговали с казаками, русскими

и армянскими купцами в пограничных городах и станицах, а также общались с соплеменниками за Тереком[33].

С основанием крепости Моздок в 1763 г. торгово-экономические связи чеченцев, естественно, еще более расширились. В Моздок, как и в Кизляр, ежегодно из Астрахани и других поволжских городов доставлялись тысячи тонн припасов и товаров, которые затем развозились моздокскими армянами и горскими торговцами далее по крепостям Северного Кавказа и продавались здесь же казакам, а также горцам, приезжим и жившим на Линии[34]. В крепость Моздок из Большой и Малой Кабарды, Чечни привозились разнообразные товары для торговли с терскими и гребенскими казаками, русскими переселенцами, торговцами из Грузии и Северного Кавказа. Однако и здесь, как и в Кизляре, объем торговли с соседними горцами, Россией и Закавказьем ограничивался таможенными запретами властей или же чрезмерно высокими пошлинами на привозимые ими предметы торговли для русских поселенцев и казаков.

Таким образом, российские города и крепости на Северном Кавказе способствовали развитию и углублению политических, торгово-экономических и культурных взаимоотношений между Россией и Чечней в целом, собственно русскими и чеченцами в частности.

§3. Политические и этнокультурные взаимоотношения чеченцев с народами Северного Кавказа

На основе анализа полевых материалов, обследованных во время экспедиций в различных районах Чечено-Ингушетии (горных и равнинных) в 50–60-х гг. XX столетия, известный ученый-этнограф Н.Г. Волкова пришла к выводу о том, что в XVIII–XIX вв., а то и ранее, на территории Северного Кавказа, и в частности в Чечне, оседали путем миграции выходцы из Дагестана по причинам малоземелья и кровной мести. В большинстве своем ремесленники-отходники в чеченских селениях были выходцами из Дагестана. Большое число дагестанских переселенцев можно было видеть на всей территории Чечни, но более всего в ее восточных районах. Из обследованных в 1969–1971 гг. 62 чеченских селений в 58 населенных пунктах были зафиксированы целые тайпы и фамилии – потомки дагестанских переселенцев. «Наличие в Чечено-Ингушетии такого множества переселенцев из Дагестана, – пишет Н.Г. Волкова, – находит свое объяснение в общих этнических границах с Анди, Гумбетом, Ботлихом и другими дагестанскими территориями, в совместном пользовании пограничными землями и пастбищами, в многообразных и длительных исторических связях, создавших возможности для взаимного этнического обмена»[35].

Чеченцы различали среди дагестанских переселенцев несколько этнических подразделений: суьли и джай, т.е. аварцев, это слово часто ассоциируется с общим названием всех дагестанцев; куьпчи, т.е. дагестанские отходники, занимающиеся изготовлением медной и керамической посуды (по-видимому, таковыми являлись кубачинцы-даргинцы); Іанди (андийцы) – выходцы из с. Анди; мелардой – аварцы из с. Гумбета; гІумки (кумыки) и гІазгІумки (лакцы).

Очень много дагестанских по своему происхождению фамилий зафиксировано Н.Г. Волковой в горной юго-восточной части Чечни (Ичкерии). Так, например, в сел. Зандак (ныне Ножай-Юртовский район Чеченской Республики) проживает тайп Кудалой-сули, переселившиеся из Дагестана. Кроме Кудалой, в том же селении с давних времен проживают переселенцы сули Умархаджиевы и Ханмагомаевы из Мелардой, т.е. из Гумбета. Как известно, там же в Ичкерии напротив чеченского села Шовхалберды на правом берегу р. Яссы (Аксай) находится другое чеченское село Бетимохк, население которого образовались за счет переселенцев из Дагестана. Идентичная история существовала и с другими ичкеринским селом Дарго, в котором наряду с чеченцами проживали переселенцы из Дагестана – Ишинчалой и ОргІаной/АргІаной[36].

Дагестанские по своему происхождению фамилии проживали также в Качкалыковском обществе чеченцев. Так, в сел. Кошкельды осели представители кумыков – тайп Таркой. В сел. Герзель зафиксирована кумыкская фамилия Таркой, азербайджанская ГІезлой и аварская Чижинхой. В горном чеченском обществе Чеберлой также проживали представители дагестанских по происхождению тайпов. В свое время жители дагестанского происхождения широко переселялись и жили в надтеречных селениях Чечни. Так, в сел. Толстой-юрт (Старый Юрт) живут представители дагестанских тайпов Таркой и Анди, в сел. Кень-юрт проживают Анди, в сел. Знаменское (Мундар-юрт) многие жители по своему происхождению являются АргІаной и Таркой. Представители тайпа АргІаной распространены до центральных чеченских сел Гехи и Алхан-кала. Значительная часть кумыков поселилась во второй половине XVIII в. в Чечне в сел. Виноградное (бывшее село Баммат-Юрт) и т.д.[37]

В 30-х гг. XIX в. население известного княжества-общества Брагуны, включавшее одно селение в 300–400 дворов, по позднему свидетельству Д.А. Милютина, было смесью кабардинцев, карабулаков, чеченцев и татар, т.е. кумыков-брагунцев, говоривших «смесью языков татарского и кабардинского». По свидетельству Мааса Гандалоева, жителя сел. Сагопш, в сел. Кизляр (Гушки-юрт) под Моздоком жили кумыки, ногайцы, кабардинцы, чеченцы, ингуши[38]. На деле же брагунцы являлись самостоятельным тюркским народом неясного этногенеза, сильно смешавшегося с чеченцами и кумыками.

Политические связи народов Чечни с народами Дагестана и той же Кабарды складывались с начала XVII в. и вплоть до 70–80-х гг. XVIII в. через влияние пришлых кабардинских, кумыкских и аварских князей на определенную часть равнинных обществ и аулов чеченцев. Политическое влияние князей и владельцев Кабарды и Дагестана на чеченские народы достигалось не военной силой, а в известной мере сложившимися на данный момент общественно-политическими и социально-экономическими причинами.

Чеченские старшины и уздени нуждались в легитимации своих сословных прав через приглашение на княжение иноязычных феодалов. Это обстоятельство позволяло им также на равных выступать в отношениях с соседями и получать преференции во взаимосвязях с царскими властями. Кабардинские, кумыкские и аварские аристократы, прибывшие в чеченские общества, целиком зависели от местной сословной верхушки и настроений населения общества. В случае недовольства они незамедлительно изгонялись. Чеченские старшины и уздени должны были нести перед приглашенными владельцами известные материальные и трудовые повинности, выделять князьям участок земли и доверять им взимание штрафов с нарушителей адатов и сбор пошлин с торговых караванов[39].

Политические противоречия между отдельными приглашенными кабардинскими, дагестанскими князьями и феодалами и чеченскими обществами, получившими свое первоначальное развитие еще в XVII в., продолжают углубляться и в XVIII в. Только после антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством Ушурмы (шейха Мансура) в 1785–1791 гг. часть иноплеменных князей и владельцев была изгнана, некоторые из них основали селения на правобережье Терека на правах первопоселенцев[40].

Чеченские земледельцы неоднократно выступали против своих и иноплеменных (кабардинских и дагестанских) владетелей, требовавших большие подати и чрезмерного ясака в случае, если селение основывалось на праве частной собственности. Так, в чеченском фольклоре достойное отражение нашла борьба чеченцев пограничья против кабардинских князей, дагестанских шамхалов и аварских нуцалов. Этой героической борьбе посвящены, например, песни: «Свержение княжения Мусоста Алиевым Сурхо» и «Свержение княжения Кагермана вождем Балу», «Песня о Хушпаре, сыне Бахдара».

Чеченцы всегда оказывали братскую помощь своим соседям в их борьбе с внешним врагом и сами получали ее. Вместе с кабардинцами и дагестанцами чеченцы защищали пограничные рубежи российского государства от персидских, турецко-крымских агрессоров, участвовали в дипломатических миссиях по укреплению взаимоотношений с русским государством и другими народами. В XVII в. чеченцы вместе с кабардинцами вели освободительную

борьбу против ногайских и калмыцких орд, совершавших набеги на Кабарду. В 1675 г. отряд из кабардинцев и окочан (чеченцев) участвовал в успешном походе русских войск против войск крымских ханов[41].

Однако случалось и так, что веками существовавшие между чеченцами, ингушами, кабардинцами, дагестанцами, балкарцами и осетинами дружественные отношения портились. И повинен в этом был царизм с его антинародной колониальной политикой, часто прибегавший к возбуждению и разжиганию межнациональной розни, натравливая одни народы на другие. «С начала моего командования на [Кавказской] Линии, – сообщал в своем рапорте на имя князя Г.А. Потемкина командующий на Кавказе генерал-поручик П.С. Потемкин, – старался я горские народы привести в несогласие с подгорными (равнинными. – Ш.А.), дабы в удобных случаях употребить их в пользу на обуздание ближних к Линии». Сооруженная в 1783 г. новая укрепленная линия между Моздоком и Владикавказом также способствовала разъединению живущих по Тереку северокавказских народов. Данная Линия «…обеспечивая сообщение с Грузией, имела еще и другое важное значение: она отделяла Большую Кабарду от Малой и затрудняла возможность совместного действия их против нас (царских войск. – Ш.А.) вместе с чеченцами и ингушами»[42].

И все же в решительный момент, когда затрагивались интересы народов, чеченцы, ингуши, кабардинцы, дагестанцы и другие народы совместно поднимались на борьбу с колониальными властями. Так было и в 1785–1791 гг., когда на борьбу с царизмом и местными угнетателями дружно поднялись и чеченцы, и кабардинцы, и кумыки, и черкесы, и адыгейцы и т.д. Острие этого мощного антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством имама Мансура было направлено на разрушение Кавказской Линии, уничтожение крепостей и укреплений на ней, которые искусственно разъединяли горские народы и лишали их доступа за Терек и Кубань.

В рассматриваемое время, кроме политических связей, огромную роль в деле сближения чеченцев с ингушами, соседними народами Дагестана, Кабарды, Осетии, Балкарии играли торгово-экономические связи, взаимное общение чеченцев с трудовыми массами соседних народов через обмен производственными навыками, накопленным хозяйственным опытом, бытовыми привычками, обычаями, установлением брачных связей и т.д.

Чеченские купцы в той или иной мере посещали Кизляр, Астрахань, Моздок, берега Азовского и Каспийского морей, где они вели торговые операции не только с русским, но и иноземным купечеством – среднеазиатским, иранским и индийским. В свою очередь индийские, иранские, среднеазиатские и закавказские купцы, среди которых много грузин, армян и греков, являлись частыми посетителями торговых центров на Северном Кавказе[43].

Главными торговыми путями, по которым Чечня в рассматриваемое время поддерживала торгово-экономические связи с Россией и соседними народами Северного Кавказа и Закавказья были сухопутные магистрали. Так, один из торговых путей из г. Астрахань, о котором мы говорили выше, пролегал через степь в Терский город, а оттуда в находящийся на земле кумыков город Эндирей и Тарки. Этому отчасти благоприятствовало выгодное положение, которое он занимал в то время на прикаспийском торговом пути[44].

Существовала другая торговая дорога, которая шла от г. Терки до Сунженского городка, затем вверх по р. Сунжа и через владения мелких феодалов (на территории Малой Кабарды) уходила по трассе современной Военно-Грузинской дороги в Восточную Грузию. Через южную часть Чечни также проходил торговый караванный путь «из восточной части Северного Кавказа в Дагестан и на восток». Правда, существовал еще старинный торговый путь, который проходил через земли мичкизян (чеченцев) и назывался «Мичкисской дорогой». Он связывал население Терского города с аулом Дарго и со всем Дагестаном. Среди множества торговых путей существовали также дороги, шедшие от берегов Черного моря и турецких тоговых пунктов через земли адыгов, карачаевцев и далее по Тереку через территорию юго-западной Чечни в Дербент и страны Востока[45].

Таким образом, судя по наличию множества торговых сухопутных дорог, связывавших Чечню с Россией, Северным Кавказом, Закавказьем и Востоком, чеченцы в XVIII в. имели все условия для развития как внутренней, так и внешней торговли, и общения с разными народами. К концу 20-х гг. XVIII в. торговые связи чеченцев с жителями Аксая (Дагестан) и гребенских городков (казаки) принимают систематический характер.

Судя по документам, дошедшим до нас из архива Терского коменданта, между окочанскими (чеченскими) жителями этого города и аксайскими кумыками шла оживленная торговля. В специальной «Книге для учета пошлин, взимаемых с приезжих жителей» этого архива за 1726 г. читаем: «С проезжего письма с терского жителя окочанина Курмана Богоматова с женой его, Кихата Арасланбекова, да с работницей двое, да с работников двое человек, которые отпущены в Аксай для торгу, пошлин по указу 24 алтыни деньги взято». В другом документе архива Терского коменданта от 15 февраля 1726 г. сообщается о том, что с терских окочан Суркая Усманова с двумя его работниками, которые были пропущены в Аксай «для покупки запасов, также были взяты пошлины»[46].

Царское правительство, в целях экономического освоения северокавказского края, всячески способствовало переселению на Терек армян, грузин, чеченцев и представителей других народов, занимавшихся садоводством, шелководством, ремеслом, торговлей и другими отраслями сельского хозяй-

ства. Кавказские народы, переселившиеся на новые места, строили дома, обзаводились хозяйством, открывали лавки. Судя по некоторым известиям первой четверти XVIII в., в частности исследователя И.Г. Гербера о народах, проживавших вдоль западного берега Каспийского моря, за крепостной стеной Святого Креста имелись торговые заведения, куда приезжали для торговых операций российские купцы, армяне, горные чеченцы, татары и др.[47] Здесь происходило плодотворное общение народов.

Известное место в торговле горцев с Кизляром в XVIII в., как известно, занимало селение Аксай (Аксаевское), расположенное на границе с Чечней на правом берегу р. Аксай. На своем рынке оно поглощало много продуктов и изделий, доставляемых из чеченских аулов, и в свою очередь эти товары аксайцы перепродавали в Кизляр. По свидетельству очевидцев, чеченцы променивали здесь сырые кожи, меха, воск, мед, лошадей, рогатый скот, войлок на необходимые им вещи, как то: порох, свинец, огнестрельное оружие, чугунные котлы, холст, юфть[48]. Известнейшим торговым центром всего Кавказа и Чечни был также огромный кумыкский аул-город Эндирей, где также проживали и торговали чеченцы. Здесь было много иранских, азербайджанских и турецких товаров. Тем самым развивались чеченско-кумыкские и чеченско-восточные связи.

Селение Брагунское, основанное еще в XVI в. на левом берегу р. Сунжи, недалеко от ее впадения в Терек, издавна играло важную роль в экономических связях всей Чечни с гребенскими казаками и самим городом Кизляром. Из селения Брагунское в Кизляр вывозили бурки, горское сукно, овчины, шкуры домашних и диких животных, шелк-сырец, лошадей и скот. В Чечню через Кизляр поступали товары не только северокавказского производства, но и турецкие, персидские и даже западноевропейские.

В одном из документов говорится, что в азербайджанский г. Шеки приходят товары из Персии и всего Азербайджана, а из Шеки эти товары расходятся в Джары, Дагестан, Чечню, в Малую и Большую Кабарду. Производимые в Азербайджане товары и привозимые из Персии стекались в также в Баку и Дербент, откуда направлялись во все области Северного Кавказа. Из Баку в большом количестве вывозили разные хлопчатобумажные и шелковые материи к лезгинам в Дагестан, к чеченцам, а также в Малую и Большую Кабарду и Кизляр. Жители этих районов и сами приезжали в прикаспийские торговые города за товарами и одновременно привозили сюда свои изделия[49].

В рассматриваемое время между различными горскими, в том числе и чеченскими, обществами, Крымом и закубанскими народами также шла оживленная торговля, имевшая для них важное значение. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, например, что за товары привозили из Западного Кавказа видно из следующего документа: «А понеже к их владельцам (костюковским,

андреевским, брагунским. – Ш.А.) в их владения приезжают из Крыму и из Кубани татары и привозят с собою холст, кумач, выбойки и тому подобные бумажные материи, тако же сабли, свинец, порох, фузеи, кремни и протчее огненное оружие, а сверх того и лошадей, в чем во всем они владельцы, а особливо лезгины крайний недостаток имеют»[50].

Среди коренных жителей Чечни встречались такие люди, которые вели свои торговые операции далеко за пределами Терека. Так, при допросе в Петербурге в 1791 г. один из сподвижников Ушурмы (шейха Мансура), чеченец Гасан-Хаджи (пятидесяти лет) на вопросы: «Чем занимался? В каких местах бывал?» Ответил: «большую часть своей жизни провел в земледелии, а между тем бывал в многих дагестанских и чеченских селениях по разным надобностям, бывал также на Таманском острове для торгового промысла»[51].

Документы свидетельствуют также о том, что чеченцы в XVIII в. поддерживали постоянные торговые связи со своими ближайшими западными соседями – жителями Малой и Большой Кабарды. Так, в донесении чеченских узденей князя Эльмурзы Бековича-Черкасского – Бамата Усеинова, Курман-Али Менькишиева – на имя кизлярского коменданта отмечалось о том, что они в 1759 г. ездили для торговли в Малую и Большую Кабарду, имея при себе 24 рубашки из холста, перевозка которых вместе с пошлинами обошлась им в 12 рублей.

Несмотря на всевозможные препоны царских властей, чеченцы вели торговлю с осетинами и кабардинцами напрямую и в том же Моздоке. Так, кизлярским жителем окочанином (чеченцем) Рамзаном Алабердыевым было продано в апреле 1776 г. в Моздоке осетину Алию Чичуеву: спинок севрюжьих 30 штук за 1 руб. 40 коп.; соли три сабы за 1 руб.; спины (рыбы) 14 штук за 1 руб.; мешину одну за 20 коп.; соли 4 сабы за 1 руб. Всего на 4 руб. 60 коп. В это же время им же Р. Алабердыевым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Балу Чеботукову: спинок севрюжьих 48 штук за 3 руб. 85 коп. В этом же месяце другим кизлярским жителем окочанином Очаром Байбатовым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Ацуке Плаузу спинок севрюжьих 100 штук за 6 руб.[52]

Со временем в бассейне Терека стали появляться смешанные селения из чеченцев, кабардинцев и других народов. Чеченцы вместе с кабардинцами, кумыками и другими народами жили в «деревнях» Брагуны (основана в XVII в.), Герменчук, Шали, Девлетгиреевской, Новом Юрте, расположенных недалеко от станицы Червленная. В селении Шали в свое время было немалое кабардинское население, сюда в результате межфеодальной усобицы переселились отдельные князья Малой Кабарды вместе со своими подвластными крестьянами[53].

В кабардинских и балкарских деревнях находили себе приют многие беглые кровники из Чечни. Предки многих кабардинцев и балкарцев являются

выходцами из Чечни, известных под фамилией «Чеченовы». Кабардинское и балкарское крестьянство всегда видело в лице своих соседей – чеченцев и ингушей – надежных друзей, к которым они могут уйти в любое время», – указывает один из авторов «Истории Кабарды» профессор Г.Х. Мамбетов. Зависимые от князей и уорков крестьяне массами бежали в Чечню, так крестьяне из 6 сел Малой Кабарды, подвластных князю Бековичу-Черкасскому, из-за жестокой эксплуатации восстали и стали угрожать массовым переселением в Чечню[54].

Таким образом, в рассматриваемое время между чеченцами и соседними северокавказскими народами, а также армянами, грузинами, азербайджанцами, представителями Ирана и других восточных стран устанавливались и развивались весьма прочные, разносторонние политические, экономические и культурные связи, способствовавшие укреплению взаимной дружбы, выработке общей культуры, развитию и углублению их межнациональных взаимоотношений.

---

[1] Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 97.

[2] См.: Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Ч. 1. Гребенские казаки. СПб., 1880; Косвен М.О. Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив, №5. М., 1958. С. 181–182; Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975. С. 26–27; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 201–203.

[3] Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1948. С. 33.

[4] См.: Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XX в. М., 1974. С. 194; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 373.

[5] Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 196; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 373.

[6] См.: Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // СЭ. №1. М., 1959. С. 50–51; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 196–197.

[7] См.: Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.VI. Тифлис, 1872. С. 33; Калоев Б.А. Указ. соч. С. 48; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). М., 1974. С. 215.

[8] Ахмадов Ш.Б. Куначество // Вехи единства. Сборник статей. Грозный, 1982. С. 110.

[9] Кулебякин А.П. Кунаки // ЗТОЛКС. №2. Владикавказ, 1914. С. 77.

[10] Востриков П.А. Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 33. Тифлис, 1904. С. 258.

[11] См.: Косвен М.О. Указ. соч. С. 181–182; Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 337; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1977. С. 13; Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 83.

[12] Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977. С. 57.

[13] Багдасарян Р.З. Торгово-экономическая деятельность армянского купечества на Тереке (XVII – начало XX вв.) // ԼրաբերՀասարակականԳիտություններիի, № 2, 2001. Р. 46–61. На арм. яз. Интернет: nashasreda.ru›torgovo-ekonomicheskaya-deyatelnost.

[14] См.: АКАК. Т. 1. Тифлис, 1866. С. 633; АКАК. Т. 3. Тифлис, 1869. С. 713; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 199.

[15] См.: АКАК. Т. 3. С. 713. Гамрекели В.Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVTII в. Тбилиси, 1968. С. 146–151; 158; и др.

[16] Погосян Л. Об основании армянских поселений на Северном Кавказе (XVIII в.) // Вестник общественных наук. № 6. 1985. С. 57; Багдасарян Р.З. Указ. соч. // Интернет: nashasreda.ru›torgovoekonomicheskaya-deyatelnost…

[17] См.: Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 46–49; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 202.

[18] Краснов В., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь. М., 2001. С. 123.

[19] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII в. М., 2001. С. 366.

[20] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 366–367.

[21] Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1970. С. 226, 229; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 203.

[22] Заседателева Л.Б. Указ. соч. С. 216–217.

[23] Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 287.

[24] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов. Т. 1. М., 1957. С. 342–343.

[25] Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 30.

[26] См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1. СПб., 1869. С. 115; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1973. С. 292.

[27] См.: Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1575–1613 гг. М., 1888. С. 555; Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 123.

[28] Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. С. 73.

[29] ГААО (Государственный архив Астраханской области, г. Астрахань). Ф. 681. Оп. 6. Д. 25 (1723–1724 гг.). Л. 7, 13; Д. 29 (1718–1725 гг.). Л. 27.

[30] См.: ГААО. Ф. 681. Оп. 6. Д. 26 (1725 г.). Л. 14; Д. 46 (1725 г.). Л. 18; Юхт А.И. Русско-восточная торговля в XVII–XVIII вв. и участие в ней индийского купечества // История СССР. №6. М., 1978. С. 48; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 247.

[31] ЦГА РД. Ф. 335. Терский комендант. Оп. 1. Д. 4451. Л. 2 об.

[32] См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 1. С. 139, 253; Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. М., 1958. С. 105, 114, 115; Фадеев А.В. Из истории русско-чеченских связей // Вестник Московского университета (ВМУ). Историко-филологическая серия. №1. М., 1959. С. 221.

[33] См.: Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. С. 63; Скитский Б.В. Указ. соч. С. 337.

[34] Калоев Б.А. Из истории Моздока и моздокских осетин // Известия СОНИИ. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966. С. 219.

[35] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. С. 204; Ее же: Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 181.

[36] Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. С. 205–206.

[37] См.: Попов Ив. Ичкерия. Историко-этнографический очерк // ССКГ. Вып. 4. Тифлис, 1870. С. 7; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 206–208.

[38] См.: Милютин Д.А. Материалы по истории Кавказа. Чечня // Отдел рукописей РГБ. Ф. 169. Коробка 81. Д. 7. Л. 22–26; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской гу-

бернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 244–245; Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 209.

[39] Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974. С. 70; Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991. С. 23.

[40] См.: Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 21; Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009. С. 197–201, 210.

[41] История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967. С. 182.

[42] См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 366. Ч. 4. Л. 1; Потто В.А. Два века терского казачества. Т. 1. Владикавказ, 1912. С. 79.

[43] Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. С. 71.

[44] Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 32.

[45] См.: Белокуров С.А. Указ. соч. С. 127–154; Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1, Грозный, 1974. С. 52–53.

[46] ЦГАРД. Ф. 335 (Терский комендант). Оп. 1. Д. 4451. Л. 2 об.

[47] Русско-дагестанские отношения… С. 295; История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы XVIII–XIX вв. М., 1958. С. 63.

[48] Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 55–56.

[49] См.: АКАК. Т. 5. Тифлис, 1873. С. 843–845; Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 49; Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в. – 40-е гг. XIX в.) // Известия СОНИИИ. История. Т. XXV. Орджоникидже, 1966. С. 10–11.

[50] АВПРИ. Ф. 110. «Сношения России с Грузией (1755 г.)». Оп. 110/1. Д. 3. Л. 2

[51] Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – нач. XX в.) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963. С. 27–28.

[52] ЦГАРД. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 3381. Л. 6; Там же. Оп. 1. Д. 2881. Л. 103–104 об

[53] См.: История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 38; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 179–180.

[54] История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. С. 180.

Глава XII. ТРАДИЦИОННАЯ МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ЧЕЧНИ (ПО ИСТОЧНИКАМ XVI–XVIII ВВ.)

§1. Материальная культура чеченцев

Развитие традиционной материальной культуры чеченцев в рассматриваемый период характеризуют наряду с другими факторами прежде всего их поселения и жилища. Документальные источники, а также свидетельства иностранных исследователей-путешественников, побывавших в Чечне, говорят о том, что поселения горцев были расположены как в горной, так и на равнинной части.

Известно, что многие поселения (аул, юрт, кIотар, кхаьлл) чеченцев, расположенные высоко в горах, одновременно служили замками и крепостями со своими башенными комплексами, в которых горцы жили и укрывались от своих внешних и внутренних врагов. Эти обстоятельства, связанные с постоянной опасностью, не могли не отразиться на планировке любых горских селений, которые, как правило, «располагались на выгодных в стратегическом отношении местах»[1].

Как известно, XVI–XVIII вв. характеризуются расцветом архитектуры каменного строительства и народного зодчества в истории Чечни и одновременно его закатом. Уникальные надземные монументальные сооружения, каковыми являются башенные и склеповые строения на территории горной Чечни, составляют своеобразный комплекс материальных исторических памятников чеченцев. По типологическому анализу известного археолога Е.И. Крупнова все архитектурные памятники материальной культуры, как надземные, так и подземные, на территории Чечни (и в Ингушетии) делились на три основные группы: 1) монументальные жилые и оборонительные сооружения – жилые и высокие боевые башни, укрепленные замки, городища и заградительные стены; 2) погребальные сооружения – подземные, полуподземные и надземные каменные склепы («каш»), пещерные и грунтовые захоронения, каменные ящики и курганы; 3) древние христианские храмы, языческие святилища и придорожные стелы («чурты»)[2].

На территории Чечни в рассматриваемое время основными районами каменного строительства являлись верховья Аргуна (Чанты-Аргун, Шаро-Аргун), Акки, Алкун, Цечой, Мержой, Кей, Галай, Чеберлой, Нашаха, Малхиста, Майста, в целом верховья Фортанги и Ассы.

Характерной особенностью архитектурных памятников чеченцев в средние века, по крайней мере еще в XVI – первой трети XVII в., оставалось строительство жилых башен – «гIала», которые являлись непременной принадлежностью любого горного чеченского села или отдельной усадьбы, хутора.

По форме своего основания жилые башни делились на 2 группы: квадратные и прямоугольные. Обычно они были невысоки, в два-три этажа. Стены постепенно суживались к верху. Высота башни достигала 10 и более метров. Стены башен были сложены из необработанных или грубо обработанных плит и камней, т.е. более примитивно по сравнению с кладкой боевых башен. На каждый этаж вела своя дверь. Дверные и оконные проемы завершались арками, которые высекались из огромных камней-монолитов. Изнутри эти проемы расширялись и в них плотно вгонялись деревянные рамы[3].

Жилые башни были одинаковы и по своей конструкции, отличались от жилых башен тех же дагестанцев, осетин и других народов. Однако в архитектуре чеченского общества Чеберлой (озеро Кезеной-Ам) наблюдалось некоторое влияние дагестанской строительной техники (арочные своды в подвальных загонах для скота и др.). Кроме того, на постройках в Чеберлое часто встречаются петроглифы, а также высеченные на камнях стен древние культовые символы, характерные для языческих верований[4].

Наряду с жилыми башнями в рассматриваемое время чеченцы строили и последние в своей истории боевые башни – «бIов». Появление пороха и огнестрельного оружия, а также начавшийся процесс выселения на плоскость обозначил конечный рубеж данного направления архитектуры. Боевые башни, как правило, сооружали на стратегически важных местах: на труднодоступных скалах, вблизи отдельных важных дорог и маршрутов, у подступов к селениям и т.д. Боевые башни, в отличие от жилых, в подлинном смысле слова являются вершиной архитектурного и строительного мастерства древних чеченцев. Здесь преобладают высокие образцы техники и строительного искусства того периода[5].

Отличительными признаками чеченских боевых башен (как и более поздних ингушских) являются «машикули», т.е. маленькие защитные балкончики на верхнем этаже, служащие для ведения эффективной обороны. Другая отличительная особенность боевых башен – наличие выбитых «защитных» крупных крестов, змей, стилизованных фигур животных, людей и т.д. На таких башнях встречались также рисунки человеческой руки (утверждают, что, завершая строительство башни, мастер высекал изображение своей ладони, но здесь знак руки может иметь и сакральное значение). Наличие распространенных изображений крестов на боевых башнях чеченцев исследователь В.Ф. Миллер связывал с влиянием христианства в Чечне и Ингушетии в прошлом[6]. Однако такой символ знаменующий солнце, огонь существовал и в языческой практике нахов-язычников.

Боевые башни строились без фундаментов, на скальной основе. В основание клали камни с человеческий рост. Для подъема камней и сланцевых плит использовали специальные вороты. Секреты строительства башен передавались от отца к сыну, и такие мастера весьма ценились. Чеченские зодчие строили также боевые башни по заказу жителям горной Грузии – Хевсуретии и Тушетии. Отдельные башенные комплексы на территории Чечни были так сильно укреплены, что могут быть названы замками – замки Пакоч (ущелье р. Чанты-Аргун), Алдам-Гези (с. Кезеной) и др. Башенные комплексы в полуразрушенном виде сохранились на сегодняшний день во многих районах горной части Чечни – в окрестностях озера Галанчож, Кезеной-Ам, в верховьях рек Чанты-Аргун, Фортанга, в высокогорной части Шароевского района. В лесистой части некогда известной Ичкерии были отдельные боевые башни, еще в XIX в. стоявшие у сел. Харачой и Ца-Ведено7.

Рис. 44. Солярно-космогонические петроглифы на башнях Чечни (фото)

В XVI–XVIII вв. на территории Чечни существовали замковые сооружения («кхаьлл»/кала) и разного рода заградительные стены, образующие крепость – «гIап». Данные оборонительные сооружения (комплексы) возникли в тех же исторических условиях, что и боевые башни. «Замки» представляли собой комбинированные сооружения, состоявшие из нескольких жилых и чаще одной-двух боевых башен. Как правило, «замки» воздвигались по ранее намеченному плану и на местах, имеющих важное стратегическое значение[8].

Большое место среди архитектурных памятников горной Чечни занимают памятники погребального сооружения. Они делятся на 3 основные группы. Первые 2 группы составляют подземные и полуподземные склепы, третья группа – подземные склепы, все они чеченцами называются «каш». Погребальные памятники составляют также разного рода каменные ящики и грунтовые могилы. В рассматриваемое время в горной Чечне широко использовались надземные склепы. В горной Чечне такие сооружения состояли из своеобразных домиков с двускатной шиферной крышей. С фасадной стороны склепа находился лаз – четырехугольное отверстие. В камере вдоль стен располагались полки в один-три ряда, на которые клали умерших. Таким путем тела умерших подвергались естественной мумификации.

Склеповые сооружения в горной Чечне порой образовывали целые «города мертвых». Многие авторы отмечали, что «около каждого аула взору исследователя представляется как бы другой аул из разнообразных по форме и

по величине домиков. Это местный некрополь». Известны обширные некрополи в верховьях Чанты-Аргуна – в Малхисте и Майсты. «Город мертвых» в Малхисте – Цой-Педе – в основном состоит из склепов с нишами. Некрополь в Майсты состоит из склепов в два этажа. Известно, что «города мертвых» в горах Северного Кавказа принадлежали родам, отдельные склепы принадлежали фамилиям и семьям.

Рис. 45. Языческий памятник в Галанчожском ущелье Горной Чечни (совр. фото)

В районах, где отсутствовал камень, но зато были мощные отложения гальки, местные жители прибегали к искусственным пещерам. Такие пещерные некрополи были сосредоточены у сел. Советское (Шатой), Закан-Юрт, Кели, Бамут, Памятой. Чеченцы использовали также и естественные пещеры в скалах (сел. Макажой, Ялхорой, Чермохой, Итир-Кале, Курен-Беной). Иногда погребения совершали в каменных ящиках, т.е. ямах, обложенных каменными плитами[9].

Рядом с «городами мертвых» и на отдельных площадках чеченцы часто сооружали свои святилища – языческие храмы. Известны два типа святилищ (храмы): высокие колонны – столпы с нишами (сиелинг) и домики наподобие склепов с двускатной крышей (дала). Первый тип святилищ служил местом жертвоприношений и молений. Они были распространены в горах Чечни («Меркендук» у сел. Басхой, столпы у «города мертвых» Цой-Педе, «Акана», у сел. Туга, Икильчи, Меши и др.).

По мере распространения мусульманской религии в XVI–XVIII вв. чеченцы стали хоронить умерших по мусульманскому обряду в грунтовых могилах (каш). Именно на этот период приходятся дошедшие до наших дней каменные стелы (надгробия) с арабскими надписями. Вполне естественно, что отныне на смену языческим святилищам и христианским храмам в XVI–XVII вв. приходят мечети (чеч. «маьждиг»). Мечети строились первоначально из камня и сохраняли в себе черты местной национальной архитектуры[10].

Коренное население Чечни проживало как в горах, так и на равнине в соответствующих поселениях, которые дореволюционные русские источники называют по-разному: село, деревня, аул, юрт, кабак и т.д. Следует отметить, что со второй половины XVII в. наблюдается тенденция роста поселений и соответственно численности чеченцев на равнине. Завершение процесса окончательного переселения значительной части населения с гор на плоскость и ее полное освоение, относится к концу XVIII в.

По плотности населения и соответственно по количеству дворов горные, предгорные и равнинные села чеченцев были далеко не равнозначны. Так, например, в отдельных горных и высокогорных небольших «деревнях», по свидетельству иностранного исследователя И.Г. Георги, насчитывалось не более 20 дворов чеченцев и во многих из них имелись каменные башни для укрытия женщин, детей и имущества. Совершенно по-иному выглядела картина на равнинной части Чечни. По данным источников XVI в. в таких селах, как сел. Алды, насчитывалось 200 дворов, в сел. Гехи – 200 дворов, в сел. Большая и Малая Атаги – вместе 1100 дворов, в сел. Чечен-Аул – 1200 дворов[11].

В каждом плоскостном чеченском селении в центре села, как правило, имелась небольшая площадь, называвшаяся «майда», где жители собирались для решения и обсуждения важных вопросов. На этих же площадях обычно находилась сельская мечеть. Кладбище чеченцев зачастую располагалось на окраине селения[12].

В горных районах селения чеченцев по своей этнической принадлежности в основном состояли из представителей одного кластера в границах ущелья или плоскогорья. Однако на равнине Чечни, особенно в приграничных районах, нередко были селения с многонациональным населением. Так, например, источники сообщают о том, что в отдельных селениях Чечни в XVIII в. совместно проживали кумыки, кабардинцы, балкарцы, осетины, аварцы и т.д. И, наоборот, в некоторых кабардинских деревнях проживало немало осетин, кумыков, лакцев, даргинцев, чеченцев и ингушей и др. Безусловно, совместная жизнь соседних северокавказских народов в одних и тех же населенных пунктах в значительной мере способствовала формированию у них общих черт в материальной и духовной культуре[13].

Рис. 46. Резная арабеска на стене мечети сел Цонтарой Восточной Чечни (фото)

Конечно в XVI–XVIII вв. основным жилищем населения гор являлись уже не башни, а каменное открытое со стороны фасада жилище (цIа) с плоской крышей типа «горская сакля». Хозяйственные постройки возводились в едином комплексе с саклей или башней. Типичные жилища равнин представляли собой турлучные (с глиняной обмазкой) дома, чаще вытянутые в длину,

в несколько комнат. Во дворе возводились хозяйственные постройки – навес («рагIу»), сарай для скота («божал») и др.[14]

В планировке жилого дома в плоскостной Чечне в основном преобладали двухкамерные (двухкомнатные) конструкции. В дальнейшем по мере увеличения семьи и ее дробления число камер (комнат) стало расти. В большинстве своем, как в горах, так и на равнине, дома чеченцев были одноэтажные. В одноэтажных домах впоследствии появилось множество комнат, из которых одна была самой главной, принадлежавшей главе семьи, остальные комнаты были предусмотрены для молодых семей, комната для гостей, кухня и т.д.

Для строительства дома и хозяйственных построек чеченцы использовали различные строительные материалы. В горных районах большая часть жителей для строительства использовала камень. Стены из него, как правило, клались на глиняном или известковом растворе. Кроме того, и на равнине практиковались «дома с двойными плетневыми стенами, пространство между которыми заполнялось глиной». На равнине же дома возводились из саманного (глинобитного) кирпича. Саманные дома зачастую строились одноэтажные, реже – двухэтажные. Кроме того, в равнинных районах Чечни дома горцев строились из турлучного плетня, с последующей его обмазкой глиной, смешанной с соломой. Кроме того, как в горах, так и на равнине, встречались дома с тесаной каменной кладкой и с деревянными деталями (окна, двери, карниз и т.д.). Жизнь для чеченцев на равнине складывалась в сравнимо более благоприятных условиях. «Селения стали многолюдны; они окружены садами. Жилища стали светлее и чище горных…», – отмечает исследователь А. Гольдштейн[15].

Дореволюционный исследователь А.П. Берже писал: «Чеченцы, обитающие на долине, живут большими аулами; дома у них турлучные, внутри чисто, опрятно и светло. Комнаты нагреваются каминами... У горных чеченцев, живущих в верховьях Аргуна, где в лесе чувствуется большой спрос, дома каменные. Чеченцы, живущие в верховьях Аргуна, живут гораздо неопрятнее и беднее». В каменных домах горцев крыши высокие, глиняные (балки деревянные); в турлучных домах крыши были скатные и они, как правило, покрывались соломой, тростником или обмазывались глиной. Из множества строительных приемов горцев большой интерес вызывает использование ими в строительстве чисто каменных перекрытий – арочные, на каменных столбах, ложные каменные своды, деревянные каркасы каменных жилищ, каменные столбы и колонны, зачастую фигурные (горный Дагестан, Чечня, Ингушетия, Осетия и др.)[16].

Во внутреннем убранстве чеченцев, как и у многих северокавказских народов, в большой мере улавливаются национальные особенности, традиции и обычаи. В домах у горцев, как правило, были маленькие низенькие столики

и стулья, открытые деревянные шкафы для посуды, некоторые деревянные резные изделия, сундуки, узорные войлоки с аппликациями на деревянных кроватях или на стене и т.д. У многих чеченцев в домах имелись отдельные гостевые комнаты (кунацкая), где находились лучшие вещи – ковры, паласы, оружие, сундуки, кубки и т.д.

О материальной культуре свидетельствует также одежда чеченцев, которая содержала в себе много общекавказских черт и в то же время имела сугубо локальные специфические свойства, отвечавшие нравственным, бытовым и эстетическим вкусам чеченцев. Так, например, простые черкески, (кафтаны) шили из черного, бурого и серого домотканого сукна. Праздничные, выходные черкески XVIII в. чеченцы так же, как и адыги, изготовляли из привозного (покупного) сукна разных цветов, украшали их галунами и даже вышивкой. Кроме того, горцы предпочитали короткие до колен черкески с узкими рукавами, висящей на ремне газырницей. Газырницы иногда изготавливались из кожи и нашивались на черкеску по обеим сторонам груди[17].

В рассматриваемое время чеченцы наряду с черкеской носили другую верхнюю мужскую одежду, которая называлась «гIовтал» (бешмет). Бешмет имел свои особенности. Выглядел он несколько длиннее черкески и не имел стоячего воротника. Рукава бешмета, как и у черкески, были узкие. Внизу бешмет сидел свободно, иногда сборками, а верхняя часть его обтягивала фигуру. В отдельных случаях бешмет носили без черкески, даже в праздничные дни, ибо черкеска была не у всех. Шили бешмет из холста, полотна, бязи и служил верхней и единственной нательной одеждой. Бешмет надевался и на рубаху.

Исследователь Л.П. Семенов в качестве мужской верхней одежды позднесредневековых горцев называет халат, сшитый из цветной шелковой или шерстяной ткани. Цветные шелковые халаты были длинные, ниже колен и служили в качестве верхней одежды, под которую надевали короткую стеганую одежду. Халат имел покрой черкески, но с более широкой спинкой. В XVIII в. горцы-нахи в качестве старинной мужской одежды предпочитали рубашки из холста, бязи или шелковой ткани. Важным атрибутом мужской одежды горцев являлись штаны с вздержкой (иногда с кожаными штрипками из холста, домотканого сукна и других тканей, преимущественно темного цвета). Штаны были широкие вверху и начиная от колен суживающиеся книзу[18].

У чеченцев в XVI–XVIII вв., как и у других горских народов, были распространены узкие кожаные пояса с небольшой железной или бронзовой пряжкой. «Подобные пояса, – отмечает профессор Е.И. Крупнов, – украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками». Наряду с кожаными поясами нахи часто пользовались и матерчатыми поясами из широкой полоски ткани – холста или шелка[19].

Бурка являлась у чеченцев наиболее распространенной верхней одеждой. Бурка XVIII в. отличалась от более поздних образцов тем, что она была короткой, иногда значительно выше колен, что придавало некоторые удобства и всаднику, и пешему человеку. Такую бурку надевали поверх черкески или кафтана и носили ее на левой стороне плеч, чтобы разрез приходился на правую сторону и правая рука могла свободно двигаться. Кроме того, бурку можно было свободно поворачивать в ту сторону, откуда дул ветер и шел дождь. Чеченские мужчины в XVIII в. носили также шубы из овчины или меха. Шубы горцы шили не только из овчины, но также из шкур диких зверей. Во время дождя или мокрого снега шубы, как правило, выворачивались шерстью наружу. Короткая овчинная шуба надевалась горцами прямо на рубаху и подпоясывалась ремнем[20].

В рассматриваемое время у чеченцев были различные головные уборы, которые они носили по сезону. Для мужчин характерны были шапки, изготовленные из меха, а также из холста, реже – из шерстяной ткани. Такие шапки позже были вытеснены другими меховыми и войлочными шапками горцев. В конце XVIII в. чеченцы стали носить папахи из каракуля с очень широким околышем и довольно выпуклым круглым верхом. В то же время некоторые горцы из знатных фамилий к своим праздничным костюмам специально изготавливали шапки из ткани, похожие на митру и состоявшие из отдельных вертикальных долек, между которыми иногда размещались галуны, сходившиеся на макушке. На шапке, сшитой из сукна или какой-либо другой ткани, по самому нижнему ее краю проходила широкая полоска галуна. Такие шапки были высокие и не полностью закрывали голову, оставляя открытым лоб. В качестве головного убора у горцев в XVIII в. были также войлочные шляпы в виде колпаков с поднятыми вверх полями. Кроме шляпы войлочной, у чеченцев существовал и такой вид головного убора, как башлык (чеч. «башлакх») – капюшон от дождя. По всей видимости, этот вид головного убора был заимствован чеченцами у соседних тюркских народов – балкарцев и карачаевцев[21].

Обувь чеченцев имела много общего с обувью народов Северного Кавказа. Она состояла из нескольких видов, как, например, чувяки («кIархаш») из сукна, козлиной или бараньей кожи, на мягкой плетеной из ремней подошве. Богатые горцы носили чувяки и сапоги из цветного сафьяна. Наряду с повседневной обувью (чувяки) чеченцы пользовались также мужской рабочей обувью – «неIармачаш» (поршни) из сыромятной грубой кожи, с плетеной подошвой. И, наконец, третий вид мужской обуви чеченцев – сапоги на кожаной или деревянной подошве с подковами. Такую обувь шили из грубой кожи и носили в горах. У чеченцев в XVIII в. существовали ноговицы как часть атрибута мужской обуви. Простые ноговицы горцы шили из сукна и войлока,

а парадные (праздничные) – из сафьяна. Ноговицы надевали поверх штанов и они плотно обхватывали ноги от щиколотки до самых колен и выше[22].

Как известно, праздничный (парадный) костюм чеченцев непременно дополнялся соответствующим вооружением. Даже мало-мальски состоятельный горец считал для себя за честь иметь кольчугу, а иногда и пластинчатые латы, шлемы с мисюркой и поручи. В XVIII в. горцы носили при себе небольшие круглые деревянные щиты, обтянутые кожей и отделанные металлом. Как и многие народы Северного Кавказа, в рассматриваемое время чеченцы имели богато украшенные ружья (горские винтовки), а то и пистолеты. У некоторых людей находились в употреблении еще и луки.

Влиянием Востока объяснялось распространение в Чечне плоских шлемов-мисюрок, качественных турецких и крымских ружей и пистолетов, а также холодного оружия из дамасской стали. Распространяется у чеченцев и оружие европейского типа – «франкские» пистолеты, мечи и сабли итальянского и немецкого производства. Все это имело еще и художественно-эстетическое значение; в Чечне рассматриваемого времени сложился культ совершенного оружия соответственно украшенного в лучших художественных традициях горцев золотом, серебром, слоновой костью и перламутром. Образ героя чеченских героико-исторических песен, как правило, получает законченность, если он обладает качественным оружием[23].

Иностранный исследователь-путешественник Якоб Рейнеггс, побывавший в конце XVIII в. в горной части Чечни и Ингушетии, писал о вооружении горцев: «Сверх исправного ружья, вооружены они еще кинжалом, саблею и копьем длиною в 4 фута, к чему можно еще причесть небольшой овальный щит, который сделан из крепкой и толстой кожи, снаружи вделаны в него три железных широких кольца, прикрепленные железными гвоздями с большими шляпками, а внутри пришиты к нему два ремня, чтобы его способнее держать и под ушко. Не вооруженные никогда они не выходят, ниже за ворота дому своего, но, по крайней мере, имеют в руках толстую палку длиною в 2 аршина, у которой к верхнему концу приделан железный шар с высунувшимися железными спицами. Сие смертоносное оружие называют они ТОППУС»[24].

Женская одежда чеченцев, несмотря на некоторые локальные особенности, имела все же много общего. В горных районах Чечни в зимнее время женщины носили теплую верхнюю одежду – «гIовтал», стеганую на тонком слое ваты или шерсти. Изготовляли ее из сукна, шелка или другой хлопчатобумажной ткани. Женский «гIовтал» плотно прилегал к талии, имел длинные узкие и короткие до локтя рукава. Кроме того, вайнахские женщины шили зимние белые шубы, которые надевались просто на тело с платьем. Горские женщины также шили для себя длинные шубы, покрытые тканью, распашные, с длинными узкими рукавами. Царский офицер С. Беляев, находивший-

ся в самом начале Кавказской войны в плену у чеченцев, называет верхнюю женскую одежду наподобие «архалуха» – стеганый кафтан («гIовтал»). Женский «гIовтал» был притален и шили его из хлопчатобумажной ткани или из шелка с серебряными украшениями на груди. Богатые люди имели на «гIовтал» серебряные застежки и подвески наподобие желудей. Другой царский офицер Д.А. Милютин в начале XIX в. изобразил на рисунке чеченку в короткой верхней одежде, которая доходит до колен. Эта одежда очень похожа на вышеописанный женский «гIовтал». Он также притален и надевают его поверх платья и штанов; подол, борта, ворот и рукава его обшиты галуном и на каждой стороне груди изображена крупная круглая бляха[25].

В рассматриваемое время чеченские женщины шили для себя рубахи-платья, чаще всего из холста или бумажных тканей, а также из шелка разных цветов – синего, коричневого, темно-красного и черного. Все платья застегивались у ворот на серебряные пуговицы. Наравне с платьями женские штаны также являлись основной частью одежды чеченцев. Женские штаны шили мастера из холста и из грубой шерстяной домотканой материи, а более нарядные – из тканей красного цвета. Как правило, молодые женщины шили для себя красные штаны, замужние, пожилые – голубые, а девочки – белые. Штаны надевались непосредственно на тело, под платье[26].

Иностранный исследователь Якоб Рейнеггс, побывавший в конце XVIII в. нашем крае, также запечатлел местную женскую одежду. Он, в частности, пишет: «...Их платье составляет длинная рубашка, которая с плеч по груди почти на пять пальцев шириною разными шелками или шерстью вышита и долгой холстинной балахон, поясом перепоясанной. Кажется, будто они имеют особливой закон, чтобы замужние жены и взрослые девицы носили красные мужские исподницы, которые внизу у ног весьма искусно вышиты и оторочены черною лентою. У вдов, старух и малых девушек исподницы сии бывают синия или белыя; зимою ходят они в сапогах, а летом босиком. Когда же снег бывает столь глубоко, что им невозможно выходить из домов своих, то они делают ковры и покрывала и ткут тонкую шерстяную материю, которую можно на платье употреблять»[27].

Довольно разнообразны были в XVIII в. женские головные уборы. Известный кавказовед Н.П. Гриценко пишет о том, что чеченские женщины носили на голове белые платки, а иногда большие темные покрывала, которые изготовляли сами женщины и называли их, по всей вероятности, по-чеченски «кортали»[28].

О материальной культуре чеченцев в XVIII в. свидетельствуют найденные в склепах предметы высокого ювелирного искусства и ремесленного производства. Искусными мастерами было изготовлено большое количество разнообразных женских украшений: бусы, серьги и височные подвески. Преобладают стеклянные бусы сине-зеленого, коричневого цветов, имевшие круглую, овальную, чечевицеобразную форму. Бусы изготовляли также из цветной глинистой композиции, покрытой узорами. Очень редко встречаются янтарные бусы в виде плоских кружков[29].

Разнообразием форм и техникой исполнения отличались серьги. Простейший тип женских серег составляли бронзовые и серебряные, проволочные серьги с верхним незамкнутым кольцом и стержнем, заканчивающимся цветной бусиной или полным металлическим шариком. Редкий тип женских серег составляли золотые и серебряные серьги в виде прочного стержня с незамкнутым кольцом. «Нижняя часть такой серьги представляет собой стержень, перевитый тонкой проволокой, – указывает Е.И. Крупнов, – или столбик, состоящий из припаянных друг к другу мелких шариков; на конце такой серьги обычно припаяны 3–5 и более крупных шариков». Отдельные же украшения нахских женщин, которые они надевали на себя, составляли не только серьги, но и «серебряный ошейник, на котором висели большие монеты, особенно рубли, производящие большой звон при каждом их движении»[30].

Наиболее известными в быту чеченцев и ингушей, а также повсеместно на Северном Кавказе являлись круглые плоские зеркала, сделанные из бронзы или металлического сплава и с внутренней стороны покрытые геометрическим (крестообразным, радиальным) орнаментом.

В XVI–XVIII вв. у чеченцев было хорошо развито изготовление столярно-токарных изделий. Подтверждением тому могут служить многочисленные деревянные сосуды: чаши, миски, кружки, кубки, которые имели явные следы вращения сосудов в процессе их изготовления на токарном станке. Было налажено изготовление трехструнных балалаек (дечиг-пондур), струнами для которых служил конский волос или тонкие жилы животных. Большой интерес представляют найденные в склепах костяные изделия (газыри). Кроме того, обнаруженные при исследовании склепов различные изделия одежды из белого холста, плотной грубой шерстяной ткани, ярких цветов шелковых тканей, цветные сафьяновые сапоги и чувяки подводят нас к выводу о том, что в рассматриваемое время у чеченцев существовало определенное ткацкое и кожевенное производство[31].

Пища чеченцев, их основные блюда на протяжении длительного времени, несмотря на определенные изменения в их быте, оставались стабильными и не претерпели больших изменений. Важнейшими зерновыми культурами у чеченцев в рассматриваемое время оставались ячмень, пшеница, кукуруза и просо[32].

Основным продуктом питания горца в пище по-прежнему оставался хлеб из кукурузной или ячменной муки. Хлеб всегда был пресный. Дрожжей горцы не знали. Способы приготовления мучных блюд были различные. Хлеб

пекли в сковороде без особых затей, замешивая кукурузную, ячменную, пшеничную или просяную муку либо в воде, либо в сыворотке, добавляя немного соли. Лепешки (чеч. «мижаргаш»), изготовленные из кукурузной муки, назывались у чеченцев «сискал», из пшеничной муки – «хьокхам». Обычная простая пища чеченцев среднего достатка состояла из молока, сыра и простого кукурузного или из хлебного злака – хлеба. Жидкую пищу горцы варили два раза в день и она состояла из каши или галушек (галнаш). Кроме того, горцы пекли тонкие блины (локъамаш) из пшеничной муки и ели их с маслом. Большое распространение среди горцев в XVIII в. имело толокно – мука из прожаренного зерна ячменя, проса и кукурузы (чеч. «цу»). Из такой муки вайнахи изготовляли походную пищу: соответствующее количество ее перемешивали с топленым маслом, добавив соль по вкусу[33].

Как и многие народы Северного Кавказа, чеченцы использовали в пищу мясо домашних животных. Предпочтение отдавалось баранине, на втором месте стояла говядина. Мясо других животных – конина, буйволина или мясо диких животных – чеченцы употребляли редко. Мясные блюда чеченцев были разнообразные. В полевых условиях горцы, как правило, мясо жарили целыми кусками на вертеле или на углях костра в виде шашлыка. Дома же из мяса готовили традиционное блюдо «жижиг-галнаш», т.е. варили мясо в котле кусками и подавали его с галушками из муки (кукурузной или другой), чесночный рассол и бульон. Правда, мясо не являлось повседневной пищей даже у социально-имущей части населения. Однако и в этом случае исключением для чеченцев был дальний гость, которого, как отмечает дореволюционный исследователь Н.С. Иваненков, угощали с особой заботливостью[34].

Самой распространенной пищей чеченцев оставалась молочная: заквашенное молоко (кислое молоко), сыр из коровьего или овечьего молока, сметана, масло и т.д. Способы их приготовления у чеченцев были разные. Как уже было сказано, сыры у горцев также были разные: свежие (пресные) и соленые. Так, например, из свежего мягкого сыра (творога), смешанного с яйцом и солью, готовили фарш, который использовали для приготовления блюда «чIепалгаш». Из соленого творога, перемешанного со сливочным или топленым маслом и мелко рубленым отварным яйцом готовили блюдо «кIалддаьтта». Из соленого творога, перемешанного со сметаной, горцы готовили «тIоберам».

Среди чеченцев чаще был распространен овечий сыр («нехча»), а также коровий творог («кIалд»), подержанные в рассоле из сыворотки или овечьего молока. При заготовке коровьего сыра впрок горцы держали его в специальных деревянных бочках («черманаш») с соленым рассолом из сыворотки. Форма сыра была различная: в виде шариков, пластин и кругов средних размеров.

В указанное время большим спросом у чеченцев пользовался мед. Дореволюционный исследователь Я. Штелин отмечал, что мед и воск чеченцы и ингуши добывали в огромном количестве. Мед, добываемый ими в то время, отличался превосходным качеством[35].

Иностранные путешественники-исследователи также отмечали, что народы Северного Кавказа в большинстве своем очень сдержанны в потреблении хмельных напитков. Однако чеченцы до принятия ислама практиковали изготовление различных безалкогольных и алкогольных напитков из зерна. Так, например, чеченцы готовили брагу (ниха) – слабоалкогольный напиток из проса, варили пиво (йий) из ячменя и хмеля и т.д. При всем этом повседневным распространенным напитком горцев служило заквашенное, кислое молоко (етта шура)[36].

§2. Традиционные общественные ценности и духовная культура чеченцев

В XVI–XVIII вв. у чеченцев, как и у многих народов Северного Кавказа, не в значительной мере, но еще продолжала сохраняться большая семья (патронимия), для которой была характерна общинно-семейная собственность. Семейной общине (большой семье) чеченцев было присуще коллективное производство, потребление и совместное общинное управление. В большой семье (семейной общине) насчитывалось от 15 до 100 человек. Главой являлся самый старший в общине – отец неразъехавшихся братьев, руководивший всеми хозяйственными делами общины и опиравшийся на семейный совет, который состоял из взрослых мужчин. Вторым лицом, обладавшим авторитетом и властью в общине, являлась жена главы семьи, которая управляла женскими делами[37].

В силу развития общественного быта и специфики горского хозяйства господствующей являлась малая семья – одно-двухпоколенная. Однако родство между разделенными семьями официально сохранялось до седьмого поколения. Во всяком случае еще в XVI–XVIII вв. у чеченцев были известны такие общественные звенья под названием «гара». Несколько таких звеньев, имевших более далекого предка, именовались «некъе». Они входили по признакам родства и землячества в состав «большого круга родственных семей, объединенных общим происхождением от одного предка и связанных между собой экономическими и родственными отношениями», именуемого зачастую «тайпом». Несколько или множество тайпов-селений образовывали «общество», «джамаат»[38].

Главой и соответственно полновластным хозяином малой семьи являлся отец и ему беспрекословно подчинялись все члены семьи. Личные взаимоот-

ношения в малой семье, как и в большой, «строились на строгом иерархическом принципе подчинения младших старшим».

Брак у чеченцев был строго экзогамным. Обычай чеченцев запрещал браки между мужчинами и женщинами одного и того же рода (тайпа) и распространялся он на род как со стороны отца, так и матери. Поэтому даже дальние родственники не имели право вступать между собой в брак. В семейном быту чеченцев широкое распространение имел адат (обычай) избегания. По этому обычаю мужчины и женщины в доме должны были находиться в разных комнатах. При родителях и старших в семье молодожен избегал встреч и разговоров с женой, а при посторонних делал вид будто бы он ее не замечает. В свою очередь, и жена также избегала встреч и разговоров со старшими родственниками мужа, не имела право «называть их имена». У чеченцев существовал также обычай избегания между родителями и детьми[39].

Большое значение чеченцы придавали рождению ребенка, в особенности мальчика, соблюдению различных обрядов, связанных с первым укладыванием дитя в люльку, прорезанием зубов, первым бритьем волос на голове, первым шагом самостоятельной ходьбы, достижением 15 или 16 лет и т.д. Вместе с тем в выполнении подобных обрядов у всех северокавказских народов существовали свои локальные особенности.

Процесс воспитания детей протекал под непосредственным влиянием всего уклада жизни, окружающей среды, трудовой деятельности, обычаев народа. В воспитании детей чеченцы брали за основу два рубежа, которые соответствовали приблизительно 6–8 и 10–12 годам. В этом возрасте девочек отделяли от мальчиков и привлекали к женскому труду. Девочка с раннего возраста становилась активной помощницей матери и ее воспитание было заботой матери. Мальчики в крестьянских семьях помогали по хозяйству и их воспитанием занимались в основном мужчины. Характерной чертой семейно-бытовых отношений чеченцев с древнейших времен являлся обычай глубокого уважения и почитания родителей и старших, независимо от их социального и национального происхождения, пола и положения в обществе[40].

Как и у других народов Северного Кавказа, среди чеченцев были сильны кровнородственные связи. По обычаям горцев все члены фамилии и рода должны были оказывать друг другу всяческую помощь и оберегать от несчастных случаев, а в случае убийства или оскорбления чести и достоинства своего члена отомстить, ибо считалось, что обида и оскорбление нанесены всему роду. Иностранный путешественник П.С. Паллас, посетивший Северный Кавказ и его народы в конце XVIII в., отмечал, что отступавшего от обычая кровной мести наказывали всеобщим презрением, а в некоторых случаях изгоняли даже из своего общества. Месть в это время считалась священной обязанностью каждого родственника убитого. Кровная месть иногда длилась

целыми десятилетиями, уносила целые фамилии, наносила огромный ущерб народу и поэтому сельская община принимала все меры для примирения кровников[41].

Самым распространенным обычаем среди чеченцев в XVIII в. было гостеприимство. В основе этого обычая лежали испытанные на протяжении многих веков общечеловеческие категории нравственности. Гостеприимство играло огромную роль в общественной жизни народов Чечни. Даже бедные горцы отдавали гостю последнее. Обидевший гостя подвергался суровому наказанию. Для гостя чеченцы строили специальное помещение во дворе или отделяли часть дома – кунацкая («хьешан цIа»). Иностранный путешественник Ю. Клапрот, побывавший в самом начале XIX в. на Северном Кавказе, отмечал, что любой человек в качестве гостя может остановиться в горском жилище, где его принимали с особым вниманием. Даже убийца на почве кровной мести мог воспользоваться обычаями гостеприимства и найти приют в доме кровного врага[42].

Лица, вступившие в куначеские отношения, должны были поддерживать друг друга во всех житейских делах. Как правило, они обменивались оружием, другими дорогими подарками и давали клятву (дуй баа) быть на всю жизнь оставаться друзьями-кунаками. Большое место в жизни чеченцев занимал институт побратимства, когда представители разных тайпов после совершения определенного обряда становились кровными братьями (цхьа цIий долу вежарий).

В общественной жизни чеченцев немаловажную роль играла такая форма крестьянской взаимопомощи, как «белхи» (от слова «болх» – работа). Эта традиция у горцев зародилась, по-видимому, еще в глубокой древности в силу необходимости взаимной хозяйственной помощи друг другу. Она сохранилась и бытует среди чеченцев и по сей день.

В рассматриваемое время у чеченцев существовал обычай, когда нарушившие нормы адатов подлежали не только физическому или имущественному наказанию, но и всенародному осуждению на сходе. В случае особо тяжкого деяния сход мог вынести решение о сооружении «кIарлагIа» (холм проклятия) в знак осуждения данного человека, и в кучу камней на обочине дороги бросали камни люди разных селений, тайпов, тукхумов, выражая тем самым проклятие лицам, совершившим преступления[43].

У чеченцев в XVIII в. существовал своеобразный похоронный обряд. Надо полагать, что в исследуемое время чеченцы в своем большинстве хоронили умерших по мусульманскому обряду. Однако часть горных жителей Чечни в это время по традиции продолжала частично сочетать языческие и христианские элементы в мусульманской обрядности. Как правило, в честь умершего горцы совершали скачки[44], огромные поминки через 7 дней (неде-

лю), на 40-й день и через год. Между прочим, эти же элементы похоронных поминок сохранились у чеченцев и по сей день.

Духовную культуру чеченцев, помимо эпоса, народной музыки, танцев и песен, характеризуют также народные знания в области метрологии, метеорологии, народной медицины, ветеринарии, народного календаря и т.д. Единицы счета, меры длины, емкости и объема, как и у многих народов, имели у чеченцев антропометрическое происхождение. Участки земли во дворе горцы измеряли шагами (гIулч), а большие пахотные участки, пашни и сенокосы – саженями (два шага). Размахом рук (пхьагIат) измеряли длину дома, скирды сена, дров и т.д. Большое применение находили более мелкие меры длины, связанные с частями человеческого тела: «ге» – единица измерения между большим и указательным пальцем; «ше» – расстояние между большим пальцем и мизинцем; «дол» – расстояние от локтя до конца вытянутых пальцев. Древнейшей мерой измерения объема сыпучих тел являлись: «тIара» – ладонь и «кана» – пригоршня. Для измерения объемов чеченцы пользовались специальным деревянным ведром с ручкой – «мерка» (емкость – до 24 кг); использовались также деревянные «гирды» (до 12 кг), «мазал» (две гирды), деревянные чашки вместимостью в 8 пригоршней «сахь» (около 2 кг) и т.д.[45]

В качестве меры веса чеченцы использовали русский фунт – «герку», «чептар» – четверть фунта, «пунт» – пуд (около 16 кг). Шерсть горцы измеряли пучками – «тханка», «чIаба»; сено, солому, зерновые в колосьях, кукурузу в початках – снопами: 1 сноп – «цIов», 3 снопа – «оьс» и скирдами – «гIама» (4 оьс).

Как известно, многовековые наблюдения горцев за погодой породили множество примет и поговорок, позволявших им подчас безошибочно предсказывать погоду. Существовали у горцев краткосрочные и долгосрочные приметы. Наиболее достоверными были приметы, связанные с наблюдениями за видом заходящего солнца, луны, за состоянием воздуха, движением ветра, облаков, за видом растений, поведением различных животных и т.д.

В рассматриваемое время в Чечне были хорошо известны народные целители (чеч. «лор»), которые лечили больных и раненых, делали операции (кроме полостных), удаляли пули и т.д. Известны были также своим мастерством и чеченские костоправы. Чеченские мастера из поколения в поколение передавали навыки вправления вывихов, лечения переломов костей и различных ран, кровопускания при головных болях, укусах змей, незаживающих язвах и даже выполнения такой сложной операции, как трепанация черепа. Народные лекари имели разные лечебные инструменты. Кроме того, при лечении различных заболеваний лекари использовали настои и отвары из трав и растений, жиры, масла, мази, бальзамы, некоторые неорганические составы и соли[46].

Издревле чеченцы для определения времени использовали разнообразные приметы, связанные со звездами, луной и солнцем. Так, например, по звездам и созвездиям горцы определяли части света, время суток и сезонов, по луне – день месяца, по солнцу – время суток и времена года, древнейшей единицей измерения времени являлись сутки, имевшие дробное деление и т.д. Кроме того, одним из важных разделов народных знаний являлся календарь чеченцев, выработанный специально для хозяйственных занятий и опиравшийся сугубо на явления природы. В основе традиционного календаря лежали солнечные сутки и год, лунный месяц. По этому календарю год состоял из 365 дней с четвертью, делился на четыре времени года и двенадцать месяцев.

Очень торжественно отмечали жители высокогорных обществ, где еще не успел укрепиться ислам, праздники в честь языческих богов Тушоли (Богиня весны и плодородия) и Селы (Бог грома и молнии). Широко праздновали горцы день летнего солнцестояния, начало и окончание уборки урожая, сенокос и т. д. Особое место в летне-осеннее время занимали обряды вызывания дождя и солнца. Для вызывания дождя использовались такие обряды, как общественные моления, манипуляции с костями и скелетами из склепов, камнями (каменные кресты, надгробные памятники, камни – гладыши и др.) и т.д.[47]

С давних пор у чеченцев существовали многообразные формы физического воспитания людей: игры, танцы, состязания, физическая тренировка, закаливание и т.д. Были популярны следующие игры: в мяч, в чиж, в перетягивание каната, прыжки через бурку, бег на дистанцию, бег в мешках, игра в «войну» и др. Очень популярна была игра в «конное поло», в «ручной мяч» и др. Широко у чеченцев было распространено фехтование; они умели отражать удар противника и щитом, и шашкой. Своей массовостью и популярностью у горцев была известна борьба: боролись попарно на лошадях, игра на льду в волчок, катались на местных горских лыжах, была распространена борьба пешего горца с всадником. Широко практиковались у горцев упражнения на канатах, преодоление различной крутизны, восхождение на вершины гор, скалолазание и т.д.[48]

О высоких достижениях духовной культуры чеченцев в рассматриваемое время свидетельствует богатый фольклор (устное народное творчество), который составляют песни, сказки, предания, сказания, пословицы, поговорки, героико-исторические песни. При этом главенствующую роль в чеченском фольклоре исследуемого времени занимали сказания о нартах и героико-исторические песни (илли), которые характеризуют важный этап в развитии художественно-эстетической мысли народа. Героико-исторические песни чеченцев если и не зародились в XVI–XVIII вв., то, по крайней мере, именно в этот период (связанный с освободительной борьбой жителей равнинных земель против иноземных захватчиков) сложились в отдельный эпический жанр[49].

Известно, что именно в XVIII в. активизируется экспансия царизма на Северном Кавказе, и в частности в Чечне. Об этом свидетельствуют антифеодальные и антиколониальные выступления горцев Чечни в 1732, 1757–1758 гг., 1750–1760 гг., 1770–1780 гг. и, наконец, мощное антиколониальное движение горцев Чечни и Северного Кавказа под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. В свое время, по свидетельству известного чеченского писателя и большого знатока местной истории, языка и литературы чеченцев Х.Д. Ошаева, об имаме Мансуре были сложены в народе героические песни, которые распевались по всей Чечне и пользовались большой популярностью, например, «Песня об Алдынском Шейх-Мансуре». О шейхе Мансуре сложено в народе также множество легенд, преданий и сказаний. Все это способствовало укреплению национального самосознания.

Как известно, в героико-исторических песнях (илли) воспевалась отвага горцев, способных пожертвовать всем, защищая свободу не отдельного села или общества, а всего родного края, за честь и национальное достоинство всего народа. Для всех илли характерна одна общая черта: они учат мужеству и героической защите человеческой и национальной чести. Главным героем всех илли всегда является «кIант» – молодец, витязь, удалец, образец нравственных качеств, носитель «нохчалла» – чеченства. Он также первопроходец, выводящий людей из гор, рыцарь-молодец выходит на равнину рубит на деревьях межевые отметки, ставит пограничные камни, защищает новое село от набегов князей, кормит вдов и сирот. Один из таких первопроходцев («Песнь о Гихо, сыне Гихи») прямо заявляет иноплеменному князю: «Ты с Чечней теперь не шути, ныне Чечня тебя не боится!»[50].

Безусловно, героические песни горцев складывались, как правило, о подвигах, совершавшихся в кровавых сражениях, и герой берется за оружие лишь тогда, когда задевают его честь и достоинство. Именно на этом зиждется эстетический и этический закон рождения героической песни. Героической идеализации подвержены только благородные рыцари, а не грабители и убийцы. К таким произведениям относятся чеченские героические песни – «Некий сын и Солса», «Песня об Алхаштой Алхе», «О молодце из Тарки, казаке, вдовьем сыне и Джуми Актоле», «Песня о Шихмирзе, сыне Зайты» и др.[51]

Кроме героико-исторических и героико-эпических песен, в рассматриваемое время у чеченцев существовали и другие разнообразные по своему жанру песни – обрядовые, трудовые, охотничьи, любовные, шуточные, бытовые, колыбельные, детские. Жизнь песни была не статична. Она создавалась во все времена, на все случаи жизни и являлась как бы отголоском на все поворотные вехи исторического развития чеченцев на протяжении веков.

Как известно, в состав героических песен входят и так называемые абреческие песни. Песни эти о горестной судьбе и героической борьбе людей,

которые в одиночку осуществляли в форме индивидуального террора социальную власть порабощенного народа. Чеченские песни об абреках – это героические песни. О полном драматизме абреческой жизни и трагической напряженности переживания в песнях об абреках повествует чеченская «Песня абрека», а также «Песня времен борьбы вольных горцев с феодалами», «Песня защитников родного аула», «Я сражался с врагом» и др.

Большое место в песенном фольклоре народов Северного Кавказа и в частности чеченцев занимают песни о народной жизни, крестьянской доле, судьбе трудящегося человека, его чаяниях и надеждах, борьбе за лучшую жизнь, радости и горе, любви и ненависти и т.д. В чеченских песнях-жалобах «Олени», «Ты лети скорее, птица милая», «Мне приносит вести небо синее...», «Шелестит ли трава», «Мать» и др. мы видим одиноких и обездоленных горцев.

Интересно отметить тот факт, что в крестьянских песнях-жалобах есть также трагические песни, например, «Под горою укроет могила меня...», «Птица и девушка», «Песня насильно выданной замуж», «Девичья песня» и т.д., посвященные горькой доле горской женщины. Как не тяжела была жизнь простого обездоленного горца, однако женская доля в горской семье была самой невыносимой.

Говоря о разнообразных песнях чеченцев в рассматриваемое время, следует особо сказать о песнях любви, занимавших большое место в жизни чеченцев. Такие песни, как «Песня горянки», «Не кори меня сурово», «Тебя любя, плачу», «Девичья песня», «Альбика», «Сколько слез пролила», создавали сами молодые горцы и горянки, хотя слушать их любили все – от мала до велика. В этих песнях воспевается неразделенная и безнадежная любовь, в них, как правило, много печали и горя, а самое главное – «рыцарски благородное отношение к женщине, к ее красоте и сердечным порывам».

В колыбельных песнях чеченцев так же, как и у многих народов Северного Кавказа, выражалась невыразимая любовь, нежность и тревога матери за ребенка («Песенка о пчеле», «Черный жук», «Волки» и др.). В них ощущается не только любовь и тревога матери, но и чуткое «материнское сердце, которое вместило всю жалость и все горе мира, всю нежность и все тревоги на земле»[52].

Большое распространение среди чеченцев имели нарт-орстхойские сказания, сказки и предания. Нартский эпос у каждого народа Северного Кавказа имеет свои особенности. Название вайнахского эпоса также своеобразно – нарт-орстхойский эпос. В древнем эпосе чеченцев нарты наделены положительными качествами. Главным героем в нартском сказании «Сеска Солса» выступает руководитель дружины Сеска Солса, которому приписываются подвиги эпического характера. Несколько особняком среди нартов стоит герой Боткий Ширтка.

Положительными героями нарт-орстхойского эпоса являются обобщенные мифические образы мирного пастуха и храброго воина Колой Канта и дочери бога грома и молнии Селы-Саты (в сказаниях «Колой Канта», «Нежнолюбимая Альбика» и др.). Села-Сата является образцом женской красоты, доброты, чистоты и хорошей хозяйки. В образе мудрой Альбики в эпосе представлен идеал верной и мудрой жены прославленного местного героя Охкарой Канта, друга нарта Сески Солсы.

Значительное место в фольклоре чеченцев наряду с нарт-орстхойскими сказаниями занимают героико-волшебные сказки, например, «Три брата», «Черный Хожа», «Семеро товарищей», «Князь и Жера-Баба», «Храбрый Пахтат», «Сын вдовы». Положительным героем сказок чеченцев, как правило, является либо вдовий сын, либо презираемый старшими товарищами младший брат – выходец из социальных низов. Как правило, в сказках герой убивает трех драконов, попадает в три подземных мира, отбивает у злых сил свою любимую невесту.

Подлинными произведениями устного народного творчества чеченцев являлись легенды и предания, в которых, как правило, сообщаются сведения о древней истории народа, о его обычаях, чаяниях и надеждах. В качестве примера приведем несколько легенд и преданий: «Богатырь Нохчо», «Предание о происхождении фамилии Барконхой», «Чабарло», «Башня Гоната», «Села Гардали, Даттах, Энган», «Основание села Алхан-Юрт», «Сестра семерых братьев», «Как женщины одолели врагов», «Девушка ищет суженого», «Изгнание князей из Чечни», «Истребление коварных врагов», «Сын должен быть достойным своих родителей» и т.д.[53]

Нашествие Тимура на Северный Кавказ, и в частности на Чечню в XIV в., и его сражения на Тереке в 1395–1396 гг. с одним из золотоордынских ханов Тохтамышем и с местными жителями оставили значительный след в фольклоре чеченцев. В песнях, сказаниях и легендах чеченцев «Канава Тимура Хромого», «Легенда о Хромом Темире (АстагIа Темар) и его сыне», «Тамерлан на Кавказе» и других сообщается о походах Тимура на Северный Кавказ и его сражениях с горцами. Тимур преподносится горцами в фольклоре как реальный герой и называется кровавым завоевателем[54].

В целом, в историко-этнографической литературе только началось исследование такого мощного духовно-культурного явления как чеченская этика. Вследствие постоянных войн и характерного состояния чеченского общества как «вооруженного народа» складывалась своеобразная военно-духовная система, именуемая «Нохчалла» и «Къонахалла». Согласно мнению исследователей, Кодекс «Къонахалла» не охватывает всего многообразия чеченской этики, которая представляет собой сложную и многоступенчатую систему. Но он является ее вершиной, ее нравственной квинтэссенцией. В основе кодекса – долг перед Отчизной, народом, принимаемый на себя къонахом добровольно. Къонах следует своему долгу перед народом, Отчизной, исходя из внутреннего осознания этого долга. Он не ждет за это награды ни в этом мире, ни в потустороннем. Его поступки определяются не страхом перед воздаянием или небесной карой, а его доброй волей. Для къонаха следование долгу – высокая священная миссия, которая требует от него огромных нравственных усилий.

Известный чеченский этнолог Саид-Магомед Хасиев в ценностной шкале чеченцев выделил три уровня категорий: 1) «радующие глаз», «видимые», т.е. бросающиеся в глаза: адамалла – человечность, цIано – духовная чистота, юьхь – лицо, гIиллакх – этикет; 2) «радующие сердце», т.е. менее демонстративные: кIинхетам – милосердие, нийсо – справедливость, иэхь (бехк, иэс) – стыд, оьздангалла – благородство; 3) «невидимые», «корни»: ларам – почтительность, бакъо – правдивость, сий – честь, собар – выдержка, терпение. Именно «невидимые» ценности ученый считает базовыми для ценностной шкалы и присущими прежде всего къонаху.

При этом основополагающей категорией ценностной системы чеченской этики и кодекса «Къонахалла» является «адамалла – человечность, гуманность». Она не просто занимает первое место в структуре ценностной шкалы, а является ее вершиной и фундаментом одновременно. Она трансцендентна для чеченской этической системы, пронизывает ее от основания до вершины, определяет качество и характер других нравственных ценностей. «Адамалла» в чеченской этической системе определяется не только категориями гуманности (милосердие, сострадание, сопереживание, великодушие), но и мудростью[55].

В рассматриваемое время в музыкальной культуре чеченцев, которая была представлена и вокальным, и инструментальным искусством, при всем своем своеобразии и отличии было много общего с соседними кавказскими народами, обусловленного давними историческими и культурно-экономическими связями горцев. В песенном фольклоре чеченцев бытовали трудовые, обрядовые, лирические (любовные) и другие песни. Ведущей формой вокального исполнительства чеченцев являлось сольное (одноголосное), двухголосное и многоголосное пение с музыкальным сопровождением и без него. Как и у многих северокавказских народов, у чеченцев, по-видимому, традиционное двухголосие и многоголосие создавалось «из основной, ведущей партии солиста и относительно самостоятельного, обычно сдержанного хорового сопровождения, создававшего музыкальный фон» (например, у чеченцев – «йишлакхар» «эшаралар», «эшарлакхар»), у адыгейцев («ежьу») и осетин («хоырнын»)[56].

Основными создателями, хранителями и распространителями музыкального искусства чеченцев были самородки народных певцов. Музыкальные инструменты чеченцев были также довольно разнообразны, основное их на-

значение состояло в аккомпанировании народным песням и в исполнении танцевальной музыки. Наиболее распространенными музыкальными инструменты были двухструнная скрипка (чIондарг), горская балалайка (дечиг-пондар), зурна, барабан, шедаг (свирель), «Iадхьокху пондар» (скрипка) и др. По сведениям западноевропейского ученого-путешественника Якоба Рейнеггса, «музыка их (чеченцев. – Ш.А.) состоит из двухструнной скрипки, свирели и волынки»[57].

Танцы у чеченцев являлись самым распространенным видом искусства, любимым развлечением и без них не обходилось ни одно общественное мероприятие и семейное торжество. Зародившись в глубокой древности, танцы народов Северного Кавказа создавались и оттачивались веками, привнося в свой колорит «множество интересных исполнительских форм и приемов». Лучшие черты характера – «стойкость духа и чувство достоинства, гордость и самообладание» – все это отразилось в танцах народов Кавказа[58].

Как правило, женским танцам были присущи плавность и мягкость движений, грациозность и подчеркнутая скромность, а мужским танцам, напротив, были более присущи динамизм, ловкость, строгая красота, более резкие, порывистые движения и в то же время подчеркнутая почтительная обходительность с женщинами. Из множества танцев, бытовавших, по-видимому, в далеком прошлом у чеченцев, к XVIII в. дошли в более неизменном виде только те, в которых в большей мере сохранились, на наш взгляд, неповторимые элементы психологии и характера чеченцев. Так, у чеченцев не дожили до нового времени культовые и обрядовые танцы, например, у адыгов «уджи», карачаевцев и балкарцев – «абдзек», осетин – «симд», в которых мужчины берут женщин за руки или под руки во время танца. Очень распространенным у чеченцев в рассматриваемое время был народный танец, в котором участвовали одновременно и мужчина, и женщина. В нем сочетались плавные элементы со стороны женщины, но в то же время быстрые и темпераментные движения со стороны мужчины, требовавшие высокого хореографического мастерства «хелхар» (танец).

Западноевропейский ученый-путешественник Якоб Рейнеггс, побывавший в XVIII в. в горах Чечни и Ингушетии, имел возможность описать увиденный им танец горцев (вероятно, ингушей). Вот что он пишет по этому поводу: «Пляска же их начинается сперва всякого рода опасным прыганьем, потом, когда сие уже многими плясунами было повторено, хватают они за руки, поют в коротких и обрывистых словах и пляшут длинными рядами, иногда делают круг, который то разрывают, то опять соединяют, и, наконец, оканчивают таким же опасным прыганьем каким начали свою пляску»[59].

У чеченцев всегда был популярным сольный танец на носках (на подвернутых пальцах ног «бохь богIар», который назывался, как и у всех народов Северного Кавказа, одним общим названием «кавказская лезгинка». Танец

«лезгинка» обязательно сопровождался динамичной и темпераментной музыкой и звонкими ударами на барабане в такт танцующему, а также хлопаньем в ладоши всеми присутствующими мужчинами.

Язык также является одним из главных атрибутов духовной культуры народа. В рассматриваемое время чеченцы в большинстве своем, как в горах, так и на равнине, говорили на своем родном, чеченском языке. Однако часть чеченцев, проживавшая на равнинной части, в частности по Тереку и Сунже, по соседству и даже вместе с кумыками и казаками в некоторых кумыкских селах (Эндери, Аксай, Костек, Брагуны и т.д.) и в казачьих станицах, разговаривали на двух-трех языках – русском, кумыкском и чеченском. О гребенских казаках второй половины XVIII в. сообщается, что они посредством браков с кавказцами настолько смешались с ними, что их прежняя русская речь превратилась в ломаный язык, смешанный с кавказским. В архивном документе за 1744 г. говорится о том, что терские казаки владеют языками некоторых кавказских народов[60].

Как и многие народы Северного Кавказа, чеченцы в рассматриваемое время не имели своей письменности. Поэтому для внешних дипломатических сношений они вынуждены были прибегать к общераспространенным письменным. Предположительно, в отдельных обществах горной Чечни (особенно западной части) в XVI–XVII вв. имело место бытование грузинской письменности и грузинского языка. В то же время документальные источники убедительно доказывают, что в XVI–XVII вв. в дипломатических сношениях с Москвой чеченцы использовали как тюркский письменный язык, так и русскую письменность с помощью русских и местных толмачей (переводчиков) и писцов. Кроме того, архивные материалы XVIII в. свидетельствуют, что дипломатическая переписка чеченцев с Россией параллельно осуществлялась на арабском и тюркском языках посредством арабской графики с постепенным преобладанием арабского классического языка. Надо отметить, что письма чеченских князей и обществ, направленные российским властям, порой достигают литературных высот, там встречается накал страстей, живая речь, сравнения, образные обороты, юмор[61].

Не вызывает сомнения тот факт, что по мере распространения и укоренения исламской религии в крупных чеченских селах на равнине создавались мечети, при которых открывались начальные школы (хьуьжарш) для обучения детей арабской грамоте. Как известно, почти в каждом большом ауле были муллы и кадии, которые занимались обучением детей в мечетских школах основам мусульманской религии и шариата. Такими селами (аулами) на равнинной и в предгорной части Чечни являлись Чечен-Аул, Большие Атаги, Герменчук, Шали, Алды, Гехи и т.д. Для открытия мечетских школ не требовалось никакого разрешения властей и содержались они на средства родителей и пожертвования верующих. Как правило, они давали в основном навыки

механического чтения Корана и элементарные знания арабского письма. Молодые люди, посвятившие себя более глубокому изучению арабского языка Корана (муталимы), ходили «воспитываться (учиться. – Ш.А.) в Черкей, в Акушу, или Кази-Кумык»[62].

В то же время вполне реально, что в конце XVIII в. в некоторых равнинных селах Чечни имелись религиозно-образованные люди, за плечами которых были школы медресе в Дагестане (средние духовные школы), в которых они изучали Коран, арабскую грамматику, логику, мусульманское право, географию, астрономию и другие науки ортодоксального ислама. В это время растет интерес у местных народов к рукописной литературе по различным отраслям знаний, которая поступает из Ближнего Востока через Дагестан к народам Северного Кавказа, в том числе в Чечню. Отдельные рукописи книг изготовляли и сами переписчики религиозной литературы. У отдельных образованных людей создавались свои небольшие домашние библиотеки, часть рукописей была сосредоточена при мечетях и мечетских школах. Говоря же о частных хранилищах в Чечне в это время, следует отметить, что такие библиотеки, в которых содержались рукописи по религиозной и другой тематике, по всей вероятности, не могли, например, не иметься у наиболее авторитетных и образованных мулл из сел. Шали – Умар-хаджи, Ногай-мирза-хаджи, Бисултан-хаджи и Хамби-хаджи, совершивших в свое время паломничество (хадж) в Мекку, у муллы Али Исханова из сел. Алды и т.д. На фоне общего подъема арабоязычной науки на Северном Кавказе с XVI в., по словам выдающегося ориенталиста И.Ю. Крачковкого, идет процесс постепенного создания в Дагестане, Чечне, Ингушетии и отчасти в Кабарде и Черкесии местной оригинальной литературы на арабском языке[63].

Многие народы Северного Кавказа в. исповедовали разные религии. Чеченцы, жившие в это время в восточной и предгорной Чечне, были мусульманами еще в XVI в. Однако, как отмечают авторы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа, «большинство населения горной Чечни приняло ислам лишь в XVII–XVIII вв.», но притом жители нескольких соседних с Грузией обществ оставались язычниками или христианами еще в начале XIX в. Долгое время сопротивлялись исламизации те же карабулаки – выходцы из Галанчожского ущелья[64].

Дореволюционный исследователь Евг. Максимов пишет: «К началу прошлого XVII столетия магометанство получило (в Чечне. – Ш.А.), должно быть, преобладающее значение, но, тем не менее, еще во время покорения де Медемом Сунженских чеченцев (70-е гг. XVIII в.) встречались целые фамильные союзы, исповедовавшие христианскую (скорее языческую. – Ш.А.) обрядность»[65].

Однако такая картина полностью меняется в Чечне с 1785 г., в пору выступления горцев под руководством шейха Мансура. В целях быстрейшего

утверждения шариата, а также принятия «отсталой» частью горцев мусульманской религии, шейх Мансур во главе вооруженного отряда разъезжает по горным селам Чечни, приводя здешних жителей к «закону». Программа исламизации общества шейха Мансура состояла из трех основных направлений: 1) возвращение к исламу чистому и аскетическому; 2) борьба против адатов и введение убеждением или силой закона шариата: 3) «священная война» (газават) ведется сначала против соблюдающих адаты, затем против «неверных» (иноверцев-горцев) и, наконец, против царизма[66].

Анализ многочисленных писем, воззваний и обращений Мансура на арабском и тюркском языках к народам Северного Кавказа, а также к официальным царским и турецким властям позволяет думать, что имам неплохо знал арабскую грамоту. По-видимому, он мог довольно сносно писать и читать на арабском языке и свободно изъясняться на «кумыкском» языке, тем более что имеющиеся материалы недвусмысленно говорят о том, что жена Мансура происходила из сел. Шали и принадлежала, по-видимому, к знатной кумыкской фамилии.

Таким образом, анализ материалов, характеризующих материальную и духовную культуру чеченцев, позволяет утверждать, что во всех рассмотренных нами памятниках архитектуры прослеживается их органическая связь с самобытным традиционным зодчеством Чечни. В то же время, признавая некоторые общие черты, свойственные архитектурным памятникам народов Кавказа, нельзя не отметить и отличительные особенности материальной культуры, характерные только для Чечни. Кроме того, в XVI–XVIII вв. происходит несомненная эволюция в развитии типологии и планировке чеченского жилища (от жилища большой семьи к жилищу малой семьи).

В рассматриваемое время у чеченцев наблюдается некоторое оживление и общественной мысли, связанное с социально-экономическим подъемом и обострением социальной борьбы, ускоряется процесс накопления народных знаний в различных сферах общественной жизни, делаются первые шаги в развитии письменности народа, углубляется процесс исламизации нахского народа и т.д.

Высшим достижением духовной культуры чеченцев указанного времени, безусловно, является создание жанра героико-эпических песен и своеобразного уникального памятника устного народного творчества – нарт-орстхойского эпоса.

§3. Российская академическая наука о Чечне и чеченцах

В рассматриваемое время вопросами изучения истории экономического, политического, общественного и культурного развития чеченцев занимались

как российские, так и иностранные исследователи. Как правило, иностранные ученые находились на русской службе и выполняли конкретное задание официальных властей или российских научных учреждений. Они работали в тесном контакте с известными русскими учеными, «опирались на предшествующие достижения русского кавказоведения» и «несмотря на то, что труды таких ученых печатались на иностранных языках, – пишет Г.И. Цибиров, – их исследования шли в общем русле русской науки и становились ее органической частью»[67].

Вместе с тем, мы не знаем наличия о Чечне XVI–XVII вв. подлинно научных систематизированных знаний. Не было по существу и научной литературы. При этом наблюдался устойчивый интерес западноевропейских историков и географов, как к Кавказу вообще, так и к Чечне в частности. «О горских народах писали итальянские, немецкие, французские и английские авторы эпохи Возрождения. Сведения о чеченских районах – «окуках» (Аух) и «мичкизах» (Нохч-Мохк) давали при европейских дворах русские послы. Богатые сведения о политическом положении нахских владений и обществ отложились в статейных списках русских посольств XVI–XVII вв. в Грузию. Наконец, в конце XVII в. голландский автор Николай Витзен привел небольшую справку о чечено-ингушских обществах в своем географическом труде»[68].

Сведения о чеченцах в русской литературе до XVIII в. весьма редкие, эпизодические и в большинстве своем, фрагментарные. Однако со второй половины XVIII в. появляются труды ученых, в которых даются несколько обобщенные и даже систематизированные сведения о некоторых сторонах экономического и общественно-политического положения чеченцев. «Это было обусловлено главным образом тем, что в это время осуществлялось планомерное и целенаправленное изучение народов Кавказа, – указывает В.М. Аталиков, – а не случайное накопление сведений о горских народах, как это было до этого»[69].

Во второй половине XVIII в. в отдельных европейских источниках и литературе начинают печатать материалы о чеченцах, характеризующие их экономическое и социальное развитие, общественное и политическое положение, называют их относительную численность, указывают названия различных горных обществ (владений), этнических и политических объединений и т.д. Со второй половины XVIII в. в европейских источниках впервые, можно сказать, затрагивается проблема происхождения северокавказских народов, в частности чеченцев. Конкретные сведения о материальной и духовной культуре чеченцев в XVIII – начале XIX в. представлены в работах таких иностранных исследователей, как Шобер, Гербер, Штедер, Паллас, Гмелин, Гильденштедт, Рейнеггс, Фальк, Потоцкий, Клапрот и др.

Говоря об отношении передовых людей Чечни к российской культуре и к ее отдельным выдающимся представителям – передовой интеллигенции –

необходимо сказать и о тех русских исследователях и ученых, которые прямо или косвенно оказали влияние на развитие чеченского языка, истории, этнографии и экономики. В данном случае речь идет о таких исследователях XIX в. как С. Броневский, В. Миллер, М. Ковалевский, Ф. Леонтович. Л. Лавров, Н. Пирогов, В. Голенищев-Кутузов, А. Берже, И. Бартоломей, П. Услар, И. Клингер и др.

Появление их научных трудов, в частности по истории, этнографии, лингвистике, медицине и т.д., находилось в тесной связи с общим направлением развитием исторической науки в России. В них собран обширный фактический материал по истории и культуре чеченцев, который и теперь успешно используется историками, этнографами, языковедами современной Чечни.

С 20-х гг. XVIII в. наблюдается поступательное развитие русско-чеченских взаимоотношений. Это имело прогрессивное значение, кроме всего прочего, для более полного и стационарного изучения русской академической наукой чеченского народа. Время начала сбора в русской науке историко-этнографических и других сведений о горских народах, включая чеченцев, относится к петровской эпохе. С укреплением политических позиций России на Кавказе, особенно после Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.), оно также усилилось.

Начало становления российского чеченоведения наметили историко-этнографические материалы, опубликованные в исследованиях середины и второй половины XVIII в. Так, например, на карте знаменитого «Атласа Российского» с названием «Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и... часть реки Волги с ее устьем» обозначены близкие нам нахские названия: «Глихви» (Глигви. – Ш.А.), «Тухети» (Тушети. – Ш.А.) и др. Первой попыткой этнической оценки Кавказа являются такие издания, как «Краткое изображение лежащих между Черным и Каспийским морями земель и народов» и «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы» (№3, 1789 г.), где опять-таки приведена нахская номенклатура – «глихви», «тухети», «кисты», «цурцуки»[70].

Более ранние сведения о социально-экономическом развитии и политическом положении чеченцев сообщаются также в некоторых источниках первой трети XVIII в. (появившихся в печати значительно позднее). К ним относятся, в частности, записки немецкого ученого на русской службе Готлиба Шобера, в 1717 г. посланного на юг и в 1718 г. побывавшего на территории современной Чечни в районе аула Брагуны, где первым из европейцев обследовал местные минеральные источники. Он отметил, что «овец на сей земле зело тучны бывают, только что едва ли в англицком государстве таковые обрящутся. К тому же вкусом добрым и шерсть такова мягка, что с шпанскою шерстию в равности будет»[71].

Другой немецкий наблюдатель И.Г. Гербер в 1722 г. в чине артиллерийского офицера участвовал в походе русских войск (Персидский поход Петра I) на побережье Каспийского моря. В 1728 г. по заданию правительства Гербер составил описание местностей и населения побережья Каспийского моря между Астраханью и р. Кура, а также карту этого района. При этом им широко использованы письменные и другие источники. Труд был впервые опубликован в 1760 г.[72]

Сообщаемые И.Г. Гербером сведения о Чечне и чеченцах очень кратки, и они касаются только той части чеченцев, которые проживали на равнине в нескольких деревнях вблизи кумыкского села Эндери и находились в подданстве кумыкских князей (скорее всего, это ауховцы и качкалыки, жители двух обществ). Согласно данным И.Г. Гербера, эти чеченцы разговаривали не только на своем родном языке, но и на татарском (кумыкском. – Ш.А.) и вера у них была «магометанская». Большой интерес представляют сообщаемые И.Г. Гербером сведения о хозяйственной жизни и социальных отношениях чеченцев. Основное хозяйство их состояло в занятиях земледелием, скотоводством, торговлей. «За городом Крепости (Святой Крест) имеется торгование с приездными туда купцами российскими, армянами, горскими чеченцами, татары и прочие», – сообщает источник Гербера.

Указывая на политические отношения у чеченцев, И.Г. Гербер сообщает, что горцы имеют своих старшин, которые здесь осуществляют управление в качестве владетелей. «Чеченцы вместе со своими старшинами находились под властью шамхалов и ныне главнейший (князь. – Ш.А.) у оного имени Казбулат». Шамхалу некие зависимые чеченцы платили подать, которая, как правило, выражалась в крупном рогатом скоте и баранах[73].

Собственно, на сегодня известно, что шамхал в тот период получал единственно плату со стороны тех или иных чеченцев за пользование его прикаспийскими пастбищами и соляными озерами. Западнее Сулака его не допускали эндирейские и аксайские князья.

Среди сведений, сообщаемых И.Г. Гербером, определенного внимания заслуживает сообщение автора о том, что названная им в данном источнике часть чеченцев, проживавшая вблизи кумыкского с. Эндери, впервые дала присягу подданства Российской империи с 1722 г. По всей вероятности, данное утверждение автора следует связывать с Персидским походом Петра I, когда, согласно источнику, восставшие горцы, противостоявшие царским войскам в Северном Дагестане, были фактически разбиты и покорены.

Огромный вклад в рассматриваемое время в изучение истории народов Кавказа, в том числе чеченцев, внесла российская Петербургская академия наук, организовавшая в 1768–1774 гг. и 1793–1794 гг. ряд научных экспедиций на южных рубежах империи с целью практического изучения вопросов

экономического и культурного развития края. Руководителями и участниками южных или «Астраханских экспедиций» были И.А. Гильденштедт, С.Г. Гмелин, И.Г. Георги, П.С. Паллас, Я. Рейнеггс и др. В результате своих географических и физических наблюдений и исследований, будучи во главе научных экспедиций на Кавказе в 1770–1773 гг. академик И.А. Гильденштедт подготовил научный труд на немецком языке[74], который явился первым и наиболее основательным описанием истории кавказских народов. В 1809 г. систематизированные материалы труда И.А. Гильденштедта в русском переводе (в сокращении) издал другой ученый – К.Ю. Герман[75].

И.А. Гильденштедт подробно рассматривает историю Кистии или Кистетии (районы Северного Кавказа, населенные нахскими народами, говорящими на «кистинских» языках), географию и границы расселения ее обществ, самоназвание народа, величину территории и историю, происхождения, общественное устройство горцев и т.д. Автор указывает, что грузины называют чеченцев кистами, андийцы – бутурул – мичкизами, кумыки и черкесы – просто мичкизами, хотя грузины не все мичкизские общества относят к кистинским, а кумыки не все кистинские общества – к мичкизским.

Интересны наблюдения автора относительно общественного устройства «кистин». Так, И.А. Гильденштедт указывает, что немногие из них имеют независимых князей, «другие не имеют дворянства, но выбирают между собою богатейших, а особливо имеющих большое родство в старшины, коим они однако не столько повинуются, сколько им угодно. Иные подвластны сильным своим соседям, коим частично платят дань; иногда свергают с себя сие иго, либо покоряются другим владетелям...». Как и у всех кавказских народов, – отмечает далее автор, – основное хозяйство кистин состоит в животноводстве и земледелии[76].

Выше автор, видимо, имел в виду исключительно чеченцев, так как он же далее указывает, что собственно ингуши не имеют у себя дворянства, но зато имеют «истории знаменитых родов, как-то: Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из коих они, как независимый народ, выбирает себе старшину и судью, который управляет именем целого общества». И.А. Гильденштедт отмечает также, что так называемые ингуши или кисты при желании могут выставить до 5 тыс. воинов (в данном случае он посчитал вместе тех горцев горной Чечни и Ингушетии, которые еще находились в язычестве)[77].

Важное значение имеет сообщение автора о жителях округа (общества) Чечен (с. Чечен-Аул), населявших в основном земли в нижнем течении рр. Аргун и Бистен (?), впадающих в р. Сунжа. Под названием жителей округа Чечен, а точнее общества Чечен, автором, по-видимому, подразумевается народ, проживавший на территории Чеченского феодального владения с центром Чечен-Аул. Об их общественном устройстве И.А. Гильденштедт

говорит, что они «имеют собственных своих князей. Царствующая фамилия называется Туркан, и находится в родстве с Ауар-Ханом (по-видимому, аварский хан Нагорного Дагестана. – III.А.)»[78].

Большого внимания заслуживают сведения автора о «карабулакском народе», который, по его мнению, разговаривает «на общем кистинском, чеченском или мичикском наречии», деревни которого расположены в горах по р. Мартан (в данном контексте Фортанга). Слово «карабулак» на кумыкском языке означает «черный источник». Черкесы называют «карабулаков» словом «бальсу» (медовая вода), чеченцы называют их словом «арьпптой», а ингуши и сами карабулаки называют себя «арште». Что же касается общественного устройства карабулаков, то И.А. Гильденштедт отмечает, что у них отсутствуют князья, но зато есть старшины, платят дань аксайским князьям. В 1772 г. карабулакский народ добровольно принял российское подданство. Как и у других наиболее крупных чеченских обществ, среди карабулакских деревень находилось селение, называемое по имени влиятельной фамилии – «Боко», насчитывающее в себе около 40 семейств[79]. Утверждения же И.А. Гильденштедта о том, что «карабулаки суть кочевой народ», по всей вероятности, надо понимать не в буквальном смысле, а в том, что они в течение круглого года успешно занимались отгонным скотоводством, используя для этого имеющиеся горные альпийские пастбища (луга).

Другим участником академической экспедиции на Северный Кавказ, и в частности в Чечню, в 70-х гг. XVIII в. был доктор медицины, немецкий натуралист И.Г. Георги. При издании своего сводного труда он при описании Чечни обобщил материалы путешествия своего предшественника И.А. Гильденштедта. Называя жителей края одним общим грузинским названием кисты или кистинцы, автор выделяет среди них четыре наиболее известных в то время нахских этнических названия – чеченцы, ингуши, мичигаш и карабулаки. Указывая сведения об общественном строе чеченцев, И.Г. Георги отмечает, что они «имеют у себя князей и дворянство», а относительно хозяйственной деятельности сообщает, что чеченцы и ингуши «упражняются в хлебопашестве и скотоводстве так же, как черкесы и прочие кавказские народы»[80].

Большой научный и познавательный интерес представляют материалы о чеченцах и ингушах, собранные во время научной экспедиции на Кавказ, и в частности в Чечню и Ингушетию, в 1770–1780-х гг. доктором медицины и одновременно российским агентом на Кавказе Якобом Рейнеггсом. В его работе, изданной в конце XVIII в., содержатся ценные сведения по истории, экономике, этнографии, лингвистике и географии местных народов. Описывая основные отрасли хозяйства чеченцев, Я. Рейнеггс отмечает, что горцы занимаются земледелием, скотоводством, садоводством и торговлей, разводят пчел, выращивают табак, редьку, лук и т.д. Автор указывает также о бытовании у чеченцев элементов языческой и христианской религии, соблюдении ими религиозных ритуалов. С большой точностью описывает Я. Рейнеггс обряды и ритуалы совместного танца, плясок и пения нахских мужчин и женщин, их музыкальные инструменты (скрипки, свирели, волынки и т.д.)[81].

Еще одним участником академической экспедиции на Северный Кавказ в 1793–1794 гг., написавшим свою научную работу, был российский академик, немецкий ученый П.С. Паллас. Сведения о чеченцах составлены им на основании анализа литературных источников, а также из показаний сведущих лиц, одним из которых был подполковник Л.Л. Штедер, побывавший в Чечне в 1781 г. Первое знакомство ученого с чеченцами (в т.ч. с карабулаками) и ингушами дает основание для выводов о народе, который «совершенно отличается от других кавказских народов по языку, облику и чертам лица». Причем отталкиваясь от высказываний и выводов И.А. Гильденштедта, П.С. Паллас относит карабулаков к мичкизам или кистам (т.е. к чеченцам), которых он считает «остатками реальных алан». Как и его предшественники, П.С. Паллас отмечает, что чеченцы и ингуши, хотя, на его взгляд, и мало занимаются земледелием и скотоводством, но все равно являются искусными земледельцами. Не менее ценны для специалистов сообщаемые П.С. Палласом сведения о некоторых видах вооружения чеченцев и ингушей конца XVIII в.[82]

Ценный историко-этнографический материал о чеченцах в рассматриваемое время, кроме ученых – членов Российской Академии наук, собран также состоявшими в это время на военной службе в России иностранцами Л.Л. Штедером, И. Штелиным, И.И. Германом, Я. Потоцким и др. Подполковник Л.Л. Штедер в 1781 г. совершил разведывательную экспедицию по Кавказу, прошел расстояние от Моздока через кабардинцев, чеченцев, ингушей, карабулаков и осетин в Грузию. Он имел задание составить военно-топографическую карту, описать жителей гор Кавказа и степей и одновременно произвести геологическую разведку. Работа Л.Л. Штедера называется «Дневник путешествия в 1781 году». Она была издана благодаря П.С. Палласу в 1797 г. в Германии[83]. В «Дневнике...» Л.Л. Штедера приводятся подробные сведения о племенах и обществах горцев, их общественном строе, религии, пище, одежде, хозяйстве, поселениях и жилищах, семейных отношениях, обычаях аталычества и гостеприимства, кровной мести. Л.Л. Штедер называет в Чечне наиболее крупные нахские общества – Четчен, Ингуш, Карабулак и Акки. Развитие скотоводства у чеченцев, ингушей и карабулаков заключалось, по Л. Штедеру, в разведении крупного скота, лошадей, овец, коз, свиней, ослов и мулов. Л. Штедер отмечает также, что нахи строили каменные башни, предназначавшиеся не только для обороны, но и для жилья. Так, карабулаки, по утверждению Л.Л. Штедера, жили в высоких башнях,

возведенных из необработанных камней; вход в башню осуществлялся только по лестнице и располагался посередине между основанием и верхом башни. В стенах башен имелось несколько отверстий. В центре жилой комнаты разводили огонь, который давал свет и тепло[84].

Говоря же о формах управления у чеченцев в рассматриваемое время. Л. Штедер указывает, что карабулаки, в частности, имеют «демократическую конституцию» и общественные дела решают голосованием на общих собраниях, но зато в частных делах у них господствует старейшина («фаустрех»). И далее о карабулаках (и ингушах) Л. Штедер пишет, что они, как и другие горские народы, соблюдают обычай гостеприимства и кровной мести, и гостю выставляют на стол все, что есть в их доме. Что касается религии, то карабулаки по Л. Штедеру, «имеют нечто вроде естественной религии (собственно язычество. – Ш.А.), «они почитают высшее существо и верят в загробную жизнь»[85].

Другой исследователь польский граф и известный европейский писатель Ян Потоцкий осенью 1797 г. совершил научное путешествие по Северному Кавказу. Свои изыскания о народах Кавказа он изложил в работах «Ранняя история народов России» и «Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу». В своей первой книге Я. Потоцкий предпринял попытку рассмотреть проблему происхождения горских народов, в том числе и чеченцев (мичкизов, мишегов). Как полагает Я. Потоцкий вслед за Палласом, предки нынешних чеченцев в I–VI вв. н. э. переселились из Крыма на Кавказ. Кроме того, судя по известиям Я. Потоцкого, чеченцы в рассматриваемое время были «ревностными» мусульманами, а ингуши и частично карабулаки продолжали оставаться полуязычниками и полухристианами[86].

Огромный вклад в исследование политической истории народов Кавказа во взаимоотношениях с Россией именно в XVIII в. внес академик П.Г. Бутков, служивший на Кавказе с 1791 по 1803 г. Обширный фактический материал по истории народов Кавказа был опубликован значительно позже в обобщающем фундаментальном научном труде, состоящим из 3-х частей[87]. П.Г. Бутков собрал из различных разрозненных архивов и источников наиболее ценные материалы по Чечне, глубоко проанализировав, изложил их в той хронологической последовательности, в какой фактически развивались политические события на Кавказе и в России. Однако при всем этом высказывания П.Г. Буткова относительно чеченцев порой носят тенденциозный характер и приводимые им материалы требуют к себе критического анализа.

В самом начале XIX в. были опубликованы ценные кавказоведческие работы исследователей А.И. Ахвердова и А.М. Буцковского, составленные на рубеже XVIII–XIX вв. Оригинальность работ А.И. Ахвердова и А.М. Буцковского, как и сочинения И.Г. Гербера, заключается в том, что сообщаемые в них сведения собраны авторами из достоверных источников. Тот же А.И. Ахвердов в 1801–1804 гг. состоял комендантом Кизлярской крепости. Он успешно вел переговоры с местными феодалами и ханами, владел несколькими языками, читал и писал по-русски и по-грузински, знал армянский, татарский (кумыкский. – Ш.А.) и турецкий языки[88].

В источнике А.И. Ахвердова дается краткое описание отдельных чеченских обществ и владений, перечисляется количество деревень в них и называются имена чеченских владельцев и князей, основные отрасли хозяйства горцев, степени мусульманизации и т.д.

В это же время другой исследователь А.М. Буцковский также находился в военной службе на Кавказе с 1789 г. В 1810 г. будучи в чине подполковника, А.М. Буцковский был командирован на Кавказскую Линию для описания некоторых горских областей. Об ауховцах, или так называемых качкалыковских и отчасти чеченских выходцах, автор сообщает, что они поселились и живут якобы на «кумыкских землях» около верховьев рр. Акташ и Ярык-Су, платят «дань» кумыкским князьям и обязаны при необходимости выделять им вспомогательных воинов, хотя они все чаще и уклоняются от этого. Главным занятием их является разведение мелкого и крупного рогатого скота (потому они платили князьям не дань, а за зимний выпас скота в их владениях). Весьма неплохо развито у них такое ремесло, как изготовление ружей[89].

Таким образом, первые века историко-этнографического изучения чеченцев российской академической наукой в XVIII столетии связаны помимо прочего с тенденцией неуклонного развития и углубления культурных взаимоотношений чеченцев с другими народами России.

---

[1] Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994. С. 215–216.

[2] См.: Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 58, 61–62; Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004. С. 118, 126–139, 162–164.

[3] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967. С. 274–272; Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969. С. 23; Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 63.

[4] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 276; Гольдштейн А. Башни в горах. М., 1977. С. 212; Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 184–270.

[5] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 272; Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 71; Ильясов Л. Указ. соч. С. 128–151.

[6] См.: Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии Всев. Миллера // Материалы по Археологии Кавказа. Т. 1. М., 1888; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 276; Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 71.

[7] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 276; Ильясов Л. Указ. соч. С. 63, 164–187.

[8] Ильясов Л. Указ. соч. С. 164–187.

[9] См.: Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Северной Осетии. Владикавказ, 1928. С. 5; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 276–277; Ильясов Л. Указ. соч. С. 217–221.

[10] См.: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 277; История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 9 кл. Грозный, 1992. С. 19; Ильясов Л. Указ. соч. С. 214–216.

[11] См.: Георги И.Г. Описание в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. СПб., 1779. С. 58; Гаджиев В.Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XIX в.). Грозный, 1986. С. 26.

[12] Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – нач. XIX в. Архивные материалы М., 1958. С. 70.

[13] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 468–469.

[14] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001. С. 276.

[15] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 469; Гольдштейн А. Указ. соч. С. 262.

[16] См.: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 87–88; История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 469.

[17] Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа (XVIII–XIX вв.).М., 1989. С. 27–30.

[18] См.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 295; Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 51–52; 108; Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 30–32; Абдулвахабова Б.Б.-А. Одежда чеченцев и ингушей XVI – начала XIX века (археолого-этнографическое исследование). Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1992.

[19] Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 94–95.

[20] Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 16.

[21] Там же. С. 36.

[22] См.: Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1968. С. 158; Семенов Л.П. Указ. соч. С. 51; Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 31–32.

[23] Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 279.

[24] См.: Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. СПб., 1786–1788. С. 321; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 30.

[25] История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 471; Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 51–54.

[26] См.: Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения (ИНИИК). Вып. 2. Орджоникидзе, 1930. С. 329; Студенецкая Е.Н. Указ. соч. С. 43–43.

[27] Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 30–31.

[28] Гриценко Н.П. Современники середины XIX в. о Чечне и чеченцах // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968. С. 299.

[29] История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 9 кл. С. 20.

[30] См.: Журнал путешествий по земле донских казаков // «Северный архив». №12. М., 1824. С. 262; Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 64.

[31] См.: Журнал путешествий по земле донских казаков. С. 262; История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 9 кл. С. 22; Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII–XIX вв. Элиста, 2002. С. 429.

[32] См.: Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 171–172; Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 102.

[33] См.: Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910. С. 156; Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 429–430.

[34] Иваненков Н.С. Указ. соч. С. 166.

[35] Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 431.

[36] Там же. С. 432.

[37] История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 473.

[38] История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 7–8 кл. С. 140.

[39] История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 474.

[40] История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 7–8 кл. С. 142.

[41] См.: Паллас П.С. Указ. соч. С. 321; История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 475–476.

[42] Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) / Сост., вводная статья и примечания Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1968.

[43] История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 7–8 кл. С. 140.

[44] Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963. С. 31.

[45] История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 7–8 кл. С. 143.

[46] Ахмадов Т.З. История здравоохранения и медицинского образования на Северо-Восточном Кавказе (XIX – 1940 г.). Ростов н/Д, 2014. С. 43–118.

[47] Мадаева З.А Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX – начале XX в // Советская этнография. №4. 1983. С. 87–93.

[48] См.: Материалы Краснова А.И. (Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963).

[49] Мунаев И.Б. Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен илли (проблема формирования жанра и его системные связи) / Автореф. дисс. канд. фил. наук. М., 1981.

[50] См.: Песни народов Северного Кавказа. Л., 1976. С. 17; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 286.

[51] См.: Песни народов Северного Кавказа. С. 21; Чеченский фольклор. Т. 5. / Сост. И.Б. Мунаев. Грозный, 2007.

[52] Там же. С. 31, 35, 38, 39, 436–439; и др.

[53] Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Сост. И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный, 1986. С. 9–11, 15.

[54] История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 485.

[55] Ильясов Л. Культура чеченского народа. М., 2009. С. 79–80.

[56] История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 488.

[57] История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 7–8 кл. С. 138; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 32.

[58] История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 489.

[59] Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 31–32.

[60] История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 490–491.

[61] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 491; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 279–280.

[62] Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883. С. 88; История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 492.

[63] Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л., 1960. С. 612; История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 492.

[64] См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен… С. 495; Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. (Архивный источник о миссии представителя российских властей в Карабулаке) // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей. Грозный, 1989. С. 48–49.

[65] Максимов Евг. Чеченцы. (Историко-географический и статистическо-экономический очерк) // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 27.

[66] Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 60; Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 96.

[67] Цибиров Г.И. Осетия в русской науке. Орджоникидзе, 1981. С. 5.

[68] Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии… С. 280.

[69] Аталиков В.М. Указ. соч. С. 124.

[70] Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. М., 1966. С. 107.

[71] Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.). Нальчик, 2009. С. 120.

[72] См.: Гаджиев В.Г. Сочинение И.Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 10–15.

[73] См.: Гербер И.Г. Указ. соч. С. 63, 70; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 57–58, 61–62.

[74] Güldenstädt J.A. Reisendurch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaftenherausgegeben von P.S. Pallas. St. Petersburg: Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 1. 1787; Bd 2. 1791.

[75] Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.

[76] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 78–79.

[77] См.: Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 113; Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 54, сн. 18.

[78] Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 85–86.

[79] Там же. С. 87.

[80] Георги И.Г. Указ. соч. С. 58–59.

[81] Рейнеггс Я. Всеобщее, историческое и топографическое описание Кавказа. Кн. 1–2. Гота. СПб., 1796–1797. С. 78–80 (на нем. яз.).

[82] Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. Кн. 1–2. Лейпциг, 1799–1801. С. 144–146 (на нем. яз.).

[83] Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. Лейпциг, 1797 (на нем. яз.).

[84] Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г. // Аталиков В.М. Указ. соч. С. 100.

[85] Там же. С. 121, 129.

[86] Потоцкий Ян. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны // Северный Архив. №№ 1, 2. СПб., 1828. Последний перевод, касающийся Кавказа, приведен в цитированной книге В. Аталикова.

[87] Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1–3. СПб., 1869.

[88] Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы XVIII–XIX вв. М., 1958.

[89] Буцковский А.М. Указ. соч. С. 239, 243–245.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исторический путь чеченского народа на протяжении XVI–XVIII вв. был отмечен этапными переменами, выведшими народ и страну из своеобразного исторического «небытия» в число видных акторов кавказской истории и политики. Знаменательно, что этот процесс происходил в рамках первого этапа Нового времени в истории человечества.

Исследовать историю народа, который как сказочный исполин перешагивал реки, горы и хребты, воздвигал каменные башни и замки, валил лес, распахивал целину равнин, строил аулы, созидал страну железом и кровью, порохом и плугом, молился Богу и искал дружбы – задача неимоверно трудная, но благодарная.

В указанный период происходит расширение географической среды обитания чеченцев и завершение культурно-хозяйственного освоения ареала, заключенного между вершинами Кавказского хребта на юге и равнинным течением Терека на севере, бассейном Ассы – верхнего течения Терека на западе и бассейном рр. Аксай и Акташ на востоке. При этом этнополитическое влияние Чечни распространяется и за пределы ее границ. Закономерно, что именно эта героическая эпоха породила соответственно героический эпос «илли» чеченского народа.

В первую очередь авторы настоящего тома стремились, конечно, исследовать протекавшие в Чечне экономические, общественные и политические процессы и явления в их взаимосвязи. Так, возникновение во второй половине XVII–XVIII вв. на Северном Кавказе нового системообразующего земледельческого и ремесленного района в плоскостной части Чечни, расположенного на пересечении транспортных маршрутов, и образование здесь Чеченского княжества-»государства» (в самой ранней его форме) сыграло большую положительную роль в развитии не только собственно нашей страны, но и всего региона.

Этногенез и политогенез чеченского народа протекал в соответствии с экономическим и социальным развитием, с учетом взаимодействия тех или иных объединений и обществ в границах Чечни, в ситуации формирования единой общественной идеологии и роста хозяйственных связей как между обществами-»республиками», так и между горами и равниной. При этом конечно сказывалась неравномерность в развитии общества в зависимости от расположения союзов аульных обществ в той или иной географической зоне Чечни (высокогорная, среднегорная, низкогорная, плоскостная и притеречная).

Вместе с тем можно отметить еще один важный фактор, способствовавший ранней консолидации Чечни. Несмотря на чрезвычайно сложный горный рельеф страны и бездорожье, во всех чеченских обществах господствовала экзогамия – запрет на браки среди широкого родственного круга. Это обстоятельство понуждало к предпочтительным бракам между представителями разных обществ и регионов, порой отдаленных. В немалой степени по этой причине нахские диалекты и говоры были весьма близки, а ведущие культурные признаки идентичны. Этот вопрос нуждается в своем дальнейшем изучении.

В XVI–XVIII вв. шло активное позитивное взаимодействие нахов, по периметру складывания большого чеченского этноса, со всеми окружающими народами и политическими образованиями – аварцами, андоцезами (андийцы, ботлихцы, чамалальцы, годоберинцы и др.), горными этногруппами Грузии, кабардинцами, родственными ингушами, кумыками, ногайцами, осетинами и, конечно, русскими. В частности, истории русского населения нашего края в лице терско-гребенского казачества и русско-чеченскому взаимовлиянию на Тереке авторами посвящены в данном томе отдельные разделы.

В целом процессы, связанные с возвращением чеченцев на равнины и освоением этносом определенного географического ареала, складыванием преобладающего демографического и хозяйственного ядра на центральной части плоскостной края, вели не только к зарождению некоего единого хозяйственного пространства, но и к поиску нового «идеологического» обеспечения происходившего сплочения горского социума. На процессы нациеобразования серьезное воздействие оказывал и запуск механизмов этнической консолидации, вызванный внешними вызовами.

В начале XVI в. мы имеем в Чечне несколько десятков горных обществ с естественно-историческим образом сложившимися границами, проходившими по водораздельным хребтам, рекам, горным вершинам и глубоким ущельям, с ограниченной урожайностью крошечных террас и низкими пределами демографического воспроизводства. Незначительным, эпизодическим (за отдельным исключением, когда шло правление владетелей Окоцкой земли Ушарома и Шиха) являлось и участие горцев края в жизни соседних народов и государств. С середины XVII в. ситуация кардинально меняется, а уже к концу XVIII в. Чечня – самая крупная по численности населения страна Северо-Восточного Кавказа, одна из самых развитых в экономическом отношении, обладающая внутренней сплоченностью и сильным политическим организмом, «реагирующим на все явления, затрагивающие его части»[1].

[1] Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М., 2008. С. 140.

Известно, что масса людей, проживающая на единой географической территории и говорящая на одном языке, не обязательно может составить «нацию» – народ с национальным самосознанием и определенной степенью организованного управления. Нацию создают века общей истории, общая религия, идеология, наличие государства и собственно «общество». В этом смысле общество и есть народ, нация. Именно в обществе вырабатывается понимание народного единства и солидарность в общенациональных делах.

Усиление в Чечне факторов, цементирующих народное единство и формирование общества, к примеру, через господствующую религию (в данном случае ислам), и т.н. «чеченство» с его героическим эпосом, совпало с вызовом внешней опасности со стороны восточных государств и Российской империи. Это привело в XVIII в. к формированию идеологии национально-освободительного движения, получившей определенное оформление в период движения шейха Мансура – «предтечи имамов». Данное обстоятельство позволило в дальнейшем (уже в начале XIX в.) вступить стране в открытую схватку с Российской империей как за суверенитет и свободу, так и за политическую гегемонию на Северо-Восточном и Центральном Кавказе. Вместе с тем взаимоотношения с Россией, несмотря захватническую политику военно-феодального класса, диалектически способствовали ускорению развития Чечни вследствие расширения торгово-хозяйственных возможностей и приобщения горцев к определенным европейским культурным началам.

Распространение и утверждение ислама в Чечне в XVI–XVIII вв. как основной формы общественного сознания с его институционализацией служило не только интересам растущего молодого этнополитического социума. Согласно базисным ценностям исламского миропорядка вся земля и власть на земле принадлежала Аллаху и любое мусульманское сообщество не могло подчиняться власти или идеологии вне ислама. Вместе с исламом в Чечне распространялись социально-правовые нормы и основы мусульманской культуры, присущие для более развитых стран восточного мира. Характерно, что такая сравнительно молодая мусульманская страна как Чечня, выступила в конце XVIII в. застрельщиком мощного религиозного и антиимперского движения на всем Северном Кавказе в 1785–1791 гг. под предводительством шейха и имама Мансура. Данному явлению в настоящем томе посвящен значительный раздел.

В целом авторский коллектив стремился в данном труде исследовать проблемы, без которых представляется невозможным для чеченской историографии совершить переход к изучению истории Чечни и ее народа на уровне современных требований дня. Этот уровень предполагает прежде всего осмысление истории народа и страны как феномена, являющегося частью общечеловеческой, евразийской, кавказской и российской истории.

Представленный труд отнюдь не очередной нарратив – это не рассказ и не версия, а попытка постижения закономерных исторических процессов, протекавших в Чечне на основе объективных эмпирических и научных фактов. Авторы сознают, что в направлении установления доказанного исторического знания о прошлом Чечни и ее народа в XVI–XVIII вв. необходимо проделать длительный путь. Судить насколько удалось продвинуться авторам в настоящей «Истории…» на этом пути предстоит нашему читателю, научным коллегам и обществу в целом.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Чеченская равнина (совр. карта). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org› Чеченская равнина.

Рис. 2. Фрагмент этнолингвистической карты Большого Кавказа конца XVIII в. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 15.

Рис. 3. Следы земледельческих террас в горах Чечни (совр. фото). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: voshod_chr. Горы Чечни. Кокадой, Бекхайлинская цитадель.

Рис. 4. Сложный кольчато-пластинчатый доспех с железной маской чеченского воина (XVI–XVIII вв.), найденный в с. Тусхарой Чеченской Республики (фото). Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология. Сборник материалов семинара при ГИМ. Вып. 1. 2008. С. 94–98.

Рис. 5. Образцы горского оружия (фото). Асхабов И.А.-Р. Чеченское оружие. М., 2001. С. 46.

Рис. 6. Астрахань (гравюра конца XVII в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: runivers.ru›today4.php?ID=174585. (Гравюра из книги Яна Стрейса «Три путешествия», изданной в Амстердаме в 1676 г. Художник Конрад Деккер).

Рис. 7. Крепость Терки – Терский город (гравюра второй половины XVII в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: fond-adygi.ru/page/cherkasskie-sunchalej-kanklychevich-i-ego-synovja.

Рис. 8. Этнографическая карта основных нахских обществ Горной Чечни XVI–XVIII вв. (с указанием пограничных обществ Грузии и Ингушетии). Составлена выдающимся чеченским ученым А. Сулеймановым. – Сулейманов А. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 4. Грозный, 1985. С. 220–221.

Рис. 9. Селение Це-Кале (Цекхаьлла), общества Майсты (совр. фото). Ильясов Леча. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М.: [Пантори], 2004. С. 164.

Рис. 10. Башни селения Кий – Кей-мохк (фото 70-х гг. XX в.). Фото выполнено известным советским фотографом И.А. Пальминым.

Рис. 11. Никаройский замок в Терлоевском обществе Горной Чечне (фото 70-х гг. XX в.). Фото выполнено известным советским фотографом И.А. Пальминым.

Рис. 12. Развалины одного из замковых комплексов общества ЧIантий – селение Хаскали. Не позже XVI в. (совр. фото). Ильясов Леча. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М.: [Пантори], 2004. С. 73.

Рис. 13. Развалины крепости феодальной фамилии Алдам-Гези (не позже сер. XVII в.) в Чебарлое (совр. фото). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: chechnyatravel.com›turizm-v…zamok-aldam-gezi.htm.

Рис. 14. Селение Щикарой (совр. фото). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rodstvo.ru › ... › Современные народы и общности.

Рис. 15. Часть схематической карты исторической Чечни, где располагались общества Цечой, Мержой, Галай, Ялхарой, Нашха, Кей, Маьлхи, Галашки и Верхний Арштхой (Карабулак). Русин В.Ф. Достоинство гордых. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Нальчик, 2005. Форзац.

Рис. 16. Фрагмент немецкой карты Кавказа 1780 г. (с добавлениями от 1784 г.) с первым обозначением чеченских горных обществ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Neue Carte des Caucasus grostentheils au Guldenstaedts ...нэб.рф›catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_30348/.

Рис. 17. Нохч-Мохк – Ичкерия (совр. фото). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Travel Advisorhttps://ru.advisor.travel/city/Vedeno-1811156/photos.

Рис. 18. Беной-мохк Восточной Чечни (совр. фото). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: nohchalla.com.

Рис. 19. Вид ауховских земель между реками Аксай-Акташ на Кумыкской плоскости (совр. фото). «МК Дагестан». 16 января 2016.

Рис. 20. Гребенской казак и казачка (рис. 1802 г.). Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи / Изд. Карл Рехберг / худ. Е.М. Корнеев. В 2 т. Париж, 1812–1813 (на фр. яз.).

Рис. 21. Старинный рукописный Коран из Дагестана (совр. фото). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ria.ru› Культура› 20090212 /161902030.html.

Рис. 22. «Битва «русских» с войском Осман-паши в 1583 г. на р. Сунжа» (турецкая миниатюра 1586 г.). Зайцев И.В. Русы и московиты: взгляд Востока // Восточная коллекция. №3. 2003. С. 110.

Рис. 23. Фрагмент «Карты России» (карта Бориса Годунова), изданной в 1614 г. в Голландии Гесселем Геритсом с обозначением укреплений Койса, Сунжа (Сунженский острог), Тюменской (Терская крепость). Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. I. Киев, 1906. С. 19–21. Карта XV.

Рис. 24. Шах Аббас Первый (европейский рисунок XVII в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://citaty.info/man/abbas-i-velikii-shah-abbas?sort_be.

Рис. 25. Примерный вид Сунженского острога (современный макет Албазинского «типового» острога, построенного в 1650 г. на р. Амур). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dostoyanieplaneti.ru.

Рис. 26. Кизылбашский (персидский) воин эпохи Сефевидов (рис. XVII в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://library.kiwix.org/wikipedia_ru_all/A/html/Б/и/т/в/...

Рис. 27. Аюка-хан, правитель Калмыцкого ханства в конце XVII – первой четверти XVIII в. (совр. рис.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Иллюстрации http://yaguo.ru:8080/mo/site09/pyshkin/sytes/illyst.html.

Рис. 29. Петр Первый (литография 1721–1725 гг.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: escapezeke.blogspot.ru.

Рис. 30. Карта Каспийского побережья и Кавказа, составленная И.Г. Гербером в 1728 г. (на основе европейской карты 1727 г.) с обозначением чеченцев (фрагмент). Карта Каспийского побережья от Волги до Куры, составленная Гербером в 1728 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wikiwand.com/ru/Гербер, Иоганн Густав.

Рис. 31. Хан Каплан-Гирей, вторгнувшийся в Чечню в 1735 г. (рис. XVIII в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.traitorofukraine.com /en/ index.html.

Рис. 32. Ингуш и осетин (рис. Х.-Г. Гейслера участника экспедиции Я. Потоцкого, конец XVIII в.). Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л., 1990. С. 68.

Рис. 33. Картло-кахетинский царь Ираклий II правивший в 1744–1798 гг. (рис. XVIII в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news_enc.academic.ru/5051.

Рис. 34. Екатерина Вторая (картина XVIII в. неизвестного художника). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.liveinternet.ru.

Рис. 35. Границы России и Турции по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. (карта составлена в 1955 г.). Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1955.

Рис. 36. План крепости Владикавказ на Тереке 1784 г. (рис. конца XVIII в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iratta.com/history/5/704-_38_kavkazskaja_linija_os...

Рис. 37. Шейх и имам Мансур (совр. рис.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gudpk.proffi95.ru/blogs/obrazovatelnyi-blog-kak-sr...

Рис. 38. Князь Г.А. Потемкин-Таврический (картина неизвестного художника XIX в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: subscribe.ru› Группы7.000›Наш Союз›10553579.

Рис. 39. Чеченцы в лесном бою (гравюра 1812 г. по рисунку Е.М. Корнеева; между 1802–1805 гг.). Народы России, или Описание обычаев, нравов и костюмов разных народов Российской империи/ Изд. Карл Рехберг / Худ. Е.М. Корнеев. В 2 т. Париж, 1812–1813 (на фр. яз.).

Рис. 40. План крепости и города Кизляр (схема конца XVIII – начала XIX в.). Военная энциклопедия. Т. 12. СПб., 1913. С. 519.

Рис. 41. Шлиссельбургская крепость (совр. фото). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.photoforum.ru/photo/557081/index.ru.html?lang=ru.

Рис. 42. Заселение горских и ногайских земель до 1790 г. (карта Кавказской области). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://clubklad.ru/maps/RU/old/?page=24.

Рис. 43. Карта низовьев Терека 1745 г. с нанесенными казачьими станицами (фрагмент). Атлас Российской империи… 1745 г. СПб., 1745. Карта XI.

Рис. 44. Солярно-космогонические петроглифы на башнях Чечни (фото). Ильясов Л. Культура чеченского народа. М., 2009. С. 55.

Рис. 45. Языческий памятник в Галанчожском ущелье Горной Чечни (совр. фото). Яхьяев Хизар. К истории Нашха – прародины чеченцев // «Нана». №5-6. Грозный, 2012. С. 58-63; См. также: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vchechne.ru/showpost.php?p=89582&postcount=55.

Рис. 46. Резная арабеска на стене мечети сел. Цонтарой Восточной Чечни (фото). Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. II. М., 2001. С. 160–161.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ МИД РФ – Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации
АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии
АН АЗССР – Академия наук Азербайджанской ССР
АЭС – Археолого-этнографический сборник
Вып. – выпуск
ГААО – Государственный архив Астраханской области
г. – год
Д. – дело
ЗТОЛКС – Записки Терского общества любителей казачьей старины
ИООИД – Императорское Одесское общество истории древностей
ИОИДР – Императорское общество истории и древностей российских (при Московском Университете)
ОЛИКО – Общество любителей изучения Кубанской области
Изд. – издание
КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет
КОИРГО – Кавказское отделение Императорского российского географического общества
Л. – лист
М.– Москва
Л. – Ленинград
НИИ – научно-исследовательский институт
Оп. – опись
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская академия наук
Ред. – редактор
Р., р. – река
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
Рук. дисс. – рукопись диссертации
Сел. – селение
С., с. – страница
Сб. – сборник
Сб. ИРИО – Сборник Императорского русского исторического общества
СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы
СМОМПК – Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
См. – смотрите

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт
Сост. – составитель
СПб. – Санкт-Петербург
СПб ОИИ РАН – Санкт-Петербургское Отделение Института истории Российской академии наук
ССТО – Сборник сведений о Терской области
СТОЛКС – Сборник Терского общества любителей казачьей старины
Стб. – столбец
Т. – том
Тыс. – тысяча
Указ. соч. – указанное сочинение
Ф. – фонд
Ф. ВУА – фонд Военно-исторического архива (РГВИА)
ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
Ч. – часть
ЧИАССР – Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика
ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЧИНИИИСФ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии
ЧИРКМ – Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ ЧЕЧНИ В XVI–XVIII ВВ.[1]

60–90-е гг. XV в. – завоевание Османской империей абхазо-черкесского побережья Черного моря, Таманского полуострова и Крыма. Прекращение сообщения горского мира с итальянскими городами-республиками и черкесско-мамлюкским Египтом (Каирский халифат)

90-е гг. XV в. – начало складывания общемирового рынка (открытие Америки Колумбом и плавание Васко де Гамы в Индию) и наступление Нового времени (первый этап XVI–XVIII вв.) в истории человечества

конец XV в. – распад единой Грузии на несколько царств и княжеств

конец XV – начало XVI в. – окончательное складывание системы нахо-чеченских обществ – «мохк» (союз аулов, «землица», «вольное общество», федерация обществ) – политические образования, напоминающие греческие полисы или швейцарские кантоны в границах ущелий, речных долин и плоскогорий

1501 г. – утверждение шиитской династии Сефевидов в Иране и Азербайджане и развертывание наступления на Дагестан, Армению и Грузию

1502 г. – падение наследницы золотоордынского государства – Большой Орды (чьи земли простирались до Терека) под ударами Крымского ханства (хан Менги-Гирей) и Московской Руси

первая половина XVI в. – утверждение политической гегемонии Крымского ханства в Восточной Европе и на части Северного Кавказа

1512–1520 гг. – османский султан Селим I Грозный (Явуз) покорил Палестину, Аравию и Египет (1517), принадлежащие «черкесским» мамлюкам. Под Иерусалимом в местечке Абу-Гош султан поселил группу мамлюков, выходцев из Чечни

1513–1555 гг. – открытие длительных войн и политического противоборства Османской империи и Сефевидского Ирана за гегемонию на Кавказе и на Ближнем Востоке. Первый этап османо-иранских войн закончился подписанием Амасийского мира (1555) в пользу османского султана

20–70-е гг. XVI в. – укрепление связей Восточной Грузии с кавказскими горцами (включая нахов-кистин) в правление картло-кахетинского царя Давида X (1505–1526) и кахетинского царя Левана (1520–1574)

1533–1538 гг. – военные действия между Сефевидским государством и Турцией в т.ч. на территории Дагестана и Азербайджана. Утверждение власти шахов в Дербенте и Прикаспийском Дагестане

[1] Даты приводятся по старому стилю.

не позже середины XVI в. – кабардинские феодальные группы в своем движении с Кубани и Пятигорья на восток достигают земель, расположенных в границах современных Кабардино-Балкарии, Осетии и Ингушетии. Начало соперничества с Кази-Кумухским шамхальствaом Дагестана из-за стратегически важных переправ через Сунжу и Терек

вторая половина **XVI–XVIII вв. – усиление процессов складывания чеченской нации** в пределах границ расселения нахского этноса (от Акташа и Андийского хребта на востоке до верхнего Терека на западе, от Главного Кавказского хребта на юге до равнинного Терека на севере) на базе более 60 вольных обществ, федераций и феодальных владений

1552–1556 гг. – завоевание Россией Казанского и Астраханского ханств и укрепление Москвы на северном побережье Каспия. Проникновение в устье Терека первых «волжских» казаков

ноябрь 1552 г. – август 1555 г. – посольства адыгских (черкесских) и кабардинских князей в Москву с предложением присяги подданства и взаимных действий против Крымского ханства

1556–1557 гг. – первые мирные «присылки» из феодальных владений Северо-Восточного Кавказа, в т.ч. Дагестана, к русским властям в Астрахани с предложениями мирных торговых и политических связей

июль 1557 г. – посольство от старшего кабардинского князя Темрюка Идарова в Москву. Принесение присяги подданства и фактическое заключение военно-политического союза, направленного против Крыма и соперников Темрюка в Кабарде и Дагестане

июнь-август 1561 г. – женитьба Ивана Грозного на кабардинской княжне Марии (Кученей) Темрюковне – дочери Темрюка Идарова. Поворот Московской Руси в своей внешней политике на Северный Кавказ, Ногайскую Орду и Крым

1562 г. (позже декабря) – посылка московским царем отряда стрельцов с «огненным боем» и казаков в распоряжение князя Темрюка, который с их помощью разбил противников в Кабарде и пограбил горные районы на пути в Грузию, населенные осетинами, горными грузинами и нахами-ингушами

февраль 1567 г. – новая посылка в Кабарду Иваном Грозным вооруженного отряда в 2–3 тыс. человек с «огненным боем» и пушечным нарядом в помощь Темрюку

лето 1567 г. – строительство на Тереке при впадении Сунжи (на сунженско-терских стратегических бродах в границах современной Чечни) Терского городка (Сунженский острог). Начало дружеских контактов Московской Руси с чеченским феодалом Ушаром-мурзой Окуцким и его сыном Ших-мурзой

1567 г. (предположительно не ранее лета) – разгром русско-кабардинскими силами в сражении на переправах Сунжи феодальных соперников Темрюка, объединившихся вокруг дагестанского Будай-шамхала и его брата Сурхая (оба дагестанских предводителя погибли в сражении)

1567 г. (позже лета) – принятая дата основания первой терской казачьей станицы Червленная «выше» расположения Терского городка

1569 г. – принятая дата основания станицы Щедринская «ниже» Терского городка

лето-зима 1569 г. – неудача грандиозной турецкой экспедиции из Азова на Астрахань (до 20 тыс. турецких войск с артиллерией, 50000-я кавалерия хана Девлет-Гирея из крымцев, ногайцев и черкесов, 30 тыс. рабочих, собранных для рытья канала между Доном и Волгой)

1570 г. – протесты султанского правительства против действий Московской Руси в Северо-Кавказском регионе. Считая берега Терека не только «черкасской», но и «шевкальской стороной», а горских князей своими вассалами, Стамбул требовал убрать крепость и «...черкесов, крым-шевкальцев и кумуков вперед не ... воевати»

май 1571 г. – походы крымцев с участием турецких янычар, ногайцев и черкесов на Москву. Сожжение столицы Руси крымским ханом Девлет-Гиреем Бора (Буря) и изгнание в последующем русских сторонников из Кабарды

1571 г. (позже мая) – Оставление Терского городка (Сунженский острог) и утрата влияния Московской Руси на Северном Кавказе. Предположительный уход терских вольных казаков во владения Окуцких и чеченские аулы

июль-август 1572 г. – русские войска берут реванш над ханом Девлет-Гиреем Бора в многодневной битве с крымско-ногайскими и черкесскими силами при Молодях (под Москвой)

1574 г. (предположительно) – смерть Чупан-шамхала – старшего правителя Дагестана и раздел шамхальства на удельные княжества. Начало образования Эндирейского владения Салтан-Магмута между Сулаком и Аксаем (согласно небесспорной письменной традиции, он захватил «земли между реками Сулаком и Тереком с нижней частью Мичикича и Салатавского округа до горы Керхи, что на границе Гумбета»)

1578–1590 гг. – новая ирано-турецкая война с охватом Закавказья (Азербайджан и Дагестан) и Ирака

1578 г. (позже апреля) – по просьбе кабардинских князей Иван Грозный возобновляет Терский городок близ устья Сунжи посылкой сюда отряда воеводы Новосельцева

осень 1578 г. – поход 35-тысячной конницы крымского царевича Адиль-Гирея через Северный Кавказ и Чечню на военный театр в Азербайджане. Нападение на Адиль-Гирея в ходе обратного движения в Крым на Сунже силами русского гарнизона и горцев-«черкесов»

1578 г. (позже осени) – снос русской крепости на Сунже по жесткому требованию турецкого султана. Отряд терских «вольных» казаков в 500 человек не выводится, а достоверно переходит под командованиеШих-мурзы Окуцкого

80-е гг. XVI в. – археологические данные говорят о распространенности ислама в ауховских селениях равнинной части и предгорий Восточной Чечни

1582 г. – новое вторжение в Дагестан и Азербайджан турецких войск во главе с великим полководцем Черкес Осман-пашой

1582–1584 гг. – складывание антиосманского союза Ирана, Ширвана, Дагестана и Восточной Грузии, в котором непосредственное участие вплоть до осады Дербента принималШих-мурза Окуцкий

осень 1583 г. – нападение на СунжеШих-мурзы Окуцкого и терских казаков (1 тыс. человек) на 4-тысячный турецкий корпус, направлявшийся с Осман-пашой из Дербента на Азов

1584–1588 гг. – усиление турецко-крымского влияния в Кабарде и на Северо-Восточном Кавказе. Распространение слухов о планах турок построить мощную крепость на Тереке (астраханский воевода Ф.М. Любанов-Ростовский доносил, что османы якобы уже направили на Терек свое войско с запасами для «городового дела»)

1586 г. (позднее 7 августа) – упоминаниеШих-мурзы Окуцкого в русских официальных документах с указанием, что терские атаманы и казаки «преж сего служили… заодин сШих мурзою Окуцким…»

1587 г. (ранее 12 апреля) – грамота царя Федора ИвановичаШих-мурзе о пропуске через его «улус» и «провожатии» в грузинскую землю царских послов Родиона Биркина и Петра Пивова

1587–1588 гг. – посольство Родиона Биркина и Петра Пивова в Грузию к кахетинскому царю Александру; обеспечение его безопасности на Северном Кавказе было порученоШих-мурзе Окуцкому и Алкасу Кабардинскому

20–27 июля 1587 г. – впервые в русских источниках упоминаются чеченские «землицы»: «Ококи» (Акки, Аух), «Кумуки» (Гумуки, Гумс – левый приток Сунжи под Гудермесом), «Минкизы» (Мичкизы, Ичкерия), «Индили» (Энгелик), «Шибуты» (Шуйта, Шатой)

1588–1589 гг. – Строительство большой русской крепости – Терский город (период правления Федора Ивановича) на одном из протоков Терека (Тюменка) примерно в 20 верстах от впадения реки в Каспий. Возобновление службы терско-гребенских «вольных» казаков российскому царю

октябрь 1588 г. – прибытие в Москву послов от Шиха-мурзы и князя Алкаса Кабардинского. Чеченское посольство возглавлял племянникШих-мурзы Батай-мурза; свита его состояла из трех узденей (дворян)

21 ноября 1588 г. – горские послы Батай и Асламбек приняты царем Федором Ивановичем «в Золотой в Подписной палате в царском платье» по высшему статусу. Батай и Асламбек «били челом государю» о «пожаловании» их правителей и взятии «во оборону от недругов». Был решен принципиальный вопрос о принятииШих-мурзы и его владения под покровительство царской короны

1589 г. (ранее 23 апреля) – жалованная грамота царя Федора Ивановича о принятииШих-мурзы и его «юрта» в подданство и в «оборону» с выплатой «жалованья», переданная через очередных послов в Грузию князя С.Г. Звенигородского и дьяка Торха Антонова

25 сентября 1589 г. – принятие русскими послами в Грузии присяги подданства от нахского владельца Ларса (Дарьяльское ущелье) Салтан-мурзы, позиционирующего себя «братом»Ших-мурзы

март 1590 г. – в результате Стамбульского мира с османами Сефевиды утратили влияние в Грузии, Армении и Северном Азербайджане. Соответственно сократились позиции Ирана и на Северо-Восточном Кавказе

1590 г. – восстановление Сунженского острога (1590–1605 гг.) в 10 верстах от впадения Сунжи в Терек как предполья к Теркам (Тюменскому городу). Здесь же на правом и левом берегах Терека и на Терском хребте расселяются в маленьких «городках» терско-гребенские казаки

конец 1591 г. – экспедиция русских войск с участием кабардинцев иШих-мурзы Окуцкого против Шамхальства и Эндирейского владения

90-е гг. XVI в. – дипломатические протесты турецкого султана и крымского хана московскому царю против сооружения крепостей на Тереке и Сунже

1594 г. – поход русских войск при содействии горских союзников под командованием воеводы Хворостинина на Тарки и Эндирей в Дагестане, с со-

жжением и разграблением последних. Преследование и разгром экспедиции князя Хворостина на Койсе (Сулак) горской коалицией

1595 г. – убийство Ших-мурзы Окуцкого как русского сторонника в ходе междоусобиц кумыкским князем Ахмет-ханом и бегство части ококов во главе с Батай-мурзой из Окоцкой земли в Терский город (здесь была основана т.н. Окоцкая слобода)

1596 г. – попытка кахетинского царя Александра восстановить былую зависимость горских «землиц» (чеченских и дагестанских) к северу от его владения закончилась поражением

не позже XVI в. – деятельность в Восточной Чечне (Мичкизы) проповедника ислама Термола

первая половина XVII в. – утверждение ислама в Восточной Чечне первым чеченским шейхом Берсаном

1601 г. (ранее 5 июня) – отписка терских воевод в Посольский приказ о новом маршруте от Сунженского острога в Кахетию через общества горной Чечни: «Мичкисские кабаки, на Кудашев кабак …на Пешинский кабак, а от Пешинского кабака на Тарлов на Бердеков кабак…»

1602–1603 гг. – прибытие в Москву посольств от дагестанских князей Сурхая Тарковского и «Солтан-Мута» Эндиреевского с предложением подданства России

1603 г. – молодой иранский шах Аббас I (1588–1629) начинает успешные военные действия против османов в Закавказье и через два года добивается здесь стратегического перевеса над турками

1604 г. (не позднее декабря) – кабардинские князья утверждаются в северной части стратегически важного Дарьяльского ущелья. Установление феодальной зависимости от них нахо-ингушских и осетинских обществ

весна 1604 г. – посылка царем Борисом Годуновым (1598–1605) в поход 10-тысячной русской армии под командованием воеводы Бутурлина с целью захвата северокавказских земель и дорог на Грузию. На военные издержки была выделена по тем временам громадная сумма в 300 тыс. рублей серебром

осень 1604 г. – овладение армией Бутурлина Северным Дагестаном (включая Тарки) и распространение зоны военных действий вплоть до Сунжи

апрель-май 1605 г. – складывание всенародного горского ополчения на Северо-Восточном Кавказе и разгром захватчиков в ожесточенных сражениях под Тарками, на Сулаке (Койса) и Акташе. Возвышение Салтан-Магмута Эндирейского

1605–1613 гг. – смерть царя Бориса Годунова (23 апреля 1605), годы Смуты и польско-шведской интервенции на Руси до 1613 г.

лето 1605 г. – оставление Сунженского острога и вывод гарнизона в Терки вследствие резкого ослабления российского влияния в регионе

11 июня 1605 г. – 27 мая 1606 г. – приезд в Москву терских служилых князей Сунчалея и Батай-мурзы Окоцкого с пятью узденями. 15 декабря 1605 г. они были торжественно приняты в Кремле Лжедмитрием и награждены богатыми дарами

весна 1606 г. – массовое выступление русских людей на Тереке возглавил казак Илейка Муромец под именем царевича Петра. Наступление терских повстанцев по Волге на Москву

1606–1607 гг. – крестьянская война на Руси под предводительством Ивана Болотникова

1606–1608 гг. – усиление крымско-турецкого влияния на Северо-Западном Кавказе и иранского влияния на Северо-Восточном Кавказе с привлечением горцев на военные действия в ходе ирано-турецкой войны

1609 г. – бегство Батай-мурзы из Терков в «Окохи» (Аух) и переход его к Салтан-Магмуту Эндирейскому стороннику османов

1610–1612 гг. – нападения горских князей Дагестана (из числа сторонников Ирана) с помощью терских стрельцов на Салтан-Магмута и Батай-мурзу, которые укрывались в Аухе («Окоцкие кабаки»)

20 ноября 1612 г. – заключение ирано-турецкого мирного договора в Стамбуле, в котором впервые был зафиксирован северокавказский вопрос: «шамхал-хан и другие правители Дагестана объявлялись верными слугами султана», хотя фактически здесь преобладало иранское влияние

21 (3 марта) февраля 1613 г. – избрание Земским собором царем России Михаила Романова (1613–1645)

март 1614 г. – жалованная грамота царя Михаила Федоровича князю Сунчалею Янглычевичу Черкасскому об утверждении его князем над служилыми окочанами и кабардинцами Терского города (была повторена в марте 1625 г. для его сына Шолоха Сунчалеевича)

май 1614 г. – активное участие терских служилых окочан, кабардинцев, ногайцев и терско-гребенских казаков в разгроме атамана Заруцкого в Астрахани, пытавшегося отколоть юг страны. Конец Смутного времени на Руси

1614 г. (около 26 июня) – челобитная царю Михаилу служилых окочан Терского города с просьбой выплатить жалованье за свои военные, разведывательные и дипломатические службы на Кавказе (в т.ч. и в Чечне: «и посылают нас… на твои государевы службы… и в Мирези и в Шибуты и в Окохи»)

вторая половина 1614 г. – переход кабардинского князя Мудара Алкасова, контролировавшего северную часть Дарьяльского пути (осетины и ингуши), на сторону шаха Аббаса I, вторгшегося в 1613 г. в Грузию и планировавшего выход на Северный Кавказ

февраль 1615 г. – поход терских ратных людей и терских окочан по просьбе дагестанских князей против эндирейского владельца Салтан-Магмута и его союзников из окоцких, мичкизских «кабаков» и владения Черного князя (мирные отношения с русскими властями были восстановлены в 1616 г.)

осень 1616 г. – в связи с появлением в Кабарде передовых отрядов крымской армии, направлявшейся в прикаспийский тыл Ирана, шах Аббас перебросил к Сунженскому перевозу иранское войско с дагестанскими союзниками (но поход крымцев не состоялся)

1618 г. – сообщение от 1621 г. о походе терских ратных людей и ополчения аварского нуцала Махти и сына Черного князя Турлова на «государевых непослушников шибуцкие и калканские [в другом месте указаны и «Мулкинские»] и ероханские и мичкиские кабаки…» в 1618 г. с приведением горцев в подданство[2]

1619 г. – возникновение на тот момент серьезной «ногайской» угрозы с севера заставили феодалов Кабарды пойти на создание широкой коалиции, в которую вошли и горные общества Чечни («мерезинские и шибуцкие и тшанские и калканские и мулкинские и многих горских земель люди»)

1619 г. – по приказу шаха Аббаса I дербентский султан привел к присяге Салтан-Магмута (Султан Махмуд) Эндереевского, к которому примыкал и чеченский Аух

1621 г. (не ранее 15 ноября) – 1622 г. (ранее июня) – пребывание в Москве окоцкого служилого мурзы Кохострова Бийтемирова (главы терских окочан, находящихся на государевой службе), который был торжественно принят царем Михаилом в Кремле и пожалован царскими подарками

1623–1639 гг. – последний этап масштабных ирано-турецких войн в Ираке и Закавказье

[2] Сообщение загадочного свойства. Оно не подкрепляется другими документами из канцелярии Терского города. Тем более что «ероханские и калканские» селения относятся к району Дарьяльского ущелья, а «Мулкинские» вообще к Балкарии (самоназвание народа «малкар» - балкарцы).

1627–1628 гг. (не позднее 4 октября) – сообщения о принятии представителями некоторых аулов Шибутского общества присяги подданства на верность России и ее нарушении, выразившимся в нападениях шибутян на казачьи городки на Терском хребте-«гребне»

1629–1642 гг. – правление иранского шаха Сефи I

1635 г. – утверждение на съезде дагестанских князей шамхалом престарелого Салтан-Магмута Эндирейского, который уступил власть старшему сыну Айдемиру (правил до 1641 г.)

август 1635 г. – возобновление Сунженского острога в границах современной Чечни

1637–1642 гг. – взятие Войском Донским турецкой крепости на Дону Азова и дальнейшее «осадное сидение» (Москва отказалась принять Азов «под свою руку», чтобы не развязывать войну с Османской империей). Привлечение крымским ханом и турками к осаде Азова больших масс горской конницы, в т.ч. с Северо-Восточного Кавказа

1638 г. – дипломатическая поездка русских послов Волконского и Хватова к кахетинскому царю Теймуразу (1606–1648) в Грузию (Кахетию) через Джераховское ущелье (здесь упомянуты нахские «владельцы» – старшины Хавса, Чепа, Мешак) и горные грузинские общества

не позже 1639 г. – разбитый иранцами царь Теймураз укрылся в горах Кавказа, прилегающих к чеченским, ингушским и осетинским землям, где обеспечил себе поддержку «кисти и оси»

17 мая 1639 г. – подписание османо-иранского Касре-Ширинского (Зохабский) договора, согласно которому между двумя великими державами в основном подтверждалась граница, указанная в договоре от 1612 г.

1640–1641 гг. – феодальная война на Северном Кавказе между сторонниками Турции и Крыма, Ирана и России с образованием крупных феодальных «партий»

12 июля 1641 г. – битва на р. Малка большой группы дагестанских и кабардинских владельцев во главе с шамхалом Айдемиром (поддержанной силами из Терской крепости) с феодальной группой Большой Кабарды во главе с Алегуко и Хотождуко. В беспощадном сражении цвет аристократии предгорно-плоскостного Дагестана и восточной части Кабарды (Малая Кабарда) погиб полностью

40-е гг. XVII в. – правление Айбирь-мурзы Батаева Окоцкой землей

не позже середины XVII в. – складывание ранних чеченских селений на Чеченской равнине – Большие Атаги, Чечен-Аул, Гехи. Основание шатоевским выходцем Бахаммад-Али (Бахмад-Эла) плоскостного селения Чахкар-Атаги на Аргуне.

40–60-е гг. XVII в. – военно-дипломатическая деятельность выдающегося окоцкого мурзы Бикши Алеева – воспитателя (аталык) служилых терских князей Шолоха и Муцала

1641–1642 гг. – возрастание роли аргунского маршрута через Чечню в русско-грузинских отношениях. «Шибутянин Дикев сын Алхан» привозит из Грузии письмо царя Теймураза

1642 г. – образование Тарковского шамхальства. Новый шамхал Сурхай (1640–1667), сторонник Ирана, перебирается из Кази-Кумуха (где позже провозглашается независимое ханство) в город Тарки в Северном Дагестане

январь 1644 г. – калмыцкие орды в 10–12 тыс. воинов во главе с тайши Урлюком в союзе с поволжскими ногайцами, разделившись на 2 группы, атаковали Терский город и аулы Большой Кабарды. Орда была в Кабарде наголову разгромлена, а ее князья убиты.

6 июня 1645 г. – пожалование царем Михаилом окоцкого мурзы Чепана Кохострова увеличением оклада и «владением» над узденями и «людьми» его брата Албирь-мурзы Кохострова вышедшими в Терский город

15 июня 1645 г. – грамота царя Михаила об утверждении мурзы Муцала Сунчалеевича князем (с иммунитетными правами) над нерусским населением Терского города, включая служилых окочан

сентябрь 1645 г. – сообщение о принятии чеченцами-мичкизянами, шибутянами и брагунцами присяги на верность новому царю Алексею Михайловичу (1645–1676) наряду с другими горцами

лето-осень 1645 г. – поход шамхала Сурхаяна во владения князя Казыя Мударова в Малой Кабарде, граничившей с чеченскими обществами

июнь-июль 1646 г. – выступление Муцала Черкасского с конным полком в 1200 человек (включая окочан и гребенских казаков) из Терского города на Дон и его участие в боях с крымцами

август 1647 г. – июль 1648 г. – приезд в Москву с группой горских князей на прием к царю окоцкого мурзы Чепана Кохострова с подарками царю (два аргамака)

сентябрь-ноябрь 1647 г. – принятие присяги подданства России представителями чеченской Мичкизской земли (Нохч-Мохк), насчитывающей 36 аулов и 3 тыс. боеспособных ополченцев

1647 г. (ранее 29 ноября) – присяга «начальных» шибутских людей Алги, Анак, Ильдей с селениями «Баранцовым, да с Тумцоевым, да с Шандаровым, да с Уйшевым» перед русскими представителями с выдачей аманата Касу

1649 г. – сообщение в русских источниках об «особой» горной земле «Чебурды» (общество Чеберлой, горная Чечня), в которой правят «Алдымовы дети» (Алдам Геза – герой чеченских преданий)

не позже 1649 г. – попытка поселения в районе слияния Сунжи с Тереком т.н. «уварских людей» – князей Турловых из дагестанского владения Гумбет. Согнанные отсюда терскими властями по жалобе терско-гребенских казаков Турловы перешли за Сунжу и осели на Аргуне

не ранее 1649 г. – не позже 1673–1674 г. – образование Чеченского княжества. Правление старшего князя Загаштука Турлова в «Чачане»

вторая четверть – середина XVII в. – завершение формирования Терско-Гребенского казачьего войска на Тереке

вторая половина XVII в. – утверждение ислама в крупных горных обществах Чечни – Чеберлой, Шарой и Шатой («Шибут»)

1650 г. – основание Брагунов. Служилый князь Муцал Черкасский выводит из владений Казаналпа Эндирейского своих двоюродных братьев князей брагунских и поселяет их на стратегически важном месте при впадении Сунжи в Терек (Терская коса)

не ранее 1651 г. – образование Аксайского княжества (младший сын Салтан-Магмута Эндереевского – Алибек поселился в своем уделе на правом берегу р. Аксай, где заложил одноименный аул, сыгравший определенную роль и в истории восточной части Чечни)

1651 г. (позже 31 марта) – сооружение по указу царя Алексея Михайловича Сунженского острога. Помимо решения военных задач, предполагалось преградить растущую караванную торговлю иранским шелком из Дербента на Азов, Крым и Восточную Европу

октябрь-ноябрь 1651 г. – нападение шамхала Сурхая, уцмия Амир-Султана, Казаналпа Эндирейского и других дагестанских князей с участием персидских войск (800 человек с 2 пушками из Дербента и Шемахи) на владения князя Муцала по обеим берегам Терека, брагунцев и Сунженский острог.

Не достигнув намеченных целей, 7 ноября войска горцев и персов разошлись «розно»

1652 г. – погром кумыкскими феодалами кортежа грузинского царевича Николая (Ираклий) и его матери царицы Елены на «дороге в урочище меж дву гребней на речке на Нефтянке» (между Сунженским и Терским хребтами) с уроном на «много тысеч»

март 1653 г. – собрание 20-тысячной горской армии (в т.ч. мичкизы, «ококи» из Ауха и шибутяне) с 2,5 тыс. иранцев разорило улусы Муцала Черкасского, казачьи городки и осадило Сунженский острог с использованием артиллерии, штурмовых башен и зажигательных средств – нефти. Штурм шел с 7 по 18 марта и достиг цели – гарнизон ночью скрытно бежал в лодках. Острог был сожжен, а брагунцы уведены Казаналпом в свое владение

май-июнь 1653 г. – обращение шибутского «начального человека» Айдемира о замене аманата Бисяша (сына Айдемира), содержащегося в Терском городе два года

позже марта 1653 г. – 1654 г. – вторичный уход брагунцев из-под власти Казаналпа и их окончательное закрепление на Терской косе в правление князя Куденета-мурзы

октябрь-ноябрь 1657 г. – письменное обращение из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу с просьбой о принятии в подданство (текст написан арабской графикой на тюркском языке)

лето 1658 г. – прибытие в Москву с грузинским царем Теймуразом Давидовичем представителей тушинцев и «кистинцев» (шибутские старшины Алхан, Сусло и Алган), которые принесли торжественную присягу подданства в Успенском соборе московского Кремля

октябрь 1658 г. – челобитная грузинского царя Теймураза с изложением просьбы братьев Турловых, живущих «на Чачане» о взятии их под царское покровительство и выдаче аманатов

октябрь 1658 г. – грамота из Посольского приказа в Терский город о посылке в Шибутскую землю представителя для приведения ее жителей к присяге о подданстве. Составление стрелецким головой Михаилом Молчановым документа «Роспись Шибутской земли владельцам и колько за кем во владенье дворов»

1659–1660 гг. – крупное антииранское восстание в Дагестане, охватившее и Эндирейское владение (с их союзными ококами и мичкизами). Шах Аббас II двинул против 30 тыс. горского ополчения 15 тыс. конницы, полк мушкетеров и артиллерию. Разгромив противника, шах, однако, был вынужден «простить» феодальных владетелей и даже выдать им подарки

лето 1659 г. – знаменитое антииранское Бахтрионское восстание в Кахетии, застрельщиками которого выступили тушины и другие кавказские горцы

сентябрь 1661 г. – жалованная грамота царя Алексея Михайловича на «княжение» Каспулату Черкасскому, подтверждающему также его власть над служилыми окочанами и «черкасами» Терского города

1665 г. (не ранее 25 сентября) – упоминание в русских источниках горских земель-обществ Чечни (Теремской, Чантинской, Чинахской, Шибутской) в связи с выездом грузинского царевича Николая Давидовича в Россию

12 апреля 1665 г. – сообщение грузинского митрополита Епифания о развалинах городища «Чечень» и одноименном селении, где правит «кумытцкой мурза Алкан» (Турлов), от которого есть аманат в Терском городе

1667 г. – сообщения о намерении иранского шаха Сулеймана (1667–1694), воспользовавшись смутой и междоусобицами в Дагестане, построить крепость «на реке Койсе» (Сулак)

1668 г. – появление Степана Разина на Тереке и движение казачьей вольницы в земли шамхала Тарковского

1668–1669 гг. – грабительский поход донских «голутвенных» казаков под предводительством С. Разина на подвластные персидскому шаху прикаспийские города и владения

1670 г. – апрель 1671 г. – подъем крестьянской войны под предводительством Степана Разина и ее поражение

осень 1670 г. – ноябрь 1671 г. – происходит народное восстание в Терском городе, с уничтожением «начальства» и попытками соединиться с разинцами в Астрахани и соседями-горцами (восстание подавил Каспулат Черкасский со своими окочанами и черкасами, подняв и других «ближних» горцев)

апрель 1671 г. – ногайский мурза Ямгурчей совместно с «горскими чеченами и крымцами» совершил набег под Астрахань и увел на Кубань «джетысанских татар»

май 1673 г. – «приступ» (штурм) ополчением горских феодалов (шамхал, эндирейские и ногайские владельцы) Терской крепости и Окоцкой слободы

1673–1674 гг. – две грамоты чеченского князя Алихана-мурзы Турлова на имя царевича Николая Давидовича, свидетельствующие о его глубоком участии в грузинских делах

не ранее 1673–1674 гг. – 70-е гг. XVII в. – правление в Чеченском владении старшего князя Алихана (Алхан) Турлова

сентябрь 1674 г. – нападения горцев на эскорт царевича Николая Давидовича, направлявшегося с Терека в Грузию в «Чеченевской деревне» и в «Шибуты» и разграбление его имущества и казны, данной Москвой ему для утверждения в Кахетии

июнь 1678 г. – 1681 г. – поход 4-тысячного полка с Терека (включая служилых окочан, черкесов и гребенских казаков) под руководством К.М. Черкасского на Украину и активное участие в сражениях русско-турецкой войны 1677–1681 гг.

13 (23) января 1681 г. – заключение Россией с Крымом Бахчисарайского договора (ратифицированного султаном) через посредничество Каспулата Черкасского, чей статус возвысился до удельного князя. Турция и Крым признали переход Левобережной Украины и Киева к русскому царю

1680–90-е гг. – в русских источниках фиксируется широкое и постоянное участие терских служилых и неслужилых окочан в морской торговле с Астраханью и с горскими соседями

1688–1689 гг. – массовое бегство донских казаков-старообрядцев на Куму, Терек и Кубань вследствие расправы царских властей над участниками очередного народного движения на территории Войска Донского

1689 г. – выступление до 50 тыс. горцев и ногайцев, в т.ч. с Северо-Восточного Кавказа, на помощь крымскому хану Сеадет-Гирею во время второго похода воеводы В.Д. Голицына на Крым

1690-е гг. – правление в Чеченском княжестве-владении старшего князя Мухаммада (Турлов)

1691–1700 гг. – нападения беглых казаков-раскольников и их горских союзников (кумыков и чеченцев) на царские суда на Каспии и укрепления по Тереку. Ответные карательные рейды царских сил

1692 г. – одно из первых упоминаний в европейской литературе чеченских обществ Akotsin (Акочины, Окочены), Guna (Гуна, Гуной), Mitschkis (Мичкизы), Mereschey (Мерешей, Мержой), Schubut (Шубут, Шатой), Cebutlu (Чебутлу, Чеберлой) в книге «Северная и Восточная Татария», изданной в Амстердаме в 1692 г. бургомистром Н.К. Витзеном (путешествовал по России в 1664–1665 гг.)

сентябрь 1692 г. – отписка о погроме на Сунже большой группы «воровских» казаков с женами и детьми, направлявшихся с Аграхани в Крым

весна 1693 г. – калмыцкий хан Аюка идет походом для наказания кумыков и «по ошибке» разоряет Брагунское владение на Сунже, имевшее мирные соглашения с властями Терского города

1694–1722 гг. – правление персидского шаха Солтан Хусейна (верховного сюзерена Восточного Кавказа, Картлии, Кахетии и Дагестана), когда по причине тяжелого внутреннего кризиса произошло разрушение великой восточной державы

1695 г. – 19 июля 1696 г. – «Азовские походы» – военные кампании царя Петра I (1682–1725) против османских владений и крымцев в Приазовье с целью достижения выхода в Черное море

1696 г. – выражение покровительства Россией Брагунскому княжеству в Чечне (в 1706 г. вторичное объявление о «защите» брагунцев)

конец XVII – XVIII вв. – завершение процесса активного земледельческого освоения Чеченской плоскости между передовой цепью Черных гор и Сунжей. Складывание нового чеченского хозяйственно-зернового центра на Северо-Восточном Кавказе

1700 г. – поход на «воровских казаков», находящихся на Аграхани и во владениях эндирейских князей царской рати полковника Бушева и гребенских казаков, закончившийся поражением повстанцев

3 июля 1700 г. – заключение русско-турецкого (Константинопольский мир) договора, который закрепил за Россией Азов (с прилегающими районами) и отменил ежегодную дань России Крымскому ханству

1704 г. – переговоры кумыкских и чеченских князей с крымским ханом

1705 г. (позже 29 июля) – массовое восстание гарнизона Терского города и гребенских казаков в поддержку Астраханского восстания (1705–1706)

1704–1711 гг. – антиколониальная война в Башкирии и Поволжье

1707–1709 гг. – булавинское восстание на Дону, затронувшее весь Юг России и Украину

февраль 1708 г. – народное движение в Чечне во главе с башкирским ханом Муратом, оказавшемся на Тереке при возвращении посольства башкир в Турцию

12 февраля 1708 г. – взятие штурмом г. Терки восставшими чеченцами вместе с ногайцами, кумыками, беглыми русскими казаками под командованием Мурата. Осада цитадели, в которой укрылся гарнизон. Повстанцы намеревались «захватить [далее] Астрахань», соединиться с восставшими казаками Дона и даже «идти… в Башкирцы»

26 февраля 1708 г. – 5-тысячное войско графа Апраксина, подошедшее из Астрахани, с боями освободило Терки. Раненый Мурат попал в плен и позже был жестоко казнен в Казани

30 сентября 1708 г. – на переговорах петровского военачальника П.М. Апраксина с калмыцким ханом Аюкой заключается соглашение из 8 статей, включая обязательство хана «о преследовании чеченцев и ногайцев»

сентябрь 1708 г. – бегство донского атамана Некрасова с 8 тыс. казаков во владения крымского хана на Кубань после поражения булавинского движения

1709/1710 г. – известия дагестанских арабоязычных источников о совершении «исламского» набега на низкогорное общество Чечни Арштхой, располагавшееся в междуречье Ассы и Фортанги

1711–1712 гг. – начало крупных антииранских восстаний джаро-белоканцев и лезгин против Ирана и его разрастание на Восточном Кавказе (Куба, Ширван) под руководством религиозного авторитета Хаджи-Давуда Мюшкурского

1711–1712 гг. – мелкие казачьи гребенские городки по Тереку сводятся по распоряжению царя Петра I в 5 станиц – от Червленной до Курдюковской (в 1721 г. гребенские казаки переходят в ведомство Военной коллегии)

1712–1713 гг. – укрепление связей Крымского ханства с чеченцами и кумыками после поражения Петра I в Прутском походе. Оказание последними военного давления на прорусски настроенных кабардинских князей

1717 г. – обследование минеральных источников и других природных богатств р. Терек (в т.ч. Брагунских теплых вод) доктором Готлибом Шобером по заданию Петра I

1718 г. – грабительская экспедиция отрядов донских казаков и союзных Петру I кабардинских князей на «Чеченский уезд» по Сунже и Аргуну (было захвачено 800 человек пленных, не считая «пожитков»). Чеченцы и их союзники дагестанцы открывают «явную войну» против Кабарды и царских укреплений на Тереке

1718 г. – армянский купец Сафар Васильев основал на Тереке по указу царя Петра I первую в России тутовую плантацию и мастерскую («завод») по переработке шелка-сырца

1719 г. – первое известное на сегодня упоминание Чечни в русской картографии

1720 г. (не позже июня) – в Государственной коллегии иностранных дел России собирают сведения о чеченцах

сентябрь-ноябрь 1720 г. – установление дружеских отношений кумыкских и чеченских князей с крымским ханом Саадет-Гиреем, стоявшим с армией в Кабарде. Нападения князей с участием чеченцев на Терскую крепость и терско-гребенские станицы

август 1721 г. – свержение сефевидского владычества на Восточном Кавказе ширванскими и дагестанскими повстанцами во главе с Хаджи-Давудом

август 1721 г. – победное завершение русско-шведской войны и заключение Ништадского мира 30 августа. Рождение Российской империи

22 октября 1721 г. – провозглашение Сенатом 22 октября 1721 г. царя Петра I «Императором» и «Отцом Отечества»

октябрь – конец 1721 г. – афганская оккупация Персии с взятием столицы Исфахан и капитуляцией шаха Солтан Хусейна

1721 г. – рейд силами терских и донских казаков по указанию астраханского губернатора А.П. Волынского на кумыкско-чеченские владения, занимавшие прокрымскую ориентацию. Новые переговоры А.П. Волынского с горскими князьями

27 июля (по старому стилю) 1722 г. – Петр I высаживается с войсками в Аграханском заливе. Начало «Персидского похода» 80-тысячной армии с целью занятия прикаспийских провинций Ирана, Дагестана и Восточной Грузии (Картлия, Кахетия)

(не позже 27 июля) 1722 г. – штурм драгунами бригадира Ветерани аула Эндирей, отказавшегося от выражения подданства России и его успешная оборона кумыкско-чеченскими силами

4 августа 1722 г. – рейд генерала Кропотова с 10 тыс. донских казаков и 5 тыс. калмыков на Эндирейское владение. Уничтожено 3 тыс. домов и сожжены хлеба в полях. Старший эндирейский князь «раскаялся» и принес присягу подданства. Чеченцы – участники сражения – присягали самостоятельно от эндирейцев

5 августа 1722 г. – шамхал Адиль-Герей Тарковский и князь Солтан-Мут Аксайский (имевший влияние на качкалыковских чеченцев) ведут переговоры с Петром I в военном лагере на Сулаке (Солтан-Мут преподнес императору в подарок трех персидских скакунов с богатой сбруей, 250 быков и 600 телег)

осень 1722 г. – отъезд императора Петра I в Россию после взятия Дербента 23 августа. Посещение им гребенских станиц и источников горячих минеральных вод на правом берегу Терека под Брагунами, получившие с того времени название «Петровские теплицы»

1722–1724 гг. – строительство крепости Святого Креста на Сулаке. Кроме гарнизона здесь расселяют 1 тыс. семей казаков с Дона. Переводят также гарнизон упраздненной Терской крепости, включая Окоцкую слободу, населенную выходцами из Чечни.

1723–1726 гг. – выписки Терской и Астраханской таможни об активной торговой деятельности выходцев из Чечни, живущих в Терском городе.

1723–1727 гг. – кампания турецкой армии против Персии. Захват османами западной Персии и южного Закавказья, включая Восточную Грузию. Ирано-турецкое перемирие в Хамадане (4 октября 1727)

1723–1737 гг. – османское правление («османолоба» – режим османского засилья) над Восточной Грузией (Картлия, Кахетия)

12 июня 1724 г. – заключение Стамбульский договора, разграничившего сферы влияния Турции и России на Кавказе. Россия, получив под контроль прикаспийскую полосу Дагестана и Азербайджана, впервые становится участником международных соглашений по Кавказу

февраль 1725 г. – сентябрь 1726 г. – шамхал Адиль-Гирей Тарковский, недовольный политикой России в регионе, собрал общегорское ополчение в 30 тыс. человек и открыл военные действия против русских укреплений. Русские генералы развернули успешные военные действия в Дагестане. В сентябре 1726 г. шамхальство было упразднено, а явившийся на милость победителя Адиль-Гирей отправлен в ссылку под Архангельск

июнь-июль 1725 г. – изложение выехавшим в Россию грузинским царем Вахтангом VI ситуации на Кавказе с указанием опасности подчинения османами высокогорных районов Кавказа (включая чеченские и ингушские общества)

1726 г. – от «трех чеченских князей, имеющих во владении своем около 5000 подданных, приехали [в крепость Святого Креста] два узденя с тем, что они хотят быть в подданстве Ее Величества» Екатерины I

1727 г. – первое упоминание Чечни (известное на сегодня) в европейской картографии (итальянская карта)

1728 г. – написание офицером русской службы и географом И.Г. Гербером работы «Записки о находящихся на западном берегу Каспийского моря,

между Астраханью и рекою Кура, народах и землях и об их состоянии в 1728 году»

8 сентября 1729 г. – сообщение выехавшего в Россию грузинского царя Вахтанга VI о намерениях Турции построить крепость «близ Кабарды и Чечни»

1730–40-е гг. – военно-политическая деятельность выдающегося чеченского деятеля – князя Айдемира Бардыханова

не позже 1732 г. – начало складывания предгорно-плоскостного Карабулакского (Арштхойское) общества на западе Чечни

лето 1732 г. – собрание 10-тысячного горско-чеченского ополчения на Чеченской равнине под «предводительством Аджи» с религиозными лозунгами. Попытка нападения на карабулаков-арштхойцев и кабардинцев с целью их исламизации

4–7 июля 1732 г. – экспедиция генерала графа Дугласа в Чечню, отправленная из крепости Святого Креста на р. Сулак против «собрания» горцев. Уничтожение отряда подполковника Коха под Чечен-Аулом и гибель сторонника русской ориентации старшего князя Казбулата

не ранее июля 1732 г. – 1746 г. – старшим чеченским князем в этот период является Айдемир Бардыханов

лето 1732 г. – набег донских и гребенских казаков во главе с атаманом Д. Ефремовым и князем Алибеком Казбулатовым на аулы князя Айдемира в Чечне

июль 1733 г. – поход крымских войск под командованием Фети-Гирея в Иран через Чечню и Дагестан при поддержке чеченского князя Айдемира. Разгром крымско-чеченской армией войск генерала Гессен-Гомбургского на р. Белая (при переправе через Сунжу)

1733 г. – письмо старшин «Кистецкой провинции» (южная, высокогорная часть Чечни и Ингушетия) о принятии присяги верности грузинскому царю Вахтангу VI, находящемуся в России

1735–1740 гг. – новое массовое восстание в Башкирии, в т.ч. под руководством Кильмяка Нурушева – участника восстания в Чечне в 1708 г. во главе с чингизидом Муратом Кучюковым

10 марта 1735 г. – Гянджинский мир: договор между Россией и Персией о возвращении Россией всех бывших владений Персии на Кавказе (включая Дагестан) и установлении границы двух держав по Тереку

лето 1735 г. – поражение армии крымского хана Каплан-Гирея в сражении с общенациональным чеченским ополчением (ущелье Хан-кала). Старший чеченский князь Айдемир, выступивший на этот раз против хана принес присягу на верность России и ему назначено ежегодное жалованье

27 октября 1735 г. – генерал-аншеф В.Я. Левашов начал сооружение Кизлярской крепости. Из крепости Святого Креста на Сулаке сюда переводятся казаки и находящиеся на службе России чеченцы-аккинцы, кабардинцы, ногайцы, армяне и грузины. Часть их вошла в состав Терско-Кизлярской иррегулярной команды под начальством генерал-майора Эльмурзы Бековича-Черкасского

1735 г. – учрежденный было еще в 1717 г. частный «завод» по переработке шелка-сырца был отстроен вновь на Тереке за счет государственной казны и при нем образовалась слобода, населенная преимущественно армянами, грузинами и русскими (Шелкозаводская)

1736 г. – от гребенских станиц вниз по Тереку до Кизляра учреждают три новые казачьи станицы: Бороздинская, Каргалинская, Дубовская, а от Кизляра к морю поселяют еще 430 казачьих семей (они составили т.н. Терское семейное войско)

1736–1739 гг. – война России против Турции под «претекстом» прохождения крымских войск через Чечню и Дагестан. Усиление России в Приазовье (возвращение Азова) и на Северном Кавказе

1736–1747 гг. – правление в Иране великого азиатского полководца Надир-шаха, восстановление мощи державы и ее влияния на Северном Кавказе (Дагестан, Чечня) и в Закавказье

19 сентября 1739 г. – заключение русско-турецкого Белградского мира. Согласно пункта 6 договора, Кабарда, считавшаяся вассалом Крымского ханства, была признана «бариерной» (независимой, нейтральной) территорией между двумя державами, включая и вассальные ей районы (Карачай, Балкария, Осетия, Ингушетия)

1741–1743 гг. – переговоры чеченских старшин и князей (Алибек, Айдемир и шатоевский кадий) с персидским шахом Надир-шахом во время его вторжения в Дагестан

1741–1745 гг. – пребывание персидской армии в Дагестане и разгром горцами в 1745 г. Надир-шаха, намеревавшегося захватить весь Северный Кавказ и идти походом на Астрахань

1741–1748 гг. – активизация русско-чеченских политических и торговых связей. Наделение российским жалованьем 4 чеченских князей и их узденей. Принятие присяг подданства новыми обществами Чечни, в т.ч. и горными

1745 г. – учреждение Осетинской духовной комиссии из грузинских духовных лиц Синодом и Сенатом России для пропаганды христианства среди осетин и ингушей

1747 г. – объявление выговора войсковым начальством Кизляра атаману Борисову, напавшему с большим отрядом на нескольких мирных чеченцев в пути

апрель-сентябрь 1747 г. – признание императорским двором присяги подданства жителями общества Герменчик и определении к ним «во владельцы» по их просьбе ротмистра Девлет-Гирея Черкасского из Кизляра

1748–1752 гг. – войны грузинских правителей Ираклия II и его отца Теймураза II (1744–1762) с ханами Ширвана, Еревана и Шеки с привлечением горских ополчений Кавказа

5 января 1748 г. – старшим князем в Чеченском владении тремя владельческими фамилиями избирается Алибек Казбулатов (вплоть до 1757 г.)

апрель 1748 г. – посылка из Кизляра российского агента А. Агаева в горный Чеберлой для разведывания положения общества в связи с обращением горцев к российским властям на Тереке

1749–1752 гг. – посольство осетинских старшин в Россию и их переговоры в Петербурге о вступлении Осетии в российское подданство

1750-70-е гг. – политическая деятельность авторитетного чеченского узденя Бекея-хаджи

1750–60 гг. – у выхода на Кабардинскую (Осетинскую) равнину рек Камбилеевка и Сунжа переселенцами из Галанчожского ущелья Чечни закладываются небольшие селения Шолхи и Ахки-Юрт

вторая половина XVIII в. – начало XIX в. – распространение ислама в высокогорной части Чанты-Аргуна (общества Майсты, Маьлхий) и в Галанчожском ущелье Чечни

февраль 1750 г. – грузинские цари Теймураз и Ираклий призывают для защиты Тбилиси от кизылбашей многих горцев Северного Кавказа, в т.ч. «кавказиан» (чеченцы и ингуши)

1751–1754 гг. – переселение Девлет-Гирея с узденями и холопами из Герменчика на Терский (Брагунский) хребет и основание селения Девлет-Гирей-Юрт (Старый Юрт)

1754–1755 гг. – военные действия кахетинского царя Ираклия II против дагестанских ополчений, в т.ч. с помощью верхнеаргунских чеченцев (киштов) и глигвов (галгаев)

1756 г. (не позднее 12 мая) – письмо чеченских князей кизлярскому коменданту И.Л. фон Фрауендорфу о намерении выселиться к Тереку в связи с «непослушанием» народа

1757 г. – волнения в Чечне, вызванные недовольством правлением своих князей, строительством Червленского редута на чеченской стороне Терека и арестом влиятельных чеченских узденей

1757 г. – 1769/70 г. старшим князем признается Арсланбек (Расланбек) Айдемиров (и второй раз с 1775 по 1784 г.)

середина 1757 г. – российский источник подтверждает, что граница между Чечней и Кабардой в Притеречье проходит в 10 верстах от правого берега речки Курп, впадающей в Терек

1758–1762 гг. – установление российско-ингушских и российско-карабулакских политических контактов

апрель-май 1758 г. – карательная экспедиция в Чечню генерал-майора Фрауендорфа во главе регулярных войск, казаков, калмыков и горских союзников (до 6 тыс. человек); по призыву восставших на помощь чеченцам выступают добровольческие отряды андийцев, аварцев и кумыков.

29 апреля 1758 г. – письмо андийского народа кизлярскому коменданту генералу И.Л. фон Фрауендорфу с требованием прекратить вторжение в Чечню под угрозой возмущения всего Дагестана

конец мая – начало июля 1758 г. – после нескольких стычек русские войска простояли на Сунже до конца мая, а в начале июля были уже в Кизляре. Фрауендорф признал, что восставшие в «покорение не пришли»

1758 г. (октябрь и далее) – обращения чеченских обществ, старшин и князей в Кизляр с просьбами о прекращении конфликта

не позже 1762 г. – образование чеченского Галашинского (Галашкинского) общества на левобережье Ассы

1759–1763 гг. – беспроблемный в целом период в русско-чеченских отношениях

1760-е гг. – заканчивается переход в Чечне от тюркского письма с арабской графикой к использованию собственно арабскомого письменного языка

1760 г. (предположительно) – год рождения Ушурмы (Мансур), руководителя народно-освободительного движения горцев Чечни и Северного Кавказа в 1785–1791 гг.

24 марта 1762 г. – кизлярский комендант А.А. Ступишин запрещает эндиреевскому владельцу А. Хамзину производить в его владении набор кумыков, чеченцев и брагунцев в войско кубинского хана для войны в Персии

2 апреля 1762 г. – определение кизлярским комендантом А.А. Ступишиным в охрану к чеченскому князю Р. Айдемирову казачьей команды

июнь 1762 г. – равнинное Карабулакское общество принимает присягу подданства России перед представителями кизлярского коменданта ротмистром М. Мансуровым и эндиреевским владельцем Аджи-Муртазалием

5 июля 1763 г. – начало строительства крепости Моздок на левом берегу Терека в землях исторической Кабарды

1764–1765 гг. – новые волнения и вооруженные столкновения в Чечне, вызванные враждой нескольких феодальных групп. Попытки местных русских властей добиться примирения путем переговоров

июль 1764 г. – вооруженное столкновение между князьями Девлет-Гиреем Черкасским и Расланбеком Айдемировым на Терском хребте

24 августа 1764 г. – участие чеченского князя Алисултана Казбулатова в военных действиях в Дагестане совместно с аварским «ханом» (хунзахский военачальник «Магомед-Нусал»)

11 июля 1765 г. – сообщение о намерении князя Расланбека Айдемирова пригласить к себе «аварское войско» для разгрома феодальных противников

1765 г. – Князь Алисултан Казбулатов просит о пропуске на правый берег Терека 100 арб (подводы) его подвластных для закупки вяленой рыбы и соли в казачьих станицах.

1765 г. (не позднее 24 марта) – предложения чеченских старшин об облегчении их торговли в казачьих станицах и взаимном урегулировании споров с терскими казаками по поводу пропажи скота

1768–1774 гг. – Русско-турецкая война. Чеченский князь Алисултан Казбулатов производит с подвластными партизанские набеги на русскую Линию. Князь Расламбек Айдемиров с небольшим отрядом чеченцев действует в составе русских войск на Кубани

август 1769 г. – ввод русского отряда генерала Тотлебена в Грузию через Дарьяльское ущелье и его участие в боевых действиях против турок

1769–1770 гг. – военно-дипломатическая (отчасти геологическая) миссия капитана М. Гастотти (Дегостодий) из Кизляра в Чечню, Ингушетию и Кабарду

1770–1774 гг. – продолжение строительства русской пограничной Линии. Прекращение доступа чеченцам на левый берег Терека к затеречным степям, использовавшимся горцами веками в хозяйственно-торговых целях. Начало нападений чеченцев на новые станицы и укрепления

1770–1772 гг. – пребывание беглого донского казака Емельяна Пугачева до ухода на Яик в «нижних» терских станицах Дубовская и Каргалинская

1770 г. – июль 1773 г. – путешествия и исследования немецкого ученого на русской службе академика И.А. Гильденштедта на Кавказе. Посещение районов, населенных терскими казаками, кумыками, чеченцами, ингушами, осетинами, кабардинцами и грузинами. Сводная работа вышла на немецком языке: Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von P.S. Pallas. St. Petersburg: Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 1. 1787; Bd 2. 1791. Первый русский перевод был опубликован в 1809 г. – Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. – СПб.: Императорская Академия наук, 1809

февраль 1770 г. – карательная экспедиция командующего Кавказской линией генерала графа де Медема в Чечню. Покорение сунженских аулов, подвластных Алибеку с взятием у них аманатов

весна 1770 г. – начало сооружения укрепленных станиц Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская и Калиновская (между Моздоком и Червленной). Водворение в них 517 волжских и нескольких сот донских казачьих семейств с артиллерий (Моздоцкий казачий полк)

17–19 марта 1770 г. – ингушские старшины в числе 24 человек подписывают присяги подданства России перед русскими пограничными властями на территории горного общества Ангушт

20 апреля 1770 г. – картло-кахетинский царь Ираклий II разбил турецко-лезгинское войско в Аспиндзкой битве. Усиление его влияния в горных обществах Кавказа

1770/71 г. – по 1774 г. – Старшинство в княжеской фамилии Турловых в Чеченском владении признается за Алисултаном Казбулатовым

1771 г. – обращение Терско-Гребенского казачьего войска в Российский Сенат с просьбой отмены пошлин на аробные колеса, ввозимые из Чечни (ходатайство было Сенатом отклонено под предлогом «не подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»)

февраль 1771 г. – участие ингушей в подавлении восстания осетинского феодала Дударова, закрывшего для русских Дарьяльскую дорогу на Грузию

весна 1771 г. – бегство большей части российских калмыков с ханом Убаши в Западный Китай, вызванное недовольством политикой российских властей. Упразднение Калмыцкого ханства – важного актора в т.ч. северокавказского политического мира.

лето 1771 г. – частые «подбеги» чеченцев между Червленной и Моздоком на новые станицы и укрепления Кавказской Линии

21 июля 1771 г. – отказ жителей Чеченского общества в просьбе аварского (хунзахского) военачальника Магомед-Нуцала выступить на помощь против азербайджанских ханств

июнь 1772 г. – требования чеченских старшин генералу И.Ф. Медему и кизлярскому коменданту Ф.И. Паркеру не вмешиваться в их взаимоотношения с соседними народами

не позже 1773 г. – возникновение ингушского селения Заурово (в районе восточной части современного Владикавказа)

1773 г. – поездки естествоиспытателя академика И.П. Фалька в Астрахань и на Северный Кавказ с собиранием материалов о Чечне

май 1773 г. – арест русскими властями 12 кабардинских аристократов в Моздоке с целью принудить князей к подчинению и вывести вассальных ингушей из-под их власти. Кабардинские вожди выставляют на поле боя 25 тыс. человек за счет горцев Кубани, Дагестана и Чечни, чем принуждают к отступлению генерала де Медема

1773–1775 гг. – крестьянская война в России под предводительством Емельяна Пугачева. Крестьянский вождь использовал недовольство не только русских казаков, заводских рабочих и крепостных, но и антиправительственные настроения среди башкир, татар, казахов, мокшан, эрзян, чувашей, удмуртов и калмыков

1774 г. – гребенские казаки заподозрены властями в намерении бежать во владения крымского хана на Кубань из-за недовольства занятием пространства между Червленной и Моздоком находившегося в их совместном хозяйственном пользовании с горцами и преследования «старой веры»

11 июня 1774 г. – неудачная осада крымским царевичем Шабаз-Гиреем с 10-тысячным кубанско-кабардинским войском и ингушами станицы Наурская. Разгром русскими войсками на Тереке 3-тысячного чеченско-кумыкского отряда, выступившего на соединение с царевичем

10 июля 1774 г. – подписание Кючук-Кайнарджийского мира между Турцией и Россией, согласно которому она получила доступ к берегам Черного моря. Крымское ханство объявляется самостоятельным от Стамбула, а ее формальный вассал – Кабарда (Большая и Малая) отходит к России

осень 1774 г. – переговоры в Моздоке представителями Осетии о ее вхождении в состав России и использовании местных рудных богатств

1775 г. – новые антифеодальные и антироссийские волнения в Чечне. Обращения князей и их узденей (дворян) за помощью к русским властям. Демонстративный карательный набег генерала Медема с 2-тысячным отрядом и артиллерией на чеченские аулы на Качкалыковском хребте

1777–1780 гг. – окончание строительства Кавказской Линии от Моздока до Азовского моря (Моздокско-Азовская Линия). На территории Кабарды возникают крепости Марьинская, Екатериноградская, Павловская и другие укрепления

16 марта 1778 г. – ордер астраханского губернатора И.В. Якоби о запрещении свободной продажи горцам ружейных стволов, шашечных полос, железа и свинца в связи с опасностью их вывоза «азиатским народом»

лето 1778 г. – очередной сбор грузинским царем Ираклием II кавказского ополчения включая нахов-«кистов»

1779 г. – предположительно в указанном году в с. Илисхан-юрт родился Бейбулат Таймиев, в последующем выдающийся руководитель освободительной борьбы чеченского народа

весна-лето 1779 г. – набеги чеченцев и кабардинцев на Кавказскую Линию. Массовое восстание Кабарды при поддержке чеченцев и западных черкесов против занятия их земель под русские крепости

9 июня 1779 г. – 15 тыс. кабардинцев и чеченцев осадили Марьинскую крепость. Их разгром войсками во главе с генералом И.В. Якоби. 27 сентября 1779 г. новое крупное сражение у крепости Св. Георгия закончилось также поражением горцев

лето 1781 г. – разведка дивизионного квартирмейстера Л.Л. Штедера в Чечне, Ингушетии и Осетии с составлением подробного описания посещенных районов Данные были опубликованы позже в Германии: [Steder.] Tage-

buch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mozdoknach dem inner Caucasus unternomment worden // Neue Nordische Beytrdge. 1796. Bd. 7.

1781–1782 гг. – возобновление русско-чеченских договорных взаимоотношений. Присягают основные аулы на Чеченской равнине и по Сунже

1781–1799 гг. – заселение левобережья Сунжи и Притеречья чеченскими общинниками и представителями княжеских фамилий. Образование Надтеречной Чечни

12 января 1782 г. – отказ народного собрания «мичкизцев» качкаликовских аулов в послушании приглашенным аксаевским князьям, если последние не согласятся на их «условия»

3–4 марта 1782 г. – карательная экспедиция русских войск в Большие Атаги и Алды под начальством полковника Коха и против ингушского общества Ангушт под начальством майора Река (сражения состоялись также и в карабулакских землях) с целью «умиротворения» всех плоскостных нахских обществ

30 сентября 1782 г. – просьба кизлярского коменданта А.М. Куроедова к чеченскому владельцу Р. Айдемирову принять меры по отысканию 3 казачьих семей, бежавших в Чечню

ноябрь 1782 г. – комендант Кизляра требует от князя Р. Айдемирова воспретить его подвластным «вербоваться» на службу в Персию (где на тот момент шла междоусобная борьба за шахский трон между Зендами и Каджарами)

июнь 1783 г. – сражение 1 тыс. чеченцев с равным по числу ингушским ополчением, закончившееся захватом ими плоскости в ходе попыток чеченских лидеров установить контроль над Кабардинской (Владикавказской) равниной

20 июля 1783 г. – извещение кизлярским комендантом А.И. Куроедовым горских владельцев о включении в состав Российской империи Крымского полуострова, Тамани и «всей Кубанской стороны»

24 июль 1783 г. – подписание в Георгиевске грузино-русского договора о протекторате России над Восточной Грузией, согласно которому в Тифлис ввели (через Дарьяльскую дорогу) 2 русских егерских батальона под начальством полковника Бурнашева

сентябрь 1783 г. – фаворит Екатерины II князь Григорий Потемкин лично распоряжается провести карательную экспедицию на равнинную Чечню с целью «подкрепления» обществами и аулами присяг «подданичества»

6 октября 1783 г. – происходит жестокое сражение чеченского ополчения с войском генерала П. Потемкина (племянник Г. Потемкина) на Чеченской равнине. 27 октября его силы вернулись на левый берег Терека

начало 1784 г. – смена чеченских аманатов из знатных влиятельных фамилий, содержащихся в русских укреплениях

25 апреля 1784 г. – заложена крепость Владикавказ. Между ней и Моздоком было сооружено 4 укрепления (Потемкинское, Кумбелеевское, Григориполис, Константиновское), отрезавших помимо прочего от взаимного сообщения Чечню и Кабарду

15 ноября 1784 г. – сообщение о поездке ингушской делегации в чеченские селения, «чтобы сделать мир»

12–13 февраля – 8 марта 1785 г. – землетрясение на Северном Кавказе. 8 марта следует первое сообщение генерал-майора Пеутлинга о появлении мусульманского «святого» (Мансур) в ауле Алды

март 1785 г. – июнь 1791 г.– Освободительная война горцев Чечни и Северного Кавказа против царских колонизаторов под руководством имама и шейха Мансура

весна 1785 г. – успешная пропаганда шейхом Мансуром своих идей в среде чеченского и кумыкского «народа». Распространение его учения в Кабарде и Дагестане

апрель 1785 г. – сообщение коменданта Владикавказа подполковника Матцена, что с выступлением шейха Мансура в Чечне начались волнения и в Осетии

5 мая 1785 г. – указ императрицы Екатерины II об учреждении Кавказского наместничества (именовалось и губернией) с включением в него Астраханской области. В 1802 г. губерния была разделена на 2 области – Кавказскую (позже Ставропольская) и Астраханскую (южная граница наместничества проходила по левому берегу Терека)

6 июля 1785 г. – разгром чеченцами отряда полковника Пиери у аула Алды. Убито 300 солдат, 9 офицеров, в т. ч. Пиери, взято в плен около 200 чел., в том числе и прапорщик П.И. Багратион, будущий герой Отечественной войны 1812 г.

15 июля 1785 г. – первая осада шейхом Мансуром крепости Кизляр. Взятие повстанцами Каргинского редута

конец июля 1785 г. – массовый переход «черного народа» в селениях Малой Кабарды на сторону Мансура. Героическая попытка войск Мансура штурмом взять укрепление Григориполис

19–22 августа 1785 г. – вторая неудачная попытка Мансура взять крепость Кизляр. Отход шейха Мансура от Кизляра и ожесточенный бой с Томским пехотным полком

октябрь-ноябрь 1785 г. – демонстративные передвижения повстанческих сил Мансура вдоль Терека. Создание здесь угрозы станицам и крепостям Кавказской Линии

30 октября – 2 ноября 1785 г. – два крупных сражения армии Мансура с русскими соединениями полковника Нагеля в Малой Кабарде с использованием передвижных деревянных щитов для защиты от картечи. В конечном счете Нагель отступил к Моздоку, но Мансур не смог воспользоваться фактической победой

первая половина 1786 г. – появление в европейской дипломатической переписке (архив Ватикана) известий о движении горцев Кавказа, возглавляемых «имамом Мансуром, татарским вождем»

июль-август 1786 г. – начало отхода от шейха Мансура князей, владельцев и старшин различных горских народов и их обращения к царским властям с просьбой о помиловании

17 января 1787 г. – набег русских сил в плоскостную Чечню под начальством полковников Ретиндера и Савельева. Сражение полковников с горцами на Качкалыковском хребте и их отступление

июль 1787 г. – картло-кахетинский царь Ираклий II, убедившись в отсутствии реальной помощи от России (переброску дополнительных сил с Терека и Кубани не позволяла опасность со стороны горских повстанцев), вынужден подписать мирное соглашение с турецкими пашами, а в 1788 г. и официальный мир с Турцией

3 июля 1787 г. – Мансур с группой сподвижников тайно покидает Чечню и уходит за Кубань, в адыгские и ногайские земли, на которые распространялся протекторат Османской империи

13 августа 1787 г. – начало русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) с охватом Северо-Западного Кавказа (с 22 июня 1788 по 3 августа 1790 г. шли боевые действия на суше и на море также между Швецией и Россией). Имам Мансур получает политическое признание со стороны турецкого султана Абдул-Гамида I

20–22 сентября 1787 г. – имам Мансур во главе отрядов закубанских горцев и ногайцев (8 тыс. чел.) вступает в тяжелое сражение с русскими войсками под начальством генерала Потемкина (8 тыс. чел., 35 орудий) и терпит поражение

октябрь 1787 г. – указами русской императрицы Екатерины II 5 крепостей на Северном Кавказе, начиная с Владикавказа, были срыты, а гарнизоны спешно отведены за Терек. Русские батальоны из Тбилиси также выведены на Кавказскую Линию

октябрь 1787 г. – второе поражение шейха Мансура на р. Уруп, его тяжелейший переход через снежные завалы Кавказских гор в турецкую крепость на Черноморском побережье

1788 г. – «Уверительная записка» грузинского царя Ираклия II старшинам глигвинцев (галгаев) о выступлении их на военную службу за жалованье

1789 г. – обращение шейха Мансура к заволжским киргиз-кайсацким народам (казахи) с призывом подняться против русского царя (в 1783–1797 гг. шло освободительное восстание казахов под руководством Сырыма Датова в Младшем жузе Казахстана – между Волгой и Уралом)

весна-лето 1789 г. – сентябрь 1792 г. – Французская буржуазная революция, провозглашение республики. Распространение в европейской печати информации о Мансуре и событиях на Северном Кавказе

лето 1789 г. – тревога русских властей в Крыму в связи со слухами о намерениях Мансура, якобы прибывшего в Крым поднять на восстание местных татар и ногайцев

август-ноябрь 1790 г. – Тайное возвращение Мансура в Чечню с целью организации нового восстания. В виду неуспеха он в ноябре уходит через Дагестан и Закавказье в Анапу

декабрь 1790 г. – длительный поход за Кубань генерал-поручика Бибикова с отрядом в 7609 чел. против Мансура и турок. Катастрофическое отступление русских войск, преследуемых Мансуром после их поражения под Анапой

12–21 июня 1790 г. – осада, штурм и взятие турецкой крепости Анапа крупными русскими силами с артиллерией под командованием И.В. Гудовича. Пленение имама Мансура с уверением освобождения по окончанию войны, и отправка его в Петербург

6 июля 1791 г. – Мансура специально привозят в клетке в Царское Село, чтобы его могла рассмотреть Екатерина II

15 октября 1791 г. – отправка шейха Мансура после допросов в Тайной канцелярии из Петербурга в Шлиссельбургскую крепость «на безысходное в ней пребывание»

29 декабря 1791 г. – заключение русско-турецкого Ясского мира, который помимо прочего подтвердил права России на Крым, Тамань и правый берег Кубани

19 апреля 1793 г. – торжественное принятие ближайших союзников чеченцев – кумыкских князей и шамхала Тарковского в русское подданство. Пожалование шамхалу чина тайного советника с ежегодным жалованьем 6 тыс. рублей

1794 г. – В Нижегородском драгунском полку в Кизляре начинает службу в чине вахмистра будущий герой Отечественной войны 1812 г. и генерал-майор чеченец Александр (Али) Николаевич Чеченский-Раевский (приемный сын видного военного и государственного деятеля России Н.Н. Раевского)

13 апреля 1794 г. – смерть первого имама горцев Северного Кавказа и Чечни шейха Мансура (Ушурма) в Шлиссельбургской крепости

весна 1795 г. – вторжение 35-тысячной армии во главе с правителем Ирана Ага-Мохаммед Каджаром (шах с 1796 г.) в Закавказье, разгром грузинского войска, взятие Тбилиси в сентябре и разорение Восточной Грузии

апрель 1796 г. – декабрь 1797 гг. – «Персидский поход» русской армии под командованием В. Зубова для овладения приморским Дагестаном, восточно-кавказскими провинциями Ирана (Азербайджан) и оказания помощи Грузии. В этом походе участники-чеченцы получили первые офицерские чины: Цуцу Жанбатырев и Муурза-бек Али-Султанов были пожалованы в звание поручиков, а Улумо-Мударук Сайтов и его сын Ганжу произведены – первый в прапорщики, второй в поручики

1797–1798 гг. – путешествие ученого и писателя графа Яна Потоцкого на юг России с изучением горских земель, включая чеченцев. Записки Потоцкого «Путешествия в Астраханские и Кавказские степи» были опубликованы в 1829 г. в Париже на французском языке

5 января 1797 г. – рескрипт императора Павла I на имя генерала И.В. Гудовича на Кавказе о желании создать из местных вассальных владений приверженных к России «федеративное государство, зависящее от нас, яко верховного их государя и покровителя»

26 июня (предположительно) 1797 г. – в селении Гимры (Генуб) Нагорного Дагестана родился Шамиль – будущий имам Чечни и Дагестана

1798 г. – князь Али Алхасов из владельческой фамилии шамхалов Тарковских основал чеченское селение Али-Юрт на Тереке, напротив станицы Галюгаевская

1799 г. – усиление чеченских набегов по Тереку в ответ на нападения русских сил. Проведение генералом К.Ф. Кнорингом переговоров с чеченскими старшинами и подписание мирных «статей» о торговле

20 ноября 1799 г. – русский полк под командованием генерал-майора И.П. Лазарева торжественно вошел в Тбилиси. Возрастание стратегического значения Военно-Грузинской дороги с ее горскими флангами

8 июля 1800 г. – рескрипт Павла I генералу К.Ф. Кнорингу о проведении экспедиции на герменчиковцев и других горцев «взади чеченцев [Чеченское общество] обитающих»

7 ноября 1800 г. – разгром русско-грузинскими войсками 15-тысячного ополчения горского вождя – хунзахского нуцала Ума-хана на р. Йори в Кахетии

12 декабря 1800 г. – манифест императора Павла I о присоединении Восточной Грузии к России

12 сентября 1801 г. – подписание Александром I манифеста об упразднении Картло-Кахетинского царства. Учреждение грузинского Верховного правительства, назначение генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга главнокомандующим в Грузии и губернатором Кавказской губернии

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Архив Российской Академии наук (г. Москва)
Ф. 100. Оп. 1.
Д. 195/6.

Архив внешней политики Российской империи (г. Москва)
Ф. Кабардинские дела. Оп. 115/1.
Д. 5.
Д. 9.
Д. 11.

Ф. Кабардинские дела, 1751 г. Д. 1.

Ф. Кабардинские дела, 1720 г. Оп. 115/1. Д. 3.

Ф. Кабардинские дела, 1755–1757 гг. Оп. 115/1. Д. 14.

Ф. Кабардинские дела, 1758 г. Оп. 115/1. Д. 11.

Ф. Кабардинские дела, 1757 г. Оп. 115/1. Д. 9.

Ф. Кабардинские дела, 1746 г. Оп. 115/1. Д. 5.

Ф. Кабардинские дела. 1764–1767 гг. Оп. 115/1. Д. 5.

Ф. Кабардинские дела. 1766–1768 гг. Оп. 115/1. Д. 1.

Ф. Кабардинские дела. 1770 г. Оп. 115/1. Д. 3.

Ф. Кабардинские дела. 1762–1771 гг. Оп. 115/2. Д. 6.

Ф. 115. Кабардинские дела. Оп. 115/1. 1790. Д. 3.

Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1762–1772 гг. Оп. 118. Д. 1.

Ф. Кизлярские и Моздокские дела, 1784–1785 гг. Оп. 118. Д. 1.

Ф. Кизлярские и Моздокские дела. 1784–1785 гг. Оп. 111. Д. 1.

Ф. Кизлярские дела, 1771 г. Кн. 2.

Ф. Кумыкские дела, 1756–1758 гг. Оп. 121/1.
Д. 2.
Д. 12.

Ф. Кумыкские дела. 1762 г. Оп. 121/1.
Д. 1.

Ф. Кумыкские дела. 1759–1781 гг. Оп. 121/1.
Д. 1.

Ф. Осетинские дела, 1757 г. Оп. 128/1.
Д. 1.

Ф. Осетинские дела. 1767–1783 гг. Оп. 128/11.
Д. 1.

Ф. Осетинские дела. 1762–1782 гг. Оп. 128/11.
Д. 1.

Ф. Сношения России с Грузией. 1757 г.
Д. 5.

Ф. Сношения России с Грузией. 1768–1774 гг. Оп. 110/2.
Д. 7.

Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110/1.
Д. 5.
Д. 3.

Ф. Сношения России с Грузией. Оп. 110/2.
Д. 7.

Ф. 115. Оп. 1. 1795–1797.
Д. 15.

Ф. Сношения России с Персией, 1742 г. Ч. 3.
Д. 5.

Ф. Сношения России с Персией, 1743 г. Оп. 77/1.
Д. 3.

Архив Института рукописей им. К. Кекелидзе (Республика Грузия, г. Тбилиси)

Ф. ROS.
Д. 174.

Ф. Вейденбаум Е.Г.
Д. 24.

Архив Санкт-Петербургского Отделения Института истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

Ф. 178. Оп. 1.
Д. 12242.
Д. 12276.
Д. 11058.
Д. 12217.
Д. 12317
Д. 14181.

Ф. 178.
Д. 1.

Ф. 1. Д. 469-а.

Архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания (г. Владикавказ)

Ф. 16. Оп. 1.
Д. 1.

Ф. 33. Оп. 1.
Д. 168.

Ф. 2. Оп. 1.
Д. 13.
Ф. 38. Оп. 1.
Д. 168.

Ф. 37. Оп. 1.
Д. 2.

Ф. 37. Св. 286. Закл. 9.

Ф. 37. Оп. 1. Св. 286. Зап. 2.
Д. 2.

Архив Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, социологии и филологии (г. Грозный)
Ф. 1.
Д. 4 (1).

Государственный архив Астраханской области (г. Астрахань)
Ф. 681. Оп. 6.
Д. 26.
Д. 29.
Д. 25 (1723–1724 гг.).
Д. 29 (1718–1725 гг.).
Д. 26 (1725 г.).
Д. 46 (1725 г.).

Государственный архив Республики Грузия (г. Тбилиси)
Ф. 7. Оп. 8.
Д. 4.

Ф. 1087. Оп. 1.
Д. 301.

Государственный архив Ставропольского края (г. Ставрополь)
Ф. 235. Оп. 1.
Д. 4.
Д. 1.

Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
Ф. 121. Оп. 1. 1648 г.
Д. 1.

Ф. 121. Оп. 1. 1652 г.
Д. 1.

Ф. 379. Оп. 1.
Д. 524.

Ф. Кизлярский комендант. Ф. 23. Оп. 1. Ч. 6.
Д. 13.

Ф. 23. Оп. 1.
Д. 1.
Д. 13.

Ф. 23. Оп. 1. Ч. 4а.
Д. 13.

Ф. Кумыцкие и Тарковские дела. Оп. 1, 1652 г.
Д. 1.

Ф. 121. Оп. 1.
Д. 1.

Ф. 23. Ч. 4.
Д. 13.

Ф. 123. Оп. 1. Кн. 11.

Ф. 123. Оп. 1. Кн. 15.

Ф. 123. Оп. 1. Кн. 17.

Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6.

Ф. 89. Оп. 1, 1512.
Д. 1.

Ф. ВУА.
Д.18308.

Ф.127. Оп. 1, 1586.
Д. 1.

Ф. 123. Оп. 1, 1586.
Д. 1.

Ф. 141. Оп. 140, св. 2.
Д. 13.
Ф. 115. Оп. 1. 1589 г.
Д. 5.

Ф. 115. Оп. 1, октябрь 20, 1588 г.

Д. 1.

Ф. 115. Оп. 1. 1616 г.
Д. б/н.

Ф. 131. Оп. 1. 1614 г.
Д. 1.

Ф. 121, 1652 г. Оп. 1.
Д. 1.
Ф. 121, 1675 г.
Д. 1.

Ф. 9. Оп. 6.
Д. 58.

Ф. 9. Оп. 11.
Д. 7.

Ф. 9. Оп. 1.
Д. 3.

Ф. 119. 1708 г.
Д. 9.

Ф. 119. Оп. 1.
Д. 1.

Ф. 123. Оп. 1. 1707 г.
Д. 3.

Ф. 9. Отд. II. Оп. 4. Ч. 1. Кн. 59.

Ф. 23. Оп. 2.
Д. 9.

Ф. 23. Оп. 1. Ч. 4.
Д. 13.

Ф. 23. Оп. 13. Ч. 4.
Д. 1.

Ф. 23. Оп. 1. Ч. 6.
Д. 13.

Ф. 7. Оп. 2.
Д. 2777.

Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)
Ф. 482. Оп. 1.
Д. 1.
Д. 192.
Д. 183.

Ф. 52. Оп. 1/194.
Д. 350.
Д. 350. Ч. I.
Д. 350. Ч. 2.
Д. 350. Ч. 4.
Д. 350. Ч. 5.
Д. 350. Ч. 6.
Д. 350. Ч. 7.
Д. 350. Ч. 8.
Д. 350. Ч. 9.
Д. 350. Ч. 11.
Д. 350. Ч. 10.
Д. 567.
Д. 408.
Д. 243.
Д. 481. №2.
Д. 416. 4.1.
Д. 366. Ч. 2; Ч. 5.
Д. 365.
Д. 366. Ч. I.
Д. 366. Ч. 2.
Д. 366. Ч. 4.
Д. 416. Ч. I.
Д. 416. Ч. 2.
Д. 461. Ч. 2.
Д. 477.
Д. 417.
Д. 467.
Д. 461. Ч. 3.
Д. 481. Ч. 2.

Д. 483.
Д. 563
Д. 566.
Д. 485.
Д. 286.
Д. 366.
Ф. 465.
Д. 8.

Ф. ВУА.
Д. 18508.
Д. 18507.
Д. 482. Св. 125.

Ф. 20. Оп. 1/47.
Д. 36.
Д. 555.

Ф. 414. Оп. 1.
Д. 300.

Ф. 52. Оп. 1/94.
Д. 481.

Ф. 482. Оп. 1.
Д. 1.

Ф. 482.
Д. 192.

Ф. 52. Оп. 2. К. 9.
Д. 32.

Ф. 414. Оп. 1.
Д. 300.

Ф. 52. Оп. 1/394.
Д. 416.

Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (г. Москва).

Ф. 169. К. 81.
Д. 7. (Милютин Д.А. Заметки о племенах кавказских. Чечня).

Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (г. Махачкала)

Ф. 1. Оп. 1.
Д. 129.
Д. 296.

Центральный государственный архив Республики Дагестан (г. Махачкала)

Ф. 379. Оп. 1.
Д. 654.

Ф. Кизлярский комендант.
Д. 2635. Ч. 2.
Д. 2901. Ч. 1.
Д. 2992. Ч. 1.
Д. 2687. Ч. 2.
Д. 3384. Ч. 2.
Д. 3378. Ч. 4;
Д. 2412.
Д. 3812. Ч. IV.
Д. 3372.
Д. 2708. Ч. II.
Д. 3318. Ч. 2.
Д. 3650. Ч. 7.
Д. 3787. Ч. 3.
Д. 3772.
Д. 3619.
Д. 3584. Ч. 2.
Д. 3367. Ч. 3.
Д. 3396. Ч. 1.
Д. 3318. Д. II. Ч. 2.
Д. 3258. Ч. 1.
Д. 3260. Ч. 2.
Д. 2272. Ч. 2.
Д. 3286. Ч. 1.
Д. 3216. Ч. 1.
Д. 3133.
Д. 3082.
Д. 2901. Д. 1. Ч. 2.
Д. 2778. Д. 1. Ч. 4.
Д. 2709. Ч. 3.
Д. 2714.

Д. 2701. Ч. 2.
Д. 2637. Ч. 2.
Д. 2685. Ч. 3.
Д. 3682.
Д. 3700.
Д. 3755.
Д. 4282.
Д. 3696.
Д. 3466.
Д. 3605. Ч. 1.
Д. 2578.

Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1.
Д. 3303. Ч. 2.
Д. 3584. Ч. II.
Д. 1171.
Д. 3014.
Д. 2723.
Д. 3272.
Д. 1169.
Д. 1183.
Д. 3755.
Д. 3318.
Д. 3250.
Д. 3082.
Д. 2901. Ч. 2.
Д. 3381.
Д. 2881.

Ф. Кизлярский комендант. Оп. 2.
Д. 2482.

Ф. 379.
Д. 157.
Д. 3574. Ч. 4.
Д. 3318.
Д. II. Ч. 2.
Д. 2901. Ч. 1.
Д. 3172. Ч. 1.
Д. 1169.
Д. 1171.
Д. 2709. Ч. III.

Д. 2701.
Д. 2685. Ч. III.
Д. 725.
Д. 2635. Ч. 2.
Д. 2578.

Ф. 379. Оп. 1.
Д. 2570.
Д. 524.
Д. 855.
Д. 113.
Д. 546.
Д. 542.
Д. 596.
Д. 86.
Д. 419.
Д. 524.
Д. 1155.
Д. 1183.
Д. 680.
Д. 580.
Д. 1170.
Д. 1169.
Д. 824.
Д. 681.
Д. 113.
Д. 356.
Д. 724.
Д. 7999.
Д. 425.
Д. 1183.
Д. 1171.
Д. 681.
Д. 3263.
Д. 3381.
Д. 3615.
Д. 799.
Д. 52.
Д. 565.
Д. 987.
Д. 3663.
Д. 3666.

Д. 243.
Д. 543.

Ф. 379. Оп. 2.
Д. 2482.

Ф. 379. Оп. 3.
Д. 13. Т. 1.

Ф. 335. Терский комендант. Оп. 1.
Д. 4451.
Д. 4451.
Д. 4451.

Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей (г. Грозный)

Оп. 3. Св. 4. П. 59.
Оп. 2. Св. 3. Д. 5.
Оп. 2. Св. 3. Папка 7.

Литература

Сборники документов и материалов

1. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1, 2. Одесса, 1883.

2. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. б/м и г/и. Вып. 2. Одесса, 1883.

3. Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. 1-7. Тифлис, 1866-1878: 1866. Т. 1; 1868. Т. 2; 1869. Т. 3; 1870. Т. 4; 1873. Т. 5; 1874. Т. 6. Ч. I-II; 1878. Т. 7; 1884. Т. 9; 1888. Т. 11; 1904. Т. 12.

4. Акты времени Лжедмитрия I (1603–1606 гг.). М., 1918.

5. Армяно-русские отношения в XVII веке. Т. 1. Ереван, 1953.

6. Географические и исторические сведения о новой пограничной Линии Российской империи, проведенной между рекою Тереком и Азовским морем. СПб., 1790.

7. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века. М., Сб. документов. Махачкала, 1959.

8. Дневные записки малороссийского подскарбия генерального Якова Марковича. М., 1859.

9. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.

10. История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы XVIII–XIX вв. М., 1958.

11. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Сборник документов. В 2-х томах. Т. 1,2. М., 1957.

12. Кавказ: европейские дневники XIII –XVIII веков / Сост. В. Аталиков. Вып. III. Нальчик, 2010.

13. Кавказский сборник. Т. XX. Тифлис, 1899.

14. Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900.

15. Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси, 1968.

16. Книга Большому Чертежу / Подг. к печати К.Н. Сербиной. М.-Л., 1950.

17. Книга посольская метрики Великого княжества Литовского… (Т. 1). М., 1843.

18. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. 1. М., 1954.

19. Материалы для истории Кавказского края // Ставропольские губернские ведомости. 1858. №1.

20. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. М.-Л., 1936.

21. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615–1640 / Сост. М.А. Полиевктов. Тбилиси, 1937.

22. Материалы по истории грузино-русских отношений (80–90-е годы XVII века) / Сост. Г.Г. Пайчадзе. Вып. 1. Тбилиси, 1974.

23. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т. 3. Ч. 1. Махачкала, 1940.

24. Материалы по истории Осетии (XVIII в.) / Сост. Г. Кокиев. Т. 1. Орджоникидзе, 1934.

25. Об Ингушетии и ингушах // Газ. «Терские ведомости». 1868–1878. Вып. 2. Магас-СПб., 2003.

26. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.) / Сост. Б.А. Калоев. Орджоникидзе, 1967.

27. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890.

28. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 1. СПб., 1851.

29. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770. СПб., 1861.

30. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. I. СПб., 1830.

31. Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. СПб., 1830.

32. Полное собрание законов Российской империи Т. VII. СПб.,1830.

33. Полное собрание законов Российской империи. Т. XIII. СПб., 1893.

34. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XIX. 1770–1774. СПб., 1830.

35. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX. СПб., 1909.

36. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 29. М., 1965.

37. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640–1643. Тифлис, 1928.

38. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в. М., 1958.

39. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сб. док. / Отв. ред. В.Г. Гаджиев. М., 1988.

40. Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII вв. Сборник документов / Сост. Е.Н. Кушева. М., 1997.

41. Сборник Императорского русского исторического общества (ИРИО). Т. 47. СПб., 1885.

42. Сборник императорского Русского исторического общества (ИРИО). Т. 50. СПб., 1886.

43. Сборник Императорского Русского исторического общества (ИРИО). Т. 59. СПб., 1886.

44. Сборник Императорского Русского исторического общества (Сб. ИРИО). Т. 137. СПб., 1895.

45. Список населенных мест Терской области по сведениям к 1-му января 1883 года. Владикавказ, 1885.

Монографии, исследования, статьи и воспоминания

46. Allen W.b.D. Problems of Turcish power in the sixteenth century. London, 1963.

47. Абдулвахабова Б.Б.-А., Мадаева З.А. Женская одежда горной Чечено-Ингушетии в XVII–XVIII вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

48. Абдулвахабова Б.Б.-А. Одежда чеченцев и ингушей XVI – начала XIX века (археолого-этнографическое исследование). М., 1992.

49. Абдулвахабова Б.Б.-А. Традиционная женская одежда чеченцев в XVI – начале XX вв. // Вестник Лам. №1. 2003.

50. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний сайида Абдурахмана, сына устаза шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997.

51. Абумуслимов А.А., Абумуслимова А.С. Краткий очерк истории села Центарой (ЦIоьнтара) Ножай-Юртовского района Чечни // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. VI. Владикавказ, 2014.

52. Авалиани Л. Скошенная трава // Литературная Грузия. №6. Тбилиси. 1971.

53. Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М., 1988.

54. Агларов М.А., Айтберов Т.М. «Повествование об Али-беге Андийском и его победе над князем Турулавом б. Али-ханом Баклулальским» как источник по истории Дагестана XVII в. // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1981.

55. Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI–XVIII веках. Грозный, 1992.

56. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.

57. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. (гумбетовцы в средневековой и новой истории Северо-Восточного Кавказа). Махачкала, 2006.

58. Айтберов Т.М. Дагестанские документы XV–XVII вв. // Письменные памятники Востока. М., 1982.

59. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII–XVIII вв. // Источниковедение дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.

60. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Грозный, 1980.

61. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З. Известия арабоязычных документов XV–XVII вв. об общественных отношениях у вайнахов // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982.

62. Айтберов Т.М., Ахмадов Я.З., Горчханова Г.А. Русско-вайнахские отношения в начале 60-х годов XVIII в. (Архивный источник о миссии представителя российских властей в Карабулаке) // Прогрессивное влияние России на социально-экономическое и политическое развитие народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

63. Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.

64. Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. – М.: Логос, 2008.

65. Акаев В. Первый проповедник ислама из числа чеченцев (об утверждении ислама в Чечне Берса-шейхом). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: haus-husam.com›…propovednik-islama…chisla…chechne.

66. Акбиев Арсен. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. Махачкала, 1998.

67. Акаев В.Х., Хусаинов С.А. Шейх Мансур как религиозный реформатор // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Грозный, 1992.

68. Акиев Х.А. К вопросу о расселении вайнахов в Дарьяльском ущелье // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. №3. Грозный, 1985.

69. Акиев Х.А. К вопросу о расселении гребенских казаков на Тереке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ghalghay.com›…к-вопросу…расселении-гребенских-каз/.

70. Акмонов И.Г. Башкирское восстание 1704–1711 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1968.

71. Алиев Алав. Забытый промысел // Елдаш (Времена). Махачкала. 2 ноября 2007.

72. Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970.

73. Алиев Б.Г. Каба-Дарго. XVIII–XIX вв. Махачкала, 1972.

74. Алироев И.Ю. Библиография по нахскому языкознанию. Грозный, 1968.

75. Алироев И.Ю. Чеченский язык. М., 1999.

76. Алкадари Гасан Эфенди. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.

77. Альбеков Н.Н. Билто – к вопросу этимологии // Lingua-universum. №1. 2014.

78. Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI–XIX века // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVII. Народы Кавказа. Кн. 1. М., 1993.

79. Арсаханов А.И. Аккинский диалект в системе чечено-ингушского языка. Грозный, 1959.

80. Арсаханов И.Г. Чеченская диалектология. Грозный, 1969.

81. Асхабов И.А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2006.

82. Аталиков В.Г. Вайнахи по известиям европейских авторов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

83. Аталиков В.М. Страницы истории. Нальчик, 1987.

84. Аталиков В.Т. Вайнахи в XVIII веке по известиям европейских авторов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

85. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.

86. Ахмадов Т.З. История здравоохранения и медицинского образования на Северо-Восточном Кавказе (XIX – 1940 г.). Ростов н/Д, 2014.

87. Ахмадов Ш.Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в XVШ в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Ч. 1. Вып. 1. Грозный, 1974.

88. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – начало XX в.). Грозный, 1979.

89. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980.

90. Ахмадов Ш.Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – нач. XX в. Грозный, 1981.

91. Ахмадов Ш.Б. Куначество // Вехи единства. Сборник статей. Грозный, 1982.

92. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991.

93. Ахмадов Ш.Б. К вопросу о времени окончательного утверждения ислама в Чечне и Ингушетии // Вестник АН ЧР. №2. 1999.

94. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Элиста, 2002.

95. Ахмадов Ш.Б., Ахмадов Х.С. Основные этапы распространения и утверждения ислама в Чечне // Ислам в Чечне: история и современность. Грозный, 2008.

96. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур: Народно-освободительное движение в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785–1791 гг. 2-е изд. Элиста, 2010.

97. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Ч. 1. Махачкала, 1974.

98. Ахмадов Я.З. Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея (ЧИРКМ). Вып. XI. Грозный, 1975.

99. Ахмадов Я.З. Из истории чечено-русских отношений // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Ч. 2. Махачкала, 1975.

100. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1977.

101. Ахмадов Я.З. О характере движения в Чечне в 1757–1758 гг. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979.

102. Ахмадов Я.З. Об освещении политического положения народов Северного Кавказа в трудах европейских авторов XV–XVI вв. // Вопросы исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Грозный, 1980.

103. Ахмадов Я.З. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – начало XX в.). Грозный, 1980.

104. Ахмадов Я.З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.

105. Ахмадов Я.З. О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни (по материалам XVIII – первой половины XIX в.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982.

106. Ахмадов Я.З., Оразаев Г.М.-Р. К истории политических связей Чеченского феодального владения с Россией в XVII–XVIII вв. (публикация источника) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII–XVIII). Грозный, 1983.

107. Ахмадов Я.З. Феодальное владение князей Черкасских в системе города Терки в XVII веке // Феодализм в России. Юбилейные чтения, посвященные 80-летию со дня рождения академика Л.В. Черепнина. М., 1985.

108. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. Грозный, 1988.

109. Ахмадов Я.З. Российское повстанческое движение конца XVII – начала XVIII века и народы Северного Кавказа // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. №1. Ростов н/Д., 1989.

110. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке. Грозный, 1991.

111. Ахмадов Я.З. The expot of the Iranian silk to Western Europe from the 16th to the beginning of the 17th century (the place of Russian and North Caucasian transit) // The Annual of the society for the study of Caucasia. Chicago, 1997. Vol. 6–7.

112. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001.

113. Ахмадов Я.З. Брагунцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2005.

114. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М., 2005.

115. Ахмадов Я.З., Хизриев Х.А. Аккинцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Ростов на-Дону, 2005.

116. Ахмадов Я.З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М., 2009.

117. Bennigsen A. L'Expeditionturquecontre Astrakhan en1569 L'apres les Registres des «Affaires importantes» des Arhives ottomans // Cahirs du monde Russeet Sovetique. 1967. Vol. VIII.

118. Bennigsen AI. Un movemente Populaire Caucaseau XVIII siecle. Cahirsdumonde Russeet Sovietigue, 2. Volume V, april – juin, 1964. Paris.

119. Багаев М.Х. Население плоскостной части Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII–XVI вв.) // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968.

120. Багдасарян Р.З. Торгово-экономическая деятельность армянского купечества на Тереке (XVII – начало XX вв.) // Լրաբերհասարակականգիտություն նների, №2, 2001.

121. Багратиони Давид. История Грузии. Тбилиси, 1971.

122. Бакиханов А.-К. Гюлистан – Ирам. Баку, 1926.

123. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991.

124. Барред М. Томас. Линия неопределенности: северокавказский «фронтир» России - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rushist.samsu.ru›rusistika2/barrett .doc.

125. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. М., 1889.

126. Беннигсен А. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» Шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). Махачкала, 1994.

127. Бентковский И. Гребенцы // Чтения ОИДР. Кн. 3. М., 1887.

128. Берг В.Р. Полеводство и посевные культуры Горной Чечни // Посевные культуры северных склонов Кавказа. Ч. 2. Ростов н/Д, 1930.

129. Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.

130. Бирюков А. Дела давно минувших дней // Дош. №4. 2004.

131. Бирюков И. Несколько слов из истории Волжского казачьего войска // СОЛКС. №3. Владикавказ, 1912.

132. Бирюков П.А. Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX в. // Вопросы истории. №2. 1998.

133. Бларамберг Иоганн. Кавказская рукопись // Ингушетия и ингуши. Т. I. Назрань-М., 1999.

134. Блиев М.М. К вопросу о времени присоединении народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. №7.

135. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в. Владикавказ, 2000.

136. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути цивилизации. М., 2004.

137. Бобровников, Рощин М. Адатное землепользование в Нагорном Дагестане // Отечественные записки. № 2(17). 2004.

138. Боков Хажбикар. Слово о вайнахах (взгляд изнутри). М., 2000.

139. Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1972.

140. Броневский С. Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе. Ч.1,2. М., 1823.

141. Броневский С.М. Новейшие Известия о Кавказе, собранныя и пополненныя Семеном Броневским: В 2-х т. Т. 1, 2. / Изд. И.К. Павловой. СПб., 2004.

142. Брюханов Л.А. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. // Сборник трудов Пятигорского госпединститута. Вып. 1. Ставрополь, 1947.

143. Буганов В.И. Крестьянская война в России начала XVII в. М., 1976.

144. Будаев Н. Коневодство на Северном Кавказе: о происхождении горных пород лошадей. Нальчик, 2006.

145. Бузуртанов М.О., Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Навеки вместе. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд., 1980.

146. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч. 1–3. СПб., 1869.

147. Бутков П.Г. Известия о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ: сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001.

148. Буцковский А.И. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горных областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы. М., 1958.

149. Вагапов А.Д. Происхождение чеченцев с точки зрения языкознания // Нохчийн филологин проблемаш. Вып. 1. Грозный, 1999.

150. Вагапов А.Д. Словарь географических терминов чеченского языка. Грозный, 2008.
151. Вагапов А.Д., Ахмадов Р.П. Названия тэйпов Восточной Чечни // Рефлексия. №3. Назрань, 2010.
152. Вагапов А. К вопросу о происхождении этнонимов «алан» и «асс» // Вайнах. №4. Грозный, 2010.
153. Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка / Науч. ред. М.Р. Овхадов. Чеченский государственный университет. Тбилиси: «Меридиани», 2011.
154. Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002.
155. Васильев Д. Загадка старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. Ч. 1. Махачкала, 1974.
156. Вачнадзе Мераб, Гурули Вахтанг, Бахтадзе Михаил. История Грузии (с древнейших времен до наших дней). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ModernLib.ru›…vachnadze_merab…gruzii…vremen…dney…
157. Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д.Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей (дореволюционный период). Грозный, 1990.
158. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001.
159. Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1963.
160. Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Грозный, 1966.
161. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. Один из северокавказских союзников Руси // Вопросы истории. №10. М., 1971.
162. Волкова Н.Г. Динамика численности вайнахских народов до XX века // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968.
163. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974.
164. Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.
165. Востриков П.А. Станица Наурская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Вып. 33. Тифлис, 1904.
166. Выписка об Астраханском бунте из архива Капнистской // Ставропольские губернские ведомости. №3. 21 янв. 1861.
167. Güldenstädt J.A. Reisendurch Russland und im Caucasischen Gebürge / Auf Befehl der Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaftenherausgegeben von P.S. Pallas. St. Petersburg: Russisch-Kayserlichen Akademie der Wissenschaften. Bd 1. 1787; Bd 2. 1791.
168. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 177–1773 гг. /Пер. Т.К. Шафрановской. СПб., 2002.

169. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
170. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.
171. Гаджиев В.Г. Материалы по истории средневекового Дагестана // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980.
172. Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана (Проблемы, история изучения, перспективы) // Общественный строй союзов сельских обществ Дагестана в XVIII – начала XIX в. Махачкала, 1981.
173. Гаджиев В.Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XX в.). Грозный, 1986.
174. Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северного Кавказа. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1984.
175. Гаджиева С. Кумыки. М., 1961.
176. Гальцев В.С. Кавказская линия и терское казачество к началу XIX в. // Известия Северо-Осетинского НИИ экономики, языка, истории и литературы. Т. IX. Орджоникидзе, 1940.
177. Гальцев В.С. Из истории колонизации Северного Кавказа // Известия СОНИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957.
178. Гамрекели В.Н. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVTII в. Тбилиси, 1968.
179. Гамрекелидзе Б.В. Из истории скотоводства в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. Тбилиси, 1968.
180. Ган К.Ф. Экскурсия в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. // Известия КОИРГО. Т. 15. №4. Тифлис, 1902.
181. Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII в. – первая пол. XIX в.). М., 1972.
182. Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия ЧИРКМ. Вып. XI. Грозный, 1975.
183. Гантемирова Г.А. Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первой половине XIX в. и вопросы общественных отношений // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1982.
184. Гапуров Ш.А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х. гг. XVIII в. // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988.
185. Гапуров Ш.А. Роль мирных соглашений в российско-северокавказских взаимоотношениях в XVIII в. // Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991.
186. Гапуров Ш.А., Гадаев В.Ю. Роль имама в освободительном антифеодальном движении горцев под руководством Мансура в конце XVIII в. // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992.

187. Гапуров Ш.А. Русско-чеченские отношения в XVI–XIX вв. // История науки и техники. №3. 2008.

188. Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б. Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX века). Грозный: Изд-во АН ЧР, 2009.

189. Гапуров Ш.А., Гарсаев Л.М. Историческое общество Беной // Вестник Академии наук Чеченской Республики. №3(28). 2015.

190. Гарданов В.К. Обычное право, как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVII – начале XIX в. // Советская этнография. №5. М., 1963.

191. Гарсаев Л.М. Бена и Беной // Труды КНИИ РАН. Вып. 6. Грозный, 2013.

192. Гарсаев Л.М. История образования родового села тайпа Чермой Махкеты // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. V. Владикавказ, 2014.

193. Гарсаев Л.М. Этническое общество Гордалой (ГIордалой). Историко-этнографические заметки // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. VI. Владикавказ, 2015.

194. Гарсаев Л.М. Этническое общество Элистанжой // Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. V. Владикавказ, 2014.

195. Гарунова Н.Н. Кизляр как центр дагестано-чеченской торговой экономической интеграции XVIII–XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. М., 2006.

196. Гарунова И.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. Махачкала, 2007.

197. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.

198. Гашимов Д. Сунженский перевоз. Торгово-экономические связи Дагестана и Северного Кавказа в XVI–XVIII веках // Советский Дагестан. №1. 1969.

199. Гашимов И. Сунженский перевоз // Советский Дагестан. №1. Махачкала, 1969.

200. Гашимов И. Дагестано-кабардинские политические отношения в XVI–XVIII вв. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 4. Махачкала, 1974.

201. Генко А.И. Из культурных прошлых ингушей // Записки коллегии востоковедов. Т. 5. Л., 1930.

202. Георги И.Г. Описание в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. СПб., 1779.

203. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – нач. XIX в. Архивные материалы М., 1958.

204. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам, в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809.

205. Головинский П.И. Заметки о Чечне и чеченцах // ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878.

206. Головчанский С.Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. // Записки Терского общества любителей казачьей старины (ЗТОЛКС). № 11. ноябрь, 1914.

207. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977.

208. Гордин Я. Ермолов // Россия в Кавказской войне. Исторические чтения. (Вып. 3). СПб., 2000.

209. Гордин Я. Россия на Кавказе: поиски решения // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. СПб., 2005.

210. Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870.

211. Грамматика чеченского языка. Т. 1 / Под ред. А.И. Халидова. Грозный, 2013.

212. Греков И. Османская империя, Крым и международные отношения в Восточной Европе в первые годы Ливонской войны (1588–1577) // Советское востоковедение. №3. М., 1984.

213. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный, 1961.

214. Гриценко Н.П. Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965.

215. Гриценко Н.П. Современники середины XIX в. о Чечне и чеченцах // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968.

216. Гриценко Н.П. Истоки дружбы. Грозный, 1975.

217. Гриценко Н.П. Народные движения XVII–XVIII вв. и терское казачество // Известия СКНЦВШ. Общественные науки. №3. Ростов н/Д, 1975.

218. Гриценко Н.П. География расположения казачьих станиц по рекам Тереку и Сунже в XVI – середине XIX века // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.

219. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов н/Д, 1984.

220. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Кумыки-брагунцы // Возрождение. №5. Махачкала, 1999.

221. Гусейнов Г.-Р.А.-К. О южных пределах кумыкского государства эпохи Султан-Мута // Материалы первой научной конференции, посвященной 460-летию Султан-Мута… Махачкала, 2008.

222. Гутнов Ф.Х. Факторы социальной эволюции средневековых обществ Северного Кавказа // Кавказский сборник. Т. 1(33). М., 2004.

223. Diez. Depeschen vom 10, und 25. November, 1785.

224. Давлетшин Г. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа**.** Казань, 2004.

225. Давудов Ш.О. Северо-Восточный Кавказ на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа (Зандакская культура). Махачкала, 2004.

226. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2. Орджоникидзе, 1930.

227. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.

228. Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. Исследование и материалы 1892–1894 гг. М., 2008.

229. Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

230. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе. История и современность. М., 2003.

231. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык. М., 1953.

232. Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

233. Джабагиев Вассан-Гирей. Свободный Кавказ. Назрань-Москва, 2007.

234. Джамилев Т.-А. История села Белгатой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: BankGorodov.ru›place/Belgatoi.

235. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России… // Сборник материалов о местностях и племенах Кавказа. Т. 22. Тифлис, 1897.

236. Джевдет-паша. Описание событий в Грузии и Черкессии по отношению к Оттоманской империи… // Русский архив. Т. 1. М., 1888.

237. Дзагурова В.П. Еще раз о союзах сельских обществ // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1974.

238. Дмитриев В.А. Концептуальное пространство традиционной культуры и пространственное поведение народов Северного Кавказа // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. X. №4. 2007.

239. Дружинина Е.Н. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955.

240. Дубровин Н.Ф. Георгий XII – последний царь Грузии и присоединение ее к России. СПб., 1871.

241. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. СПб., 1871.

242. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., Т. 2. 1886.

243. Емельянова Н.М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003.

244. Емельянова Н.Е. Мусульмане Кабарды. М., 1999.

245. Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958.

246. Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003.

247. Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002.

248. Журнал путешествий по земле донских казаков // Северный архив. №12. М., 1824.

249. Zinkeisen Z.W. Geschichte des Osmanischen Reichen Europa. T. 6. Iotha, 1859.

250. Записки Густава фон Штрандмана // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы./ Сост. Я.И. Гордин и Б.П. Миловидов. СПб., 2002.

251. Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные им самим // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб., 2002.

252. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824.

253. Заседателева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – нач. XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974.

254. Зевакин Е.С. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. // Исторические записки. №8. М., 1940.

255. Зиссерман А. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1,2. СП6., 1879.

256. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726–1880 гг.). Т. 1. СПб., 1881.

257. Ибрагимов М. Что объединяет терских казаков и тейп гуно? // Грозненский рабочий. №34 (20816). 2014.

258. Ибрагимова З.Х. Чеченские кустарные промыслы // Чеченская республика и чеченцы: история и современность. М., 2006.

259. Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып. 7. Владикавказ, 1910.

260. Иванов В.И. Верховья р. Гехи // Записки КОИРГО. Т. 15. Тифлис, 1902.

261. Иванов М.А. В горах между рр. Фортангою и Аргуном // Записки КОИРГО. Т. 17. №1–4. Тифлис, 1904.

262. Иванов М.С. Очерк истории Ирана. М., 1952.

263. Из архивных материалов П.Г. Буткова // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.

264. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам». Бюллетень Международного общественного и культурного центра «Лам». №4(8). Грозный, 2001.

265. Ильясов Л. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004.

266. Ильясов Л. Культура чеченского народа. М., 2009.

267. Иноземцева Е.И. К вопросу о политике России по пресечению работорговли на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы Северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004.

268. Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868.
269. Исаев С.-А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне в 50–60-х гг. XIX в. // ЧИНИИИЯЛ. Известия. Т. 9. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974.
270. Исаева Т.А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVIII в. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Ч. 3. Вып. I. Грозный. 1974.
271. Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII веке // Вопросы истории Чечни. Т. XI. Грозный, 1977.
272. Исаева Т.А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Сб. статей. Грозный, 1980.
273. Исаева Т.А. О вхождении чечено-ингушских земель в состав Русского государства // Русское централизованное государство. Образования и эволюция. XV–XVIII вв. М., 1980.
274. Исаева Т.А. Политические взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981.
275. Исаева Т.А., Исаев С.А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI–XVIII вв.) // Общественные отношения чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начале XX вв.). Грозный, 1982.
276. Исаева Т.А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вт. пол. XVI – XVII век) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII–XX в.). Грозный, 1983.
277. История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980.
278. История Дагестана. Т. 1. М., 1967.
279. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967.
280. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
281. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975.
282. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 4. М., 1967.
283. История СССР. Первая серия. Ч. 3. М., 1967.
284. История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1968.
285. История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 7–8 кл. Грозный 1991.
286. История Чечено-Ингушетии. Уч. пособие. 9 кл. Грозный, 1992.
287. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1. Грозный, 2006.
288. Кажаров В.Х. К вопросу о территории феодальной Кабарды // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. №11. Нальчик, 2004.
289. Казбек Г. Военно-статистическое описание Терской области. Ч. 1. Тифлис, 1888.

290. Казиев Ш.М., Карлеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа XIX века. М., 2003.
291. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602–1603 годы. М., 1896.
292. Калдани А.М. К вопросу о классификации башенной культуры Чечни // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Тбилиси, 1986.
293. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // СЭ. №1. М., 1959.
294. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. №1. М., 1961.
295. Калоев Б.А. Из истории Моздока и моздокских осетин // Известия СОНИИ. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966.
296. Калоев Б.А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.
297. Калоев Б.А. Ковалевский М.М. и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.
298. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
299. Калоев Б.А. Развитие скотоводства на Северном Кавказе. М., 1983.
300. Кантария М.В. Агрокультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Тбилиси, 1986.
301. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. 9. М., 1989.
302. Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. X., М., 1989.
303. Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор. СПб., 2007.
304. Карпов Ю.Ю. Краткие сведения по этносоциальной истории чеченцев.
305. Кидырниязов Д.С., Шихалиев Ш.Ш. К вопросу о турецком влиянии на распространение мюридизма на Кавказе // Ислам на Юге России. Астрахань, 2007.
306. Киласов Р. Из истории торговли в Дагестане (Конец XVII – I половина XVIII в.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана: Сб. статей. Вып. 5. Махачкала, 1974.
307. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1967.
308. Клычников Ю.Ю. Складывание русско-северокавказского единства и проблема «Кавказской войны»: оценки и суждения // Чеченцы в сообществе народов России. Назрань, 2008.
309. Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Латта. Б/н. Грозный, 2002.
310. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М., 1890.
311. Козлов С.А. О появлении русского казачества на Тереке // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Вып. 3 (№16). Л., 1988.

312. Козлов С. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII). Изд. 2-е. СПб., 2002.

313. Кокиев Г.А. Склеповые сооружения Северной Осетии. Владикавказ, 1928.

314. Кокиев Г.А. Сношения России с народами Северного Кавказа // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982.

315. Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917). Грозный, 1962.

316. Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. Вып. 2. Екатеринодар, 1900.

317. Короленко П.П. Черноморские казаки. Исторический очерк политической и общественной их жизни с 1775 по 1842 г. СПб., 1877.

318. Корольков М.Я. Шейх Мансур Анапский. Эпизод из первых лет завоевания Кавказа // Русская Старина. № 5. 1914.

319. Косвен М.О. Описание гребенских казаков XVIII в. // Исторический архив, №5. М., 1958.

320. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961.

321. Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Ч. 2. Вып. 1. Грозный, 1972.

322. Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX – начале XX в. Алма-Ата, 1973.

323. Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963.

324. Краснов В., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь. М., 2001.

325. Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л., 1960.

326. Криштопа А.Е. Горный Дагестан накануне присоединения к России: социоестественная характеристика // Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007.

327. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

328. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

329. Кубанский сборник. Т. III. Екатеринодар, 1989.

330. Кулебякин А.П. Кунаки // ЗТОЛКС. №2. Владикавказ, 1914.

331. Курбанов Руслан. Второй этап распространения ислама в Дагестане. Джамааты и махары. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: shaxdag.com›showtopic.php?num=143.

332. Курбский А.М. Князя А.М. Курбского история о великом князе московском. СПб., 1913.

333. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1963.

334. Кушева Е.Н., Усманов М.А. К вопросу об общественном строе вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. №6. М., 1978.

335. Кушева Е.Н. О местах первоначального расселения гребенских казаков // История и география России XVIII века. Ч. 2. М., 1981.

336. Le Khanat de Crimee dans Arhiives du Musee du Palais de Topkapi. Paris, 1978.

337. Лавров Л.И. Тарки до XVIII века // Ученые записки Института ИЯЛ Дагест. филиала АН СССР. Т. 4. Махачкала, 1958.

338. Лавров Л.И. Надписи мавзолея Борга-каш // Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Т. V. Вып. 1. Грозный, 1964.

339. Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия СОНИИ. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957.

340. Лаудаев У. Чеченское племя // Сб. сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872.

341. Лаудаев У. Чеченское племя // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990.

342. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883.

343. Лобанов-Ростовский М.Б. Кумыки, их нравы, обычаи и законы // Кавказ. 1846. № 37. 38.

344. Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958.

345. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I (1722–1723 гг.). М., 1951.

346. Любавский М.К. Наступление на степь. М., 1915.

347. Магомадова Т.С. Владелец Ларса Салтан-мурза в первых русско-чеченских взаимосвязях // Материалы конференции Чечено-Ингушского госуниверситета по итогам работы за 1974 г. Грозный, 1976.

348. Магомадова Т.С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 11. Грозный, 1977.

349. Магомадова Т.С. О времени исламизации населения Аргунского ущелья // Археология и вопросы атеизма. Сб. науч. трудов. Грозный, 1977.

350. Магомадова Т.С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI–XVII вв. // Взаимоотношения чеченцев и ингушей с Россией и народами Кавказа в XVI – нач. XX в. Грозный, 1981.

351. Магомадова Т.С. Окоцкие мурзы Кохостровы в Терском городе // Вестник АН ЧР. Грозный, 2008.

352. Магомадова Т.С. Батай-мурза Шихмурзин в русско-чеченских связях конца XVI – первой половины XVII в. // Вестник АН ЧР. №2(11). Грозный, 2009.

353. Магомадова Т.С. Чеченские посольства в Москву (конец XVI–XVII вв.) // Материалы III Международного симпозиума «Первая мировая война и Кавказ». Телави, 2014.

354. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957.
355. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1961.
356. Магомедов Р.М. История Дагестана для 8 кл. Учеб. пособие. Махачкала, 1995.
357. Магомедов Р.М. История Дагестана для 8 кл. Учеб. пособие. Изд. 2-е. Махачкала, 1998.
358. Магомедханов М.М. Век России (к изучению национально-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни во второй четверти XIX в. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008.
359. Мадаева З.А Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX – начале XX в // Советская этнография. №4. 1983.
360. Мадаева З.А. Обычаи и обряды вайнахов, связанные с животноводческим бытом (XIX – начало XX в.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Сб. научн. трудов. Грозный, 1984.
361. Максимов Евг. Чеченцы. (Историко-географический и статистическо-экономический очерк) // Терский сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893.
362. Мальсагов Д.Д. Чечено-ингушская диалектология и пути развития чечено-ингушского литературного (письменного) языка. Грозный, 1941.
363. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.
364. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 2009.
365. Мамиствалишвили Э.М. Внешнеполитические взаимоотношения Грузии во второй половине XV и в XVI веке. Тбилиси, 1983.
366. Марггграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882.
367. Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX и начале XX в. Тбилиси, 1990.
368. Маржерет [Жак]. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского. 1590–1606. СПб., 1830.
369. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966.
370. Маркова О.П. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в. // Ученые записки Института Востоковедения АН АЗССР. №1. Баку, 1959.
371. Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969.
372. Марковин В.И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957–1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980.
373. Марковин В.И. Каменная летопись страны вайнахов. М., 1994.
374. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9.

375. Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
376. Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963.
377. Материальная культура аварцев / Под ред. М.М. Ихилова. Махачкала, 1967.
378. Мациев А.Г. Чеберлоевский диалект чеченского языка // Известия ЧИ-НИИИЯЛ. Т.6, Вып.2. Грозный, 1965.
379. Мациев Эдильбек. Шаро-Аргун – земля отцов // Чеченское общество сегодня. №2 (10). 2007.
380. Мельхеев М.Н. Топонимика Бурятии. История, система и происхождение географических названий. Улан-Уде, 1969.
381. Миллер В.Ф. Терская область. Археологические экскурсии Всев. Миллера // Материалы по Археологии Кавказа. Т. 1. М., 1888.
382. Мифы и предания чеченского народа. Т. 2. / Сост. А.Д. Яндаров, Г.В. Зурбекова, И.В. Бызов (Мутушев). М., 2011.
383. Молчанов Н.М. Дипломатия Петра Первого. М., 1984.
384. Мужухоев М.Б., Плиев А.А. Об одной попытке определения места первоначального расселения гребенских казаков // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный, 1976.
385. Мужухоев М.Б. Проникновение ислама к чеченцам и ингушам // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
386. Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (К истории религиозных верований в X–XIX веках). Грозный, 1989.
387. Мунаев И.Б. Поэтика чечено-ингушских героико-исторических песен илли (проблема формирования жанра и его системные связи). М., 1981.
388. Налоева Е.Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в. Нальчик, 1973.
389. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960.
390. Неболсин Г. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. I. СПб., 1835.
391. Некрасов А.М. Западный Кавказ в системе международных отношений последней четверти XV – первой половины XVI века. М., 1984.
392. Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI–XVII веках // Вопросы истории. №10. М., 1962.
393. Новосельцев А.П. Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966.
394. Новосельцев А.П. Освободительная борьба народов Закавказья в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. №9. М., 1969.
395. Новосельцев А.П. Правдиво отображать историю взаимоотношений народов нашей страны // Вопросы истории. №5. 1989.
396. О кизлярской торговле // Ставропольские губернские ведомости. №30. 1853.

397. О прорытии татаула (канала) из р. Сунжи к Тереку // Ставропольские губернские ведомости. №43. Ставрополь, 1857.
398. Оразаев Г.Р.-М. Исследование «Тарихи-Эндирей» (История Эндирея) // Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках XVII – нач. XX вв.(тексты, комментарии). Книга 1. Махачкала, 2003.
399. Осмаев А.Д. Северный Кавказ и Османская империя в первой четверти XVIII в. Рук. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2000.
400. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. М., 1984.
401. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. М., 1957.
402. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967.
403. Очерки истории Калмыцкой АССР. М., 1970.
404. Ошаев Х.Д. В сердце Чечни // Революция и горец. №8. Ростов н/Д, 1930.
405. Паллас П.С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. Кн. 1-2. Лейпциг, 1799–1801.
406. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. СПб., 1786–1788.
407. Пейсонель М. Материалы для истории черкесского народа, в изложении Е.Д. Фелицына. М.Ц.Т.К. «Возрождение». 1990 г.
408. Перетяткович Г. Поволжье XV и XVI вв. (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.
409. Песни народов Северного Кавказа. Л., 1976.
410. Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
411. Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Тифлис, 1900.
412. Погосян Л. Об основании армянских поселений на Северном Кавказе (XVIII в.) // Вестник общественных наук. №6. 1985.
413. Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. М.-Л., 1926.
414. Покровский М.Н. Завоевание Кавказа // История России в XIX в. М.: А. и И. Гранат, б/г. T.V.
415. Покровский Михаил. Завоевание Кавказа // Россия и Кавказ. СПб., 1995.
416. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
417. Полиевктов М. Материалы из истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640. Тбилиси, 1937.
418. Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Ч. 1. Гребенские казаки. СПб., 1880.
419. Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
420. Попов И. Ичкерия // ССТО. Вып. 1. Владикавказ, 1878.
421. Попов И.М. Ичкерия (историко-топографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870.

422. Потоцкий Ян. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны // Северный Архив. №№1, 2. СПб., 1828.
423. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах, биографиях. Т. 1. Вып. 1–4. СПб., 1887.
424. Потто В.А. Кавказская война. В 5 т. Т. 2. СПб., 1888.
425. Потто В.А. Два века терского казачества (1577–1801 гг.). Т. 1. Владикавказ, 1912.
426. Потто В.А. Два века Терского казачества. Т. 2. Владикавказ, 1912.
427. Продолжение «Древней Российской вивлиофики». СПб., 1801. Ч. 1.
428. Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (Оружие кавказских горцев) // Сабли рая. Горское оружие в Кавказской войне. Грозный, 1992.
429. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983.
430. Путешествия русских послов в XVI–XVII веках. Статейные списки. М.-Л., 1954.
431. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. IV. М., 1936.
432. Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809.
433. Радде Г. Хевсуретия и хевсуры. Тифлис, 1881.
434. Ракович А.В. Прошлое Владикавказа. Владикавказ, 1911. С. 17.
435. Рахмани А.А. Азербайджан в конце XVI и XVII веке (1590–1700 годы). Баку, 1981.
436. Рейнеггс Я. Всеобщее, историческое и топографическое описание Кавказа. Кн. 1–2. Гота. СПб., 1796–1797.
437. Ресми-эфенди. Сок достопримечательного в сущности… // Библиотека для чтения. Т. 124. М., 1854.
438. Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846.
439. Розен Р.Ф. Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М., 1958.
440. Россикова А.Е. Путешествие по центральной части горной Чечни // Записки КОИРГО. Кн. 18. Тифлис, 1896.
441. Русин В.А. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. 2-е изд. Нальчик, 2008.
442. Русская военная сила. Т. 1. М., 1897.
443. Cortepeter C.M. Ottoman Imperialism Daring the Regormation: Europe and the Caucasus. New-York-London. 1972.
444. Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. №22. М., 1947.
445. Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII–XIX веках // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Вып. 1. Грозный, 1964.
446. Саидов И.М. Мехк-кхел (совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Ч. 2. Тбилиси, 1968.

447. Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный. 1968.

448. Саламов А.А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI – нач. XX в) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963.

449. Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. №9. СПб., 1855.

450. Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. №10, СПб., 1855.

451. Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т. 23. Кн. 9. СПб., 1856.

452. Сахно-Устимович П.М. Описание чеченского похода 1826 г. // Звезда, №10. 2006.

453. Сванидзе М.Х. Турецко-иранские отношения в начале XVII в. и Грузия // Проблемы истории Турции. М., 1978.

454. Северный Кавказ в составе Российской империи / Под ред. Р.Ю. Абдулатипова. М., 2007.

455. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963.

456. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.

457. Серов Ф. Наездник Бейбулат Тайманов // О тех, кого называли абреками. 1927.

458. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V. М., 2005.

459. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей / Составители: И. А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов. Грозный, 1986.

460. Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура // Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута. Т. 18. Орджоникидзе, 1932.

461. Скитский В.Б. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 1. Грозный, 1959.

462. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

463. Скрынников Р.Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1980.

464. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

465. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России // Записки Императорского Одесского общества истории древностей (ИООИД). Т.15. Одесса, 1889.

466. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948.

467. Смирнов Н.А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1. М., 1950.

468. Смирнов Н.А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 2. М., 1956.

469. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.

470. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1965.

471. Сокуров В.Н. Кинжальская битва и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные проблемы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986.

472. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VIII. Т. 15–16. СПб., 1873.

473. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.IV. Т. 7. М., 1963.

474. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.VIII. Т. 15–16. М., 1963.

475. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. Т. 17–18. М., 1963.

476. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984.

477. Сотавов Н.А. Северный Кавказ на рубеже XVII–XVII вв. [Электронный ресурс]

478. Ставропольские губернские ведомости. 21 янв. 1861. №3.

479. Ставропольские губернские ведомости. №43, 46. Ставрополь, 1857.

480. Ставропольские губернские ведомости. №9. 1858.

481. Стрейс Я.Я. Три путешествия. Огиз-СОУЭКГИЗ. М., 1935.

482. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа (XVIII–XX вв.). М., 1989.

483. Суздальцева И.А. Грузинская диаспора низовьев Терека в XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы северокавказской истории. Вып. 9. Армавир, 2004.

484. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 1–4. Грозный, 1976–1985.

485. Сулейманов А. Топонимия Чечни. Грозный, 2006.

486. Тавакалян Н.А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968.

487. Тавакалян Н.А. О классах и классовой борьбе в чечено-ингушском обществе во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XIX в.). Сб. статей. Грозный, 1979.

488. Твердый А.В. Топонимический словарь Кавказа. Ст. 1700 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: apsnyteka.org›640-toponimicheskii_slovar_kavkaza…

489. Терещенко А. Лжепророк Мансур // Сын Отечества. №15. СПб., 1856.

490. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // История, география, и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1958.

491. Ткачев Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Владикавказ, 1911.

492. Ткачев Г.А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // ЗТОЛКС. № 9. Владикавказ, 1914.

493. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. 9. М., 1948.

494. Тотоев М.С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия СОНИИ. Т. XII. Дзауджикау, 1948.

495. Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (втор. пол. XVIII в. – 40-е годы XIX в.). Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1966.

496. Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в. – 40-е гг. XIX в.) // Известия СОНИИ. История. Т. XXV. Орджоникидзе, 1966.

497. Тотоев Ф.В. Страница из истории Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ. Т. VI. Вып. 3. Литературоведение. Грозный, 1972.

498. Тотоев М.С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977.

499. Тотоев Ф.В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.). Нальчик, 2009.

500. Туманов М.К. О доисторическом языке Закавказья. Тифлис, 1913.

501. Тхамоков Н. Развитие ремесла и торговли в Кабарде в XVIII в. // Ученые записки КБНИИ. Т.18. Нальчик, 1960.

502. Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии // Археолого-этнографический сборник. Т. 2. Грозный, 1968.

503. Умаров С.Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи среднего средневековья//Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969.

504. Умаров С.Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни. XIII–XVIII вв. Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1970.

505. Умаров С.Ц. Исследования средневековых памятников Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1969 года. М., 1970.

506. Умаров С.Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI–XVII веков // Археолого-этнографический сборник. Т. 4. Грозный, 1976.

507. Умаров С.Ц. О позиции старшин в антиколониальной борьбе Чечни первой трети XIX века // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. X. Грозный. 1976.

508. Умаров С.Ц., Цицкиева М.О. Ислам на Северном Кавказе в XVII в. (по сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби) // Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992.

509. Умаров С.Ц. «Информационная война» царской администрации на Кавказе в связи с восстанием шейха Мансура // Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII века. Грозный, 1992.

510. Умаров С.Ц., Бадаев С.-Э.С. Заметки по средневековой этнической истории чеченцев // Научная мысль Кавказа: Научный и общественно-теоретический журнал. №. (17). Ростов н/Д, 1999.

511. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973.

512. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Чеченский язык. Тифлис, 1888.

513. Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

514. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.

515. Фадеев А.В. Из истории русско-чеченских связей // Вестник Московского университета (ВМУ). Историко-филологическая серия. №1. М., 1959.

516. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во II половине XVIII в. – начале XIX в. Дисс… канд. ист. наук. 1971. 303 с

517. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956.

518. Флетчер. О государстве русском. СПб., 1906.

519. Hammer de I.Par. Histoire de L'Empire Ottoman. Vol. I–XVIII. Vol. 6. Paris. 1836.

520. Hammer de Y.Par. Histoire de L'Empire, Ottoman. Vol. I–XVIII. Vol. 13. Paris, 1839.

521. Henderson. Biblical researches and travels in Russia; and the passage as tlie Caucasus. London, Hisbet. 1826.

522. Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Характер сословных отношений в горной Ингушетии // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. 2.

523. Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX века // Вестник Лам. №3. 2002.

524. Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – нач. XX вв. Рук. дисс. канд. ист. наук. М., 1973.

525. Хасиев С.-М.А. Из истории развития кустарных промыслов у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

526. Хасиев С.-М.А. О социальном содержании института «тайп» у чеченцев (XIX – нач. XX вв.). // Вопросы экономического и политического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX в.). Грозный, 1986.

527. Хасиев С.-М.А. Орудия труда в полеводстве вайнахов (XIX – начало XX в.) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.

528. Хасиев С.-М.А. Культура полеводства чеченцев и ингушей в XIX – начале XX в. Ч. 1. Нальчик, 2004.

529. Хашаев Х.-М. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. М., 1965.

530. Хожаев Д. Роль тейпа Беной в истории чеченского народа. Грозный, 1993.

531. Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный, 1999.

532. Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве. 1828 // История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы. М., 1959.

533. Цибиров Г.И. Осетия в русской науке. Орджоникидзе, 1981.
534. Чахкиев Д.Ю. Огнестрельное оружие позднесредневековых вайнахов // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989.
535. Чахкиев Ю.Д. О производстве пороха горцами Чечни и Ингушетии в позднем средневековье // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений, 1993. СПб., 1994.
536. Чахкиев Ю.Д. Оружие вайнахов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ghalghay.com›2009/12/23/оружие-вайнахов/.
537. Челеби Эвлия. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Дона. М., 1979.
538. Чеучева А.К. Османская империя и Северо-Западный Кавказ в XVIII столетии // Вестник Адыгейского университета. Серия 1. №1. 2007.
539. Чеченский фольклор. Т. 5. / Сост. И.Б. Мунаев. Грозный, 2007.
540. Чеченско-русский словарь / Сост. З.Х. Хамидова. М., 2014.
541. Чеченцы: история и современность / Сост. Ю. Айдаев. М., 1996.
542. Чечня и чеченцы в материалах XIX в. Элиста, 1990.
543. Чокаев К.З. Вайн мотт – вайн истори. Грозный, 1991.
544. Чулошников А. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по Башкирской АССР. Ч. 1. М.-Л., 1936.
545. Шавхелашвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.
546. Шавхелишвили А.И. Из истории горцев Восточной Грузии (Тушетия XVI – первой половины XIX вв.). Тбилиси, 1983.
547. Шамилев А.И. Пути проникновения ислама к чеченцам и ингушам // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963.
548. Шаова С.Д. История кабардинцев бассейна р. Сунжа в XVI – середины XIX в. и их взаимоотношения с вайнахами. Рук. дисс. канд. ист. наук. Армавир, 2002.
549. Шихалиев Д.-М.М. и его труд «Рассказ кумыка о кумыках» / Сост. И примеч. С.Ш. Гаджиевой. Махачкала, 1993.
550. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XVвв.). Махачкала, 1969.
551. Шишов А.В. Схватка за Кавказ (XVI–XXI вв.). М., 2007.
552. Шмелев А.С. Русско-дагестанско-калмыцкие отношения в XVII в. // Кавказ. Балканы. Передняя Азия. Вып. 2(9). Махачкала, 2004.
553. Шобер Г. Описание Петровских теплиц у г. Терки // Сочинения и переводы, пользе и увеселению служащие. СПб., 1760.
554. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г., Лейпциг, 1787 (на нем. яз.).

555. Шукуров Рустам. Битва и диалог // «Знание – Сила». №4. М., 2008.
556. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. XIII. 25 полутом. СПб., 1894.
557. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Т. XXX-VIII. 76 полутом. СПб., 1903.
558. Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Ростов н/Д., 2005.
559. Этнография и история Кавказа. М., 1961.
560. Юдин П.Л. Россия и Персия в конце 1742 г. по письмам Братищева к канцлеру князю А.М. Черкасскому // Русский архив. Кн. 1. Вып. 1. М., 1899.
561. Юдин П. Лжепророк Ушурма – Ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. Кн. 3. Вып. 10. М., 1910.
562. Юдин П. Первые русские города на Тереке // Терские ведомости. №238. Владикавказ, 1912.
563. Юдин П. Первые поселения гребенцов // Терские ведомости. № 7. Владикавказ, 1913.
564. Юдин П.Л. Очерки Смутного времени на Кавказе // Записки Терского общества казачьей старины (ЗТОЛКС). № 5. Владикавказ, 1914.
565. Юдин П. Калмыки в борьбе с Турцией // Русский архив. М., 1915.
566. Юзефович А.А. Русский посольский обычай XVI в. // Вопросы истории. №6. 1977.
567. Юхт А.И. Русско-восточная торговля в XVII–XVIII вв. и участие в ней индийского купечества // История СССР. №6. М., 1978.
568. Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения. Алма-Ата, 1975.
569. Янчевский М. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов на-Дону, 1930.